ОТ СОЛДАТА ДО ГЕНЕРАЛА

Воспоминания о войне

Том 3

Оргкомитет Академии исторических наук по изданию воспоминаний о войне «От солдата до генерала» в составе:

руководителя оргкомитета Шоля Евгения Ивановича

и членов оргкомитета — Вураки Андрея Федоровича, Дементьева Василия Дмитриевича, Луценко Виктора Николаевича, Кирсанова Виктора Николаевича, Красногорского Василия Ивановича, Пакина Евгения Михайловича, Пархоменко Владимира Ивановича, Шиманкина Владимира Васильевича, Шишкина Николая Константиновича **выражает благодарность за участие в организации подготовки рукописей воспоминаний:**

— преподавателям факультетов военного обучения: Московского авиационного института (государственного технического университета) — полковникам Пустовалову Геннадию Ивановичу, подполковникам Араеву Сергею Ивановичу, Гладилину Николаю Александровичу, Корневу Олегу Ивановичу, Лопаню Александру Викторовичу, Нектарьеву Андрею Степановичу, Почуеву Сергею Анатольевичу; Московского инженерно-физического института — подполковнику Мальцеву Александру Михайловичу; Московского государственного технического университета им. Косыгина — полковнику Лысаку Сергею Владимировичу; Московского государственного горного университета — полковнику Фурматову Андрею Владимировичу; Московского государственного строительного университета — подполковникам Дроботу Юрию Николаевичу, Шевченко Юрию Анатольевичу, Мурзину Андрею Юрьевичу; Московского государственного университета природообустройства — подполковнику Бобыку Владимиру Владимировичу; а также мастеру Профессионального училища №5 г. Москвы — Миловой Ольге Владимировне.

ББК 13.5.1
О 080

О 080 **От солдата до генерала: Воспоминания о войне.** Том 3. —М.: Изд-во МАИ, 2003. — 636 с.: ил.
ISBN 5-7035-1372-3

В настоящем томе публикуются воспоминания советских участников боевых действий Второй мировой войны, подготовленные ими в 2003 году в рамках целевой программы Академии исторических наук.

В томе представлены воспоминания 50 ветеранов войны - кавалеров ордена Красного Знамени — в авторской редакции.

Книга послужит источником для научных исследований историков, для создания новых учебников, литературных произведений, а также может быть полезна интересующимся военной историей.

Многотомник является некоммерческим изданием, и первые 650 экземпляров каждого тома предназначены для распространения по установленному Академией перечню: 50 — ветеранам — авторам статей, 50 — их помощникам-студентам, 50 — преподавателям. По 4 экземпляра бесплатно передаются в каждый регион России (по одному экземпляру в библиотеки музея, университета, ветеранской организации и главы исполнительной власти субъекта Российской Федерации). Кроме этого, предусмотрены бесплатные экземпляры для библиотек президентов стран и зарубежных университетов.

Все тома размещаются на Web-странице Академии исторических наук, доступной пользователям бесплатно по сети Интернет по адресу **www.kontragent.ru/~ain** в любой точке земного шара (в том числе в любой школе, университете, войсковой части) для копирования.

Спонсор издания тома:
Шапошников Юрий Анатольевич, генеральный директор ОАО «Типография МВД»

Мемуары

ОТ СОЛДАТА ДО ГЕНЕРАЛА
Воспоминания о войне
Том 3
Редактор *М.С. Винниченко*
Компьютерная верстка *О.Г. Лавровой*

ИБ № 509

Подписано в печать 26.12.2003 г.
Формат 60x84 1/16. Бумага офсетная. Гарнитура Таймс. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 37,2. Тираж 750 экз. Зак. 2643/1701. С.129.

Издательство МАИ
«МАИ», Волоколамское шоссе, 4, Москва, А-80, ГСП-3 125993
Типография Издательства МАИ
«МАИ», Волоколамское шоссе, 4, Москва, А-80, ГСП-3 125993

ISBN 5-7035-1372-3

Академия исторических наук

ОТ СОЛДАТА ДО ГЕНЕРАЛА

Воспоминания о войне

Том 3

Москва
Издательство МАИ
2003

Посвящается величию
Подвига Солдата
Великой Отечественной войны

Дорогой читатель!

Перед вами книга солдатских мемуаров. Это волнующие, искренние, простые и правдивые рассказы опаленных войной защитников Отечества. С честью и достоинством они прошли через огонь и дым пожарищ величайших сражений, народ назвал их Солдатами Победы.

Никто не забыт! Ничто не забыто!

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие к изданию

Во всемирной истории Вторая мировая война занимает особое место. Главным героем священной войны с фашизмом стал советский солдат. В грозный час смертельной опасности он не дрогнул, не пал духом, не склонил голову перед захватчиками. Не щадя себя в яростных и ожесточенных боях, сражаясь за каждый рубеж и высоту, он остановил врага у стен Москвы, обескровил отборные войска, покорившие Европу, а затем отбросил их на сотни километров, одержав первую историческую победу под Москвой.

Это он окружил и уничтожил крупнейшую группировку врага под Сталинградом, разгромил его хваленые танковые армады на Курской дуге, форсировал Днепр, освободил блокадный Ленинград, все наши земли, а затем и народы Восточной Европы, штурмом взял Берлин, водрузил Красное знамя над Рейхстагом, освободил Прагу и принес народам мира Победу. Она стала возможной в результате великого единения армии и народа, большой организаторской деятельности ВКП(б) и всех государственных органов, подвига солдата и труженика тыла, партизана и подпольщика. Эта слава на века, радость и гордость, слезы и горечь утрат, клятва помнить павших в боях, наука побеждать — урок недругам, зарящимся на чужие земли. Победа — это Знамя, которое объединяет всех людей Земли.

Выдающийся полководец и Маршал Победы Г.К. Жуков высоко оценил роль солдата в этой войне: «Кровью и потом солдата добыта Победа над сильным врагом. Он умел прямо смотреть в глаза смертельной опасности, проявил высшую воинскую доблесть и героизм. Нет границ величию его Подвига». Свой знаменитый труд «Воспоминания и размышления» прославленный маршал посвятил советскому солдату.

Всемирно-историческое значение Великой Победы в послевоенный период описано и доказано арсеналом фундаментальных военных трудов по истории, исследованию и изучению опыта Второй мировой войны.

Вместе с тем в военной мемуарной литературе преобладают воспоминания полководцев и видных военачальников. Даже мемуары командующих армиями стали появляться лишь в последнее десятилетие. Крайне редко издаются солдатские мемуары рядовых, сержантов, старшин, командиров взводов, рот, батальонов и им равных в различных родах войск и служб.

Не бывает армий без солдат, а боя — без бойцов. Именно они составляют основную массу непосредственных участников боевых действий, исполнителей замыслов и решений командиров и начальников. Лицом к лицу встречались они с врагом, смерть ходила рядом, но им выпало жить. Они — носители и первоисточники самой подробной, детальной, объективной и достоверной информации, интеграция и анализ которой позволяли командирам и штабам получить наиболее полную, правдивую и обоснованную оценку хода и результатов боя.

Первыми, кто пытался собрать и издать солдатские мемуары, были известные писатели С.С. Смирнов и К.М. Симонов. Их выступления по телевидению, радио и в печати пользовались большой популярностью, но по ряду объективных причин, таких, как значительная стоимость работ и недостаточный материально-технический уровень издательской базы, эта работа продолжения и развития не получила. Были и причины субъективные, к которым следует отнести недооценку значения солдатских мемуаров.

Память о войне неподвластна времени, интерес к героическому подвигу армии и народа продолжает возрастать. Открываются новые страницы патриотизма, геройства, стойкости, силы духа, верности долгу, мужества, чести и доблести. В них — ключи к решению многих задач, стоящих перед современным обществом.

Народная мудрость гласит: чтобы понять и оценить настоящее и предвидеть будущее, надо знать и помнить прошлое. Память о войне направляет наши мысли на патриотические дела в интересах народа и государства.

В преддверии 60-летия Великой Победы еще более ощутимым стал недостаток в солдатских мемуарах. Стала явной и насущной потребность собрать, сохранить и издать воспоминания всех участников боевых действий.

Редеют ряды ветеранов, и поэтому становится бесценной фронтовая, подлинная и достоверная, простая солдатская правда о войне.

Большой размах и авторитет в стране приобрело ветеранское движение. Ветеранские организации вместе с учебными заведениями стали ведущей силой в решении задачи воспитания у молодого поколения высокого чувства патриотизма, долга и готовности к служению Отечеству.

Достигнутый уровень компьютеризации учебных заведений и современная полиграфическая база способствуют решению задачи издания воспоминаний всех участников войны. Стало возможным с высоким качеством и в короткие сроки издавать серию книг до 50 воспоминаний в каждом томе с фотографиями ветерана и студента. За счет спонсорской помощи предпринимателей и организаций каждый том предполагается издавать минимум в 600 экземпляров, первые 100 из которых передаются ветеранам и студентам, а остальные 500 экземпляров направляются в библиотеки ведущих университетов, музеев, ветеранских организаций и военных комиссариатов всех регионов России, а также в библиотеки ведущих зарубежных университетов мира.

Опыт взаимодействия ветеранской организации 4-й гвардейской танковой армии и факультета военного обучения Московского авиационного института (государственного технического университета) по подготовке воспоминаний ветеранов войны стал использоваться в 2003 году факультетами и кафедр военного обучения еще 8-ми российских высших учебных заведений — Московского авиационно-технологического университета, Московского государственного горного университета, Московского государственного лингвистического университета, Московского государственного строительного университета, Московского государственного технического университета им. Косыгина, Московского государственного университета природоустройства, Московского инженерно-физического института, Московского энергетического института. В результате этой работы подготовлены материалы воспоминаний еще для 5 томов.

С октября 2003 года на кафедре истории Московского авиационного института начата работа по привлечению к этому движению студентов-первокурсников. Добровольная активность студентов превзошла все ожидания, что вселяет уверенность в реальности девиза создания многотомных мемуаров «От солдата до генерала. Воспоминания о войне» — «Никто не забыт, ничто не забыто». Накопленный в МАИ опыт может стать методической основой для использования кафедрами истории других университетов России.

Шоль Евгений Иванович
Президент Академии исторических наук

Пархоменко Владимир Иванович
Председатель Совета ветеранов 4-й гвардейской танковой армии, генерал-майор в отставке

Предисловие к 3-му тому

Исстари в нашей стране уважительно, с любовью относятся к ветеранам, героям войны. В дни всенародных торжеств, когда фронтовики облачаются в военную форму, прикрепляют к костюмам ордена, люди подолгу не отводят от них глаз. Сами же орденоносцы не выпячивают себя, не кричат о своих заслугах, не требуют особого к себе внимания.

Миллионы фронтовиков сражались на полях войны не ради славы, а ради жизни на земле, защиты Отечества, его целостности. Сотни и сотни тысяч из них, проявив невиданный героизм, отвагу, были удостоены высоких наград Отчизны, в том числе наиболее почетной — ордена Красного Знамени. Кажется, нет красивее знака отличия, чем этот орден, представляющий собой произведение искусства.

Учреждение ордена Красного Знамени, награждение им отличившихся бойцов в торжественной обстановке имело огромное воспитательное значение. В памятке, выдаваемой награжденным этим орденом, говорилось:

«Тот, кто носит на своей груди этот высокий пролетарский знак отличия, должен знать, что он из среды равных себе выделен волею трудящихся масс, как достойнейший и наилучший из них».

Народ всегда отмечал тех, кто награждался орденом Красного Знамени, и с любовью называл их «краснознаменцами».

История награжденных орденом Красного Знамени хранит немало имен выдающихся бойцов и командиров. Первым его кавалером стал бывший сормовский рабочий, председатель Челябинского ревкома Блюхер Василий Константинович. В 1918 г., объединив под своим командованием несколько разрозненных красноармейских и партизанских отрядов,он совершил с ними легендарный переход в полторы тысячи верст по Уралу, ведя ожесточенные бои с врагом. За этот подвиг ему был вручен орден «Красное Знамя» № I. Василий Блюхер был трижды награжден им. Кроме Блюхера В.К., четырьмя орденами «Красное Знамя» были отмечены герои гражданской войны Вострецов С.С., Фабрициус Я.Ф., Федько И.Ф.

Среди награжденных этим орденом были выдающиеся полководцы и герои гражданской войны: Фрунзе М.В., Тухачевский М.Н., Буденный С.М., Ворошилов К.Е., Чапаев В.И., Котовский Г.И. и другие.

Великая Отечественная война продемонстрировала всему миру невиданный массовый героизм, высокий моральный дух и стойкость советских людей. За доблесть, мужество, отвагу и умелое руководство

войсками в период Великой Отечественной войны, а также за заслуги в строительстве Вооруженных Сил в мирное время многие советские военачальники неоднократно удостаивались ордена Красного Знамени.

Так, пятью орденами Красного Знамени награждены Маршалы Советского Союза Батицкий П.Ф., Москаленко К.С., Главный маршал авиации Кутахов П.С., генералы армии Белобородов А.П., Жадов А.С., Тюленев И.В., Федюнинский И.И., Хетагуров Г.И., Шкадов И.Н., маршалы авиации Агальцов Ф.А., Ефимов А.Н., Савицкий Е.Я., Скрипко Н.С., Судец В.А. и другие.

Шестью орденами Красного Знамени награждены Маршалы Советского Союза Буденный С.М., Рокоссовский К.К.., генералы армий Гетман А.Л, Павловский И.Г., Радзиевский А..И., Главный маршал авиации Колдунов А.И., маршал авиации Борзов И.И.,маршал войск связи Леонов А.И., генерал-полковники авиации Подгорный И.Д., Шевелев П.Ф. и другие.

Всего на 21 мая 2002 г. насчитывается награжденных орденом Красного Знамени 581333 человек, в том числе 305035 — в годы Великой Отечественной войны.

Орден Красного Знамени СССР образца 1942 г.
(автор — худ. В.В. Денисов)

Орден «Красное Знамя» (с 1932 г. — орден Красного Знамени) — первый орден, учрежденный в СССР (1924 год) — оставался высшим боевым орденом страны почти 20 лет, до тех пор, пока в 1943 году не появился орден «Победа».

Орден Красного Знамени стал первой наградой страны. Он появился в то время, когда прежние традиции наградного дела были утрачены, а новые только создавались, причем нередко путем внесе-

ния дополнений и изменений в правила награждения орденом Красного Знамени. Часть из них прижилась и использовалась при создании других орденов, а некоторые особенности ордена Красного Знамени остались только его атрибутом. Все эти обстоятельства во многом определили его уникальность. Во-первых, это единственный советский орден, кавалер которого носил особое название — «краснознаменец», а воинская часть или организация, получившие его в награду, именовалась «Краснознаменной». Во-вторых, это — единственный советский орден, на лицевой стороне знака которого указывалось число, означавшее, в который раз орден Красного Знамени вручен данному награжденному. В-третьих, только орден Красного Знамени являлся элементом наградного оружия СССР (Почетного революционного оружия СССР, 1924 г.). В-четвертых, это единственный орден, который в период награждения орденом за выслугу лет (1944—1958 гг.) военнослужащий мог получить дважды: за 20 лет и затем за 30 лет безупречной службы. В-пятых, это единственный орден, который даже в официальных документах часто именовался по-разному: «Красное Знамя», «Боевое Красное Знамя», орден Красного Знамени, орден Боевого Красного Знамени. В-шестых, это единственный боевой орден, носимый на левой стороне груди на пятиугольной колодке до появления в 1967 году ордена Октябрьской Революции — рядом с орденом Ленина.

Орден Красного Знамени (до 1932 года — орден «Красное Знамя») ведет свое начало от ордена «Красное Знамя» РСФСР, учрежденного в 1918 году. Последний до 1924 года был вручен 14598 раз, в том числе нескольким частям, соединениям и городам; он же являлся элементом высших наград РСФСР: Почетного революционного оружия и Почетного огнестрельного оружия. Первое из них — шашку с вызолоченным эфесом и знаком ордена — с 1919 по 1922 год вручили 20 военачальникам, второе — маузер со знаком ордена — вручили в 1921 году двум полководцам. В те же годы появились ордена «Красное Знамя» в Закавказье и в некоторых государствах Средней Азии.

После объединения Советских республик в один Союз ССР (декабрь 1922 года) встал вопрос о создании единой боевой награды страны. Такой наградой стал орден «Красное Знамя» СССР, учрежденный Постановлением Центрального Исполнительного Комитета (или ЦИК — так тогда называли парламент) СССР от 1 августа 1924 года.

Знак ордена выполнен из позолоченного серебра, красной и белой эмали. Он представляет собой позолоченный лавровый венок, перевитый внизу двумя позолоченными лентами. На нижнюю часть

венка наложена красная эмалевая лента с надписью золотом «С.С.С.Р.» (точки после букв соответствуют правилам орфографии 1924 года). Верхняя часть венка прикрыта красным эмалевым знаменем с надписью золотом «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!». Древко знамени перекрещено с горящим факелом — символом бессмертия героев; нижние концы древка и факела выступают из-под венка. Поле внутри венка покрыто белой эмалью, на нем размещена перевернутая пятиконечная звезда из красной эмали; два луча звезды прикрыты знаменем. В центре звезды — позолоченный лавровый венок, внутри него на белом поле — серп и молот. Из-под звезды выступают штык винтовки, молот и плуг. На знаках, вручавшихся при повторном награждении, под лентой на венке размещался белый щиток с цифрами, указывавшими, в который раз данный кавалер награжден орденом «Красное Знамя».

Первоначально орден носили на левой стороне груди на банте из красной материи, так же, как и орден «Красное Знамя» РСФСР. В холодное время года ордена снимали с гимнастерки или френча и прикрепляли к шинели. К концу 20-х годов порядок ношения знаков на банте и поверх шинели применялся все реже и реже и при утверждении первого Статута ордена в 1932 году был окончательно отменен.

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 19 июля 1943 года для орденов, имеющих форму круга или овала, вводится порядок ношения подвешенными к пятиугольной колодке, обтянутой муаровой (шелковой) лентой. Тем же Указом установлен цвет ленты — красный с белыми продольными полосами: одна шириной 8 мм посередине ленты и по одной шириной 1 мм по краям ленты.

С этого времени знаки ордена изготавливались с ушками в верхней части знамени; для подвески на знаки, полученные до 1943 года, ушки впоследствии напаивались.

Первые кавалеры ордена «Красное Знамя» СССР появились сразу после учреждения ордена, еще до создания его знака. Ими оказались сотрудники Объединенного государственного политического Управления (ОГПУ), преемника знаменитой ВЧК. Постановлением Президиума ЦИК СССР от 5 сентября 1924 года орденом наградили шестерых чекистов во главе с В. Менжинским. Они получили награду за то, что заманили на территорию СССР и арестовали известного террориста Бориса Савинкова.

В то время орден не имел Статута, поскольку он был единственной боевой наградой, и не было нужды разграничивать заслуги, за

которые можно награждать тем или иным орденом; его первый Статут появился в 1932 году. Но еще 12 декабря 1924 года Президиум ЦИК СССР ввел важное дополнение в наградную систему СССР — постановление «О награждении лиц высшего комсостава РККА и Флота Почетным революционным оружием» учреждало наградное оружие СССР — шашку с орденом «Красное Знамя» СССР на эфесе. Эта высшая награда СССР была вручена в первый и единственный раз только через пять лет, в 1929 году.

В 1925 году состоялось награждение участников перелета по маршруту Москва-Пекин на первых самолетах советской разработки и постройки. Среди кавалеров были начальник перелета известный ученый академик О.Ю. Шмидт, все летчики, в том числе легендарный М.М. Громов, и все авиамеханики.

Затем до конца 30-х годов орден «Красное Знамя» выдавали скупо, ибо он оставался высшим боевым орденом. Кроме того, Постановлением Президиума ЦИК от 26 сентября 1924 года было прекращено представление к награждению орденом «Красное Знамя» СССР за подвиги, совершенные до 1 января 1923 года (т.е. до образования СССР). С этого момента началось награждение орденом лишь за боевые отличия и заслуги, а Советский Союз долгие годы не воевал, по крайней мере, официально, что, конечно, предоставляло мало возможностей для получения наград.

23 февраля 1928 года, в день 10-летия Красной Армии, за заслуги в годы гражданской войны орденом наградили Всесоюзную комсомольскую организацию (ВЛКСМ), Балтийский флот (в то время — Морские силы Балтийского моря), а также несколько сотен ветеранов.

Через год десятки орденов вручили участникам ликвидации вооруженного конфликта с китайскими войсками на Китайско-Восточной железной дороге (КВЖД). Тогда же появился первый и единственный кавалер Почетного революционного оружия СССР: шашку с орденом Красного Знамени СССР на эфесе вручили руководителю этой операции командиру Забайкальской группой войск комкору С.С. Вострецову.

Примечательно, что он был одним из четверых кавалеров четырех орденов «Красное Знамя» РСФСР за заслуги в гражданской войне и кавалером трех Георгиевских крестов за подвиги в годы I мировой войны.

Еще через год Постановлением от 5 мая 1930 года всех кавалеров орденов «Красное Знамя» РСФСР уравняли в правах с кавалерами ордена «Красное Знамя» СССР. Это постановление, в частности, подразумевало введение единой нумерации орденов, полученных одним и тем же человеком как в годы гражданской войны, так и позже.

В 1980 году Указом от 28 марта утвержден Статут ордена Красного Знамени в новой редакции. Во всех редакциях Статута ордена указывалось, что он является наградой за «особую храбрость, самоотверженность и мужество, проявленные при защите социалистического Отечества». Им, согласно Статуту, могли награждаться военнослужащие, сотрудники «органов» и другие граждане СССР, воинские части, военные корабли, соединения и объединения, а также лица, не являющиеся гражданами СССР.

Его вручали участникам войны в Испании, в том числе будущим маршалам Р.Я. Малиновскому, К.А. Мерецкову, Н.И. Воронову, будущим генералам П.И. Батову, А.И. Родимцеву и Я.В. Смушкевичу. Затем были награждения за бои у озера Хасан (1938) и на реке Халхин-Гол (1939), но больше всего краснознаменцев появилось после советско-финляндской войны (1939-1940). Орден получили тысячи бойцов и командиров, а также десятки частей и соединений — больше, чем за все предшествующие годы. Героизм и самоотверженность, проявленные Красной Армией, являются бесспорными — взять такую неприступную оборонительную линию, какой была «линия Маннергейма», да еще в условиях 45-градусных морозов и глубокого снега, не сумела ни одна армия мира — ни прежде, ни после.

В 1941 году началась Великая Отечественная война, открывшая новый период в наградном деле: орденоносцы, бывшие до войны одиночками, стали массовым явлением. Но в первые годы войны награждение орденом Красного Знамени оставалось редкостью: в те тяжкие месяцы было не до наград. Тем не менее, первый кавалер — «краснознаменец» появился уже летом 1941 года; им был летчик старший политрук (что соответствовало званию «капитан») А.А. Артемов. Первым воинским соединением, ставшим Краснознаменным в годы войны, была 99-я стрелковая дивизия, удостоенная столь высокой награды за освобождение от немцев города Перемышля к вечеру 22 июня 1941 года.

В 1943 году, Указом от 19 июня вводился порядок ношения орденов, имеющих форму звезды, на правой стороне груди, а имеющих форму круга или овала — на левой стороне груди, подвешенными к пятиугольной колодке. Таких орденов было всего четыре, а боевым среди них — только орден Красного Знамени. Именно он остался на левой стороне груди, заняв место на орденской колодке рядом с орденом Ленина. К этому времени за 19 лет существования ордена «на

винте» его вручили 18200 раз, при этом 14000 раз — впервые, 3500 раз — вторично (с цифрой «2» на лицевой стороне), около 600 раз — с цифрой «3» и около 100 раз — с цифрой «4».

Когда Красная Армия начала одерживать крупные победы, и количество награждений орденом Красного Знамени увеличилось. Но при этом он оставался «элитной» наградой — его обычно получали командиры соединений, полков, батальонов, а также летчики за сбитые самолеты и успешные бомбежки. Младшие командиры сухопутных войск, а тем более сержанты и солдаты очень редко награждались им.

Но имели место и уникальные награждения. Так, юный партизан из Керчи Володя Дубинин был удостоен ордена Красного Знамени в 13 лет (посмертно). 14-летний матрос Игорь Пахомов имел два ордена Красного Знамени, а киевский школьник Игорь Кравчук за спасение двух полковых знамен Красной Армии получил этот орден в 12 лет. «Краснознаменцами» стали иностранцы — командир авиаполка «Нормандия-Неман» Пьер Пуйяд, летчик того же полка Роллан де ля Пуап и многие другие. Всего за годы войны состоялось 238 тысяч награждений орденом Красного Знамени; почти все — в 1943-45 годах. Среди них — более трех тысяч награждений соединений, частей, подразделений и предприятий, в том числе 55 боевых кораблей (28 надводных кораблей и 27 подводных лодок), а также главная военная газета «Красная Звезда». Краснознаменной стала и 1-я румынская добровольческая пехотная дивизия имени Тудора Владимиреску, с осени 1944 года воевавшая против фашистов плечом к плечу с Красной Армией.

Еще до окончания войны Президиум Верховного Совета СССР Указом от 4 июня 1944 года ввел порядок награждения орденами и медалями военнослужащих Красной Армии за выслугу лет. Указ предусматривал награждение орденом Красного Знамени за 20 лет, и вторично — за 30 лет безупречной службы (за 25 лет службы предусматривалось награждение орденом Ленина). Осенью того же года этот порядок был распространен на военнослужащих Военно-Морского Флота, а также военнослужащих и сотрудников органов внутренних дел и госбезопасности; он действовал почти 14 лет. За это время орден Красного Знамени вручили около 300 тысяч раз за выслугу лет, и лишь нескольким сотням военнослужащих — за боевые отличия. В основном это были летчики 64-го истребительного авиационного корпуса, дравшиеся в небе Кореи в 1950-54 г.г., а также участники испытаний новой техники. Лишь после Указа от 11 февраля 1958 года,

отменившего награждение орденами за выслугу лет, орден Красного Знамени вновь стал чисто боевой наградой. Всего с 1924 по 1991 год орден Красного Знамени выдавался более 580 тысяч раз, причем некоторым кавалерам — 5, 6 и 7 раз. Первым кавалером ордена с цифрой «7» на лицевой стороне в 1967 году стал генерал-майор авиации М.И. Бурцев. Позже одним из более чем десяти кавалеров ордена с цифрой «7» стал прославленный летчик, трижды Герой Советского Союза маршал авиации И.Н. Кожедуб.

В истории страны особое место занимает Московская битва, развеявшая миф о непобедимости немецкой армии. Мы торжественно отметили 60-летие этой битвы — вспомнили этапы боев, имена героев сражений, патриотический порыв москвичей по созданию народного ополчения. История войн не знает такого массового патриотического движения, когда в ряды защитников своего города добровольно вступили 200 тысяч человек. Москвичи создали 16 дивизий народного ополчения. Неувядаемой славой покрыли себя эти соединения на фронтах Отечественной войны и, прежде всего, в боях за столицу. Четыре из них стали гвардейскими. Три дивизии получили по два ордена Красного Знамени, пять — по одному. За беспримерное мужество и отвагу многим защитникам Москвы были вручены ордена Красного Знамени.

Среди награжденных много активистов Московского комитета ветеранов войны. Их насчитывается в составе комитета более 700 человек. Это люди особой закваски, беспримерного подвига, энтузиасты, активные участники военно-патриотического воспитания молодежи. Как тут не вспомнить имена руководителей ветеранских организаций города В.И. Долгих, председателей объединенных Советов И.Н. Анашкина, Н.Д. Дудника, крупных военачальников и общественных деятелей.

При Московском комитете ветеранов войны в 2001 году создан Клуб кавалеров ордена Красного Знамени «Краснознаменец». Первым председателем Клуба был избран дважды краснознаменец Федотов Н.И., а его организатором и почетным членом Президиума Клуба является трижды краснознаменец Михайлов А.М.

Эта книга — обращение к молодому поколению. На ее страницах предстает обобщенный образ солдат войны, спасших человечество от коричневой чумы фашизма во всем мире и отстоявших честь, свободу и независимость своей Родины. Их биографии, жизненный и боевой путь — пример, достойный подражания. Фронтовые годы, связанные

с неимоверными трудностями, риском, опасностями, послевоенные тяготы отразились на их здоровье. Но надо иметь в виду, что именно они в свое время, молодые и красивые, изменили судьбы человечества. И как тут не поклониться им за то, что ныне, в свои теперь уже преклонные годы, не забывают они дорогу в школы, музеи. Помыслы их благородны — передать молодежи жар своих сердец, науку жизни, свои надежды.

Слухай Иван Андреевич,
Председатель Московского комитета ветеранов войны, генерал-майор в отставке.

Андреев Владимир Андреевич

ВСТРЕТИЛА НАС ВЕРЕНИЦА НЕМЕЦКИХ ИСТРЕБИТЕЛЕЙ

Я родился 16 апреля 1919 года в городе Харькове. В 1936 году окончил школу, в 1941 — Военно-Воздушную академию, и совпало так, что 21 июня я сдавал последний экзамен, а 22 июня началась война. И всех разослали кого куда.

Меня послали в 432-й авиационный полк дальнего действия в Казань. Там нас формировали, я получил маленькую должность помощника бортового техника и начал летать, поскольку должность эта была лётная. Образование у меня было инженерное, а места для меня не было, полк уже сформировался. Позже я стал военным техником 2-го ранга и до марта 1942 года был помощником бортового техника. А потом сформировалась авиационная эскадрилья, и я стал её инженером.

На земле наши техники работали в крайне тяжелых условиях. К каждой машине были прикреплены определенные специалисты, от них зависела не только исправность всех агрегатов, но и жизнь экипажей. Их работу называли героической , и это было правдой. Многие специалисты наземной службы были награждены правительственными наградами.

После очередного вылета на бомбежку немецких укрепленных районов под Харьковом наше подразделение потеряло три бомбар-

дировщика, а одному удалось сесть не долетев до базы. Самолет был в аварийном состоянии   были разбиты два двигателя, пробит левый топливный бак и при посадке сломались шасси. В то время каждый самолет был на счету. На место посадки выехала группа техников, имея при себе немудреный инструмент.

За одну только ночь самолет был отремонтирован и даже была удлинена взлетная полоса, так как ТБ-7 нужна была взлетная полоса больше, чем для других самолетов. Бомбардировщик взлетел, взяв на борт техников, и на следующий день опять участвовал в боевых действиях против фашистов. Техники, участвующие в этой операции, были награждены орденами Красной Звезды.

В это время, весной 1942 года, мы стояли в Кратово, под Москвой. В то время ТБ-7 были самыми большими и грузоподъёмными самолётами в мире.

Командиром полка у нас был подполковник Егоров. Поскольку мы были дальняя авиация и нам нужна была очень длинная взлётно-посадочная полоса, этому требованию удовлетворял в военное время только Кратовский аэродром .

В июне был приказ бомбить Кенигсберг. Ночи были короткие , и надо было успеть в темное время суток долететь и вернуться обратно, но не всегда это получалось.

В этот раз рассвет застал нашу группу на подлете к цели, и встретила нас целая вереница немецких истребителей «Мессершмит 109» и «Фокке — Вульф 190» — это самолёты, обладающие большой скоростью и маневренностью, а также мощным вооружением.

Нас выручило то, что мы летели по солнцу и увидели их первые. Командир нашего звена дал команду рассредоточиться и встретить их лобовым огнем.

Наши бомбардировщики ТБ-7 по тому времени были хорошо вооружены. Они несли на себе пушки и пулеметы в передней части самолета, а также турельные установки огня, стреляющие на 360°.

Нас было 6 машин, немцев — 9. Фронтальным огнем мы сразу сбили два истребителя, остальные, опомнившись, сделав горку, зашли нам в хвост. Наша машина летела крайней справа, и наш стрелок , схватив немца в перекрестье прицела, прошил его очередью из авиационной скорострельной пушки так, что он , казалось , на миг остановился и дымным факелом пошел вниз.

Немцы оторопели и на какое-то время замешкались. В это время к нам подошла группа самолетов сопровождения и, разогнав немцев, мы вместе вернулись на свою территорию.

Только весной 1944 года я был назначен инженером 326-го авиационного полка и направлен в Минск, где и воевал до самого конца войны.

Расскажу о нескольких полетах, которые мне запомнились .

Это было весной 1943 года. Мы получили приказ на бомбардировку Берлина. Я по боевому расписанию должен был лететь на бомбардировщике, ведомый командиром полка.

В три часа утра, после сигнальной ракеты мы взлетели. В нашем строю было шесть машин ТБ-7, над линией фронта нас встретили два звена истребителей сопровождения, они базировались у самой линии фронта, но из-за ограниченного времени полета сопровождали только часть пути.

На подлете к Берлину нам повезло, началась сплошная облачность, и мы , уже оставшись без сопровождения, набрав высоту, ушли в облачность. Радиосвязь была запрещена, чтобы не запеленговали, и каждая машина шла самостоятельно по ранее разработанному курсу.

В 150 километрах от фашистской столицы нас обнаружили.

Снизу стали стрелять зенитные установки. Небо было залито разноцветными всплесками взрывов. Нашу машину тряхнуло так, что стрелка-радиста сорвало с турельного кресла, кабину затянуло каким-то очень едким дымом   это был снаряд, в нас попали.

Вот тут и сказалось преимущество силовых установок на дизельном топливе против бензиновых. Пожара не было, наша машина, которая отставала по скоростным характеристикам от самолетов союзников «Ланкастер» и «Летающая крепость», оказалась намного крепче и надежнее, она выдержала удар, мы отбомбились и взяв обратный курс, пошли домой.

На войне без жертв не обходится, и мы потеряли одну машину, которой командовал майор Лебедев. Но случались и чудеса. Экипаж не погиб, летчиков, спустившихся на парашютах, взяли в плен, позже их освободили. После войны с Лебедевым мы встречались на праздниках. В 1981 году он умер.

Наши самолёты были дизельными, единственными в мире, и только поэтому они летали на все крупные военные узлы противника — от Белоруссии и Украины до Берлина, потому что у дизелей расход топлива в 1,5 раза меньше. Это был тяжелый, но надежный двигатель.

Я был летающим инженером, у меня 13 боевых вылетов.

На 13-м вылете в июне 1943 года я был ранен осколком в ногу, лечился в полевом госпитале в течение одного месяца. После госпи-

таля вернулся в войсковое соединение. И больше меня на боевые вылеты не пускали.

Военные боевые действия закончил там же в Минске. Демобилизовался летом 1945 года ввиду желания поступить в конструкторское бюро авиационных дизелей. Переехал из Минска в Москву. Будучи гражданским, поступил в конструкторское бюро ОКБ-500.

Награждён 4-мя боевыми орденами (орден Красного Знамени, два ордена Отечественной войны, орден Красной Звезды), получил много медалей. Написал около 100 научных трудов на темы научной работы в ракетной и ракетно-атомной области. В 1975 году стал доктором технических наук, а в 1979 году — профессором. Веду собственный маленький список воспоминаний, но публиковать не собираюсь, просто для себя.

Апрель 2003 г.

В подготовке настоящих воспоминаний оказал помощь ***Гласов Пётр Александрович***, студент 3-го курса Московского Государственного Строительного Университета

Багнюк Владимир Борисович

ДОРОГА ДЛИНОЮ В ЖИЗНЬ

Я, Багнюк Владимир Борисович, украинец, православный христианин, родился 25 мая 1925 года на Украине, в с. Захаровка Волчанского района Харьковской обл. Отец, Багнюк Борис Андреевич, выходец из крепостных крестьян. Мать, Анна Дмитриевна Багнюк (Ерёмина), уроженка с. Захаровка. В семье нас было пятеро детей, я был вторым ребенком. Член КПСС с 1944 года, в настоящее время — беспартийный.

В 1939 г. закончил с похвальной грамотой 7 классов средней школы в с. Ржевка Шебекинского р-на и поступил в Волчанский педагогический техникум. К весне 1941 года закончил 2-й курс техникума.

Узнал о начале войны 22 июня 1941 года в 6 часов утра от квартирной хозяйки. Начинал участвовать в боевых действиях добровольцем — с 25 мая 1942 года рядовым сборного стрелкового подразделения 28-й армии Юго-Западного фронта, которой в то время командовал генерал-лейтенант Рябышев. 7 ноября 1942 года принял воинскую присягу.

Мой боевой путь: с 25 мая 1942 г. совхоз Первомайский, деревни Белянка, Большетроицкое, Великомихайловка, гор. Новый Оскол, Старый Оскол (май — июнь 1942 г.). Гор. Острогожск, гор. Коротояк, река Дон (июль-август 1942 г.). Приволжский военный округ, гор. Ртищево Саратовской обл., 6-я окружная школа отличных стрелков снайперской подготовки (октябрь 1942г. сентябрь 1943г.).

Станция Инза Ульяновской обл. (ноябрь — декабрь 1943г). Район южнее Старой Руссы (декабрь 1943). Гор. Дно (январь — февраль 1944). Станция Бологое, станция Академическая, совхоз Красный Май, станция Вышний Волочок (март 1944). Гор. Сарны, станции: Рафаловка, Маневичи, Камень — Каширский, Ковель — Крымно, Малорита (апрель — июль 1944). Гор. Брест (июль 1944). Река Западный Буг, Кодень, Бяла Подляска, Седльце, Яблона-Легионово, предместье Варшавы Прага (июль — сентябрь 1944). Гор. Сероцк, Эльвинг, Балтийское море, Восточная Померания, река Висла. Гор. Кульм (сентябрь — декабрь 1944). Гор. Бромберг, Торн (ноябрь — декабрь 1944). Форсирование реки Вислы, гор.: Данциг, Гдыня, Сопот, Олива (февраль — апрель 1945). Гор.: Штгерзин, Виттенберг, река Одер (май 1945).

Военные боевые действия закончил 9 мая 1945 года в гор. Гарть южнее Шверина в составе 1009-го отдельного батальона связи в воинском звании ст. сержант на должности зам. командира отдельного взвода подвижных средств связи. Командир батальона — подполковник Петросян. Командир 114-го стрелкового Брестского корпуса — генерал-лейтенант Рябышев Д.И.

Возвращался с войны через Шнайдемюль, Бромберг, Торн, Гродно, Минск, Москву, Рязань, Ртищево, Балашов Саратовской обл.,

После войны продолжил службу в армии. В мае 1945 года был командиром в городе Шнайдемюль, где формировался эшелон в наши военные училища, и был направлен в Орловское ордена Ленина Краснознаменное танковое училище имени М.В. Фрунзе, которое дислоцировалось в городе Балашове Саратовской обл. Приволжского военного округа.

Награжден:

— медалью «За боевые заслуги» № 1045664. Вручена 1 сентября 1944 года начальником штаба 114-го СБК полковником Ткачевым от имени Президиума ВС СССР. Удостоверение подписал Секретарь Президиума ВС СССР А. Горкин. Награжден за умелые, инициативные и смелые действия, сопряженные с риском для жизни, что способствовало успеху боевых действий на фронте;

медалью «За боевые заслуги». Вручена 9 мая 1952 года командиром 4-й гвардейской танковой Кантемировской дивизии генерал — майором Якубовским И.И. Вручена за 10-летнюю выслугу лет в Советской Армии;

— медалью «За оборону Ленинграда». Вручена начальником Орловского танкового училища в феврале 1946 года генерал — майором Вармашкиным;

— медалью «За освобождение Варшавы». Вручена начальником Орловского танкового училища в сентябре 1947 года генерал-майором Тягловым;

медалью «За Победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941-1945гг.». От имени Президиума ВС СССР медаль вручена 20 апреля 1946 года начальником Орловского танкового училища генерал-майором Вармашкиным;

— орденом Красного Знамени № 487359. Награжден Указом Президиума ВС СССР от 28 апреля 1980 года. Вручил 1-й зам. начальника ПГУ КГБ СССР генерал-лейтенант Кирпиченко В.А. Приказ подписан секретарем Президиума ВС СССР Георгадзе;

— орденом Красного Знамени б/н. Указом президента Демократической Республики Афганистан доктора Наджибуллы. Вручена начальником ВШ КГБ СССР генерал лейтенантом Рагозиным в октябре 1980 года. Награжден за интернациональную помощь Республике Афганистан в деле создания, становления и практической деятельности органов безопасности ХАД в борьбе за независимость ДРА;

орденом Красной Звезды № 3757611. Указом Президиума ВС СССР от 13 декабря 1977 года. Приказ подписан секретарем Президиума ВС СССР Георгадзе;

— орденом Отечественной войны I степени № 527447. Указом Президиума ВС СССР от 11 марта 1985 года. Награжден за храбрость, стойкость и мужество, проявленные в борьбе с немецко-фашистскими захватчиками и в ознаменование 40-летия Победы Советского народа в Великой Отечественной войне 1941 1945 годов.

Освобождал: город-крепость Брест, Кодень, Бяла Подляска, Седльце, Яблона-Легионово, Прага (июль — сентябрь 1944г.).

Участвовал в боях за освобождение Восточной Померании, город Кульм (сентябрь — декабрь 1944 г.).

В войне погиб отец, Багнюк Борис Андреевич (совхоз Красное Шебекинского района Курской области). Погиб в ходе боя при наступлении немцев в начале мая 1942 года. Похоронен в лесу у совхоза Первомайский в числе других солдат, погибших в том же бою.

* * *

Весной 1941года я заканчивал 2-й курс учебы в Волчанском педагогическом техникуме. В воздухе все сильнее пахло тревогой, войной. У нас в городе было два воинских гарнизона: авиационный и

артиллерийский. Военных в городе боготворили. На груди у некоторых военных уже были награды ордена, медали, и мы по-мальчишески завидовали, что еще не доросли до таких наград, до службы в Красной Армии. Все два года учебы у нас в техникуме одной из важных дисциплин было военное дело. Его вел старший лейтенант Ходаровский, командир батареи из местного гарнизона. Он был очень строг, и мы его и уважали, и побаивались. Мы изучали тактику, материальную часть винтовки, ручного и станкового пулеметов, гранаты, строевую подготовку, а девочки еще и санитарную подготовку. Мы практически учились стрелять из этих видов оружия, метать гранату, а девочки — оказывать первую медицинскую помощь раненым.

К июню 1941 года экзамены в техникуме подходили к концу. Воскресный день, все еще спят. И вдруг хозяйка квартиры, где мы с сестрой снимали по одной койке, часов в 6 утра будит нас одним диким воплем: «Детки — война!».

Война — это очень страшно, и страшно не за себя, страшно за родных и близких, за народ, с которым жил, за ту жизнь, которой уже не будет. Война это кровь, это искалеченные человеческие жизни, это миллионы калек, беспризорное детство, слезы матерей и вдов, голод, холод и страшные лишения для всех людей страны. Это гибель, смерть молодых людей. Это мы все почувствовали сразу, в первый же день — 22 июня 1941 года. В 12 часов в городе, у громкоговорителей народ собирался большими группами, слушали речь Молотова о вероломном нападении на нашу страну, о начале войны.

В техникуме сказали, что учеба будет продолжаться и завтра всем быть на занятиях. На другой день, сразу после экзамена, нам объявили: немедленно прибыть в военкомат! Нам поручено доставлять повестки о призыве в армию сразу 15 призывным годам. И все закрутилось. Несколько дней мы разносили повестки по квартирам призывников а это горе и слезы родных.

После окончания экзаменов нам сказали, что на следующий год занятия будут продолжены, и мы разъехались по домам. Осень и зима 1941-42 гг. были гнетущими. Немцы захватывали города, которые были уже недалеко и от нас. Все лето я работал, как и раньше, в совхозе

Осенью 1941 г. занятия в техникуме продолжались всего два месяца. В октябре, придя в техникум, мы увидели, что у входа стоит часовой с винтовкой. Он сказал , что здание техникума заняли военные и занятия больше проводиться не будут. Вышла директор техникума

и объявила, что нам выдадут справки, кто на каком курсе учится, а студенты мобилизованы на сооружение полосы обороны по р. Северский Донец, где стоит наш город. Всю осень 1941г. мы рыли окопы, укрытия и др. сооружения. Только под Новый год нас отпустили по домам. В январе 1942 года, в течение месяца я прошел в соседнем селе Белянка всеобуч, где учили обороняться, наступать, стрелять и т.д. Бывая в Волчанске, мы видели, что в школах, в нашем техникуме организованы госпиталя, где лечили раненых с фронта. Это были первые вестники войны. Война подошла к родному порогу.

И вот в мае 1942 года мы похоронили отца, Бориса Андреевича, который погиб в 5 км от дома. Мужчин его возраста в начале 1942 г. призвали из запаса и здесь же направили на передний край. Погибших хоронили на нашем же кладбище.

Рано утром 25 мая 1942г. на нашем участке фронта немцы перешли в наступление. Шел мелкий дождь. Наша оборона была крайне слаба, и после короткого артиллерийского и минометного обстрела немцы, стреляя на ходу из автоматов, пошли вперед. Наши солдаты не пошли, а побежали, отступая и редко отстреливаясь. Эту картину мы наблюдали со стороны нашего совхоза, местность это позволяла. Немецкие снаряды и мины стали долетать и до нас. Вдруг я заметил, что один солдат бежит к нашему дому, от разрыва снаряда он упал. Я подбежал к нему. Это был солдат, который, в числе других, зимой был на постое у нас. Их периодически, на 2 — 3 дня, выводили с переднего края отогреться и помыться в совхозной бане. Этим солдатом оказался узбек Иштматов (имя я не помню). Он был убит. Хоронить мне его было некогда. После войны мама сказала, что они похоронили его только через несколько дней. А я, взяв его винтовку и подсумок с патронами, пошел воевать! Так, добровольно, я с 25 мая 1942 года пошел защищать Родину. Мне в тот день было всего 17 лет.

С 25 мая до 24 октября 1942 г. — рядовой сборного стрелкового подразделения 28-й армии Юго-Западного фронта. С боями отступали на Великомихайловку, Чернянки, Новый Оскол, Старый Оскол, где в июле 1942 года находился эвакуированный из Курска областной военкомат. Всех прибывших добровольцев, а из нашей местности их оказалось около двух десятков человек, зарегистрировали через военкомат и приписали к тем подразделениям, где мы оказались при отступлении. У некоторых, как и у меня, были винтовки. Кто был без оружия использовался в тыловых подразделениях.

На военных складах в Старом Осколе было много военного имущества, обмундирования, и, учитывая, что немцы вели активные бо-

евые действия в направлении на Воронеж и предполагалась эвакуация всех госучереждений из Старого Оскола, это военное обмундирование выдавали войсковым подразделениям. Выдали и нам новенькое обмундирование. В подразделениях, куда нас приписали, мы были поставлены на все виды довольствия.

Немецкая авиация неоднократно бомбила и обстреливала из пулеметов отступающие колонны наших войск, навешивая ночью осветительные ракеты на парашютах; днями бомбили город. Нашему подразделению, в составе части, было приказано отходить на Острогожск Воронежской области, где подготовиться к обороне и не дать противнику с ходу выйти к Дону. 28-й армией в то время командовал генерал-лейтенант Рябышев.

К концу июля 1942 года немцы в ходе боев, стремясь прорваться к Дону, сбили нашу оборону активной бомбардировкой с воздуха. Ночью нашей части было приказано отойти на город Коротояк, который стоит на правом крутом берегу Дона, и обеспечить пропуск больших гуртов скота, который эвакуировали на восток, и колонны сельхозтехники. К утру 26 июля наше подразделение вышло к Дону вблизи города Коротояк. Город горел от бомбовых ударов немецкой авиации, ни одной переправы через Дон уже не было. Тракторы, которые добрались до Дона, с крутой горы самоходом сбрасывали в реку. На берегу скопилось много гражданских лиц, бежавших от немцев. Командир нашей роты старший лейтенант Иванищев, донецкий шахтер, спокойно, по-отцовски, сказал: «Нам приказано занять оборону по ту сторону Дона (это левый берег), переправляться будем на подручных средствах: кто как сможет»! И каждый стал изобретать способ. Все наше подразделение растянулось по берегу, а немецкие «мессеры» поливали пулеметным огнем все живое, что появлялось на водной глади. Нам с товарищем повезло. Мы в камышах нашли полузатопленный старый челн, вылили из него воду, положили в лодку винтовки, скатки, вещмешки, разделись до подштанников и, в паузах, когда «мессеры» уходили обстреливать подходящих кавалеристов (с нами отступала и кавалерийская дивизия), вошли в воду. Держась за борта по сторонам челна, загребая руками, двинулись на ту сторону. Только наши головы были над водой, но из-за бортов лодки их не было видно. Создавалось впечатление, что по течению плывет разбитая лодка. Так мы добрались до противоположного берега, спрятались под кусты и стали поджидать «счастливчиков», которым удастся добраться до берега. Недалеко от реки было пшеничное поле, колосья уже налились добротным зерном. Отдышавшись, мы заползли

в хлебную ниву и стали «обедать». Выминали из колосьев зерно и горстями подкрепляли свои силы, запивая водой из Дона.

К вечеру наша поредевшая рота приступила к подготовке обороны. Рыли окопы, ходы сообщения, готовились к бою. Но немцы на нашем участке дальше не пошли. Они готовились в наступление на Сталинград, а наша 28-я армия стала самым правым флангом его обороны. Именно к этому времени относится выход приказа Народного Комиссара обороны №227 «Ни шагу назад!» Нам его разъясняли уже в первых числах августа 1942 года. Отступать дальше уже было некуда. Впереди у немцев были Волга и Сталинград, где и наступил великий перелом в войне.

Произошел перелом и в моей судьбе. В конце октября 1942 года отобрали несколько человек из числа грамотных солдат и направили в тыл, в Приволжский военный округ (ПРИВО), город Ртищево Саратовской области, во вновь сформированную 6-ю окружную школу отличных стрелков снайперской подготовки (6 ОШОССП), где я учился и прослужил до конца сентября 1943 года.

Командовал ротой старший лейтенант Тринкин. Там же 7 ноября 1942 года я принял присягу.

В начале июля 1943 года мне присвоили воинское звание младший сержант, назначили командиром отделения. В первой половине октября всю нашу роту направили на станцию Инза Ульяновской области в 53-й учебный стрелковый полк 11-й учебной стрелковой бригады ПРИВО, где формировались маршевые роты для отправки на фронт. Через эту станцию шли эшелоны сибиряков на фронт. В начале ноября 1943 года нас небольшими группами, вместе с сибиряками, эшелонами направили на Западный фронт. Я попал в 212-ю Кричевскую стрелковую дивизию, которая вела бои южнее Старой Руссы, где я в гечение пяти месяцев провоевал до конца марта 1944 года. Командовал стрелковым отделением. Ротой командовал старший лейтенант Слепченко. Здесь я и был представлен первый раз к правительственной награде — медали «За боевые заслуги».

В марте 1944 года нашу дивизию вывели на отдых и пополнение после боев в район Валдай—Бологое, где в то время формировался 114-й стрелковый корпус, в составе которого нас по железной дороге передислоцировали в район города Сарны, где мы вошли в состав 70-й армии. А меня перевели в 1009-й отдельный батальон связи. Корпусом командовал до Ковеля, куда он с боями пробивался, генерал Красильников. У Ковеля комкор был тяжело ранен, и его сменил генерал-лейтенант Рябышев, который еще в 1942 году командовал 28-й

армией, где я и начинал воевать. Командир роты у меня был капитан Емец. С боями от Сарн Ковель Брест мы шли с большими трудностями. Болота и украинские националисты попортили нам немало крови.

Апрель 1944 г. Бой за город Камень-Каширский был особенно жестоким. В этом городке, еще в 1941 году, немцы окружили часть наших войск, которые оставались для прикрытия отходящих частей и подразделений, а среди местного населения в окружении у немцев оказалось около 1,5 тысяч евреев. Немецкое командование отдало распоряжение: из окруженцев пленных не брать — всех уничтожить. Местные жители (когда мы с боями взяли этот город) нам рассказывали, что всех убитых им было приказано стащить в одну огромную могилу и насыпать курган, чтобы все помнили, что так будет всегда в тех местах, где им будет оказано сопротивление. Когда убитых стаскивали в эту общую могилу, немцы строго за этим наблюдали. Среди окруженцев было много раненых, но немцы приказали валить их в могилу в общую кучу и засыпать землей. Получился огромный курган, земля на котором еще шевелилась несколько часов. К могиле подходить было запрещено. После взятия Камень-Каширского все наши подразделения проходили мимо этого кургана, отдавая дань памяти и уважения и воинам, и гражданским лицам, погибшим и зверски замученным в 1941 году немецкими оккупантами.

В последних числах июля мы завязали бой за город Брест. В штурме принимал участие наш 114-й стрелковый корпус 70-й армии. За активную боевую деятельность, настойчивость и храбрость личного состава корпуса при штурме города корпусу было присвоено наименование Брестский. Наш батальон успешно обеспечивал связью штаб и командование корпуса с войсками, штурмовавшими мощные укрепления противника, обеспечивал управление ими в ходе штурма. За устойчивое обеспечение связью передового командного пункта штаба корпуса ряд связистов был представлен к награждению орденами и медалями. Мое отделение в очень сложных условиях при форсировании реки Мухавец в решающий момент обеспечило надежную связь ПКП корпуса со 160-й стрелковой дивизией, что способствовало успеху штурма главных сил корпуса.

Затем форсировали реку Западный Буг и вышли на польскую территорию. Первым городом, который освобождала наша рота в Польше, было местечко Кодень. Наш корпус в составе 70-й армии с боями шел на Варшаву, освободили предместье Варшавы — Прагу и

Яблона-Легионово, где мне довелось увидеть командующего 2-го Белорусского фронта маршала Советского Союза К.К. Рокоссовского. Мы готовили ему передовой командный пункт и охраняли его. В ходе последующих боев наша армия в составе фронта повернула на север, к Балтийскому морю с задачей отсечь Восточную Пруссию от Померании, и в марте 1945 года мы вышли к Балтийскому морю. Освободили портовые города Гдыню и Данциг. Наша 160-я стрелковая дивизия освобождала Сопот, Оливу, где я впервые увидел море и попробовал горьковато-соленый вкус морской воды.

Восточная Пруссия была напрочь отрезана от главных сил Германии, а Восточная Померания была полностью очищена от вражеских войск. Это был конец марта 1945 года.

После небольшого отдыха в середине апреля войска корпуса (в корпус в разное время входило 3-4 стрелковые дивизии) в составе армии, после перегруппировки, стали наступать в направлении нижнего течения Одера. Было ясно, что готовится наступление на Берлин, война идет к концу. После небольшого перерыва между боями, ещё когда штаб нашего 114-го стрелкового Брестского корпуса стоял в Оливе, меня перевели на новое место службы - заместителем командира отдельного взвода подвижных средств связи в этом же 1009-м отдельном батальоне, который обеспечивал штаб 114-го стрелкового корпуса связью с входящими в корпус дивизиями — взвод доставлял приказы в подчиненные соединения. В батальон поступили американские мотоциклы «Харлей». Я умел водить мотоцикл, неплохо разбирался в топографических картах (а это было уже в Германии), и это была очень ответственная задача, мне присвоили воинское звание старший сержант. Наш взвод — часть на мотоциклах, часть на «виллисах», а часть верхом на лошадях — обеспечивал штаб корпуса с дивизиями. Батальоном командовал майор Петросян. В этом батальоне я и закончил войну.

В середине января 1945 года в районе города Торн наши войска 70-й армии окружили крупную группировку немцев. Началось активное наступление всех наших войск. Форсировали реку Висла и на ее левом берегу захватили плацдарм. В это время штаб корпуса и наш 1009-й батальон связи еще находился в городе Кульме. Немцы, частью сил, вырвались из окружения у города Торн и пошли по нашим тылам. Количеством около батальона немцы вышли к городу Кульм, порвали все линии проводной кабельной связи, и штаб корпуса лишился устойчивой связи с войсками за Вислой на плацдарме. Все силы

штаба, комендантской роты и остатков нашего батальона связи были брошены на уничтожение этой группы немцев. Командир нашего взвода куда-то исчез, и мне пришлось в ходе боя взять на себя командование взводом. Командир взвода старший лейтенант Пушкин был после осужден военным трибуналом за самовольное оставление поля боя. К утру прорвавшаяся группа немцев была уничтожена, прорваться через Вислу им не дали. А наш взвод, выполнив боевую задачу, в течение нескольких трудных часов восстановил проводную кабельную связь штаба корпуса с войсками на плацдарме, что способствовало наступлению наших войск.

Наш корпус в очень трудных условиях форсировал Одер и, в районе Шверина, встретился с английскими войсками. 2 мая 1945 года, когда мне исполнилось 20 лет без 23 дней, мое пребывание на фронте и участие в войне закончилось. Еще в апреле месяце мне было предложено после войны остаться служить в армии и продолжить службу в танковом училище, на что я дал свое согласие (если, конечно, останусь жив). В той войне мне повезло. Я остался жив, и уже 6 мая 1945 года нас, семь человек из 70-й армии, отправили в город Шнайдемюль, где формировался эшелон в военные училища в СССР. Один вагон — в Орловское ордена Ленина Краснознаменное танковое училище имени М.В. Фрунзе, которое дислоцировалось в городе Балашове Саратовской области ПРИВО.

Наступил новый этап в моей жизни. С 15 мая, за 10 дней до своего 20-летия, я стал курсантом этого прославленного училища. В начале июня 1945 года мне, уже в училище, присвоили воинское звание старшина и назначили старшиной 3-й роты. Командиром роты был капитан Калюка, затем — майор Плохих. Это была прекрасная школа подготовки офицеров-танкистов. Здесь была осуществлена моя мечта. Еще в 1940 году, учась в техникуме, я впервые увидел танки, которые шли с учений через наш город в город Чугуев, и я поставил перед собой цель — стать танкистом, к которой и пришел через 5 лет!

В Орловское танковое училище, в город Балашов, я приехал в конце войны. В 1947 году все училище было передислоцировано в город Ульяновск, где я его и закончил в октябре 1948 года по первому разряду. Я имел право выбирать место службы по выпуску из училища и выбрал прославленную гвардейскую ордена Ленина Краснознаменную Кантемировскую танковую дивизию (Московская область, город Нарофоминск), где и начал офицерскую службу в декабре (после отпуска) 1948 года. Кончилась война, закончилась учеба в военном училище, началась офицерская служба:

декабрь 1948—октябрь 1950 — командир танкового взвода 43-го гвардейского тяжелотанкового самоходного полка 4-й гвардейской танковой дивизии (43-го гв. ТТСП 4-й гв. ТД);

октябрь 1950—ноябрь 1953 — командир танковой роты (там же);

ноябрь 1953—декабрь 1954 — командир тяжелотанковой роты ИС-3 (там же);

декабрь 1954—август 1955 — начальник штаба танкового батальона (там же);

сентябрь 1955—октябрь 1958 — слушатель Бронетанковой (БТ) академии имени И.В. Сталина, Москва.

Так, с 25 мая 1942 года до 21 ноября 1958 года, т. е. 16,5 лет, я честно служил Отечеству в Красной Армии и Вооруженных Силах Советского Союза, в том числе с 25 мая 1942 года по 9 мая 1945 года непосредственно участвовал в боевых операциях Великой Отечественной войны. Защищать Родину пошел в самые трудные годы отступления наших войск добровольно!

В годы службы в 4-й гвардейской танковой Кантемировской дивизии, а затем в период учебы в Академии Бронетанковых войск я принимал участие в 12 парадах на Красной площади в Москве. В восьми парадах (1949—1952) по два парада в год — в мае и ноябре — на танках, командуя боевыми подразделениями, а четыре парада — в пешем порядке, будучи слушателем Академии (1956—1957). За участие и отличное проведение парада на боевых машинах нам объявлял благодарность в письменном виде сам И.В. Сталин.

С ноября 1958 года, окончив Командный факультет академии Бронетанковых войск с золотой медалью, я имел возможность надеяться на хорошую перспективу по службе в Вооруженных силах страны, но, в силу сложившихся обстоятельств и будучи приученным к дисциплине, я пошел на не знакомый мне участок работы, но нужный Отечеству — в военную контрразведку. Это служба тоже в Вооруженных силах страны и тоже в танковых войсках, но специфика, роль и обязанности по службе другие — обеспечение безопасности войск от разведывательно-подрывной деятельности специальных служб противника (а противников у нас всегда хватало), прежде всего от шпионажа, террора, диверсий, вредительства, от измены Родине и других особо опасных видов государственных преступлений.

С 21 ноября 1958 года по 17 ноября 1987 года, 29 лет, я последовательно прошел все должности — от заместителя начальника Особого отдела танковой дивизии до начальника Особого отдела воен-

ного округа. Руководил отделами Уральского, затем Забайкальского военных округов, в течение двух лет выполнял интернациональный долг в Афганистане (а это тоже война), дослужился до воинского звания генерал-майор. Награжден 5 боевыми наградами и многими медалями, имею высшую профессиональную награду «Почетный сотрудник госбезопасности».

У нас с женой Полиной Васильевной, с которой мы прожили 52 года, два сына, оба военные, пять внуков, двое из них — офицеры-пограничники. Так что прожили жизнь не зря, вырастили себе смену. За многие годы службы мы 15 раз меняли места проживания в связи с переездом по службе. У нас много друзей, что помогает жить; встречи с ними прибавляют силы.

Есть и всегда будет такая профессия — защищать Родину. Я всю жизнь шел этой дорогой. Дорога была тернистой, ухабистой, трудной, но интересной. Я прожил счастливую жизнь, прожил честно. Мне не стыдно смотреть людям в глаза. Я старался подать добрый пример своим сыновья и внукам, всем тем, с кем сводила меня судьба. Понятие о порядочности для офицера выраженное словами «Честь имею!», я старался доказать делом.

Декабрь 2002 г.

В подготовке настоящих воспоминаний оказал помощь ***Королев Павел Владимирович***, студент 3-го курса Московского авиационного института

Белов Михаил Ипатович

ПРЕОДОЛЕВАЯ «ВОСТОЧНЫЙ ВАЛ»

Родился 7 ноября 1924 года в крестьянской семье, деревня Алексеевка Мишкинского района Башкирской АССР. Русский. Воспитан на идеалах православия. С 1939 г. член ВЛКСМ, с 1944 г. член ВКП/б/ — КПСС.

До Великой Отечественной войны в 1938 году окончил неполную среднюю школу — семилетку, 6 классов в деревне Тынбаево, 7-й класс в деревне Казанцево. С сентября 1939 года по февраль 1942 года учился в педагогическом училище города Бирска Башкирской АССР. В летние каникулы вместе со сверстниками и взрослыми трудился на колхозных полях. Вечером 22 июня 1941 г. в Алексеевке на уличной молодежной гулянке узнали от возвращающегося из Бирска колхозника о нападении фашистской Германии. Никто из нас не сомневался, что немцы получат должный отпор. В деревушке радио еще не было. Официальное сообщение из Тынбаевского сельсовета о войне пришло утром следующего дня. На колхозном собрании было объявлено, что предстоит мобилизация и война, по-видимому, предстоит жестокая.

С осени 1941 года продолжил учебу на 3-м курсе педучилища. Вместе со сверстниками стал добиваться отправки на фронт. Наше стремление не было только юношеским порывом. Оно шло от сердца, от ощущения долга перед рабоче-крестьянским государством, строившим новую жизнь, основанную на социальной справедливости. Ведь

мы были воспитаны на идеях Октября 1917 года, на героике Гражданской войны, сражений с японцами на Хасане, Халхин-Голе, боев за Республиканскую Испанию и с белофиннами. Нас вдохновляли патриотические персонажи произведений Н. Островского, М. Горького, А. Фадеева, А. Толстого, Ф. Гладкого, А. Гайдара и ряда других писателей того героического и романтического времени — подлинных «инженеров человеческих душ», ставивших целью формирование человека социалистической формации.

Мы, сыны крестьянские, впервые в истории страны, получившие широкий доступ к образованию и культуре, интуитивно чувствовали и во многом сознавали, что рождены, дабы защитить страну от агрессора, вывести ее к новым, небывалым высотам, построить в ней общество социальной справедливости и благоденствия человека труда. Порыв наших юных сердец не остался без отклика. После нескольких заявлений в военкомат вместе с большинством ребят-третьекурсников в феврале 1942 г. получил направление во вновь развертываемое Военно-пехотное училище в городе Гурьеве Казахской ССР. Учился в пулеметном батальоне.

Более полутора тысяч ребят разных национальностей — русских и башкир, татар и марийцев, чувашей и украинцев, белорусов и удмуртов — стали курсантами первого набора ГВПУ.

Ускоренный десятимесячный курс обучения был исключительно напряженным. Занятия шли от темна до темна. Первая половина дня, как правило, посвящалась огневой подготовке, тактике и топографии. Затем следовали строевые занятия, уроки физкультуры и рукопашного боя, изучение матчасти, уход за табельным оружием.

Крепкий ночной сон прерывался ранней побудкой. Прихватив туалетные принадлежности, строем бежали на берег Урала, умывались, делали зарядку, бегом возвращались в казарму — бывшую школу-десятилетку. Река разделяла город, а в нем и курсантские батальоны на «азиатские» и «европейские» — по тому берегу, на котором размещались. Наш пулеметный батальон дислоцировался в Азии. В баню, за неимением ее на своем «континенте», ходили по мосту в Европу.

Экзотическая дислокация да юношеский оптимизм сглаживали житейские трудности. Весьма скудное питание подогревало желание побыстрее оказаться на фронте, где, как представлялось, уж поесть-то будет вволю. И большинство довольно скоро там оказалось... Вот как вспоминал о событиях того времени отправленный тогда на фронт мой однокашник В.А. Кащеев в письме из Перми после одной из телепередач Клуба фронтовых друзей от 30 июля 1983 г. Привожу некоторые выдержки в авторском изложении.

«Когда он (диктор Балашов) задал вопрос, как ваша началась военная жизнь и вы вдруг ответили — закончил Гурьевское пехотное училище — у меня дрогнуло сердце, так как нас в это училище набирали только из Башкирской АССР. И я представил себе, — пишет Владимир Александрович, — как мы приехали в феврале 1943 года, как мы делали с сахаром и яйцом гоголь-моголь, кормежка была плохая, одеты в обмотки... успевали только в строю застегивать пуговицы, помнишь ли ты нашего старшину Закирова, рыжий, всегда улыбался, когда нас наказывал. Я его спас под Сталинградским направлением.

...Помнишь, — пишет далее Владимир Александрович, — как все училище было поднято по тревоге в мае 1942 года, кого зачитывали, тот выходил два шага вперед, нас забрали больше половины училища, в тот день досыта накормили рыбой и... отправили под Москву на формирование, а уже в июне нас бросили сперва на Воронежский фронт, а потом под Сталинград. Может, помнишь Юру Пузырева, Ваню Таранова — был самый худой и высокий, его на моих глазах убило, так как наша танкоистребительная пушка 45-мм попала под кинжальный огонь...

...Зной, пески, пустыня, после занятий на спине соль на гимнастерках вырисовывалась, — вспоминает он далее, — помнишь, как гоняли нас по-гусиному, когда отказывались петь, как учили ходить парадным шагом... Нам было по восемнадцать...»

Да, в памятном мае 1942 г. из ГВПУ было отправлено на фронт почти две трети курсантов из тех, кто родился до второй половины 1924 г. Как пишет Владимир Кащеев, их накормили плотнее обычного. Каждому дали по большой буханке пушистого (пеклеванного) белого хлеба — роскошь, непривычная в тылу для тех дней. Проводил я и своего близкого друга из соседней с моей родной с Алексеевкой деревушки Константиновки Леонида Ляпустина, которому, как Ване Таранову и многим другим, пришлось заплатить жизнью за ослабление яростного натиска вермахта на Сталинград.

Оставленные в училище курсанты были в обиде, что не оказались в списках отправленных на фронт. Просились, настаивали. Нас терпеливо выслушивали и... с еще большим усердием нагружали учебой. Снова стремительные марш-броски, усложненные стрельбы из пулеметов и винтовок, рытье окопов, строевая и физическая подготовка, дневные и ночные хождения по азимуту. Снова пропитанная потом

гимнастерка, протертые до дыр брюки, постоянное желание поесть бы до отвала...

Напряженность в учебе нарастала день ото дня. Огневая подготовка и тактика, занятия по рукопашному бою — до оцепенения мышц. Все это воспринималось как должное. Особенно после оглашения приказа № 227, раскрывавшего драматичность ситуации на фронте. С нетерпением ждем, когда встанем на пути зарвавшегося врага: уверены — уж мы-то не подкачаем!..

И вот на исходе декабря 1942 г., в новенькой командирской форме с самодельными рубиновыми кубиками на малиновых петлицах, с загорелыми и счастливыми лицами, первые выпускники ГВПУ слушали в строю долгожданное обращение начальника училища полковника В.П. Старостина:

— Дорогие товарищи! От имени Родины, Партии и Правительства поздравляю вас с окончанием училища, с присвоением лейтенантских званий.

Наше «ур-ра!» звучит звонко и радостно.

— Уже завтра, — продолжает полковник, — все вы направляетесь в академию!!!

— ?!

— Да, да, не удивляйтесь. Ибо фронт — это высшая, самая лучшая академия! Нигде и никогда не забывайте, что вы «гурьевцы», первые питомцы нашего училища, дорожите этим, создавайте и умножайте боевые традиции своего училища. Дорожите званием командиров Красной Армии!..

В городе Красноармейске под Сталинградом получил назначение в 28-ю армию, которая в составе Южного фронта (переименованный 1 января 1943 г. в Сталинградский) развивала наступление на Ростов. Прибыв в 34-ю гвардейскую стрелковую дивизию этой армии, в составе офицерского резерва участвовал в штурме населенного пункта Самбек на одноименной реке перед рекой Миус. С 15 февраля 1943 г. стал командиром взвода станковых пулеметов “”максим” в 107-м гвардейском стрелковом полку (гв. СП), командир-подполковник Овчинников А.И., 34-й гвардейской стрелковой дивизии (гв. СД), командир-подполковник Вельможин А.С.

Весь дальнейший мой боевой путь проходил в составе указанных полка и дивизии, последовательно входивших в 28-ю, 5-ю ударную, 46-ю и 4-ю гвардейскую армии Южного, 4-го, 3-го и 2-го Украинских фронтов, через реку Миус в районе сел Мариновка, Дмитриевка и

Степановка (июль 1943), районные центры Гуляй — Поле (август 1943), Верхний Рогачик (октябрь 19430, через Днепр в районе Днепропетровска (январь 1944), села Терноватку, Еленовку и Михайловку (февраль 1944), через города Апостолово, Кривой Рог, Казанка, Новый Буг, через реку Южный Буг в районе села Варушино (март 1944), реку Днестр в районе села Глиное (апрель 1944), станцию Арциз и город Болград в Молдавии (август 1944), через реки Прут и Сирет, города Галац и Браилов, Бухарест и Кэлэраши в Румынии (август 1944), через реку Дунай, города Силистра, Исперих и Рущук в Болгарии (сентябрь 1944), снова через Дунай и города Джурджу, Крайова, Турну-Северин в Румынии (сентябрь 1944), города Петровград (ныне Зреняние) и Новый Бечей в Югославии (октябрь 1944), через города Старый Бечей на реке Тисса, Тырбобран, Самбор, Кишкунхалаш к югу от Будапешта в Венгрии (октябрь 1944), снова через реку Дунай и город Дунафельдвар, укрепленный рубеж “”линия Маргарита” между озерами Балатон и Веленце, через города Пакозд, Фельше-Галла и Альше-Галла к западу от Будапешта в Венгрии (декабрь-январь 1945). В мае 1945 г. побывал в составе 107-го гв. СП в Вене и других городах Австрии.

Освобождал:

Ростовскую область западнее реки Миус в Миусской операции (17.7.-2.8.1943) в составе Южного фронта под командованием генерал-полковника Толбухина Ф.И., в 34-й гв. СД полковника Брайляна Ф.В., 107-м гв. СП подполковника Овчинникова А.И.;

— районный центр Гуляй — Поле на исходе Донбасской операции (13.8.-22.9.1943) в составе тех же фронта, дивизии и полка, под тем же командованием;

— районный центр Верхний Рогачик в Мелитопольской операции (26.9.-5.11.1943) в составе Южного, переименованного 20.10.1943 г. в 4-й Украинский, фронта под командованием генерала армии Толбухина Ф.И. в 34-й гв. СД полковника Брайляна Ф.В., 107-м гв. СП подполковника Бальва И.П.;

— города Апостолово, Кривой Рог, Казанка, Новый Буг в Никопольско-Криворожской операции (30.1.-29.2.1944) 3-го Украинского фронта под командованием генерала армии Малиновского Р.Я. в 34-й гв. СД генерал-майора Брайляна Ф.В., 107 гв. СП майора Щербака Н.П.;

— город Новая Одесса в Березниговато-Снигиревской операции (6-18.3.1944) в составе 3-го Украинского фронта в 34 гв. СД, 107 гв. СП под командованием тех же военачальников;

— города Болград, Кагул, Галац, Браилов, Бухарест и Кэлэраши в ходе Ясско-Кишиневской операции (20.8.-29.8.1944) и ее развития в составе 3-го Украинского фронта под командованием генерала армии Толбухина Ф.И. в 34-й гв. СД полковника Максимовича И.А., 107-го гв. СП подполковника Щербака Н.П.;

— города Силистра, Исперих и Рущук в Болгарской операции (8.9.-12.9.1944) в составе 3-го Украинского фронта под командованием Маршала Советского Союза Толбухина Ф.И., в 34-й гв. СД полковника Максимовича И.А., 107-го гв. СП полковника Осадчего Н.П.;

— города Петровград, Новый Бечей на территории Югославии в Дебреценской операции (6-28.9.1944) в составе 2-го Украинского фронта под командованием Маршала Советского Союза Малиновского Р.Я. и Толбухина Ф.И. в 34-й гв. СД полковника Максимовича И.А., 107-го гв. СП полковника Осадчего Н.П.,

— города Бечей, Калоча, Шольт, Дунафельдвар, Пакозд, Фельше-Галла и Альше-Галла на территории Венгрии в Будапештской операции (29.10.1944-13.2.1945) 2-го и 3-го Украинских фронтов по командованием Маршалов Советского Союза Малиновского Р.Я. и Толбухина Ф.И. в 34-й гв. СД полковника Кукса Г.С., 107-м гв. СП подполковника Мусаэляна А.Г.

Боевые действия закончил 20.1.1945 г. по ранению в районе города Альше-Галла к западу от Будапешта в должности заместителя начальника штаба 107-го гв. СП по оперативной работе (ПНШ-1) в звании старшего лейтенанта. Полком командовал в это время подполковник Мусаэлян А.Г.

В боях четырежды ранен:

— 27.7.1943 г. легко ранен осколками вражеской гранаты в правое плечо. Лечился в эвакогоспитале №1336 Южного фронта до третьей декады августа 1943 г. Вернулся в 107-й гв. СП;

— 10.10.1943 г. легко ранен осколком снаряда в левый висок. Лечился в 39-м отдельном медсанбате дивизии до ноября 1943 г. Вернулся в 107-й гв. СП;

— 19.4.1944 г. легкое пулевое ранение в левое бедро. Лечился в 39-м отдельном медсанбате дивизии до апреля 1944 г. Вернулся в 107-й гв. СП;

20.1.1945 г. легкое пулевое ранение в левое бедро. Лечился в эвакогоспитале №5550 до 7.5.1945 г. Вернулся в 107-й гв. СП. В связи с расформированием дивизии направлен в резерв офицерского состава Южной Группы войск (ЮГВ) в Румынии.

После войны с сентября 1945 г. по июнь 1946 г. учился на курсах усовершенствования офицеров пехоты ЮГВ в румынском городе Яссы. В июне 1946 г. впервые побывал в отпуске в родной деревушке Алексеевке Мишкинского района Башкирской АССР. Затем продолжил службу в механизированных и воздушно-десантных войсках, в военных академиях Вооруженных сил СССР до ноября 1988 г. Участвовал в ликвидации инспирированного западными спецслужбами мятежа в Венгерской Народной Республике осенью 1956 года. Закончил Военную академию им. М.В. Фрунзе, аспирантуру и докторантуру этой академии. В ноябре 1979 г. на должности начальника кафедры Оперативно-тактической подготовки Военно-политической академии им. В.И. Ленина получил воинское звание генерал-майора. С мая 1984 г. по март 1988 г. находился в спецкомандировке на должности советника начальника Высшей военной академии Вооруженных Сил Сирийской Арабской Республики. После увольнения из рядов вооруженных сил по выслуге лет с 1990 г. работал старшим научным сотрудником Центрального музея Великой Отечественной войны 1941-1945 гг.

Награжден:

орденом Отечественной войны 1 степени №28855, приказ по 46-й армии №022/Н от 03.03. 1944 г. Подписан командармом генерал-лейтенантом Глаголевым В.В.; им же вручен при моем излечении в 39-м отдельном медсанбате. Награжден, как отмечено в представлении, подписанном 12.02.1944 г. командиром 107-го гв. СП майором Щербаком Н.П., за то, что при прорыве обороны противника 31.01.1944 г. в районе Терноватки Днепропетровской области вместе с подразделениями батальона ворвался в расположение обороны противника и далее, увлекая за собой бойцов в глубину обороны, обеспечил успех всего батальона. Во время освобождения села Михайловка Апостоловского района Днепропетровской области одним из первых форсировал реку Каменка, увлекая за собой подразделения батальона, и первым ворвался в населенный пункт. 5 февраля 1944 года при освобождении станции Апостолово также проявил исключительное мужество и героизм, несмотря на сильную контратаку танкового десанта противника, сумел организовать оборону, вследствие чего атака была отбита и батальон достиг указанного командованием района, не понеся больших потерь.

Достоин награждения орденом Александра Невского. (ЦАМО, ф. 401, оп. 9543, д. 129, л. 86);

— орденом Красной Звезды №1376593, приказ по 4-й гвардейской армии №43/Н от 23.02. 1945 г. Подписан командармом генералом

армии Захаровым Г.Ф., вручен в мае 1945 г. начальником штаба 107-го гв. СП майором Комаровым С.И. в районе Фрейштадта под Веной. Согласно наградному листу, подписанному 09.01.1945 г. командиром 107-го гв. СП подполковником Мусаэляном Б.А., гвардии старший лейтенант Белов в ночь с 1 на 2 января 1945 года в боях у села Альше-Галла (Венгрия), когда противник силою до 2-х рот пехоты и 8 танков атаковал 1-й стрелковый батальон и оттеснил 1-ю и 2-ю роты, был послан мной в батальон с десятью автоматчиками для восстановления положения. По пути в батальон они подверглись обстрелу противника, и проход к батальону был невозможен.

Оставив автоматчиков, гвардии старший лейтенант Белов пробрался до рот, собрал их под огнем танков противника и повел в контратаку, восстановил положение. Руководя контратакой, старший лейтенант Белов уничтожил до сорока солдат противника и двадцать солдат пленил.

За мужество и отвагу старший лейтенант Белов достоин награждения орденом Красного Знамени (ЦАМО, ф. 336, оп. 390306, д. 1049, л. 32);

— орденом Красного Знамени № 521650, Указ Президиума Верховного Совета СССР от 18.12.1956 г. Подписан председателем ПВС Ворошиловым К.Е. Награжден за быструю ликвидацию в Будапеште в ноябре 1956 г. очагов вооруженного мятежа, инспирированного спецслужбами США и других стран НАТО. Вручен орден начальником штаба 31-й гвардейской воздушно-десантной дивизии полковником Синеоким И.И. в г. Новоград-Волынский.

Кроме того, награжден: вторым орденом Отечественной войны 1 степени; орденом за службу Родине 3 степени; медалями: «За боевые заслуги», «За взятие Будапешта»; «За Победу над Германией», «За укрепление боевого содружества»; «За безупречную службу» I и II степеней; «За воинскую доблесть»; «100-летие со дня рождения Ленина»; «20лет, 30 лет, 40 лет, 50 лет Победы в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.»; «20лет, 30 лет, 40 лет, 50 лет, 60 лет, 70 лет Вооруженных Сил СССР»; орденами Сирийской Арабской Республики «За храбрость»; двумя «За боевую подготовку 1 степени» и семью медалями других иностранных государств.

В нашей семье Беловых, Ипата Ильича и Марии Петровны, выросло девять сыновей и дочь. Маме моей было присвоено звание «Мать — героиня». Третий из сыновей — Белов Емельян Ипатович — погиб во время репрессий в 1937 году. Воевали семеро братьев. Трое погибли в боях:

— Белов Федор Ипатович, лейтенант, воевал с августа 1941 года под Одессой, Севастополем, Сталинградом. Будучи начальником штаба партизанского отряда им. Чапаева, погиб в бою с карателями 08.08.1943 года под селом Васильевка Новомосковского района Днепропетровской области. Похоронен в братской могиле в селе Васильевка. Награжден орденом Красной Звезды, медалью «Партизан Отечественной войны» 1ст.;

— Белов Семен Ипатович, сержант, помощник командира взвода. Участвовал в 1941 году в походе в Иран, в декабрьском десанте из Новороссийска в Феодосию, в освобождении Керченского полуострова. Пропал без вести в мае 1942 года в боях на Керченском полуострове;

— Белов Михаил (старший) Ипатович, лейтенант, воевал с августа 1941 г. под Смоленском, Москвой, в Прибалтике и на Украине. Погиб при вылете на боевое задание в Житомирской области. Похоронен в братской могиле в селе Красовка Бердичевского района. Награжден орденом Красной Звезды, медалью «За боевые заслуги».

С войны вернулись четверо братьев:

— Белов Иван Ипатович, воевавший с августа 1941 г. рядовым морской пехоты под Мурманском, а затем в г. Полярный. Награжден: орденом Отечественной войны II степени; медалями «За оборону Советского Заполярья» и «За победу над Германией». Умер в 1988 г.;

— Белов Григорий Ипатович, воевавший с первого дня германской агрессии под Белостоком. Побывал в плену. С начала 1945 г. продолжил службу на 2-м Украинском фронте. Награжден орденом Отечественной войны II степени; медалью «За победу над Германией». Умер в 1986 г.;

— Белов Николай Ипатович воевал лейтенантом медицинской службы с декабря 1941 г. под Москвой, а затем на Смоленщине (около года в партизанском отряде им. Щорса), освобождал Варшаву и брал Берлин. Награжден двумя орденами Красной Звезды и орденом Отечественной войны I ст., рядом медалей. Ныне проживает в городе Уфе;

— Белов Михаил (младший) Ипатович, автор данного очерка, войну закончил старшим лейтенантом. Награды указаны выше;

— сестра Татьяна Ипатовна, в замужестве Лобова. В войну помогала фронту трудовыми делами, растила и воспитывала своих детей, один из которых — Лобов Владимир Николаевич — стал генералом армии, начальником Генерального штаба Вооруженных сил СССР. Умерла в 1991 г.;

— Белов Александр Ипатович — младший из братьев. Учился во время войны в Чкаловском военном училище летчиков штурманов. Погиб в авиакатастрофе в 1951 г.

Имею около 250 научных работ, в том числе 150 опубликованных. Из них книги по тематике Великой Отечественной войны:

1. Они вели нас к победе (о командующих 46-й армии). — М.,1990. 67с.

2. Маршалы Победы. — М.,1995. 257с. (премия Всероссийского конкурса на лучшее журналистское произведение к 50-летию Победы).

3. Победители и побежденные. — М.,1996 . 383 с.

4. Полководческий феномен Жукова. — М.,1998 . 144 с.

5. Армия победных операций (о боевом пути 46-й армии). М.,2000. 375 с.

6. Солдаты XX века. Разделы о Маршалах Советского Союза: И.Х. Баграмяне, А.И. Еременко, К.А. Мерецкове, Ф.И. Толбухине. — М.,2000. 33 с.

7. Судьба семьи в судьбе страны. — М.,2002. 540 с.

Обо мне имеются следующии публикации:

1. Книга (документально-публицистические очерки) Булатова Г.Г. Белов Михаил Ипатович. Генералы Башкортостана. Уфа, 1995. 46-53 с.

2. Книга (библиографический словарь) Чернобаева А.А. Историки России. Белов Михаил Ипатович. — М. 2000. 52 с.

3. Статья. Попов А.В. Человек большой судьбы / «Ленинец». №1625 от 16марта 1984 г.

4. Статья. Ибатов Ф Ш. В памяти односельчан / «Советская Башкирия». № 20509 от 11 апреля 1984 г.

5. Статья. Василенко В.В. Профессор М.И. Белов / «Будинок комунизму» от 4 января 1986 г.

6. Статья. Хабиров М.А. Впереди — встреча с генералом / «Слава труду». № 5883 от 9 мая 1986 г.

7. Статья Куманев Г.А. Уникальные исторические исследования / «Историческая газета». № 19-20. Июль — август 1997 г.

8. Статья. Хорев А.П. Вот где, Русь, твои добрые молодцы! / «Красная Звезда». № 22624-22625 от 20 июня 1998 г.

9. Статья. Кочуров Г.А. Огненные дороги Михаила Белова / «Красный воин». № 21629 от 19 января 2000 г.

10. Статья. Хабиров М.А. Мой командир / «Ветеран». № 657 от 23 октября 2001 г.

Одолеть напавшего на нашу страну германского агрессора было крайне нелегко. Прежде всего потому, что в начале войны он существенно превосходил Красную Армию в умении воевать и в техническом оснащении, имел двухлетний опыт ведения современной вооруженной борьбы и внезапными первоначальными ударами нанес крупное поражение первому стратегическому эшелону советских войск, обеспечив себе на долгое время серьезный перевес в силах и средствах. И все-таки победил Советский Союз и его Вооруженные Силы.

Почему же знамя Победы взвилось не со свастикой над Москвой, как того яростно добивались фашисты, а взвилось советское знамя Победы с серпом и молотом — и над Берлином?

Среди многих ответов на этот вопрос выделю, на мой взгляд, наиболее весомый: потому, что в бой на врага шли мы с Родиной в сердце и, как сказал замечательный поэт, «с Лениным в башке». Советские люди не щадили себя ни в пекле сражений, ни в труде для фронта ради спасения отчизны, первой в истории человечества дерзнувшей под руководством великого Ленина утвердить в ней власть трудового народа и начать строительство общества социальной справедливости.

Победа далась нам и немалой кровью, и огромным напряжением сил населения страны, и, конечно же, ратным мастерством, которое зреет и достигает вершин только на бранных полях. Не считаю, что с первых же боев и я безупречно командовал подразделением. Но не от неумения же моего и других командиров эти подразделения заставили врага бежать с захваченных им территорий и сделать в конце концов всеобщее «Хенде хох!» Из истории никому не вычеркнуть того факта, что советские войска разгромили сильнейшую по тем временам в мире немецкую армию.

ШТУРМ ВРАЖЕСКОГО «МИУС-ФРОНТА»

17.07.1043 г. впервые довелось наблюдать из окопов переднего края мощную авиационную и артиллерийскую подготовку атаки, идти вслед за ней на прорыв сильно укрепленного оборонительного рубежа, оборудованного немцами на высоком правом берегу реки Миус. Лишь только забрезжил рассвет, утреннюю тишину разорвал грохот орудийных залпов. Через несколько десятков минут заскрежетали, завыли «катюши». Высоко в небе промчались на запад краснозвездые бомбардировщики, ниже их штурмовики, а впереди и по бокам

юркие «ястребки». Кроваво-черные султаны разрывов закрыли западный горизонт. Вскоре на их месте образовалось клокочущее море огня и дыма. В нем все бурлило, как в адском котле. Клубящиеся волны то уходили в глубину обороны противника, то снова захлестывали его первую позицию.

Так длилось около часа. Казалось, что после этого смерча не могло остаться ничего живого. Взвилась серия зеленых ракет, и вслед за огневым валом рванули через Миус стрелковые роты. С ходу заняли первую траншею. Не задерживаясь, ворвались во вторую. Перемещаю два своих «максима» на линию первой цепи, и они бьют с занятых позиций вслед улепетывающим фрицам.

Распластались с командиром стрелкового взвода лейтенантом Григорием Сибилевым друг против друга.

— Давай курнем, — вынул он кисет.

Только потянулся рукой, — свист и глухой тычок в землю между нами. Глядим — стабилизатор мины торчит... Ошалело воззрев на него и друг на друга, разом сигаем метров на полсотни вперед. Мина не сработала.

— Чуть-чуть на войне не считается! — вытирая пилоткой вспотевший лоб, произносит Григорий.

Чую, как только теперь по телу расползаются мурашки. Однако времени на переживания нет. Убедился и в последующем: в пехоте «чуть-чуть» сплошь и рядом, но не очень редко и «точь-в-точь». К вечеру первого дня наступления в роте из девяноста человек в строю осталось только четырнадцать.

Минометным огнем фашисты заставили наши роты залечь перед очередной траншеей, а обещанных танков поддержки нет. Переправившись через Миус, они сосредоточились для развития успеха. Условия для этого уже подготовила, оплатила своей кровью пехота, преодолев сопротивление врага на первой позиции. Иначе тогда и не мыслилось: если сгорят танки на первой позиции, пиши — прорыв не получился.

Вместо выбывшего из строя старшего лейтенанта Андрея Киптилова командование взял на себя Сибилев. Поставил задачу выдвинуть оба «максима» на правый фланг, чтобы косоприцельным огнем прочесать третью вражескую траншею, поддержать новый бросок вперед стрелковых взводов. Почти вплотную к залегшей цепи выдвигаются «сорокапятки». Ими командует лейтенант Василий Архипов. Он и Сибилев — коренные десантники. Оба начали гнать фрицев от самой Астрахани. Еще до начала прорыва мы стали монолитной троицей.

Став подле орудий во весь рост, Василий отдает команды, сдабривая их крутыми добавками. Особенно если неудачно ложились снаряды.

— Приготовиться к атаке! — звенит голос Сибилева.

Сержант Мусагит Хабиров по моей команде выдвигает свой «максим» ближе к немецким окопам, чтоб надежнее поддержать стрелков. Под прикрытием огня «сорокапяток» и второго «максима» сержанта Василия Шилова расчет Хабирова переместился на новую позицию без потерь. Но вдруг второй расчет прекратил огонь. Вырываюсь к нему и ложусь за рукоятки пулемета. Смотрю, а в замке лента без патронов. Замешкались подносчики. Как только подбросили пару коробок с заряженными лентами, вставляем с Шиловым одну в замок и даю несколько коротких очередей. Спустя мгновения, по щиту «максима» гулко щелкают ответные пули. Затем одна за другой перед самым носом рванули мины. Оглушенный, с недоумением вижу в щель щитка развороченный кожух пулемета. Двое из расчета убиты, Шилов тяжело ранен. Меня, как видно, оборонил щиток...

Сибилеву ясно, что дальше лежать нельзя — перещелкают, не дав оторваться от земли.

— В атаку! За Родину, братва! — поднимается он первым.

Поредевшие взводы дружно идут за ним. Хабиров, слившись с пулеметом, бьет перед стрелками по немцам. Поднялась в атаку и действующая левее 9-я стрелковая рота. У них тоже остался один «максим», которым заправляет мой земляк и однокашник по Гурьевскому военному училищу лейтенант Василий Вахромеев. Свинцовые струи пулеметов да огонь «сорокапяток» расчищают пехоте путь.

— Гранатами — бей гадов! — командует Григорий. Он первым врывается в траншею, за ним все, кто остался в роте.

Прорвав всю позицию, идем через поросшую сосняком балку на Первомайские высоты. Высланная разведка докладывает, что за оврагом на скатах высоты — артбатарея. Поняв, что фашисты нас не заметили, стремительно атакуем. Те бегут при первых наших выстрелах.

Высота и орудия — в наших руках! Закрепляемся. Нас слишком мало осталось в двух ротах.

И тут в воздухе, сверкая звездчатыми крыльями, появляется девятка «илюш». Радостно вопим: «Ур-ра!». Как же, «крылатые братья» на поддержку примчались! А они, родимые, развернувшись, лихо идут на штурмовку «вражеской « батареи. Как предотвратить беду? Схватив одну из валявшихся на земле немецких газет и встав на бруствер, размахиваю ею:

— Не штурмуйте, свои!

Через минуту от газеты в руках только клок. Видно, не догадались «братья», грохнули по своим — не высовывайся «царица полей» поперед батьки...

В бою пехоту набором чудес не удивить. Вдруг налетели «мессера» и взяли нас под защиту. «Илюшам» было уже не до штурмовки. Выстроившись кругом, они начали небесный хоровод, прикрывая хвосты друг друга. Да так и удалились от нас. Возможно, в сомнении, что не нагрешили. К счастью, ущерба нам не нанесли: немецкие артиллеристы окопы соорудили добротные.

— Ну вот, выходит, что спасибо «мессерам», — замечает, улыбаясь Григорий. — Давай-ка, Миша, снова берись сам за «максима». Не знал, что так лихо «чечетку» на нем выводишь... Сейчас фрицы высоту отбивать полезут.

Не прошло и минут пяти, как вокруг начали рваться мины. Справа появились полусогнувшиеся силуэты гитлеровцев. Не стреляем: пусть приблизятся, поднимутся в рост. На помощь нам прибыл взвод 50-мм минометов во главе с моим одногодком розовощеким лейтенантом Вадимом Зубаревым. Он смело взобрался на бруствер и, слегка красуясь, командует:

— Правее ноль двадцать!

— Ближе пятьдесят!

— Огонь!.. Огонь!

Вражеские минометчики замолкают. Обрадованно улыбаясь, Вадим спрыгивает в окоп. Закуриваем. Вдруг — отдаленный минометный выстрел. В окопе все сразу присели, кроме Вадима. Взрыв раздался совсем близко к окопу. Зубарев резко повернулся и медленно осел.

По брустверу захлестали вражеские пули. Уткнув в животы приклады «шмайссеров», непрерывно строча из них, гитлеровцы бросились на нас. Хабиров у меня за второго номера. Снова выбиваю «чечетку» на «максиме». Уже знаю, как подбадривает она стрелков. Да и сам чувствую себя под «музыку» неуязвимее. Гитлеровцы дружно поворачивают вспять. С десяток из них с земли не поднимаются.

— Спасибо, лейтенант! — кричат стрелки. — Не хуже, чем в кино «Чапаев»...

— Ах, бигряк хорошо, товарищ лейтенант, — радуется Хабиров (бигряк — значит «очень»). — Такой веселый концерт получился, так всыпали фрицам! Теперь и помирать не страшно ...

— Сержант Хабиров, отставить помирать! Нам еще до Берлина дотопать надо ...

— Есть отставить. Я очень даже не против погулять по Берлину, — отвечает с веселым задором сержант.

Радость победы омрачена тяжелым состоянием Зубарева, раненного большим осколком в челюсть. Вместо рта и зубов у него — кровавая масса, ужасно смотреть. Наложенную повязку он тут же срывает. Сделали послабее и отправили с двумя бойцами в тыл ...

К утру следующего дня подтянулась к нам и седьмая стрелковая рота. Возобновили наступление. Сбили вражеский заслон и пошли вперед, вдоль широкой балки. Фашисты пытаются смять нас встречным ударом. Мы с Вахромеевым оба лежим за уцелевшими пулеметами. Он в балке простреливает низину, а я на верхних ее скатах. Держу под огнем низину и противоположный склон. Оставшиеся в живых в наших расчетах набивают патронами ленты, подносят их в коробках, а также воду для кожухов.

«Максимы» — опасные для врага огневые точки. Их выискивают и уничтожают в первую очередь. Чтобы выжить, не подвести стрелков, обеспечить им должную поддержку, периодически меняем позиции. При этом каждый раз приходится отрывать новый окоп, маскироваться. Стрелки изо всех сил помогают нам.

К полудню отбили пять натисков немцев. Обедаем и зорко следим за ними. Гитлеровцы молчат, возможно также обедают или что-то затевают. Воспользовавшись паузой, еще раз меняем позицию. Теперь наш пулемет чуть впереди расчета Вахромеева и ближе к нему. Кричу, чтобы и он передвинулся:

— Вася, меняй позицию!

— Не стоит, я здесь хорошо пристрелялся ...

При встрече утром увидел его на редкость тоскливый взгляд. Молнией мелькнула мысль: убьют, кажется, Васю! Теперь в его голосе слышалось полное безразличие ко всему.

Уговаривать не было времени: впереди снова замельтешили вражеские фигуры. Тут, наконец-то, подключились батальонные и полковые минометы. С их помощью отразили еще две контратаки.

Где же наши танки? Ведь пора бы им выдвигаться в прорыв. Но и немецких танков не видно. Неведомо было нам, что центром напряжения становится легендарная высота 277,9, именуемая Саур-Могилой, близ городка Снежное. Что вклинение 34-й гвардейской дивизии немецкое командование пытается локализовать силами, имеющимися на направлении ее наступления

...Гитлеровцы поднимаются в очередную контратаку. В стык наших 8-й и 9-й стрелковых рот медленно ползут две вражеские само-

ходки — штурмовые орудия «фердинанд». «Сорокапятки» против них — козявки. Но одна из «козявок», расположенная почти в первой стрелковой цепи, самоотверженно ударила почти в упор по гусенице «фердинанда», заставив его крутануть на месте. Но другая самоходка прямым выстрелом тут же разметала отважный расчет. Неслучайно «сорокапятки» получили иронически-сочувственное прозвище: «прощай, Родина, и с ней пять человек»...

Нам с Василием ничего не оставалось, как пустить в ход ленты с бронебойными пулями, выискивая щели в надвигающихся «бронтозаврах». Патроны таяли, и отчаянные наши хлопоты оказывались напрасными. Не было успеха и у птэровцев — третьей после «максимов» и «сорокапяток» постоянной выручалочке стрелков. Вырвавшийся вперед «фердинанд» развернулся на пулемет Вахромеева. Менять позицию расчету было поздно..

Птэровцам что-то удалось повредить у самоходки. Но роковой выстрел она успела сделать. Пронзительный свист разрезал воздух. Там, где был пулемет Васи, взметнулся столб огня и пыли, вверх полетели какие-то ошметки.

Первым желанием было броситься туда, помочь чем можно. Но по всей балке начали рваться снаряды и мины. Стали выползать еще два «фердинанда», а сбоку от них автоматчики.

— Готовь к бою противотанковые! — скомандовал Сибилев.

Гитлеровцы надвигались почему-то неспешно. Как бы выдавливали нас из балки, хотели, чтобы мы побежали. Автоматчики для нас — так себе, а вот «фердинанды» ... Дадут ли они уцелеть до броска гранаты?

Неожиданно вздрогнула земля. Позади раздался уже слышанный во время артподготовки характерный скрежет и вой. Перед нашими вырытыми наспех окопами и в надвигавшейся вражеской цепи с грохотом всплеснулись кроваво-черные взрывы. Огненный смерч, внезапно возникший и внезапно стихший, разметал боевые порядки противника. Когда рассеялась пыль, видны были лишь одиночки убегающих гитлеровцев и поспешно уползающий «фердинанд». Другой чадил дымным пламенем.

...Помощи боевому другу и его расчету уже не требовалось. Снаряд разорвался прямо на пулеметной площадке. За рукоятками «максима», посылая навстречу врагу огненные струи, не уступив позиции, погиб юный лейтенант Вахромеев. В этом же бою был тяжело ранен и другой «гурьевец» — лейтенант Рыжов.

Ранним утром через пару дней рота заняла небольшой хуторок. Зашли с Григорием в один из двориков попить колодезной водицы.

— Удержитесь ли, сыночки? — спросила пожилая женщина, дав напиться.

— Дальше погоним фашистов, мать! — заверяем ее оба с Сибилевым.

Драться будем нещадно.

Испытующе, оценивающе посмотрела женщина:

Вижу, будете драться. Так ведь сила силу ломит...Сказывают, немчура много танков выдвигает.

Оказалось, мы еще не знали того, что неведомыми путями стало известно этой женщине. В результате натиска нашей 5-й ударной армии под угрозой прорыва была не только вторая полоса обороны 6-й немецкой армии, но и весь «Миус-фронт». Чтобы предотвратить его крушение, гитлеровское командование перебросило к участку вклинения соединений Южного фронта 16-ю моторизованную дивизию, предназначавшуюся для использования под Харьковом, а также 336-ю пехотную дивизию. Но эти силы не справились с поставленной задачей. Тогда немцы перебросили еще 23-ю танковую дивизию, возвратив ее с пути следования в район Харькова, где назревали кульминационные бои. Вслед за ней из-под Харькова спешно направили для спасения «Миус-фронта» танковый корпус СС в составе танковых дивизий «Мертвая голова» и «Рейх», а также 3-й танковой дивизии (А. Ершов. Освобождение Донбасса. 1973 г. С.115-116).

Ценой огромных усилий врагу ненадолго удалось предотвратить крушение мощного оборонительного рубежа по Миусу. Вклинившиеся соединения Южного фронта, отведенные в исходное положение, чтобы не подвергаться удару мощной группировки, начали готовить новый натиск. Но это произошло позднее. А пока дивизия продолжала теснить противника. Я чуть ли не каждодневно сталкивался с неожиданностями. В ходе штурма совместно с соседним 105-м полком одной из безымянных высоток вижу — справа палит на ходу из РПД погодок мой, односельчанин Миша Куфтерин. Узнав друг друга, ошалело тискаемся в объятиях на макушке высотки. Хорошо, солдаты успели затащить нас в отбитый от немцев окоп. Только укрылись, немцы обрушили на высотку ливень огня...

Через пару дней, в бою за Степановку, поддерживая стрелков, мои пулеметчики в очередной раз меняли позицию. Только начали перебежку, как оказались под разрывами снарядов. Один лег прямо меж-

ду мной и пулеметным расчетом. Я оказался отброшен и засыпан в воронке, похоже, от снаряда «катюши». Когда вылез и отряхнулся, увидел опрокинутый «максим» Хабирова, а рядом его самого, схватившегося за грудь и пытающегося подняться. Вблизи лежал недвижный Антрушин...

Оставшиеся от пульвзвода человека четыре продолжали вместе со мной вести бой стрелками. Я мог гордиться своими подчиненными. Никто из растаявшего за неделю взвода не уклонился от выполнения задач, не проявил малодушия. Отваги ребятам было не занимать. В связи со всем испытанным — пережитым за эти бои и за всю войну, а до мая 1945 г. их было еще множество, весьма сомнительным нахожу утверждение немецкого писателя, бывшего солдата вермахта, Генриха Белля о том, что «смелым человека делает страх, положение, в котором у него нет другого выбора, кроме как погибнуть или быть смелым».

Думаю, неправомерно отождествлять смелость с отчаянием. Страх, как крайняя степень боязни, уже сам по себе исключает смелость. В отчаянии же человек способен на крайности в любую сторону — от панического бегства до сопротивления с безумной яростью. Нам, тогдашним 18-20-летним бойцам, не был, конечно, чужд инстинкт самосохранения. Знали мы и что такое страх. Но побеждало чувство долга, сознание недопустимости поддаваться страху, коль враг все еще топчет Отчизну. И это было главным мотивом большинства примеров отваги и жертвенности советских воинов.

..Овладев Степановкой, 107-й и 105-й гвардейские полки, продолжая соседствовать, устремились к Саур-Могиле. Во второй половине дня 26 июля на подмогу стрелкам наконец-то подошло несколько «тридцатьчетверок». Не мешкая, пехота рванула за ними в атаку. Однако фашисты, пропустив танки через окопы, открыли по стрелкам плотный огонь. Но остановить их напор было уже не просто.

Снова вижу — чуть впереди сбоку от меня знакомую фигуру. Миша Куфтерин, слегка пригибаясь, бьет из РПД короткими очередями и безостановочно движется, сопровождаемый вторым номером, к немецким окопам. Вскочил правее от него в траншею и я. Интуитивно почувствовав опасность справа, дал туда очередь и ППШ. Только увидел повалившегося гитлеровца, сразу же был оглушен взрывом, почувствовал сильный удар в правое плечо. Рука с автоматом повисла плетью — гитлеровец успел швырнуть гранату.

Миша сделал мне перевязку и снова ринулся в бой. Судьба всю войну оберегала моего друга. От Сталинграда до Вены дошел он невредимым. Много ли найдется таких в пехоте?

... Полевой операционный столик, на который положили меня в медсанбате, подрагивал. Недалеко от спрятанных в лесу санитарных палаток ухали разрывы бомб, в отдалении прогромыхали залпы дальнобойных орудий. Крепко привязав мои ноги к столику, его поддерживал обросший сединой санитар.

— Зачем привязали? — спрашиваю в недоумении.

Потерпи, лейтенант, больновато будет, - предупредил, берясь за дело, хирург.

Чую, манипуляции его далеки от приятных и не сулят успеха. Взяв здоровой рукой свой чуб в горсть и стиснув зубы, терплю. Нож хирурга проникает все глубже. Я весь взмок от боли. Кажется, что располосовано все плечо, что уже полдня идет операция.

— Подари мне свое фото, лейтенант, — в который уже раз говорит, щекоча губами мое ухо, симпатичная сестричка. Она видит затруднения врача, пытается отвлечь меня от пронизывающей боли.

— Иди ты ... — наконец не выдерживаю я.

И тут прямо над головой раздается пронзительный вой. За ним свист и оглушительный грохот. Половина палатки, куда повернута моя голова, неожиданно запрокидывается. Сверху сыпятся комья земли и еще чего-то.

Хирург и медсестра, согнувшись, как бы накрыли меня на операционном столике своими телами. Восхищенно смотрю на обоих: ведь рядом с палаткой отрыты щели. Но они, сдержав страх, не сбежали в них, не бросили оперируемого.

Как жаль, подумалось, что нет у меня фотографии ...

Бои на Миусе стали для меня суровым испытанием и закалкой на командирскую зрелость. В ходе их убедился как в опытности и силе врага, так и в способностях наших воинов разгромить его.

ПРЕОДОЛЕВАЯ «ВОСТОЧНЫЙ ВАЛ»

По прибытии из госпиталя нас с Сибилевым обоих повысили в должности. Он стал командиром стрелковой роты, в которой насчитывалось едва больше трех десятков бойцов. Я принял пулеметную роту с одним разъединственным «максимом». Дивизия шла на прорыв позиций «Восточного вала», оборудованных по обеим сторонам реки Молочной. Наш 107-й гвардейский стрелковый полк, вклинившись к 30.9.1943 г. на глубину до 3-4 км, уткнулся во вражеские противотанковые рвы и эскарпы. Чтобы преодолеть их, стрелковые роты заготавливали лестницы и крючья.

Догадавшись о назначении этих приспособлений, немцы выбивали в рядах атакующих в первую очередь носильщиков с лестницами. Но смекалистая пехота все равно находила способ добраться до вражьего горла: съехавшие на ягодицах в рвы, выстраивали живые лестницы — став на плечи друг другу, тянули за собой остальных, в том числе пулеметчиков и птэровцев с матчастью. Собравшись в группы, при поддержке выдвинутых к рвам самоходок роты бросились в атаку. Прореживаемые вражеским огнем, они таяли на глазах ...

Полку удалось пробиться к селу Зеленый Гай. Три раза переходило это село из рук в руки. В нем остались только сгоревшие хаты да обуглившиеся тополя, иссеченные осколками снарядов и пулями. В селе и окрест горели вражеские и наши самоходки. А пехота какимто чудом выжила и даже продолжала напор. Но вот подошло десятка два «тридцатьчетверок». Они с ходу рванули в Зеленый Гай. Мы за ними. А из села в упор ударили «фердинанды». Что ни выстрел — факелом вспыхивает «тридцатьчетверка». Оставшиеся, маневрируя и отстреливаясь, медленно отползают.

В этот момент из села, набирая скорость, двинулись «тигры». Разгорелась танковая дуэль. Под встречными огненными трассами - остатки наших стрелковых рот. Единственный в батальоне мой «максим» искорежен осколками. Недалеко от погибшего расчета бронебойщиков осталось противотанковое ружье. Подзываю одного из пулеметчиков, схватываем птэр и укрываемся в окопе лежа. Есть патроны к нему. Изготовившись, ждем. «Тридцатьчетверки» второй линии ведут огонь с места. Видим, как вспыхивают вражеские танки. Но оставшиеся упорно наползают. Вот уже совсем приблизились к нам. Один чуть подставил борт. Три выстрела, три сильных удара в плечо. Но стальная шкура «тигра» непробиваема, и он упорно лезет вперед. Вдруг резко крутанул и стремительно рванул на нас.

— Ах, дьявол! Раздавить хочет...

Молниеносно выбрасываюсь из окопа и ... оказываюсь между гусеницами танка. Целую вечность лязгают гусеницы. С тела как кожу будто сдирают, ползу, изворачиваясь ящерицей. Выскакиваю из-под танка, ослепительный взрыв, удар...

Очнулся в глубоком окопе с перевязанной головой недалеко от горящего «тигра». Перетащили меня полковые разведчики. Перевязали. Что-то говорят, но я только вижу, как шлепают губами. Левый висок будто припечен каленым железом.

Слух вернулся ко мне дня через три в медсанбате. Узнал, что немцев все-таки отбросили, но от батальона остались «рожки да ножки». Упросил не эвакуировать в госпиталь. Через недельку влился в команду выздоравливающих ..

1 ноября 34-я гв. СД пробилась в Верхнему Рогачику, от которого до Днепра — рукой подать. Стремясь во что бы то ни стало удержать на левом берегу Днепра свой Никопольский плацдарм, немцы нанесли удары по флангам дивизии и замкнули вокруг нее кольцо. Но, вопреки их ожиданиям, в плен никто не сдавался. Напротив, гитлеровцам пришлось отражать сильные контратаки. Через полтора дня дивизия при поддержке авиации и артиллерии ринулась на прорыв, в который включился весь «окольцованный» личный состав, в том числе и из команд выздоравливающих. Разыскав свой полк, с повязкой на голове и автоматом в руках, пошел вырываться из западни и я. Буквально разметав вражеские заслоны, дивизия вышла из окружения и 7 ноября заняла оборону в районе села Украинка.

В это время в командование 107-м гв. СП вступил выпускник Военной академии им. В.В. Фрунзе майор Щербак Н.П. Ознакомившись с личными делами офицеров, после краткой беседы он назначил меня, 19-летнего лейтенанта, начальником штаба 1-го стрелкового батальона (адъютант старший батальона по штатному расписанию). Вскоре дивизия выводится из боя и сосредотачивается под Майчекраком. После кратковременной подготовки она 20 ноября идет в наступление с целью прорыва к Каменке Днепровской. Выполняя приказ, раз за разом поднимаемся на «ура». Но тщетно. Через неделю — другую прибывшего под Майчекрак пополнения как не бывало.

В начале декабря снова выводимся на доукомплектование. Полк расположился в совхозе Веселый. Подразделения проходят санобработку, отмываются, отстирываются, приводят в порядок оружие и снаряжение. Опять принимаем пополнение. С комбатом капитаном Сергеевым Н.А., уроженцем Валдая, у нас полное взаимопонимание. Он великолепно играет на гитаре и владеет чудесным тенором. Вечерами иногда заглядывает к нам командир полка, чтобы послушать исполнение Сергеевым родного напева:

Словно море Селигер глубокий.
Круги вьются за кормой,
Кружит, кружит ястреб одинокий,
Кружит ястреб над волной...

Однако главная наша забота — подготовка подразделений к новым наступательным боям. Основное время тратим на тактическую и

огневую подготовку. Хотя слякотная приднепровская зима этому не очень благоприятствовала.

Памятуя о воинской заповеди — «командир должен быть щедр на солдатский пот, но скуп на солдатскую кровь» — мы с комбатом упорно проводили учебно-тренировочные атаки и штурмы. Кое-кому из подчиненных они казались бессмысленными играми начальства. Иные предпочли бы лучше пригреться где-то, да отоспаться хорошенько. Но Сергеев неистовствовал. Яростно распекал за недостатки в действиях, приказывал повторять атаки. Роты, доукомплектованные молодыми ребятами, безостановочно перли на «вражьи» позиции. Собравшись перед ними в кучки, что есть мочи вопили «Ур-ра-а!!!»

Комбат злился. Вызвав к себе ротных, взводных негодовал.

— Головотяпство! Безграмотность! Сколько раз говорить: на рубеж перехода в атаку — перебежками! Вот в атаку подниматься — все разом. Да не скучиваться! Кучу фашистам бить легче ...

Умение передвигаться к рубежу перехода в атаку в зависимости от обстановки — бросками повзводно, по отделениям, одиночными перебежками — залог живучести пехоты, успеха боя в глубине. Сергеев лично тренирует каждую роту. Приходит в еще большую ярость, когда видит, что кто-то, атакуя, не имитирует ведения огня на ходу. Возвращает роту, выводит вперед виновников, вовсю надрывается в справедливом гневе.

— Что у тебя в руках: сковородник или винтовка?!

Молодой боец не сразу смекает, почему его винтовку можно считать сковородником.

— Винтовка ..

— Так бей из нее, стреляй на ходу по врагу, чтобы он головы не мог поднять из окопа, в тебя стрельнуть!

Особенно достается неопытным ручным пулеметчикам. Их комбат вразумляет отдельно.

— С чем на врага идете — с пулеметом или оглоблей?

— С пулеметом ...

— Так зачем же идти с ним, не стреляя на ходу? Огнем надо бить фашиста, а не раструбом ствола!

Сергеев берет РПД на изготовку и показывает, как надо палить из него на ходу.

— Поймите, — обращается он к бойцам, — чтобы выжить в атаке, одолеть врага, надо все время бить его огнем из винтовки, автомата, пулемета. Гранатой бить и, наконец, доконать штыком и прикладом...

ПРОРЫВ НА АПОСТОЛОВО

В январе 1944 г. 34-я гв. СД в составе 31-го гвардейского стрелкового корпуса перебрасывается на отвоеванную часть правобережья Днепра и включается в состав 46-й армии 3-го Украинского фронта. 30 января переходом в наступление фланговых 37-й и 6-й армий. Фронт начинает Никопольско-Криворожскую операцию. На следующий день силами 46-й и 8-й гвардейской армий наносится главный удар по противнику. Наш 107-й гв. СП идет на прорыв в районе Терноватки на левом фланге 34-й гв. СД, которая наносит главный удар на правом фланге силами 105-го гв. СП. Однако атаки этого полка застопорились уже на первой позиции. У нас же дело шло веселее, хотя и не без потерь. Натренированный личный состав атаковал, как на учениях — не скучиваясь, ведя интенсивный огонь на ходу, дружно метнув гранаты с приближением к окопам противника. Как только полк овладел первой траншеей, комдив решил перенести усилия на левый фланг и перебросил нам на подмогу артдивизион.

1-й стрелковый батальон оказался на самом острие прорыва. Сергеев, перегретый наркомовскими стограммовками, все норовил возглавить атакующих. Его призывное размахивание рукой с пистолетом противник не мог не заметить. Пуля гитлеровца пробороздила комбату щеку, но он с перевязкой на голове упрямо шел в первой линии. Я, соответственно его распоряжению, следовал с радистами за ротами первого эшелона.

— Принимай командование батальоном, Белов! — приказал майор Щербак, заслушав мой доклад о ходе боя. — Направляю тебе 76-мм батарею Рябоконя. Ударьте прямой наводкой и — вперед!..

После овладения селами Еленовка, Чемеринская, Михайловка получил задачу пробиться за ночь с батальоном к станции Апостолово и обеспечить выгодные условия для ее взятия главными силами. Ночные действия для нас стали обыденным делом. Движемся по азимуту, преодолевая вязкую топь раскисших дорог и полей. Через каждые полчаса меняю дозорных: утомленные бездорожьем, они могут не заметить противника...

— Пробиться к Апостолово до рассвета, Белов! — требовательно напоминали о себе слова командира полка.

Вот замигали фонарики дозорных: впереди — противник! Выяснилось, что перед нами колонна немецких машин, застрявшая в дорожной грязи. Много времени на раздумье нет. Сквозной атакой головная рота разгоняет охрану. Чуть забрезжил рассвет, выходим к же-

лезнодорожной линии Апостолово — Днепропетровск. Даю команду закрепиться, готовиться к атаке на станцию

Но и противник не дремал. Слева от железной дороги медленно начали выползать его танки. Справа, за посадкой, зашевелилась пехота, конники. Враг готовит контратаку!

Не медля даю ротам команду изготовиться к бою. Указываю позиции для ПТР, «максимов». Очень бы нужен в этот момент огонь батальонных минометов. Но они поотстали.

Слева от железнодорожного полотна занял позиции расчет ПТР в составе однофамильцев Николая Николаевича и Ивана Антоновича Литвиновых. Оба бывалые бойцы. Оборудовав позицию, они выждали, когда один из наползавших танков повернулся к нам бортом, и точным выстрелом подожгли его. Другой танк обнаружил позицию храбрецов и ударил по ним из пушки. Осколком был контужен один из Литвиновых, другой бил по второму танку пока и тот не загорелся.

Прямо с железнодорожной насыпи вдоль ее правой стороны через посадку начали поливать огнем сосредоточивающихся там гитлеровцев два наших «максима». Минометным огнем гитлеровцы выводят из строя расчет одного из них. С сержантом В.И. Комиссаренко, уроженцем Никополя, бросаемся к опрокинутому пулемету. Раненые из расчета просят о помощи. А враг уже у самой посадки.

Быстро поднимаем пулемет, ставим, охватив колесами шпалу. Я за первого, а Владимир за второго номера. Дело мне знакомое...

Выбиваю очередями любимую «чечетку»: так-так! так-так-так...

— Помирать так с музыкой, — смеется Комиссаренко, направляя ленту.

— Как бы не так! — отвечаю стиснув зубы. — Пусть они, гады помирают, а мы будем жить и их бить!

«Чечетка» становится все забористей, подзадоривает, веселит солдат. Некоторые взбираются на насыпь, встают во весь рост, стреляют из винтовок вслед убегающим гитлеровцам.

— Так их, старший лейтенант! Жарь им, сволочам, под хвост! — радостно вопят.

Довольно удачным получился и этот «концерт». Фашисты уже не поднимались, ползли по сторонам и назад. У бойцов прибавилось уверенности, боевого задора.

Вскоре заняли назначенные позиции батальонные 82-мм минометы. Как только над головами наших бойцов просвистели и начали рваться в расположении противника мины, стрелковые роты решительно двинулись в атаку. С ходу ворвались на станцию. А на ней пыта-

ются сотворить свое черное дело команды подрывников и поджигателей. На рельсах — убитые фашистами люди в гражданской одежде. Видимо, железнодорожные рабочие, служившие у оккупантов по принуждению. В депо расстрелянная группа советских людей.

Каратели не ожидали столь быстрого прорыва наших бойцов и были захвачены врасплох, буквально на месте своих злодеяний. Большинство из них было перебито в завязавшейся схватке. Четверо жандармов (судя по латунным бляхам на груди) схвачены прямо у подрывных устройств.

Нам удалось предотвратить уже подготовленный взрыв железнодорожного полотна, депо и других станционных сооружений. Надо было не допустить злодеяний фашистов в городе, поскорее полностью очистить его от врага. Этому способствовали решительные действия главных сил нашего и соседнего справа 105-го гвардейского полка, который захватил железнодорожную линию на Кривой Рог и атаковал фашистов в Апостолово вдоль этой линии с северо-запада. В это же время 103-й гвардейский стрелковый полк, нашей же дивизии, перекрыл подход резервов врага из Кривого Рога по железнодорожной и шоссейной дорогам. Правее его с аналогичной задачей развернули действия полки 40-й гвардейской стрелковой дивизии.

Решительным натиском с двух направлений дивизии 31-го гвардейского стрелкового корпуса сломили сопротивление врага и при поддержке других соединений 46-й армии к полудню 5 февраля полностью освободили город от гитлеровцев. При этом были захвачены трофеи: орудий разных калибров — 230, танков — 43, штурмовых орудий 15, автомашин 3000, паровозов 4, вагонов 300, а также цистерны с горючим, склады боеприпасов, вооружения и военно-технического имущества (ЦАМО, ф. 401, оп. 9543, д. 181, л. 69).

Собрав командиров после взятия Апостолово, майор Щербак поздравил с успехом и поставил задачу выходить к вечеру на поселок Червоный. Не склонный к перехваливанию подчиненных, он все же назвал действия 1-го стрелкового батальона в минувших боях наиболее удачными и снова назначил его в авангард.

СЛУЧАЙ НА ПЕРЕПРАВЕ ЧЕРЕЗ ИНГУЛЕЦ

Выступили на Червоное к вечеру, когда уже стало смеркаться. Шли рядом с головной ротой. С батальоном пошел и замполка майор Валовой Ф.П.

— Где научился такой веселой пулеметной музыке? — спросил майор, имея в виду мою «чечетку» на «максиме» при отражении контратаки под Апостолово.

На Миусе была самая большая школа! отвечаю ему в тон.

— Молодец! Наверно, бреешься еще не более раза в неделю, а воюешь толково. Образование-то какое?

С третьего курса педучилища я, да десять месяцев Гурьевского военно-пехотного...

Чувствуя доброжелательность, охотно отвечаю на вопросы, рассказываю о родной Башкирии, о нашей большой семье.

— А я из Кустанайской области, — рассказывает о себе Федор Петрович. — Родился в 1911 г., двигаюсь в старики. Свердловское пехотное закончил, по полной программе. А вот гражданское образование только семилетка. И добавил: «чечетка» твоя, конечно, хорошо подбодрила бойцов. Но не забывай, что теперь ты отвечаешь не за пулемет, а за батальон.

Внезапно позади нас в колонне рвануло. Послышались раздирающие душу крики: «Спасите! Помогите!»

Во все стороны засверкали лучи фонариков. Шедший за нами командир пулеметной роты, «гурьевец» по училищу и рождению, старший лейтенант Василий Красильников, ойкая охватил голову.

— Миша! Миша! — я, кажется, сильно ранен...

Вижу при свете фонарика, как из-под стиснувших голову его рук струится темная жижа. Батальонный врач тут же сделал перевязку. Василий едва смог махнуть рукой на прощание. Не дотянув до медсанбата, он скончался. Мне же предстояло послать в Гурьев печальную весть...

Что взорвалось — заложенная на дороге мина или лимонка Ф-1, беспечно подвешенная кем-то с запалом к поясу, сразу было не определить. Подъехавший на коне Щербак оставил для разбирательства Валового, а сам с авангардом направился вперед: надо было поскорее занять Червоное, пока бежавшие гитлеровцы не вернулись в него.

Оборудовав позиции вокруг села, полк вынудил немцев просидеть остатки февраля под вьюгой и сырыми ветрами в поле. Сюда, к неудовольствию Щербака и Валового, на должность командира 1-го стрелкового батальона из дивизии прислали чем-то провинившегося в морской пехоте капитана Александра Севастьянова.

В конце месяца дивизия получила приказ выдвигаться для участия в новой наступательной операции, названной в последующем Березниговато-Снигиревской. Пытаясь задержать ее выдвижение,

противник разрушал мосты на дорогах, устанавливал мины в наброс, устраивал засады. В воздухе одна за другой кружили разведовательные самолеты «рамы». По их наводке коршунами бросались на нас «мессеры». С утра 4 марта полк начал переправу через Ингулец. Мне снова пришлось командовать батальоном вместо отозванного куда-то Севастьянова. С помощью малого местного паромика переправа шла ни шатко ни валко. И это хорошо видели с воздуха немецкие разведывательные «рамы».

Скоро у тебя Валовой будет, поможет... сообщил по рации Щербак.

Майор приехал с тремя бричками, полковыми саперами. Похвалил, что подразделения не толпятся у реки, а находятся в укрытии и группами выходят к парому. Сам выбрал место для новой переправы. Сам руководил наводкой узенького штурмового мостика шириной на одного человека. Делал все как профессиональный сапер — командир.

Мостик укрылся под водой на глубине 5-10 см от поверхности: сверху его и не сразу заметить. С интервалом 5-7 метров побежали по мостику бойцы...

Сев на кучу бревен, наблюдаем за переправой. Неожиданно из-за крутого противоположного берега вынырнул «мессер», а спустя мгновения — еще два. Стрекотом и воем, огнем их крупнокалиберных пулеметов нас буквально сдуло с бревен.

Быстро вскочив на ноги, вижу лежащего на земле Валового. Крупнокалиберная пуля, пронзив его тело с одного бока, торчала из другого. Швы шинели и офицерский ремень на ней лопнул. Смерть наступила мгновенно...

В БОЯХ ЗА БУДАПЕШТ

По возвращении в 107-й гв. СП после очередного (третьего) ранения на Южном Буге, я был назначен заместителем начальника штаба полка по оперативной работе (ПНШ-1). И в этой должности прошел фронтовыми дорогами через Молдавию и Румынию, Болгарию, Югославию и Венгрию. Немцы, пытаясь деблокировать окруженные войска в Будапеште, в ночь с 1 на 2 января 1945 г. обрушились на позиции нашего полка, державшего оборону в районе Альше-Галла. К утру им удалось вклиниться в боевые порядки 1-го стрелкового батальона, которым командовал старший лейтенант Львов И.В.

Но, так и не освоив толком за многие годы специфики ночных боев, гитлеровцы запутались в собственных боевых порядках и открыли пальбу друг по другу. Часть их танков и бронетранспортеров, опрокинувшись в воронки от бомб и крупнокалиберных снарядов, оказалась в западне. Заплутавшие автоматчики обошли командный пункт Львова.

Получаю приказ пробиться к его батальону со взводом автоматчиков и помочь ему выбраться из блокады. Воспользовавшись темнотой, выходим по телефонному кабелю почти на самый командный пункт. Подключаемся к линии.

— Иван, я — Белов, рядом с твоим КП, — сообщаю Львову. Чем помочь тебе?

— Быть не может! — отвечает комбат. — Над нами танки прошли, а кругом орут и стреляют гитлеровцы

— Вылезайте и бейте их, как только услышите нашу стрельбу из ППШ, — предлагаю ему.

Рассмотрев в полумраке озирающихся по сторонам немецких автоматчиков, открываем огонь и с криком «ура!» бросаемся на них. Не приняв боя, они улепетывают. Бегут и экипажи застрявших в воронках танков. Мы — на КП Львова.

— Спасибо тебе, сынок, самое большое спасибо! — стиснул меня в объятьях Мусаэлян после доклада о выполнении приказа. — Не только батальон ти спас, но и чест полка, — добавляет он с кавказским акцентом.

— Да ты просто герой, старший лейтенант! — присоединился к нему замполит полка майор Пястелов В.А.. Ведь мы уже начали подумывать, что, видимо, по батальону Львова придется отходную петь ...

Однако следующей ночью события повторились. Понуждаемые командованием, гитлеровцы опять проникли ночью через боевые порядки 1-го батальона. Наши бойцы не растерялись. Зная ночные страхи врага, они затеяли с ним игру в ловушки: обозначая огневые точки то в одном, то в другом месте, ослепляя гитлеровские экипажи ракетами, заманивали их танки в глубокие воронки.

Мне снова приказано идти вызволять батальон и укрывшегося в бункере командира. Только наметили удобный проход, как из-за строений вырываются два вражеских бронетранспортера, ведя огонь во все стороны. Бросаю из-за угла противотанковую гранату и тут же опрокидываюсь не то от взрыва, не от сильного удара в ногу. Чувствую, как пылает вновь покалеченное левое бедро...

Это ранение с последующей переправой через покрытые шугой холодные воды Дуная едва не привело к ампутации ноги. Спас появившейся тогда пенициллин да заботливость госпитальных врачей и сестер. Именно благодаря им я смог продолжить свой путь до Вены, а службу армейскую — до 1988 года.

Все военные и послевоенные годы считал священным долгом полностью отдавать себя служению Родине, укреплению и повышению боеготовности ее Вооруженных Сил. Считал долгом быть для соратников, сослуживцев и подчиненных примером добросовестности и чести. Мы, вернувшиеся с полей Великой Отечественной Войны победителями германского фашизма, завершаем наш жизненный путь с сознанием выполненного долга и с естественным желанием, чтобы память о фронтовых свершениях наших и о павших соратниках не заросла травой забвения, чтобы большой и малый военный опыт, добытый потом и кровью, не остался втуне, но послужил во благо Отечества.

Май 2003 г.

В подготовке настоящих воспоминаний оказал помощь ***Хохлов Игорь Валерьевич***, студент 4-го курса Московского инженерно-физического института

Берендс Кирилл Константинович

ОТНЫНЕ СЧИТАТЬ ЕЕ КРАСНОЗНАМЕННОЙ

1923 года рождения, русский, православный, москвич.

Встретил Великую Отечественную войну в Москве, только что закончил 1-й курс института МАИ. Затем, будучи студентом, работал электриком в службе городских контактных сетей, принимал непосредственное участие в работах по их восстановлению после налетов на Москву немецких бомбардировщиков.

В мае 1942 года пошел в армию по комсомольскому набору среди студентов и сразу же был направлен на краткосрочную командирскую подготовку в артиллерийское училище. Был выпущен из него в ноябре 1942 года лейтенантом и направлен на Урал (район г. Шадринска), где формировалась 106-я Забайкальская стрелковая дивизия (командир — ген. Смехотворов) 70-й Дальневосточной армии (командующий — ген. Галанин). Я был назначен на должность заместителя командира конной полковой артбатареи 76-мм пушек в 43-й Даурский стрелковый полк (командир полка Яковлев, нач.шт. Попов, нач-к артиллерии полка кап. Шабалов). Командиром батареи был Бобров П.А.

В первых числах января 1943г. произошла передислокация на Центральный фронт (г. Елец). Отсюда пошел мой долгий боевой путь. Начался он с нашего зимнего (1942-43 гг.) наступления из Ельца через Ливны, ст. Поныри, на самый отдаленный, северо-западный участок образующегося в то время Орловско-Курского выступа на протяженности линии Центрального фронта (командующий — ген. Рокоссовский), населенные пункты Троена — Чернь (февраль—март 1943 г.).

С марта по июнь мы занимали и укрепляли оборону на своем участке образовавшейся Курской дуги: напряженное ожидание начала сражения, частые взаимные разведки боем. К началу сражения произошло наше перемещение на правый фланг в район м. Топкое (участок 13-й армии — командующий — ген. Пухов). С 5 по 12 июля участвовал в отражении вражеского удара (участок Поныри — Самодуровка — Студенок — Топкое — Рождественское). Наша батарея участвовала в противотанковом сражении, отбивала выстрелами из пушек контратаки противника. Выстояла на занимаемом рубеже, имела успех и большие боевые потери ранеными и убитыми. В итоге боев за это время из дивизии был сформирован один сводный полк, который, начиная с 13 июля, участвовал в наступлении наших войск на Орловском направлении. С 13 по 18 августа — с. Топкое, с. Похвистнево, с. Малиновка и др. Всё это время происходили ожесточенные бои с преследованием отступающего врага. 20 августа истощенная в боях наша дивизия была выведена в м. Дедоводье, где мы получили пополнение людьми и вооружением, а 23 августа в составе 65-й армии (командующий — ген. Батов) принимали участие в Севской наступательной операции (река Сев и г. Севск).

За проявленные в боях на Курской дуге боевые способности, достигнутый успех, личное мужество я был награжден медалью «За отвагу» (№ 367990, Пр. 023/Н от 16 августа 1943 года, 106 стр. дивизия). Курская битва была для меня школой войны, научила очень многому, чего мне не хватало на фронте после подготовки в училище: знаний тактики, приемов управления боем, командирских навыков, боевого опыта. После Курской битвы я почувствовал себя фронтовиком, однако это было только первой ступенью моего фронтового образования. Каждые последующие бои и сражения обязательно давали мне новые знания, расширяли границы моего военного, фронтового образования.

Враг отступал из района Орла, опасался окружения своих войск в Орловском выступе, отводил их на заранее подготовленный для обороны рубеж. Немецкое командование объявило в листовках о подготовленном на Днепре «Восточном оборонительном вале». Мы соревновались с противником: кто первый достигнет Днепра? Боевые действия на этом участке носили характер боевого преследования

противника с развертыванием сил в отдельных местах. В ожесточенных схватках с врагом участие принимали танки и самолеты.

Промежуточным рубежом на нашем пути была река Десна (сентябрь, Новгород-Северская наступательная операция, г. Шостка). Через Десну переправились вброд, захватили плацдарм (с. Дегтяревка, с. Илюхино). Сутки удерживали плацдарм, батарея вела противотанковый бой, подвергались налетам вражеских самолетов. Враг стремился окружить нас и сбросить с плацдарма в Десну. Батарея в противоборстве с немецкими танками в частых контратаках понесла большие потери. Однако выстояли и продолжили наступление. За эти бои, переправу через Десну и удержание плацдарма, за боевое мастерство и мужество я был награжден орденом Красной Звезды (№ 267024, Пр. 035/Н от 14 сентября 1943 года).

Вскоре на нашем пути снова оказалась очередная водная преграда — река Снов. Вновь: переправа, ожесточенный короткий бой. Батарея огнем орудий, прямой наводкой подавляла огневые средства противника — пушки и пулеметы, пехоту в окопах и блиндажах. Это было началом Брянско-Гомельской наступательной операции (сентябрь, с.Кирилловка, Брянские леса). В преследовании неприятеля нам тогда помогали своими боевыми действиями местные партизаны: засады на дорогах, внезапные нападения на вражеские колонны, преодолевавшие лесные массивы. Местные жители нам предлагали помощь в качестве проводников.

В последние дни сентября мы вышли на берег реки Сож южнее Гомеля. Чтобы достигнуть Днепра, нам пришлось совершить марш на юг вдоль Сожи до м. Добрявка рядом с Днепром.

Всего несколько дней потребовалось для подгогоки к форсированию такой трудной широкой водной преграды. Нам помогали местные жители собирать рыбачьи лодки, мастерить плоты и индивидуальные плотики из кусков сухих бревен и досок. Принимались все меры предосторожности, чтобы скрыть наши приготовления к переправе от глаз и ушей противника.

В ночь на 16 октября мне предстояло переправляться на тот берег в составе первой десантной группы нашего полка (командир полка Матюгин) — это был стрелковый батальон, которым командовал капитан Гордополов. Переправа происходила глубокой ночью, при свете луны и в тумане вдоль берега. Никакой артподготовки. Глубокая тишина. С того берега, время от времени, взлетами и повисали над водой осветительные ракеты. На середине реки наш десант был обнаружен, враг открыл сильный огонь, среди наших было много убитых, но наши батареи подавляли вражеские.

Так началась битва на Днепре. Передо мной была поставлена ответственная задача: находиться в гуще боевых событий, при помощи сигнальных ракет передавать с плацдарма целеуказания своей батарее, остававшейся на том берегу. На переправе погибли два командира полков нашей дивизии - Смирнов и Матюгин, был ранен командир дивизии генерал Смехотворов. Как только на том берегу была собрана ударная группа, мы сразу же атаковали сперва высокую песчанную дамбу, а за ней — немецкий окоп, огневые позиции пулеметов и пушек.

Рукопашный бой — самый жестокий и самый короткий. Мы овладели первой линией вражеской обороны и захватили очень важные боевые трофеи: орудие и боеприпасы. Главное на плацдарме — не задерживаться на одном месте. Стало светать, мы стремительной атакой бросились сперва на второй, затем на следующий рубеж обороны противника. В это время в воздухе появились одновременно наши Илы — штурмовики и немецкие пикировщики Ю-87. Наши поливали немцев огнем, противник посыпал бомбами наш плацдарм и место переправы.

Враг не выдерживал наши удары и, оставляя убитых, оружие с боеприпасами, стал постепенно отходить. Мы усиливали свой натиск и преследовали противника. В лощине мы застали врасплох вражескую артбатарею, она готовилась сниматься с позиций. Многих удалось уничтожить. Взяли в плен командира. Немного потребовалось времени, чтобы изготовить исправные немецкие пушки к бою: они были развернуты в нужном направлении, и загремели орудийные выстрелы вслед убегающему с поля боя противнику. Эти немецкие пушки, нам тогда сослужили огромную службу. Противник потерпел поражение в битве на Днепре, на плацдарме под Лоевом.

За проявленные в бою на Днепре мужество, умение ориентироваться в обстановке, большой вклад для достижения успеха в сражении я был награжден орденом Красного Знамени (Пр.208/Н от 27.11.43г., 65-й армии). В бою на плацдарме погиб командир батареи Новиков (м. Вышемир). Я тогда принял решение считать награду, врученную мне, заслугой всей батареи. Поэтому объявлено было: отныне считать батарею краснознаменной. Орденский знак доверял тому орудийному расчету, на долю которого выпадала в боях самая ответственная и трудная боевая задача. Этой же награды была удос-

тоена наша дивизия, также ей было присвоено почетное наименование «Днепровская» стрелковая дивизия.

Овладев плацдармом за Днепром, мы вступили на землю Белоруссии (октябрь 1943 года): Полесье, район северных притоков Припяти (реки Ипва, Ипа и Птичь), лесные чащи и труднопроходимые топи, болота. Сплошной линии фронта ни у нас, ни у противника там не было. Боевые действия носили характер встречных боев в отдельных местах: ст. Василевичи, дорога Мозырь — Калинковичи, населенные пункты Осиповичи, Заболотье, Лисец, Озаричи и другие. До конца 1943 года в тяжелейших условиях — леса и болота, не замерзавшие даже зимой, метели и бездорожье — мы вели упорные бои с противником. Все несли на себе, ужасно голодали, не хватало боеприпасов. Нас очень подводили службы снабжения, а местных ресурсов не было: население сел скрывалось в труднодоступных местах, голодало и погибало. Мы очень тесно взаимодействовали с местными партизанами в вопросах разведки противника и дорог, часто вместе проводили свои боевые операции.

В январе 1944 года нас перебазировали эшелоном по железной дороге с Белорусского на 1-й Украинский фронт (ст. Василевичи — Гомель—Бахмач—Киев—Коростень-Новоград-Волынский). Теперь нам предстояло вести боевые действия по другую сторону Припяти, но только в Украинском Полесье. На широком участке фронта у нас и у противника здесь в то время образовалась брешь, которую мы должны были частично заполнить. Перейдя старую госграницу в м. Корец, мы оказались на территории Западной Украины. Фронтовые условия здесь, несмотря на зимнее время, были несравнимо лучшими, чем в Белоруссии: сохранилось жилье, прекрасные дороги и открытая местность; местных ресурсов тоже в достатке. Противник сопротивлялся силами подготовленных гарнизонов, размещенных в крупных населенных пунктах: Ровно, Дубно, Луцк, Горохов и другие. Мы тогда принимали непосредственное участие в нашей Луцко-Ровенской наступательной операции, вели бои местного значения и постепенно продвигались вперед (январь-февраль 1944 года. 2-5 февраля был освобожден г. Луцк: был бой, противник использовал старую крепость, форты на холмах вокруг города. Наша батарея тогда хорошо поработала, помогала пехоте штурмовать укрепления неприятеля. В Луцке были освобождены заключенные из тюрьмы и пересыльного лагеря для пленных и партизан из отряда Федорова (место базирования — м. Лобня). Иногда бои носили переменный характер, и нам даже приходилось с потерями отступать. Так было, например, на Львовс-

ком направлении из Луцка в сторону Горохова: ст. Звенячье, села Ковбань, Ольгино, Цехув и Холунев. Противник использовал танки, мотопехоту и даже бронепоезд. Орудия нашей батареи прямой наводкой вели огонь по вражеским целям, добивались успеха в бою. Но были и тяжелые потери: погиб командир батареи Капранов, мы лишились двух орудий, артполк дивизии в районе Ковбани потерял целый пушечный дивизион в противоборстве с немецкими танками.

Наши силы выдохлись, и нам пришлось занять позиционную оборону Торчин западнее Луцка (март — июнь 1944г.). Нас тогда очень беспокоили самолеты противника, частые бомбардировки (погиб командующий артиллерией нашей дивизии — Краснов), частые разведки боем. Самая крупная из них призошла в мае с направления Ковеля с участием танков и артиллерии противника. Батарея участвовала во встречном бою с немецкими танками. 25 мая я был ранен, пришел в сознание в полевом госпитале в м. Теремно. Приказом № 373 от 18 июня 1944г. по 3-й гв. армии (командующий ген. Гордов) мне было присвоено воинское звание старший лейтенант, и я был утвержден в должности командира полковой артбатареи. Меня собирались отправить в тыл на долечивание, но я уговорил лечащего врача меня отпустить и вернулся в свою батарею. Это было накануне начала Рава-Русской наступательной операции (13 июля 1944 г.). Я догнал свою батарею уже в пути на исходный рубеж. Мы успешно наступали в направлении на Сокаль и 20 июля вышли на берег пограничной реки Западный Буг. Здесь всё напоминало о трагических событиях 22 июня 1941 года: побитые снарядами здания и сооружения пограничников, безымянные братские захоронения погибших пограничников и членов их семей, даже воронки на земле от взрывов бомб и снарядов.

Переправа через Западный Буг была осуществлена на паромах, в первом же польском населенном пункте Крылув произошел сильный бой. Немцы начали отходить к Висле. Минуя населенный пункт Красник, 30 июля мы вышли к берегу Вислы в м. Аннополь. Здесь немцы взорвали и сожгли деревянный мост на каменных сваях. В бою на берегу Вислы мы понесли большие потери, так как подверглись сильному артиллерийскому и минометному обстрелу с того берега. Были тяжело ранены командиры огневых взводов нашей батареи Курчанов и Марченко (м. Опока-Дужа). 2 августа батарея на плотах переправилась на плацдарм, который сперва был небольшим, а затем расширился до трех километров по фронту и почти до одного в глубину.

В силу сложившейся обстановки на фронте мы стали заложниками на плацдарме у противника. В это время решалась судьба восставшей против немцев Варшавы.

Своим присутствием на плацдарме за Вислой мы должны были отвлекать, по возможности, крупные силы противника, хотя могли тогда соединиться в районе Ожарова с нашими войсками на Сандомирском плацдарме. Он был так близко от нас, что мы слышали оттуда перестрелку, а по ночам вспышки выстрелов из орудий и огни осветительных ракет. Командование приняло очень рискованное решение: для усиления занимаемого плацдарма перебросить на него все силы дивизии, включая минометы и пушки. Этим самым мы лишились прикрытия и огневой поддержки с другого берега. Сам плацдарм (Аннопольский) был очень невыгодно для нас расположен: открытая прибрежная местность, без растительности, один песок (невозможно было окопаться, оборудовать защищенные огневые позиции). Враг находился на высотной части берега Вислы, прекрасно нас видел и прицельно поражал все цели из своих многочисленных батарей. 30 августа противник обрушил на нас сильнейший огонь, уничтожил все наши средства обороны, а остатки нашей живой силы сбросил в Вислу. Так закончил свое существование Аннопольский плацдарм на Висле. Даже наше мужество, самоотверженность воинов не помогли удержать этот плацдарм. Потери были ужасно велики. Последующее разбирательство случившегося закончилось тем, что всё командование было обвинено в допущенной грубой ошибке и лишилось своих должностей. В бою на плацдарме был убит командир нашего полка — Драпов, командир полковой батареи 45-мм пушек Городецкий и многие другие.

И всё же мы выполнили поставленную перед нами задачу. За переправу и бои на плацдарме я был удостоин ордена Отечественной войны 1-й степени (Пр.48/Н от 31 августа 1944 г., 76-й стрелковый корпус командующий ген. Донсков). Эта награда для меня служит укором и памятью о случившемся.

Нас кое-как пополнили, и мы заняли позиционную оборону на очень растянутом участке правого берега Вислы (от Аннополя до Юзефува). С сентября и до конца этого года мы находились в обороне, в это время мне пришлось совмещать две должности: командира полковой батареи и убывшего начальника артиллерии нашего полка (Гребнева). Командиром полка стал Киселев, у меня с ним сложились очень хорошие служебные отношения. Это был образованный, опытный командир, он меня многому полезному тогда научил: вопросы

организации обороны, разведки противника, управления огнем батарей в тесном взаимодействии с пехотой и многое другое. Наше положение на фронте в то время было осложнено активными действиями вооруженных банд националистов в нашем тылу. От их рук еще на территории Западной Украины, в районе Ровно погиб командующий войсками 1-го Украинского фронта генерал Ватутин. Бандиты проникали даже в наши подразделения и осуществляли тяжелейшие преступления. Дело в том, что в армию призывались люди из только что освобожденных районов, в том числе Западной Украины.

К этому времени позади остались три с лишним года войны, был пройден большой путь — освобождена вся территория нашей страны и половина Польши. Это был уже новый этап войны, когда мы шли на помощь соседним и другим странам сбросить с себя фашистское иго. Однако впереди оставались вторая половина Польши и вся Германия. Но мы уже ощущали приближение финала войны и существенные изменения в тактике нашего противника. Гитлеровцы стали подставлять под наши удары своих помощников в войне: румынские, венгерские и другие части. Силы самих немцев концентрировались на последующих рубежах обороны. Немецкое командование явно экономило, берегло свои главные, надежные силы для боевых действий на территории Германии.

В первых числах января 1945 года мы были перебазированы через реки Сан и Вислу (г. Сандомир) на Сандомирский плацдарм для участия в Висло-Одерской наступательной операции. Планировалось начать ее с мощной и продолжительной артподготовки. Я был назначен старшим по всем нашим полковым минометным и пушечным подразделениям. Минометы и пушки были установлены на огневых позициях для участия в артподготовке. Было доставлено большое количество боеприпасов. Мне надо было всё организовать и предусмотреть для боя: разместить на местности, выявить цели для огня батарей, спланировать огневые рубежи и управлять всем этим. Эти задачи, в таком их объеме и содержании, были для меня новыми и интересными. Авиация в операции из-за погодных условий не участвовала.

Артподготовка пробила в обороне противника широкую брешь, в которую сразу же устремились наши танки, за ними пошли в наступление пехота и сопровождавшая ее артиллерия. Задача была у нас одна: нигде не задерживаться, не ввязываться в бои с противником, обходить населенные пункты. Таким образом, в стороне от нашей фронтовой дороги остались польские города Радом и Кельце. Мы

стремились не отставать от шедших впереди танков. Серьезное сопротивление врага мы встретили на реке Варта. Орудия батареи прямой наводкой поражали огневые средства противника: его пушки и пулеметы. Боролись с немецкими танками, главным образом, наши танки и тяжелые самоходные орудия. В танковых подразделениях были главные наши потери: машины попадали под сильный встречный огонь из противотанковых пушек, подрывались на фугасах и минах, попадали и застревали в ловушке.

На берег Одера мы вышли 20 февраля 1945 года: впереди оставалась Германия. Одер был защищен с обоих берегов высокими дамбами, за рекой находились у себя дома немцы, готовые к ожесточенному бою. И он состоялся: началась Франкфуртско-Губенская операция. Мы находились тогда на самом стыке двух фронтов наш, 1-й Украинский, и соседний с нами Белорусский. С помощью плотов, установленных на понтонах, мы переправились через Одер под прикрытием огня из пушек и минометов. Гринберг, затем Губен были первыми немецкими городами, превращенными в крепости для обороны противника.

Территория Германии выглядела как пустыня: все было брошено и совсем не осталось людей — местное население поспешно бежало вместе с отступающими частями врага. Пустые дома, ни души на дорогах. На стенах домов, на специальных щитах крупные предостерегающие объявления: «Все немцы должны уходить вместе с войсками, кто этого не сделает тот предатель!» Немного позже нам встретились виселицы и места других казней тех людей, которые не подчинились приказу фашистов.

В Губене — яростные уличные бои. Тактика боев в крупных немецких населенных пунктах нами только осваивалась: каждый дом — это хорошо укрепленная огневая позиция; стреляют из окон, из подвалов, с чердаков зданий, из люков различных коммуникаций и даже из входов в убежища, предназначенные для стариков, больных, женщин и детей. К боевым действиям силой угроз и обмана были привлечены из числа местных жителей все, кто мог держать в руках и оружие: автоматы, ручные гранаты и даже фаустпатроны. Немецкие солдаты перемешались с гражданскими. На дорогах, в лесах под Берлином скопилось множество беженцев со своим транспортом и имуществом.

В первой половине марта мы вышли к берегу Нейсе и заняли временную оборону в немецком городе Форст, освободив от противника его половину по нашу сторону реки. Здесь нами была получена обрадовавшая всех директива: мы будем участвовать в Берлинской операции и наступать с юга на Берлин вдоль автострады Коттбус — Берлин. Это радостное известие подняло наш боевой дух, но и предупредило о том, что последний бой будет самым трудным.

13 апреля наступательная операция началась с того, что под прикрытием сильной артподготовки мы форсировали Нейсе, затем реку Шпрее, оставив в стороне город Коттбус. Наш боевой путь к Берлину проходил через Баден и Поло, Любен и Любенау, Луккенвальде и другие крупные немецкие населенные пункты. И везде ожесточенный бой, контратаки противника. В отдельных местах впереди атакующих из леса вдруг выходили гражданские люди с белыми знаками готовности капитулировать. Следом шли немецкие автоматчики, которые с коротких дистанций открывали ураганный огонь и по своим, и в сторону наших позиций. Война, бои становились предельно жестокими, (Постановление Международной Конвенции от 1904 г.) бесчеловечными. Правил ведения боевых действий для нашего противника уже не существовало.

С каждым километром, а затем и шагом напряженность боев возрастала, линия фронта, разделявшая нас с противником, очень часто проходила по бывшей улице, дому или строению, ставшему кучей дымящихся развалин. От противника нас отделяла порой только стена дома, квартира и даже потолочное перекрытие. Рукопашный ближний бой по своей жестокости и беспощадности — самый страшный и скоротечный.

30 апреля. В Берлине столько войск, такая огромная людская сила. Наши пушки казались песчинками по сравнению с танками, самоходными пушками, установками РС («ванюши» и «катюши»). Особенно великими мне казались наши орудия крупных калибров, вставшие на прямую наводку на открытых позициях (пушки калибров 152 мм и 203 мм на гусеничном ходу).

Вместо улиц образовались узкие тропы фронтовые дороги, по обе стороны от которых находились огромные дымящиеся пирамиды из битого бетона и кирпича. Из них, похожие на кресты, торчали скрученные взрывами стальные балки, конструкции бывших строений. Из-под таких завалов мы помогали выходить местным жителям (женщинам, детям и старикам), уводили их в менее опасное место. Мне трудно представить себе их состояние: катастрофа, беда, признание за собой вины в совершенном фашистами преступлении, личное горе? Я помог одной женщине с девочной с большим трудом через щель выбраться из убежища; она плакала от потери сил, обняла меня, и что-

то на своем языке повторяла. Вывел их из зоны огня. Когда мы расставались, она сняла с себя наручные часы и протянула мне со словами благодарности.

2 мая в Берлине сделалось удивительно тихо, только дым орудий над городом еще не рассеялся. Не могли поверить,что война кончилась так быстро и внезапно, хотя мы все этого ждали.

Восставшая Прага обратилась по радио за помощью: «Красная Армия, помогите!», и мы получили приказ в составе большой группы наших войск скорым маршем двигаться на юг через всю Германию. Движение было нашей главной задачей: впереди двигались танки, на машинах мотопехота, далее мы. Лошади везли пушки и повозки с боеприпасами и имуществом. Фронта, в прежнем его понимании, как линии боевых позиций, уже не было, но война до конца не угасла. Везде находились вооруженные немцы, скрывались и пробивались домой и на запад военные, не сдавшиеся в плен. Звучали нередко одиночные коварные, преступные выстрелы и автоматные очереди. Мы их чувствовали на себе, но оставляли безнаказанными, так как спешили на помощь чехам.

Нам навстречу, чуть ли всю дорогу, колоннами, иногда под национальными флагами, шла масса людей, только что освободившихся из лагерей для пленных и насильно угнанных для рабского труда в Германию. Эти люди всякий раз нас приветствовали и искренне благодарили за свободу и сохраненную им жизнь.

Памятным событием на нашем пути был выход к Эльбе: здесь будто и войны не было: действовала переправа, всё делали немцы-специалисты, мы были для них обычными «пассажирами». Командовали они, а мы подчинялись, совершали погрузку, а затем разгрузку на исправных причалах с самоходных грузовых паромов и пароходов. Все делалось без единого выстрела, без принуждения и борьбы.

Мы пришли в Дрезден 8 мая 1945 года, произошел инцидент — короткая перестрелка на одном из мостов. То, что мы увидели в Дрездене, потрясло: «зачем это сделали англо-американцы»? С какой целью уничтожили центр древнего города? Тысячи людей погибли под гиганскими пирамидами из разрушений. Проходы между ними были обозначены табличками с названиями прежних улиц. Это было кладбище, одна могила для всех, для всего города! Я снял с головы шапку и этим показал пример для остальных.

В тот же день для меня состоялся «последний» бой. Он произошел на перевале Рудных Гор, на границе Германии с Чехословакией. Нашим пушкам пришлось стрелять прямой наводкой по вражеским

пулеметам и автофургонам, на которых сюда, на перевал, видимо, был доставлен этот заслон, преградивший нам путь. Заслон перестал существовать под разрывами наших снарядов, под сильным огнем, которому он подвергся. Огонь умолк, а мы двинулись дальше, по шоссе вдоль реки Лаба. До Праги оставалось немного.

На рассвете 9 мая 1945 года мы с севера вошли в Прагу, нас немного опередили тогда наши танки. Только в отдельных местах красивейшего города, расположенного на живописных холмистых берегах Влтавы, слышалась редкая перестрелка и тогда над домами поднимались шапки дыма. И это так противоречило пражской цветущей весне, яркому солнцу. Все кругом ждали мира. В нескольких местах на улицах остались бариккады, при нас их быстренько разбирали. Горожане, казалось, все без исключения, вышли на улицы и площади, у многих были в руках большие букеты цветов. Цветы нам дарили, цветами посыпали улицы перед нами. Происходило искреннее братание с чехами: нас обнимали, целовали, благодарили за то, что мы пришли на помощь — спасли от разрушений Прагу, сохранили жизнь многим её жителям. Так встретила и приняла нас Прага.

Сделав короткую остановку в городе, мы совершили купание в Влтаве. Смыли с себя дорожную пыль и следы пороха от недавнего боя. Думаю, что вид у нас был праздничный. Тем более, что мы получили официальное сообщение о конце войны. И это были и радость, и слезы. Мне сразу вспомнилась вся война, с ее первого дня, вся моя фронтовая дорога, такая трудная и везде обозначенная обелисками на братских могилах.

Думаю, что не легко и очень ответственно было принимать решение и гласно объявлять на весь мир об окончании войны. Гораздо труднее это было почувствовать на деле. На территории Чехословакии оставалось много избежавших разгрома и плена вооруженных формирований, которые скрывались от суда и возмездия, стремились уйти, на Запад. Мы должны были стать силовыми заслонами на границе между оккупационными зонами ваших союзников по войне.

Мы с чувством грусти покинули благодарную Прагу — очень уж мы породнились тогда с чехами. В город Пльзень, на юге Чехии, нас не пустили американцы, произошел организационный, служебный конфликт, рассогласование и недопонимание на местах принятого в политических верхах соглашения. Поэтому, встретив американцев на одной из дорог к Пльзеню, мы были далеки от дружеских ликований, застыли в тревожном ожидании друг перед другом на дистанции выстрела, демонстрировали выдержку и спокойствие.

Наше командование приняло правильное решение: мы повернулись и ушли. Путь держали по прекрасным дорогам, по живописным курортным местам, прошли Лазни (Мариинские и Франтишек) и подошли к Карловым Варам. Здесь был охраняемый немцами аэродром, с когорого поднимались в воздух самолеты, один за другим, и улетали в неизвестном направлении. Нам было понятно, «кто такие» пассажиры в этих самолетах и скопившиеся вокруг них на летном поле. Был получен приказ штурмовать аэродром и, по возможности, взять в плен живыми приготовившихся к отлету пассажиров. Завязалась сильная перестрелка, у охраны оказались минометы. Батарея подверглась обстрелу. Это случилось в ночь на 4 июня 1945 года — меня ранило тогда близко разорвавшейся миной.

Очнулся я в госпитальной палате. Тут всё было сказочно: чистое, светлое помещение, мягкая и удобная постель. Заходят люди в бедых халатах, стремятся оказать помощь. О том, в каком я состоянии, мне напомнили повязка на голове и острые боли, которые я чувствовал, когда двигался: «Я ранен, я в госпитале». Так для меня завершилась война. Долго, весь свой фронтовой путь я спрашивал у Судьбы: «Когда же придет моя очередь?» Но смерть щадила меня. Я напряженно ждал, и вот это случилось в мой «последий день войны!».

Меня вылечили к сентябрю, но медицинская комиссия признала по состоянию здоровья непригодным для прохождения службы. Приказом ЦГВС/80768 от 8 октября 1945 года я был уволен в офицерский запас ВС СССР. Это стало последней точкой моей службы в армии. Вернувшись с войны в Москву, я был принят на учет в Киевском РВК (20 октября 1945г.) и по возрасту снят с воинского учета 31 декабря 1978 г. Приказом ВГК ВС РФ №2 от 27апреля 2000 года мне было присвоено очередное воинское звание капитан.

Имею награды:

— за участие в героическом штурме и взятии Берлина медаль «За взятие Берлина» (А№492438, указ Президиума ВС СССР от 9 июня 1945г.);

— за участие в героическом штурме и освобождении Праги медаль «За освобождение Праги» (А№134834, указ Пр. ВС СССР от 9 мая 1945г.);

медаль «За Победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941-1945гг.» (№0289548, указ Пр. ВС СССР от 9 мая 1945г.);

медалями в честь 20, 30, 40 и 50-летия Победы в ВОВ;

(Указы Пр. ВС СССР от 7.05.65г., 25.04.75г., 12.04.85г., 22.03.95г.);

— медаль ЖУКОВА (Указ от 19.02.96г., Г№ 07110г68);

· орден Отечественной войны 1-й степени (уд. 454557, зн. 454747,указ Пр. ВС СССР от11в 03.85г.);

медаль к ордену «За заслуги перед Отечеством 2-й степени» (№ 485, указ Президента РФ от 28.04.95г.).

Почетный гражданин белорусского села Вышимир и украинского города Киверцы. В ноябре 1945 года я возобновил учебу в МАИ, закончил в 1950 году, получил диплом с отличием Б№028482 от 8 мая 1950 года по специальности «радиоинженер». С 10 июля того же года и по сей день работаю по своей специальности на предприятии ОАО НПО «Алмаз», являюсь Заслуженным ветераном предприятия и Ветераном труда (Пост. Правительства Москвы 29/539 от 14.П.96г.). Пенсионер по возрасту с 28.02.83г (уд. №086671 от 4.03.83г., Киевский РОСО г. Москвы). Состоял в рядах Коммунистической партии с ноября 1943 года по июль 1991 года.

Отдельные очерки о войне печатались в газетах «Дуэль», «Московский Сокол», «Стрела». Сборники воспоминаний «Думы о пережитом», «Война и дети», «Боевой путь», «Записная книжка комбата», «Война в действии», «Фронтовые письма» и др. находятся в домашнем музее автора.

Июнь 2003 г.

В подготовке настоящих воспоминаний оказала помощь ***Афанасьева Светлана Николаевна***, студентка 1-го курса Профессионального училища № 5

Борзунов Семен Михайлович

РАДИ НЕСКОЛЬКИХ СТРОЧЕК

Родился 23 февраля 1919 г. в селе Студеное Аннинского района Воронежской области в семье крестьянина-бедняка.

Отец, Михаил Ефимович, занимался земледелием, принимал участие в 1-й мировой войне, награжден Георгиевским крестом и медалью «За храбрость». В 1919 г. погиб под Воронежем в боях с деникинцами.

Отчим, Шерстняков Алексей Дмитриевич, участвовал в гражданской и Великой Отечественной войнах, погиб в 1942 г. под Касторным

Мать, Анна Николаевна, большую часть своей жизни одна воспитывала семерых детей (двоих от первого и пятерых от второго брака).

Жена, Надежда Антоновна, участник войны, окончила Московский областной пединститут, работала преподавателем немецкого языка. Дочь Светлана — преподаватель английского языка. Внучка Анна окончила МГИМО, знает английский и немецкий языки. Бакалавр, юрист.

Ввиду крайней бедности родителей я смог окончить лишь семилетку, которая к тому же находилась в пяти километрах от родного села. До 1937 г. работал в колхозе, потом старшим пионервожатым в средней школе, а в конце того же года, как активный селькор, был

приглашен на должность литсотрудника в аннинскую районную газету «Коллективный труд».

Горячо взялся за творческое дело, работал с радостью и любовью. Вскоре обо мне появился большой очерк «От селькора до журналиста» в популярном столичном журнале «Рабоче-крестьянский корреспондент». Тогда же впервые напечатался в «Правде». Работая в редакции, завершил среднее образование: окончил Аннинский областной политпросветтехникум.

В 1939 г. перед уходом в армию некоторое время трудился в Воронежской областной газете «Коммуна», с которой не порываю связей на протяжении более 60 лет и на страницах которой печатаюсь и сейчас.

В феврале 1941 г. окончил Военно-политическое училище и, будучи офицером-танкистом, в первые же часы 22 июня встретил врага на западной границе в районе Перемышля. Был ранен, но придя в сознание, отказался от госпитализации и остался в боевом строю. Участвовал в качестве замполита командира роты в знаменитом штурме крепости Перемышль, когда немцы были вынуждены оставить город.

Потом в моей судьбе произошёл резкий поворот: я стал военным корреспондентом сначала дивизионной, затем армейской и фронтовой газет.

Принимал участие в обороне Льва и Киева, а также в первых наступательных боях под Ленинградом и Тихвином, на Дону и под Воронежем, на Курской дуге и в других местах. Вплоть до конца войны, т.е. до Берлина и Праги.

С РАЗВЕДЧИКАМИ ЧЕРЕЗ ДНЕПР

В судьбе каждого участника Великой Отечественной войны наверняка есть свои незабываемые дни и бои, которые дороги ему своей неповторимостью и сознанием личной причастности к ратным подвигам нашего народа. Таким памятным событием на моем жизненном пути стало участие вместе с разведчиками в форсировании Днепра в сентябре 1943 года.

Войну я встретил танкистом на западной границе под Перемышлем. В первые ее минуты был ранен. Позже стал корреспондентом сначала дивизионки, потом армейской «В бой за Родину» (4-я армия Волховского фронта), а с июня 42-г. — фронтовой газеты «За честь

родины» (Воронежский, с 20 октября 1943 г. — 1-й Украинский фронт). В этой роли дошел до Праги и Берлина.

Словом, знаю хорошо, почем был фунт лиха у фронтовиков, так как почти все четыре года находился в их шкуре. Попадал в разные переплеты: дрался на границе, выходил из большого и малых окружений, пережил неисчислимое количество артобстрелов и бомбежек, участвовал в танковых и воздушных рейдах, действовал в горах и болотах, форсировал свои и чужие реки. Вот они-то, реки, больше всего запомнились. Занозой врезались в мое сердце.

И все потому, что рос я в глухой, безводной, степи и плавать не научился. А тут сам Днепр встал на пути. Грозный и почти километровой ширины. Было это 22 сентября 43-го года. Но расскажу все по порядку.

В редакции я, именуемый разъездным спецкором, бывал редко. А на этот раз, узнав, что она уже передислоцировалась ближе к фронту, решил сам привезти срочный очерк о сержанте Тимошкине, который, что называется на моих глазах (я был в это время на огневой позиции), в критическую минуту боя вызвал огонь батареи на себя и героически погиб. Прямо с порога докладываю уткнувшемуся в бумаги редактору Льву Троскунову: привез такие-то материалы, собираюсь написать в первую очередь то-то и то-то...

— Об этом потом, — полковник поднял голову, доброжелательно глянул на меня усталыми глазами. — Есть более важное дело... — Он молча осмотрел меня с головы до ног и твердо сказал: «Отправляйтесь в третью танковую армию генерала Рыбалко. Его подразделения вырвались далеко вперед, в районе Переяслава-Хмельницкого достигли берегов Днепра и вот-вот начнут переправу. Их задача — с ходу захватить плацдарм на правом берегу и удерживать его до подхода основных сил».

— Форсировать Днепр? — не удержался я от радостного восклицания

— А что? — постукивая карандашом по столу, переспросил редактор.

— Отлично! Тем более, что германские стратеги считают Днепр неприступным рубежом. Одно беспокоит: готовы ли мы к тому, чтобы перескочить его?

— Как ты думаешь, что сказал бы на это твой сержант Тимошкин? прищурившись спросил редактор.

Я кивнул утвердительно и на вопрос, готов ли ехать, ответил как солдат, получивший боевой приказ:

— Готов, товарищ полковник!

Посидите, редактор показал на широкую скамью, протянувшуюся вдоль стены, от порога до переднего угла хаты. — Сейчас придет машина.

За окном сырой, знобящей сентябрьской ночи льет дождь. Грустные мысли, связанные с непогодой, невольно зарождаются в голове, но я гоню их прочь. Все это мелочи. Завтра дождь перестанет, засветит солнце, все вокруг оживет — ведь только-только минуло бабье лето.

Как всегда, когда ждешь чего-то значительного, необычного, мысли стремительно переключаются с одного на другое. Останавливаюсь на том, что еще свежо в памяти, что надолго, навсегда останется в моем сознании. Думаю о горячих днях минувшего лета, заполненного боями на Курской дуге, где я как собкор газеты неотлучно провел все 6 месяцев. Эти дни изрядно выбелили солдатские гимнастерки, пропитали их потом и солью. Сколько ж нами пройдено за третье военное лето?

Вскоре послышался шум мотора. Заскрипели тормоза автомобиля. В редакторскую хату вошел начальник Политического управления фронта генерал-майор Сергей Севельевич Шатилов, молодой, смуглолицый мужчина, очень подвижный, решительный. Мне не раз приходилось видеть его в боевой обстановке, получать от него задания, и я всегда относился к нему, как, впрочем, и все другие, с чувством большого уважения. Примерно год назад он подписал мое фронтовое корреспондентское удостоверение. И теперь судьба снова свела меня с этим человеком: он уезжал в войска, которым предстояло форсировать Днепр.

Генерал Шатилов энергично поздоровался с редактором и, дожидаясь рапорта, спросил:

— Кто едет?

Редактор назвал мою фамилию. Сергей Савельевич быстро повернулся, протянул руку и, широко улыбаясь, добродушно проговорил:

— Мы, кажется, знакомы!

И тут же задал несколько вопросов: хорошо ли себя чувствую, знаю ли задачу, имею ли нужную карту, приходилось ли раньше переправляться через широкие и быстроводные реки, как думаю доставлять материал в редакцию.

Моими ответами остался доволен.

— Пятнадцать минут на сборы хватит? А я пока потолкую с редактором.

Через пятнадцать минут «виллис» мчал нас, разрезая ночную темень, через рытвины и ухабы, на запад, к Днепру. По изрытым траншеями и окопами полям Украины спешили на запад танковые колонны. За ними неотступно тащились клубы густого дыма и пыли, насыщенные парами бензина и масел. Вслед за танками и самоходными орудиями двигались связисты, артиллеристы, саперы-мостовики, понтонеры, гвардейцы-минометчики, матушка-пехота. Люди шли в серых шинелях с зелеными полевыми погонами на плечах, каких на Украине еще не видели. Шли солдаты, перенесшие горе и разлуку с родными, видавшие пожарища и смерть.

Кажется, я задремал и не заметил, когда мы въехали в зону «выжженной земли». Во многих селах от хат остались одни дымари, а на месте садов чернели обгорелые пни. Руины и пепел звали к отмщению.

Генерал Шатилов сидел мрачный и злой. Таким я его видел впервые.

— Смотри и запоминай, корреспондент, — повернулся он ко мне. — И записывай, записывай. Об этом надо рассказать всем! Фашисты идут на любые преступления, лишь бы остановить наступающие советские войска. Что им страдания наших людей, наши города и села!? Что им кровь безвинных детей?

Генерал рассказал, что в зоне двадцати-тридцати километров перед Днепром немцы разрушили, уничтожили или вывезли в Германию все, что понравилось и что могло бы помочь нашим войскам при форсировании Днепра.

В одном месте, где дорога близко подходила к Днепру, нас обстреляли из миномета с высокого правого берега. Место это, видно, было заранее пристреляно, потому что мины ложились точно на дороге, и только ловкость водителя отвела от нас беду.

На командном пункте 3-й гвардейской танковой армии, который находился в лесу юго-западнее Переяслава-Хмельницкого, я пересел в броневик и вместе с офицером-направленцем добрался до штаба 51-й бригады. Ее командир, черноволосый, строгий с виду украинец подполковник Новохатько, порекомендовал мне действовать с ротой автоматчиков гвардии лейтенанта Синашкина. В ее расположении мы со связным пробирались лесом. Кругом стояла настороженная тишина, воздух был чист и свеж.

В роту прибыли поздним вечером. Бойцы укрепляли отведенный им участок недалеко от берега. Они были радостно взволнованы, горячо обнимали друг друга. Закончив работу, бежали к Днепру, черпали касками и пили днепровскую воду.

Здесь, в этом районе, Днепр круто поворачивал на восток, образуя своего рода петлю. Ширина его доходила до восьмисот и более метров. Левый берег был пологим, песчаным, местами покрытый кустарником и травостоем. Правый же — крутой и обрывистый. Там, на противоположном берегу, засел враг. Хорошо вооруженный, богато оснащенный техникой, глубоко зарылся в землю, установил проволочные заграждения и минные поля. Господствуя над нашими позициями, противник затруднял передвижение и подходы советских войск к реке. Видя нас на многие километры, как на ладони, гитлеровские минометчики и артиллерийские батареи довольно метко обстреливали все вокруг. Поэтому каждый понимал, что надо как можно скорее выбить фашистов с противоположной стороны реки.

Сырой ветер тревожно гудел в пожелтевшей листве. Холодные волны с шумом ударялись о берег. Могучий Днепр, словно живой, стонал от непомерной тяжести перенесенного людьми горя и страдания.

А противник угрожающе молчал.

Я подошел к группе бойцов, укрывшихся в ячейках за невысоким, случайно спасшимся от огня, лозняком. Поздоровался и выразил желание присесть. Пожилой боец с черными, свисавшими тяжелой подковой усами, подвинулся, освобождая мне место.

— По радио наше направление обьявили, — услышал я. — По командирской рации передавали. Так и сказали: «Киевское направление...»

— Хорошая примета, — отозвался его сосед. — Я так думаю, Семенов, скоро придется бежать фашистам из Киева.

— Не кажи гоп, пока не перескочишь! — строго, но беззлобно остановил его пожилой боец и, подкрутив, черные усы, с лукавинкой, исподлобья посмотрел на сидящих вокруг солдат. — Все же Днепр — это тебе не Битюг, где я родился. Вот так-то. Днепр после Волги — вторая очень серьезная водная преграда на нашем пути. Это надо понять и учесть.

Наверное, каждому подумалось сейчас, что переплыть Днепр — это еще не все, это полдела, а то и меньше того. Но как забраться на недоступную, темно-рыжую, намытую дождями днепровскую кручу? Ведь противник будет поливать оттуда горячим свинцом. Поди возьми его, недоступного, там, наверху, откуда он всех видит. К тому же у него надежно заранее подготовлены оборонительные позиции, пристрелены цели, расставлены наблюдатели, обеспечена связь, установлены соответствующие сигналы. А мы только с марша. У нас много-

го еще нет. А надо взять эту кручу во что бы то ни стало! Надо выкурить врага, как выкуривают из берлоги рассвирепевшего медведя.

Перед тем, как пуститься в путь, состоялось построение роты и командир батальона взволнованно сказал:

— Дорогие товарищи! Друзья! Перед нами — Днепр. Кто хочет первым переплыть его, отвлечь на себя огонь гитлеровцев, чтобы обеспечить переправу батальона?

Рота гвардейцев сделала шаг вперед. Но раньше других — на мгновение — сделали это четыре комсомольца — гвардии рядовые Иван Семенов, Николай Петухов, Василий Сысолятин и Василий Иванов.

— Разрешите...

— Прошу еще раз подумать: дело ответственное, рискованное. Там — смерть. — Он указал рукой на темную кручу над Днепром. Но там и победа, другого пути у нас нет.- Разрешите...

Старшим группы был назначен Иван Семенов. Пока гвардейцы занимались подготовкой к переправе, я подошел к командиру батальона и попросил разрешения отправиться вместе с передовой группой. Старший лейтенант улыбнулся и полушутя тихо сказал:

— Там еще не о чем писать. Да и не с кем будет переслать статью в газету... Потерпите малость. Пойдем вместе.

Но я настоял на своем: мне надо было видеть все, чтобы «с натуры» как можно точнее описать действия первой группы.

Рано утром, когда над водой еще дымил туман, мы, то есть четверо резведчиков и я, на утлой рыбацкой лодчонке отчалили от левого берега. Как только добрались до середины реки, враг открыл огонь. Вода вокруг как бы закипела, и наша лодка запрыгала, словно спичечный коробок. Вот тут-то я вспомнил, что не умею плавать. По спине побежали мурашки. Не потому только, что устрашился смерти: за время войны мы с этой мыслью в какой-то степени свыклись. Обидно было погибать без толку, пассивно, без выстрела, без боя, не причинив врагу никакого ущерба. Стиснув зубы, еще злее стал нажимать на весла. К счастью, спереди показался островок, заросший кустарником, который прикрыл нас, а потом мы вошли в «мертвое» пространство: фонтаны взрывов остались позади. Вскоре под лодкой послышалось шуршание песка. Еще минута — и мы у подножья отвесной скалы. Что делать? Вдруг зычный голос-скомандовал:

— Становись на мои плечи и айда — наверх!

Мы все моментально воспользовались услугами своего смекалистого товарища и один за другим забрались на вершину обрыва.

Завязался бой. Неравный, жестокий. Тем временем подходили другие лодки и плоты, а мы постепенно, шаг за шагом, углублялись в расположение противника. В первое время мне, как и всем, пришлось действовать, конечно, не карандашом , а автоматом. Но такова уж миссия газетчика: как бы ни складывались обстоятельства вокруг тебя во время сбора материала, помни: в редакции ждут твою корреспонденцию с переднего края. А в данном случае — тем более: сообщений о первых героях переправы через Днепр ждал весь фронт, вся страна. Днепр решал судьбу нашего дальнейшего наступления.

Почти трое суток подряд не выходил я из боя, действуя автоматом и гранатами. Только в конце третьего дня получил возможность отползти назад, найти удобное местечко около разбитой хаты, занести в блокнот фамилии тех разведчиков, в лодке с которыми я переправлялся и с которыми — в прямом смысле плечом к плечу — находился в почти непрерывном трехдневном бою. Потом вдруг резанула мысль: а как же мне выбраться из этой кутерьмы? Как доставить материалы в газету? Ведь все двигалось на западный берег, а мне нужно на восточный...

Паром, конечно, еще не работал, радиосвязи не было. Значит, снова переправляться через реку самому под почти непрерывной бомбежкой «юнкерсов» и фланговым огнем вражеских пулеметов.

Первую попытку перебраться на левый берег Днепра мы предприняли с Сергеем Орловым, связным командира батальона. Среди своих сослуживцев он выделялся большой физической силой и выносливостью. До войны, по его рассказу, он занимался спортом и легко на турнике «крутил солнце».

— Ну как, переберемся? — спросил я Орлова, садясь в лодку.

— Это мы запросто, — храбро ответил Сергей, не задумываясь об опасности.

Вначале действительно все шло хорошо. Мы бесшумно и быстро удалились от берега. Справа и слева от нас падали снаряды, поднимая водяные фонтаны. Чувствовалось, что противник вел огонь просто по реке, или, как говорят артиллеристы, бил по площадям. Однако стоило нам только выплыть на середину реки, как вдруг где-то сзади гулко заработал вражеский пулемет. Пули со свистом проносились совсем близко от нас, несколько впереди, пунктиром очерчивая линию своего соприкосновения с водой. Мы не успели придержать лодку, как оказались в зоне огня. Гитлеровцы дали новую длинную очередь. Издав слабый стон, Орлов выронил из рук весла. Голова его как-то неестественно склонилась на плечо, и он тихо повалился на

правый борт лодки, которая вдруг резко развернулась и поплыла вниз по течению. Я обеими руками с силой нажимал на правое весло, чтобы скорее выйти из-под огня. К счастью, в этот момент с нами поравнялась другая лодка. Товарищи помогли перетащить Орлова в свою лодку, а нашу, пробитую пулями, взяли на буксир. Поневоле пришлось вернуться обратно. Вторая и третья попытки переплыть Днепр также не увенчались успехом.

С наступлением темноты мы снова отправились в путь. На этот раз он проходил несколько севернее. Фланговый пулемет врага нам уже не угрожал. Теперь донимали минометчики. Освещая реку ракетами, враг довольно точно бросал мины. Мы продолжали плыть: другого выхода не было. Сидевшие на веслах бойцы, которых я никогда не видел раньше и не встречал позже, старались изо всех сил. Они знали, что переправляют корреспондента, которому во что бы то ни стало нужно добраться до левого берега и доставить материал в газету.

Короче, несмотря на все перипетии, редакция получила-таки ожидаемый материал...

Тут мне удобнее предоставить слово члену Военного совета фронта генерал-полковнику К. Крайнюкову, который о тех боях так написал в своей книге воспоминаний «От Днепра до Вислы»: «На нашем фронте первыми форсировали Днепр разведчики мотострелкового батальна 51-й гвардейской танковой бригады, которой командовал Герой Советского Союза гвардии подполковник М. С. Новохатько. С первым десантом, под огнем врага, переправился и корреспондент фронтовой газеты капитан С.М. Борзунов. В своем репортаже он ярко и правдиво рассказал о подвиге гвардейцев-комсомольцев В.Н. Иванова, И.А. Семенова, Н.Е. Петухова и В.А. Сысолятина, ворвавшихся в районе Григоровки на правый берег Днепра и положивших начало основанию Букринского плацдарма».

Все четверо названных разведчиков были удостоены звания Героя Советского Союза. Корреспондент же, то есть я, получил письменную благодарность от главного редактора в приказе, вывешенном на доске объявлений редакции. Кстати сказать, по утверждению старожилов нашей газеты, это был первый случай, когда на фронте в форме приказа оценивалась профессиональная работа корреспондента «За честь Родины». О представлении же меня к званию Героя Советского Союза я узнал много позже, после войны, от бывшего работника главного управления кадров Министерства обороны СССР полковника В. И. Стрельцова, который потом возглавил отдел кадров Воениздата, где некоторое время работал и я. Представление

написано бывшим редактором газеты «За честь Родины» полковником запаса С.И. Жуковым, сменившим в конце сентября 1943 года полковника Л.И. Троскунова. Далее сказано: «Изложенное в Представлении тов. Жукова С.И. подтверждаем и поддерживаем: бывший начальник политуправления 1-го Украинского фронта генерал-лейтенант С. Шатилов и бывший член Военного совета 1-го Украинского фронта генерал-полковник К. Крайнюков». И оба поставили свои подписи.

Представление начиналось с воспоминания о том, что «На основе Директивы Ставки Верховного Главнокомандования, направленной 9 сентября 1943 г. Военным советом фронтов и армий, возбуждаю перед Президиумом Верховного Совета СССР ходатайство о присвоении Борзунову Семену Михайловичу звания Героя Советского Союза...»

Уходя в отставку, кадровик этот передал мне на память ксерокопию этого «представления», где, в частности, сказано: «Небольшая группа, во главе которой фактически встал офицер-журналист, действуя смело и решительно, под огнем врага переправилась через реку, закрепилась на ее правом берегу и обеспечила переправу мотострелков. Трое суток тов. Борзунов вместе с гвардейцами отбивал многочисленные контратаки гитлеровцев (стрелял из автомата, действовал гранатами, ходил в штыковую) и лишь на четвертый день, когда бой немного утих, получал возможность заняться своими корреспондентскими обязанностями...»

Меня часто спрашивали, почему не умеющий плавать корреспондент, не думая о последствиях, несмотря на совет комбата старшего лейтенанта Пищулина воздержаться, по существу самовольно втиснулся в лодку и вместе с разведчиками отправился на правый, еще занятый врагом берег?

Ответ простой: я и в мыслях не мог отделять себя от солдат, выполняющих боевой приказ, так как сам совсем недавно был солдатом. К тому же профессиональный долг обязывал меня во всех деталях подробно описать исторический момент форсирования крупной реки и захват правобережного плацдарма. Словом, и на этот раз все надо было увидеть своими глазами: таков закон настоящего журналиста вообще, а фронтового — тем более. Я ведь с первого дня войны по существу не выходил из состояния боя.

Спрашивают и о том, почему заслуженная в боях награда обошла меня стороной? Этот вопрос надлежало бы задать тем, кто держал в руках «Наградной лист» и решал: давать или не давать? Но тех людей, наверное, уже нет. Я же могу лишь назвать некоторые органы

печати, в которых подробно рассказывалось о том, что вместе с четырьмя разведчиками в одной рыбацкой лодке мне довелось форсировать 22 сентября 1943 г. Днепр, отвоевывать Букринский плацдарм и сообщить об этом во фронтовой газете. Вот некоторые из этих изданий: сборник «Советская военная печать» (Воениздат, 1960), «Партийная и советская печать в борьбе за построение социализма» (изд-во «Мысль» 1966), однотомник «Летописцы победы» (Политиздат, 1984). Наконец, однотомник энциклопедии «Великая Отечественная война 1941-1945» (изд-во «Советская энциклопедия», 1985), а также ряд авторских книг: Н.Г. Нерсесян. «Киевско-Берлинский» (1974).; Л. Решетникова «Встречи» (Новосибирск,1986); Н. Гамова. «Разведчики» (Воронеж, 1985); А. Александрова. «Тропинка» (М., 1999); Ф. Царева. «На крутых поворотах» (М., 2002); А. Свиридова. «Путешествие к человеку» (Воронеж, 2002) и др.

Назову некоторые газеты: «Правда», «Красная звезда», «Сельская жизнь», «Ветеран», «Комсомольская правда», «Патриот», «Красный воин», воронежские «Коммуна» и «Молодой коммунар», «Аннинские вести». Об этом факте фронтовой действительности говорилось во многих статьях таких авторов, как Михаил Алексеев, Иван Стаднюк, Анатолий Иванов, Юрий Жуков, Николай Кононыхин, Александр Верхолетов, Юрий Грибов, Владимир Евтушенко, Николай Васильев.

Что касается журналов, то помимо «Романа-газеты» № 12 за 1997 г., сошлюсь еще на два. В «Ветеране войны» (№ 2 за 1995) главный редактор В. Нагорный, приведя выдержки из нового, повторного «Наградного листа», заполненного в 30-ю годовщину начала Великой Отечественной войны и посланного по инстанциям, в статье «Восторжествует ли справедливость» писал: «Было это в марте-апреле 1971 г. Однако и тогда где-то вновь увязло представление к званию Героя. Трудно сказать, в чем же тут причина, почему истинный подвиг офицера, проявленный в жестоком бою, был отмечен лишь благодарностью редактора газеты. Говорят, в связи с распадом бывшей нашей державы звание Героя Советского Союза теперь не присваивается. Но ведь и в новой стране существует высшее отличие — Герой России. Золотой Звездой отмечаются ныне не только за совершенные подвиги в наши дни, но и за мужество на полях сражений Великой Отечественной. Так восторжествует ли справедливость в отношении верного солдата, внесшего свой достойный вклад в Победу?»

А вот что просил у Президента В. Путина известный в стране авторитетный, основанный в 1920 г., журнал «Журналист» (N5 — 2000) в редакционном послесловии:

«ОТ РЕДАКЦИИ. Этот наградной лист был составлен, подписан и направлен по инстанции в апреле 1971 г, бывшим ответственным редактором газеты «За честь Родины» С. Жуковым, бывшим начальником, политуправления 1-го Украинского фронта генерал-лейтенантом С. Шатиловым, бывшим членом Военного совета 1-го Украинского фронта генерал-полковником К. Крайнюковым. И все же награда тогда так и не обрела своего героя. А теперь и вовсе такого звания нет, как нет Советского Союза. Из этого, однако, не следует, что не было и подвига Борзунова. Был. И он должен быть оценен. Еще не поздно. Редакция журнала «Журналист» обращается к Президенту РФ В.В. Путину и просит рассмотреть запылившееся где-то в канцелярских архивах представление полковника запаса, прошедшего всю войну Борзунова С.М. к заслуженной награде». Думается, что здесь комментарии не требуются

И РАСПИСАЛСЯ НА РЕЙХСТАГЕ

На фронте каждый делал свое дело, точнее, выполнял то, что было приказано. Добросовестно, не жалея и пренебрегая опасностями, делал свое журналистское дело и я — специальный корреспондент ежедневной фронтовой газеты «За честь Родины», которую издавало командование 1-го Украинского фронта.

...После форсирования Днепра мне довелось вместе с передовыми частями принимать участие в боях за Киев. 6 ноября 1943 г. столица Советской Украины была освобождена от немецкой оккупации, и в тот же день в дымящем от пожаров городе появились заместитель Верховного Главнокомандующего маршал Г. К. Жуков и командующий фронтом генерал Н. Ф. Ватутин. Мне посчастливилось присутствовать при их разговоре с благодарными киевлянами. Эти беседы, как и встречи с героями боев, я описал в своей статье «В боях за Киев», которая была напечатана 8 ноября в газете.

Вслед за ней в той же газете «За честь Родины» была опубликована большая статья об освобождении крупного города Житомира. Затем вместе с передовыми частями входил в города и селения, которые с горечью оставлял врагу в июне-августе 1941 г. И таких людей, как я, было немало: все мы, возвратившиеся на рубежи минувших боев 1941 г., испытывали трепетное чувство освобождения от фашисткой оккупации. Это радостное настроение советских людей я передал в очерке «К западным границам Родины», напечатанном 11 апреля 1944 г.

Потом были не менее легкие бои за освобождение Польши, о которых также приходилось оперативно сообщать на страницах нашей газеты. При отсутствии у корреспондента своего транспорта это нелегко было делать.

В Берлин я входил с западной стороны в роли десантника на одном из танков 53-й танковой бригады дважды Героя Советского Союза полковника В. С. Архипова. Вместе с танкистами испытал все тяжести и опасности боев на улицах вражеской столицы, которая зверски ощетинилась и стреляла из каждого здания, превращенного в каменную крепость. Уже после войны я подробно описал все это в документальной повести «Так кончаются войны» (2000 г.) и в романе «Маршал Конев» (2001 г.). А тогда верхом счастья каждого участника боев за Берлин было желание во что бы то ни стало пробиться к сердцу вражеской столицы — Рейхстагу и оставить на его черных от дыма колоннах свой автограф.

Такое счастье испытал и я. Оно, это мое состояние, было усилено тем, что, находясь в пылающем Берлине, я получил телеграмму редактора газеты полковника С. И. Жукова, поздравившего меня с награждением орденом Красного Знамени. Сразу же после войны я получил его из рук командующего фронтом маршала И. С. Конева. А еще позже кадровики вручили мне копию наградного листа. В нем отмечалось:

«Майор Борзунов С.М. с первых дней организации газеты «За честь Родины» работает в частях Воронежского, а затем 1-го Украинского фронта в качестве корреспондента — организатора. Он непрерывно находится в действующих частях, организуя боевые, оперативные материалы с передовой линии.

Во всех решающих боях частей фронта: в зимнем наступлении 1943 г., в весеннем и летнем наступлении 1944 г., а также в последних наступательных боях 1945 г. тов. Борзунов неизменно находится с передовыми частями.

В боях за Днепр и Киев он одним из первых форсировал реку, перебрался на захваченный правобережный плацдарм и там, под огнем врага, организовал оперативную информацию от четырех комсомольцев — героев днепровской битвы.

При взятии Житомира, Львова, Сандомира и других крупных узлов сопротивления противника тов. Борзунов одним из первых среди корреспондентов входил в освобожденные города, обеспечивая газету оперативной информацией.

В последнем наступлении частей фронта 1945 г. все время находится в действующих частях армии Рыбалко, продвигается с передовыми отрядами, одним из первых перешел границу фашистской Германии, обеспечил газету боевой, оперативной информацией.

Военно-грамотный журналист, тов. Борзунов неоднократно публиковал в газете высококвалифицированные военные статьи.

Организуя материалы на передовой линии под огнем врага, он показал себя как бесстрашный советский журналист.

Майор Борзунов С. М. достоин награждения орденом Красного Знамени.

Ответственный редактор фронтовой газеты «За честь Родины» полковник С. Жуков.

Заключение вышестоящих начальников:

Достоин награждения орденом Красного Знамени. Начальник политуправления 1 УФ гв. генерал-майор Яшечкин. 4 марта 1945 г».

Такова была оценка моей боевой работы на фронте как корреспондента газеты. Мне остается сообщить, что вместе с танкистами той же 3-й гвардейской танковой армии генерала П. С. Рыбалко я участвовал (опять же в роли десантника на броне) в историческом, очень сложном броске с Берлина на Прагу через высокие и крутые Рудные горы. Оттуда 9 мая я послал в редакцию телеграмму об освобождении столицы дружеской Чехословакии. Это было мое последнее сообщение с фронтов Великой Отечественной войны.

После войны служил в Центральной группе Советских войск в Австрии. В 1947-1951 гг. учился в Военно-политической академии (ныне — Военный университет). Около 7 лет возглавлял военно-политический журнал «Блокнот агитатора» («Агитатор армии и флота»). С 1959 по 1979 гг. исполнял обязанности главного редактора редакции художественной литературы, а затем — зам. главного редактора Военного издательства Министерства обороны СССР. В 1979 г. в звании полковника ушел в отставку, два года работал в литературно-художественном журнале «Знамя», а с 1981 до 1989 г. — заместителем главного редактора «Роман-газеты», где и поныне состою в редколлегии.

Член Союза писателей с 1973 г. Избирался секретарем Правления Московской организации писателей и дважды председателем ревизионной комиссии СП РСФСР, а также делегатом ряда писательских съездов России и СССР.

В разные годы написал и издал более 20 книг, в основном о подвигах, совершенных в годы Великой Отечественной войны. В 1988 г. в издательстве «Художественная литература» был выпущен мой однотомник «Избранное». В 2000 — документальная повесть «Так кончаются войны», а в 2001 г. — роман «Маршал Конев».

За литературные успехи в 1979 г. получил орден Знак Почета, а также был удостоен литературных премий имени А. Фадеева, Д. Фурманова, К. Симонова, В. Пикуля и премии Министерства обороны СССР. В 1969 г. было присвоено почетное звание Заслуженный работник культуры РСФСР. Имею ряд других премий и конкурсных дипломов, полученных от творческих Союзов журналистов и писателей.

Принимаю участие в выпуске многотомных изданий «Живая память», «Солдаты XX века» и в других коллективных сборниках. Являюсь членом Комитета памяти Маршала Советского Союза Г. К. Жукова и руководителем пресс-группы межрегионального общественного фонда «Выдающиеся полководцы и флотоводцы Великой Отечественной войны».

Собственные литературные публикации:

— «Берег левый, берег правый». Воспоминания. — М., 1966.

— «Ради нескольких строчек». Документальная повесть. — М., 1969.

— «На линии огня». Повести, рассказы, очерки. — М., 1972, 1977;

— «С пером и автоматом». Повести. Сборник. — М., 1977.

— «Подвиг, отлитый в строки. Три повести. — М. 1974.

— «Всего одна жизнь». О дважды Герое Советского Союза Головачеве. — М., 1976;

— «Знамя над городом». О боях за г. Тихвин. — М., 1984.

— «У родного порога». Повесть. — Воронеж, 1986.

— «Города-герои». Издание на иностранных языках. — 1983;

— «Все его сыновья». О Великой Отечественной войне. Роман. — М., 1986.

— «Избранное». Однотомник. — М., 1988.

— «Маршал Конев». Роман. — М., 2001

и другие. Всего 23 книги.

Июль 2003 г.

В подготовке настоящих воспоминаний оказал помощь ***Коноплева Елена Васильевна***, студентка 1-го курса Профессионального училища №5 г. Москвы

Буланов Владимир Петрович

В 4 ЧАСА 30 МИНУТ ПОЛК СНОВА ПОДНЯЛИ ПО ТРЕВОГЕ

Родился 19 февраля 1919 года в крестьянской семье в деревне Берница Кашинского района Тверской области. Учился в сельской школе Чагино, затем в Кашинской школе, где закончил 8 классов, а в1936 году переехал в г. Подольск, к старшему брату. В этом же году поступил в Подольский индустриальный техникум на горновзрывное отделение. В 1937 году, в 25 лет, брат погиб при аварии на заводе. Руководство завода им. Орджоникидзе платило мне 137 рублей ежемесячно, чтобы я мог дальше продолжать учебу. В 1938 году, после окончания 2-х курсов техникума, мы, трое слушателей техникума, прочитав в газете объявление о наборе в военную школу штурманов, подали в военкомат заявление. Нам предложили на выбор две школы — в Краснодаре и Харькове. После долгих дебатов перед картой, куда лучше ехать, путем жеребьёвки выбрали Краснодар. В августе мы прибыли в Краснодар, где школа еще только строилась. Одновременно с учебой курсантам приходилось принимать участие в строительстве. Школу штурманов я закончил в июне 1940 года, получил звание лейтенант. По разнарядке был направлен в 46-й бомбардировочный полк 9-й авиадивизии на аэродром Шяуляй в Литве. В полку по штату было 62 самолета СБ. В то время летали очень много, оттачивая свое мастерство в самолетовождении и бомбометании, на полигоне, расположенном вблизи г. Вильнюс.

Перед войной полк получил несколько двухместных пикирующих самолетов АР-2 авиаконструктора Архангельского. В период освоения самолета я был включен в экипаж комиссара полка Григория Дубинина, в качестве штурмана. О комиссаре должен сказать, что он был человек исключительно образованный, умел найти подход к любому. Отличный летчик погиб летом 1942 года, будучи комиссаром 10-го разведывательного полк. Похоронен в братской могиле в г. Малоярославце Московской области.

В 1941 году, накануне войны, в Прибалтике проходили большие маневры. Мне пришлось летать с полковником — инспектором Главного штаба ВВС. За пять — семь дней до начала войны маневры срочно закончили, мы вернулись на аэродром Шяуляй.

В июне 1941 года немецкая авиация каждый день нарушала нашу границу с целью разведки советских войск. Самолёты залетали глубоко на нашу территорию, что хорошо просматривалось по следу инверсии. Наши истребители перехватывали их, сопровождали до границы, но сбивать разведчиков командованием было запрещено. Благодаря беспрепятственным разведывательным полетам немцы собрали богатую информацию о дислокации наших войск, в результате чего мы понесли колоссальные потери авиации в первые дни войны. Мы, рядовые летчики и штурманы, чувствовали, что обстановка накалилась до предела. Немцы сосредоточили огромное количество войск у нашей границы. В начале июня литовцы говорили нам, что немцы начнут войну 15 июня в воскресение, уже 8-12 июня дату перенесли на 22 июня. (Это к вопросу о том, кто начал войну — Гитлер или Сталин.)

21 июня в конце дня полк поднялся по тревоге, и мы перебазировались на полевой аэродром Гурджай. Мы расставили самолеты по линейке в 15-20 метрах от опушки леса, замаскировав их срубленными березами, фактически создали отличную цель для немецкой авиации. Утром 22 июня в 4 часа 30 минут полк снова подняли по тревоге, подвесили бомбы под самолеты, и мы получили приказ бомбить немцев, форсирующих реку Неман. Я вылетел в составе третьей девятки, но мы до цели не долетели, так как радист ведущего самолёта по радио получил команду вернуться обратно. Эта команда была ложной. Через некоторое время вернулись две первые десятки со значительными потерями.

Во время завтрака, часов около девяти, шесть немецких бомбардировщиков произвели налёт на наш аэродром. Первый заход они сделали по стоянке, а последующих два — по опушке леса, где находился личный состав полка. Пришлось проявить смекалку и прятаться за стволы крупных деревьев с противоположной стороны для направления захода немецких самолётов. В первый день войны полк понёс значительные потери в авиационной технике и в личном составе.

Наш самолёт СБ после первого вылета был уничтожен немцами, поэтому дальше мне пришлось летать на самолёте Ар-2 с комиссаром полка. К четырнадцати часам мы получили команду на сохранившихся самолётах перебазироваться на аэродром Румбала в пригороде Риги. Перелёт был выполнен организованно, к тому времени в полку осталось уже около 40 самолётов. Утром кто-то пустил слух, что немцы выбросили десант на западный край аэродрома. Мы же располагались на восточном краю, и между эскадрильями чуть не состоялся бой, но в итоге разобрались, что эта свои. На следующее утро нас снова подняли по тревоге и приказали лететь на аэродром Опочка, что западнее Пскова. Все вылетали очень неорганизованно, с разных направлений, одиночными экипажами. Когда я сел в самолёт Ар-2, то обнаружил, что у меня нет карты. К самолёту подбежал «безлошадный» лётчик Файзулин и сел ко мне в штурманскую кабину, я взял у него карту масштаба 25 км в 1 сантиметр, и с трудом найдя Опочку, мы взяли нужный курс. Однако там, на месте аэродрома, не было ни одного самолёта, и мы решили произвести посадку на соседний аэродром Идрица. Ближе к вечеру мы перелетели на Опочку и стали ждать остальные экипажи. С этого аэродрома началась боевая плановая работа по уничтожению наступающих немцев.

Девятый вылет мы выполняли для нанесения удара по ближайшему лесу у аэродрома Шяуляй, где скопилось много боевой немецкой техники. Удар с высоты 300 метров был эффективен. Возвращаясь обратно, командир полка майор Жигарёв при подлёте к аэродрому Дуагавпилс, на котором горели самолёты и постройки после удара немецкой авиации, даёт сигнал следовать на аэродром вылета, а сам начал заходить на посадку. Пролетели 20-30 км от аэродрома Дуагавпилс, на высоте четыреста метров у нас отказали оба двигателя. Теряя скорость и снижаясь, мы искали место для посадки. Под нами была холмистая местность, и наш самолёт несло прямо на дом. В последний момент на минимальной скорости и высоте летчик всё-таки сумел перевалить через этот дом, и мы упали (спарашютировали) в огород. Когда самолёт остановился, у меня под ногами была земля, а не пол кабины. Григорий Дубинин сильно ударился головой о прицел. Его я отправил в ближайший военный госпиталь. Что делать с самолетом? Я решил его сжечь, обложил соломой из скирды, поджёг, но самолёт

не горел, баки были прострелены, и горючее вылилось. Мне пришлось поработать в кабине молотком. Секретную в то время радиостанцию РСБ-10 с самолёта я снял.

Утром Григорий Дубинин на машине подъехал в район посадки самолёта и сказал мне: «Собирайся скорее, это последняя машина. Сзади немцы». Радиостанцию я забрал с собой и, проезжая какой-то городишко, оставил ее в военкомате. Так закончился мой первый этап участия в Великой Отечественной войне.

С июля до октября полк переучивался в Краснодоне на самолёты Пе-2, я снова был в составе экипажа: Балабанов, Буланов, Перетятько.

19 октября 1941 года наш 603-й авиаполк в составе 22 самолётов Пе-2 перебазировался на аэродром Щербинка под Подольском. В этот же день мы сделали звеном один боевой вылет в Балабаново, вблизи Нарофоминска. В этом вылете погиб один экипаж, в котором штурманом был сын великого артиста Москвина. Полк был подчинен 23-й или 32-й наземной армии Западного фронта. В этот же день мы перебазировались на аэродром Раменское. Начались горячие будни, немцы рвались к Москве со всех направлений. В дни, когда погода позволяла наносить удары по фашистам, мы выполняли по 5-6 боевых вылетов в день.

Наш экипаж был как бы штатным разведчиком. Рано утром мы вылетали на разведку, докладывали в штаб о наличии целей и их характере, после этого полк наносил массированные удары по этим целям. Особенно много работали по танковым колонам Гудериана на дорогах от Венева на Каширу. Нашему экипажу приходилось отыскивать цели, как правило, два раза в день.

В октябре наш экипаж наградили орденами, а в начале декабря я был представлен к званию Героя Советского Союза. Несмотря на тяжёлые бои и близость немцев к Москве, личный состав панике не поддавался, и мы были уверены в нашей победе. Проведённый парад 7 ноября на Красной площади укрепил эту веру.

Второго января 1942 года нам поставили задачу разведать пять полевых аэродромов, которую мы выполнили и благополучно возвратились на свой аэродром.

После обеда получили новое задание под прикрытием двух истребителей, ведущего, которым управлял Герой Советского Союза Клещев и его ведомого, произвести полёт на аэродром Юхнов, вызвать на себя огонь, чтобы определить огневые средства, а если огня не будет — произвести посадку на аэродром. Согласовав все детали полёта, мы вылетели на выполнение задания.

Погода была «миллион на миллион». По какой-то причине на наш самолёт был подвешен полный боекомплект. Чтобы от него освободиться, нам пришлось лететь далеко на запад по дороге Юхнов-Рославль и нанести удар по колонне немцев. После разворота мы пошли со снижением на аэродром Юхнов, с того времени самолётов прикрытия мы уже не видели. Примерно на высоте 500-600 метров нас перехватили один два немецких истребителя «Хенкель-113». После первой атаки самолета врага был подбит, задымил и ушёл на запад, а второй всё-таки нас поджёг, и мы на горящей машине, срубив по пути крылом единственную на поле берёзу, произвели посадку, оставив по дороге многие детали самолёта. Нас спасло лишь то, что немецкий лётчик, который нас поджёг, сделав два виража, над горящим самолётом, не увидел наш экипаж вне машины и улетел.

В это время по дороге, которую мы пересекли при посадке, проезжала легковая машина с немцами. Автомобиль остановился, из него вышел немец, посмотрел на наш горящий самолёт и, видя, что экипажа нет, сел обратно в машину и уехал. После этого я разбил головой плексиглас фонаря, и мы выбрались из самолёта. Оглядевшись вокруг, я увидел неподалёку стог сена и предложил товарищам расположиться возле него. С собой у нас было оружие, мы летали с ним всегда. На горизонте виднелась деревушка, она называлась Вихляевка и располагалась западнее Малоярославца. Я вызвался сходить туда на разведку. Из-за глубокого снега идти по полю было трудно. Уже на середине пути мне встретились люди, которые сказали, что немцев в деревне нет. Около Вихляевки находился противотанковый ров, и как только я перебрался через него, лётчик и радист потеряли меня из виду. Среди встречных людей был мальчик на лыжах, по моей просьбе он съездил за моими товарищами. Затем мы перешли в деревню.

Население нас хорошо встретило, дали кое-какую верхнюю одежду, чтобы прикрыть лётное обмундирование. Расположились мы в двух избах, летчик с радистом в одной, а я в другой избе, у старушки. Перед сном положил пистолет под подушку, так спал всю ночь. На утро, хорошо выспавшись, мы взяли карту и пошли расспрашивать местное население обо всём, что есть в округе. Так мы собрали данные о местах нахождения немцев.

4 января в 10 часов утра ко мне прибегает летчик и говорит, что, когда наш радист вышел умываться, его забрали немцы, для помощи в снятии связи. Нам ничего не оставалось делать, кроме как отправиться в лес, чтобы перейти линию фронта. В дороге мы ориентировались по компасу, который я носил вместо часов. По пути набрели

на склад, увидев там немцев, залегли, а потом ушли снова в лес. Примерно часов в восемь вечера, когда уже стемнело, мы вышли на дорогу. На дороге никого, где-то сзади гудели и разрывались мины. Мы находились где-то рядом со своими. Измучившиеся, мы шли вдоль дороги. Вдруг впереди прошла шальная пулемётная очередь. Пройдя опасное место, услышали: «Дай мне плоскогубцы». Я сказал лётчику: «Толя, это же свои, идём скорее к ним». Так мы вышли к артиллеристам. Там, на месте выпили за успешное возвращение по рюмке спирта, а потом сели на попутный транспорт и вернулись в свой полк. Это был наш 122-й боевой вылет.

Начальник особого отдела полка после освобождения территории проверил, где мы были и что делали, очевидно, он доложил по нашей команде, что с немцами мы не имели связи, и нас не отправили в лагерь для проверки. Радист, по его словам, сумел расправиться с немцами, которые его забрали, и тоже вернулся в полк.

5 мая 1942 года наш экипаж командировали в Кубинку, где на базе 39-й разведывательной эскадрильи формировался 10-й разведывательный полк первой Воздушной Армии. В разведывательном полку мы выполняли не более двух вылетов в день, а с 1943 года — через день. Полк, в зависимости от продвижения войск, последовательно перебазировался на аэродром Малоярославец, а звено Балабанова — на аэродром Алферьево, для ведения разведки по обеспечению Ржевской операции.

Лично нашим экипажем была вскрыта и сфотографирована строящаяся новая линия обороны, что позволило наземным войскам успешно её преодолеть.

В октябре 1943 года меня назначили штурманом эскадрильи на самолётах Ил-10, я выполнил пятнадцать боевых вылетов, ведя разведку наземных войск противника. В этом же месяце мне предложили поехать учиться в Военно-воздушную Академию, на штурманский факультет. Я дал согласие. В академии мне объявили, что вместо Героя Советского Союза меня, капитана, наградили орденом Суворова III степени, но по статусу он мне не был положен. Роковую роль, очевидно, сыграло кратковременное пребывание на территории противника и отсутствие данных о поражении «Хенкель-113» при выполнении задания в 603-м полку и при поражении «Хенкель-113» во время выполнения задания в 10-м полку.

Последние девять боевых вылетов мной были сделаны в 10-м разведывательном полку на самолёте Ил-10 с Героем Советского Союза Харитоновым с аэродрома Беникконь в Минской операции в

июле 1944 года в Отечественную Войну, где я был в качестве стажёра от Академии. И так всего я выполнил 255 боевых вылётов.

День Победы встретил дежурным по штурманскому факультету. На фронте я был награждён орденами: Красного Знамени, Красной Звезды, двумя орденами Отечественной войны II степени, Суворова III степени, медалью « За боевые заслуги». В мирное время я награждён тремя орденами Красной Звезды, орденом Трудового Красного Знамени (за освоение Ан-22), орденом Отечественной войны I степени и многими медалями.

После окончания Академии в 1946 году я служил в Штурманском отделе Главного Штаба ВВС до 1953 года, а затем Главным штурманом ВВС Таврического Военного округа, в 76-й Воздушной армии Ленинграда, в 24-й Воздушной армии Германии и ВВС Московского Военного округа. Последняя моя должность — Главный штурман ВВС (1971-1980 годы). Последнее воинское звание — генерал-лейтенант авиации (1974 год).

В 1947 году в марте меня скрутил радикулит, после выздоровления решил, что клин клином выбивают. Начал регулярно и усиленно заниматься на улице утренней зарядкой, зимой и летом в лёгкой одежде продолжительностью не менее 1 часа 20 минут. После самомассаж и ежедневный холодный душ. Я не утверждаю, что физкультура влияет на продолжительность жизни, однако все мои родственники уходили из жизни в 70-72 года, за исключением отца (80 лет). А мне скоро будет 85, и я себя чувствую как 60-65 летний. Поистине жизнь — это движение. Делайте выводы.

Июль 2003 г.

В подготовке настоящих воспоминаний оказал помощь ***Шоль Дмитрий Евгеньевич***, студент 2-го курса Московского авиационного института

Бутурлин Сергей Антонович

ТРИ БРОНЕВИКА, ПОДБИТЫХ ИЗ ДВУХ СНАРЯДОВ

Родился 19 декабря 1922 года в деревне Ромашково Сафоновского района Смоленской области.

Отец, Бутурлин Антон Акимович (1884-1942), колхозник, механик мельницы. Мать, Бутурлина (Семченкова) Анна Алексеевна (1882-1940). Семья жила на хуторе, в 500-х метрах от Западной железной дороги на 327-м км от Москвы. Состав семьи 11 человек. У родителей, было семеро сыновей и две дочери. Среди них я был средний (пятый)

По национальности русский. Православный, но неверующий. В КПСС состоял с 1942 по 1991 гг. В партию принимали перед боем в августе 1942 г. под Калугой.

В 1937 г. окончил 8 классов Сафоновской средней школы. В 9-м классе проучился 1 месяц и был исключен из школы, так как в ночь с 23 на 24 сентября 1937 г. по политическим мотивам был арестован отец и тройкой приговорен заочно к 10-ти годам лишения свободы. В 1942 г. отец умер на рудниках Соликамска от непосильного труда и голода. В 1956 г. он был реабилитирован посмертно. Несмотря на это, я до 90-х годов во всех инстанциях, по известным причинам, скрывал сведения о судьбе отца.

Мать умерла в сентябре 1940 г. и похоронена в Москве на Ваганьковском кладбище.

Может возникнуть вопрос: почему я в 1937 году в возрасте 14 лет учился уже в 9-м классе? Дело в том, что в 1928 г. в 6-летнем возрасте я всегда присутствовал на занятиях по ликбезу населения нашей деревни Ромашково, которые проводились в нашем доме. Он был самый вместительный для этой цели. А когда в 1929 г. я пошел в Куровскую начальную школу (в 1,5 км от дома), меня сразу определили во второй класс как подготовленного грамоте на ликбезе.

В 1936 г. окончил Пушкинскую неполную среднюю школу (в 4-х км от дома) и восьмой класс Сафоновской средней школы в 1937 г. (в 9 км до дома).

В 1955 г. окончил Московскую высшую школу профдвижения при ВЦСПС с присвоением мне квалификации экономиста по труду.

О начале Великой Отечественной войны узнал по радио 22 июня 1941 г. Проживал я тогда в дер. Терентеево Сафоновского района Смоленской области: деревню Ромашково перед войной снесли, дома и постройки перевезли и объединили с дер. Терентеево. Работал в колхозе. Имел на иждивении двух младших сестер и двух братьев. По этой причине в Красную Армию перед войной меня не взяли.

При отступлении наших войск бежал в сторону Москвы вместе с группой деревенских ребят (10-12 чел.) на год-два моложе меня. Под Вязьмой мы попали в окружение, но нам удалось выйти, и мы оказались в Чеховском районе Московской области.

В начале декабря 1941 г., узнав о прибытии в район г. Каширы Московской области 2-го кавалерийского корпуса (с 27.11.41 переименованного в 1-й гвардейский кав. корпус, ком. генерал-майор Павел Алексеевич Белов), предпринял удавшуюся попытку вступить в его ряды в качестве подносчика патронов к пулемету «максим», в пулеметный эскадрон 1-го гвардейского кав. полка (бывший 11-й Саратовский кавполк) 1-й гв. кав. дивизии (комдив. Баранов В.К.).

После разгрома войск Гудериана под Каширой 1-й гв. кав. корпус прорвал линию обороны и ушел в пятимесячный рейд (в тыл врага) на Смоленщину, в район Вязьмы, Дорогобужа, Глинки.

Смоленский рейд 1-го гвардейского кавалерийского корпуса вошел в историю как фрагмент героической битвы за Москву. По сути, он во взаимодействии с 4-м воздушно-десантным корпусом Казанкина и партизанами отвлекал на себя большие силы противника и не позволил сконцентрировать их для возобновления похода на Москву весной и летом 1942 г.

После рейда корпус участвовал в крупных и тяжелых операциях, получал многочисленные награды. Но все участники пятимесячного рейда, по утверждению П.А.Белова, считают его наиболее героической страницей среди боевых дел корпуса в Великой Отечественной войне.

В рейде, успешно сдав экзамены по матчасти и стрельбе, я стал вторым номером, а затем и первым номером пулемета. В боях стрелял из пулемета «максим», а затем из ДС (Дегтярева станкового). Командиром пулеметного взвода был ст. сержант Лесовой Иван Алексеевич (живет в Казахстане).

Таким образом, начал я воевать под Каширой в декабре 1941 г. Затем был пятимесячный рейд по тылам на Смоленщине (февраль-июнь 1942); августовские бои на реке Жиздра под Калугой; Воронежский фронт; мартовские бои 1943 г. под Харьковом; форсирование Днепра (60 км севернее Киева); освобождение Житомира (ноябрь 1943). 28 ноября 1943 г. под Житомиром был ранен (третье ранение) и до января 1944 г. находился в госпитале в г. Прилуки (УССР).

После госпиталя на фронте не был, служил в Киевском военном округе ст. писарем в штабе 2-й отдельной тракторной роты. В ноябре 1945 г. в звании гвардии старшины был демобилизован как имеющий три ранения.

Первое ранение — совсем легкое (при бомбежке) в большой палец правой руки (июнь 1942 г.)

Второе ранение получил в августе 1942 под Калугой, на р. Жиздра (в госпитале не лежал). Ранен был в голову разрывной пулей немецкого снайпера. Они за пулеметчиками охотились. Первую пулю снайпер послал в щит пулемета. Не успел я нагнуться в окоп, как вторая разорвалась в гильзах под пулеметом, и осколки угодили мне в левый висок и щеку.

Демобилизовался в г. Москву. Работать начал в системе мясомолочной промышленности в тресте «Мясомолмаш» (Спартаковская пл.) с 5.02.1946 в качестве инспектора по рабочему снабжению. Затем работал в системе Главнефтегазстроя, Главмосстроя на выборной работе. Последние 26 лет (до 1992 г.) работал в качестве начальника отдела организации труда и заработной платы, начальника военно-мобилизационного отдела на крупнейшем предприятии электронной промышленности СССР НИИ «Сапфир» с опытным заводом.

ПЕРВАЯ НАГРАДА

Орденом боевого Красного Знамени за № 35814 награжден приказом Западного фронта № 0888 от 11.08.42. Вручен 18.09.42 на опушке леса под Калугой командиром корпуса генералом Барановым В.К. за действия в боях под с. Бражино 6 июня, где уничтожил до 70 фашистов, и 12 июня под с. Будой Старой, а также за вынос 22.06.42 г. с поля боя через линию фронта командира пулеметного взвода ст. сержанта И.Лесового. Наградной лист от 01.07.42 за подписью командира 1-го гв. кав. полка гвардии подполковника Фактора и комиссара полка ст. батальонного комиссара Курашинова (данные ЦА МО, фонд 33, опись 682524, коробка 824, дело 42/124).

Фактически произошло следующее. Когда на рассвете 2-й эскадрон, которому был придан пулемет «ДС», 1-го гв. кав. полка 1-й гв. кав. дивизии, прикрывая ночной отход главных сил корпуса, набрал интервал в 3-4 км от главных сил, немцы в эти 60 минут успели устроить эскадрону ловушку и занять оборону в направлении движения эскадрона. И когда эскадрон вошел в подковообразную засаду, наша разведка доложила, что сзади эскадрона движется колонна немцев в 200-250 солдат и офицеров.

Их цель заключалась в том, чтобы замкнуть окружение эскадрона и, если не пленить, то уничтожить.

Командование эскадрона принимает решение залечь. Местность это позволяла (кустарник, деревья, высокая июньская трава). В наших рядах наступила смертельная тишина. Слышны были только голоса немцев, которые неуклонно приближались в психической атаке. Это было на рассвете 6 июня 1942 г.

Подпустив атакующих на расстояние броска гранаты, эскадрон взорвался криком «Ура!» — был громовой раскат эха — и мощью в 200 человек обрушился на противника. В ход пошли гранаты, автоматы и единственный пулемет «ДС», а был он без станка (без треноги).

Такого оборота немцы не ждали и в ужасе и панике, не успев крикнуть «рус, сдавайся, рус, капут», бежали. Но уйти им от преследования конногвардейцев не суждено. Разрядив 300-патронную пулеметную ленту в ряды немцев с близкого расстояния, я схватил «тело» пулемета и, как дубинкой весом в 22 кг, обрушил его на голову проклятого захватчика. Раздался громкий звон, потом второй, и падают с развороченными черепами еще два фашиста.

Свидетелями этой драматической сцены были командир 2-го эскадрона 1-го гв. кав. полка и начальник политотдела дивизии комиссар Марченко Федор Макарович.

Из 200-250 немцев бегством спаслись не более 50. Обогнув подковообразную оборону немцев слева, эскадрон сделал кратковременный привал, а комиссар Марченко выступил тут же со словами: «Молодцы, конники! Дрались по-гвардейски!» А ко мне подошел, обнял и по-отцовски расцеловал.

После вручения мне — гвардии рядовому — ордена Красного Знамени в многотиражной корпусной газете «Конногвардеец» за 26.08.42 была опубликована статья «Богатырский удар», в которой в какой-то мере был рассказан этот эпизод.

Другие награды: орден Отечественной войны 1-й степени (март 1985); медали: «За оборону Москвы» (1944), «За победу над Германией» (ноябрь 1945), «За освобождение Украины» (1999), «Ветеран труда» (1983), «За доблестный труд в ознаменование 100-летия со дня рождения В.И.Ленина», «Медаль Жукова», «В память 800-летия и 850-летия Москвы» (1948 и 1997), «В память 1500-летия Киева» (июнь 1983), «20 лет, 30 лет, 40 лет и 50 лет Победы в Великой Отечественной войне» и «50 лет, 60 лет и 70 лет Вооруженных Сил СССР».

НАШИ, ОТСТУПИВ, ПРО НАС ЗАБЫЛИ

Ранним утром в августе 1942 г. наш полк под натиском немцев отступил за реку Жиздру. Командиру пулеметного расчета ст. сержанту Мищенко и мне, первому номеру пулемета, об отступлении не сообщили, и мы вдвоем продолжали отстреливаться и удерживать деревню часов до 12 дня. И только к этому времени мы разобрались, что произошло.

Сняв пулемет с точки, мы ползком между гряд картофельного поля начали отступление к деревне. Поскольку пулемет, его щит, возвышался над ботвой картофеля, он был обстрелян. Был поврежден замок, а из кожуха «максима» потекла вода, и мы были вынуждены его бросить.

По низине балки добрались до конца деревни. Внизу из погреба выглянула женщина, сообщившая, что наверху повсюду немцы.

Миновав мост в конце деревни, выбежали на поляну. Нас обстреляли. От моста в сторону леса бежать метров 700-800. Обнаружив осушительную канаву глубиной 60-70 см, на четверть заполненную водой, доползли до тупика в 300-400 метрах от леса. Из канавы стали подавать сигналы (красный кисет на палке), раздалась пулеметная очередь из леса, куда ползли. Тогда, дождавшись темноты, пошли в лес.

На опушке обнаружили много обгоревших и подбитых танков. В воздухе стоял запах горелого металла. Вошли в лес, наткнулись на просеке на немецкого часового. Вернулись назад. В 400 м от леса стоял большой стог сена. Остаток ночи и весь следующий день провели замаскировавшись на вершине стога. Наблюдали, как наши «катюши» вечером обстреляли деревню, которую мы обороняли. Огненные снаряды летели прямо над стогом сена. Наблюдали, как немцы разбегались и падали с появлением наших штурмовиков. Запоминали, какая техника двигалась в сторону леса, и дрожали, когда немцы на машинах подъезжали к стогу и грузили сено в кузова а/машин.

С наступлением следующей ночи снова пошли в лес, взяв правее дороги, ведущей в лес. При подходе на опушке Мищенко вдруг провалился в окоп. Все обошлось благополучно. В лесу тлели костры. Немецкая речь позволила нам сориентироваться и скрытно обойти и выйти на поляну, испещренную гусеницами танков. На пшеничном поле нашелушили зерен поспевшей пшеницы и позавтракали ими, впервые за двое суток. Затем поползли по картофельному полю.

Начало светать. Вдруг слышим голоса. Оказалось — наша разведка. Сообщили разведке нужные данные о расположении немецких войск, а сами через сгоревшую деревню пошли к реке Жиздра. На середине реки был наш подбитый танк «Надежда». Не успели перейти реку, как раздалась команда с другой стороны «Вперед!». Наши (но не кавалерия 1-го корпуса) вброд перешли в наступление. Команду «вперед» подавал, размахивая пистолетом, капитан. Мы настояли, что в бой пойдем только со своим кав. корпусом.

Своих конников удалось найти только на третий день. К тому времени нас уже успели занести в список пропавших без вести.

Наш рассказ в штабе полка о том, что с нами произошло, был воспринят как подвиг, но к награде не представили, а как магчасть (пулемет) не вынесли и не представили доказательств (т.е. разбитый замок) его непригодности.

И снова в бой, но с другим пулеметом, а Мищенко направили в госпиталь, он заболел малярией еще в пути, пробираясь к своим. Мне с Мищенко больше никогда не довелось встретиться, и судьба его мне неизвестна.

ТРИ БРОНЕВИКА, ПОДБИТЫХ ИЗ ДВУХ СНАРЯДОВ

В сентябре-ноябре 1942 года группа войск 1-го гв. кав. полка, преследуя на Воронежском фронте отступающих немцев, вышла из

леса на проселочную дорогу. Вот уже первые колонны вошли в населенный пункт, как вдруг из-за поворота леса, из-под горы с нарастающим гулом и стрельбой из крупнокалиберных пулеметов появились три немецких тяжелых броневика, врезаясь в хвост нашей колонны.

Кавалеристы-сабельники съехали с дороги врассыпную, а брички и батарея 45-мм орудий (их было 4), запряженные парой лошадей, были броневиками задеты, а некоторые, не успевшие свернуть, опрокинуты.

Однако первое орудие, уже въехавшее в деревню, свернуло вправо за сарай и, как только на дороге из-за сарая появился первый броневик, командир орудия сержант (фамилию не помню) выстрелом — термическим снарядом — прошил переднюю часть броневика вместе с его водителем.

Второй броневик врезался в первый, а третий (сержант успел перезарядить пушку) постигла та же участь, что и первый.

Часть немцев все-таки повыскакивала из броневиков и сбежала. В броневиках, кроме прочих предметов, отобраных у населения, было очень много немецких часов-штамповки (видать, снимали с трупов своих), но были и наши, например, в серебрянном корпусе «Павел Буре», и они при дележке достались мне.

К этому времени я числился артмастером в 45-мм батарее, а фактически был парторгом батареи и находился в этом эпизоде при 1-м орудии. Орудийный расчет отличился, уничтожив три вражеских броневика и несколько немецких солдат и офицеров, а к награде был представлен за этот подвиг лишь один сержант — командир орудия. Он был награжден орденом Отечественной войны 1 степени.

ОДНОДНЕВНОЕ ДЕЗЕРТИРСТВО

Выписавшись из госпиталя г. Прилуки, мы (а таких набралось человек 10-12) в сопровождении медсестры по заснеженной проселочной дороге двинулись в г. Нежин пешком.

По дороге заночевали в одной из хат и на следующий день прибыли к коменданту Нежина. Нас тут же направили в эшелон на железнодорожную станцию города в товарные вагоны «теплушки». Эшелон формировался из бойцов рядового и сержантского состава, прибывающих в город из разных близлежащих госпиталей.

Начальником этого эшелона был старшина. В эшелоне, который на станции Нежин стоял не один день, мы успели познакомиться и подружиться. Нас было четыре старшины: я — кавалерист, танкист,

артиллерист и пехотинец. На третий день стоянки нам надоело болтаться без дела, и по инициативе старшины-танкиста было принято решение — двинуться за 25 км от Нежина в деревню, которую освобождал танкист и где у него есть и знакомый дом, и хороший друг — хозяин дома. Кроме всего прочего, пообещал, что будет нам самогон и много хороших девушек. Сказано — сделано.

Идем на пристанционный рынок. Выбираем лошадь, запряженную в сани. Садимся. И как только начали отвязывать лошадь, на нас обрушилась женщина: «Что вы, касатики, ведь это лошадь моя». Объяснили ей, чего мы хотим. Она, оказалось, недалеко от того населенного пункта живет, куда мы намереваемся податься.

Приехали в деревню. К вечеру у нас появился самогон, и «пошла гулять губерния». Всем нам четверым в сумме было не более 90 лет...

Утром, не успели мы опохмелиться, как в дом заявился «ястребок» с винтовкой: «Ваши документы. Кто вы и откуда?» Затем повел к старшему лейтенанту, который поочередно провел допрос. А меня пристыдил — как же ты, коммунист, орденоносец и к тому же мой земляк — смоленский — дошел до такой жизни.

Всех четверых с запечатанным конвертом сопровождал к коменданту в г. Нежин молодой человек в гражданской форме, но с пистолетом.

И когда мы пришли к железнодорожному переезду, где шла рыночная торговля, откуда мы двинулись в поисках приключений, нас окружила толпа тех, из которых формировался состав к отправке. Объяснили коллегам, что и как. Тут же появился старшина — начальник поезда. Нам дал команду занять свои места в вагоне, а с сопровождающим отправился к коменданту сам. Нам крупно повезло. Могли бы оказаться в штрафбате. На следующий день эшелон отправился в сторону Киева. В Киеве меня направили в часть, где служил ст. писарем и откуда демобилизовался в Москву в ноябре 1945 г.

МАЛЕНЬКИЕ ШАЛОСТИ

Работая в штабе ст. писарем, от нечего делать стал выводить на чистом листе бумаги подпись командира своей воинской части капитана И.Михайловского.

Так я исписал листа 2-3 его подписью. Получалось здорово. Когда вдруг неожиданно в комнату вошел командир И.Михайловский, я быстро спрятал эти исписанные листы в выдвинутый ящик стола. Мой испуг командир попросил объяснить и показать, что я от него спрятал.

Убедившись в моих способностях, похвалил, при этом сказал, что заслуживаю наказания, но простил. Я обещал больше этим не заниматься.

РАЗОБЛАЧЕНИЕ

В 1998 г. я был избран секретарем Совета ветеранов 1-го гв. кав. корпуса. Увлекся историей одного из «ветеранов», состоявшего в списках нашего корпуса, Масловым Сергеем Николаевичем, который с 1996 года организовал и возглавил Совет ветеранов участников парада на Красной площади 7 ноября 1941 г. И даже оформил себе удостоверение парадника за № 1.

Оказалось, что этот гражданин на параде в ноябре 1941 г. не был — в то время он находился на курсах младших лейтенантов в Уральском военном округе. Закончив их в апреле 1942 г., попал на Калининский фронт в 11-й кав. корпус, а с середины 1942 г. попал к немцам в плен.

Находясь в плену, был назначен командиром учебного карательного отряда. При наступлении войск Красной Армии в Германии Маслов бежал вместе с немцами, чтобы сдаться в плен американским войскам. Нашим удалось его выудить из плена армии США, и Военным трибуналом группы советских оккупационных войск в Германии от 29.12.45 он был приговорен за измену Родине по ст. 58-1Б УК РСФСР к 10 годам лишения свободы с поражением в правах на 5 лет с лишением воинского звания лейтенант.

Отбыв наказание, Маслов поселился в Можайске Московской области и сварганил себе орден Славы III степени.

Затем переезжает в Одинцово, где приобретает удостоверение участника войны и орден Отечественной войны. Одинцовский РВК удостоверение Маслову не выдавал. На то имеется документ РВК г. Одинцова.

В 1989 г. из Одинцова Маслов переехал в пос. Мамонтовка Пушкинского района Московской области. Там возглавил местный Совет ветеранов войны. Поимел и другие награды. Например, орден Красной Звезды, который якобы генерал Масленников, командующий 39-й армией, снял со своей груди. Приобрел медали «За оборону Москвы», «За победу над Германией», стал полковником и даже пошил себе соответствующий мундир. Выступал на «Поле чудес» у Якубовича, где объявил, что к параду Победы в июне 1945 года для И.В.Сталина готовил коня именно он. Тогда как в это время Маслов в Германии дожидался своей горькой участи.

Вот такая история. Правда, в марте 2003 г. Маслову предложили покинуть соответствующие ветеранские посты и успокоиться. А в газете «Красная Звезда» от 21 марта 2003 г. по моей инициативе появилась статья «Вирус тщеславия» с подтекстом «У нас героем становится любой». Автор статьи Виталий Мороз.

Разоблачение Маслова — это мой долг перед замученными людьми и сожженными деревнями на многострадальной земле Белоруссии, где каратели зверствовали с особой жестокостью.

При отступлении немцы использовали как заградительный щит мирное население. В этом щите оказались, будучи в оккупации, мой старший брат Андрей 1912 г. — инвалид 1 гр., сестра Нина 1927 г. р., брат Николай 1929 г.р. и Алексей 1935 г.р. От рук немецких карателей при отправлении в Германию погиб старший брат Андрей. Нина, Николай и Алексей были в Германии, в районе реки Одер, и попали в зону освобождения американской армии. В 1945 г. возвращены на Родину. В живых уже никого нет.

Брат Михаил 1918 г.р. во время войны без вести пропал. Брат Павел 1915 г.р. во время войны находился в ПВО Московского гарнизона, а брат Петр 1920 г.р. — на Тихоокеанском флоте (участвовал в войне с Японией). Умерли после войны — Павел в Москве, Петр в Запорожье.

Из семи братьев и двух сестер в живых осталось нас двое — я и сестра Надежда, 1925 г.р., проживает в Москве.

Имею сына 1946 г.р., живет в Москве с семьей, и дочь с внучкой, проживают совместно со мной.

В 2001 году мною подготовлен на 15 страницах очерк с фотографиями, посвященный 60-летию битвы под Москвой 1-го гвардейского краснознаменного Житомирского имени Совнаркома УССР кавалерийского корпуса. Очерк опубликован в книге «Солдаты XX века» (стр. 152-167), изданной Международным объединенным биографическим центром в июне того же года.

До сих пор увлекаюсь спортивным плаванием (имею разряд), современными и бальными танцами. Занимаюсь гимнастикой и самомассажем, что безусловно помогает жить и бороться с болезнями и со старостью. Очень помогает оптимизм и юмор, без чего не представляю жизнь. Получаю удовольствие от услуг и доброты, сделанных другим людям и тем более друзьям, близким и родным.

Кроме обязанностей секретаря Совета ветеранов 1 гв. кав. корпуса, выполняю обязанности зам. председателя президиума клуба «Краснознаменец» при Московском комитете ветеранов войны.

Участвовал в юбилейных парадах на Красной площади в 1995 и 2000 гг., посвященных Дню Победы.

Очень дорога и любима мне песня, звучавшая в годы войны: «Эх, как бы дожить бы до свадьбы-женитьбы и обнять любимую свою...» И такое осуществилось. За что признателен судьбе своей — ею стала Зоя Павлова.

Была она, как и я, сиротой. Познакомились 7 ноября 1945 года, и на второй день 8 ноября поженились. Через две недели расписались. Мне было 22, а ей 18. Из жизни она ушла в 1990 году.

Преклоняюсь перед людьми, горячо любящими наш народ и нашу Родину — Россию. Например, так как это делал талантливый мастер кино и мужественный человек, только что ушедший из жизни, ветеран войны Евгений Матвеев.

Июнь 2003 г.

В подготовке настоящих воспоминаний оказал помощь ***Карамзин Алексей Юрьевич***, студент Московского государственного инженерно-физического института

Бышев Михаил Павлович

ОСТАВШИХСЯ В ЖИВЫХ НАШИХ СОЛДАТ СБРАСЫВАЛИ В РЕКУ

1918 года рождения. В Москву я прибыл в 1934 году, поступил в ФЗУ завода № 1, на котором проработал до 1939 года. Мы строили самолеты-истребители И-16, И-15, самолеты Р-5.

В 1939 году 30 марта меня призвали в Красную Армию. Пассажирским поездом нас отправили в Енисейск, там мы прошли красноармейскую подготовку и далее нас отправили на станцию Гархун, 227-й отдельный строительный батальон. В Гархуне мы заготавливали лес для строительства. Проработав год, отдавали из батальона роту строителей. В их число попал и я, и отправили нас на станцию Гархун, дальше на станцию Боду. В Боде мы строили городок для военных, после этого строительства нас вызвали обратно в Гархун. Здесь мы проработали очень мало, началась война.

Меня назначили начальником отдела домостроительного комбината, начальник был отозван, отправлен на фронт, а надо было брусчатые дома строить для границы, и я возглавлял эту работу в течение трех месяцев. После трех месяцев соединили 227-й батальон вместе с 124-м батальоном и отправили на Маньчжурскую границу. На Маньчжурской границе мы минировали переднюю полосу и строили укрепленный район, доты, траншеи, недолго это продлилось, меня вызвали и отправили в полковую школу. Полковую школу я закончил, меня

отозвали в штаб и предложили ехать в Иркутск. Я прибыл в Иркутск с товарищами, нас зачислили курсантами, и мы учились там год. Закончили программу, нас отобрали сто человек отличников, в их число и я попал, и отправили на станцию Болошево, на центральные курсы минных заграждений особой техники. Эти курсы готовили в тыл врага минеров для организации партизанских вооруженных столкновений с противником. На Сталинградском фронте произошли изменения, и Сталин дал приказ наш выпуск распределить по всем войскам, для обучения саперов для дальнейшего наступления. Таким образом, мы попали в одиннадцатую инженерную саперную бригаду. Прибыли мы туда 25 декабря 1941 года.

Из бригады нас направили в 148-й инженерно саперный батальон. Когда мы туда прибыли, командир батальона собрал офицерское совещание и сообщил о том, что прибыли к нам два молодых грамотных офицера по инженерно-минному делу. Их задача — обучить в короткий срок нас и солдат, потому что в дальнейшем предвидится наступление. Ну и нам дали срок подготовить солдат к минированию, отвели нам землянку с Карповым, мы легли в землянке и стали рассуждать, как за три дня можно подготовить солдат, когда нас учили полтора года. Я составил план занятий на три дня: первый день с саперами минирование—разминирование на макетах мин, а два дня на боевых минах. Мне Карпов возразил, говорит: «А если тебя кто-нибудь подорвет, тебя же в штрафную отправят, нет, я такими вопросами заниматься не буду». Ну, в общем, на этом мы и разошлись, я готовил своих своим способом, а он — своим. Утром выхожу со взводом, отрываю траншеи, взвод оставляю в траншее, разнес мины, взрыватели друг от друга на 50 метров и вызывал по одному солдату. Сначала им сделал вводную, потом рассказал всю теорию: минирование, разминирование, а потом вызывал по одному солдату, и он под моим присмотром минировал и разминировал мины. Я очень был доволен этими занятиями, потому что видел каждого солдата, на что он способен, какое у него состояние здоровья, нервный он или спокойный, потому что в минном деле главное — спокойствие. Так все прошло хорошо, но один чуть-чуть меня не подорвал. Все сделал хорошо, заминировал мину, установил взрыватели, а когда стал разминировать, вместо того, чтобы взрыватель вынуть из мины, стал вытаскивать из взрывателя чеку. Я схватил его за руки, он перепугался, я ему говорю: «Ну, теперь не бойся, раз ты жив, значит, все в порядке, значит, что-то задержалось». Я ему говорю: «Сейчас пальчики твои отогну, и все будет в порядке». Отогнул ему пальчики, смотрю,

чека чуть не выскочила. Я ее обратно затолкнул, в обратное положение, поднял его и сказал ему: «Иди в распоряжение старшины, он тебе даст работу, думаю такого минера нельзя допускать на минное поле».

Буквально через день — боевая тревога, противник прорвал переднюю оборону, и танки движутся в нашем направлении. Поставлена задача: срочно перекрыть минными полями танковое направление. Дают нам место, и мы с минами выезжаем на место, расставляем мины, каждому отделению назначаю старших — более опытных, которых я заметил во время учебы, и в течение получаса мины были установлены. Мне каждый командир отделения доложил, что мины установлены, я пошел по рядам, проверил, смотрю все в порядке, взрыватели стоят в минах, мины замаскированы. Вернулся, солдатам объявил благодарность, и мы возвратились в расположение. Не доходя до расположения батальона, я услышал в стороне взрыв. После выяснили: оказывается Карпов минировал поле, стал проверять ряды установки мин и обнаружил, что противопехотные мины стояли без взрывателей, взрыватели лежали около мин. Он разнервничался, начал их футболить, но очередная мина взорвалась, и ему раздробило голень ноги. Так мой друг Павлик Карпов, с которым я проучился полтора года, на первом боевом задании потерял часть ноги и был списан из армии. После этого случая мне дали неделю срока на подготовку первой и второй роты инженерно-минному делу.

Я нашел товарищей, которые более или менее знали мины, мы стали обучать солдат, прошли за неделю курс минирования и разминирования и практически проводили занятия. Через неделю нас собрали, весь батальон, и направили в район Юхнова. Шли мы лесом, по 70 км в сутки, дороги были плохими, люди устали. И вот, в моем взводе, Беляев лег в кювет и не встает. Я подхожу к нему, говорит: «Товарищ командир, можешь стрелять на месте, я больше идти не могу». Я беру его на закорки и с ним иду. Я с ним прошел километр, но потом ему стало стыдно, он просил его спустить, чтобы идти самому, ну и пошел сам и дошел до Юхнова. Пришли в Юхнов, в лесу расположились на отдых, но отдыхать не пришлось.

Через час вызвали меня в штаб и сказали, что нужно сделать три минных прохода, показали где, и я приступил к этой работе, но так как саперы были не очень грамотные, а оборона немцев была сложная, в траве трудно было найти тоненькую проволоку. А мины противопехотные рассчитаны именно на живую силу. Если мина взрывается, она взлетает на полметра и разрывается — это так называемая прыгающая мина у немцев была, поэтому я решил сам проползти и

разминировать прыгающие мины, а танковые разминировать проще, поэтому поручил саперам. Немец услышал, что мы зашевелились, и открыл огонь, минометный и пулеметный, но мы как будто оглохли, зная, что если мина взорвется — это сложнее, поэтому все внимание было отдано только минному полю. Сделали мы проходы за два часа и доложили, что танки можно пускать. Немцев сбили с переднего края и пошли дальше, двигались 15 километров в направлении Варшавского шоссе.

Оно было разрушено, но мы шли и дошли до Зайцевой горы. Там нас немец остановил. Несколько раз мы пытались взять Зайцеву гору, она была высокой, с нее просматривалась вся местность. Дважды наши брали гору и дважды отдавали, потому что было хорошее укрепление, потери были очень большие и с нашей стороны, и с немецкой. Убрать трупы было невозможно, и от разложения образовалась вонь. На третий день мы сбили немцев и стали продвигаться к Варшавскому шоссе, прошли пять километров. На пути дорога была заминирована фугасами. Немцы взорвали фугасы, образовались глубокие воронки. Я принял решение завалить воронки, попросил всех отойти подальше, взорвал перемычки и засыпал грунтом воронки. Затем пустил трактора, они разровняли грунт, и пошли танки, за ними артиллерия. Мы начали наступление, и немец не успел нас накрыть огнем. Пошли вдоль Варшавского шоссе и в лесу решили строить дороги и медленно продвигаться. Потом нам прислали сибиряков, поток шел с машинами солдат на передовую.

Затем меня перекинули на обезвреживание заминированного немецкого моста. Я взял отделение и пошел. Нарвались на засаду, началась перестрелка. Рассеяли немцев, подошли к реке, перешли ее. Я принял решение перерезать провода и удалить взрыватели. Затем возвратился на командный пункт и доложил о том, что мост разминирован. Командующий дал приказ пустить танки. Танки прошли, и командир дал распоряжение представить солдат к награде.

Прошло полмесяца, и всех бойцов наградили, кроме Давыдова, который спас операцию. Давыдов был сыном кулака. Доказывать начальнику, что благодаря Давыдову успешно произведена операция, было бесполезно, и я принял решение отдать ему свою звезду, что я и сделал. Он ее носил полмесяца, меня за это ругали. Потом все-таки его наградили медалью «За отвагу».

Затем меня отправили в разведроту. Однажды к нам прибыли Соколов и Галецкий, посмотрели учение. И назначают меня командиром роты. Разминировав поля, мы дошли до реки Прони. Там была

поставлена задача двум ротам (первой командовал я, второй командовал Петраков И.И.) в течение трех часов построить мост через реку. На подготовку нам дали одну неделю. Я с Петраковым взял по отделению солдат, и пошли на передний край, выставили боевое охранение на противоположном берегу и стали мерить реку. Сделали промеры моста, натянули канат через реку и произвели разведку. Осталось два дня, и мы решили ставить береговые опоры ночью. Немец что-то заподозрил и начал стрелять в нашу сторону, но, несмотря на это, мы мост построили. Каким-то образом немецкий разведчик проник в наше боевое расположение и дал по мосту из автомата очередь. Но, благодаря богу, обошлось без раненых. Наши пустили танки, которые завязли в болоте и не смогли взять врага.

На вторую ночь возобновили атаку: сбили противника и пошли дальше. Впереди маленькие две речушки и Днепр. Никаких переправочных средств в роте не было. И в батальонах тоже ничего не было. Через Днепр надо было переправляться на каких-то плавательных средствах. Я решил: передам роту командиру взвода. Я пойду вперед за немецким отрядом и постараюсь дойти до Днепра, чтобы там захватить лодки. Взял отделение солдат и направился вперед. Догнал я немцев. Смотрю: идут. Они нас заметили и стали разворачивать пулемет. Мы залегли. Они постреляли, постреляли, потом встали и пошли дальше. Мы тоже встали — и за ними. Так до Днепра раз 15 ложились, потом вставали.

Последний бросок. Выхожу на берег Днепра, немцев нет. Вот только что видел, что они вышли. Подхожу ближе к берегу, смотрю, а они в лодки садятся. Один увидел, из автомата очередь дал, но не успел, мы залегли. Залегли и тут же из автоматов открыли огонь и немцев перестреляли. Их было человек 5. Перестреляли, сели в лодки. А на той стороне лодок была уйма. Мы на ту сторону. Цепляли по 5 лодок — и гуськом сюда, на этот берег. Сажали солдат: один батальон, потом второй, третий; полк перебросили и с ним пошли дальше, к Могилёву. Наши войска освободили Могилёв. Командир батальона вызывает меня и говорит: «Минск взяли, поэтому мы направляемся в Минск, а тебе задание: принимай батальон и с ним пойдёшь 20 км, в местечко, там нужно восстановить мост. Я сначала стал отказываться: «Почему я? У вас есть три заместителя, поручите им». — «Нет, ты у нас единственный, который училище закончил, знаешь военную подготовку, поэтому я тебе это дело доверяю». Ну что делать? Принимаю батальон, строю его в походный строй. Потому что минская группировка осталась здесь, в тылу.

Когда Минск взяли, замкнули там кольцо, немцы остались здесь. Я рассредоточил батальон: 1-я рота, потом через метров 15 — 2-я, походная, главный дозор, боковой дозор, в общем, полным развернутым строем иду по этой дороге к этому месту. Мне докладывают, что немцы были в деревне, отобрали продукты у населения и ушли в лес. Через 5 км поднимаемся: горка, рожь колосистая. На участке 1-й роты немцы сидели во ржи, около дороги, они открыли автоматный огонь. Двоих убило: Бобрикова, сержанта, и Баранова, ефрейтора, хорошие были люди. Бобриков был командиром взвода, когда не было офицера. Баранов был исключительно хорошим минёром. Самое серьёзное минерное задание он выполнял с честью. Награждён был медалью, орденом Славы.

Стрельба продолжалась. Я смотрю: немец, офицер, выскочил. Прямо из-под носа у меня. Я ему: «Стой, хальт!». Он обернулся и начал в меня стрелять: одна прожужжала, вторая слева, третья смотрю, в козырёк попала. У меня козырёк отвернут-то был. Я подумал: «Ведь не хотел убивать, хотел тебе просто нотацию прочитать». Прицеливаюсь из автомата, дал ему очередь. Немец упал, смотрю: старший сержант Терентьев бежит наперерез. Я ему говорю: «Он готов, ты возьми у него оружие, планшетку и возвращайся в роту».

Похоронили мы двоих наших. Поставили кресты, все, как положено. Подхожу к 2-й роте, там говорят: «Мы взяли в плен трёх человек». Я: «А зачем вы их брали? Они наших убивают, а вы их берёте в плен. Вот теперь и будете возить их за собой». «Что мы их, своей кашей будем кормить?» — «А как же! Они же живые люди!» — «Нет! Мы не будем их кормить! Они наших вешали, они наших насиловали, жён наших расстреливали, а мы их будем кашей кормить!» Ну, я подошёл и думаю, что же сделать, чтобы солдат наших успокоить. Ну, развёртываюсь, и одному немцу в ухо, тот рык и под козырёк, другому также, третьему... Поворачиваюсь к солдатам и говорю: «Вот я их наказал, больше не могу, есть приказ Сталина пленных не расстреливать, поэтому кормить их кашей и везти до тех пор, пока не сдадим в тыл». А старшине сказал кормить так же, как и наших.

Двигались дальше, вроде всё спокойно, никто нас не тревожит. Время к сумеркам, я Петракову говорю: «Вот здесь, на поляне, будем ночевать. Одна рота будет в боевом охранении, вторая рота будет спать. 1-я рота поспит, потом встает, заменяет, 2-я рота спит».

Ночевали, всё нормально. Успокоились и решили солдат помыть, умыться. Недалеко речка и по взводам, по отделениям к этой речке: одно отделение умывается, возвращается, другое идёт туда. Первая рота прошла вся благополучно. А из второй роты: Соловьёв пошёл со своим взводом. Подошёл к речке - и тут его из автомата, два пулевых ранения. Пришлось Соловьёва отправлять обратно.

Затем пошли дальше. Дошли до моста. Мост взорван, но сваи торчат. Я посмотрел: крепкие, можно на эти сваи насадки, и мост будет в порядке.

В это время подходит ко мне солдат и говорит: «Товарищ командир, разрешите по надобности». — «Пожалуйста». И вдруг буквально через минуту он подбегает: «Товарищ командир, здесь немцы, в траве лежат». Я беру отделение, автоматы, подхожу, смотрю: действительно немцы, без оружия. Мы подняли 100 человек, в том числе одного генерала. Ну, под конвоем отправили их в наш тыл.

Занимаемся мостом, и вдруг через полчаса связной на лошади прискакал: мост не восстанавливать, срочно обратно. Приказ есть приказ — построились и обратно.

Обратно идем, километров пять прошли, навстречу мне майор на дороге: «Товарищ капитан, сейчас немец в атаку пойдёт, а у меня мало людей, помоги — у тебя такой вооруженный коллектив». Ну, я развернул батальон, 2 роты. И действительно, через 15-20 минут немцы пошли в атаку. Мы стреляем по ним, они падают: мёртвые и раненые, но всё равно идут, идут. Я смотрю: патронов остаётся мало, говорю майору: «Нет, так дело не пойдёт, их там, может, еще целая дивизия, давай им сдадим коридор, и пусть они идут, никуда они не пройдут, до Минска 100 км, там заслоны есть, их никто не пропустит». Услышал разговор артиллерист: «А как? А у меня пушка!» — «Ну, ты замок вытащи и возьми с собой, потом немцы пройдут, и возьмёшь пушку». Так и сделали: пропустили их, буквально через 15 минут опять стрельба: стреляют на другом участке.

Возвращаюсь обратно, как раз развилка нашей дороги и Минской, наши в Минск не пошли, через несколько минут меня вызывает майор Пижин. «Немцев расстрелял?» Я говорю, нет, не расстреливал, двоих расстреляли солдаты. «Ты знаешь сталинский приказ — пленных не расстреливать?» — «Я не знаю, если хотите, меня можете расстрелять.» — «Сдать роту!» Ну, я сдал командиру взвода роту, сам ушел. Солдаты мне построили шалаш. Я в шалаш залез, меня там хорошо кормили. Я пролежал в шалаше трое суток. На четвёртый день днём связной прибегает и говорит: «Приказом прибыть в батальон». Я считал, что приехала прокуратура, сейчас будут судить и в штрафной батальон. Прихожу, никого нет: ни прокуратуры, ни комбата, замполита нет, сидит один капитан Немченков. «Кто меня вызывал?» —

«Я. Принимай роту и командуй». — «Как это — принимай? Меня отстранили, сколько уже людей побили, ранено сколько, а теперь принимай роту?» Ну, хорошо, принял роту, и началось движение вперед. Задача была поставлена разгромить окруженную группировку и наступать дальше — за Минск, по направлению на Ломжу. Моя рота обеспечивала продвижение войск на всем протяжении.

Мы разминировали дороги, были и всевозможные сюрпризы. Однажды мы попали под окружение немцев, но удалось вырваться. Итак, мы закончили: наши войска пленили немцев, около 100 тыс., и дальше наступление развивалось быстрым темпом. Таким образом, мы вышли на Ломжу, Островенки, реку Нареж. На реке Нареж мне дали задание сделать десантную лодочную переправу через реку. Я трое суток находился под Ломжей, переправлял войска на ту сторону, бои были очень жестокие. У меня были большие потери в роте, и меня сняли от Ломжи, в тыл отправили, дали пополнение для того, чтобы их подучить. Я нашел местечко, озеро. На нём развернулся с лодками и стал обучать солдат. Десантные переправил, вдруг через несколько часов приезжает конный связной с приказом срочно вернуться к Новогруду. Я собрал роту и отправился. Там меня встретил командир батальона Бандос. Мы с ним пошли к реке Нареж. Он мне говорит о том, что в эту ночь полковые саперы хотели переправиться на тот берег, но немцы их не пустили, побили лодки и никакой переправки саперы не сделали. Приказали нашему батальону сделать переправу: «Давай со своей ротой сегодня ночью переправишь полк и 7 артиллеристских пушек 70-мм калибра на ту сторону. Я подошел, посмотрел на берег, действительно, сообщения прошли на берегу, лодок мало. Мои — и те побитые. Ну, хорошо, что у меня в запасе было немножко своих. В общем, до темноты не подходили к реке. Как немножко стемнело, пошли на реку, стали ремонтировать лодки, а я взял с собой автоматчиков, трёх человек, мерный канат и на лодке стал проверять глубину реки, где ставить паром. Промерил всё, паром в этом месте может пройти. Выбрались на немецкий берег, вкопали хороший столб, привязали канат, оставил я там двоих автоматчиков, а сам с одним поплыл обратно. К этому времени на том берегу, нашем, солдаты вырыли то же самое: ямы, поставили столбы, сделали так, чтоб можно было ещё веревку накинуть. Натянули, как струну, веревку, а другие готовили паром.

Паром был готов, лодки подремонтировали. Тогда я послал связного за полком, оставшимся в лесу, сказав, чтобы на берег без моей

команды не выходили. Я был назначен начальником переправы, поэтому мне подчинялись.

Провели первый батальон: посадили в лодки, пушки подтащили, загрузили на паром и поплыли на ту сторону. Переправились, немцы нас не услышали.

Потом второй батальон, третий и остальные пушки, все переправили.

К 9 часам мы закончили. Ну, хорошо, что был туман. А так бы нас немцы могли раньше заметить. Они совершенно нас не заметили. В 9 часов наши пошли в атаку. С ходу заняли 4 траншеи, немцы бежали в нижнем белье. Но когда туман рассеялся, они увидели, что наших войск мало и развернули дивизию против нас. И потом, как мне стало известно позже, вторую дивизию. Вот на этом участке, всего 200 м, они начали нас покрывать огнем. Все траншеи обратно забрали. Оставшиеся в живых наши солдаты были сброшены в реку. И ждали ночь. Ночью дают мне штрафную роту и говорят: «Переправляйся на тот берег». Переправил я штрафную роту. Она ночью пошла в атаку, заняла три траншеи, 4-ю не заняла. Утром опять немцы пошли в атаку и наших оставшихся опять бросили в реку. И так продолжалось семь суток. Пушки наши были все уже побиты, не стреляли. Приехал я в роту.

В роте у меня был очень хороший писарь, сам по профессии он был бухгалтер, честнейший человек. Я несколько раз подавал на него характеристики для награждения, но никак его не пропускают в батальон: раз в бою не был, значит награждать не можем. «Так он же за командира роты работает здесь все время, я ведь нахожусь на переднем крае, все отчетности, всё делает, достойный человек». Ну, он ко мне подходит и говорит: «Товарищ капитан, я больше не буду здесь работать, иду на передний край, скоро война, может быть, кончится, а у меня даже ни одной медали нет». — «Ну, брось ты, сам же знаешь, как пополнение приходит, в первом же бою 30-50% выходит из строя, вот ты пойдешь и можешь попасть в эту мясорубку». — «Нет, я пойду». И всё-таки пошёл на передний край, на Нару, и в первую же ночь его ранило, распороло живот, мы его отправили в санбат. Как дальше сложилась его судьба, выжил или нет, я не знаю, но очень сожалею: нельзя было так нелепо потерять, можно сказать, жизнь.

На седьмые сутки уже были лодки все побиты, все в дырах, потому что немец бил из артиллерии и миномётов постоянно, день и ночь, он закопал нам все траншеи, все ходы сообщения снарядами. Одни

снаряды летят, другие взрываются, без конца и всё по одному месту. Мне дают приказ: переправить на ту сторону боеприпасы. У меня на берегу дежурило отделение. Я подхожу к дежурному, старшему сержанту Терентьеву: «Давай с отделением переправим боеприпасы, боеприпасов нет на той стороне». Он мне говорит: «Товарищ капитан, я вас очень уважаю, но не пойду, всё равно убьют — невозможно будет, лодки все побиты. Вы можете расстрелять нас здесь, но мы всё равно не пойдём». «Что же делать? Раз вы мой приказ не выполняете, пойду один». И пошёл я к Наре, отобрал несколько более-менее лодок, стал собирать паром. Снаряды жужжат, летят, осколки, я продолжаю работать. Минут, наверно, 20 я работал, потом смотрю: не выдержали нервы у Терентьева, бежит с отделением и говорит: «Товарищ капитан, лягте отдыхать, а мы сделаем». — «Да нет, зачем же отдыхать, давайте вместе сейчас соберём и переправим».

Собрали паром, переправили боеприпасы. Ни у кого не было ни одного ранения. Так удачно все перебросили, вернулись на свой берег, это было 7-го. А 8-го утром что-то не так. Нет стрельбы. Мы удивились: тишина и команда: «Отбой!». Я встаю и тут же падаю: ноги не держат. Потому что все эти 7 суток мы только ползали по земле. Встали, оказывается, немец ушел, ушел на Остролёнки. На Остроленках слышим, завязался бой. А на Остроленках наши заняли плацдарм, немцы пытались сбросить наши войска, но не смогли. Тогда под Ломжей у них освободились войска, они две дивизии бросили на остроленский плацдарм, чтобы наших сбросить. Наше командование решило полк бросить в наступление. Я тогда ещё удивлялся: какое наступление, если сзади ничего нет — ни артиллерии, ничего. Оказывается, просто сделали так, чтобы развернуть эти дивизии, которые с Ломжи, на наш полк и выиграть время. И за это время наши войска сосредоточили там танки, артиллерию, самоходки, и немцы с этими 2-мя дивизиями не могли сбросить нас с плацдарма. И тут мы сосредоточились, наши войска тоже отправились на остролёнский плацдарм и оттуда началось наступление. Мы шли с боями до Цопота.

Не доходя Цопота, остановились у Кнышена. Немцы нас не пускали, оттуда била уже морская артиллерия. Оставив батальон командиру, я поехал со связным вначале, а потом забрал уже одну роту в Кнышен. Приезжаю туда, расположил роту в домике, пошёл к командиру полка. Он меня познакомил с передним краем по карте — от Кнышена приблизительно в километре. Ну, я с артиллерией пошёл в разведку. Мне нужно было там разведать мост. Еще до моста, слышу, с одной стороны немцы разговаривают, и с другой. В чем дело? Залегли, прислушались: нет, что-то не то. Вернулись обратно. Подходим к Кнышену. Вдруг часовой кричит: «Стой, кто идёт?» — «Свои, а чего здесь стоишь? А где передний край?» — «Поставил командир роты, передний край здесь». — «Как здесь? Мне сказали в 1 км». — «Да нет, вот по деревне, здесь». Я захожу туда, на командный пункт полка, и командиру полка говорю: «Ну что такое, что за обман, я чуть в плен к немцам не попал с отделением, вы нарисовали, где передний край, а он у вас прям за домами». — «Как?» — «А вот так, идите проверьте». Тут началась ругня, я тогда говорю: «Вы разбирайтесь здесь, а я потом к вам приду, когда вы мне скажете». Выхожу из землянки, смотрю, пули летят, снаряды, мины, немец идёт в атаку. Я скорее побежал роту поднимать. Бегу — смотрю, генерал: «Ты куда бежишь?» — «Как куда? Роту поднимаю, видите, немец в атаку идёт». — «Смотрите, колонна какая наших войск, они же не развернутся, не смогут, ничего». — «Да, давай быстрей». Я поднял роту, автоматчиков поставил, стреляем по немцам прямо в упор, не подпускаем. Ну, хорошо, что «катюши» близко стояли — они на прямую наводку как дали подряд несколько залпов и прямо языками этих снарядов немцев слизали. Это и спасло, а то бы нас задавило — у меня патронов немного было, нас бы смяли. Немцы отступили.

Пошли мы вперед, восстановили мост, пропустили 60 танков и самоходок по этому мосту, и наши пошли на Цопот, к Балтийскому морю. Много потеряли, 50% танков, самоходок на этом участке. Потому что немцы сидели в щелях. Пропускают нашу самоходку или танк и стреляют из панцерфауста и зажигают. А если бы мы посадили солдат на танки, то этого могло бы не случиться. Ну, все-таки мы в Цопот ворвались, затем пошли в Данциг.

В Данциге я взял отделение солдат — и к Висле. Хотел переправиться на ту сторону, чтобы забрать лодки. Стал собирать плот, и вдруг немцы с элеватора открыли огонь. Я тогда увидел артиллеристов рядом и говорю: «Дайте несколько залпов». Они дали несколько залпов, и немцы сразу подняли флаг, белый. Мы переправились на плоту на тот берег, забрали лодки и тут же переправили один батальон, который потом пошел в атаку на элеватор. Пленили немцев, они сдали оружие, и мы их отправили как пленных. Таким образом в Данциге закончилась война.

Мы к вечеру зашли в один дом, хозяин был приветливый поляк, сразу посадил нас за стол, принес вина. Выпили, поговорили, потом разошлись. Нас по приказу из Данцига направили на Одер, а до Одера большой переход, 300 км в район Фидихово. Когда я достиг этого

Фидихова, мне дали задание: построить 5 блиндажей для командного пункта. Место показали: в лесу, на берегу озера. Место хорошее, но деревья там валить нельзя, потому что сразу немец услышит и обстреляет. Я посмотрел по карте и нашел деревообделывающий комбинат. Беру ездового Митракова, и поехали мы туда. Приехав, увидели: действительно, там около 100 кубометров бруса, напиленного 18 или 20Х20. Мне прислали 25 машин, я погрузил этот брус и перевез на предполагаемый НП. Там уже рытьё котлованов подходило к концу. Людей было недостаточно, рота поредела, поэтому приходилось работать всем офицерам, сержантам, в том числе и мне. Гимнастерки мы сняли, потому что смола грязнила их, работали в нижнем белье, которое потом можно было отдать в прачечную, где его отстирывали.

Таким образом, мы проработали 2 часа но немец все равно услышал нас и сделал артиллерийский налёт. Я приказал спрятать оружие, вещи в котлованы. Когда закончили строительство блиндажей, я обнаружил, что у меня в гимнастёрке карманы открытые. А в одном из них была книжечка, мне ее мама дала, когда я на фронт уходил, сказала: «Береги, это твоё счастье». Ну, вот я и хранил. И вот эта книжечка исчезла. В другом кармане был партийный билет. Все исчезло.

Я тут же обыскал всё, нигде нет. Написал я рапорт начальнику политотдела и нашему заместителю командира батальона по политической части, что мною утерян партбилет. Шло время. После блиндажа нас направили на организацию десантной переправы в районе Фидихово. Сначала надо было сходить в разведку. Я взял связного Никитина и вместе с ним пошли на берег реки. И тут же немец нас обстрелял миномётом, но все-таки мы дошли до берега. Посмотрели, там домик стоял, где был наш наблюдатель, он разрешил посмотреть в башенную трубу на тот берег и спланировал, где мне делать переправу. Одер в то время был большой водной преградой, 2,5 км, немцы взорвали плотину и затопили пойму, между ее двумя рукавами.

Пришел я в расположение, говорю: «Мне надо отправить 16 лодок, но проскочить именно на скорости». Взяли лодки, погрузили и в нужное место направили. Перевезли на машинах, там разгрузили, а вечером я подтащил их к месту переправы. Эта работа продолжалась до 12 ночи. Звоню генералу: «Лодки на месте, хоть и луна, но утром переправа хуже будет». Ну, он разрешил переправляться. Я сажаю 1 батальон и с ним еду сам, с командиром батальона. Проплыли метров 30 от берега, и тут с немецкой стороны открыли огонь. Ну, мы тоже открыли пулеметный огонь и двигались с огнём. Достигли косы, и вдруг я слышу крик: «Братцы! Мы свои, кого вы бьёте!» Я знаю,

что наших никого нет, это власовцы, но дальше мы поплыли без выстрелов. Я возвратился обратно за продуктами, немцы заметили мою лодку и обстреляли, мы легли в лодку и руками подгребали до косы, где нас уже не было видно. Так мы ночь пробыли там. Наутро немец начал обстрел. Наши открыли огонь, артподготовку сделали, час били по немецкому берегу. Там лес, деревья были все разбиты — верхушки. Тогда командир полка попросил перенести огонь в глубину. А я весь полк уже высадил на тот берег за время артподготовки. И он пошел с полком в атаку. Атака захлебнулась, много было потерь. На вторые сутки на прямую наводку прислали артиллеристов. Они привезли с собой лошадей. Все лошади были убиты. Очень четко работали снайперы. На третий день мы еще сделали ночью мост, танки пустили. Пошли в атаку, опять ничего не получилось. Ну, потом все-таки прорвали оборону. А она была сильной потому, что стреляли смертники.

Пошли дальше, стали занимать немецкие города, разрезали берлинскую группировку немецких войск и шли в наступление. Наши войска дошли до Эльбы. 8 мая нам объявили, что война закончилась.

* * *

Когда наступали наши войска под Минском, мне дали задание восстановить мост через реку Свислочь. Но на этом мосту уже работала 2-я рота, и не смогла мост восстановить, их обстреляли. Были раненые. Комбату говорю: «Я могу построить мост, только в другом месте, я буду здесь иметь только потери». Он со мной согласился. Я пошел дальше по реке, нашел местечко, удобное. Там стояла мельница, и там я решил построить заново мост. Выставил боевое охранение, поставил людей готовить материалы, а сам находился на мосту. Тут быстро связали рамы, положили прогоны, всё было тихо, закрепили. Иногда немец постреливал, но не прицельно, и мы не обращали внимания. В конечном счете, мост построили, стали снимать боевые охранения. Одного солдата не досчитались, стали его искать, нашли: он был ранен и прикусил язык, чтобы не кричать. Мы его вытащили и сразу в санбат отправили. Пришел я с ротой в расположение уже под утро, быстро поели и легли спать.

Утром, часов в 10, приходит замполит: «Почему у тебя люди спят?» — «Отдыхают, ночью работали». — «Сегодня же день занятий, ты почему не проводишь?» «Я с ними беседовал минут 20 и уло-

жил их спать». Вызывает меня командир батальона, Бандос, и говорит: «Я сейчас с командного пункта, нужно в другом месте построить мост». Дал времени полтора часа. Сказал, чтоб был мост. Ну, я поднимаю роту, и направляюсь к этому мосту, а немец, бьёт, только макушки деревьев слетают. Лес мы прошли нормально, как из леса вышли, видим деревушку, под ней как раз речушка течет. И немец открыл по нам пулеметный огонь. Я положил роту, подзываю командиров взводов к себе: давайте, расстояние небольшое, с огнем в атаку. Так и сделали: пробежали, никого не ранило, немцы убежали, я даю команду разбирать амбары одному, второму подносить бревна, третий остался на мосту, мост строить. Промерил глубину, небольшая: метр, метр тридцать. За полтора часа мы мост построили. Когда я проверял мост, лейтенант Рядинский мне докладывал, я ему говорю: «Вот здесь надо подправить, вот здесь», а он всё: «Есть, есть», а потом смотрю: молчит что-то, я обернулся, смотрю, он уже в воде. Я кричу солдатам: «Вытащите лейтенанта!». Вытащили, его ранило. А кто ранил, неизвестно. Я тогда вызываю сержанта Терентьева и говорю: «Иди с отделением, и приведи мне того, кто стрелял по Рядинскому». Он пошел и действительно снял с церкви одного немецкого фельдфебеля. Его на месте расстреляли. Вдруг смотрю: к речке подходит генерал, а я его редко видел. Я подбегаю, докладываю: «Товарищ генерал, командир роты такой-то», а он перебил: «Молодцы, вас нужно к героям представлять. Я тоже получил задание — штаб разместить в этой деревне, поехал на машине, а меня встретили пулеметным огнем, подожгли машину, хорошо, что была щель, и мы с шофером сидели в этой щели и наблюдали, как вы действовали». Потом генерал ушел, приехал наш замполит, а я уже к этому времени пропустил полки, дивизию полностью. Мост расшатали немного, раскривили. Он вызывает меня на мост и говорит: «Что ж такие мосты строишь?» — «Да нет, он был хороший, я свою задачу выполнил: я должен был только пропустить, а после меня уже должны идти сапёры и строить хорошие фундаментальные мосты». На этом разговор закончился, мы пошли дальше, наступать.

Догнали свои передовые части, стали разминировать дороги и пропускать войска. И так двигались сутками. Дивизия наступала на крепость Осовец. А нас прикрепили к этой дивизии, чтобы разминировать дороги и пропускать войска. Подход к крепости: открытая пойма и дорога вся заминированная. Войска остановились, мы впереди. Мины были новые, мы их не знали. Ну, раз неизвестные мины, значит, у нас с собой кошки были, кошку зацепили, дернули, она взорва-

лась. И так кошками мы взрывали эти мины. До крепости проход сделали войска. Немцы быстро сбежали из крепости, наши заняли траншеи, я решил проверить, что за речка, есть ли мост, может, дальше наступать будем. Взял отделение Хильмана и пошёл с ним. Шли дорогой, дорога хорошая, немцы, наверно, много навалили туда щебёнки. Мы прошли до речки. Смотрю: мост взорван, одни сваи только немножко торчат над водой, и никакого материала больше нет. Ну, я решил, что мост можно по этим сваям сделать. Только возвратились обратно, немец открыл пулеметный огонь. Мы спрятались, посидели минут 15. Потом по одному, перебежками за кучи щебенки прятались. И так он нас сопровождал целый километр: вначале пулеметным, потом минометном огнем.

Благополучно мы добрались до своих, до крепости. Потерь не было, раненых тоже. Пришёл я в расположение, мне докладывают, что был авиационный налет и Рядинского ранило, а санбата рядом нет, его нужно было везти в бригаду. А бригада за 50 км от переднего края, и был приказ, что раненых офицеров должен сопровождать офицер. Обстановка была спокойная, и я передал командование ротой старшему лейтенанту Шестакову, командиру 3-го взвода роты, а сам направился на лошади везти Рядинского в санбат. Пока мы ехали по пойме, столько было штабелей! Это были убитые солдаты, сложенные в штабеля. Проехал я 50 км через Польшу, добрался до бригады к вечеру, врача не могу найти, никто не знает, где врач. Наконец нашел врача, сдал лейтенанта и возвратился обратно, на крепость Осовец. Скоро нас сняли на другое направление.

Однажды наступаем, видим, темнеть начинает, три хорошие землянки, солдаты захотели отдохнуть в них. Я говорю: опасно, не могли немцы оставить землянки нам, наверно, они их заминировали, так что не советую, лучше в поле. Ну, всё-таки стали переубеждать. Тогда говорю: под вашу ответственность, выделяйте солдат по отделениям, проверьте всё досконально, если не заминировано, то можете занимать. Проверили, доложили, что мин нет. Ну, хорошо, занимайте. И я тоже расположился в одной землянке. На 3-й этаж землянки поднялся, лежу, а ноги мокрые и у меня их судорогой свело, я оттолкнулся и прямо с этих нар вниз упал, а там лежал капитан медицинской службы, тоже к нам присоединившийся. Потом выхожу, смотрю: уже начинает рассветать. Я тогда старшину бужу и говорю: «Давай подъём и пойдем, что-то мне не нравится вся эта обстановка». Поднялись, построились, даже есть не стали, солдаты насупились, но приказ есть приказ. И пошли. Отошли буквально метров 300 от этих землянок, они

стали взрываться. Очевидно, немец где-то часовой замыкатель поставил на расстоянии, далеко, а тут взрывчатку заложил, и наши не смогли это найти. Тогда солдаты поняли, что они не правы были. Ну, потом двигались дальше по направлению войск.

Однажды в Белоруссии перебрасывали нас с одного участка на другой. Уже вечер, надо было где-то ночевать. Ну, решили в лесу, на поляночке. Расположились и солдаты улеглись. Снег засыпал солдат полностью, и ни один даже не услышал, потому что сильно устали и крепко спали. Утром я встаю, бужу старшину: «Ты смотри, вся полянка снегом покрыта, и только дырочки от дыхания солдат видны. Сейчас дам команду подниматься, интересно, как будет». Снег развернулся, солдаты встали, покушали и двинулись в путь дальше.

Однажды проходили Польшу, обозы отстали, болотистые места, солдаты ели по два сухаря, нагрузка тяжелая. И вот уже приближались к немецкой границе. Лес. Я смотрю: в лесу две коровы привязаны к березам, думаю, немцы привязали, убегая от нас. Вызываю старшину, командира второй роты Петракова и говорю: «Давайте по корове зарежем, накормим солдат котлетами на границе немецкой». — «Что ты, нет! Есть приказ Сталина у поляков ничего не брать, а мы еще на польской территории находимся». Я говорю: «При чем здесь поляки, это же немцы привязали коров. Ты же знаешь, кто последний отдает приказ, тот и отвечает, я даю тебе приказ зарезать корову, а другую привязать к повозке». Ну, старшина быстро зарезал корову, накрутил котлет, вдруг меня вызывают. Майор Пежин. Я прихожу, смотрю: открывают дверь, там сидят офицеры. «Зарезал я одну корову». «Ну ты же знаешь, приказ Сталина на польской территории ничего не брать?» — «Знаю, а я у поляков ничего и не брал, это немцы привязали коров, а когда мы отступали, они, убегая, забыли отвязать коров». Тогда Петраков ко мне подходит и говорит: «Дай мне одну корову». — «Тебе бы я не дал, потому что ты не соглашался, но мне жалко твоих солдат, всего батальона, поэтому корову возьми, накорми людей».

Когда вошли на территорию Германии, пехоты не было, были одни сапёры. Дали три дороги, я поставил на каждую взвод, и Рядинский пошел и взвод погубил, а бы не стал делать объездную дорогу, надо было разобрать взорванный мостик, и прошла бы техника, но немцы схитрили и заминировали 100 кв.м зарядами. Один сапёр взорвал один запал, шнур детонировал и произошёл взрыв, пострадали люди. Поэтому приходилось мне самому решать трудные задачи. Мы получили приказ изучить мины. Я беру лейтенанта Осина, нашли

мину, подошли к ней и стали ножиком её подрывать, обрыли её полностью и обнаружили у неё боковые взрыватели. Были проблемы, но мы ее разминировали. С этой мины сделали описание и отправили на фронт. Все серьёзные задания доверяли первой роте, но это было не замечено. И поэтому так и получалось, что работали мы, а награды получали полковые сапёры. После прорыва обороны немцев за Юхновом вышел приказ штаба, лично пройти по обороне противника и доложить. Я взял Никитина и отправился. Двое суток шли через мины, ограждения, и трижды мы друг друга спасали

Вышли на Варшавское шоссе, остановили машину и поехали догонять войска. Появился самолёт с нашими знаками и дал очередь по людям. Я успел выпрыгнуть в кювет, а водитель не успел, его ранило. Я его нёс полтора км до медсанбата, а сам отправился дальше. Прибыв в батальон, я приступил с взводом выполнять боевые задания. Через месяц Никитин появился у меня в роте. Он был связным. Я его брал в разведку на Одере. Так я и не понял, для чего нужно было посылать минёра, если оборона уже была прорвана.

Однажды я получил задание проделать проход на минном поле. Я взял с собой старшего сержанта Петрука, мы шли по траншеям и увидели лощину, заполненную водой. Я ложусь в воду и ползу, вдруг слышу выстрел. Увидел, что Петрук убит. Затем мне пришла разнарядка, отправить 2-х человек в Московское военное инженерное училище. Я думал: кого послать? Я получил письмо от мамы Никитина, которая просила сохранить сыну жизнь, так как потеряла на войне всех близких. Я ему предложил, и он уехал. Через полгода он возвратился в роту и стал её командиром. После войны я встретил его на Курском вокзале, и он сообщил мне, что нашли мой партийный билет. С тех пор мы с ним не виделись, только переписывались. В своей работе я руководствовался памяткой «о начальнике и подчиненном». Там говорилось, что начальник должен быть заботливым и требовательным к своим подчиненным. Это и обеспечило мне успех в отношении с солдатами. 50% роты сохранилось до конца войны.

Награды:

— орден Красного Знамени (№297261. Приказ 49-й Армии №078);

— орден Отечественной войны I степени (№ 91047/ Приказ 121 стрел. корп. №062-И)$

— орден Отечественной войны I степени (№1782292/ Указ През. Верх. Сов. СССР);

— орден Отечественной Войны II степени (№205712. Приказ 49-й Армии №065);

— орден Красной Звезды (№151147. Приказ 11-й инженерно-саперной бригады 074—И);

— орден Красной Звезды (№3055711. Приказ министра обороны);

— медали: «За боевые заслуги», «За участие в героическом штурме и взятии Кенигсберга», «За победу над Германией в Вел. Отеч. войне 1941 — 1945 гг.», «За безупречую службу в Вооруж. Силах СССР», «30 лет Вооруженных Сил СССР», «40 лет Вооруженных Сил СССР», «50 лет Вооруженных Сил СССР», «60 лет Вооруженных Сил СССР», «Двадцать лет победы в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.», «За доблесть и отвагу в Великой Отечественно войне», «30 лет победы в Великой Отечественной войне», «40 лет победы в Великой Отечественной Войне 1941-1945 гг.», «50 лет победы в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.», «70 лет Вооруженных Сил СССР», Медаль Жукова;

— ветеран 49-й Армии в Великой Отечественной войне 1941-1945гг., памятный знак;

знак «Фронтовик 1941-1945гг.»;

Июль 2003 г.

В подготовке настоящих воспоминаний оказал помощь ***Шевелева Наталья Сергеевна***, студентка 1-го курса Московского авиационного института

Волобуев Владимир Романович

ЦЕНА КОНТРОЛЬНОГО ПЛЕННОГО

Родился в 1923 г. в поселке Рассвет Мценского района Орловской области. Русский. Был комсомольцем, членом ВКП (б) / КПСС.

Окончил школу-семилетку в Москве (1930-1937), Московский дорожно-механический техникум (1937-1941), Военную Академию БТВ (1946-1951).

Война застала 22 июня 1941 в городе Вентспилсе, на производственной практике.

1 октября 1941 был призван в Красную Армию. Предфронтовую подготовку проходил в 352-м полку 4-й запасной курсантской бригады (город Муром, ноябрь 1941 — апрель 1942), затем в Казанском танковом училище (май 1942 — октябрь 1943).

После формировки в Гороховецких лагерях (декабрь 1943) в должности командира танкового взвода в звании младший лейтенант был отправлен на фронт и оказался в составе 74-го отдельного мотоциклетного разведывательного батальона 3-го танкового корпуса генерала Шамшина 2-й танковой армии генерала Богданова (Радзиевского).

Боевой путь:

• 2-й Украинский фронт (декабрь 1943 — июль 1944):

Корсунь-Шевченковский Умань Бельцы Котнарий Ямполь;

• 1-й Белорусский фронт (июль 1944 — май 1945):

Люблин — Варшава — Сохачев — Шнайдемюль — Кутно — Цикерик — Пиритц — Кюстрин — Бернау — Берлин — Шпандау (30.04) — Бранденбург и Хафель (14.05).

Боевые действия закончил на реке Эльба 14 мая 1945 г. в должности командира роты бронетранспортеров 74-го (17-го гвардейского) отдельного мотоциклетного разведывательного батальона под командованием майора Гребенюка в составе 3-го (9-го гв.) танкового корпуса 2-й (2-й гв.) танковой армии.

Трижды ранен: 17 января 45г. осколком бомбы от наших штурмовиков, принявших мою роту разведчиков за противника (местечко Блоня под Варшавой); 20 января — ранение ноги (немцы неожиданно открыли огонь из санитарного поезда); 25 января — бомбежка на переправе под Шнайдемюлем. Получил контузию.

После окончания военной академии БТВ (1951):

— помощник начальника разведки, начальник разведки танковых соединений в ГСВГ и МВО (1951 — 1959);

— с 1960 по 1983 — преподаватель, старший преподаватель кафедры №3 (разведки иностранных армий) Академии БТВ (1960 — 1971, 1973 — 1982);

— начальник кафедры разведки Академии Сирийской Арабский Республики (1971-1973);

— полковник в отставке служащий СА (ГРУ ГШ) (1982 — 1991).

Награды (военные): орден Красной Звезды (март-апрель 1944 — захват пленного под Котнарием и перевод разведчицы через фронт); орден Отечественной войны I степени (конец января 1945 — разведка Чарникау, Шнайдемюля, захват четырех офицеров); орден Красного Знамени (апрель-май 1945 — оборона Цикерик, разведка Шпандау, перевод через линию фронта командира батальона майора Клауса и сдача в плен его батальона) и медаль «За отвагу» (май 1945).

Награды (юбилейные): ордена: Красной Звезды (1951, за выслугу лет), Отечественной войны I степени (юбилейный) и 19-20 юбилейных медалей.

Кандидат военных наук, доцент. Имею 86 научных публикаций.

В рукописи (200-300 страниц) книга «Война глазами командира взвода, роты».

Фрагменты рукописи приведены ниже.

Первые три эпизода (бой в ночь на 17 февраля 1944 под г. Корсунь-Шевченковский, «разведка боем» роты майора Мохова 4 марта 1944 и операция по добыванию «контрольного» пленного в мае 1944) относятся к первым боям, в которых мне довелось принять участие.

Четвертый фрагмент (14 мая 1945) посвящен моему последнему бою в войне

Первый бой (17 февраля 1944 года)

С утра немцы нанесли удар с юга — через Лысянку, чтобы деблокировать окруженную группировку. Под ударом советских танков по левому флангу немцы были остановлены и даже несколько оттеснены на юг.

Между Шендеровкой и Лысянкой — узкая, шириною до 1 километра и протяженностью 5-7 километров, белоснежная полоса местности, образующая коридор. С одной стороны его промерзшее болото с хилыми осинами и кустарником; с другой — полоска молодого смешанного леса.

До полудня огневой бой повторился, а к вечеру затих. Началась пурга. Танки оставили равнину, и по прекратившемуся шуму моторов можно было догадаться, что танки сосредоточились на опушке противоположного леса.

С другой стороны равнинного заснеженного поля заняли стартовые позиции десятка полтора реактивных установок «катюш».

А вот что я наблюдал ночью и утром 17 февраля.

Четыре немецких танка и два бронетранспортера беспрепятственно проскочили по открытой местности мимо Лысянки в южном направлении, а затем по свободному коридору повалила немецкая пехота, вырывающаяся под покровом темноты и пурги из окружения

Когда первая волна пехоты оказалась в горловине между лесом и болотом, по ней дали залп «катюши», а с противоположной стороны открыли огонь осколочными снарядами тридцатьчетверки. Бегущая толпа немцев в панике заметалась в огненном мешке. Впереди нее и на флангах — море огня, а сзади — новые, ошалевшие от безысходного страха волны пехоты. Эффект обезумевшей толпы.

Очередной вал пехотинцев и конных повозок, сминая предыдущий и топча раненых, перекатывался через трупы и тут же ложился костьми. Лишь одиночным солдатам, тем, которые в пьяном (?) угаре бросались навстречу стрелявшим танкам и минометам, удавалось вырваться в лес и болото; и там их настигали пулеметные очереди.

Это продолжалось несколько часов, а к полудню танки «проутюжили» поле, размером не менее 3-х кв. километров, сплошь покрытое трупами в серо-зеленых шинелях, и ушли на юго-запад.

Радиосвязь с батальоном прекратилась. Последняя радиограмма — «Жди указаний».

Пурга утихла...

Ночью — звенящая тишина. Изредка доносилось морозное потрескивание, и мне казалось, что это немцы подкрадываются к моему танку. Отошел от машины на несколько метров, устремил воспаленные глаза в темноту и замер от страха: передо мною, опираясь на наклоненный тонкий ствол осины, стоял немец. Короткая очередь из автомата «Томпсон», еще одна..., — третья... Немец стоит. «Я не мог промахнуться на эту дистанцию», — мелькнула мысль. Подбежали Могучев, мой радист, Кушнин: «В чем дело?» Я молча указал на немца.

— У тебя, командир, начинаются галлюцинации, — Могучев рассмеялся.

— Я тоже испугался его вечером. А потом смотрю — это мертвец, сраженный пулей. Он повис на ветках и теперь замороженным будет до оттепели стоять.

А еще мне, укрывшемуся брезентом и задремавшему под утро на теплых жалюзи моторного отделения, казалось, что над полем боя витает смерть, завершая свое черное дело в союзе с морозом, останавливая дыхание и слабые стоны раненных немцев.

Очнувшись, я реально увидел эту «смерть» в образе сгорбившейся старушки, наклоняющейся над трупами и складывающей в санки зеленые шинели.

«Уж не тронулся ли ты, Владимир Романович?» Закурил, ощутив на холодной спине мурашки, подошел к женщине, а та, понимая, что ее застали за унизительным делом, заплакала:

— Извиняй, сынок... Раньше нас немцы грабили, а теперь — вот я...

Она не договорила. Слезы текли по ее морщинистому лицу...

Взглянув на междулесье, я прикинул, что на нем — несколько тысяч мертвецов.

То ли любопытство, то ли стремление перебороть в себе страх и отвращение подтолкнули меня пройти несколько десятков метров по человеческому, уже замерзшему месиву, перешагивая через трупы и наступая на одежду павших. Здесь в неестественных позах, касаясь друг друга, лежали арийцы, уткнувшись белокурыми головами в белый и розоватый снег.

Поодаль — разбитые повозки пехотного обоза с невыпряженными бельгийскими битюгами. Один из них стоял на трех ногах; четвертая нога висела на узкой полоске кожи, оканчивающейся вмерзшей в красный снег копытом.

Я не мог без жалостного содрогания выдержать безмолвный взгляд страдающих влажных глаз когда-то могучего, а ныне бессильного и обреченного существа. От внезапно возникшей мысли пристрелить коня, чтобы одним мгновением пресечь его муки, отказался: не смог. И еще долго я вспоминал эти полные печали глаза умного безвинного животного.

Разведка боем (4 марта 1944 года)

3 марта в разведотделе 3-го ТК получаю задачу, согласно которой мой танковый взвод, «усиленный бронетранспортером, двумя самоходными орудиями и тремя мотоциклами, составляя разведотряд корпуса, должен до начала наступления скрытно вести наблюдения в боевых порядках пехоты с целью установления начала отхода противника, а затем, обогнав пехоту, действовать на Умань и определить направление, характер отхода и нумерацию войск противника.

Справа — разведорган 6ТА, слева — передовой отряд 51-й танковой бригады.

Сигналы опознавания — все те же зеленые ракеты.

Донесения до начала наступления — по телефону; после обгона пехоты — ежечасно — по радио.

НП занять к 23:00 сегодня».

На карту, кроме ключа кода, подлежащего развитию только с началом наступления, приказано ничего не наносить. Я расписался под текстом задачи, записанным переводчицей Клавой и поданным услужливым, щеголеватым сержантом Сладкевичем.

В ночь на 4 марта в 200-250 метрах от переднего края хотел отрыть и замаскировать наблюдательный пост, а машины расположить в укрытиях за высотой.

— Ты что здесь ковыряешь? — как-то с запретным оттенком, грубо спросил подошедший солдат в офицерской гимнастерке с портупеей.

— А тебе-то, какое дело? Ковыряют в носу, а я — копаю то, что мне надо. Понял?

— Прекрати сейчас же, иначе я подниму роту и тебя отнесут на нейтральную полосу. Там, под носом немцев, ковыряй, сколько тебе влезет. А здесь я — командир роты, и это мой опорный пункт.

— Попробуй только. Я по твоей пехоте танками, как утюгами, проеду, и будешь ты, самозванец, и твои пехотинцы только потрескивать, как вши...

— Я — самозванец?! — солдат захлебнулся в ярости кашлем... — Я покажу тебе ... ты этакая... Я научу тебя... вежливости...

Словесная перепалка продолжалась на весьма высоких тонах, изобиловала самыми невероятными нецензурными словами и грозила перерасти в рукопашную.

— Остановись, Володя, — Могучев встал между антагонистами, разводя их локтями. — Послушай, друг, нам надо место для наблюдения оборудовать. У нас приказ...

— С этого и начинали бы, а то — самозванец! Я полком командовал и майором был, а вы — еще желторотики...Идем в землянку, поговорим по делу...

В землянке — жарко; коптят суконные фитили в смятых шейках зенитных гильз; на патронных ящиках плащ-палатка, а на ней алюминиевые котелки, кружки, ложки, консервные банки. Солдаты в офицерских гимнастерках нараспашку, без погон.

— Садитесь, танкисты, хлебните за нашу фортуну. Занимайте нашу хату. К утру нас здесь не будет. Все вам оставим, в том числе и вон ту флягу, чтобы завтра вы выпили за упокой тех, кто не добежит до немецкой траншеи...

— Прекрати, капитан, свою преждевременную панихиду. Завтра замполит ее отслужит по тем, кому суждено...

Выставил наблюдателей, обошел место расположения своих машин, проверил дежуривших в экипажах солдат. Медленно возвращаюсь к землянке.

Над нейтральной полосой каждые 15 минут взвиваются вверх, а потом медленно на парашютиках опускаются осветительные ракеты. В промежутках между ними тишину нарушают длинные пулеметные очереди неприцельного огня по нейтральной полосе дежурных огневых средств непосредственного охранения немцев.

«Толково немцы организуют ночное дежурство; их офицерам не надо ходить по траншеям, не надо расталкивать уснувших дежурных наблюдателей, пулеметчиков. Отдыхая в убежищах, они видят, слышат и тем контролируют службу охранения. А у нас — полная беспечность! Сколько я обошел сейчас траншей, в них все спят вповалку, приходи, Фриц с Гансом — и спокойно уводи «языков».

Вошел в землянку. Тихо. В ней никто не спит. А уже — за полночь. Пожилой разжалованный офицер что-то написал на листке, перечитал его, не спеша сложил вдоль — «гармошкой», поджог и держит вертикально. Печально смотрит, как бездымное пламя волнистой линией медленно опускается вниз, оставляя на почерневшей верхней части листка нетленные буквы. «О чем задумался и что написал перед боем этот человек? Может о том, как тленна жизнь?»

А другой, тоже безымянный, беспокойно топчется на одном месте, закуривает «козью ножку», выходит из землянки, возвращается; снова крутит самокрутку, снова выходит. (Создается впечатление, что прокопченное помещение не для курящих. Нет, не так.) Этому человеку надо посидеть или постоять на свежем воздухе и, быть может, в последний раз полюбоваться родным звездным украинским небом. Но он не в состоянии долго смотреть на него..., и возвращается снова. Но теперь — не один. С ним входит перепуганный нацмен — то ли туркмен, то ли таджик — со связанными телефонным кабелем руками. На его груди — картонка с немецкими словами на одной и русскими каракулями на другой стороне: «Нет — нам язык. Нет — вам зольдат.»

— Развяжи и отпусти. Зачем ты привел его? — безучастно сказал кто-то.

— Сам не знаю ... Иди, садык... с аллахом...Возьми, погрызи сухарь...

Нацмен ушел «с аллахом», а через часа два «с богом» ушли и православные. Ушли всей ротой на свой передний край, чтобы после двух мощных артиллерийских налетов при поддержке танковой роты «Шерман» с криком «Ура» ворваться в первую траншею немцев, имитируя начало наступления и вызывая на себя огонь всех ранее скрытых от наблюдения средств неприятеля.

«Тебя прислали наблюдать, юноша? — сказал перед уходом командир роты. — Вот ты смотри утром и запомни, во имя чего и как будут умирать русские офицеры роты бывшего майора Мохова...»

И я видел, как до рассвета в оставленных окопах и ходах сообщения разместились артиллерийские наблюдатели, со своими телефонами, планшетами и стереотрубами; авиационные наводчики с радиостанциями; штабные офицеры; саперы с маскировочными сетями.

Утром, после артобстрела, поддержанная минометным, танковым огнем и пулеметами, из нашей первой траншеи рота Мохова поднялась в атаку.

На фронте 800-900 метров завязался неравный бой. Заградительный огонь немецкой артиллерии; сплошная стена разрывов снарядов; взрывы бомб, высыпанных двумя немецкими самолетами, пролетевшими вдоль линии фронта с включенными сиренами.

Пехота залегла, а потом свернулась в колонны, чтобы прикрыться броней медленно ползущих танков.

Вспыхнул один, затем второй танк. Третий танк, подорвавшись на мине, резко развернулся и подставил врагу уязвимый борт. Экипаж в черных комбинезонах выскочил из люков. На одном танкисте — языки пламени...

Вот это и видел я, вместо того, чтобы засекать огневые средства немцев.

Десятка четыре пехотинцев бросились обратно к своим позициям. А оттуда — тоже огонь или поддерживающий их или ... приказ №227 — «Ни шагу назад».

Это была разведка боем. Дорогой ценой обернулось вскрытие системы огня противника на этом участке. Огневые средства врага зафиксированы вроде бы... А будут ли в этой лощине обозначены могилы погибших? И майора Мохова?

Днем предпринимались безуспешные попытки вытащить из нейтральной полосы тела хотя бы раненых. Санитары с белыми полотнищами и красными крестами попадали под перекрестный огонь и возвращались обратно. Немногие раненые самостоятельно приползли к своим.

В бинокль я наблюдал, как одной девушке-санинструктору все же удалось приползти с раненым к своей траншее и замертво скатиться в нее. По ней немцы не стреляли.

Цена контрольного пленного (май 1944 г.)

Теперь я командир мотоциклетного взвода — это по штату (без мотоциклов, оставленных в Медвине по причине непролазной грязи и без сгоревших танков). А реально возглавляю взвод нашей разведки все в том же 74-м мотоциклетном батальоне 3-го танкового корпуса.

Не всегда оправдывается поговорка младших офицеров: «Меньше взвода не дадут, дальше фронта не пошлют». А меня еще раз посылают «дальше фронта» за передовую. Опять понадобился «язык». Но теперь его назвали «контрольным пленным». Видимо, надо что-то подтвердить или опровергнуть. Но это дело не взводного. Его дело — захватить этого контрольного пленного в точно указанном районе, южнее Котнария. Причем захватить надо немца — пленных румын предостаточно.

На подготовку к поиску ушло пять суток, в течение которых было сделано следующее·

— выбран и скрытно оборудован НП напротив предварительно намеченного объекта захвата — дежурного наблюдателя;

— тщательно изучено и прохронометрировано поведение немецкого наблюдателя, дежурившего с 22:00 до 5:00 часов следующего утра в сгоревшем танке,

— оборудован ложный НП в 300 метрах в стороне от основного; намечены маршруты подхода к танку и обратно;

— выбраны места расположения подгрупп разграждения и прикрытия;

— проведено две тренировки в расположении своих войск на сходной местности с использованием находящегося там аварийного Т-34 одна днем, вторая на рассвете;

— подогнано снаряжение, обмотаны пряжки автоматов, сданы документы солдат подгруппы захвата;

— трижды осуществлена имитация ночного поиска на ложных направлениях.

Оставалось договориться о взаимодействии с командирами артдивизиона стрелковых батальона и роты в районе поиска. Но это планировалось сделать непосредственно перед началом действий.

Всей подготовкой руководил начальник штаба батальона капитан Волков. На тренировочные занятия приезжал майор Левченко. Отрабатывались, и отрабатывались скрупулезно, мельчайшие детали действий при приближении к танку и особенно — бесшумное влезание на него. Последнее в сапогах никак не получалось. Пробовали обматывать головки и подошвы сапог тряпками, пробовали взбираться на борт и жалюзи танка босиком. Наконец решили, что группа захвата вместо сапог наденет молдавские постолы. Легко, мягко, бесшумно. Обошлись четыре пары всего в три канистры бензина.

Подготовка завершена. В шесть утра после ночной последней тренировки — завтрак без вина и дневной сон. Спят предельно утомленные «славяне». Им не надо ни о чем думать делают добросовестно все, что им приказано. Не сплю лишь я, расположившись полусидя у входа в землянку. Курю и наблюдаю, как приближается майор Вогман, расставляя ступни ног значительно шире коленей.

— Хотел бы побеседовать с группой: задача для вас очень ответственная, говорит он.

— Солдаты спят, товарищ майор. С ними уже проведено столько бесед, что они теперь не способны ничего воспринимать, кроме своих задач. Пусть отдохнут, а я передам им все, что вы скажете.

— Коммунистов и комсомольцев распределил между группами? Комсорг твой Тихонской в какой подгруппе?

— Их я не распределял, Тихонского не беру: хиловат он, товарищ майор.

— А сержант Морозов? Он — коммунист.

— А Морозов, товарищ майор, староват; ему — за сорок.

— Что-то, младший лейтенант, у тебя недооценка проскальзывает в партийных вопросах. Один у тебя — хиловат, другой — староват... А я полковнику Плотникову (начальник политотдела 3-го танкового корпуса) хвалил тебя.

«Наверно, говорил Плотникову, что это он меня воспитал, — думал я, — хвалите уж лучше вы с Плотниковым друг друга или сами сходите за «передок» разок».

— Ну, ладно, успеха тебе, младший лейтенант! Притащишь немца — на орден пошлем.

Мысленно послал Вогмана гораздо дальше..., а он пошел не туда, а к солдатской кухне.

Из своей «санитарки» вылезает батальонный фельдшер Илья Быстрицкий, звенит соском рукомойника.

— Здорово, Владимир! — утираясь полотенцем, продолжает, — мне с твоей группой приказано действовать. Когда выступаем?

— Я тебе скажу, а Какоза покажет, в какой траншее ты будешь сидеть вместе с ним. Только прошу — не показывайся на глаза моим солдатам: «Красный Крест» в данной обстановке энтузиазма им не добавит.

— Хочешь, накапаю брома, поспишь?

Уже час наблюдают разведчики за танком. В 22:00 с завидной немецкой точностью над ним вспыхивает сигнальная ракета — проверяй часы!

Теперь, как и в предыдущие ночи, каждые 20 минут ракеты будут взлетать поочередно то справа, то слева от танка, то в 150, то в 100 метрах от него.

Вслед за ракетами с неопределенными теперь интервалами последуют две-три короткие неприцельные пулеметные очереди по нейтральной полосе. И так будет до утра.

Стрелка часов, казалось, остановилась... Вот она, наконец, медленно переваливает за 12. Волков выпускает подгруппу разграждения, за ней — подгруппу обеспечения. В траншею с легким шумом ссыпаются с бруствера мелкие комки земли.

Из-за темной тучи выглядывает предательница — луна. А так хорошо было! — Темно «хоть в глаз коли!» Лунный свет освещает сидящих на корточках и упирающихся спинами в стенку окопа солдат подгруппы захвата. Полин зачем-то теребит пуговицу на рукаве камуфлированного маскхалата... Кинчин смахивает с колена прилипшие шарики и цепкие соцветия репейника... Дубов — неподвижен, с закрытыми глазами... Лунный свет, резкие тени на лицах сделали их неузнаваемыми. В них нельзя узнать вчерашних ребят.

«О чем каждый из них думает? Над кем из них уже витает смерть? Кого из них я вижу в последний раз? А может быть, они меня не увидят завтра?» Отбросил навязчивые вопросы...

— Пора, давай, Володя! — Волков положил руку на мое плечо, тихонько подтолкнул.

— Кинчин, за мной...

Перекатились все четверо подгруппы захвата через бруствер, быстро отползли от него, известного и пристрелянного немецкими пулеметчиками, достигли ячеек непосредственного охранения стрелковой роты. Передохнули, ожидая когда луна спрячется за тучи и погаснет очередная ракета. Ракета погасла. Теперь надо лежать, еще плотнее прижавшись к земле, чтобы переждать пулеметную очередь. Пули шлепаются вот здесь, совсем рядом. Неужели заметили немцы? Вряд ли. Если бы обнаружили разведчиков — стреляли бы прицельно во время освещения...

Теперь можно еще продвинуться метров на десять. Снова ракета. Снова замирают разведчики, застывают в позах на момент начала освещения.

За высотой слева от Котнария внезапно возникает и через 15-20 минут прекращается шквальная пулеметно-минометная перестрелка.

Подгруппа захвата вначале достигает позиций, занятых подгруппой разграждения справа, а затем — подгруппой обеспечения слева — впереди. Уточнены секторы обстрела на случай прикрытия отхода и ориентировочные направления подачи сигналов на вызов огня.

Прошло около трех часов, когда до танка оставалось не более 20 метров, и на фоне еле светящегося небосвода уже можно было различить его верхнюю часть — башню с открытым командирским люком и временами высовывающейся головой наблюдателя. Иногда немец кратко, двумя-тремя фразами, что-то передавал по телефону.

Мы с Полиным уже намеревались подползти к обгорелым резиновым бандажам катков танка справа, а Дубов и Кончин — слева. Но

тут произошло неожиданное и непредвиденное — к танку приближался немецкий солдат.

Кто это? Сменный, очередной наблюдатель? Или проверяющий? Или телефонист? Или теперь в танке будет два вражеских солдата?

Если верно последнее предположение — считай, что поиск сорван: с двумя немцами не справиться!

Наблюдатель соскакивает с танка. Солдаты перекидываются двумя-тремя фразами. Один из них уходит к своим траншеям, тихонько наигрывая на губной гармошке «Розамунду». Другой занимает место в танке.

Время, кажется, останавлилось... Я лежу, опираясь подбородком на кисть левой руки. Слух, зрение и обоняние крайне обострены. Закрываю рукавом маскхалата светящийся циферблат неимоверно громко тикающих часов: не дай бог их «увидит» или «услышит» немец! А почему немец, высунувшись из люка, быстро исчезает в танке, закрывает люк и что-то тревожно бормочет по телефону? Не услышал ли он, как стучит мое сердце? Прислонился к отвратительно пахнущему горелой резиной катку... А может, он услышал учащенное дыхание Дубова, прижавшегося к башне танка? Я-го «слышу» это...

Кинчин тоже на борту танка, с другой стороны.

Проходит вечность... «А не устроился ли спать немец? Как заставить его открыть люк? Может быть, отрезать телефонный кабель, что заставит немца вылезти из танка для поиска обрыва провода?»

«А если для проверки телефонной линии придет связист? И не один? Но сперва надо отыскать провод».

Передвигаюсь на коленях вдоль гусеницы, провод — у последнего катка. Режу его ножом, зачищаю концы кабеля ...

В танке тревожный голос наблюдателя: «Алло, алло... Вас ист дас... Алло, алло...».

Соединяю концы провода, немец успокаивается; увидев вспыхнувшую ракету, медленно открывает люк и до пояса высовывается из башни, чтобы никогда в нее не опуститься.

Веревка Кинчина моментально обвивает горло и предплечье немца, кляп Дубова у него во рту.

Тело наблюдателя безжизненно плюхается к моим ногам одновременно с соскочившими с танка Дубовым и Кинчиным...

Фиксирующая веревочная петля надежно опоясывает тело пленника, волочащегося по земле за бегущими Кинчиным и Дубовым на протяжении 50-60 метров...

«А теперь можно и передохнуть вот в этой воронке и по новому направлению через низкорослый кустарник возвратиться в свои траншеи».

Теперь можно и не ползти, а идти по кустарнику полусогнувшись. И немца волочить не надо: поняв, что с ним произошло, он послушно, не сопротивляясь, будет идти с разведчиками.

До своих траншей остается 70-80 метров. Я фонариком сигналю Волкову, Какозе, подгруппам обеспечения и разграждения. Разведчики уже идут в полный рост.

И вдруг — одиночный выстрел из своего окопа ... Полин вскрикнул и мешком распластался на земле, схватившись за живот.

Ворвались в траншею. Виновного нет. «Чучмеки» безмятежно спят, а кто-то из них притворяется спящим...

Быстрицкий пытается забинтовать Полина. Кладет его на носилки и в санитарной машине увозит в медсанбат. Волков с пленным немцем едет в штаб корпуса, а поисковая группа возвращается в свой блиндаж, где сержант Морозов уже приготовил «пиршество».

Часа через три — время к обеду — меня вызывает командир батальона Закревский и сообщает, что звонил начальник штаба корпуса. Поздравляет с «языком», дает трое суток отдыха.

— Напиши, — говорит он, — представления на отличившихся в поиске солдат, я подпишу. Твой пленный дал ценные сведения о готовящемся танковом контрударе противника (из района Яссы).

«Пируют» разведчики. Пленного допросили в корпусе и сразу же отправили в штаб армии. Пленный жив, а Полин умирает в операционной палатке. И не помогли ему тосты, произносимые за его благополучие и скорейшее выздоровление. К вечеру следующего дня стало известно, что цена захваченного пленного — жизнь Полина, а цена Полина — орден «Отечественной войны I степени» посмертно...

Хоронили разведчика со всеми воинскими почестями, молча; вечером поминали по русскому обычаю

Перед сном Морозов подошел ко мне.

— Товарищ младший лейтенант, вот это, — Морозов протянул мешочек из черной замши, — это Полин просил передать вам, если он..., ну, если что с ним случится. Наверно, чувствовал..., сердечный...

— Что это?

— Часы трофейные.

Я развязал шнурок и вытащил из него массивный золотой брегет и два ключика для завода часов.

Последний бой

3-8 мая 1945. Окончание страшной войны чувствуется, и она, пожалуй, окончилась, хотя вспышки боев могут продолжаться еще несколько дней, а возможно, недель.

9 мая 1945. В 4 часа утра в автобус к командиру батальона врывается радист с криком: «Ура! Победа!» — и передает Волкову радиотелеграмму: «Германия капитулировала. Первому прибыть к «хозяину» к 6:00 09.05.45. Находиться в полной боеготовности».

В распоряжении батальона связи, а затем в районах сосредоточения корпусных частей и подразделений, в том числе, и медсанбата постоянная стрельба...

В батальоне нет ни начальников, ни подчиненных, ни сержантов, ни рядовых, ни офицеров. В нем — просто люди. Добрые и счастливые люди, прошедшие неимоверные испытания огнем, совестью, бесчестием, честью, страхом, мужеством, преступлением и благородством ...

К утру 10 мая бурное застолье постепенно затихало, уступая место народным песням. Голосистые украинцы оказались самыми стойкими: они уже в который раз «спэвалы»: «Роспрягайтэ, хлопцы, коней, та лягайтэ спочивать ...»

10 мая. Командиры рот вызваны в штаб батальона, и «коней пришлось вновь запрягать».

Моей группе в составе трех бронетранспортеров, пяти мотоциклов и одного бронеавтомобиля «БА-64» назначен район действий: Градзее — Нойруппин, стрелка реки Хафель, Бранденбург, изобилующий рощами, перелесками и осушительными каналами. Задача — прочесывание с целью пленения разрозненных подразделений немцев, отказавшихся сложить оружие и рвущихся в плен к англичанам и американцам.

Разбегающиеся по лесам мелкими группами немцы, как правило, не отстреливались и по одиночке исчезали, маскируясь в чащах. Исключением стала последняя стычка разведчиков с экипажем камуфлированного желто-зеленой краской немецкого гробовидного бронетранспортера, замеченного на одной из просек под Бранденбургом. Преследуемый бронетранспортер вел ответный огонь и пытался оторваться от преследователей.

Вот он резко свернул с основной просеки и подставил борт с черным крестом под бронебойные пули крупнокалиберного «Браунинга». Еще десяток метров, и «гроб», уткнувшись в сосновые стволы завала, задымился. Из него выскочило человек 8 немцев, которые, отстреливаясь из автоматов, скрылись за деревьями. Вслед им длинные неприцельные очереди «Браунинга», и — тишина.

Из боковых бойниц, щелей люков и неплотностей бронетранспортера плавно просачивается, а то взрывными порциями вырывается дым. Разведчики моего экипажа спешились и с опасением приблизились к дымящейся машине.

Сычев открывает правую дверцу бронетранспортера, хватает санитарную сумку и за нее вытаскивает с переднего сидения белокурую немку. Правая коленка девушки — в крови...

Приток воздуха через открытую дверцу инициирует огонь: пламя моментально охватывает внутренность машины. Лицо немки дико искажено. Она пытается вырвать из рук Сычева сумку, а затем, сбросив ее лямку через голову, бросается в огонь. Резкий щелчок стопора, и дверца бронетранспортера плотно закрыта.

«Не хочешь жить — гори, фашисткая стерва», — Сычов загораживает лицо от пышущего жара и отскакивает от бронетранспортера. Дикие вопли немки заглушаются треском разрывающихся за броней винтпатронов.

«Баба — она и есть баба» — отрывисто произносит он, глядя, как из санитарной сумки, зацепившейся за его сапог, выкатилось круглое зеркальце.

В подготовке настоящих воспоминаний оказал помощь ***Волобуев Юрий Владимирович***, Первый секретарь МИД РФ

Воронов Михаил Николаевич

ДЛЯ НАС ПЕРВЫМ ДНЕМ МИРА СТАЛО 12 МАЯ 1945 ГОДА

Родился 8 ноября 1923 года в Мичуринске, Тамбовской области. Русский, православный. Член КПСС (февраль 1943г.). Был комсомольцем, членом ОСОАВИАХИМа.

В тот день 22 июня 1941 года все было спокойно, и никто не мог предположить, что именно сегодня подлые войска фашистской Германии, без объявления войны, нападут на Советский Союз. Я был дома, радовался тому, что окончил школу, думал, куда бы пойти работать, а было воскресенье и все как обычно. Но вот по радио выступил Народный Комиссар Иностранных Дел тов. В. М. Молотов, сообщил всем нам, всему советскому народу, о том, что Германия напала на Советский Союз и с этого дня мы все должны защищать свою родину.

Мы были воспитаны как патриоты своей Родины, поэтому сразу же после того, как узнал о войне, я пошел поступать в Мичуринское военно-инженерное училище. Там я учился военному делу с 1941 до сентября 1942 года. Получил воинское звание лейтенант. Прибыл в пункт формирования соединения под городом Моршанском Тамбовской области. Там стоял 2-й гвардейский механизированный корпус. Меня назначили командиром взвода инженерно-минной роты.

Я находился под командованием командира роты старшего лейтенанта Труснова.

В начале ноября 1942 года нас отправили на Сталинградский фронт, где я командовал взводом инженерно-минной роты.

Мой боевой путь прошел от Сталинграда до Праги. После Сталинграда участвовал в освобождении городов: Ростов-на-Дону (конец января 1943 года), Каховка (ноябрь 1943 года), Николаев (март 1944 года), Будапешт (ноябрь 1944 — февраль 1945 года), Вена (апрель 1945 года), Прага (9 мая — 11 мая 1945 года).

Путь проходил по фронтам: Сталинградскому, Южному, 3-му Украинскому, 2-му Украинскому, 4-му Украинскому.

2-м гвардейским механизированным корпусом командовал герой Советского Союза генерал-лейтенант К.В.Свиридов.

55-м отдельным гвардейским саперным батальоном (батальон состоял из трех саперных рот, одной инженерно-минной роты и отдельного взвода управления и разведки), в составе которого я выполнял задачи на фронте, командовали: с октября 1942 года по май 1943 — капитан Гуревич; с мая 1943 года по сентябрь 1943 года — майор Завгородний; с сентября 1943 года по март 1944 года майор Афонин; с марта 1944 по июнь 1944 года майор Фомин; с июня 1944 года до конца войны капитан Иван Дмитриевич Лубянников.

Боевые действия я закончил в Праге — столице Чехословакии в звании старшего лейтенанта. Под Прагой мы вели бои с уклонявшимися от капитуляции немецкими войсками под командованием генерала Шернера. Эти бои продолжались на нашем участке до 11 мая 1945 года, и для нас первым днем мира, т.е. днем, когда прекратились бои, стал день 12 мая 1945 года.

Около г. Пршибрам, в 60 км от Праги, впоследствии появился обелиск, где начертано: «В этих местах 11 мая 1945 года победоносной Красной Армией был завершен разгром нацистских войск и закончено освобождение Чехословакии». В стене костела деревни Сливица замурована гильза снаряда с запиской: «Здесь 11 мая 1945 года Гвардейским корпусом генерала Свиридова К.В. была закончена Вторая мировая война».

После окончания войны я остался служить в Советской Армии. Дослужил до 1980 года.

Награжден:

— орденом Отечественной войны II степени за бои под Сталинградом. Вручал командир корпуса в апреле 1943 года;

орденом Красного Знамени за бои на реке Молочная и реке Миус. Награжден в феврале 1944 года приказом по 2-й Гвардейской Армии от 28.01.44 г. за №2/Н;

— орденом Красной Звезды (апрель 1945 года).
Медали.
— «За оборону Сталинграда»;
— «За взятие Будапешта»;
— «За взятие Вены»;
— «За освобождение Праги»;
— «За победу над Германией» румынская и болгарская, а также Болгарский орден «9 сентября».
Послевоенные награды:
— медаль «За боевые заслуги»;
— орден Красной Звезды;
— орден Отечественной войны II степени;
— орден «Мужества». Всего более 30 медалей.

На войне у меня погибли братья Николай (1908 года рождения) и Лев (1921года). Я вел со старшим братом переписку до 1942 года. Погиб он в 1943 году в районе города Сухиничи в Калужской области. Награжден орденом Красной Звезды осенью 1941 года. Имел звание сержанта. Второй брат, Лев, прошел финскую войну. Погиб в первые дни войны в Западной Белоруссии. Имел звание сержанта.

После войны в 1947 г. поступил в Военно-инженерную академию им. В.В.Куйбышева, которую окончил в 1953г. и был оставлен в адъюнктуре на кафедре фортификации. По окончании адъюнктуры и после защиты кандидатской диссертации остался в академии на преподавательской работе.

После увольнения в запас в 1980 г. продолжал работать в родной академии, где и сейчас преподаю в должности профессора кафедры.

В сентябре 1954 г. я участвовал в испытаниях техники и инженерных сооружений в условиях реального ядерного взрыва. Испытания имели место на Тоцких войсковых учениях, которыми руководил маршал Советского Союза Г.К. Жуков.

С танкистами по дорогам войны

Первым, по-настоящему боевым заданием считаю участие в боях за освобождение г. Тормосин (западнее Сталинграда) — важного опорного пункта и баз снабжения немецких войск. Это было в конце декабря 1942 года.

Батальону танков вместе с передовым отрядом одной из мехбригад нашего 2-го гвардейского мехкорпуса было приказано ворваться в Тормосин и удерживать его до подхода главных сил. Инженерно-

минный взвод, которым я командовал, должен был обеспечивать продвижение танков, особенно их пропуск через естественные препятствия, снимать мины противника на пути движения. С командиром танкового батальона приняли решение посадить взвод на танки по 2-3 человека.

В зимних условиях при снежном покрове 20-40 см противник ставил мины, перекрывая лишь основные дороги. Удачным маневром танковый батальон, обходя основные дороги, ведущие в Тормосин, ворвался на его юго-западную окраину, не встретив минных заграждений. Случилось так, что вследствие маневра по заснеженному полю мотострелки несколько отстали и минерам пришлось действовать как танковому десанту.

Упорный бой завязался возле кирпичного здания школы. Он доходил до рукопашной схватки, в которой минеры показали, что умеют не только ставить и снимать мины, но и метко стрелять и успешно действовать в ближнем бою. Минеры уничтожили несколько солдат противника, а 11 человек взяли в плен.

К вечеру, с подходом главных сил, Тормосин был очищен от врага. За этот бой четверо минеров было награждены орденами и медалями, а командир взвода был удостоен ордена Отечественной войны II степени. Это — мой первый боевой орден.

* * *

Другой запомнившийся эпизод произошел под Ростовом-на-Дону, примерно в конце января 1943 года. Это был тыловой рейд, захват железнодорожной станции. Мы продвинулись на 25-30 км в тыл врага и двое суток удерживали станцию в трудных условиях. Была зима. Сплошной линии обороны не было. Это происходило близ станицы Ольгинская. Отрядом командовал В.Кайгородов.

Герои реки Молочной

В октябре 1943 года, в ходе ведения длительной разведки на реке Молочная много смекалки проявили сержант Алексей Плотников, рядовые Александр Краснов и Петр Лухта, которые под огнем противника прощупывали в холодной октябрьской воде берега и дно реки, отыскивая места бродов для танков и подходы к ним.

Тихая, с берегами, заросшими камышом, река Молочная была труднопреодолимым препятствием для наступающих войск: западный берег, вдоль которого проходил передний край врага, был обрывис-

тым, высоким. Прибрежные населенные пункты Богдановка, Троицкое, Терпение, Семеновка (севернее Мелитополя), окруженные холмами, были превращены в сильные опорные пункты.

Каждый метр на восточном берегу простреливался из пулеметов и автоматов и прикрывался огнем артиллерии. На переднем крае и в глубине имелось много орудий и минометов, блиндажей и дзотов, с круговым обстрелом. Гитлеровцы намеревались задержать советские войска до лета 1944 г.

За успешное выполнение заданий взводом под моим командованием инженерной разведки на переднем крае и в тылу у противника на реке Молочная я представлен к награде — присвоению звания Героя Советского Союза. Приказом по 2-й Гвардейской Армии от 28.01.44 г. за №2/Н награжден орденом Красного Знамени.

На озере Балатон

Поздно вечером, кажется, 21 января 1945 г., саперной роте, которой я командовал, было приказано оборудовать в районе Жамбек (Венгрия) НП (наблюдательный пункт) командира 2-го гвардейского механизированного корпуса. Место оборудования указал командир корпусного инженерно-саперного батальона гвардии капитан Лубянников И.Д., прибывший вместе с ротой на место выполнения задачи.

Обстановка на фронте была сложная. Противник, нанесший в начале января сильный контрудар в районе озера Балатон, практически был остановлен, но в отдельных местах еще пытался добиться успеха, в том числе и на нашем участке.

Выставив охранение с задачей ведения разведки на глубину до 500м и произведя разбивку сооружений НП, дал задания взводам. Первому взводу — вести открытое сооружение для наблюдения, второму и третьему взводам — возвести по убежищу-блиндажу и по несколько ячеек для обороны.

Примерно через 1,5 часа охранение доложило мне, что в 200-250м, в лощине, находятся несколько немецких танков с работающими двигателями. Докладываю об этом командиру батальона. Получаю распоряжение продолжать выполнение задачи и ждать указаний. Дал указание взводам продолжать работы: подготавливать противотанковые гранаты и еще раз проверить личное оружие, а охранению — удвоить бдительность.

Примерно в 5 часов утра следующего дня, когда основная часть работ по оборудованию НП была выполнена, получил приказ отойти из района НП на один километр, занять оборону и ждать указаний.

Потом выяснилось, что накануне вечером сюда прорвалось несколько немецких танков, которые в наступившей тишине остановились и притихли.

А оборудование НП рота заканчивала под грохот боя по уничтожению прорвавшихся немецких танков и под разрывами шальных снарядов.

Через некоторое время на КП прибыл командир корпуса генерал-лейтенант Свиридов К.В.

Бои на венгерской земле

На направлении Лайошмиже, Эркень, Инарч действовал разведывательный взвод 55-го отдельного саперного батальона под моим командованием. Корпусной инженер подполковник Х.Е.Мирошниченко поставил задачу — проверить, цел ли мост через ручей южнее Инарча, имеющий заболоченные берега, и, если он противником не взорван, захватить его и удерживать до подхода подразделений 4-й гвардейской механизированной бригады.

К ручью мои саперы подошли на рассвете. Мост оказался исправным и охранялся противником.

Я, как старший лейтенант, принял решение атаковать противника с двух сторон. Видимо, сказалась внезапность и стремительность удара. Мост быстро оказался в наших руках, при этом враг потерял 10 солдат, а также 2 пулемета и 100 кг взрывчатого вещества, по-видимому, предназначенного для взрыва моста. В этом бою особо отличились старшие сержанты В.Поздеев и А.Плотников. Через 30 минут после того, как стихли последние выстрелы, подошли передовые подразделения 4-й гвардейской механизированной бригады и начали переправляться через ручей.

Июль 2003 г.

В подготовке настоящих воспоминаний оказал помощь ***Городнов Иван Алексеевич***, студент 4-го курса Московского государственного текстильного университета им А.Н.Косыгина

Галкин Герман Петрович

В ЧЕРНОМОРСКОМ НЕБЕ

Я родился 11 июля 1922г. в Москве. Проживал на Русаковской улице. С 1930 г. по 1940 г. учился в 20-й средней школе ФЗД (фабрично-заводская десятилетка), после окончания которой 26 мая 1940 г. был призван в ряды ВМФ и командой 111 направлен сначала в полуэкипаж для экипировки и предварительной подготовки, а затем — в Эстонию для оказания братской помощи эстонскому народу в установлении советской власти.

В сентябре 1940г. для набора курсантов Военно-Морского Авиационного Училища им. Леваневского в г.Таллин прибыл его представитель, и я дал согласие влиться в славный коллектив авиаторов в качестве штурмана. За месяц до начала Великой Отечественной войны, с заездом в Москву, я направился в г. Николаев для прохождения обучения. Согласно предварительной договоренности, через два года я должен был быть выпущен из училища в звании старшины в должности штурмана самолета. Но начавшаяся 22 июня 1941г. Великая Отечественная война поломала мои планы, и всю оставшуюся жизнь я посвятил службе в Военно-Морском Флоте и армии.

В конце 1942 г., после соответствующей летной подготовки, были сформированы экипажи из штурманов училища ВМАУ им. Леваневского и летчиков, прибывших из разных летных школ. Эти экипажи были направлены в г. Тайнча (Северный Казахстан) для прохождения подготовки на самолетах Ил-4 (ДБ-3, ДБ-3Ф) и получения летной практики полетов ночью на дальние расстояния.

В начале 1943 г. минно-торпедная авиация флотов испытывала недостаток в авиационной технике, и часть наших экипажей была командирована для получения самолетов типа Ил-4 на различных аэродромах дальней авиации таких городов, как Сталино, Спас-Деменск и др., а также на заводе г. Химки.

Местом базирования перегоночной группы был г. Саранск (Мордовская АССР), старший группы — майор Биба. Последний самолет ДБ-3Ф из г. Липецка был отогнан на аэродром г. Моздок, где базировалась Высшая школа летчиков, начальником которой был генерал-майор Кваде. На этом и закончилась моя работа по перегонке самолетов.

На самолете У-2, предоставленном школой летчиков, наш экипаж в составе 2-х человек был переброшен в г. Гудаута, где в то время базировался 5-й гвардейский минно-торпедный авиационной полк 2-й гвардейской минно-торпедной авиационной Севастопольской дивизии под командованием Токарева.

Начало войны и первые ее годы были тяжелейшими испытаниями для всего советского народа, связанными с потерей огромной территории, кормившей наш народ, обеспечивавшей все отрасли народного хозяйства необходимыми сырьевыми ресурсами. Дела на фронте также были не блестящими. Мне пришлось активно включиться в боевые действия с немецко-фашистскими захватчиками с некоторым запазданием, так как Верховное Главнокомандование не решалось бросать нас в эту мясорубку, учитывая насущную потребность в летных кадрах на заключительном этапе войны. Как мы помним, переломным этапом в ходе ВОВ явилось начало победоносного наступления Красной Армии 5 декабря 1941г. под Москвой.

Передо мной сохранившийся официальный документ «летная книжка штурмана самолета гвардии лейтенанта Галкина Г.П. 2-й авиационной эскадрильи 5-го гвардейского авиационного полка 1-й минно-торпедной авиационной дивизии», из которого следует, что первый боевой вылет наш экипаж должен был совершить 10 апреля 1944г. для нанесения бомбового удара по конвою противника на коммуникации Одесса-Сулина.

К великому сожалению, 2 часа 17 мин полетного времени было потрачено впустую, ввиду отказа левого двигателя самолета Ил-4 на маршруте над морем в районе о-ва Федониси (Змеиный). 2-й вылет с той же целью был успешно совершен 24 апреля 1944г. Наиболее регулярные полеты как на высотное, так и низкое торпедометание, а также бомбовые удары проходили в течение мая 1944г. Враг бежал из

Крыма, и через румынские порты пытался эвакуировать морем остатки своих войск. Поэтому была поставлена задача блокировать отступающего противника в портах и, в первую очередь, в порту Констанца.

Эта задача решалась в течение июля-августа 1944 г. путем планомерной постановки минных заграждений. Результатом боевых действий как днем, так и ночью, нашим экипажем в составе: летчик Ю.Ф. Тарасов, я   штурман, стрелок-радист Леонов Константин и стрелок Михаил Бухатченко явилось потопление 2-х транспортов по 6000 тонн, 2-х базовых тральщиков, 4-х быстроходных десантных барж (БДБ), постановка 30 мин в Румынских портах, что послужило основанием для награждения нашего экипажа орденами и медалями: летчик и я — орденом Красного Знамени, стрелок-радист и стрелок   орденом Великой Отечественной Войны 2-й степени и медалью «За боевые заслуги» соответственно. За успешное выполнение этой задачи нашему полку было присвоено звание Констанцского, а 2-я минно-торпедная дивизия, в которую входил наш полк, получила звание гвардейской Севастопольской дивизии. Серьезных ранений во время войны не имел. На этом и закончилась наша военная эпопея на Черноморском флоте.

В 1949 г., пройдя медицинскую комиссию в г. Севастополе, я сдал вступительные экзамены в Военно-воздушную Краснознаменную Академию (впоследствии   академия им. Гагарина), которую и закончил в 1953 г. в звании капитана. Был назначен в Военно-морское Училище связи (г. Рига) на должность преподавателя навигационного оборудования самолетов. В 1959 г. был командирован 10-м управлением Генерального Штаба в Афганистан на должность преподавателя навигационного оборудования самолетов Ил-28, Миг-17. В 1960 г., после работы за рубежом, отделом кадров ВВС был назначен научным сотрудником ЦНИИ-30 Министерства Обороны, где и проработал до 1972 г., после чего был уволен из рядов Вооруженных Сил в должности полковника.

Декабрь 2002 г.

В подготовке настоящих воспоминаний оказал помощь ***Галкин Иван Валерьевич***, студент 3-го курса Московского авиационного института

Живов Николай Николаевич

СОЛДАТ ДАЛ ЕЩЕ ОДНУ ДЛИННУЮ ОЧЕРЕДЬ

Моя военная фронтовая судьба началась с первого дня войны в Прибалтике, на границе с Восточной Пруссией (теперь Калининградская область). Здесь, недалеко от города Алитуса, на нас ранним утром 22 июня 1941 года обрушились первые залпы немецкой артиллерии, первая бомбёжка.

Отсюда со своим 121-м отдельным лёгким инженерно-сапёрным батальоном я, курсант батальонной школы сержантского состава, отходил на восток через республики Прибалтики, через Псковскую, Новгородскую области. Во время отступления через Прибалтику и Псковскую область мы дважды попадали в окружение. Но выходили удачно, удалось избежать и плена, и даже лёгкого ранения.

Под Новгородом, у деревни Кудеверь, в сентябре я был первый раз ранен. После излечения в г. Кургане попал на Ленинградский, потом на Волховский фронт в 3-ю гвардейскую дивизию на должность командира отделения сапёрной роты 666-го гвардейского стрелкового полка. Здесь, в бою за Погостье, 20 января 1942 года я был ранен второй раз, обморожен.

После излечения в госпиталях в г.Череповец и г.Киров попал в 1-й механизированный корпус на должность заместителя командира взвода 45-й отдельной инженерно-минной роты. В январе 1943 года корпус попал в окружение в районе г. Белый. Из окружения вырва-

лись с боем. Остался жив и невредим. Тогда и вступил в ряды Всесоюзной коммунистической партии. В марте 1943 года был направлен в военно-политическое училище.

В январе 1944 года я окончил Московское краснознаменное военно-политическое училище в г. Шадринске, получил звание лейтенанта. После окончания училища был направлен на 1-й Белорусский фронт. Тогда этим фронтом командовал маршал Советского Союза Константин Константинович Рокоссовский.

В марте 1944-го я прибыл в 47-ю армию и был назначен на должность комсорга 216-го стрелкового полка 76-й Ельнинской стрелковой дивизии 125-го стрелкового корпуса. 13 марта прибыл в дивизию. За плечами был уже солидный боевой опыт. При всех пережитых невзгодах, можно откровенно сказать о том, что судьба была ко мне благосклонна. Но день прибытия в дивизию оказался роковым, неудачным.

В то время дивизии 47-й армии вели бои на подступах к городу Ковелю. Я пришёл в политотдел дивизии для получения назначения. В это время командный пункт дивизии подвергся артиллерийскому обстрелу. От разорвавшегося снаряда несколько осколков попали мне в руки, в бедро и только чудом не продырявили живот (спас поясной ремень). Вот так вместо своего полка я попал в медсанбат.

Выписавшись из медсанбата, 27 марта представился командиру 216-го стрелкового полка майору Филонову, познакомился с исполнявшим обязанности комсорга полка Колей Пуртовым. Вечером мы с ним пошли в батальоны, занимавшие передний край обороны. Здесь я познакомился с комсоргом Володей Косихиным.

В это время на наш участок обороны обрушился огонь немецкой артиллерии. Все находившиеся в блиндаже бросились по своим местам. Обо мне забыли оба мои комсорга, да и не до этого было!

Я не знал, куда направиться. К тому же был совершенно безоружен: пистолет получить ещё не успел. Увидев у входа из блиндажа ящик гранат, схватил две лимонки, взял кем-то забытый в суматохе автомат и выбежал из блиндажа. Кругом рвались снаряды и мины. Воздух прошивали огни трассирующих пуль.

На фоне загоревшейся зари я увидел метрах в 300-400 уже наступающих немцев и три или четыре танка. Выскочив из траншеи, я бросился вслед за пробегавшим солдатом и через несколько минут оказался на огневых позициях миномётной батареи.

Миномётчики вели интенсивный обстрел немцев, но оставалось лишь 3-4 ящика мин. Погрузив миномёты на повозки, мы ускоренным

броском добрались до р. Турий, переправились вброд, заняли позиции в километре от берега и открыли огонь оставшимися минами по наступающей немецкой пехоте.

Вот таким образом состоялось моё «знакомство» с 1-м Белорусским фронтом, с 47-й армией и с 76-й Ельнинской стрелковой дивизией. За первые же две недели я дважды попал в довольно-таки острые переделки. Но и здесь фронтовое счастье мне не изменило.

Воспользовавшись первым успехом, немцы предприняли в последующие дни новые атаки. Но части 47-й армии и наша 76-я стрелковая дивизия заняли прочную оборону. На этих рубежах мы простояли до начала белорусской операции «Багратион».

Я все дни с утра до вечера проводил в ротах батареях, приобрел много знакомых среди солдат, сержантов и офицеров. Особенно близко мы сошлись характерами и делами с Колей Пуртовым (москвичом) и Володей Косихиным (сибиряком).

Белорусская операция началась 29 июня 1944 года. Успешное наступление войск 1-го Белорусского фронта на Минском направлении создало возможность окружения Ковельской группировки.

В ночь с 4 на 5 июля наша 76-я дивизия перешла в наступление. 6 июля мы продвигались через центр Ковеля. Почувствовав нависшую угрозу, немцы недолго сопротивлялись. Но как только мы начали перебираться через реку Турию, взорвали плотину в 2-3-х километрах выше города. Хлынувший водяной вал накрыл тех, кто в это время переправлялся через реку. В нашем полку погибло семь человек.

Через три часа уровень воды спал. Переправа пошла быстро, и мы ринулись на запад. За первый день боя продвинулись на 10-12 километров. 6 июля 1944 года Москва в соответствии с приказом Верховного Главнокомандующего № 131 салютовала двенадцатью артиллерийскими залпами из 124 орудий войскам 1-го Белорусского фронта. За овладение важным опорным пунктом обороны немцев и крупным железнодорожным узлом, городом Ковель товарищ Сталин Иосиф Виссарионович объявил благодарность. Свою первую благодарность получил и я.

18 июля 216-й стрелковый полк вышел на подступы к реке Западный Буг. К вечеру 20 июля я, вместе со взводом разведки и отделением ПТР (противотанковых ружей) продираясь по зарослям кустарника, незаметно для немцев и неожиданно для себя оказался почти в расположении немецкого боевого охранения.

Мы сначала растерялись. Но затем, поняв, что наше появление враги не обнаружили, мы с командиром взвода разведки лейтенантом

Колодием разбили наш отряд на две группы и в темноте, в опускавшемся тумане, открыли огонь с расстояния 150-100 метров по оборонявшимся немцам из всех видов нашего оружия.

В сумерках со всех сторон неслись крики «Ура!», «Хенде хох!» Немцы растерялись. Часть из них бросилась к реке и переправилась на западный берег. Восемь человек были убиты, несколько ранены. 21 человек вместе с ранеными сдались в плен во главе с раненным командиром роты обер-лейтенантом и двумя фельдфебелями.

Отправив пленных в тыл, мы пошли к реке. Оказалось, что до неё ещё более 200 метров. Кругом было тихо. Темнота, туман. Когда мы вышли на берег Западного Буга, к урезу воды, один из наших солдат вдруг дал длинную очередь из автомата. Мы набросились на него с руганью за то, что он обнаружил нашу группу. Солдат, ничуть не смутившись, дал ещё длинную очередь и закричал: «Дурачьё! Мы же вышли на государственную границу!»

Все сначала оцепенели, а затем открыли беспорядочную стрельбу. Это был салют восторга, какого-то безумия. Мы начали обниматься, целовать друг друга. Кто-то пустился в пляс. В тот момент больше всего мы сожалели, что ни у кого не оказалось во фляжке хотя бы по несколько капель водки. Так кстати в этот момент был бы тост во славу нашей Советской Родины, во славу победоносной Красной Армии, за наше здоровье, за Победу!

За участие в операции по освобождению Ковеля и в этом последнем бою на родной земле я был награждён орденом Красной Звезды. А свою первую медаль я получил за участие в боях за станцию Погостье.

Вот так, спустя ровно три года, через 1095 дней, Красная Армия изгнала злобного врага с родной земли, и наша 76-я стрелковая дивизия, мой 216-й стрелковый полк перешли государственную границу и вступили на территорию Польши западнее деревни Томашевка Брестской области. Поляки дружески встречали своих освободителей.

В эти дни 28 июля в дивизию пришла радостная весть: «За взятие города Ковеля и за успешные действия в последующих боях 76-я стрелковая Ельнинская дивизия Указом Президиума Верховного Совета СССР награждена орденом Красного Знамени. Узнав об этой награде, я не без гордости подумал: «А ведь в этой награде есть доля и моих, пусть скромных, но честных усилий». Приятно сознавать такое.

Не стану подробно рассказывать обо всех перипетиях дальнейшего стремительного наступления, о наполнявшей сердце и душу радости. Но даже и теперь уже не раз битые нами враги не бежали без оглядки.

Нередко они злобно огрызались, используя каждую нашу расслабленность, опьянённость успехом.

Тогда наша радость в связи с одерживаемыми победами омрачилась острой горечью потерь, гибели самых близких друзей, спутников фронтовых дорог. Так случилось 9 августа.

День выдался на редкость ясный, тёплый, безоблачный. С утра, казалось, ничто не предвещало никаких неприятностей. Но вдруг в полдень противник перешёл в контратаку на нашу 76-ю дивизию, занявшую накануне рубеж вдоль берега реки Длуга.

Части моторизованной дивизии «Викинг», при поддержке 30 танков, после массированного удара артиллерии нанесли удар по не успевшим закрепиться нашим войскам. Они ударили встык между 93-м и 216-м полками, обошли и отрезали часть подразделений моего 216-го полка.

Завязался ожесточённый бой. Атакующий противник перемешался с нашими подразделениями. То тут, то там возникали рукопашные схватки. Горели и вертелись на месте вражеские танки. Было кругом жарко. Только вводом в бой резервного 207-го полка удалось остановить и отбросить врага. Вынуждены были отойти и наши подразделения. Противник оставил на поле боя более 100 трупов солдат и офицеров, 6 танков, много техники. Ощутимы были и наши потери

Смертью храбрых погибли в жестокой схватке 7 офицеров третьего батальона, в том числе комсорг Коля Пуртов. Я нашёл его недалеко от позиции противотанковой батареи с лимонкой в одной и с автоматом в другой руке. Я долго остро переживал гибель этого человека, с которым фронтовая служба связала ненадолго, но крепко. Москвич, одинок. Он ушёл на фронт со 2-го курса философского факультета МГУ. Я и теперь на каждой встрече наших ветеранов вспоминаю этого молодца с густой медной шевелюрой.

Отбив этот наскок и разгромив СС «Викинг», мы продолжали наступление в сторону Варшавы. 14 сентября начались бои за Прагу. 16 сентября город был полностью освобождён. В этот день Москва салютовала двенадцатью артиллерийскими залпами войскам, освободившим Прагу Варшавскую. Верховный Главнокомандующий товарищ Сталин объявил благодарность многим частям. Для мня это была вторая благодарность от Верховного Главнокомандующего.

Нам не забыть крепких рукопожатий поляков, горячих объятий полячек. Через два дня наша дивизия была переброшена на участок севернее Варшавы — Буго-Наревский плацдарм. Неоднократные попытки 47-й армии, а в её составе 76-й стрелковой Ельнинской диви-

зии, выбить остатки немцев с восточного берега Вислы оказались безуспешными.

Бои здесь, на восточном берегу Вислы севернее Варшавы, затянулись до января 1945 года. В середине ноября на 1-й Белорусский фронт прибыл новый главнокомандующий — маршал Советского Союза Г.К. Жуков. Мы, офицеры, поняли, что нам предстоит не только освобождать Варшаву, но и штурмовать Берлин.

Сталин очень мудро и чётко определил — Берлин брать тому, кто отстоял Москву, и начинал громить немцев ещё в первые месяцы войны. Мы продвигались сравнительно успешно. В ноябре 1944 г. мне было присвоено звание старшего лейтенанта.

Заканчивался 1944 год. Для меня он был не самым худшим из моих фронтовых лет. В январе я окончил в г. Шадринске военно-политическое училище с абсолютными пятёрками, стал офицером и был отправлен на 1-й Белорусский фронт.

Прибыв под Ковель, в первый же день попал под обстрел и был контужен. Более двух недель пролежал в медсанбате. Затем пришёл в свой 216-й стрелковый полк 76-й стрелковой Ельнинской дивизии.

В ночь на 7-е января, перед Рождеством, наша 76-я стрелковая дивизия сменила полк 60-й дивизии. Нашему 216-му полку достался участок шириной около 2-х километров севернее Варшавы, недалеко от Вислы. Погода благоприятствовала такой операции. Снег и туман обеспечили её скрытность. Завершилась подготовка к наступательным боям, к Висло-Одерской операции, к боям по освобождению Варшавы, освобождению Польши.

10 января в войска поступило обращение Военного совета фронта, подписанное маршалом Г.К. Жуковым и членом Военного Совета генерал-лейтенантом К.Ф. Телегиным. Мы разъяснили солдатам, что нам доверили участвовать в освобождении столицы Польши. Это почётная и ответственная миссия.

Наш 216-й полк стремительно атаковал врага в направлении Янувск, Окунив и к исходу дня овладел г. Новы Двур. Вместе с нашими полками продвигались наши девушки из взвода снайперов. За один день перед наступлением снайперы Антонина Дмитриева, Надя Мишина, Мария Сергеева, Тамара Ермолова и другие увеличили личный счёт истреблённых гитлеровцев на десяток и более.

Жители г. Новы Двур встречали нас с большой радостью, приглашали домой погреться, угощали чаем, кое-где крепким бимбером. Наступление пошло стремительно. Немцы зло огрызались. Идём на Бромберг. Командир дивизии на базе 2-го батальона нашего полка

формирует передовой штурмовой отряд, в него включается рота танков, артиллерия, саперы. Командиром отряда назначается подполковник Голубев, а меня назначили в этот отряд заместителем по политчасти.

Пехота садится в танки и автомашины. Мы рванули на северо-запад и вечером ворвались в Бромберг. На улицах сначала царило спокойствие. Немецкие офицеры в темноте ничего не заметили. Только когда автоматчики ворвались в военный городок, начался переполох, беспорядочная стрельба. Подоспевшие танки сделали несколько выстрелов по казармам. Немцы выскакивали кто в чём был, некоторые без оружия. Кто-то убегает, кто-то поднимает руки! Мы собрали группу пленных более 50 человек и отправили в тыл. 17 января Варшава взята. Вечером в этот день столица нашей Родины салютовала полякам и нам двадцатью четырьмя артиллерийскими залпами. 19 февраля 1945 г. приказом Верховного Главнокомандующего дивизии присвоено наименование Варшавской.

После взятия Бромберга наша дивизия стремительно продвигалась на запад, добивая остатки разгромленной севернее Варшавы 73-й немецкой дивизии. У 47-й армии были с этой дивизией особые счёты. Первая встреча с ней состоялась в мае 1942 года в районе г. Керчи.

Тогда немцы, прорвав оборону на Керченском полуострове, заставляли спешно отступать 44-ю, 47-ю и 60-ю армии. На узком пятачке у пролива собрались тысячи людей. Небо было чёрным от немецких самолётов, берег превратился в сплошную воронку. Среди немецких частей была и 73-я дивизия. Её агитаторы через громкоговорители призывали советских воинов сложить оружие, обещая почётный плен.

Спустя три года ход событий круто изменился. За 17 дней января пройдено с боями более 500 км. Во второй половине дня 28 января мы перешагнули старую польско-германскую границу и вступили на территорию Германии. Более трёх лет мы ждали этого дня под Москвой и Ленинградом, у стен Сталинграда и в горах Кавказа, на Курской дуге и в Белоруссии, поливали кровью родную землю, теряли лучших друзей. Но мы всегда были уверены, что дойдём, вступим на немецкую землю. Кто-то из солдат нашёл кусок фанеры, написал на нём «Вот мы и пришли в Германию!» и прикрепил к дереву.

Померанский вал на старой немецко-польской государственной границе проходит через города-крепости Штольпе, Дейч-Кроне, Глогау и далее по реке Одер. Этот рубеж строился ещё в Первую мировую войну и совершенствовался в 1939-1942 годах. В своей системе он имел доты, дзоты, проволочные заграждения, противотанковые пре-

пятствия, минные поля, траншеи полного профиля, хорошо организованную систему огня. Обороняющиеся были обеспечены достаточным количеством боеприпасов.

Одним из ключевых пунктов этой обороны был сильно укреплённый город Дейч-Кроне, с его каменными и кирпичными домами, первые этажи и подвальные помещения которых оборудованы как огневые точки. Эту крепость предстоит брать нашей дивизии, а на направлении главного удара действует мой 216-й стрелковый полк. Кроме искусственных заграждений, в полосе наступления дивизии город прикрывают два озера, а между ними — два бетонированных дота.

В полку создаём несколько штурмовых групп. Находятся два смельчака, которые предлагают пройти ночью по зарослям камыша вдоль берега, зайти в тыл дота и подорвать его. Предложение принимается. Авантюрный замысел проходит успешно. Дот подорван. По второму открывает огонь прямой наводкой 152-мм пушка. В это время проскакивают две штурмовые группы и подрывают дот. Броском идём в атаку, не давая возможности немцам убежать. Врываемся в город. Начинается ожесточённый бой. К вечеру город очищен. Померанский вал прорван.

Успех нашей дивизии был высоко оценён вышестоящим командованием. Многие части были награждены орденами. Наш 216-й стрелковый полк был награждён орденом Кутузова. Я был награждён орденом Отечественной войны II степени. Кроме того, всему личному составу дивизии Верховный Главнокомандующий объявил благодарность.

После взятия Дойч-Кроне нам предстояло два дня отдыха. Затем дивизия получает задачу наступать на Кюстрин. Преследуя отходящего противника, отражая его редкие, но настойчивые контратаки, мы 16 февраля вошли в район северо-восточнее Кюстрина. Затем перемещаемся в другой район, у населённого пункта Гросс Цернов.

После падения Дойч-Кроне в полосе Померанского вала перед 47-й армией оставался только один ключевой опорный пункт — город-крепость Шнейдеймюль. Её взятие было возложено на наш 125-й стрелковый корпус. Это был приказ лично Г.К. Жукова. Для решения этой задачи корпус был усилен двумя дивизиями.

Шнейдеймюльский гарнизон, насчитывающий более 12 тысяч человек, располагал богатыми складами продовольствия и боеприпасов, хорошо оборудованными аэродромами. Кроме естественных препятствий, ограничивающих применение танков и другой тяжёлой техники, город имел несколько обводов искусственных инженерных со-

оружений. В гарнизоне поддерживалась жёсткая дисциплина. 28 января 1945 года город-крепость посетил лично Гимлер. Он потребовал от коменданта крепости оборонять крепость до последнего солдата.

В 10.00 часов 13 февраля после массированной артподготовки части 125-го стрелкового корпуса начали штурм. В уличных боях здесь особенно эффективно действовали огнемётчики, поливая огнём подвалы и нижние этажи домов, где прятались немцы.

Гитлеровское командование отвергло призывы к прекращению сопротивления и капитуляции. И теперь огонь прямой наводкой вели 120-мм и 152-мм орудия, танки, зенитные пушки, крупнокалиберные пулемёты. На головы обороняющимся сыпались мины всех калибров. Кварталы города уничтожали самолёты-штурмовики Ил-2.

К 12 часам 14 февраля 1945 года гарнизон города-крепости Шнейдеймюль перестал существовать, а с ним и гарнизоны Померанского вала. Приказ маршала Жукова был выполнен в указанный срок. За доблесть и мужество, проявленные при штурме крепости, участвовавшим в этих боях приказом Верховного Главнокомандующего была объявлена благодарность. Москва салютовала нам.

Во второй половине февраля 1945 года гитлеровское командование усиленно сосредотачивало в Восточной Померании крупные силы войск, с целью нанесения мощного удара во фланг, выравшегося далеко вперёд, 1-го Белорусского фронта. Однако маршалы Жуков и Рокоссовский разгадали этот замысел врага и приняли необходимые меры. В начале марта здесь, в Померании, нам снова пришлось вести ожесточённые бои, которые продолжались около двух недель.

Особенно памятны бои 9-11 марта 1945 года. Во второй половине дня 9 марта наш полк вышиб немцев и занял на подходе к Одеру хутор Дуйсбург, расположенный на высоте, с которой местность хорошо просматривалась и в сторону немцев, и в нашу сторону. Немцы не хотели смириться с потерей этого важного стратегического объекта.

Ночью атакой до 2-х рот пехоты при поддержке танков они выбили наши подразделения с хутора. Отстреливаясь, мы отошли на 300 — 400 метров. Но для нас этот пункт был так же важен. Поэтому командир полка майор Грачев организовал атаку хутора, и мы вышибли немцев на рассвете 10 марта.

После того, как мы вновь вышвырнули немцев, на хуторе собралось множество наших людей: связисты, сапёры, командиры с наблюдателями, представители танковых подразделений. Наверное, человек около ста. Я был направлен туда для поиска связистов, разведчиков и начальника артиллерии.

Первый, кого я увидел из командования, был заместитель командира полка майор Давиденко. Я передал приказ. Только он начал собирать нужных офицеров, воздух разорвала громовая канонада. Десятки немецких артиллерийских орудий и миномётов обрушили смертоносный огонь на нас. Кое-кто бросился бежать. Наши с Давиденко попытки остановить убегавших оказались безуспешными. А немцы, продолжая бомбить хутор, открыли огонь по бегущим.

Мы с Давиденко стояли у прочной стены, укрывшей нас от близких попаданий снарядов и мин. Он несколько раз порывался бежать в ближайший лес и звал меня. Я удерживал его, убеждая подождать момента, когда немецкая артиллерия перенесёт огонь на новые рубежи. А пока не следовало выходить из укрытия на открытое место. Но он не выдержал и побежал за авиационными корректировщиками. Они отбежали на 20-30 метров, и разорвавшийся рядом снаряд разбросал эту группу в разные стороны.

Спустя несколько минут немцы действительно перенесли огонь метров на 250-300 вперёд. И тогда оставшиеся на хуторе бросились в ближайший подлесок. Мы догоняли теперь огневой вал, но немцы переносили его дальше. В это время подошли несколько наших танков. А дивизион артиллерии открыли огонь прямой наводкой по немцам.

Давиденко был всего на год старше меня. Очевидно, поэтому у нас с ним с первого дня сложились хорошие, доверительные отношения. Гибель Давиденко была второй тяжёлой потерей для меня.

Мы, собравшиеся в лесу остатки тех, кто был на хуторе, не знали, что делать дальше. Я тогда решил действовать сам. Никто не возражал. Только мы начали что-то делать, немцы открыли миномётный огонь по лесу. Разорвавшаяся над головой мина оглушила меня и ранила в руку. Я ничего не слышал и предложил начальнику артиллерии командовать собравшейся группой, а сам взял двух разведчиков и направился на поиски КП полка. К вечеру мы туда добрались. Нас встретили как с того света. Начальник начал расспрашивать обстановку. Я как мог рассказал. В голове шум. Задаваемые вопросы слышу плохо.

Пока всё это происходило, командир дивизии полковник Гервасиев вводит в бой свой резерв. Вся артиллерийская группа проводит артподготовку. К вечеру Дуйсбург был отбит у немцев.

Но немцы силами ещё двух батальонов морской пехоты при поддержке 20 танков предпринимают ещё несколько контратак, каждая из которых сопровождается мощной артиллерийской подготовкой. Но наши подразделения упёрлись.

Напряжённый бой не прекращался ни днём ни ночью. Противник подбрасывает сюда части 4-й танковой дивизии и утром 11 марта вынуждает нас отступить из хутора. Погода улучшается, и теперь с обеих сторон наземные войска активно штурмует авиация. 12 марта, проведя перегруппировку сил, мощную артподготовку и удары штурмовой авиации, мы вновь вышибли немцев из Дуйсбурга и отогнали их на 3-4 км.

После изгнания немцев из Дуйсбурга полк в течение трёх дней отражал настойчивые контратаки. На этих рубежах мы сражались с переменным успехом, отражая ежедневно до пяти атак. 13 марта хоронили майора Грачева (любимца дивизии), майора Давдиенко, капитана Ларионова, майора Горинова. Кладбище находилось в шести километрах от расположения полка. Похоронная процессия направилась по дороге, которая проходила почти по линии артиллерийских позиций. Встретивший нас похоронными мелодиями духовой оркестр почти не был слышен из-за канонады.

Вот так я похоронил очень близких и очень дорогих мне людей. С их потерей я ещё долго не мог смириться.

17 марта наша 76-я дивизия, получив на усиление, кроме ранее приданных пяти артиллерийских и миномётных дивизионов, ещё дополнительно 6-ю легко-артиллерийскую бригаду, 198-ю миномётную бригаду, 5-й миномётный полк, 65-й противотанковый полк, перешла после 30-минутной артподготовки в наступление.

Пехота при поддержке танков рванулась вперёд, ломая сопротивление противника. Отбив в течение дня несколько укреплённых населённых пунктов, под вечер вышли на Одер. Как ни сопротивлялись немцы, не могли нас удержать. Против нашего натиска ничто и никто не мог устоять. Наше стремительное наступление не оставляло времени немцам на организацию обороны на новых рубежах. Они часто поспешно уходили из хуторов, деревень, городов. Войска продвигались ускоренно, отражая частые контратаки немецких танков и пехоты, воздушных и морских десантников, отрядов СС.

Мимо мелькали большие и маленькие населённые пункты. Душа и сердце ликовали. Всё чаще замечали мы свисавшие с окон, балконов, крыш белые флаги, простыни, платки и прочие знаки того, что Германия сдавалась, немцы становились на колени перед советским солдатом.

Мы освобождали десятки опутанных колючей проволокой зон концентрационных лагерей и тюрем. На свободу выходили тысячи заключённых мучеников и рабов.

Навстречу советским воинам шли колонны освобождённых поляков и датчан, французов и англичан, бельгийцев и чехов, славян и хорватов. Слышались громкие приветственные возгласы в наш адрес. Молодые девушки бросались на шею нашим солдатам и офицерам, крепко обнимали, горячо целовали. Уверен, что подобных встреч и приветствий не пережила ни одна армия мира.

Когда дивизия получила новый приказ о сосредоточении в лесах западнее Бервальде, мы поняли, что будем участвовать в боях за Берлин. Эти догадки вызвали у нас чувство радости. Но вместе с тем, мы понимали, что на этом направлении немцы будут сопротивляться особенно ожесточённо.

Наряду с занятиями, боевой учёбой мы почти ежедневно получали пополнение. Возвращались солдаты и сержанты из госпиталей. Это был золотой фонд предстоящего наступления на Берлин. Получали и таких, кто попал на фронт в первый раз. Наряду с людьми в дивизию и полки поступала новая техника. Для поддержки дивизии в наступлении ей придавались теперь уже не отдельные танковые роты, а целые полки. Мощь фронта накапливалась.

К 12 апреля подготовительная работы были завершены. 13 апреля 125-й стрелковый корпус, в состав которого входила и наша 76-я стрелковая дивизия, получил приказ переправляться через Одер и занять позиции на плацдарме. Корпусу отводилась полоса наступления на главном направлении наступления 47-й армии шириной два километра.

16 апреля грянул бой. Залпы тысячей орудий слились в единый гул. В единый миг ударили дивизионы «катюш». Каждый расчёт с предельной частотой посылал в стволы снаряд за снарядом, мину за миной. Гул был настолько мощным, что разговаривать приходилось только криком во всю мощь горла и лёгких.

В 5.25 по сигналу зелёных ракет пехотинцы поднялись в атаку и сделали первый бросок. Их поддержали приданные стрелковым полкам роты танков и самоходных орудий. Одновременно вспыхнули ярким светом почти 200 прожекторов, освещая путь пехоте, танкам и слепя противника. В небе нарастал гул самолётов. Берлинская операция, заключительная операция Великой Отечественной войны, началась. У всех было приподнятое настроение. Я был рад, что мне выпало счастье быть свидетелем и участником этого знаменательного исторического события.

В ночь с 19 на 20 апреля наш 216-й стрелковый полк ночной атакой совместно со штурмовыми отрядами в три часа ночи выбросил немцев из г. Бернау и вышел на 1-1,5 км западнее города. Пока полк

и подразделения получали следующие задачи, вдруг загремело громкое «Ура!».

Сначала не все поняли. Затем разобрались. Оказывается, в 11 часов 20 апреля дивизион майора А.И. Зюкина дал первый залп по Берлину. В 14.30 огонь по столице гитлеровской Германии открыл ещё один дивизион. Восторг был неописуем! Начался штурм столицы фашистской Германии.

Нашей 76-й стрелковой дивизии предстояло овладеть в Берлине районом Шпандау. Это северо-восточный район Берлина. Мы были уверены в своей близкой победе.

На пути к Берлину в нескольких местах нас пытались задержать пулемётно-автоматным огнём группы немцев. Но нас уже ничто не могло остановить. На всех перекрёстках от реки Одера были видны указатели «На Берлин!»

Внезапно оборвались зелёные посадки по обеим сторонам дороги и показались первые дома Берлина. На нашу колонну обрушился шквал артиллерийского и миномётного огня. Роты, артиллерия и миномёты заняли боевые позиции.

Танки и самоходки выдвигаются вперёд

29 апреля во время «Ч» все артиллерийско-миномётные подразделения и танковые роты открывают сокрушительный огонь по окраине Берлина. А через 15 минут: «Вперёд! В атаку! За Родину! За Сталина!»

Мы бежали с Володей Косихиным. Немцы открывают пулемётно-автоматный огонь, но идущие вперёд танки отвечают десятками снарядов. Вскоре их огонь замолкает. Мы врываемся на первую улицу. Противник теперь ведёт огонь из подвалов. Отходим, прячемся за дома, врываемся на первые этажи ближайших зданий. Начинается настоящая дуэль.

Залп огнемётного взвода по подвалам и первым этажам на противоположной стороне улицы и из нескольких окон повалил дым, вырываются языки пламени. Мы выскакиваем из домов и снова вперёд. Фашисты удирают за канал, или переодевшись в поношенные гражданские пальто и костюмы, пытаются украдкой выбраться из ловушки. Очистив кварталы северной части Берлина от фашистов, мы двинулись дальше на запад. 6 мая 1945 года вышибли остатки гитлеровцев на правом берегу Эльбы, вышли к реке и встретились с частями канадской танковой армии.

Пока мы громили немцев в северной и северо-западной части Берлина, 1 мая 1945 года советские воины Егоров и Кантария, прорвавшись через немецкий огонь, водрузили знамя Победы над Рейхстагом. С быстротой молнии эта радостная весть распространилась по всем войскам. Маршал Жуков и генерал Телегин горячо поздравили всех солдат, сержантов, офицеров и генералов, участвовавших в разгроме фашистской группировки в Берлине, с победой и пожелали успехов в окончательном разгроме врага. За участие в боях на подступе к Берлину я был награждён 4 мая орденом Красного Знамени.

Пока мы ликовали по случаю падения Рейхстага, далеко не все фашисты были готовы сложить оружие. В результате почти двухнедельного боя наша дивизия взяла в плен более 4000 человек. Около тысячи гитлеровских солдат и офицеров было уничтожено, много ранено. В качестве трофеев захвачено 17 орудий, 16 танков и САУ, 18 бронетранспортёров, 295 автомашин, 2 склада с различным имуществом. Так прекратила существование берлинская группировка. Именно в этих боях на берлинском направлении немцы впервые применили реактивные самолёты. Но и это им не помогло.

Для нас этот успех означал полную победу. Враг разбит, уничтожен в его логове. Победа за нами! Слава вам, советские солдаты! С честью выполнили приказ Родины, приказ Сталина, приказ Жукова!

Ещё совершали марш на Злату Прагу танковые армии 1-го Украинского фронта, чтобы помочь восставшим пражанам окончательно вышвырнуть с территории Чехословакии немецких оккупантов. Ещё в Прибалтике маршал Баграмян доколачивал Курляндскую группировку. Мы же в своих районах сосредоточения наконец-то смогли заняться гражданскими делами. Мылись, стриглись, кто как мог, стирали, гладили кителя и гимнастёрки, надраивали пуговицы, ордена, медали, словом готовились к самому торжественному часу — объявлению полной победы над фашистской Германией!

Май 2003 г.

В подготовке настоящих воспоминаний оказал помощь ***Харитонов Илья Владимирович***, студент 3-го курса Московского государственного горного университета

Завадский Юрий Владиславович

ВСТРЕЧА ДВУХ ФРОНТОВ

Я родился на Украине, в деревне Яропович Попельнянского района 5 мая 1908 года, русский, крещен в Русской Православной церкви.

На службе в Вооруженных силах страны с 1925 года. Член Коммунистической партии с 1929 года. В селе Черноругка Киевской области получил семилетнее образование (1925 г.). Закончил Московское артиллерийское училище в 1929 году. С 1929 года командир РККА, место службы — 113-й артполк. Получил высшее воинское образование в Военной академии бронетанковых войск (1937-1941). По окончании академии — комбат 28-й танковой дивизии под командованием генерала Черняховского И.Д.

22 июня 1941 года наша дивизия находилась недалеко от г. Шяуляй (примерно в 60 км от Риги) на учениях. Тогда я был майором, руководил боями арьергардного отряда дивизии. Наша дивизия находилась на учениях в лесу. Была глубокая ночь. Все, за исключением дежурных и караульных, спали в палатках, под звездным, тогда еще мирным, небом. В 2 часа ночи дивизия подверглась внезапному удару пикирующих бомбардировщиков противника. Были убиты командир 54-го танкового полка Попов Б.П. (посмертно Герой Советского Союза) и командир зенитного дивизиона. Потери составили 30 человек и 15 танков (БТ, Т20). Так мы узнали о том, что наступила война.

Мой боевой путь проходил через следующие города:

Шяуляй (июнь 1941) — Ужвентис (июль 1941) — Рига (июль 1941) — Крестцы (июль 1941) — Мадонна (август 1941) — Гульбене (август 1941) — Остров (август 1941) — Псков (август 1941) — Сольцы (август 1941) — Новгород (сентябрь 1941) — Форст (16 апреля 1945) — Котбус (17 апреля 1945) — Барут (18 апреля 1945) — Палас (19 апреля 1945) — Берлин (30 апреля 1945) — Дрезден (3 мая 1945) — Прага (11 мая 1945).

В сражениях за Новгород большинство наших танков было уничтожено, и мы отступили. Меня назначили руководить сооружением противотанкового рубежа на участке Красная — Малая Вишера. Тогда никто из офицеров не хотел брать на себя столь ответственную и сложную задачу. Кроме того, за ее невыполнение командующего офицера могли расстрелять. Я согласился взять на себя эту ответственность.

Враг не смог преодолеть рубеж.

Позже, в 1942 году был на посту начальника танковой школы в городе Горьком. Моей задачей была срочная подготовка экипажей для танков, поступающих по ленд-лизу из Англии («Матильда», «Валентайн», «Черчиль») и США (М3). В первый год войны наши войска, остановившие врага у ворот столицы, понесли тяжелейшие потери в людях и танках. В это время повсюду на полях сражений горели наши «бензиновые» танки БТ и Т-26. И только 1 апреля 1945 года, я, по собственной просьбе, был назначен вместо накануне погибшего п/п Голберга Давида Моисеевича заместителем по строевой части командира 52-й танковой бригады 3-й танковой армии генерала Рыбалко Павла Семеновича. Так я снова вернулся на фронт.

Наша 3-я гвардейская танковая армия была сформирована 25 мая 1942 г. в Калуге. Командующим армией 22 сентября был назначен маршал бронетанковых войск, дважды Герой Советского Союза Рыбалко П.С. 3-я гвардейская танковая армия включала 51, 52 и 53-ю танковые бригады. Передовым отрядом армии была 52-я танковая бригада.

Звездным часом в своей жизни я считаю стремительный прорыв 52-й гвардейской танковой бригады, авангард которой я возглавлял, к центру Берлина с юга, завершившийся встречей с танковой бригадой другого фронта, наступавшей навстречу с севера. Об этом я и хочу рассказать.

С 1-го по 16 апреля 1945 года на фронте была оперативная пауза. Войска готовились к решительному удару по Берлину. Нас разделяла широкая и глубокая река Нейсе — глубина 5 -10 метров, ширина поймы 1000 метров.

Где будет переправа — никто не знал. Нашей авиацией вдоль по Нейсе на расстоянии 10 км была поставлена дымовая завеса, чтобы облегчить войскам форсирование реки и наступление на Берлин.

Ставкой было принято решение начать наступление 16 апреля. Оно началось в 2 часа ночи. По западному берегу была проведена мощная артиллерийская и авиационная подготовка.

К месту переправы подошли 51-я, 52-я и 53-я танковые бригады. Понтонные батальоны начали выкладывать понтонный мост. На восточном берегу реки был размещен армейский духовой оркестр в составе 20 музыкантов.

Командовал переправой генерал Сухов. Согласно предварительному плану на понтонный мост первой должна была вступать 51-я танковая бригада.

Вдруг мы услышали приказ командующего 3-й танковой армией генерала Рыбалко Павла Семеновича: «Куриста вперед!»

По-видимому, генерал Рыбалко П.С. знал высокую боеспособность 52-й танковой бригады и поэтому принял такое решение.

На понтонный мост первой вступает 52-я танковая бригада.

Я, как заместитель командира бригады, на понтонный мост вошел вслед за девятым танком и все время двигался с передовым отрядом.

Армейский оркестр играл военный марш (кажется, Турецкий марш). Эта музыка внушала нам смелость и отвагу.

Противник открыл по понтонному мосту и восточной части берега мощный удар из тяжелых минометов.

От разрывов из воды поднимались высокие столбы воды («тюльпаны»).

Мост два раза был разрушен, но понтонеры его быстро восстанавливали.

Половина музыкантов упавшей миной были ранены, но оставшиеся продолжали играть марш!

Переправившись через реку Нейсе, передовой отряд 52-й бригады под моим руководством взял г. Форст.

Прибывший в г. Форст генерал Рыбалко П.С. сказал п-ку Л.Н.Куристу: «Не задерживайтесь здесь, так как соседний фронт ведет бои уже у Зееловских высот».

30-го апреля 52-я бригада вышла к центру Берлина в 300 метрах западнее Рейхстага.

Я, как заместитель по строевой части командира 52-й танковой бригады, двигался и руководил боями передового отряда. Неожидан-

но увидел, что против нас, наставив свои орудия, движутся такие же танки, как и у нас, т.е. Т-34, и что сопровождают их солдаты в таких же бушлатах, как и у наших солдат.

Мы поняли, что встретились с танкистами 1-го Белорусского фронта. Всех мгновенно охватила огромная радость, так как стало ясно, что произошел разрез г. Берлина на две части. Это означало, что скоро наступит конец проклятой войне.

Офицеры вышли из танков, бросились обниматься и целоваться с идущими навстречу танкистами (это была 65-я танковая бригада 2-й танковой армии 1-го Белорусского фронта).

Я вышел из танка, обнялся и расцеловался с руководителем встретившегося нам отряда п/п Клименко Г.И.

Наши разведчики и переводчики в соседнем доме нашли пожилую немку, которая знала русский язык и имела пишущую машинку с русским шрифтом. Был напечатан в двух экземплярах «Акт встречи двух фронтов». Акт подписали командиры передовых отрядов и я, как заместитель командира 52-й танковой бригады.

Успешное действие гвардейских танковых армий, в особенности рассечение Берлина на две части, обусловило быструю капитуляцию Германии.

30-го апреля 1945 года командир 52-й танковой бригады Курист Л. И. мне сказал:

«Я доволен вашим руководством боями передового отряда, поэтому я представляю Вас за героизм к высокой правительственной награде. Одновременно представляю к награждению тяжело раненного майора Голомидова А.Н. и двух командиров танковых взводов, непосредственно руководивших боями штурмовых групп».

3-го мая 1945 года в центр Берлина, т.е. в расположение 52-й танковой бригады, прибыл маршал Советского Союза Жуков Г.К. и громогласно заявил, что Берлин был взят только его фронтом.

Маршал вызвал командира бригады полковника Куриста и со страшной злобой ругал его за то, что он со своей бригадой вошел в центр Берлина — ведь Берлин это полоса боевых действий его, жуковского, фронта!

При этом Г.К. Жуков потребовал от полковника Куриста сдать ему:

— акт встречи двух фронтов в центре Берлина (два экземпляра);

— боевой журнал 52-й танковой бригады;

— представления о награждении офицеров, отличившихся в руководстве боями: на полковника Завадского Ю.В., а также на майора Голомидова А.Н. и на двух командиров взводов, руководивших боями штурмовых групп;

— личный журнал боевых действий генерала Рыбалко П.С.

Все эти документы маршал Жуков уничтожил, и никто из нас так и не получил заслуженного нами звания Герой Советского Союза.

В 1945 году я несколько раз был на волоске от гибели. Во время бомбежки недалеко от меня разорвался снаряд. Несколько человек погибло на месте. Одному из бойцов вырвало глаз, его отвезли в госпиталь. Я же получил контузию левого уха. Врач сказал, что госпитализировать меня нет необходимости. «Само скоро пройдет», — сказал он.

Три дня в ушах стоял непрекращающийся звон, а на четвертый день мне стало легче и вскоре все совсем прошло. В бою мы были защищены крепкой броней и скоростью маневра, но вот значительный урон бригада понесла от снайперов (известных еще с финской войны под названием «кукушек», так как маскировались они на деревьях; немецкие же «кукушки» сидели по чердакам). Помню, я стоял у стены. Меня окликнули, я обернулся, как вдруг меня осыпало битым кирпичом. Там, где только что была моя голова, в стене зияла изрядная дыра. В ответ я приказал открыть огонь из пулеметов, чтобы снайпер подумал, что его заметили. Стой я на месте, не пришлось бы мне писать эти строки.

На фронте я часто думал о том, как тяжело тогда было жителям советских городов и селений. Всю страну охватил голод. Обескровленные, голодные, многие раненные: дети, потерявшие родителей, вдовы с детьми на руках, — они гибли тысячами. Мой брат, Завадский Фадей Владиславович, не воевал. Он со своим маленьким сыном погиб в Ленинграде в 1941 году. Они умерли от голода и были похоронены в общей могиле.

Всю войну прошла моя супруга — Завадская Людмила Витальевна. Во время войны она была делопроизводителем воинской части 43662, награждена тремя медалями. Страх и тяжелейшие условия войны не смогли сломить силу воли и непоколебимую веру в победу этой удивительной женщины.

После окончания боевых действий я вместе со своим ординарцем возвращался на родину на легковом автомобиле немецкого производства. На нем мы пересекли Германию, Польшу, Белоруссию, Псковскую область и наконец добрались до Москвы.

Я был награжден 5 орденами и 15 медалями.

В начале войны командовал батальоном сначала под Шяуляем, затем под Новгородом. «За мужество в бою», как указано в наградном документе, награжден орденом Боевого Красного Знамени.

Во время обороны Москвы руководил сооружением противотанкового рубежа на участке Красная — Малая Вишера. Враг не смог преодолеть рубеж. За это я был награжден вторым орденом Боевого Красного Знамени.

В 1942 году на посту начальника танковой школы в городе Горьком удостоен высшей награды страны — ордена Ленина — за выполнение срочной задачи подготовки экипажей для танков, поступающих по ленд-лизу из Англии и США.

За ответственный труд в годы войны награжден орденом Красной Звезды и орденом Знак Почета.

Награжден медалью «За взятие Берлина»

За блестящее проведение операции по рассечению обороны Берлина и соединению двух танковых армий двух фронтов был представлен к высокой награде (однако в силу не до конца выясненных обстоятельств награждение не состоялось).

В сентябре 1945 года, в звании полковника, я был назначен старшим преподавателем кафедры стрельбы из танков Военной академии бронетанковых войск под командованием генерала Никулина.

С 1960 года — полковник в отставке, преподаватель высшей математики кафедры штабной службы в Военной академии им. М.В. Фрунзе. С 1963 года — доцент, а затем профессор Московского автодорожного института. Автор научных трудов и военно-исторических книг, в том числе книги воспоминаний «Удар с Юга» (М.: Прометей, 2000).

С 1990 года — на отдыхе. Веду активную деятельность в общественной организации ветеранов Великой Отечественной войны по месту проживания — в Щукине.

В последнее время пишу о людях, благодаря которым наши дети и внуки спят под мирным небом и знают об этой войне только из рассказов взрослых.

Мною написаны книги:

— «На острие главного танкового удара по Берлину третьей гвардейской танковой армии и труд в мирное время». Москва, Прометей, 1998 г.

— «Встреча двух фронтов в центре Берлина. Как это было». Москва, Прометей, 1999 г.

— «Удар с юга». Москва, Прометей, 2000 г.

— «Героизм русских гвардейских танковых армий, громивших немецкий фашизм». Москва, Вечная книга, 2002 г.

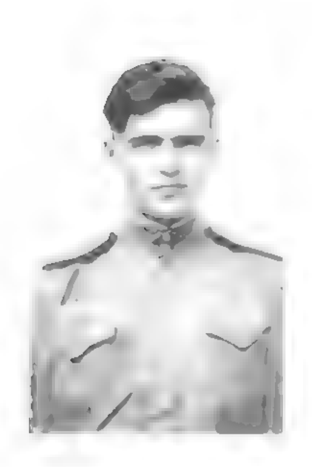
По просьбе районной управы Щукино написал статью под названием «Берлин 1945. Встреча двух танковых армий», которую опубликовали в литературно-художественном альманахе № 5. Москва, 2001 г.

Также мною написано 15 книг по высшей математике.

С 2002 года являюсь членом Союза славянских журналистов.

Декабрь 2002 г.

В подготовке настоящих воспоминаний оказал помощь ***Борисов Евгений Владимирович***, студент 3-го курса Московского авиационного института



Карпов Георгий Васильевич

РАЗВЕДАТЬ И НАНЕСТИ НА КАРТУ

Я родился 19 апреля 1922 года в Москве, в семье сапожника. Окончил 10 классов в 3 Московской специальной артиллерийской школе в 1940 году и поступил во 2-е Ленинградское Краснознаменное артиллерийское училище1октября 1940 г. Окончил училище в июле 1941 г. В 1957 г. окончил Ленинградскую военную командную артиллерийскую академию.

Узнал о начале войны 22 июня в 5 часов утра, 1941 года, когда наш курсантский взвод под командованием лейтенанта К. Журавлева был на охране зимних квартир, а училище находилось в летних лагерях под Лугой. Я стоял на посту, охранял артиллерийский парк, и тут объявили караульным, что началась война, немцы перешли нашу границу и бомбят города, воинские части, аэродромы.

Нас срочно сменили красноармейцы, и мы поехали в лагеря училища. Затем мы прибыли в Эстонию, в район Тапа-Рекверы, встали в обороне вместе с другими училищами Ленинграда. В июле месяце нас сменила пехотная дивизия , № ее не помню.

Ребята-пехотинцы, после 70 км марша, снимали сапоги- многие натерли ноги. Все были нашего возраста. Их только что призвали, и они не умели обращаться с винтовками, ни разу не стреляли. Я доложил об этом командиру взвода (начальнику училища генералу Броуду), и мы сразу приступили к их обучению, пока находились вместе в лесах под Рекверы.

А война шла, немцы наступали, наши скоростные бомбардировщики без прикрытия истребителей ходили на бомбежку и быстро возвращались уже не в полном составе. Особенно жалобно, с надрывом ревели моторы подбитых самолетов, которые отставали, но тянули до своего аэродрома. Мы переживали за летчиков. Потом в начале июля мы получили приказ свернуться и совершить марш в Красное село, где снова вкапали свои 122-мм пушки. Марш был комбинированный. Машин в училище не хватало, и часть из нас, в т.ч. и я, шли пешком, где-то нас подвозили на попутках, на танках; а в основном наш взвод шел пешком. Некоторые спали на ходу. В Красном селе мы усиленно занимались арт. стрелковой подготовкой, потом нас возили в Ленинград на зимние квартиры, срочно обмундировали, выстроили на плацу. Начальник училища зачитал приказ Министра обороны маршала К. Е. Ворошилова № 230 от 16.07.1941 года о выпуске из училища нашего курса с присвоением звания «лейтенант», и на следующий день нас отправили в Москву в управление кадров артиллерии (ГУК).

На станции Бологое немцы должны были разбомбить наши 2 эшелона. В начале ст. Бологое нас придержали, и мы медленно проезжали эту станцию после бомбежки; улетающие немецкие самолеты мы видели на горизонте. Перед Москвой наш поезд тоже остановили, и мы видели первую бомбежку Москвы. Все переживали. В эшелоне много было москвичей. Из Москвы я с группой в 19 человек прибыл в Дмитров после поездок в другие гарнизоны, и на станции, г. Дмитрова, ночью ко мне подошли 2 офицера в комбинезонах (я был старший команды). Отрекомендовались командирами 233-го отд. дивизиона. Нач. штаба капитан Петров и ст. л-т Царьков пригласили нас в свою часть, которая развертывается в полк. Я согласился, и на следующий день, числа 20 июля, все 19 лейтенантов были зачислены в 1016-й ГАП БМ РГК. Я был зачислен командиром 1-го взвода (огневого) в батарею лейтенанта Василия Губенко. Нам помогли быстро изучить 203-мм гаубицы. Под Дмитровом мы стояли в обороне до 26 октября. Полк получил приказ погрузиться в эшелон, и нас повезли под Сарапул, где сосредотачивался резерв артиллерии главного командования. В резерве шла учеба . Я покомандовал топографическим взводом 2-го дивизиона командир дивизиона капитан Крюченков, потом перед отправкой на Волховский фронт меня назначили коман-

диром разведки — зам. командира батареи управления 1016-го ГАП БМ РГК полка.

Полк летом 1941 года был переведен в д. Пурга, в 3 км от ст. Агрыз. Погрузка полка была на ст. Агрыз.

Непосредственно в боевых действиях я начал участвовать лейтенантом, на должности командира взвода разведки батареи управления полка на Волховском фронте в 1016-м ГАП БМ РГК. Сначала в 54-й армии с 10.02.43г., в группе разрушения с 11.03.43г. в 8-й армии, под командованием командира полка майора Петрова Д.Г. и нач. штаба капитана Завгороднева Е.М.

Наш полк участвовал в битве за расширения прорыва блокады Ленинграда. Наступление началось 19 марта 1943 г. Наш НП был в первой траншее под д. Вороново, КНП — 800 м восточнее . Запасной НП выбран на переднем крае у Ладожского озера, вблизи уничтоженной деревни (кажется д. Марково).

19 апреля 1943 г. погрузились на ст. Жихарево и отправились по жел. дороге Войбокало — Волхов — Череповец — Тихвин — Савелово — Дмитров — Москва — Подольск. В Подольске до 20.05.43 г. из 2-х полков 1016-го ГАП БМ РГК и 1096-го ГАП БМ РГК сформировалась 108-я ГАБр БМ РГК. Командиром бригады был назначен бывший командир 1096-го полка подполковник Реутов Владимир Дмитриевич, начальник штаба бригады майор Кобрин Михаил Григорьевич. Я был назначен начальником разведки 4-го дивизиона 108-й ГАБр БМ РГК. 21 мая 1943 г. бригада из Подольска убыла на Брянский фронт в составе 17-го АДП РВГК — командир дивизии генерал-майор артиллерии Волкенштейн С.С., начштаба полковник Василеня по маршруту: Серпухов, Тула, Горбачево, ст. Манаенки, лес зап. Кузменки, Сороколетово, Большой лес, под Будоговищи; где заняли боевой порядок до 30.05.1943 г. в районе д. Поповка. АП 10,11,12 батарей в кв. 47-23 НП кв. 38-41.

21.06.43 г. взвод упр. дивизиона и взвод упр. батареей на выс. 202.5 . Штаб дивизиона в р-не д. Поповка, Фурсово.

02.07.43 г. 4-й дивизион перемещался по маршруту Сороколетов, Кузминки, Красный Октябрь.

До 28.07.1943 г. бригада в составе дивизии обеспечила два прорыва противника на Брянском фронте 61-й армии в сторону г. Орла и, после освобождения г. Болхова, переподчинилась Воронежскому фронту, погрузилась на ст. Курасово, а выгрузилась на ст. Юсупово, проезжая через Курск, Льгов и дальше. Боевой путь мой проходил в сторону Гайворон, Казачья Лисица (08.08.43г.), Большая Писаревка

(18.08.43г.), Ахтырка (освобождение 28.08.43г.), осв. г. Зеньков 06.09.1943 г. От Зенькова 325 км марш осв. Переяслав-Хмельницкий, боевой порядок на Ржищевском полигоне под д. Гусеницы.

Я в должности командира 10-й батареи переправился с разведчиками и связистом на Ходоровский плацдарм и корректировал огонь 108-й арт. бригады, вел разведку. Находился на плацдарме до 25 октября 1943 г.

26.10 1943 г. Ночью снялись с плацдарма под Ходоровом, совершили марш на Лютежский плацдарм Ковалин-Морозовка, Б. Старица, Гоголев, Низшая Дубечня и заняли боевой порядок в лесу юго-зап. 2 км Нисшая Дубечня, колхоз Надия, НП на выс. 162.8. После сильной артподготовки участвовал 06.11.43 г. в освобождении г. Киева. 22.11.43 моя 10-я батарея и 12-я бат. Андрианова и штаб 4-го дивизиона бригады совершили марш под Житомир до Юрьева, Нежиновичи, заняли б/порядок под Машеровом (86 км) и участвовали в освобождении Житомира 1 января 1944 г. (вторично).

19.01.1944 г. 10-я батарея заняла ОП в р-не Райгородок, совершив марш Тулин, Ковня, Райгородок.

21.04.44 г. Моя батарея переместилась в местечко Митинки.

21.04.44 г. Погрузились на ст. Белой, выгрузились на ст. Полония и участвовали в круговой обороне пр-ка в р-не д. Варваровка. НП выс. 283.6.

22.05.44 г. Дивизион соединен совместно с бригадой в лесу у ст. Шепетовка. 25.05.44 г. дивизион погрузился на ст. Шепетовка в эшелон и выгрузился на ст. Збараж 30.05.44 г.

Дивизия участвовала в освобождении городов Королев, Винница, в битве под Брусиловом, осв. Староконстантинов, Проскуров, Остров. В битве под Брусиловом дивизия уничтожила 200 танков.

17.07.44 г. Освобожден Золочев, а 27 июля освобожден Львов, и мы участвовали в Львово-Сандомирской операции.

24.07.44 г. Дивизион переместился по маршруту Злочев-Зарваница.

28.07.44 г. Дивизион переместился по маршруту Миклащев-Львов, Яворов, Хуки.

03.08.44 г. Краковец, Ярослав, Зажечье, севернее 1 км д. Лапасовка,

06.08.44 г. Я получил команду подручным у командира дивизии. Батарея вышла в ночной марш по маршруту Лапасовка-Косино, Жешув, Синазищев (88км). ОП д. Кивенчинцы, НП — д. Волица.

09.08.44 г. Дольна, Кишва б/п. батарея 1 км западнее Кишва.

14.08.44 г. Переместились в Кишва-Чарна — б/п. 1,5 км восточнее д. Вильчица в составе дивизиона.

22.08.44 г. В составе дивизиона д. Лице Гурни, Белейка, лес Тырановски.

27.08.44 г. Войслав, Ржиска, Жожув, Пусткув — б/п. св. 1 км Кохануввки НП выс. 252.0.

04.09.44 г. Острув, Хехлы, Лопухов, юж.о кр.д. Глиник.

05.09.44 г. Новая Гурна, Жувка, Стадолин — б/п — в Петру -Воля, выс 284.

12.09.44 г. Петру-Воля, Зрицын, Бубрка — б/п — южнее 1 км Бубрки.

08.10.44 г. Бубрка, зап. окраина Ситишжува.

24.11.44 г. Ситишижув, Жарновка, Звенчица, Жушев, Миланец, Глогув б/п восточнее 2 км Глогув.

07.12.44 г. Глогув Малец, Ясляна ,Турска Мале — лес ю.-в. д. Щека.

07.01.45 г. Сандомирский плацдарм, Ярославице.

15.01.45 г. Чеславица, Буско-Здруй — сев.-вост. 1 км Маженцин.

17.01.45 г. Богуцице, Хробеж, Куявки, Малая Калина — Рендузин.

19.01.45 г. Мехув, Данярка, д. Посквитув.

20.01.45 г. Посквятув, Зерваны, Забежув, Кшешовице.

25.01.45 г. Кшешовице, Водна, Руэш, Бычина, Езерна б/п Бычина, выс. 310.0 — огонь по Сосновец, Катовице.

31.01.45 г. Катовице, Беутен, Тарновец, Харнск, Люблинец (погрузка в Люблинец).

02.02.45 г. Я начальник штаба 4-го дивизиона 108-й ГАБр БМ , возглавлял автоколонну. Маршрут: Люблинец, Глинки,Пойсвальде, Нейхов, Гнаденкирх, Розенберг, Альбрехсдоф, Кшицберг, Конштадт, Шенфильд (71 км).

03.02.45 г. Автоколонна по маршруту: Райнсдорф, Игнацувка, Кузница, Ляски, Осина Гуже, Шильдберг,Горбач, Антонин, Гросшин, Юдзлук, Остров Захажив, Змошев, Маргаритендорф,Виценфельд, Смолице, Пасарбы, Соблаково, Мейска, Гурка, Сарнава — 140 км.

04.02.45 г. Сарнава, Ровнч, Кеникедорф, Верзе Гроес Шёц, Гюрау,Остен, Китлау — огневые взводы по ж.д. по маршруту: Люблицен, Розенберг, Крайсбург, Намсау, Эльс, Равич, Гюрау. Выгрузка в Гюрау и сосредоточились в Китлау.

11.02.45 г. Китлау, Остен, Гулау, Вильнау, Гроссфельд. ОП в Гроссфельд, НП в Глочау.

15.02.45 г. Дивизион переехал в д. Вилькау, где занял круговую оборону.

17.02.45 г. Вилькау-Гросс, Остен — Китлау.

19 .02.45 г. Цюхен, Любхен, платформа Альхайдау, Зофиенталь, Гиммель, Файшен, Кришнец, Прабхау, Лезовиц, Любян, Полькевец, Неузерга, Хайнбах 107 км,

22.02. 45 г. Хайнбах, Фрейштадт, Грюнберг, Гроссдорф — 60 км.

25.02.45 г. Гроссдорф, Брашек, Вальвиц — 32 км. Дивизион встал на прямую наводку по г. Губен.

02.03.45 г. Губен, Бабереберг, Шпротау — 130 км. Артподготовка армии.

05.03.45 г. Автоколонна пошла на 450 км марш в Отропендорф, матчасть дивизиона погрузилина ст. Шпротау и выгрузили 09.03.45 г. на ст. Глейвиц.

09.03.45 г. Глейвиц, Стропендорф, Граушанисдроф — 20 км.

10.03.45 г. Грауманисдорф, Гейне, Райгерафильд 16 км. ОП Райгерафильд. НП — Штетин.

14.03.45 г. Ст. Райгерафильд, д. Шипповец — 7 км. ОП — Шипповец — артподготовка.

17.03.45 г. Шипповец, Фриденау, Леншюц, Гоенфлюр 25 км. ОП Гоенфлюр. Огонь по Обер Глогау.

20.03.45 г. Гоенфлюр-Аутишкау — 9 км. ОП — Аутишкау, НП — Даймер

22.03.45 г. Аутишау- Бабиц — 10 км б/п — Бабац.

27.03.45 г. Бабиц-Нейдорф — 11 км б/п — нейдорф.

30.0345 г. Нейдорф-Бладен 10 км б/п Бладен.

02.04.45 г. Бладен-Хубертуеру- Дреймюлен.

05.04.45 г. Дреймюлен, Оппельн ст. погрузки Оппельн.

06.04.45 г. Оппельн, Крайсбург, Ельс, Требник, Вилау, Бунцлау, Заган — 10.04.45г. выгрузка на ст. Заган.

10.04.45 г. Заган, Циклебе, Цебелье 30 км,

11.04.45 г. Цебеле — Клейн Зерхен — 6 км, ОП — Клейн Зерхен, НП Кебиган.

27.04.45 г. Клейн-Зерхен, Мускау, Слаханеи, Сламен — 40 км.

28.04.45 г. Сламен — Шпремберг, Дребкау, Люккау, Нинсдорф — 100 км.

29.04.45 г. Нинсдорф, Хардерфельд, Конненлорф, Шленцер — 28 км. Выкалачивали немцев из лесу.

04.05.45 г. Шленцер, Боргинсдорф, Ена, Маркенсдорф, Занда, Гельсдорф, Виттенберг 51 км. Я встречался на р. Эльба с американцами.

05.05.45 г. Виттенберг,Эльштер, Вартенбург, Требитц, Нейден, Тергау, Штариц, Риза Плориц, Доберниц — 10 км.

07.05.45 г. Доберниц, Штаухау, Глухау, Мейла, Таль, Люттевиц, Хорен,Виттервиц 20 км. Окончилась война.

20.05.45 г. Приссен, Люттервиц, Острау, Зальбиц, Цетау, Шильдау, Маккрена, Троссин, Фалькенберг — 108-я ГАБр БМ расположилась в Фалькенберге.

Участвовал в освобождении городов:

— г. Болхов — освобожден 28.07.1943 г. в Орловской операции. Действовал на должности нач. разведки 4-го д-на 108-й ГАБр БМ РВГК, входящей в 17-ю АДП РВГК, ком. дв. генерал Волкенштейн С.С. Брянский фронт.

п. Ахтырка 28.08.1943 г. в составе 108-й ГАБр 17-го АДП РВГК при поддержке огнем 27-й армии Харьковский операции Воронежского и части Степного фронтов.

— В Киевской операции — освобождении Киева 06 ноября 1943 г. 17-й АДП РВГК. Поддерживала 40-я армия 1-го Укр фронта.

г. Жигомир - освобожден во 2-й раз 1 января 1944 г. В Киевско-Житомирской операции участвовал в должности командира бат. 17-го АДП РВГК при поддержке 22-го корпуса 18. А

— г. Зеньков — 6 сентября 1943 г.

— г. Золочев — 17.07.1944 г. в Львовско-Сандомирской операции 1-го Укр фронта. в составе 17-го АДП РВГК.

— г. Львов — 27-го июля 1944 г. в ходе Львовско-Сандомирской операции 1-го Укр. фолнта. В составе 108-й ГАБр БМ РВГК, входящей в 17-й АДП РВГК. Командир бригады полковник Реутов В.Д. Комдив генерал Волкенштейн С.С.

— г. Тернополь осв. 14.04.1944 г. в ходе Проскуровско-Черновицкой операции в составе 108-й ГАБр БМ РВГК. Я командир батареи капитан.

— г. Краков — осв. 19.01.1945 г. войсками 1-го УФ — Сандомирско-Силезская операция в составе 17-го АДП РВГК.

— г. Глогау — осв. 01.04.1945 г. войсками 1-го УФ, я был в составе 4-го дивизиона 108-й ГАБр БМ РГК. Комбриг п-к Реутов В.Д., ком.див. м-р Фомин И.С. Я в звании капитан, нач. штаба дивизиона.

г.г. Шпротау, Губен, Котбус, Глейвиц, Ханув, Сосновец, Беутен, Лигниц, Любен, Грюнберг, Бискау. Военные боевые действия закончил под Виттенбергом, на Эльбе, исполнял должность командира

4-го дивизиона 108-й ГАБр БМ РВГК (ком. дивизиона м-р Фомин И.С. был в госпитале). Ранен под Тернополем 17 июня 1944 года. Лечился месяц в ПМП бригады. Ранение осколочное.

Награды:

— орден Красного знамени № 76182 — за разведку на Брянском фронте. Вручал комдив генерал Волкенштейн С.С. на Ходоровском плацдарме на Днепре в октябре 1943 г.;

орден Отечественной войны II степени № 252744 комбриг, в январе 1944 г.;

— орден Отечественной войны 1 степени № 184220 — Кировский РВК, март 1985 г. Подпись секретаря президиума Верховного Совета СССР А. Горкина;

орден Красной Звезды № 3503114 ком. Дивизии;

— орден Отечественной войны 1 степени № 1185768 — подпись секретаря Верховного Совета СССР;

— медаль «За боевые заслуги» (без номера).

Война

В ночь с 21 на 22 июня я стоял на посту в артиллерийском парке во дворе училища. Белая ночь. Красотища! Молодежь парочками расходилась по домам или гуляла. Когда кто-то проходил по улице, то его шаги гулко раздавались, и долго, удаляясь, стучали каблуки. Я стоял часовым и завидовал ленинградской молодежи, вспоминая нашу улицу, товарищей, измайловских девчат. Не помню, во сколько это было, но вдруг по двору забегали жирные крысы, где-то замяукали кошки. Одна крыса сильно запищала ее я убил штыком. Потом услышал гул машин. Это было необычно.

Сменившись, я доложил начальнику караула. Он позвонил дежурному по училищу. Дежурный сказал, что началась война, немцы без объявления войны напали на нашу страну. Мы приехали в летние лагеря в Лугу. где было все училище. День был очень жаркий. Пока мы пылили от станции до лагеря, в лагере шла полным ходом работа по боевой подготовке и сборам. ... Куда? Неизвестно. Все было в движении. На следующий день нас вывезли на станцию на погрузку в эшелон. Куда мы должны ехать? Неизвестно. Несколько раз объявлялась воздушная тревога, и мы впервые увидели немецкий самолет, летящий в сторону Ленинграда. Никто по нему не стрелял. Наших самолетов не было

Люди волновались; все переживали по-разному. Я был равнодушен. Сказывалась, видно, усталость. Наконец нас загрузили - и с песнями на запад. Прибыли на станцию Тапа в Эстонию. Во время разгрузки с одного станционного здания нас обстреляли. Кого-то ранили. Стреляли эстонцы.

Нас выстроили, и в строю мы пошли куда-то мимо огромного поля, на котором работали тысячи заключенных до самого горизонта. А мы шли мимо с песнями и видели, как они перестали работать, стоят молча и смотрят, смотрят. Кажется, бросятся на нас (такое было впечатление) и растерзают. До того у них были злые глаза. Они нас ненавидели. И петь нам не хотелось, мы умолкли. Командир взвода тоже понял, что петь было не уместно. Заключенные срочно строили аэродром. А наше училище, танковое и пехотное привезли сюда (как до нас дошли слухи), чтобы уничтожить немецкий воздушный десант, который ожидался здесь.

Мы долбили сланцевую подушку земли под окопы, стояли в охране, засыпали на ходу под палящим солнцем, были в секретах, телефонистами и так уставали, что порой нам было все безразлично. Както раз дежурил на телефоне, и меня послали проверить связь. Иду по лесу вдоль линии связи, смотрю — на пне сидит часовой и спит. Стукнул его легонько по голове: «Проснись. Не спи!» Он посмотрел на меня сонными глазами и не встрепенулся. А я подумал, что так нас могут всех перерезать. Вспомнил кино «Чапаев». Иногда днем мы видели летящие на фронт наши СБ (скоростные бомбардировщики) по 9-18 самолетов. Скоро они возвращались, и было их уже не 9, а 3-4. Потрепанные, моторы натружено гудели. Летели низко. Иногда шли уже не девяткой, а по 5-6. Мы про себя помечали: значит и самолетов не хватает, и фронт рядом. Однажды сообщили, что на танке задержали генерала (самозванца), он давал якобы команду пехотному училищу наступать в одном направлении, танкистам бить их, а нам, артиллеристам, по всем им, и это был переодетый диверсант. Слухи. Слухи.

Я сейчас не помню, сколько мы были в Эстонии на Северо-западном фронте. Помню, как нас собрали в каком-то клубе. Приехал генерал-полковник Бесчастный с группой генералов. Коротко объяснил нам обстановку. И мы, сначала своим ходом, частично на танках БТ-2, БТ-4, и опять своим ходом добирались до Красного села. В училище машин мало, поэтому все имущество было погружено на машины, трактора, на лафеты орудий, часть расчета ехала на них, а остальные шли пешком. Сначала мы шли бодро, хотя на нас были шинели в складках, вещмешки, сумки, набитые учебниками, тетрадями, винтовки, подсумки с патронами противогазы, гранаты, а у меня еще на шее висел телефонный аппарат. И мне еще командир взвода приказывал запевать. Но какие могут быть песни? Мы уже еле тащились. Несколько раз он кричал: «Карпов, запевай!» Я молчал. Ребята уже тыкали меня: «Давай! Давай! Черт с ним». И я запел: «Тост, друзья, я ваш принимаю, тореадор солдату друг и брат...» Куплет все подпевают, и мы бодро шагаем. Все смеются, дружно подхватывают. Закончилась песня. Общий смех. Командир тоже смеется. Но смех перерастает в истерический. Взводный опомнился, остановил взвод и скомандовал: «Смирно!» Дальше мы шли молча, и взводный не заставлял нас петь. На привале в сосновом лесу мы свалились на землю. Дымилась кухня, но никто к ней не шел. Спать, спать. Я помню, как меня подняли, поставили к сосне и приказывали есть. Я открыл глаза — передо мной стоял батальонный комиссар. На танках ехать было хорошо. Сначала ехали на БТ-2, у них перегревались моторы, механики чертыхались, называли их братской могилой для двоих. А мы удивлялись: «Где же наши танки?» Потом было веселее ехать на БТ-4, мы держались за антенны на башне и могли дремать, а то и спать на ходу.

В Красном селе вкопали орудия для обороны, а сами занимались артстрелковой подготовкой. Здесь нас усиленно готовили к выпуску. Шел уже июль. Немцы быстро наступали. Командиров на фронте не хватало. На фронте в первую очередь гибли они. Рубеж Красного села хорош для обороны. Тогда я подумал, вот нас отсюда увезут, придут сюда наши войска, и разгорится человеческое побоище. А где мне придется воевать, я предполагать не мог. Вскоре нас внезапно собрали по тревоге и привезли в Ленинград. Сколько-то дней мы ничего не делали, кроме хозяйственных работ. Однажды нам выдали лейтенантское обмундирование, выстроили на плацу, и начальник училища генерал-майор Броуд зачитал приказ министра от 16.07.41 г. о выпуске из училища и присвоении нам звания лейтенант. Одному, ленинградцу, было присвоено звание младший лейтенант за недисциплинированность. После такого сообщения мы были возбуждены, сердце замирало. Каждый из нас думал: куда попадет? В какую часть? Как будет командовать? Ленинградец Козлов пригласил к себе домой. Впервые мы свободно шли по городу, в магазине купили закуски и вина и отметили выпуск, да так, что у меня утащили чемодан, а в нем все обмундирование, сапоги, мои записи, письма. Жаль было записей. Я остался в том, что было на мне.

Ленинград в то время был растревоженным улем. Многие уезжали. Вокзал был забит народом. Часто объявлялись воздушные трево-

ги, били зенитки. Самолет шел высоко, и мы наблюдали белые облачка разрывов. Город был взбудоражен. Двумя пассажирскими поездами отправляли в Москву выпускников училищ. В нашем купе ехали Козлов, Романов, я и еще кто-то. Романов Иван просил меня заняться с ним артстрелковой подготовкой. Так я с ним и занимался всю дорогу, пока он не усвоил глазомерную подготовку. Ему эта наука давалась очень туго. Я не представлял себе, как он будет командовать. Станцию Бологое мы проезжали днем. Перед станцией наши эшелоны задержали. Причиной была бомбежка станций. Проезжая ее на малой скорости, мы видели развороченные пути, горевшие вагоны и вдали улетающие немецкие бомбардировщики. Оказывается, немцам было известно, когда наши поезда прибывают на станцию. Каким-то образом об этом стало известно и нашим. Так мы доехали до Москвы невредимыми.

Наш поезд остановился перед Москвой. Москва не принимала. Город затемнен. Над городом, как фейерверк, разрывы зенитных снарядов, иногда вспыхивали мощные взрывы, кое-где пожары. Москву в эту ночь бомбили. Это была первая бомбежка столицы.

Шли дни. Мы стояли на месте. Немецкие войска приближались к Дмитрову. Совершенно неожиданно в 20-х числах октября получили приказ погрузиться в эшелоны. Мы работали проворно, думали, что едем на фронт. Но проехали сортировочную, и паровоз почти без остановок повез нас на восток. Командир полка почему-то назначил меня дежурным на паровозе и поставил задачу побыстрее проталкивать эшелон, что я и делал с большим успехом. На восток шла масса эшелонов с беженцами, эвакуированными заводами, рабочими, навстречу воинские эшелоны. На каждой станции я соскакивал с паровоза и бежал к начальнику, там доказывал необходимость быстрого нашего отправления. И добивался. От командира полка получил первую благодарность. Когда мы уезжали из Москвы, в городе была паника, мародерство, грабежи, распространялись панические слухи: тем более, что правительственные учреждения эвакуировались. Но все знали, что Сталин остался в Москве. Власти быстро навели порядок. А нас разгрузили в г. Сарапуле на р. Каме, и полк разместился в д. Сарапулка. Километров 8—9км от города. Когда мы въехали в деревню, среди жителей поднялась паника. Жители никогда не видели такие чудовища, и рев моторов «ворошиловцев» их пугал. Мальчишки, и те приумолкли, увидев наши гаубицы. У деревни в горке вырыли места для землянок, и там разместили красноармейцев, а командиров поставили в дома к жителям — кормить клопов свежей кровью. На

устройство пошло несколько дней. Местность холмистая, степная. Река недалеко. Широкая, красивая Кама текла плавно, ее воды были чистые. Берег крутой, обросший деревьями, а противоположный берег низкий, и на той стороне сплошной лес до самого горизонта, Мы с Иваном Кабичевым разместились в доме, в маленькой каморке, и в первый день нас хозяйка угостила своим обедом. Муж у неё инвалид, а сыну лет 10—11, да собака с густой шерстью. Эта собака мне запомнилась. Когда она спала, то что-то ей снилось и она всегда вздрагивала. Ознакомившись с деревней, мы удивились, что люди жили богато, продукты есть. А вот готовить хорошо они не умели. На следующий день мы пригласили повара, чтобы он сварил борщ и показал, как готовить второе. Жаль было смотреть, как они портили продукты.

16 февраля мы выгрузились в 50 км от передовой Волховского фронта. Шел снег с дождем. Здесь таких, как мы, выгрузилось уже много. Немцы сильно укрепились в Чудово и Мге. В дневнике я записал, что началась интересная жизнь, всюду шум моторов машин, тракторов, движение по фронтовым дорогам. Настроение у всех хорошее. Тыловая голодная жизнь осточертела. Там нас здорово обворовывали тыловики. Во главе с м-ром Бадтушкиным наш полк вошел в 54-ю армию. Против нас 123-я и 94-я дивизии, в составе их есть части «СС» и много солдат-берлинцев. Первое моё фронтовое задание офицер связи со штабом армии. Я впервые попал под обстрел артиллерии, когда шел в штаб полка, усталый, голодный, в валенках в дождь. Снаряды рвались недалеко. Дорога обстреливалась. Одного солдата ранило. В штабе армии офицеры связи частей находились в одной землянке, спать негде, по тулупам у них ползают вши, с потолка течет. Штаб армии непрерывно обстреливают. С обеих сторон работает артиллерия.

Прочитал «Падение Парижа», но не полностью. Свои фотографии и все документы, личные вещи я отправил с разведчиком Мухамедовым в Москву, домой. Он был у меня дома и рассказал, как живут мои родные. В марте мы переподчинились в 8-ю армию, которая готовилась в наступление по расширению прорыва кольца блокады Ленинграда. Я уже был занят своим делом, разведкой, находясь больше всего в первой траншее или на КП полка в 800 м от передовой, который я строил с солдатами. Все было бы хорошо только плохое настроение. Питаться приходилось даже мясом убитой лошади. Я командовал полубатареей на передовой, а Головин второй половиной на КП и очень мучился, получая различные приказы от многочисленных начальников. Я ему сочувствовал, а мы на КП были боль-

ше всего с ПНШ по разведке лейтенантом Оводом и были довольны, что начальство здесь бывало редко. Здесь было опасно, но свободно.

* * *

Наступление началось 19 марта 43 года. Хотя раньше блокада Ленинграда и была прорвана, но это был очень узкий коридор, по которому можно двигаться только ночью, так как он непрерывно был под прицелом немецкой артиллерии. До этого я побывал там, у самой Ладоги, ночь перед наступлением была светлая, лунная. К тому же немцы всю ночь подсвечивали ракетами. Наш ПНП под д. Вороново на первой траншее. Сзади нее мы соорудили блиндаж в три наката. Всю ночь по передовой и нашим тылам бьют минометы, артиллерия. Немцам день наступления известен. Всю ночь по радио шли передачи для немцев, агитировали. Зачем? Без нескольких минут до 8.00 заиграл по радио интернационал, и началась мощная артподготовка. Первыми произвели залп «катюши», и все загудело, завизжало, забухало, зашуршало. Закачалась земля. Разговаривать было трудно, кричали во всю мощь. У нашего НП стояла 45-мм пушка, стреляла прямой наводкой. Три часа стоял сплошной гул. Немецкая тяжелая артиллерия вела обстрел наших позиций. Наш блиндаж содрогался от разрывов снарядов 210-мм калибра. Мимо бежали в тыл раненные солдаты, некоторых тащили в плащ-палатках с отбитыми руками, ногами. В блиндаже невозможно было сидеть. Когда рвались немецкие снаряды, мы глохли, снаряды ложились рядом. Разведчики и связисты сидели с открытыми ртами. Мне приходилось их успокаивать, а самому тоже было страшно, но я не показывал вида. Одно было в мыслях — только бы не покалечило, лучше пусть прямым попаданием.

3.06.43 г. Нас бомбили 31 «Ю-87» и 10 «Мессеров», бросали по одной бомбе с пике, включали сирены, как на полигоне в мирное время. Никто им не мешал. Целей полно. Истребители спускались до 100 м и строчили из пулеметов по живой силе. Я четыре раза стрелял по ним из пистолета, но что он сделает? Отказался, не стал рисковать. Наши самолеты появились с большим опозданием, а немцы улетели. Жертвы есть. Сорваны две головы, кого-то засыпало в легком блиндаже и окопах, кого-то ранило. В соседнем НП, плохо оборудованном, много жертв. А нас пронесло. В отместку ночью наши самолеты бомбили Болхов, Орел, Брянск. Навешали фашистам ламп — красота! Вдали возникли пожары. Командир дивизиона уехал в 10-ю батарею. Она выполняет отдельно какую-то задачу. Я его с нетерпением

жду, потому что пришел командир пехотного полка и занял наш НП. Сами заранее не оборудовали, а чужой занимают. Не ухожу, говорю, что с этого НП у меня засечена 21 цель. Комполка соглашается меня оставить, и мы продолжаем работать, но мне не нравится, что появилось много народа на нашем НП. Они проводят рекогносцировку и демаскируют нас.

5.06.43 г. Под утро на соседнем участке произвела залп «катюша». Там шел бой разведки. Мы с Лешей Чуфыриным выскочили из блиндажа, который я оборудовал в разбитой избе, и бегом на НП. А там над Окой туман. Ничего не видно. В тумане у немцев что-то вспыхнуло и горело. Мои разведчики через некоторое время уже вели наблюдение. Немцы открыли бешеный огонь, снаряды летели куда попало и залетели к нам, в д. Голубочки. Я лег снова спать, но зазвонил телефон 01 (оперативный дежурный штаба бригады), снова спрашивает обстановку. Я возмутился — ведь перед этим докладывал. Я всегда регулярно докладывал обстановку. Должен же я хоть на часок вздремнуть.

7.06.43 г. Сегодня в ночь намечалась разведка боем. Траншеи заполнились до отказа пехотой (штрафниками). Я находился на КП пехоты и ждал, но утром все ушли в тыл. Мероприятие не состоялось. Командир полка (войсковой части 65361) с офицерами ушёл в штаб полка. Узнал, что у них траур. Убит начальник разведки полка, который проверял переправы на р. Оке. Я с ним разговаривал всего часа два назад. Смелый, симпатичный, молодой капитан. Теперь его нет. В эту же ночь один наш солдат глушил рыбу и сам заглох навсегда. Нелепость. Один гибнет при выполнении боевой задачи, другой по своей дури.

Мы с командирами батарей уточняли цели, так как командир 11-й батареи взял цели с фотоснимка, а я — те, что непосредственно засекал сам. В них уверен, они достоверны. Каждый день наблюдаю, надоели до тошноты. Хорошо командирам батарей, они могут уничтожать цели, а я только разведать и нанести на карту, да ежедневно посылать разведсводку.

Мне Леша Чуфырин (начальник штаба дивизиона) сообщил, что Губенко действует отдельно на правом фланге, выполняет роль кочующей батареи, бьет по обнаруженным целям. Он отличился и был представлен к награде. А мы все еще сидим на месте.

Вчера отозвали куда-то всех замполитов. Говорят и всех нас, замов командиров, заберут на пополнение в другие части. Что-то стало скучновато, хотя немцы по-прежнему методически проводят огневые

налеты. Часто до нас снаряды не долетают и падают в заболоченное место и в речушку. Газет нет. Что делается в мире — не знаем. Работы стало меньше. Цели все старые. На совершенно разбитую д. Карагашинку смотреть надоело. Надо черкануть письмецо.

11.06.43 г. В наших траншеях вчера вечером накапливалась наша пехота. Проводится разведка боем. Мы давно не спим, с нетерпением ждем начала артподготовки. Всю ночь каждый думал о чем-то о своем, личном. Над Окой плотный туман. Штрафники бесшумно переправились на другой берег. Пехотное начальство волнуется, волнение передается нам и бойцам. В 4.30 началась артподготовка. Ничего не видно — все в тумане и в дыму. Сплошной грохот. Немцы отвечают слабо. Через 20 минут все замолкло. Время атаки. Началась пулеметно-автоматная трескотня. По телефону передают о первых пленных, взяли восточную Карагашинку, д. Балвановку. 10.00 — туман рассеялся. С обеих сторон работает артиллерия. Наши заняли вторую Карагашинку, Крутогорье, Пальчиково. Когда рассеялся туман, с КП не было ясно: где наши, где немцы. Поэтому, когда на высоте 172,6 появились наши, их приняли за немцев и по ним открыли артиллерийский огонь. Бедная пехота! Кроме противника, она еще получает и от своих. А все из-за того, что не установлены опознавательные сигналы ракетами. Позже выяснилось, что противник в панике бежал.

В 14.00 тридцать пять «Ю-87» прилетали красивым строем бомбить наши б/порядки. Наши истребители опоздали. В течение дня было четыре воздушных боя. Я смотрел за воздушным боем и переживал за летчиков. Сбит наш самолёт «Ла-5». Я видел, как он быстро с бешеным ревом приближался к земле. Видно, летчик был убит. Фрицы стали нас беспощадно обстреливать. Снаряды рвались в траншее, с визгом разлетались осколки, в ушах сплошной грохот, в воздухе густая пыль. КП был плотно набит офицерами-пехотинцами (штаб полка), артиллеристами, минометчиками. Немец пристрелял блиндажи. Мины рвутся в 5 — 15 метрах, нас засыпает песком и пылью. Все перебегают в блиндажи с хорошим перекрытием. Мы с Чуфыриным надеваем каски и продолжаем наблюдать, оставшись и за разведчиков, и за телефониста, которые попрятались в норы (специальные подрытия в траншее в сторону противника). Бой продолжался. Прошло 1,5 часа, снова НП заполнился. Время подходило к закату солнца. Мы все страшно устали. Обросли, исхудали, все в пыли. Комдив предложил отдохнуть в штабе. Чуфырин ушел сдавать штаб капитану Любимцеву. Комдив остался на НП.

Я шел не торопясь, смотря на голубое небо, где, как птички, гонялись друг за другом самолеты. Шел воздушный бой. Я помылся в реке, познакомился с новым начальником штаба, веселым, улыбающимся, располагающим к себе коренастым капитаном. Только заснул — зазвонил телефон. Ком. д-на вызывал меня на НП. Ему не терпелось выбраться из ада. Было уже темно, наблюдать нечего. Пришел и сменил его. Кутаюсь в маскхалат и располагаюсь на земле, под стереотрубой. Через каждые полчаса меня дергают, звонят из штаба бригады, то со штаба дивизиона, дай им обстановку!

Под утро 12 июня я получил приказание представить в штаб бригады наградные листы, полностью описание боя и схему действующих целей. Поэтому я перешел в штаб, хотя не понимал, почему именно я должен все это представлять. Потом понял, что Чуфырин сдал должность и ушел. Любимцев принял в ходе боя и не освоился с новой должностью. Самое тяжелое для меня был переход от НП до штаба, так как бой продолжался и все обстреливалось. Я написал наградной лист на солдата Угрюмова, племянника героя финской войны. Только к рассвету выбрался из штаба. Шла артподготовка. Как и вчера, ревели «катюши». Оказывается, немцы снова заняли Б. Карагашинку, Пальчиково, Болвановку. Наблюдаю за противником. Фрицы открыли огонь по моему НП. Мы с разведчиком Фоминым присели. Бац, еще снаряд рядом, нас завалило землей. Приказал лишним убраться. Еще разрыв в 8 метрах и налет. Нас засыпает землей. Я молча наблюдаю за Фоминым, а сам думаю — это первое боевое крещение моим разведчикам. Привыкнуть к этому тяжело, но я отдался судьбе. Что будет, то и будет, сердце ёкало, но думал, что пронесет. Фомина трясло. Срочно меняю НП. Хорошо виден бой за Болвановку. Откуда-то появился «Ме-110» на небольшой высоте. Наши его срезали. Летчики выпрыгнули и спустились на парашютах. Я снова ушел на старый НП. Наша артиллерия здорово разрушила Болвановку. Идет сильный бой, немцы обстреляли наш НП. Мы сматываемся. По траншее невозможно было пройти. Немец так сильно по ней молотил, что в воздухе, казалось, тысячи осколков. Я на время обосновался с кб-10 Головановым. Он сильно переживал, так как НП у него был плохо оборудован. Я посоветовал делать как у меня. Согласился, так как на себе почувствовал свой недосмотр.

Через 30 минут вызвали в штаб дивизиона, где сидел начальник разведки бригады м-р Шеремет Иван Афанасьевич (киевлянин). Он направил меня в штаб дивизии. Там нас было несколько человек. Нам

поручили проверить один из полков 37 лабр. Нам с Сорокиным достался гвардейский Сталинградский полк. Ребята в нем отчаянные, но беспорядка много. После проверки пришли на доклад к командиру дивизии — высокому, интересному генерал-майору. Мы его видели впервые, но уже кое-что о нем знали.Говорили ,что он был атташе в США или в Англии. Он со всеми поздоровался за руку, был очень внимателен и придирчив к докладам офицеров. Был такой случай: докладывал л-т Розенберг и вместо слова беспорядок он часто употреблял «бардак». Я наблюдал, как генерал с каждым словом все больше краснел, потом не выдержал, оборвал его: «Вы молодой человек не знаете, что говорите, в бардаке порядок, а здесь беспорядок». Мой доклад был краток и прошел без замечаний. Генерал выслушал всех, попрощался за руку, приказал всех накормить. Мы были голодными, так как в полку нас даже не покормили. Он уезжал, оставив о себе хорошее впечатление. Это был генерал Волкенштейн Сергей Сергеевич. Изложив свой доклад на бумаге, я вернулся на огневые позиции дивизиона. Прошел дождь, на машине не добраться до НП. Здесь я узнал, что Чуфырин пока остался в бригаде, что погибли м-р Богданов (ком. д-на) и начальник особого отдела Кашинков. А характеристику на Чуфырина Крюченков написал ужасную, бессмысленную, отрицательную. Какая нечестность! С этих пор я не мог быть с ним откровенным.

4-й день идет бой, день и ночь гремит артиллерия. Сильная артиллерийская дуэль. Я возвращаюсь пешком на НП (10 км) на высоту 202.5.

13.07.43 г. Позднее утро. Иду на НП. Ночевал с Крюченковым в штабе. Он в разведку не пускает. Думаю, что с ним лучше поговорить по телефону. На ПНП даю задание Угрюмову и Иванову идти в разведку под д. Хмелевую. Сам лег немного отдохнуть, т. к. ночью почти не спал. В 11.00 звоню капитану, прошусь в пехоту. Он разрешает. С кем идти? Одному нельзя. Снимаю с наблюдения Фаблова. На переправе все то же скопление танков, артиллерии и автомашин, много красноармейцев. Я весь день переживал за этот участок. Неужели нельзя отрегулировать движение частей по времени, чтобы не создавать пробки? На небольшом клочке земли было сосредоточено много войск. Погода летная, и самолеты противника могли бы наделать много бед. Быстро проходим траншеи, минные поля, мимо подбитых обгорелых танков в д. Толкачево. Впереди высота, под высотой небольшой лесок, там наша рота. Я связался с командиром. Он мне быстро рассказал обстановку. Иду дальше вдоль линии фронта,

Фаблов следует по пятам. Вот и пехота, Немцы перешли в контратаку и потеснили наших. Позже я узнал: здесь с пехотой отходили наши разведчики, Угрюмов и Иванов. Бой идет рядом. Наша артиллерия производит огневой налет по контратакующим. Пехота пошла в атаку, мы с нею. Переступая через убитых немцев, входим на немецкие огневые позиции — разбитые ящики, валяются снаряды, мертвые тела. Орудия увезены. В офицерском блиндаже — журналы с фотографиями голых женщин, открытки, книги, письма, пустые бутылки, постельные принадлежности и всякая рухлядь. Да, неплохо устраиваются немецкие офицеры на войне, не то, что мы. Воюют с комфортом. Я отобрал нужное и снова с командиром роты опять изучаю траншеи, проволочные заграждения, минные поля, устройства блиндажей. Под д. Пальчиково я снова встретился с человеком, который преподавал нам математику в 3-й спец. арт. школе. Сидел в траншее один, заросший, грязный изучал парабеллум. Подумал: отсиживается и не ведет разведку или отстал от командира роты. Я ему ничего не сказал, но у меня появилось к нему какое-то отвращение. Трус. Он же нас учил!

А мы с Фабловым опять играли со смертью, но благополучно вернулись к себе на НП, и я доложил обстановку начальнику разведки бригады м-ру Шеремету и своему командиру. Там в траншее, где был наш учитель, встретил и капитана Голованова с разведчиками и связью. Он сидел в углу траншеи и дальше не выдвигался. В этот раз мы с Фабловым прошагали по передовым и тылам не менее 20 км, вернулись 21.00. Шеремет обрадовался моим сведениям.

15.07.43 г. Наши войска продвигаются вперед, освобождая деревни. Танки ворвались в Болхов и вернулись обратно. Авиация непрерывно бомбит и обстреливает немцев, нанося им ощутимые потери. Все преимущество на нашей стороне. Получили приказ на перемещение. Было выбрано место для нового НП дивизиона огневые позиции юго-восточнее д. Железница. Совершенно неожиданно встретился со ст. лейтенантом Быстровым. Мы учились вместе в училище. Он тоже выбирал НП, Хотелось поговорить побольше, но у обоих времени не было. Надо на новом месте организовать разведку, связаться с пехотой. Вечером в штабе писал наградные листы на солдата Иванова, ефрейтора Замотаева и трех телефонистов. Капитан Крюченков написал наградной лист на меня. Мои разведчики говорят, что я достоин большего, но мы воюем не за ордена. Да, я достал карту минных полей под Болховом и участвовал с пехотой в рукопашной за захват третьей траншеи, убил немецкого офицера, взял у него карту. В том бою меня спас мл. л-т Николай Каламбет.

16.07.43 г. Бои идут днем и ночью. Наша пехота снова атаковала укрепленные р-ны, освободили Крутогорье, Артемовку и еще несколько деревень. Я со своими разведчиками иду за пехотой, держу связь с командиром роты. Меня вызвал начальник разведки дивизии м-р Шумилихин, приказал следовать вдоль фронта наступающих войск и по радио сообщать обстановку, точно передний край наших и немцев. Задача была трудная, так как шло наше наступление, надо было успеть сориентироваться и по кодированной карте передать в штаб, в то же время следить за полетами снарядов и мин, вовремя дать команду «ложись!», чтобы никого не ранило, не убило, укрыться в глубоких немецких траншеях от бомбежки и не подставлять себя пулям. Сплошной грохот от взрывов снарядов, мин, бомб, вой самолетных моторов, стрельба орудий прямой наводки и танков, крики атакующих и мгновенная тишина в рукопашной. Все сливалось в единый грозный рев. И в этой каше мы, песчинки, должны выжить.

20.07.43 г. Наступающие части ушли далеко на запад. Наш дивизион вел огонь по г. Болхову. Город в полукольце. Немцы подтянули свежие силы. Вчера читал секретный приказ — сделать Орловской группировке второй Сталинград. Штат бригады сократился. Дивизион — на старых позициях в ожидании приказа на выполнение новых задач. Комдив приказал мне пойти в штаб бригады и сопроводить назначенного в дивизион нового фельдшера. Погода стояла прекрасная. В штабе бригады меня всегда встречали доброжелательно; начальник разведки бригады майор Шеремет не упускал возможности поговорить о разведке и поставить новые задачи. А меня у штабника ждала молодая,красивая, в ладно сшитой военной форме и синей беретке небольшого роста военфельдшер. Улыбаясь, она представилась мне: «Тамара Кириченко». Мы шли по лесной дороге, я нес ее небольшой чемоданчик. Всю дорогу она не умолкала, откровенно меня рассматривая. Я краснел, смущался. И уж совсем был ошарашен, когда на подходе к оврагу, где в землянке размещался наш штаб, она сказала: «Вы мне очень нравитесь, товарищ старший лейтенант».

У нас не было женщин в дивизионе, и появление ее не оставило равнодушными офицеров и солдат. Она себя чувствовала уверенно, зная, что покоряет мужские и юношеские сердца.

Впоследствии, когда за ней было всеобщее ухаживание, я её сторонился. Раньше она была в другом дивизионе, и почему комбриг перевел ее к нам, не понятно. У нас был хороший военфельдшер мужчина.

18 июля, выполняя приказ Шеремета, я был в Алтуфьеве, осматривал немецкую оборону. Немцы зарывались хорошо, траншеи глубокие, полного профиля, блиндажи глубоко зарыты в землю, накаты (бревно) толстые и многослойные. Вся оборона в густо заросшей траве, так что за 2 метра траншеи не видны. Это была 2-я линия обороны. Всюду слышен характерный немецкий запах. Алтуфьево все в садах. Облазив всю оборону, я дал команду солдатам отдохнуть и поесть ягод и фруктов, сам вдоволь поел вместе с ними яблок, вишни, смородины. Давно такого не пробовали. Взяли с собой моркови, наварили картошки. Возвращались обратно вечером, солнце быстро уходило за горизонт. Со мной было пять человек. Все что-нибудь несли трофейное. Я всегда разрешал брать трофеи в немецких окопах, блиндажах. Решили пройти до переправы самым коротким путем, но неожиданно путь наш стал длинным и опасным. Вылезли из полуразрушенных немецких траншей на поле, прошли проволочные заграждения и попали на минное поле. Тут и днем трудно пройти, а уже надвигались сумерки. В оставшийся промежуток времени между днем и ночью нужно было выйти с минного поля к р. Оке. Сначала я приказал идти впереди начальнику связи дивизиона Завадскому, но он прямо сказал: «Я боюсь» .Больше поручить некому, и я пошел первым сам. Мины справа! Мина под ногами! Осторожно мина справа! Не задеть проволоку! Идти шаг в шаг! Завадский тут же подхватил мою команду, и она передавалась по цепочке.

Я шел к оврагу, и когда мы пошли по кромке его, здесь мин не было, мы благополучно миновали минное поле перед немецкой траншеей. Перед нами берег р. Оки, густо заросший осокой. Наступила темная ночь, ничего не видно. У всех тревожно бились сердца. Переход через минное поле казался невероятно долгим. Берег был рядом. Никто не двигался с места, все стояли. Я спросил, что будем делать? Завадский предложил ночевать здесь. Но ведь немцы недалеко, и кто их знает, что они думают. Ночью они могут снова выйти на этот берег. Мы же на самом правом фланге наших войск. Все молчали, надо решать. Многие связисты впервые пошли со мной. Ну, как. ребята, будем ночевать? — спросил я спокойным голосом. Я не имел права волноваться, хотя в голове крутились всякие мысли. Я радовался, что вывел невредимыми всех к реке. «Нет» ответили все с какой-то злобой в голосе. «Ведите нас в часть». — говорили злорадно невыдержанные. Все ждали моего решения. Я ощутил полную ответственность, жизнь этих людей полностью зависела от меня. Я делаю шаг вперед и командую: «за мной по одному».

Я пошел. Что будет со мной — не важно. Надо вывести людей, до берега было неизвестно сколько метров. Некоторые советовали идти по дороге. Но там могут быть мины. Я шагнул в траву, все пошли за мной. Мы на берегу. Вздохнули. Расположились отдыхать. Бойцы задымили махоркой. Над нами пролетали наши самолеты. Небо звездное. К счастью, мы оказались вблизи от пехотной переправы, мост был где-то далеко справа. Переправа состояла из досок, скрепленных гвоздями. Я должен переправляться последним. Спрашиваю: «Кто пойдет первым?» Вызвался мой разведчик Угрюмов. За ним быстро перебегали по доскам остальные. Один из связистов, который больше всех набрал трофеев, не удержался и плюхнулся в 0ку. Раздался дружный хохот. Река была неширокая, выплыл. Я последним перебежал речку по доскам, и мы очутились в овраге на своем берегу. Здесь наткнулись на освобожденных жителей. Они много порассказали, как им жилось при немцах. Одним хорошо, другие сопротивлялись. Девчатам в основном неплохо. Поэтому они от нас сразу отошли и со стороны смотрели как-то странно, испуганно. Пленных очень много, их ведут по дорогам в тыл. Женщины рассказали, что очень много наших в плену работают у немцев в обозах, на машинах, есть даже артиллеристы. Не верится. Наши войска освободили Мценск, пересекли дорогу Болхов-Орел.

Я долго рассматривал карту при свечке, с трудом определил место, где мы находимся, после короткого привала, уже под утро, привел свою команду в расположение части. В бригаде говорили, что мы пропали, погибли и многое другое. Комбриг, как положено, обругал меня и в то же время был доволен. Задание Шеремета было выполнено.

На Воронежском фронте

I8.08.43 г. Уже 5 суток мы с пехотой сидим под Ахтыркой. Никакого продвижения. А газеты давно сообщили, что Ахтырка освобождена — поспешили, и это может стоить многим жизни. Немецкая артиллерия беспрерывно бьет по нашим позициям, ревут «ишаки», трещат пулеметы и автоматы. Изредка им отвечают наши. Наступление на город приостановлено из-за того, что одна немецкая дивизия вклинилась на фланге нашей 5-й армии, и основные силы перебросили на левый фланг на ликвидацию прорыва. А вчера немцы активизировались на правом фланге. Командование бросило часть сил туда, а наш участок оголен. Настроение плохое, чувствую какое-то одиночество. В бригаде не осталось друзей. Все радости и печали делю со своими

разведчиками. На днях у меня произошел большой конфликт с начальством по поводу питания. Пищу на НП доставляют невкусную, несытную, а сами сидят за 7 км от передовой (от них справа передовая в 3-х км) и жарят, парят для себя. Ежедневно у них мясное или трофейные консервы, яйца. Обидно и то, что достал три трофейные машины, а приходится ходить пешком, когда вызывают в штаб. А кокетку-фельдшерицу возят на легковушке.

Вчера хотел встретиться с Василием Губенко, но он уезжал на левый фланг.

Узнал, что Чуфырин под Грайвороновом наводкой из 152-мм ГП расстрелял немецкую колонну. Они ехали на первом тракторе (Леша Чуфырин — командир дивизиона, Вересьянов у него командир батареи), расчет орудия ехал на втором. Орудия только выехали на высотку, а тут под горой немецкая большая колонна. Медлить нельзя. Развернули орудие и втроем с водителем прямой наводкой начали расстреливать автомашины, танки. Леша встал на ящик со снарядами и корректировал огонь. В колонне были и танки. Ударили по второму, потом по хвостовому, застопорили на дороге, а съезда не было и потом колотили. В это же время на горку подкатывали другие орудия, одна «катюша». Поработали хорошо. Все это я видел своими глазами, когда возвращался с разведки. Сашке Барданову не повезло. Под Ахтыркой выбрал НП на крыше дома (видимость плохая) и корректировал огонь батареи. В дом попал немецкий снаряд во время сильного огневого налета. Его и Сергиенко сшибло с крыши. Сашку тяжело ранило, может быть, отнимут ногу. О Сергиенко мне ничего не известно. Вчера читал в газете о боевых действиях Губенко, Чуфырина и Сергиенко.

Вчера был в штабе дивизиона, поговорить не с кем. НШ Любимцев пьет со старшиной водку. О чем с ними говорить? Перед глазами впечатляющая картина разгрома немецкой колонны. Хочется перейти в 39-ю бригаду, в дивизион Губенко, командиром батареи. У него теперь нет командира батареи. Начальником разведки быть надоело. Видишь цели, а поразить их не можешь, только фиксируешь и наносишь на карту. Был бы комбатом, сразу стрелял бы и видел результаты своей работы. Сам все время рискуешь жизнью, а стрелять нечем. Обидно.

Сегодня чудесное утро. Умывшись и перекусив, встал к стереотрубке. Солнце греет в спину и хорошо освещает всю панораму под Ахтыркой. Красиво. День будет жаркий и спокойный. Тишина. Это меня насторожило. Мои разведчики попритихли. Вчера мы ужинали у сво-

их окопов на травке при луне, пели песни. Власовцы нас материли и пускали мины. Мы умолкали, они прекращали стрелять. Как запоем они открывали огонь. Так и не дали нам допеть. Когда возвращаясь со штаба, я увидел, как наша артиллерия покидала огневые позиции. Странно. Пехоты почти нет, артиллерия ушла, наши 203-миллиметровые здесь не прикроют. На правом фланге всю ночь трещали пулеметы, била артиллерия, стреляли минометы. Создавалось впечатление, что немцы там готовят контрудар.

Посмотрел на часы 10 00. Замечаю поднятую пыль в городе, в районе церкви. Разведчики подтверждают. Пыль быстро разрасталась. Догадался: немцы сосредотачивают силы. Но что там? Похоже, танки. Докладываю командиру дивизиона. Он приезжает на НП. Все командиры батарей подтверждают — танки. Я по радио докладываю в штаб бригады комбригу. Действительно, немцы начали наступление. После короткой артподготовки из города вышли танки противника, бронетранспортеры с пехотой, налетели самолеты «Ю-87» и началось... Наступление немцев шло слева за небольшой речушкой, где стоял 3-й дивизион. Смотрю, танки подтягиваются, их 55 штук, есть «тигры». Докладываю командиру дивизиона. Капитан Крюченков медлит, чувствуется его нерешительность. Я не выдерживаю, матерюсь, кричу комбатам, чтобы вели огонь по танкам, ведь здесь больше нет артиллерии. По радио докладываю лично комбригу Реутову. Наконец-то Крюченков очнулся, дивизион дает залп. Наблюдаем взрывы стокилограммовых снарядов, огромные столбы. «Бей, бей их!» Тревога ушла. Начался азарт боя. Огонь ведет только один наш дивизион. Стреляют хорошо. Стало ясно, комбаты медлили, боясь попасть по нашим войскам. Тоже мне, артиллеристы. Где танки противника, русских уже нет. На комбатов я здорово накричал. Помогло. Но они не обижались. После я думал, а почему они меня слушались, ведь здесь был командир дивизиона, который (кстати) не возражал ни одному моему слову

Но танки прошли дальше на юго-восток. Очевидно, хотят отрезать нашу южную группировку. Командир дивизиона приказал НП оттянуть на 1,5 км, так как мы оказались в глубоком мешке. Если немцы бросятся на Б. Писаревку, то мы окажемся в окружении. Связи с командиром бригады нет. Комбриг Реутов сам приехал на наши огневые позиции и приказал свертываться. Утром по ОП 10-й батареи был произведен огневой налет, убита фельдшер Тамара Кириченко, ранено два солдата. Комдив под предлогом посмотреть на фельдшерицу уехал, не отдав никаких распоряжений, комбаты тоже уехали,

орудия ушли в район Б. Писаревки. Остался я со своими разведчиками и связистами. Я забрался на большую копну сена и смотрю на поле боя. Все горит, гудит, в воздухе сотни чужих самолетов и ни одного нашего. Обидно. А немецкие самолеты все пикируют и пикируют. Одна партия отбомбилась, ушла, за ней приходит другая. Пока та на подходе, эта партия делает холостые заходы и расстреливает все живое из пулеметов и пушек. «Мессера» носятся как сумасшедшие над всем полем боя, на бреющем полете. Один из «мессеров» заметил нас и летит прямо на нас. У меня только браунинг, и я стреляю. Самолет очень близко, вижу летчика. Он дает очередь. Оба промахнулись. Я понимал, что пистолет не оружие против самолета. Стрелял для успокоения души. Мои солдатики укрылись под копной, и никто не стрелял. Я их понимаю. Никто, кроме моих старых разведчиков, в таких переделках не был. Я их подбадриваю. Смотрю на поле по полю бредут, уходят солдаты, офицеры. На одной высотке сошлись артиллеристы без средств связи, приборов. Отходить приказа не было. Вот они и не уходят, ждут своей участи, так же, как и мы, не получая никаких распоряжений.

Начальство занято своим делом, забыло о подчиненных. Отходить нельзя, но и оставаться не было смысла. По бугру, где стояли офицеры с солдатами, немцы дают огневой налет. Все укрылись, но не знаю, живы ли. Это от меня метров 500. Я продолжаю наблюдать за танками противника, они входят в деревню, а там огневые позиции 3-го дивизиона и 92-й бригады. Оба дивизиона попали в окружение. Наш выбрался. Идут жестокие бои. Оказывается, на направлении атаки противника только тяжелая артиллерия, нет противотанковой. Кто такое сотворил в штабе армии? Красноармейцам, оставшимся со мной, приказал не растрачивать патроны, беречь. Можем и мы попасть в окружение. Нервы у нас напряжены, я пытаюсь петь, смеяться, развлекать их, но все напрасно. Взгляд наталкивается на их серьезные недоверчивые глаза, и я умолкаю, снова и снова следя за обстановкой на поле боя. Комдив мне поручил собрать связь, связисты работали. Было странно выполнять работу начальника связи, а он где-то улепетывает. Из бригады мы здесь остались одни. Зачем? Что нам делать? Какая задача? Много вопросов... Ясно, что мы без всякой нужды подставляли свои головы под пули и снаряды. На случай окружения высматривал пути, где можно ночью выйти к своим.

Неожиданно в воздухе появились 4 наших истребителя и быстро разогнали две стаи «Ю-87», потом пришли наши «илы», и в воздухе началась карусель. Завязывались воздушные бои. Теперь уж «лапти»

Ю-87 приходили на бомбежку осторожно, неуверенно, и одна партия свои бомбы сбросила не долетая до цели, увидев наших «ястребков». Красноармейцы повеселели. Гашичев и Фомин влезли ко мне на копну и любовались «военным театром». От воздушных боев весь воздух гудел. Мы смотрели и переживали. Отбомбив, наши «илы» после штурмовки уходили «домой», а тут подскочил «мессер», зашел в хвост последнему и спокойно его расстрелял, потом - загорелся второй. Летчики выпрыгнули на чужую территорию. Что с ними будет? Странно, что штурмовики прилетают без прикрытия. Стало тоскливо. Вокруг нас уже никого. Солнце перевалило давно за полдень. Здесь остались только мы. Обещанной машины до сих пор нет. Нас забыли. Пехота самостоятельно отошла, удивительно, что немцы здесь не наступают, фронт открыт. Нехорошие мысли приходят в голову. Потом их прерываешь. У меня же бойцы, их надо поддерживать и принимать решение. Скажешь им что-то смешное, уже смеются, начнешь петь подхватывают и становятся веселыми. А про себя я думал, если нас отрежут, то пойдем в партизаны. Но для нас все обошлось благополучно, никого в этот день не убило и не ранило. Обещанная комдивом машина пришла, когда день был на исходе, и утомленное жаркое красное солнце, как будто облитое кровью погибших и раненых в этот день, уходило за горизонт. Тяжелое, усталое, недовольное земными делами.

Немцы далеко врезались в боевые порядки наших войск, расширяя прорыв. С фланга они жали прямо на нас, но продвинуться им здесь не удалось. Когда мы ехали в дивизион в Б. Писаревку, на наших глазах прямо с ходу развертывалось большое количество артиллерии (122-мм гаубицы). Гаубицы стояли чуть ли не впритык друг к другу, батарея за батареей, дивизион за дивизионом. Тяжелую артиллерию всю оттянули на 10 км. На все это было радостно смотреть. Но где они были раньше? Наверное, выполняли другие задачи. На дороге нас встретил командир дивизиона, посадил на свою «Эмку», и мы с ним вернулись на НП и осмотрели бывшее место огневых позиций и штаба дивизиона. Когда мы с ним возвращались в Б. Писаревку, нам на встречу двигались большие колонны войск. Шла целая армия на наше место. Откуда набралось столько сил? Нами охватила гордость. Значит, снова будем наступать. Теперь уж немецкую группировку отрежут. (Позже узнал, что это шли дивизии 4-й ударной армии по вызову маршала Жукова). На следующий день мы заняли снова старые боевые порядки. Наш КП дивизиона мною был выбран на возвышенности, и утром мы увидели командира 27-й армии и подъехавшего на «Виллисе» маршала Г.К. Жукова. Они находились в 20 метрах от нашего наблюдательного пункта. Маршал выслушал доклад командира и отдал приказ немедленно наступать, указав на карте направление и задачу. Все мы, командиры, красноармейцы, видели, что они стоят во весь рост у траншей, идет бой в воздухе и на земле. В это же время вели сбитого немецкого асса, у которого на груди ордена (кресты) Германии. Мы все были воодушевлены. Через час, после огневого налета, мы уже наступали до самого Днепра.

1.06 45 г. Мирная жизнь в лагерях проходит однообразно. Учеба идет в полным ходом. Занятия проводятся добросовестно с рядовыми и солдатами, а офицеры заниматься не хотят, но постепенно втягиваются. Началась переаттестация ком, дивизиона. Фомин всю эту работу свалил на меня. Недавно состоялось собрание всего офицерского состава дивизии, на котором с большим докладом о пройденном пути и всех операциях, в которых участвовала дивизия, выступил командир дивизии Герой Советского Союза генерал-майор артелерии Волкенштейн Сергей Сергеевич.

Дивизия с боями прошла 7000 км, израсходовала 1323000 снарядов, уничтожила 51000 немецких солдат и офицеров, наша 17-я артиллерийская Киевско-Житомирская ордена Ленина краснознаменная, ордена Суворова дивизия прорыва резерва Верховного командования была сформирована в самые трудные дни по приказу Верховного главнокомандующего в 1942 г. на Волховском фронте. Она обеспечила своим огнем тридцать прорывов обороны противника. На знаменах бригад и полков дивизии 39 правительственных наград. 26 раз за мужество, героизм и отвагу всему личному составу дивизии объявлена благодарность в приказах Верховного Главнокомандующего. Коротко их перечислю:

за окончательную ликвидацию июльского наступления пр-ка в р-нах г. Орла, севернее Белгорода: за освобождение городов Киев, Житомир, Коростень, Казатин, Нзяслов, Шумск, Ямполь, Острополь, Проскуров (Хмельницкий), Тарнополь, Горохов, Порицк, Разехов, Броды Золочаев, Буск, Каменка, Вислица, Львов, Шидлув, Стопница, Хмелик, Буско-Здруй, Вислица, Краков, Глейвиц, Хжанув, Сосновец, Бензив, Домбров, Гурне. Мысловице, Катовице, Семеяновец, Кулевска, Гура, Михолув, Беутен. За овладение городами Лигниц, Штойнау, Любен, Гайнау, Ноймаркт, Кант, Нейшрешель, Нейзальц, Фрейштаден, Шпротау, Гольдбер, Яцер, Ширингау, Грюнберг, Заимерфельд, Зарау, Оппельн, Ратибор, Бискау, Котбус, Люббен, Цоссен, Белиц, Лукенвельде, Трейенбрицен, Цана, Мариенфельде, Шреббин,

Рангердорф, Додердорф, Тельтов, Эссен, Кирхайн, Фалькенберг, Мюльберг, Пульениц, Виттенберг. За окружение и ликвидации группировок нем, войск восточнее Берлина. За овладение Дрезденом и освобождение Праги.

Нашему комдиву присвоили звание Героя Советского Союза. Генерал Волькенштейн С.С. этого заслужил и достоин. Мы были рады за него. Доклад выслушали с большим вниманием. На этом совещании я встретил всех своих друзей, уже служивших в разных частях, а начали мы службу в 41-м году в 233-м д-не БМ РВГК, затем в 1016-м ГАП БМ РГК. Особенно теплая встреча была с первым моим командиром батареи Василием Губенко.

Июль 2003 г.

В подготовке настоящих воспоминаний оказал помощь ***Дрюков Андрей Анатольевич***, студент 3-го курса Московского государственного строительного университета

Катасонов Сергей Васильевич

ПРИШЛОСЬ СЕСТЬ ЗА РЫЧАГИ УПРАВЛЕНИЯ

Родился 6 августа 1921 года в селе Козлово Епифанского района Тульской области. Русский, православный, член Коммунистической партии Советского Союза с 1942 по 1991 год, член ВЛКСМ и ОСОАВИАХИМ с 1936 по 1940 год.

В1940 году окончил Епифанскую среднюю школу. В сентябре 1941 года досрочно окончил Ульяновское танковое училище в воинском звании лейтенант. В 1946 году окончил Военную академию бронетанковых и механизированных войск имени И.В. Сталина, в1952 году — Военно-дипломатическую академию.

22 июня 1941 года, будучи курсантом военного училища, узнал о начале Великой Отечественной войны. В октябре 1941 года был направлен в г. Горький для получения боевой материальной части — танков и формирования подразделений в качестве командира танкового взвода 174-го танкового батальона (командир батальона капитан Березин) 80-й танковой бригады (командир бригады полковник Задорожный П.П., начальник штаба бригады подполковник Смахтин П.А., комиссар бригады — Токсар).

В ноябре 1941 года 80-я танковая бригада была направлена на Западный фронт, в декабре 1941 года вступила в бой с противником в районе г. Чернь Тульской области. Во взаимодействии с пехотными соединениями наступление велось на г. Мценск Орловской области.

Ожесточенные бои с закрепившимся на берегу реки Зуша противником были в январе 1942 года в районе населенных пунктов Миново и Шахово, а также на левом берегу реки Ока в районе Княжеские дворики, Распопово, что в направлении г. Болхов.

Зима 1941-1942 годов была суровой: температура воздуха в ночное время достигала –42° по Цельсию, что составляло рекордную отметку за последнее столетие. Снежный покров 60-80 см а в низменных и лощинистых местах достигавший 100-120 см — сковывал и даже ограничивал маневр танков. Пехота с трудом по глубокому снегу продвигалась за наступающими танками.

Противник на направлении нашего главного удара — населенных пунктов Миново и Шахово создал заграждение в виде сплошного политого водой снежного забора высотою в 1,5 -2 метра. Была создана скользкая ледяная преграда. Подошедшие к препятствию танки были вынуждены остановиться, расстреливались из орудий и танков противника, из укрытий населенных пунктов. В результате ожесточенного боя бригада вместе с пехотой была вынуждена прекратить наступление. Таким образом, атака захлебнулась.

Вспоминается бой, один из многих. Это было в феврале 1942 года. Танковое подразделение 80-й танковой бригады на рассвете начало атаку укрепленного немцами пункта в деревне Шахово (Тульская область).

Как обычно, атака началась после артиллерийской подготовки. Экипаж танка, в котором находился я, вырвался вперед и вплотную подошел к переднему краю обороны немцев. Через смотровое отверстие танка осколком был убит механик водитель Осмаковский. Пришлось самому сесть за рычаги управления машины.

Вскоре в 250 — 300 метрах от переднего края обороны немцев наш танк был подбит снарядом. Мы были вынуждены вести огонь по противнику из танка с места.

Примерно в 15 часов танковая атака «захлебнулась», бригада отошла в исходное положение, в 1,5—2 км от нас. Мы оказались в нейтральной зоне.

Командир бригады генерал-майор танковых войск т. Задорожный П.П. передал мне по рации: «Держись, поможем!» От сотрясения, которое произошло в результате разрыва минометного снаряда, отказалась работать рация. Без связи вместе с заряжающим Жуковым мы отстреливались до 22 часов.

Промерзли до костей (температура была около – 40). Жуков попросил разрешения выйти из танка, чтобы пробраться к своим за помощью. Поцеловал меня холодными губами, выпрыгнул из танка, но тут же был смертельно сражен огнем автоматчиков. Обнаглевшие немцы увидев это (а ночь была светлее белого дня, очевидно, 16 февраля всегда бывает полнолуние), начали наседать на танк. Я отстреливался из пулемета, бросал через люк гранаты «лимонки». Долго один немец непонятным страшным голосом кричал, лежа перед танком в снегу. Я его ранил в живот. А когда он затих, мне одному сделалась совсем страшно. От холода и страха вначале трудно стало шевелить пальцами, потом перестали сгибаться руки в локтях, а ноги — в коленях. Почему-то казалось, что находишься в жарко натопленной комнате, хотелось спать, — таково ощущение замерзающего человека.

Только в 2 часа ночи три наших танка под командованием моего друга Григория Кныша подошли мне на помощь. Немцы с испугу открыли беспорядочный пулеметно-минометный огонь. Прикрывшись двумя танками, Гриша подцепил мой танк на буксир. Цепляя танк, он спросил: «Сережа, ты жив?». Я пропищал не от злости, а от радости: «Что же ты, негодный, так долго не приезжал?» Он пробасил: «Занят был, заправлял танки горючим и боеприпасами, не до тебя было».

Отбуксировали меня в танке в лес, потом вытащили из танка, начали в землянке раздевагь, в это время из нагрудного кармана выпала «лимонка», которая страшно напугала врача Торопову Надю. Граната была припасена «на всякий случай», чтобы не попасть живым к немцам. Растерли антифризом (смешанный спирт), и я ожил.

Командир бригады попросил комиссара т. Мананикова И.В. представить наш экипаж к награде.

Утром похоронили Осмаковского и Жукова в мелко вырытую могилу в деревне Распопово. А в 13 часов этого же дня на танке раненного лейтенанта Бориса Торбана мы вместе с другом Гришей Кнышем вновь повели танковое подразделение в атаку.

80-я танковая бригада была переброшена в направлении г. Болхова. В этом наступлении бригаде пришлось с боями форсировать реку Оку. Следует отметить, что обрывистые берега и недостаточная толщина льда создали дополнительные трудности. Пришлось в местах форсирования проделывать более пологие спуски, а по льду класть поперечные настилы из длинных толстых бревен. Во время боя погиб командир 173-го танкового батальона майор Баев В.Н. (он уже имел в то время орден Ленина).

На указанных участках боевых действий я был командиром танкового взвода, ранен в левую руку, награжден орденом Красной Звез-

ды № 48366, который вручил мне представитель командования фронта (фамилии, к сожалению, не помню).

В части, где я служил, всем памятен двухдневный бой, когда мы сражались за Родину, не жалея ни сил, ни здоровья, ни самой жизни.

Бой начался на заре. Танки двинулись в атаку. Одним из них командовал я. Мы повели свои танки туда, где засели фашистские пулеметчики, и заставили замолчать немцев. Группа фашистов пыталась спастись бегством, но мы открыли по ним пулеметный огонь, 30 гитлеровцев остались лежать на поле боя. Когда наш танк попал в полосу вражеского обстрела, один из снарядов ударил по машине. Механик-водитель, сраженный осколками, выпустил из рук рычаги управления. Его место занял я. Осколком второго снаряда ранило меня, но я не оставил занимаемого мной места.

В течение двух дней я участвовал в 8 сражениях, и каждый раз мы выходили победителями. В последних атаках отбили 4 контратаки врага, уничтожили пушку, 12 пулеметных точек, 2 ДЗОТ"а, истребили около роты гитлеровских солдат и офицеров.

В мае 1942 г. 80-я танковая бригада уже в составе Брянского фронта дислоцировалась в районе населенного пункта Синковец, что в 15 км от г. Верховье Орловской области. Бригада имела боевую задачу в случае наступления противника в направлении города Ельца вступить в бой и остановить противника.

8 июня 1942 года произошел встречный бой в районе села Коротыш, что в 8 км западнее г. Ливны. В этом бою мне довелось командовать танковой ротой 174-го танкового батальона 80-й танковой бригады. Встречный танковый бой проходил на открытой местности: поле, покрытое зеленой рожью высотою более 1 метра. Наступающие танки противника в развернутом строю двигались на нас по ржаному полю. Нам были видны только танковые башни противника, что сильно мешало нам вести прицельный огонь по противнику, а его пехоты почти совсем не было видно.

В этом бою были убиты командиры танковых рот 174-го танкового батальона старшие лейтенанты Крючков Константин и Иванов В. Также погиб командир 174-го танкового батальона 80-й танковой бригады капитан Березин.

Противник был остановлен. Я получил ранения в левую ногу. Мне было присвоено звание старший лейтенант, я был награжден орденом Отечественной войны II степени № 13233, назначен командиром танковой роты. С середины июня до середины июля этого года я находился на излечении в эвакогоспитале в г. Мичуринске.

Наступила кампания так называемых августовских боев на Западном фронте с форсированием реки Вазуза в направлении г. Сычевка Смоленской области. Во время этого наступления в звании капитана я командовал 174-м танковым батальоном. Боевые наступательные действия проходили в лесисто-болотистой местности. Это затрудняло использование танков на полную боевую мощь. По труднопроходимой местности приходилось строить настилы, что затрудняло осуществление маневра.

29 ноября 1942 года я был тяжело ранен: перебита бедренная кость правой ноги. С ноября 1942 г. по май 1943 г. находился на излечении в эвакогоспитале № 2896, расположенном в г. Орехово-Зуево Владимирской области. За боевые действия был награжден орденом Красного Знамени № 37022, который был вручен в мае 1943 г. в Кремле заместителем председателя Президиума Верховного Совета СССР тов. Куусиненом Отто Вильгельмовичем.

В сентябре — ноябре 1944 года принимал участие в боевых действиях на территории Литовской Советской Социалистической республики в составе 1-го Прибалтийского фронта под командованием генерала армии Баграмяна Ивана Христофоровича в должности заместителя командира 39-го отдельного гвардейского танкового полка. Фактически исполнял должность командира полка. 39-й гвардейский танковый полк во взаимодействии с общевойсковыми (стрелковыми) дивизиями овладевал городами Паневежис, Шяуляй и действовал в направлении морского порта Клайпеда. Указанное направление представляет собой равнинную местность с небольшими населенными пунктами в виде благоустроенных, с садами, хуторков, что позволяло осуществлять широкий маневр танкам. Поэтому танковый полк вел успешные наступательные действия, практически не неся потерь.

В ноябре 1944 года я был отозван в Москву на учебу в Военную академию бронетанковых и механизированных войск им. И.В. Сталина.

Теперь хочу рассказать немного о своих родственниках.

Единственный мой родной брат Катасонов Дмитрий Васильевич 1923 года рождения погиб в боях с немецкими захватчиками в районе г. Калач (Сталинградское направление) в сентябре 1942 года. Катасонов Д. В. в мае 1942 года окончил Краснодарское минометное училище в звании младший лейтенант, был направлен в действующую армию на должность командира батареи 82-миллиметровых минометов. Он был убит в тяжелых оборонительных боях. Похоронное известие родителями было получено. Последний адрес моего брата с фронта: действующая Красная Армия, полевая почта ст. 1576, п/я 101/5.

Мой отец по возрасту в войне не участвовал. Из моих дальних родственников (двоюродные братья, сестры и дяди) многие погибли в боях за Родину в Великой Отечественной войне. Нет возможности и необходимости перечислять их в моих воспоминаниях.

Мне присвоено воинское звание полковник (приказ Министра обороны СССР № 0390 от 22.03.60 г. Вус № 1002).

24 июня 1945 года принимал участие в Параде Победы на Красной площади в составе сводного полка Военной академии БТ и МВ им. И.В. Сталина. Имею удостоверение № 1425 участника Парада Победы, выданное организацией «Союз», подписанное председателем В. Приваловым.

Кроме того, 9 мая 2000 года принимал участие в Параде Победы, посвященном 55-летию окончания войны, на Красной площади г. Москвы в составе ветеранов войны Южного административного округа г. Москвы (Красногвардейский район г. Москвы). Имею удостоверение, подписанное мэром г. Москвы Ю. М. Лужковым.

В послевоенный период с 1946 по 1948 год командовал 174-м танковым полком 34-й механизированной дивизии в Одесском военном округе.

С 1948 по 1976 год находился в распоряжении Главного Разведывательного Управления Генерального штаба Вооруженных Сил СССР. Неоднократно выезжал по линии Главного Разведывательного Управления (ГРУ) в длительные зарубежные командировки. За успешное выполнение заданий командования я награжден:

— орденом Красной Звезды № 3467621;

орденом Красной Звезды № 3603631;

— орденом Отечественной войны I степени № 484956;

— кроме этого, я имею 25 медалей, в том числе медаль «За боевые заслуги».

31 октября 1976 года был уволен из рядов Вооруженных сил приказом министра обороны СССР № 0935 от 8.10.1976 г. по статье Б9 и «б» с правом ношения военной формы одежды.

С октября 1976 года по настоящий день работаю начальником отдела Главного Управления по иностранному туризму СССР. В настоящее время моя должность — ведущий инженер интурсистемы в г. Москва. За успешную работу в Интуристе неоднократно отмечался и поощрялся.

После ухода из Вооруженных сил СССР как ветеран Вооруженных сил и участник Великой Отечественной войны веду активную воспитательно-пропагандистскую работу с молодежью нашей страны.

Являюсь:

ветераном военной разведки ГРУ ГШ ВС (удостоверение № 55, выданное 29.12.94 г.);

ветераном военной службы (№ 710213, выданное военным комиссариатом ОВК Царицынского района ЮАО г. Москвы);

— членом Всесоюзного общества «Знание» (членский билет № 0105417, выданный 4 сентября 1987 года Перовской районной организацией) и др.

За указанный период неоднократно отмечался командованием ВС РФ (вооруженных сил Российской Федерации) и комитетом ветеранов войны СССР грамотами:

— за безупречную службу в Вооруженных силах Союза СССР (октябрь 1976 г., подписана зам. Министра обороны СССР, генералом армии В. Куликовым);

— за активное участие в работе по героико-патриотическому воспитанию молодежи (6 мая 1980 год, подписана председателем советского комитета ветеранов войны дважды героем СССР, генералом армии П. Батовым и ответственным секретарем, Героем СССР А. Маресьевым);

— за активное участие в военно-патриотической работе (15. 01. 83 г., подписана председателем совета ветеранов 20-го танкового звенигородского корпуса (ТЗК) полковником Ю.И. Мазаевым);

— адресом в связи с моим 80-летием от Главного Разведывательного Управления Генерального Штаба Вооруженных сил Российской Федерации (6 августа 2001 год, подписан начальником 4-го управления ГРУ ГШ ВС генерал-лейтенантом С. Сарыкиным)

Теперь, убеленные сединой, мы, оставшиеся в живых, собираемся иногда, вспоминаем прошлое, друзей.

Мы говорим: «Пусть это больше никогда не повторится!».

Июль 2003 г.

В подготовке настоящих воспоминаний оказал помощь ***Шиман Виктория Николаевна***, студентка 1-го курса Московского авиационного института

Корочкин Иван Иванович

ПЕРВАЯ ПУЛЯ ПОПАЛА В ЦЕНТР КОЗЫРЬКА

Я родился в деревне Холмино Темкинского района Смоленской области в 1923 году. Русский, атеист.

С 1925 года проживаю в Москве. До войны окончил неполную среднюю школу и в 16 лет пошел работать на завод «Серп и Молот» слесарем-инструментальщиком (с 1939г. по 1941г.).

Мне было 17,5 лет, когда началась война. Что же мы, подростки, делали? Паники от авианалетов не было. Мы самостоятельно дежурили на крыше четырех домов для тушения зажигательных бомб, но на наши дома они не падали. Также дежурили на заводе, охраняя его объекты.

В августе 1941 года от одного рабочего на заводе я узнал, что он поступил в аэроклуб, где срок обучения 2 месяца, а затем 4 месяца в летной школе. Я последовал его примеру, очень хотелось стать летчиком.

На комиссию пришло много народу, но я прошел все испытания, чтобы попасть в эту школу. Нам объявили: ждите повестки.

Но вот наступил октябрь. Аэроклуб закрыли, завод прекратил работать, наши документы сожгли в мартеновских печах, а меня призвали в армию.

При формировании нас отправили в Йошкар-Олу, в 35-й запасной артиллерийский полк. Возник вопрос: по какой специальности

идти на фронт? Я пытался попасть в развед-взвод, но меня записали связистом.

В запасном полку тренировался по этой специальности и с первой ротой (в основном добровольцы) был направлен на фронт (без материальной части).

Демократы описывают этот период времени в черных красках, пытаются искажать истину, касающуюся кар и репрессий.

Возьмем для примера Москву. В Москве было введено осадное положение. Наш эшелон стоял на окружной Московской дороге около 10 дней. Я спокойно, днем, не таясь, дошел до своего дома, повидал родных и вернулся назад. Совершил это дважды, и никого из спецчасти не видел. А были ли случаи дезертирства красноармейцев — были, но это были единицы.

Наш эшелон был направлен под Ленинград, и мы двигались уже по освобожденной дороге (Москва — Ленинград). Эшелон остановился около станции Мал. Вишера, недалеко проходила линия обороны, которая начиналась от Ладожского озера и доходила до Новгорода (Волховский фронт). На этой линии обороны стояли: 54-я армия, 4-я армия, 59-я армия, 2-я ударная армия (Мясной Бор). Этот поселок оправдал свое название. Там шли кровопролитные сражения, погибло много наших.

Около Новгорода стояла 52-я армия. В январе 1942 года войска Волховского фронта под командованием К.А. Мерецкова начали наступление под Ленинградом. Наибольшего успеха в нем добилась 2-я ударная армия.

2-я ударная армия захватила плацдарм в районе Мясного Бора около 12 км и устремилась навстречу 54-й армии Ленинградского фронта, которая находилась на линии Волховского фронта. Эта армия была отделена от блокадного Ленинграда порядочным расстоянием. Цель у 2-й ударной армии — соединиться с 54-й армией Ленинградского фронта, оторвать «кусок» территории, занятой фашистами.

Такая встреча должна была состояться в районе г. Любань, однако этого не произошло. Командовал 2-й ударной Соколов, а с 10 января принял командование Крыков, а затем его сменил Власов. Линия фронта тянулась до 40 км в форме кувшина. Наша маршевая рота вошла в этот «кувшин» и попала в 46-й стрелковый полк 111-й стрелковой дивизии, которая временно находилась в резерве, так как не получила материальную часть (пушки).

Но это было не долго. Пришли представители полка, построили нас в одну шеренгу и стали отбирать для себя красногвардейцев.

Первый предложил пополнить ряды разведки. Желающих не нашлось. Вторая специальность автоматчики. Я вышел со своим товарищем первый, за нами вышло человек десять. Третья специальность, которая была предложена артиллеристы. Здесь желающих было много. И даже нас (автоматчиков) покинуло десять человек, в результате нас осталось двое.

Артиллеристов взяли всего человек семь, отсеявшиеся попытались примкнуть к нам, но взяли представители только нас двоих, а оставшиеся были направлены в пехотные части. И так вот нас двоих записали в автоматную роту полка. Нам вручили ручной пулемет, а я стал вторым номером.

Полк занимал место в лесной части. Обстрел был методический в течение суток. Были раненые, убитые. В основном рота делала вылазки там, где были прорывы или вклинивание немцев в нашу оборону. Большой бой был с группой немцев, которые вклинились в расположение штаба полка. Мы контратакой выбили их с этой территории. Эти обстрелы были методические. Я особенно не уклонялся от взрыва, но иногда приходилось обязательно ложиться, так как рядом падал снаряд и засыпал снегом или землей.

В один из таких дней при обстреле (когда все, кто был рядом со мной, попрятались) от третьего или четвертого снаряда маленький осколок угодил мне в коленный сустав. С этим ранением я обратился в санвзвод, увидел, что ранка маленькая, заживет, а к вечеру был сбор на задание.

По дороге испытывал сильнейшую боль. На следующий день опять дальний поход на задание. Я обратился к ведущему со своей проблемой. Он оставил меня в лагере, нога ныла, не давала ни сидеть, ни стоять. Я вновь обратился в санчасть, сняли бинты, а под ними — распухший сустав. На ватнике я нашел входное отверстие, а сбоку, в ватных брюках, нащупал этот осколок. Осколок угодил в колено под прямым углом, ударился о кость, рикошетом ушел навылет и застрял в брюках. Только после этого я нащупал выходное отверстие.

В санчасти мне выписали историю ранения и направили в санбат своим ходом. При выходе из леса на открытое поле меня обогнали два связиста. На расстоянии 3-5 метров от меня они легли и поползли, по ним открыли огонь. Я последовал их примеру, и меня тоже обстреляли. Ползешь, не стреляют, стоит подняться на четвереньки, опять начинают стрелять.

Когда я прополз метров 80 из леса, по моему «следу» выехала деревенская повозка и попыталась преодолеть этот участок (200 м).

Повозка низкая, а лошадь монгольской породы. Они смогли доехать только до меня. Лошадь ранили, а люди на повозке погибли.

Я преодолел этот участок и добрался до санбата, который спешно эвакуировался. Вторая ударная армия вскоре оказалась в окружении, а я в эвакогоспитале № 2762. 20 марта перерезали коммуникацию у Мясного Бора. 30 мая 1942 года проход у Мясного Бора был закрыт. Около недели танкисты держали оборону, а части выходили из окружения. Вышла из окружения и моя дивизия — 111-я.

Лечился от первого ранения в городе Бологое. В основном ранбольные были из 2-й ударной армии.

В один прекрасный день нас посетила комиссия для формирования роты автоматчиков (99 человек). В строю нас было около 300 человек, бывшие больные. Была агитация по формированию роты автоматчиков. По команде «Кто желает сейчас пойти на фронт добровольно» из строя вышло 49 человек (в их числе и я). Команду повторили, вышло еще 26 человек. Были отказы, но была какая-нибудь причина, набрали 99 человек, никого не принуждали. Я лично попал в свою дивизию и полк, который после окружения стал гвардейским. Мы еще не успели получить оружие (автоматы), попали под второй отбор — это полковая разведка.

Вопрос «Кто согласен быть разведчиком полка?» прозвучал только один раз. Из роты вышло 10 человек, в их числе и я.

Стоянка разведчиков находилась в 800 метрах от передовой. На эту передовую мы выходили ежедневно. Это была нейтральная полоса, окопов там не было, а были места для наблюдения. Наша задача — выявление огневых точек противника. Одно основное место находилось в большой воронке. Меня дважды обстреливали из малого миномета. По мне выпустили около 10 мин, но ни одна из них не оставила после себя воронки. После этого обстрела я уже не садился на край окопа на место наблюдения.

Ходили группой за «языком» (впереди четверо сильных — забросать место гранатами, за ним слабее — окружают место, двое последних — обходят). Принесли «языка», а он по дороге скончался.

В один прекрасный день мы с товарищем возвращались с нейтральной полосы и опять попали под обстрел, уже из тяжелых орудий. Повторилось то же самое. Я пострадал от третьего снаряда, хотя мой напарник за это время уже был в блиндаже.

Снаряд упал сзади меня в двух шагах. Снаряд был фугасный, а под нами было болотистое место. Спасло меня от смерти только то, что снаряд ушел глубоко в грунт, образовав при этом воронку диаметром около двух метров. Сила и мощь ушла на рытье воронки. От этого снаряда четыре осколка глубоко вошли в левую часть спины и маленький — в руку. Эти осколки по сегодняшний день ношу в своем теле.

Товарищи по взводу проводили меня в госпиталь. Нашли автомашину (дорога была ужасно плохая). При первичной обработке большой осколок пытались достать, разрезав рану на восемьдесят сантиметров. Но он глубоко зашел. Меня в городе Бологое одного подсадили в спецпоезд, который направлялся в глубокий тыл (на Оби г. Ишим). Таких поездов не показывали в кино. В поезде расширены проходы из вагона в вагон. Койки расположены в два ряда по окнам или подвесные на пружинах. Мой организм оказался крепким. Осколки не стали вынимать (оставили на память), и через два месяца после ранения меня выписали.

В дальнейшем моя служба сложилась так: курсы младших лейтенантов, курсы по повышению, заместитель командира взвода в учебном полку, резерв Сибирского военного округа и отправка на Западный фронт.

Вернусь к теме, затронутой выше. Будучи мл. лейтенантом и попав в Москву, я навестил своих родных перед отправкой на фронт в эшелоне (без бойцов). Я пришел, а эшелон с комсоставом уехал. Обратился в военную комендатуру. Правда комендант ругался, но предложил мне догнать эшелон на пассажирском поезде на такой-то остановке. Что я и сделал. Поезд снизил скорость, но на этой остановке не остановился, и мне пришлось прыгать на ходу.

После распределения я попал в 707-й строевой полк командиром первого взвода в роте. Почему я об этом говорю? Меня часто по неизвестным причинам вызывали отчитываться за роту. Мы стояли в запасе, но вот нас вывели на передовую. Соседний взвод оказался на возвышенности, а для моего взвода — низина с водой. Пришлось присыпать эту землю с водой, а окоп оказался чуть ниже пояса.

С наступлением рассвета началась артподготовка. Первый снаряд упал в наш окоп. Три солдата погибли, меня же ранило. Хотя меня товарищи приглашали в более глубокую траншею, я ответил, что буду со своими солдатами в этой траншее.

С ранением я попал в армейский госпиталь. Со мною лежали на нарах многие из командного состава штурмового батальона. Несколько раз были попытки взять господствующую высоту. Эту высоту взял штурмовой батальон одной атакой.

Кто они были? Это командный состав, который побывал в плену. Их вина со связью немецких войск не доказана, но временно их отстранили от командования. До первого ранения или какого-то подвига. С ними был только командир батальона, а их было около 600 человек

Меня выписали из госпитали и отправили в 331-ю дивизию 1106-го стр. полка командиром 1-го взвода.

Во взводе должно быть три пулемета, а их было четыре. Из каждого пулемета должны выпустить на «ветер» 500 патронов. Значит, они должны и снарядить ленту в 500 патронов (это был конец февраля).

Я всю ночь был на ногах с перерывом 15-20 мин. В нашем примитивном окопе было снега по колено, а погода чередовалась: то снег, то дождь. В блиндаже, где я находился, можно было только сидеть. Вдобавок, с потолка капало, а внизу вода, хотя и было покрыто хворостом, но у порога была глубина в 15 см, шинель намокла основательно, ее можно было выжимать, и когда начинался мороз, она становилась глыбой льда

За всю службу в пулеметном взводе в своей траншее я встретил дважды заместителя командира полка с адъютантом. Я его попросил заменить шинель на шубу. На следующий день мне принесли шубу, но и ее я промочил насквозь (когда я был отстранен, сушил ее на огне трое суток).

Только на правом фланге были хорошие житейские условия, имелась даже печь. Этим пулеметчиком, который там жил, дорожили, т.к. на счету у него 240 убитых фашистов. У него даже был извлекатель гильз. И мне пришлось дважды брать у него это приспособление для пулеметов, у которых при стрельбе гильза разрывалась пополам, и полгильзы оставалось в патроне. Этот извлекатель вставлялся в патронник и вытаскивал оборванную гильзу.

Расстояние между пулеметами порядочное. Если встать между ними, то не видно этих пулеметов, а только голое поле. Почему нужно выпускать 500 патронов за ночь? Создать видимость, что на этом участке есть люди и они стреляют.

Случилось, что боец одного из расчетов исчез в неизвестном направлении. По телефону, который спарен со всеми телефонами, до

комдивизии происходил телефонный разговор. Я слышал эти разговоры, но не было разговора меня наказать. Но приказали, чтобы я искал пропавшего бойца. Три дня я его искал в тылу. Не нашел.

Меня направили после этого на наблюдательный пункт. Там пробыл около одной недели. И вновь мне дали стрелковый взвод. Я еще плохо освоился с бойцами своего взвода. Поступил новый приказ: батальон отводится на отдых, а меня направляют на новое задание.

В штабе мне вручили ракетницу с красными ракетами. Какое же было задание? Мне объяснили, что на участке, где оборону держит полк, нет достаточного количества войск для защиты этого участка, а противник что-то замышляет. Если я замечу, что противник пытается потеснить нашу оборону с атакой, то я выпускаю две красные ракеты, и вся артиллерия этого района открывает огонь по этому месту.

В этом качестве я находился в течение недели. Огонь на поражение не открывали. Этот наблюдательный пункт находился в распоряжении взвода штрафников. Их было 28 человек во главе с комвзводом лейтенантом. Никто их не охранял. Первый штрафник очень гремел своей шинелью по краю окопа, но службу нес. Шинель моя тоже гремела в окопе пулеметного взвода это от дождя и мороза.

В этом взводе установилась уголовная дисциплина. «Бригада» наводила дисциплину тем, что нерадивого берут и выбрасывают на бруствер, а провинившемуся нужно скорее спуститься обратно в окоп.

Прямо на бруствере через 10 метров лежали тяжелые пулеметы, а их шесть и все разных марок заряженные, без «прислуги». Этих штрафников никто не охранял.

Через неделю меня отозвали, и я вернулся в свой взвод. С этого момента началась подготовка к наступлению. Подходили новые части пехоты и артиллерии. Это было начало марта.

5 марта была артподготовка и была попытка взять первый окоп. Но эта попытка не увенчалась успехом. На следующий день меня вызвали для руководства на первом этапе этой операции. Разведчики отвоевывали в окопе противника пятачок, и мне дали задачу провести наши войска на этот участок уже днем.

В дальнейшем из тыла в сторону атаки подойдут три полка, и вместе с танкистами продолжат путь в глубину обороны противника. Я знал, что в меня будут стрелять и справа, и слева. Только быстрое продвижение даст шанс достичь этого пятачка. На вопрос, кто поведет моих бойцов, отвечали, что если я это сделаю, то будет уже хорошо. В течение этого периода по мне было выпущено много очередей из автомата. Фонтанчики от пуль на снегу поднимались вокруг. Я знал, что только быстрое продвижение спасет меня от пуль. Передохнул только тогда, когда достиг этого пятачка. За мною двигалась целая вереница бойцов.

Три танка (тяжелых) еще на «нашей» территории были обстреляны из орудий. Первый танк был подбит, когда он поднялся на бугор. Второй тоже подбили около передовой. Третий подорвался. И мне пришлось поднимать из окопа всех бойцов с возгласом: «За Родину, народ!» Я поднял всех, а бойцов было более ста человек, и если в первые минуты я был первый, то потом бойцы держались кучно.

За этот призыв в меня метились. Первая пуля попала в центр козырька, и внутри от входного до выходного отверстия было 15-16 см. Голову пуля сильно обожгла, но крови не было. Вторая пуля обожгла шею с правой стороны. Пробита была полевая сумка и шинель.

Я был вооружен двумя автоматами (своим и немецким), и была полная сумка патронов. И что удивительно, увидел в цепи своего бойца из пулеметного взвода, который бросил позицию. Он тоже на ходу стрелял, потом винтовку повесил на шею и в таком виде шел в атаку.

Мы двигались быстро, с нами находился еще танк. На последней линии немецких войск танк был подбит. Танкисты своего раненного товарища вынесли на руках. Взяли в плен около 16 человек, было убито 10 человек в блиндаже, но валялось еще много немецких касок.

Мы с лейтенантом пошли обследовать траншею с левой стороны. Метров за двести я шел первым, он вторым, а в окопе — наоборот. Вдоль траншеи была выпущена пуля, которая попала в стенку окопа перед самым лицом лейтенанта.

Возвратились в исходное положение, нам доложили, что появился немецкий танк. Пока мы достигли правого фланга, танк зашел в низину, и его стали закапывать землей.

Потом нас стала обстреливать и немецкая, и наша артиллерия. Мы, комсостав, собрались вместе, нас было пять человек. Из нашей роты я остался один. Командир 3-го взвода ушел с пленными солдатами в тыл. Нужно было что-то решать.

Кто-то из нас должен был вернуться назад и доложить обстановку. Желающих не нашлось. Пошел я. Справа эту же траншею занимают немцы. На полпути попал под обстрел, и осколок угодил с левой стороны в челюсть, далее прошел под языком. Если бы вышел оско-

локе выше, отрубил бы язык, если ниже — разорвал бы горло и ткань под челюстью, разбил челюсть справа и повредил наружную сонную артерию. Это было 6 марта, а одиннадцатого начались сильные кровотечения. Из меня вышла почти вся кровь. Врач мне сказала потом, что я был на 99% трупом.

Наша группа далеко продвинулась вперед, возвращаясь на исходное положение (пятачок). По этому окопу был нанесен сильнейший артиллерийский удар. Были убитые и раненые. У немцев была цель вернуть окопы назад и «захлопнуть» группу, с которой я был.

После госпиталя пригласили в особый отдел в Москве, где мне вручили орден Красного Знамени. Я вышел из кабинета уже лейтенантом. О награде пришло письмо из части, где просили адрес моего нового пребывания, чтобы вручить мне эту награду.

Июль 2003 г.

В подготовке настоящих воспоминаний оказал помощь ***Минаев Роман Владимирович***, студент 4-го курса Московского государствнного строительного университета

Крутских Дмитрий Андреевич

ПРИКАЗ: КОМАНДИРАМ НЕ СПАТЬ, СОЛДАТАМ СПАТЬ ПОСМЕННО...

Я родился 7 ноября 1919 года в селе Беляево Усманского района Воронежской (ныне Липецкой) области. Русский. Родители мои крестьяне — колхозники с 1930 г. Вероисповедание — православный. Был членом КПСС до 1.01.1990 года. В настоящее время, ни в каких партиях не состою. До войны окончил 4 класса сельской школы (1926-1931 гг.), 7 классов фабрично-заводской школы города Усмань, Коммунистический политико-просветительный техникум (1935-1937 гг., ж.-д. станция Анна Воронежской области). В 1937 г. добровольно вступил в РККА и окончил Ленинградское военно-инженерное училище (1937-1939 гг.). Воинское звание лейтенант получил в июле 1939 г.

Службу начал командиром взвода 16-го отдельного саперного батальона 54-й стрелковой дивизии г. Кандалакша. В 1949 г. окончил Военную академию им. Фрунзе, в 1959 г. Академию Генерального штаба, в 1969 г. — высшие академические курсы при Академии Генштаба

Участник трех войн: Советско-Финляндской (1939-1940 гг.), Великой Отечественной войны (1941-1945 гг.) и Советско-Японской (1945 г.). В войнах получил 8 ранений и контузию головы.

О начале Великой Отечественной войны узнал 22 июня 1941 года из выступления В.М. Молотова по радио, будучи в отпуске в г. Кис-

ловодске, в звании лейтенант и в должности помощника командира 16-го осб 54-й СД по технической части. С 24 июня 1941 г. вступил в должность командира 1-го отдельного батальона обслуживания станции снабжения 7-й армии ЛенВО в г. Кемь. В боевые действия вступил непосредственно с 27 июня 1941г. Боевой путь проходил под г. Петрозаводском и Андронова гора — Ругозеро (1941 г., июль-август); ж.-д. Лоухи (ноябрь 1941 г.); Алакуртти (1942 г.), в Петрозаводско-Свирьской (1942-1944 гг.), Петсамо-Киркенесской операциях и в освобождении северо-восточных районов Норвегии; в боях на реке Висла — г. Грудзянц, г. Ноенбург (1944 г. март-апрель); захват трех тоннелей и г. Гирина в Маньчжурии 19 августа 1945 г. и других военных объектов — гидростанции на реке Сунгари, военных складов, пленение японских войск в Маньчжурии.

В войсках на фронтах занимал должности командира взвода, командира батальона, помощника начальника 6-го отд. РО КФ по разведке и диверсионным действиям в тылу противника, пом. начальника штаба инженерных войск Карельского и 1-го Дальневосточного фронтов по разведке, командир авиационного отряда по захвату г. Гирин (Маньчжурия), пом. начальника оперативного отдела инж. войск Приморского Военного округа (1945-1946 гг.).

Боевые действия закончил на Дальнем Востоке в сентябре 1945 г. в воинском звании подполковник под командованием генерал-полковника А.Ф. Хренова — начальника инженерных войск 1-го Дальневосточного фронта. Домой вернулся в 1946 г., в июне месяце. Поездом ехали 15 суток. На ж.-д. станциях нас везде встречали люди с возгласами: «Спасибо, дорогие, за Победу! Здоровья и счастья вам, долгих лет жизни». Участвовал в боях в Финляндии и Норвегии, Прибалтике, Польше, Германии, Маньчжурии.

Воинские звания получил: лейтенанта (1939г.) — по окончании военного училища, старший лейтенант — подполковник 1941-1944 гг., полковник — в 1953 г., генерал-майор — 1962 г., генерал-лейтенант — 1972 г., генерал-полковник — 1978 г.

В войсках на фронтах занимал должности командира взвода 16 осб; командир 1-го разведотряда 16-го осб 54 СД 9 армии в Финскую войну на Ребольско-Куйваниемском направлении, пом. командира 16-го осб по технической части, и.о. командира 16 осб 1940-1941 г.; июнь 1941-1945 гг. командир 1-го отдельного батальона обслуживания станции снабжения (1 обосс) 7-й армии г. Кемь (Карелия); помощник начальника отделения РО КФ по разведке и диверсионным действиям в

тылу противника, пом. начальника штаба инженерных войск КФ по разведке 1942-1944 гг.

В апреле 1944-1945 гг. выполнял спецзадания командования на 2-м ПрибВО, 3-м и 2-м Белорусских фронтах. Апрель-сентябрь 1945 г.: пом. начальника штаба по разведке 1-го ДВФ, командир воздушно-десантного отряда по захвату г. Гирин (Маньчжурия). После войны: в 1945-1946 гг. пом. начальника оперативного отдела штаба инж. войск Приморского ВО; 1949-1953 гг. — старший офицер Оперативного Управления Северного, Беломорского ВО; 1953-1957 гг. — начальник штаба 67-й сд (116-й СД) 6-й армии Северного ВО (г. Мурманск); командир 69-й Севской СД, 1959-1967 гг. (г. Вологда, ЛенВО); первый зам. командующего 18-й армии (ТуркВО) (1967-1969 гг.); зам. командующего ПрибВО по боевой подготовке (1969-1970 гг.); старший группы советских военных специалистов в РВС Республики Куба (1969-1974 гг.); заместитель начальника штаба ГО РСФСР (1975-1987 гг.).

В сентябре 1987 г. по возрасту и выслуге лет уволен в отставку. Участник ликвидации последствий аварии на ЧАЭС в 1986-1987 гг. на территории РСФСР. Инвалид войны II группы. Избирался делегатом 22 и 23 съездов КПСС.

Женат. Брак зарегистрирован в г. Ленинграде 9 мая 1940 г. Жена Крутских Екатерина Ивановна (девичья — Власенко) 1920 г.р. 23 декабря, украинка, из Воронежской области. Окончила Ленинградский КомВУЗ им. Крупской. В 1942 г. добровольно ушла на Карельский фронт, затем с апреля 1945 г. убыла на 1-й Дальневосточный фронт. Инвалид 2 группы. Награждена орденом Отечественной войны II ст., медалями «За Оборону Советского Заполярья», «За победу над Японией» и другими медалями. Имеем двух сыновей и дочь, четырех внуков.

Сын Сергей, 1946 г.р., окончил пехотное военное училище им. Кирова в Ленинграде и Академию им. Фрунзе, служил в Заполярье, в ГДР, командовал мотострелковым полком и был начальником штаба мотострелковой дивизии в г. Майкопе (СКВО), полковник в отставке. Сын Владимир, 1967 г.р., окончил Московское общевойсковое училище и Академию им. Фрунзе. Служил в войсках в ГДР и ряде военных округов. Подполковник запаса. Оба сына работают. Дочь Мария, 1952 г.р., окончила Алма-Атинский Университет. Работает.

Имею награды правительства: орден Кутузова II степени, «Орден Почета», три ордена Красного Знамени, два ордена Трудового Красного Знамени, два ордена Отечественная война I степени, орден Красной Звезды, медаль «За боевые заслуги», ордена «Че Гевара» и «Со-

лидарность» Кубы. Всего 41 орден и медаль Советского Союза и иностранных государств.

После увольнения из Вооруженных Сил работаю в общественно-политических, ветеранских организациях по военно-патриотическому воспитанию молодого поколения, укреплению связей с Вооруженными Силами, ветеранами войн и иностранными ветеранскими обществами. Участвую в издании произведений о Великой Отечественной войне и истории России. Издана книга моих воспоминаний «Память» (издательство Московского Государственного Университета леса, 2001 г., тираж 500 экз., 420 стр.); «Слава тебе, Карельский фронт» (издательство «Карелия», 2000г., тираж 1800 экз.). Написаны и опубликованы статьи в газетах и журналах: «Красная звезда», «Ветеран», МЧС РФ «От МПВО к гражданской защите» (Геополитика, 2001 г.), в двух книгах о 200-летии Суворовского похода в Швейцарии и др. Мои боевые действия в Отечественную войну и войну на Дальнем Востоке отразили: маршал Советского Союза К.А. Мерецков в своей книге «На службе народу» (Политиздат, 1968 г., стр. 402), генерал-полковник инж. войск А.Ф. Хренов «Мосты к победе» (Воениздат,1982 г., 1-я типография, стр. 318-319, 336-337, 343-344); маршал Советского союза М.В. Захаров «Финал» (Наука, 1969 г., стр.312-314), Л.Н. Внотченко «Победа на Дальнем Востоке» (Воениздат МО СССР, 1966 г., стр. 240-241).

На долю моего поколения выпала тяжелая ноша войны. Я ее испытал молодым лейтенантом, комвзводом.

Советско-Финляндская война началась в 8.30 30 ноября 1939 года, и в первый день войска 9-й армии продвинулись на 4-5 км. 14-я армия Заполярья за 8-10 суток выполнила задачи, овладела полуостровами Рабочий и Средний, г. Петсамо, изолировала Финляндию от Баренцева моря и продолжала наступать. Войска 9-й армии на Кандалакшском, Ухтинском и Ребольском направлениях в условиях бездорожья и суровой зимы за первую неделю продвинулись на 35-45 км, а 8-я армия к середине декабря углубилась на 75-80 км. Войска были разобщены, вели боевые действия на разобщенных направлениях. Комсостав плохо знал местность. Войска 14-й, 9-й и 8-й армий вынуждены были перейти к обороне, а некоторые части и соединения (54,44,163-й СД) попали в окружение и вели тяжелые бои с большими потерями. Меньшие потери были в войсках нашей 54-й СД, в которой я воевал. Хотя дела здесь были тоже сложными.

В 10.00 29 ноября 1939 г. на совещании комсостава комбат Кукин объявил о готовности к переходу государственной границы, но со

строгим требованием — до сведения солдат этого пока не доводить. Не был ясен способ перехода, направление движения, время перехода в районы и все прочее. Ответом было: «Получите указания. Командирам не спать, солдатам спать посменно 1/3 состава». Когда все ушли из палатки, комбат меня познакомил с находившимися здесь пограничниками 73-го погранотряда (командир — майор Новиков). Отдал мне приказ перейти с ними госграницу в районе 661-го погранзнака, проделать проходы в минных полях финнов, уничтожить врага в хуторах и следовать с пограничниками до хутора Хиликко №3, где занять оборону и ждать нашу роту мл. лейтенанта Третьякова. Ночью на 30 ноября наш отряд бесшумно на лыжах подошел к границе. Мы считали, что госграница - стена, забор или сплошная линия проволочных заграждений с собаками и прожекторами. Все оказалось проще. Мы подошли к широкой просеке, где уже были войска, мы перешли госграницу и завязали бой за населенный пункт Хиликко №1, затем Хиликко №2, где встретили упорное сопротивление.

Это был мой первый настоящий бой: свистели роем пули, впервые увидели автоматы, лыжи и одежду финских солдат и другое. Мороз стоял крепкий. Этот первый бой для нас, и особенно для меня — комвзвода, на всю жизнь оставил неизгладимое впечатление. Первый раз я испытал большой страх и неприятную дрожь — боялся, что убьют. Для меня, участника трех войн, имеющего опыт разных боев, теперь можно сделать вывод: не существует ни храбрых, ни трусливых солдат и офицеров, а есть люди, умеющие в какой-то степени владеть собой и личной ответственностью за своих товарищей. Солдаты видели меня в строю как я стрелял, водил их в атаки, ел и спал вместе с ними, прорывали оборону врага, взрывали доты и дзоты, разминировали рубежи, и потом постоянно ходили в разведку ночью и днем. Однажды финны шли по широкой поляне и лесом под огнем своей артиллерии силой до батальона с двух направлений на фронте до 500 метров, преодолев нашу дальнюю зону заграждений, подошли к переднему краю в 75-100 м. Здесь они встретили наше сильное сопротивление и понесли большие потери. После нашей контратаки 1-го разведотряда и первой саперной роты они были отброшены и под покровом ночи отошли. Документы убитых и карты были доставлены в штаб. В этом бою в 1-м разведотряде проявил храбрость и отвагу пулеметчик Николай Коншин — он разрядил по врагу двенадцать магазинов из РПД, был ранен и не отступил; Андрей Хлучин — мужественно сражался и, будучи ранен в обе ноги, не покинул боя;

Павел Рочев из самозарядной винтовки АВС, умело маневрируя в траншее по фронту, на моих глазах буквально скосил целое отделение финнов, перелезавших через проволочный забор. В этом бою я уничтожил финского офицера и несколько других целей.

В контратаке я был ранен шрапнелью в левый бок и колено, вершиной упавшей ели получил удар по позвоночнику и потерял сознание. Санитары доставили меня в санлазарет. Лечил нас умный профессиональный врач 3 ранга Ситников, он в присутствии зам. комбата Воскресенского и секретаря партбюро Рыжкова извлек шрапнель и сказал: «Разведчик, ты счастливый, шрапнель береги на память». Я долго ее хранил, пока дети ее куда-то не «захоронили». Врач Ситников неоднократно ходил с нами в разведку, как он мне говорил, испытать на себе «прелести войны» и решить вопрос, как же эвакуировать из боя раненых при таком морозе. Мы потом, по образцу финнов, сделали «финские лодочки» и эвакуировали бойцов. Война шла, и в начале марта мы почувствовали какую-то тишину, реже стали стрелять орудия и минометы.

В ночь на 12 марта 1940 г. разведку отменили, а вечером заговорила наша артиллерия. Утром наша оборона выпустила свои запасы по врагу. Днем комбат собрал нас, и мы прослушали по радио новость, что с 12 марта с 12.50 заключен мирный договор и военные действия прекращаются. Все дружно крикнули: «Ура!». По приказу мы с 14 марта начали уничтожать свою оборону, не оставляя никаких ее следов. В 9.00 17 марта 16-й осб начал выход из Финляндии и к 15.00 18 марта прибыл в поселок Реболы, откуда ж.-д. транспортом убыли в г. Кемь. Мы строем, с криками «Ура!» встретили нашу госграницу. Война закончилась парадом Победы в Москве 1 мая 1940 г. Мы заплатили за нее страшную цену.

На 8-м километре дороги Кемь-Ухта 16-й осб начал обустройство на голом месте, а главное, усиленно занимался боевой подготовкой. Шла вторая мировая война, Гитлер захватил многие страны, и мы все это понимали.

Часто при встречах с населением и особенно с молодежью меня спрашивают: за что получены ордена Красного Знамени, Кутузова II ст., Отечественной войны, особенно Трудового Красного Знамени, Орден Почета и другие ордена и медали. В моей памяти остались яркие воспоминания о первых боевых наградах фронтовых лет. Некоторые следует особо подчеркнуть.

Первый орден Красного Знамени я получил в Петсамо-Киркенесской операции в 1944 г., а точнее за итоги инженерной разведки,

подготовку и руководство действиями специальных отрядов инженерных войск Карельского фронта в глубоком тылу противника, скрытно сосредоточенных задолго до начала наступательной операции войск КФ, 14-й армии и войск Северного флота, имевшей стратегическое значение. Эта операция была 10-й из запланированных ставкой ВГК на 1944 г., в год решающих побед. Задолго до начала основных боевых действий войск 14-й армии боевые действия начали саперы разведовательно-диверсионных отрядов, засланных скрытно в тыл врага. Маршал К.А. Мерецков одобрил идею широко использовать саперов-подрывников и разведчиков. Мне было приказано начальником инж. войск фронта Героем Советского Союза генерал-полковником А.Ф. Хреновым срочно разработать эту, как тогда говорили, операцию. Времени на подготовку оставалось мало. Но дело облегчалось тем, что у нас имелось достаточно воинов, искушенных в выполнении таких заданий, постоянно готовых к ним и морально, и физически. Главное — определить состав отрядов и районы их действий, поставить перед командирами четкие задачи, не ограничивая их самостоятельности и инициативы, продумать организацию связи и снабдить воинов всем, что требовалось для успешной работы в полном и длительном отрыве от своих войск, в сложных физико-географических условиях, особенно в осенне-зимний период Заполярья. На базе 6-го гвардейского батальона минеров фронтового подчинения было сформировано два отряда, и один отряд выделяла 20-я Свирьская моторизованная штурмовая инженерно-саперная бригада. 6 огбм — спецчасть инж. войск, созданная для выполнения подобных заданий, вела внешне неприметную жизнь, находясь на отшибе от других частей. Небольшие группы из ее состава постоянно углублялись за линию фронта и совершали диверсии — выводили из строя различные объекты врага.

В первом отряде насчитывалось 133 человека во главе с комбатом гвардии майором А.Ф. Поповым и его замполитом гвардии капитаном В.И. Кравцовым. Во второй отряд входило 49 минеров под началом заместителя комбата гвардии капитана А.П. Кононенко. Третий отряд в составе 108-ми саперов-минеров 20-й мшисбр возглавлял начальник разведки бригады гвардии майор Г.А. Градов. Все отряды были специально экипированы и вооружены. В отряде Попова, кроме автоматов с запасом патронов и гранат, было три ручных пулемета, три снайперские винтовки с 1800 патронов, 130 противотанковых мин и 10 спец. мин замедленного действия, две рации с 2-мя комплектами питания, продовольствия на 17 суток и медикаменты. На

каждого бойца приходилась ноша, весившая в среднем 42 кг, а у связистов до 50 кг. Отряд Градова подразделялся на пять взводов; каждый боец имел автомат с патронами и ручные гранаты, каждый взвод по ручному пулемету. Кроме того, отряд нес с собой тротил в шашках с принадлежностями для взрывания, 30 противотанковых гранат, три противотанковых ружья, две рации, медикаменты, продукты на 13 суток. На себе солдат нес более 40кг.

Все боевые задачи отрядов были согласованы с генералом А.Ф. Хреновым и доложены маршалу К.А. Мерецкову. Отряды А.Ф. Попова и А.П. Кононенко должны были разведать маршруты движения 126-го и 127-го легких стрелковых корпусов; вести непрерывную разведку; с началом наступления дезорганизовать управление силами и маневр противника, совершая налеты на фашистские гарнизоны, подрывая мосты, линии связи, военные сооружения, минируя дороги и пригодные для движения дефиле, давая целеуказания нашей авиации, разрушать подвесную канатную дорогу от порта Петсамо до линии фронта. План действия каждому отряду был утвержден начальником инж. войск фронта генерал-полковником А.Ф. Хреновым. 18 сентября 1944 г. за 19 суток до наступления 14-й армии первым вышел в поход отряд Попова. Он переправился через р. Петсамойоки, перешел через тропу и вступил в тыл противника. Река имела ширину 50 м, глубину до 1-1,5 м, дно каменистое и быстрое течение. Вода была очень холодная после утреннего заморозка, по ней плыли льдинки. Переправа в брод прошла успешно. Пришлось снимать одежду и все класть на плечи и голову, подавляющую часть пути в 150 км пришлось преодолевать ночью, с грузом в 40-50 кг на человека по труднопроходимой местности, неоднократно проходя в 150-200 м от противника. На шестые сутки отряд подошел к дороге Луостари-Никель. Преодолел ее незамеченным противником и сосредоточился в заданном районе, в районе Тарнет. В этом районе отряд находился 12 суток.

За двое суток до операции войск в районе пос. Никель сосредоточился и отряд гвардии капитана Кононенко, вышедший в тыл врага по маршруту 6 огбм; за 1 сутки до наступления в 12 км от переднего края обороны сосредоточился отряд гвардии майора Градова, незамеченный противником. Такая операция является примером точнейшего расчета и реальной оценки возможностей успеха, особенно в районе безлесной тундры и горной возвышенности в Заполярье осенью, и она не имеет аналогов в Великой Отечественной войне по своему масштабу, замыслам и итогам. За 9 суток боевых действий в тылу врага 6 обгм было уничтожено солдат и офицеров — 309, автомашин

— 27, мотоциклов — 5, автобусов — 1, лошадей — 31, постоянной связи 17 км, мостов — 7, перерезана кабельная линия в четырех местах. Взято в плен 34 солдата противника и много документов. Движение на дорогах было приостановлено. По вызову отряда Попова трижды наша авиация бомбила скопление противника у переправ. Наши потери за операцию: раненых шесть человек и двое без вести пропавших.

За 31 день батальоном пройдено по тылам врага более 300 км. Отряд Кононенко 15 октября 1944 г. с ранеными солдатами и пленными начал выход на соединения с войсками. Отряд гвардии майора Г.А. Градова 5 октября вышел незамеченным противником в район основной базы г. Койвувара и установил наличие артдивизиона и трех гарнизонов немцев, а вечером 6 октября сделал первый налет на обоз противника и захватил пленных 137-го пехотного полка 2-й горнострелковой дивизии немцев. В ночь на 7,8 и 9 октября отряд тремя взводами наносил удары по южной дороге Кариквайвишт-Луостари и северной дороге Печенга-Тарнет двумя взводами (капитан Янкелевич). В боях особо отличились взводы ст. лейтенанта Логачева и мл. лейтенанта Злобина. В районе озера Пикку было разгромлено до двух рот пехоты: уничтожено 118 солдат, взорвана артбатарея, бронемашина и 7 автомашин, уничтожено 8 офицеров и шофер, захвачено 8 автомашин. Вскоре на дороге появилась другая колонна автомашин с пехотой, идущая к фронту. Наши саперы взорвали мост, две машины с гитлеровцами рухнули в воду, другие остановились. Наши солдаты в упор расстреляли колонну. Было убито более сотни солдат, сожжено 4 автомашины, автобусы, взорвано 2 орудия, захвачено в плен 5 солдат.

Группа капитана Янкелевича уничтожила в течение 7 и 8 октября в районе озера Санта-Ярви 600 метров связи, подвесную электрическую дорогу, обнаружили 8 гарнизонов врага (до 1000 солдат) и сосредоточение техники и войск вблизи Петсамо, численностью до 1500 человек. За 8 суток боевых действий 222-го отдельного моторизованного штурмового инженерно-саперного батальона 20-й мшисбр (майор Градов) совершил рейд по тылам врага протяженностью 90—100 км. Было разведано 13 гарнизонов врага, совершено 6 налетов на дорогах на колонны врага, взорвано 2 моста, проводная связь на 6-ти участках по 200-700 м, установлены мины на дорогах, уничтожено 140 солдат и 12 офицеров, захвачено в плен 2 немца и много документов. Потери отряда — трое раненых.

В ходе Петсамо-Киркенесской операции были введены в тыл на левом фланге другие батальоны — 64 мшисб 13-й мшисбр майора Фоткина, который действовал до 25 октября. Отряд дважды подвергался ударам авиации противника. 22 октября батальон вышел к аэродрому немцев в 28 км юго-западнее г. Никель, где уничтожил группу подрывников, готовивших постройки и взлетное поле к взрыву. Батальон уничтожил 28 немецких солдат, взорвал 3,5 км связи, установил 35 мин на дорогах. Наших потерь не было. 24 октября 1944 г. батальон соединился с войсками 127-го легкого стрелкового корпуса.

18 октября 1944 г. был введен в бой отряд капитана Дармилова из трех взводов 222-го мшисб 20-й мшисбр, который вел боевые действия до 24 октября 1944 г. Он перерезал дорогу Луостари-Салми-Ярви и уничтожил проводную связь. За время боев отрядом уничтожена в двух районах проводная связь, заминировано 3 км дороги, разведано 3 гарнизона противника и уничтожено 18 солдат. Наши потери — двое раненых. Все участники боев в тылу врага были награждены орденами и медалями «За оборону Советского Заполярья». Вечная слава воинам Заполярья! Мы, ветераны, всегда помним их и гордимся их подвигами.

Первым орденом Отечественной войны I степени я был награжден в четвертом решающем ударе в июне 1944 г. в Петрозаводско-Свирьской наступательной операции стратегического значения (22.06.44-09.08.44 г.). Финско-немецкие войска с осени 1941 г. были остановлены от Кировской ж.-д.: от г. Мурманска в 60 км, от Кандалакши в 90 км , от ж.-д. станции Лоухи в 40 км, от г. Кемь в 125 км, от ж.-д. станции Кочкома — 60 км и только на Петрозаводском и Медвежьегорском направлениях они продвинулись на 200-220 км, перерезали Кировскую железную дорогу и были остановлены в районе станции Масельская. Фронт на этих рубежах протяженностью в 1500 км стоял 3,5 года. 1944 г. был годом решающих побед Красной Армии над немецко-фашистскими войсками и их союзниками и вошел в историю Отечественной войны по грандиозности масштабов наступления. Было завершено освобождение советской земли от захватчиков и боевые действия перенесены на территорию врага. Война в Карелии была закончена на 12 месяцев, а в Заполярье на 6 месяцев раньше, чем в Европе, что имело огромное значение. Основные задачи инженерной разведки фронта сводились к вскрытию и уточнению обороны финнов, построенной в течение более 3-х лет на большую глубину. Эта задача была успешно выполнена. В тылу противника постоянно действовали спецгруппы инженерной разведки.

Всего инженерных сооружений финских войск в Петрозаводско-Свирьской операции: дотов железобетонных - 1109, дзотов — 7450, бронеколпаков — 1098, НП-КНП железобетонных — 368 и деревоземляных — 4800, траншей и ходов сообщений — 2850 км, проволочных заграждений — 3975 км, противотанковых препятствий — 389, мин противопехотных и противотанковых — 2281 и 250, разрушений на дорогах — 7675.

Общая плотность инж. заграждений на 1 км фронта составляла: фортсооружений -12, траншей и ходов сообщений — 2 км, проволочных заграждений — 23 км, противотанковых препятствий — 100 мин, мин противопехотных — 1100, разрушений на дорогах — 5, рвов и эскарпов — 212, мощных надолбов (каменных, железобетонных и деревянных) — 197.

К 17 июня за 4 суток до наступления войск 7-й армии было вскрыто:

Наименование сооружений и заграждений	На первом рубеже	На втором рубеже	Всего перед фронтом армии
Доты и бронеколпаки	20	71	91
Дзот усиленного типа	584	50	634
Противоосколочные пулеметные гнезда	507	15	522
Артиллерийские и минометные позиции	122	–	122
Убежища усиленного типа	235	177	412
Убежища и землянки	1954	147	2101
Траншеи и хода сообщений	2-3 линии	2-3 линии	4-6 линий
Противотанковые надолбы	2600 м	9400 м	12000 м
Противотанковые рвы и эскарпы	800 м	1940 м	2740 м
Проволочные препятствия	500000 м	127000 м	627000 м
Лесные завалы	65000 м	3000 м	68000 м

Начертание оборонительных сооружений на всю тактическую глубину обороны противника их инженерным оборудованием, как стало известно после их захвата и осмотра специальными группами офицерской разведки и «СпецГео» штаба ИВ фронта, были вскрыты на 85%, что дало возможность командованию 7-й армии правильно решить выбор направления главного удара. Большая роль принадлежала инженерной разведке 7-й и 32-й армии, воздушной и агентурной разведке, партизанам и подпольщикам, общевойсковой разведке фрон-

та во вскрытии существа обороны финских и немецких войск. Приведу примеры из действий разведки только в полосе 32-й армии.

Ефрейтор М.В. Духлимцев более 40 раз был в разведке, проделал 30 вылазок в оборону противника, обезвредил 120 мин противника, обнаружил и установил месторасположения 16 дзотов, 20 минных полей. Будучи раненным, проделал проход в заграждениях противника и пропустил через них разведку полка. Зимой 1942 г. прополз 700 м по льду озера, протащил 60 кг взрывчатых веществ и взорвал опасное для наших войск минное поле противника. Награжден медалью «За боевые заслуги».

Ефрейтор С.В. Глицкин был в разведке свыше 60 раз, проделал 30 проходов в заграждениях противника. Снял 150 мин и фугасов.

Более 30 раз вел спецразведку и выявил 15 дзотов и 15 минных полей. Участвовал в захвате двух «языков» противника. Награжден орденом Красной звезды.

Сержант Ф.Е. Крюков был в разведке более 60 раз, проделал 50 проходов в препятствиях противника, обезвредил 150 мин, обнаружил 14 дзотов и 20 минных полей противника. Награжден медалью «За отвагу».

Подобные действия проводились и в 7-й армии, и в других армиях фронта. Добытые разведданные никого не удовлетворяли, так как даже передний край хранил еще многие тайны, а в глубине обороны их было и того больше.

В широком плане велась аэрофотосъемка обороны врага, плановая и перспективная. Постоянно шла разработка полных документов, карт и схем особых узлов обороны, районов переправ, схем и маршрутов для обходных групп войск и особенно для танков и артиллерии. Более интенсивный характер приняла работа разведорганов инженерных войск фронта много внимания уделялось изучению документов и разведке всех видов по оценке методов и способов борьбы противника во всех видах боя, особенно ночью и с учетом особенностей театра военных действий. Исходя из требований маршала К.А. Мерецкова, разведотдел фронта провел сбор начальников инженерной, авиационной и артиллерийской разведок фронта. После этого штаб инж. войск КФ провел сбор начальников инженерной разведки всех армий. В период весны и лета до начала наступательной операции в глубокий тыл обороны финнов в район ж.-д. станций Суоярви и Лоймола были введены две специальные разведывательно-диверсионные группы 6 огбм, которые доносили ценные данные о передвижениях войск противника, его обороне, состоянии и работе железной и грунтовых дорог. Они действовали до выхода к ним наших войск.

В 1945 г. после окончания Отечественной войны мне пришлось участвовать в боях на 1-м ДВФ (8 августа сентябрь 1945 г.). В этих боях я был награжден высшим полководческим орденом Кутузова II степени.

Для меня это была третья война, которая закончила Вторую мировую войну. Мы оказались на новом театре войны, в новых физико-географических условиях, столкнулись с новым противником, с изменившейся международной обстановкой, когда впервые было применено (США) ядерное оружие. Все преодолели в короткий срок, наградой была медаль «За победу над Японией».

Война началась ночью с 8 на 9 августа 1945 г. Маршал К.А. Мерецков, учитывая сложившуюся обстановку, особенно сплошной ливень, изменил ранее отработанный план прорыва обороны японцев. Войска фронта без артподготовки, без подсветки прожекторами, без ударов авиации и без привычного «Ура» в час ночи 9 августа нанесли удар в обход укрепленных районов в промежутки рубежей, и к утру вышли вглубь укрепленных районов на 6-8-12 км. Ударами с тыла укрепленные районы японцев были взяты. Как стало позже известно, ставка ВГК неоднократно переносила сроки наступления. Поэтому озабоченность А.Ф. Хренова и нач. штаба инженерных войск генерал-майора Д.И. Суслина нам была понятна, и мы все работали по 15-16 часов в сутки. Особая задача маршалом К.А. Мерецковым и генералом А.Ф. Хреновым была поставлена инженерной разведке.

Сроки начала операции были сжаты, до 8 августа оставалось около трех месяцев. Ну, а если Ставка прикажет раньше? Перед инженерной разведкой стояли в основном две главные задачи. Первая вскрыть и дать детальную инженерную характеристику оборонительной системы японцев, ее слабых и сильных сторон, особенно укрепленных районов (их было семь), прикрывавших госграницу СССР, а также особенностей театра военных действий и использования войск и боевой техники. И вторая задача — подготовить отряды и группы парашютистов для действий в тылу противника. В плане инженерного обеспечения войск 1-го ДВФ, утвержденного в мае 1945 г. маршалом К.А. Мерецковым, указывалось: «Действиями отрядов минеров-штурмовиков в тылу противника захватить туннели КВЖД, основные мосты через водные преграды и узлы дорог на Муданьцзянском направлении». Мы глубоко изучили все, что нам было передано штабами Приморской группы войск об укреплениях японцев, а наш фрон-

товой опыт прорыва укрепленных районов в Финляндии, Заполярье и Восточной Пруссии давал возможность быстрее и более глубже оценить все «за» и «против».

Мною был разработан план захвата трех заминированных туннелей КВЖД: №1 — протяженностью 253 м, №2 — 108,5 м, №3 — 82 м, которые находились от одного до трех километров от нашей границы. Обходных путей не было. План был согласован с планом штаба 20-й мшисбр (командир — полковник А.И. Ефанов). Мы много приложили усилий в подготовке двух отрядов к взаимодействию с пограничниками. Первым отрядом командовал майор В.И. Гурин, другим — майор Ю.Я. Янкевич. Их поддерживали бронепоезд и два артиллерийских дивизиона артиллерийской бригады РГК. Личный состав прошел тренировку на наших туннелях, подобных японским. Отряд Гурина захватывал 1-й и 2-й туннель, а Янкевича 3-й туннель. В полночь отряды перешли госграницу и внезапно атаковали туннели и казармы охранного гарнизона. В успешном скоротечном бою туннели были взяты и разминированы и охранялись. Отряды разрушили 10 ДЗОТов, две казармы, в бою убито 14 японских солдат и 1 офицер, захвачены в плен 1 офицер, 1 солдат и женщина-врач. У нас было ранено 15 человек. Путь войскам 5-й армии по КВЖД был расчищен на сотни километров. Вывод батальонов к туннелям проводили собранные, трудолюбивые и бесстрашные пограничники погранзаставы «Росстная» 58-го погранотряда. Бесшумно были сняты часовые у туннелей и казарм.

16 августа маршал К.А. Мерецков принял А.Ф. Хренова и меня и поставил задачу на готовность к высадке отрядов в Гирин и Харбин или в другие глубинные города Китая. Высадка десантов в тыл, намеченная на 16 и 17 августа, была отменена. Тут же были отданы приказы, и к исходу 16 августа в район ж.-д. станции Мучная сосредоточились десантники 145-й роты спецминирования 46-й инженерной бригады (командир роты майор Прищепа). С 8 августа здесь находились другой отряд десантников и отдельные разведроты (командиры взводов: лейтенанты Гончаров, Опряткин и Бахитов). На аэродроме в п. Хороль была сосредоточена транспортная авиация 281-го авиатранспортного полка 9-й воздушной армии (командир — майор авиации Четвериков).

Возможности авиаполка (7 самолетов) позволяли взять лишь 146 стрелков, а было сосредоточено 184 человека: 30 человек управления и специалистов из 145-й отдельной роты спецминирования, 88 чел. майора Прищепы, 26 чел. разведчиков 46-й мисбр (лейтенант Гостев),

взвод лейтенанта Павлова исбр — 15 чел., взвод 23-й исбр — 17 чел. (лейтенант Бахитов), пять офицеров штаба фронта, 6 радистов с радиостанциями от РО штаба фронта, 5 переводчиков японского и китайского языка, 5 саперов, 3 шофера, 2 минометчика, 5 артиллеристов (184 чел.) Поэтому переброска десанта планировалась и была осуществлена двумя рейсами. Слабым звеном было медицинское и продовольственное обеспечение, единственным медиком в отряде медслужбы был лейтенант Г.А. Иванцов, а продовольствие вообще забыли погрузить наши отправители. Даже вторым рейсом десанту не было прислано продовольствия. Уполномоченным штаба фронта для переговоров с японцами для сдачи войск был назначен полковник В.П. Лебедев, с которым меня познакомил перед взлетом у самолета А.Ф. Хренов.

В 12.00 19 августа я дал команду: «По самолетам!», и мы взяли курс на Гирин. Нас прикрывали 4 истребителя и три бомбардировщика. До Гирина оставалось 50 км. Мы стали более собранными, и каждый был готов драться до последнего дыхания, ибо помощь могла придти сюда только на следующий день. Еще гудели самолеты, а десантники выскакивали и бежали на заранее намеченные рубежи по захвату аэродрома. Сержант Панов с разведчиками захватывал подступы к аэродрому, а старший сержант Арпетархов и лейтенант Куц были направлены на захват пленных и захватили у складов двух японских часовых. Вскоре сержант Мальцев и солдат Михеев доставили двух японских солдат и двух жандармских офицеров, которые сообщили о вражеской засаде на высоте, покрытой гаоляном. До этого по аэродрому велся одиночный огонь, явно с провокационной целью. Нашим командным пунктом был самолет. Взвод лейтенанта Бахитова к этому времени захватил и разоружил аэродромную команду. Японцы явно тянули время и чего-то ожидали. И когда японский офицер махнул платком, из гаоляна раздались выстрелы пулеметов и винтовок. Японский офицер на наши требования прекратить огонь молчал. Тогда я поднял личный состав в атаку, и мы в короткой, но жестокой схватке разгромили японскую роту. Было захвачено в плен 4 офицера и 70 солдат, восемь пулеметов, крупный склад военного имущества. Мною был допрошен командир японской роты. Он врал, что не знал о капитуляции японской армии. С нашей стороны было ранено три солдата и два офицера. Утром 20 августа лейтенант Бахитов, раненный в ногу, был направлен в медчасть передового 10-го механизированного корпуса, а меня позже 25 августа с ранением в лицо, когда я начал терять сознание, эвакуировали самолетом в госпиталь

г. Уссурийска. В этом бою мужественно и умело под сильным огнем противника действовал наш «главный врач от всех бед» лейтенант мед. службы Г.А. Иванцов. Он смело перемещался по полю боя и оказывал первую медицинскую помощь — как мы на фронте считали, главную и решающую. Его умение одновременно беседовать с человеком, вселять в него убежденность, что «до свадьбы все заживет», усиливали целебную силу повязок и примочек. На захваченных машинах с тремя взводами мы выехали в г. Гирин, где обнаружили и обезоружили оставшиеся подразделения 2-й опбр японцев и войска Маньчжоу-го. В здании штаба маньчжурских войск мы разместили свою комендатуру, а ефрейтор П.М. Асламов, награжденный тремя орденами, впервые после 1917 года водрузил над зданием наше Красное знамя. Сюда сразу потянулись жители города.

Только в одном районе города были захвачены 55 солдат, 2 японских офицера и 10 новых американских «студебекеров», что вызвало у нас удивление. Мы захватили штаб Японского и войск Маньчжоу-го командования, разоружили и подавили сопротивление отдельных солдат и офицеров.

По приказу полковника В.П. Лебедева побежденные японцы и войска Маньчжоу-го — начали сдавать оружие. Командир японской бригады пытался оказать сопротивление, но был обезоружен. Генерал-лейтенант Куан и его нач. штаба генерал-майор Сегусин были обезоружены и начали докладывать. В течение вечера 19 августа десантники захватили важные объекты гарнизона. Ст. сержант Швецов, мл. сержант Михалян, солдаты Патрахин, Распопов, Чикризов и Расякулов разоружали целые батальоны, захватили артиллерию. Всего ночью были захвачены и взяты под охрану 18 объектов г. Гирин — мосты через р. Сунгари, казармы гарнизонов, ж.-д. вокзал, военный госпиталь, семь банков, крупный склад артиллерийского и стрелкового оружия, военная школа, японское консульство, жандармейские и полицейские управления, тюрьма, штабы 2-й опбр и войск Маньчжоу-го, знамена воинских частей, распущено 7 публичных домов. Было захвачено Управление белогвардейской администрации с картотекой учета состава банд бывшего атамана Семенова и арестован генерал Попов — его заместитель. В леса вокруг Гирина ушло много сотен солдат и офицеров — они отказались сдаваться, но мы заставили их сдавать оружие и направляли в спецлагеря. Нам помогали местные жители, особенно молодежь русской колонии (3500 чел.).

К 12.00 20 августа были изолированы в казармах и разоружены 12 тыс. японских солдат. Особой заботой в первый день высадки было

проведение ночной операции по захвату гидростанции на р. Сунгари. При подрыве ее плотин г. Гирин с населением 200 тыс. чел. был бы затоплен. Подпор воды — 76 м. Действовало 4 турбины по 70 тыс. кВт и еще 4 турбины строились. Высота плотины — 96 м, длина — 1100 м. Охранялась станция 34-м саперным батальоном с взрывчатыми зарядами и спецротой химических войск, с развитой системой обороны тыловых сооружений и установленными очагами обороны в домах. Под покровом ночи мы совершили обходной маневр и внезапно атаковали охрану японцев и их казармы. Охрану плотины взял на себя взвод 145-й огбд роты спецминирования. 22 августа охрану взял на себя танковый батальон подвижной группы фронта. 20 августа в город вошел ПО 10-го мех. корпуса под командованием генерал-майора В.С. Савченко. Впоследствии с 23 по 26 августа 1945 г. все объекты г. Гирина были переданы под охрану прибывшей 277-й СД 25-й армии (комдив — генерал майор С.Т. Гладышев). 23 августа 1945 г. город Гирин посетил маршал К.А. Мерецков и генерал Т.Ф. Штыков, которые поблагодарили нас за выполнение задач и приказали представить десантников к боевым наградам.

В г. Гирине в последний раз мы прокричали победоносное «Ура», в этой последней мировой войне XX века. Отряд еще долгое время выполнял спецзадания командования фронта и лишь 5 сентября был расформирован, а личный состав направлен в свои части. Правительство СССР наградило фронтовиков орденами и боевой медалью «За победу над Японией».

За образцовое выполнение боевых заданий командование на фронте борьбы с японцами на Дальнем Востоке и проявленные при этом доблесть и мужество были награждены орденами Суворова и Кутузова II степени мои боевые друзья: гвардии полковник Лебедев Валерий Павлович, полковник Суслин Дмитрий Иванович, подполковник Забелин Иван Николаевич и автор этих строк. В газете от 26 и 27 августа 1945 г. была опубликована о нашем десанте статья журналиста гвардии майора В. Новикова «С авиадесантом — в Гирин».

В ноябре 1945 года в г. Ворошилов-Уссурийске был первый послевоенный Парад победителей в этой войне. Проходили полевые войска действующей армии с боевой техникой. Какие это были люди! У многих за плечами огромные сотни и тысячи километров войны на Западе и Востоке, на лицах — отметины от пуль и осколков. На груди сверкали ордена и медали, завоеванные и добытые великим трудом и кровью. Их оружие не имело цены — оно было бесценно, так как с его помощью была завершена Вторая мировая война. Мы, фрон-

товики, и все народы мира проклинали войну как величайшее преступление перед человечеством. С большим подъемом пели мы известную песню: «И на Тихом океане свой закончили поход». Мы понимали, что в нашей победе над гитлеровцами была заложена Победа над Японией. Прежде всего, народ Советского Союза внес решающий вклад в окончание Второй мировой войны, разгром Японии на огромном Юго-Восточном театре военных действий, подвел черту, грозно предупредив агрессоров на будущее.

Шли батальоны и дивизионы, летчики, танкисты и десантники, пехотинцы и связисты, саперы и химики, моряки и пограничники, медики и дорожники... Это они были участниками боев Второй мировой войны, выполнившими до конца самую почетную миссию — узаконили историческую справедливость на планете и зачехлили боевое оружие. И, как говорили солдаты: «Бери шинель, пошли домой». Каждая фамилия — личность, каждый достоин величия, ибо были великими пахарями на войне и непосредственно ковали долгожданный мир.

Теперь, по прошествии более 55 лет, оставшиеся в живых видят памятник Победы в Москве и носят на груди почетный золотой знак «Ветеран Великой Отечественной войны 1941-1945 гг.». Я, окопный собрат фронтовиков и участник последних боев во Второй мировой войне, желаю фронтовикам — ветеранам войны и труда многих лет жизни и счастья. Со многими из них веду переписку, происходят встречи, идет обмен мнениями и предложениями. Мы должны кланяться в пояс тем, кто выдюжил, кто не позабыл, что есть фронтовая спайка, для кого слова: «честь», «достоинство», «земля родная» — значили и значат больше самой жизни.

Изложенное мною об увиденном и пережитом на фронте не претендует на полноту освещения всех событий на трех войнах, где я воевал. Я лишь частично поведал читателям о тяжелой и опасной работе тех фронтовиков, с кем воевал, и об их солдатском вкладе в великую нашу победу над врагами. С гордостью и волнением вспоминаю рядовых и офицеров, вместе с которыми прошел войну. И до конца своих дней не перестану удивляться величию и душевной красоте русского человека, всех наций России. Скоро будем отмечать 60-летие великой нашей Победы! Мы живем в новом, XXI веке, решаем новые задачи, создаем новую жизнь. Выросло новое поколение людей, для которых война — воспоминания ветеранов, воевавших, победивших и давших всем поколениям вечный и неисчерпаемый источник силы и непобедимости нашего народа. Мы, ветераны, обязаны

передать свой опыт жизни молодым поколениям. Маршал Г.К. Жуков писал: «Советский солдат вынес тогда тяжкие испытания. А сегодня старая рана заговорила, здоровье шалит. Бывший фронтовик не станет жаловаться — не та закваска характера. Будьте сами предупредительны. Не оскорбляя гордости, относитесь к ним чутко и уважительно. Это очень малая плата за все, что они сделали для вас в 1941-м, 42-м, 43-м, 44-м, 45-м».

Президент РФ В.В. Путин неоднократно оценивал роль ветеранов Великой Отечественной войны. Он отмечал: «Ветераны, фронтовики, труженики тыла — совесть нашей нации, которая связывает нас с героическим прошлым. Возвратить им, живущим кое-как, положенный долг — это уже не просто социальная, но и в полном смысле политическая и нравственная задача. Историческая память — залог достойного будущего России. Мы должны перенять у героического поколения фронтовиков привычку побеждать. Эта привычка очень нужна в нашей сегодняшней мирной жизни. Она поможет нашему поколению построить сильную, стабильную и процветающую Россию».

Июль 2003 г.

В подготовке настоящих воспоминаний оказал помощь ***Титаренко Алексей Максимович***, студент 2-го курса Московского государственного университета природоустройства

Крымов Константин Трофимович

ОГОНЬ НА СЕБЯ

Я родился в 1920 году, русский, член ВКП (б). В Красной Армии с 1940 года (призван Сталинским РВК города Москвы). С 1940 по 1942 окончил курсы командиров.

В войну вступил под Наро-Фоминском в звании лейтенанта, в должности заместителя командира батареи 559-го артиллерийского полка 47-й дивизии 4-й ударной армии. Участвовал в контрнаступлении советских войск под Москвой.

Далее боевой путь пролегал через Смоленск, Невель, реку Западная Двина, город Полоцк, Шаумян и далее в направлении на Прибалтику. Военные действия закончил под Кенигсбергом в звании майора. Возвращался самолетом в Москву для госпитализации в госпиталь Бурденко. Демобилизовался в связи с ранением в 1944 г.

Трижды ранен: в руку, в челюсть, тяжелое ранение в голову.

Особенно запомнившийся момент. К июню 1944 наступление замедлилось: широкая заболоченная луговина, тянущаяся вдоль реки Западная Двина, преградила путь 47-й стрелковой дивизии. Однако сильно поредевший батальон майора Павла Егоровича Смирнова и группа артиллерийских разведчиков под моим командованием все же сумели на одном из участков с боем форсировать реку и захватить небольшой плацдарм. Ночь прошла относительно спокойно, а с рассветом 27 июня на клочок отвоеванной земли двинулись вражеские

танки. Я устроил свой наблюдательный пункт на ветвях старой ивы; поле боя просматривалось хорошо. К июню 1944 я, заместитель командира второго дивизиона 559-го артиллерийского полка, уже был опытным боевым офицером, награжденным орденами Красного Знамени, Отечественной войны 2-й степени, Александра Невского и медалью «За отвагу». Прикинув координаты целей, я стал управлять огнем. Потеряв 6 танков, гитлеровцы прекратили атаку. Но вскоре мощный огневой налет противника обрушился на маленький плацдарм. Я посмотрел в бинокль и увидел бронепоезд. Тут же стал переносить огонь гаубичного дивизиона на бронепоезд. Два попадания в бронированную платформу — и бронепоезд, окутанный дымом, спешит выйти из боя.

— Товарищ капитан! — крикнул один из бойцов. — Танки и автоматчики с фланга!

— Отражать атаку!

В трубке полевого телефона раздался голос командира полка:

— Крымов! Подчиняю тебе второй дивизион. Капитан Пасечник выбыл из боя.

Дивизион! — командую я в трубку. — По квадрату ... беглый огонь.

Совсем рядом с ивой, на которой я сидел, рванул снаряд. Осколки просвистели в листве. Нескольких рядовых убило, но тяжело раненный Павел Смирнов и еще три офицера отбивались из автоматов от наступающих гитлеровцев. По приказу командира полка я сосредоточил огонь двух дивизионов. Несколько танков горели, а остальные отошли, но группа гитлеровских автоматчиков вплотную подступила к наблюдательному пункту. Они были в 3-4 десятках метров, когда я скомандовал на огневые позиции дивизиона: «Огонь на меня». Разрывы снарядов опоясали НП, накрыли и гитлеровских пехотинцев. Противник был отброшен.

За время войны я был награжден многими медалями и орденами:

— медаль за отвагу (22.11.1942 №014УА);

— орден Отечественной войны (22.10.1944 № 094/Н83СК). Выписка из наградного листа: «Старший лейтенант Крымов К.Т награжден в связи с тем, что он смелый и находчивый в бою, огнем батареи управляет умело. Его расчеты сколочены. Находится все время в передовых отрядах пехоты и безостановочно сопровождает ее, не отрываясь от них. За пять дней активных наступательных боев с 6.10.43г. по

10.10.43г. огнем своих орудий уничтожил: одну 75-мм батарею 6-го орудийного состава, два ДЗОТа, две пулеметных площадки со станковыми пулеметами и до 30 гитлеровцев. Ворвавшись на НП противника, захватил стереотрубу и при помощи ее корректировал огонь. На другой день боя его батарея уничтожила: одно 75-мм орудие, три 37-мм орудия, один 105-мм миномет, крупнокалиберный пулемет и 40 гитлеровцев;

— орден Александра Невского (9.4.1944 №043/46ГВ армия);

орден Красного Знамени (15.8.1944 №0190/Н6ГВ армия). Выписка из наградного листа: «Награжден в связи с тем, что в бою 10 марта 1944 года при прорыве обороны противника в районе деревни Матысово, Белево, Белево 1-е, находясь под ураганным артиллерийским минометным обстрелом противника, мастерски организовал управление артиллерийским огнем дивизиона. Подавил огонь двух 105-мм минометных батарей, шести 105-мм орудий, семи ручных и трех станковых пулеметов. Подбил один танк, два тягача, разрушил одно НП и два ДЗОТа. Уничтожил одну 75-мм батарею и две 81.4-мм минометных батареи и более 70 гитлеровцев. Обеспечил поддерживаемый 2-й батальон 148-го сп ворваться в оборону противника, занять три опорных пункта и успешное продвижение. Противник оставил два 88- мм орудия и одно 37-мм орудие, склад с боеприпасами, 17 пулеметов. Для восстановления утерянных рубежей противник в течение 10 и 11 марта силами до батальона пехоты, при поддержке 8 танков, 11 раз контратаковал наши наступающие части. Умелым управлением артиллерийским огнем дивизиона Крымов отразил все контратаки противника, дав возможность нашим частям прочно удержать занятые опорные пункты противника, а также успешное продвижение соседа. Уничтожил до 100 немцев, а 38 гитлеровцев было взято в плен. 12 марта 1944 года несмотря на ураганный артиллерийский обстрел, во время которого был убит командир полка, Крымов принял управление артиллерийским огнем полка, отразил 2 контратаки до батальона противника, подавил огонь двух 75-мм батарей, 8 пулеметов, четырех 81-мм минометов, уничтожил два 75-мм орудий прямой наводки, противник оставил на поле боя более 50 гитлеровцев;

27.6.1944 был представлен к званию Героя Советского Союза за умелое и эффективное ведение огня, организацию взаимодействия с пехотой и танками. В мартовских боях в районе высоты 173,1 населенный пункт Матысово в обстановке, когда противник имел преимущество в живой силе, технике, пытался контрударом в направлении указанной высоты восстановить утраченные позиции, когда погиб командир артиллерийского полка, капитан Крымов принял на себя командование полком, открыл массированный огонь по противнику, отбил 7 мощных контратак, истребив при этом до 80 немецких солдат и офицеров, разбил 11 пулеметов, подавил огонь двух 81-мм батарей. В бою 22-27 июня 1944 при прорыве сильно укрепленных линий противника во время развития успеха нашими стрелковыми подразделениями были тяжело ранены командиры 2-го и 3-го дивизионов, убит командир 7-й батареи. Капитан Крымов принял на себя командование 2-м и 3-м дивизионами, открыл ураганный огонь по противнику и его огневым средствам, чем обеспечил продвижение пехоты на 4 км и овладение тремя опорными пунктами. Устанавливая прочное взаимодействие с пехотой, капитан Крымов огнем своего дивизиона обеспечил ее успешные боевые действия. За время пятидневных боев огнем дивизиона капитана Крымова истреблено до 85 немцев, разбито 2 орудия прямой наводки, подавлен огонь трех самоходных орудий «Фердинанд» и одной минометной батареи 82-мм калибра (выписки из наградных листов)

После окончания войны я работал в органах МГБ, принимал активное участие в ликвидации банд- формирований в Белоруссии и в Прибалтике, за что был награжден вторым орденом Боевого Красного Знамени, орденом Красной Звезды.

В 1995 году был награжден орденом Отечественной Войны первой степени.

В период с 19945-1956гг. закончил Институт международных отношений и Военно-юридическую академию. Долгое время проработал в Госплане СССР, трудовую деятельность закончил заместителем директора ГВЦ ЦСУ СССР.

Обо мне рассказывается в публикациях:

Ефрейтор Г. Юрченко. Расчет сержанта Сторожева перевыполнил нормы // На разгром врага.18 апреля 1943.

Капитан К. Крымов. Мужество офицера // На разгром врага. № 89.

Красноармеец Г. Юрченко. Наш блиндаж — крепость // На разгром врага. 30 марта 1943.

Старший лейтенант К. Крымов. Сила взаимодействия // На разгром врага. 12 октября 1943.

Лейтенант А. Юрьев. Залпы артиллеристов. Лейтенант Крымов и его батарея // На разгром врага.

Майор В. Шурыгин. Огонь на себя // Правда. 2 мая 1975.

Генерал-полковник внутренней службы в отставке Борис Шумилин. Память наша бессмертна // Милиция 5.95.

Хлебников Н.М. Под грохот сотен батарей. Воениздат. Москва, 1974.

Октябрь 2002 г.

В подготовке настоящих воспоминаний оказал помощь ***Крымов Константин Геннадьевич***, студент 3-го курса Московского авиационного института

Кукушкин Алексей Васильевич

ОФИЦЕРЫ СТРЕЛКОВЫХ ПОДРАЗДЕЛЕНИЙ ВЫХОДИЛИ ИЗ СТРОЯ В ТЕЧЕНИЕ ДВУХ-ТРЕХ БОЕВ

Я родился 23 октября 1924 году в д. Заякошье Череповецкого района Вологодской области.

Русский, православный. Член Коммунистической партии Советского Союза с 1944 года по 1992 год. В комсомоле — с 1938 по 1944 год.

В 1942 году окончил 10 классов 1-й средней школы г. Череповца, в августе 1942 года был призван в ряды Красной Армии и зачислен курсантом Лепельского военного училища Архангельского военного округа, которое закончил по первому разряду в декабре 1943 года. В 1951 году закончил Военную академию им. М.В. Фрунзе, в 1973 высшие академические курсы при академии Генерального штаба им. Ворошилова.

Лауреат Государственной премии СССР за 1978 год.

О начале войны узнал из речи Молотова, по радио и пожалел, что мне еще только 16 лет и на фронт, наверняка, не возьмут. В боевых действиях начал участвовать только в конце 1943 года, по окончании училища, младшим лейтенантом на Западном фронте в 159-й стрелковой дивизии 5-й армии в должности командира стрелкового взвода 631-го стрелкового полка.

Зимой 1944 года дивизия и полк вели ожесточенные бои на Витебском направлении по освобождению станции Лиозно, населенных

пунктов Сутоки и др., отражая яростные контратаки немцев. Особенно запомнился ожесточенный бой нашего батальона, под командованием капитана Козина, за важную высоту под кодовым названием «Медуза». В конце апреля 1944 года в очередном бою я был тяжело ранен и эвакуирован в тыл. После лечения в эвакогоспитале №4091 меня направили на курсы усовершенствования офицеров пехоты. По их окончании на фронт прибыл лишь в феврале 1945 г. Воевал в должности командира стрелковой роты 617-го стрелкового полка 199-й стрелковой дивизии 49-й армии 2-го Белорусского фронта. Дивизия участвовала в марте-апреле 1945 года в боевых действиях в Восточной Померании, юго-западнее Кенигсберга и в овладении 25-30 марта городами Гдыня, Сопот.

С падением Кенигсберга (6-9 апреля) и завершением операции дивизия и наш полк автотранспортом к 15 апреля были переброшены на р.Одер южнее города Штетин для участия в Берлинской операции. 18-20 апреля наш полк в составе войск 49-й армии с большим трудом форсировал на лодках два русла р.Одер (Вест-Одер и Зюд-Одер), с боем преодолев заболоченную пойму, закрепился на левом берегу реки. В последующем, ломая ожесточенное сопротивление противника, наступали северо-западнее Берлина, с боем овладели г. Темплин и множеством других населенных пунктов. Преследуя отступающих фашистов, 4 мая захватили г. Пархим, вышли на рубеж реки Эльба, где встретились с передовыми частями 2-й армии англичан.

Великую Отечественную войну закончил 8 мая 1945 г. в должности командира 1-й роты 617-го СП полка 199 СД. Полк находился в лесу в районе сосредоточения в 10-15 км от г. Пархим. Дивизией тогда командовал полковник Полосухин, начальником политотдела был полковник Майский, должность командира полка исполнял майор Резник, командиром нашего батальона был боевой и опытный майор Марамзин.

После войны службу проходил в разных частях группы оккупационных войск в Германии. В 1948 г. поступил учиться в военную академию им. Фрунзе, которую закончил в 1951 г. После академии служил в войсках Дальнего Востока, работал в штабе 37-го гв. воздушно-десантного корпуса, в штабе Дальневосточного военного округа, был начальником оперативного отделения и исполнял должность начальника штаба воздушно-десантной дивизии. В 1964 году был переведен в Москву в штаб ВДВ на должность зам. начальника отдела боевой подготовки войск. Последние 15 лет проработал на должности начальника разведки ВДВ. В вооруженных силах прослужил 43 кален-

дарных года, из них 34 года — в воздушно-десантных войсках. Совершил 512 прыжков с парашютом, два из них — в боевых операциях.

После Отечественной войны участвовал в операции по вводу войск в августе 1968 года в Чехословакию в должности начальника штаба оперативной группы по управлению действиями воздушно-десантных частей на территории Чехословакии. Лично первым самолетом десантировался на аэродром Миловице.

В декабре-январе 1979 года в должности начальника штаба оперативной группы участвовал в планировании и управлении боевыми действиями десантных частей в Кабульской операции.

В Великой Отечественной войне был дважды ранен: тяжело — 21 марта 1944 года, легко — в марте 1945 года (от госпитализации отказался). Тяжело — в августе 1947 года. Ранение в руку и голову получил от разрыва гранаты Ф-1, которую выбросил из окопа из-под ног людей, оброненную в окопе одним из солдат. Лечился амбулаторно в полковом медпункте.

За участие в боевых действиях в ходе Великой Отечественной войны и других военных операциях награжден:

— орденом Красного Знамени, № знака 53946, номер приказа не знаю. Орден лично вручал командующий 5А генерал-лейтенант Крылов Н.И. в марте 1944 г. За мужество и умелое управление подразделением при обороне важного опорного пункта;

— орденом Красного Знамени, № знака 487374. Указ Президиума верховного Совета СССР от 28.4.1980г. За умелую организацию, твердое управление войсками и личное мужество, проявленные в ходе Кабульской операции в декабре 1989 и январе 1980 годов.

Орден вручал в мае 1980 г. Зам. председателя Верховного Совета Кузнецов В.И.;

— орденом Отечественной войны 1-й степени, № знака 453875. Указ Верховного Совета СССР от 11.3.1985 г. За активное участие и воинскую доблесть, проявленные в ходе Великой Отечественной войны. Орден вручал Командующий воздушно-десантными войсками генерал армии Сукоруков Д.С;

— орденом Красной Звезды, № знака 1705385. За умелое выполнение боевых задач. Вручал командир 199-й стрелковой дивизии полковник Полосухин в мае 1945 года;

— орденом «За службу Родине в вооруженных силах СССР» 3-й степени, № знака 7277. За умелую подготовку разведывательных частей в войсках. Орден вручал командующий ВДВ генерал армии Маргелов В.Ф. в 1970 г;

— орденом «Знак Почета», № знака 589960. За умелую организацию и руководство боевой подготовкой войск. Орден вручал командующий ВДВ генерал армии Маргелов В.Ф. в 1967 г.;

медалью «За отвагу», № знака 2332189; «За боевую доблесть». Медаль вручал командир 631-го стр. полка в марте 1944 года;

— Медалью «За боевые заслуги», без номера; «За выслугу лет»;

Знаком ЦК ВЛКСМ « За воинскую доблесть» Вручал секретарь ЦКВЛКСМ тов. Пастухов в мае 1983г.

Медалями: «За победу над Германией в ВОВ», «За взятие Кенигсберга» и еще 27 юбилейными медалями, медалями за выслугу лет и медалями иностранных государств.

В войне участвовали, кроме меня, еще три родных брата: Николай, Александр, Иван. Александр погиб в результате тяжелого ранения на Карельском фронте в мае 1942 г. Иван пропал без вести на Ленинградском направлении в августе 1941 года. Николай закончил войну в звании майора, командира танкового батальона, награжден четырьмя боевыми орденами (В том числе орденом Красного Знамени) и медалью «За Отвагу». Кроме того, в войне участвовали семь двоюродных братьев и дядя. Из них пятеро погибли на фронтах в период 1941-1944 гг. Дядя, Смирнов Павел Семенович, и его сын Вячеслав за боевые заслуги и храбрость имели по ордену Отечественной войны и по четыре медали «За Отвагу».

В настоящее время из родственников — участников войны в живых никого нет.

Мною написаны и изданы мизерным тиражом две брошюры. Это очерки: «Воспоминания о командующем генерале армии Маргелове В.Ф.» и «Прыжок десантников в Афганистан». Кроме того, опубликована в военно-историческом журнале в шестом номере за 1995 год статья под названием « Как был взят Кабул».

Из военных воспоминаний наиболее врезался в память момент форсирования двух русел р. Одер 18-20.4.45г.

Туманное раннее утро. Мелкий, нудный дождь со снегом. Под непрерывным артиллерийским огнем немцев на лодках переправлялись мы через восточное русло. С трудом перетаскиваем через высокие дамбы тяжелые лодки. По залитому водой лугу тащим переправочные средства по грудь в холодной воде к очередному западному руслу. С трудом подбираемся к высоким дамбам и готовимся преодолеть реку. Холодная вода сковывает ноги и руки, обручем стягивает сердце. Физическую боль и усталость, преодолевая солдаты напряжены до предела. Еще бросок, и лодки вновь спущены на воду. Под ураганным огнем преодолеваем и западное русло. Впереди болотистая пойма, сплошь залитая водой. Не останавливаемся, по грудь в воде продвигаемся к Западному берегу. Молодцы артиллеристы! Они непрерывно ведут огонь, подавляя огневые точки немцев на берегу и артиллерию на позициях. Наконец-то зацепились за берег. Теперь, как выразился тогда один из пожилых солдат, нам и черт не страшен!

Вспоминая начало своей фронтовой жизни как сейчас вижу лица солдат моего взвода — всего 16 человек, т.е. 50% от штатного состава. Трудно поверить, но факт такое маленькое подразделение состояло из людей семи национальностей, возрастом от 19 до 44 лет: шесть человек русских, в том числе 2 сержанта — Голубев и Власов; двое украинцев, один молдаванин, двое азербайджанцев, два туркмена, узбек и уйгур. Подавляющее большинство было деревенскими жителями, не служившими раньше в армии. Выходцы из азиатских республик плохо владели русским языком, так что иногда мы с трудом понимали друг друга.

Однако других солдат не было, надо было в окопе учить их прицельно стрелять, бросать гранаты, укрываться от огня противника, ходить в атаку, умело окапываться.

Во время войны было правилом — с прибытием людского пополнения на фронт из него в первую очередь отбирали людей в разведку, в связь, в артиллерию. Оставшиеся шли в пехоту, на пополнение стрелковых рот и взводов, которые почти всегда не были укомплектованы до штата.

В нашем 631-м СП зимой 1944 года было 2 стрелковых батальона вместо трех, в батальонах по 2 стрелковых роты вместо 3 , практически полк занимал оборону и наступал, имея впереди всего лишь 4 слабо укомплектованных роты.

Например, наша 1-я стрелковая рота тогда состояла из двух взводов. Первым взводом командовал младший лейтенант Иванов С., вторым я. В роте было не более 50 человек (по штату 119).

Кроме двух стрелковых рот, в нашем батальоне были минометная рота, пулеметная рота, взвод 45-мм противотанковых пушек и взвод связи.

И вообще, во время войны и моего пребывания на фронте я никогда не видел, чтобы стрелковые подразделения были укомплектованы людьми свыше 60%; они больше всех несли потери, так как в атаку шли первыми, в обороне стояли впереди всех. Зима 1943-44 гг. на Смоленщине и в Белоруссии была снежной и довольно суровой. Мои солдаты — азиаты отчаянно мерзли в продуваемых шинелиш-

ках и ватниках. Самым ценным и оберегаемым предметом во взводе была железная печка с трубой. Ее всегда носили с собой, так как только она давала возможность обогреться и обсушиться в наскоро сооруженных блиндажах или землянке.

Зимой окопы по преимуществу отрывали в снегу. Огневые позиции пулеметов и противотанковых ружей укрепляли мешками с землей, укладывая их по брустверу.

К концу марта снег стал быстро таять. Окопы и огневые позиции разрушались на глазах. Надо было быстро закапываться в землю, которая промерзла за зиму на 30-40 см. Не хватало шанцевого инструмента. На взвод выделили всего лишь 5 тупых лопат; совки их гнулись, так как были сделаны не из стали, а из обычного железа. Кроме лопат, дали один тупой лом и кирку. Работали посменно день и ночь, в ход пустили взрывчатку. С большим трудом, но за полтора дня отрыли добротную траншею и огневые позиции.

Надо заметить, в стрелковых ротах всегда была проблема с шанцевым инструментом. Если удавалось добыть его за счет трофеев, то не было на чем его возить. На роту была положена одна парная повозка, в которой перевозились боеприпасы, термосы для горячей пищи и еще кое-что из ротного хозяйства.

С приходом весны стала досаждать вода. Она заливала окопы, и несмотря на жердевые настилы, солдаты постоянно находились в глинистой жиже. По этой причине с наступлением темноты, несмотря на запрет, бойцы нередко вылезали из окопов и ходили по их верху. Немцы заметили это и неприцельными очередями из пулеметов поражали неосторожных солдат. Так, наша рота по этой причине потеряла ранеными трех солдат.

Находясь в обороне, горячую пищу получали два раза в сутки, в темное время утром и вечером. Батальонная кухня подъезжала и становилась в укрытом месте метров 500-800 от переднего края. От каждого взвода за пищей отряжались по три- четыре солдата, которые с котелками шли к пункту питания и получали ее на взвод. Нередко, особенно зимой, к личному составу она попадала уже остывшей. Лишь потом появились термосы, и дело немного наладилось. Хуже было во время наступления, но и тогда старшины рот старались накормить личный состав. Однако младших офицеров и солдат постоянно преследовало чувство голода и желание выспаться. Чувство голода исчезло лишь когда вступили на территорию Германии. В пищу пошли трофейные продукты, а в котел — скот, брошенный хозяевами.

Зимой и весной 1943-44 гг. наш полк участвовал в так называемых боях местного значения. До прибытия на фронт я наивно считал, что эти бои носят характер действия разведки и огневой перестрелки. И только на фронте понял, что это ужасные и кровопролитные бои за улучшение занимаемых позиций. Нередко требовалось отбить у немцев важную высоту или укрепленный населенный пункт. Такая задача ставилась батальону или полку. При этом задача выполнялась силами и средствами лишь полка, реже, дивизии, без должной и мощной артиллерийской подготовки и поддержки, без танков и, как правило, без авиации. И естественно, натолкнувшись на сильно укрепленные позиции немцев, атака захлебывалась с большими потерями для нас в живой силе. Я не ошибусь, если назову такие слабо подготовленные и необеспеченные огнем действия истреблением живой силы. Надеюсь, что когда-то исследуют пользу и вред подобной тактики. Тогда даже нам, зеленым лейтенантам, казалось глупым и преступным лезть не обеспеченными, слабо подготовленными на сильно укрепленного врага. Мы рассуждали: почему бы не собрать всю артиллерию дивизии, даже корпуса, и до начала атаки пехоты в пух и прах разнести этот опорный пункт, а потом уже атаковать его. Однако воевали по-другому.

Перед одним из таких боев на партийном собрании актива перед нами выступал замполит командира полка майор Кнор. Воодушевляя нас, он говорил: «Иногда частные, местные бои, проведенные успешно, перерастают в серьезные операции даже стратегического плана. Так что будем дерзать, товарищи коммунисты!»

На Западный фронт в 1943-44 гг. нас прибыло около 60 человек, младших лейтенантов, командиров стрелковых, пулеметных и минометных взводов. Прекрасно обученных, крепких, красивых 19-20-летних парней.

К лету 1944 года, т.е. к началу операции «Багратион», в результате нелепых зимних и весенних местных боев, почти все погибли или были тяжело ранены. В числе их были убиты трое моих близких друзей: Вася Филатов, Николай Буханов, Павел Грушечев. Двое последних были моими родственниками. Так печально закончились для нас зима и весна 1944 года. После мы узнали, что за неумелые операции и большие потери зимой 1943-44 годов был отстранен от должности командующего Западным фронтом генерал- полковник Соколовский.

Офицеры стрелковых подразделений (командиры стрелковых рот и взводов), как показывает статистика и личные наблюдения, выходили из строя (убитыми или ранеными) в течение двух- трех и реже пяти боев. Поэтому, когда закончилась война, эта категория всегда впередиидущих офицеров оказалась меньше всех отмеченной наградами и не потому, что они их не заслужили, а потому, что они погибали или убывали из частей по ранению, и их зачастую забывали, награждая тех, кто оставался в строю. Правда, я знал капитана Ерошкина Сашу, уроженца знаменитого села Сусанино, Костромской области. Этот отважный офицер, командуя ротой, прошел пешком от Сталинграда до Берлина, не получив ни одной царапины.

Мы, офицеры-пехотинцы, нередко завидовали артиллеристам, саперам, связистам, которые, не сталкиваясь постоянно, лоб в лоб с немцами, имели возможность обсушиться, поспать, избавиться от вшей и постоянной угрозы быть уничтоженным.

Вот такой суровой и беспощадной война была для офицеров пехоты.

Лебедев Валентин Яковлевич

КАЖДЫЙ ДЕНЬ ПРОЯВЛЯЛИ ГЕРОИЗМ

Я родился 18 января 1923 года в г. Брянске. Национальность — русский. Крещен. Как и многие люди того времени, был пионером, комсомольцем, членом КПСС.

Моя семья переехала в Москву, когда мне не было и года, поэтому свое образование я получил в этом городе. В 1940 году окончил Первую специальную артиллерийскую среднюю школу. В том же году, 1 сентября 1940 года, поступил в 3-е Ленинградское артиллерийское училище (ЛАУ), но пройти нормальный курс обучения не смог, ибо началась война. Окончил училище и получил звания лейтенанта досрочно.

22 июня 1941 г., будучи курсантом 3-го ЛАУ, я заступил в караул по охране боеприпасов на складе в г. Луге (в лагерях). Именно тогда меня и настигла страшная весть о начале войны. Распределяли нас следующим образом: студенты, чьи с фамилиями от А до М — отправлялись на фронт, от Н до Я — в тыл на формирование.

Я попал в распоряжение Западного фронта, а оттуда меня направили в 108-ю стрелковую дивизию, которая уже вела боевые действия.

Первая моя воинская должность — командир взвода разведки штабной батареи начальника артиллерии 108-й стрелковой дивизии. Далее, с 21.07.1941 по 22.10.1941, в составе 108-й стрелковой дивизии был ПНШ (помощник начальника штаба) артиллерии. Потом попал в состав 28-го отдельного гвардейского минометного дивизиона, где проходил службу на должности начальника штаба дивизиона с 22 октября по 28 декабря 1942 г. Заканчивал войну в составе 14-й гвар-

дейской минометной бригады. Должности в этой бригаде у меня были следующие: помощник начальника штаба бригады, начальник штаба бригады, заместитель командира бригады.

Уже очень много времени прошло с тех пор, и, конечно, мне трудно вспомнить... восстановить населенные пункты и географические объекты, которые встречались на моем пути в годы войны. Одно из немногих мест, которое я могу назвать, — река Вопь. Она мне запомнилась по причине ожесточенных боев, которые велись нашей дивизией. Тогда мы отступили до Москвы, неся большие потери. После нам выдали новые подразделения, мы получили новую материальную часть.

В целом же, за всю войну я участвовал в боевых действиях на Северо-западном, Юго-западном, 3-м и 4-м Украинских, 2-м Прибалтийском, Ленинградском и Забайкальском фронтах.

За время войны получил три тяжелых ранения, которые в дальнейшем серьезно сказались на моем здоровье. Характер ранений был следующим: первая рана — осколочное ранение головного мозга, остальные две раны — в пояснице, но органы задеты не были. Здесь я хотел бы отметить, что первая (наиболее тяжелая) рана могла сыграть роковую роль в моей послевоенной воинской службе. Дело в том, что в 1951 г. я окончил Военную артиллерийскую Академию имени Дзержинского, а в 1966 г. — Военную академию генерального штаба. При поступлении в эти академии в обязательном порядке проводился медицинский осмотр. Если бы врачи узнали о моем осколочном ранении мозга, не видать бы мне звания генерал-полковника, которое я впоследствии получил.

Во время и после войны я заслужил немало наград. Перечислю лишь некоторые из них: орден Красного Знамени, два ордена Александра Невского, орден Отечественной войны I степени, орден Красной Звезды.

Первый орден Александра Невского получен за умелое руководство штабом бригады при проведении наступательной операции войск 2-го Прибалтийского фронта по освобождению городов Опочка, Идрица, захват плацдармов на левом берегу р. Белая и личное мужество при подготовке и проведении двух бригадных и десяти дивизионных залпов с общим расходом 4950 реактивных снарядов М-31, что обеспечило своевременное и надежное подавление оборонительных позиций противника.

Вторым орденом Александра Невского награжден за оперативное руководство штабом бригады при проведении войсками 2-го Прибалтийского фронта Рижской наступательной операции 1944 года, обеспечение прорыва сильно укрепленных оборонительных рубежей немецко-фашистских войск «Валга», «Цесис» и «Сигулда», овладение г. Рига.

При проведении одного бригадного и семи дивизионных залпов с общим расходом 1886 снарядов М-31 были надежно подавлены опорные пункты оборонительных рубежей противника.

Бригада за 2,5 года боевых действий произвела 88 залпов, в том числе бригадных — 14, двухдивизионных - 13, батарейных 8. На головы врага было обрушено 2756 тонн взрывчатки и металла. Разрушено более 200 блиндажей, уничтожено более 100 огневых точек, 18 танков и САУ, 30 автомашин, уничтожено и подавлено 32 артиллерийских и минометных батарей и 6 складов боеприпасов врага. Подавлена огневая система противника в период артиллерийских подготовок наших войск в двадцати мощных опорных пунктах. Это обеспечило овладение ими с минимальными потерями или без потерь.

Бригада с боями и по железной дороге прошла более 12 тысяч километров. Потери: офицеров — 3, сержантов — 17, солдат — 56. Могилы погибших — представителей почти всех национальностей нашей Родины — разбросаны на огромной территории от Подмосковья до Украины, Прибалтики и Дальнего Востока. Вечная слава павшим и вечный покой.

Воспоминаний о каких-то конкретных боях, о том, как проводилось время между боями, о курьезных или смешных случаях на фронте, о проявленном героизме боевых товарищей осталось не так много, и все они очень смутны. Конечно, мы пытались как-то разрядить ту тяжелую обстановку, то давление, которое оказывала на нас война, пытались забыть хоть на немного о том, что каждый день может быть последним. И песни пели, и шутили, старались все время подбадривать друг друга. Что касается проявления героизма у бойцов я считаю так: все они были героями. Они проявляли героизм каждый день, каждый час, каждую минуту. Все действия и мысли были направлены на подавление противника. Каждый воин, который убил хотя бы одного фашиста, спас хотя бы одного товарища, заслуживает того, чтобы его считали героем.

Апрель 2003 г.

В подготовке настоящих воспоминаний оказал помощь ***Пайлеванян Бениамин Спиридонович***, студент 3-го курса Московского государственного строительного университета

Левченко Леонид Никитович

ПРОИЗВЕСТИ РАЗВЕДКУ БОЕМ НА ПРОТИВОПОЛОЖНОЙ СТОРОНЕ ДНЕПРА

Я родился 2 июня 1924 года на хуторе Марфеное Сумской области на Украине. После окончания 8 классов работал учетчиком в колхозе. О начале Великой Отечественной войны узнал, находясь на работе, в 12 часов дня. Мне тогда было 17 лет. С наступлением темноты вся молодежь нашего села включилась в патрулирование по выявлению вражеских вылазок.

Когда враг подошел к родным местам, это было в сентябре 1941 года, вместе с друзьями и отступающими частями Красной Армии я ушел в тыл — Воронежская область, село Трясоруково Давыдовского района, где проходил военную подготовку.

С июня месяца 1942 года я находился в действующей армии. Свое первое боевое крещение получил под селом Синие Ленячи Воронежской области. После прорыва немцами нашей обороны мы отступили за реку Дон, откуда полевым военкоматом вместе с другими ребятами я был направлен в Москву, в училище им. Верховного Совета РСФСР. После окончания училища в марте 1942 года в звании младшего лейтенанта был направлен на Центральный фронт на должность командира стрелкового взвода 115-й отдельной бригады, которая находилась в обороне северо-восточнее хутора Юрасово и юго-западнее города Севска. Затем я находился на лечении в госпитале № 5257.

После лечения был направлен в 132-ю стрелковую дивизию (позже дважды Краснознаменная ордена Суворова Бахмачско-Варшавская дивизия). Командирами дивизии были генерал-майор Герой Советского Союза Шкрылев, затем полковник Цвентарный, погибший под городом Луков в Польше, и полковник Соловьев, Герой Советского Союза. Я был назначен на должность командира стрелкового взвода 712-го стрелкового полка 1-го стрелкового батальона. Командирами полка были соответственно полковник Мовчан, полковник Скорятин, а командиром моего батальона капитан Супрун.

В 712-м стрелковом полку я прошел всю войну, участвовал в боях до окончания войны и расформирования дивизии. Дивизия участвовала в Курском сражении в районе Поныpей, Тросна, Гнелец. Понеся большие потери, была выведена из боя в район села Моква под Курском для доукомплектования личным составом и техникой.

В дальнейшем дивизия участвовала в освобождении городов Конотоп, Бахмач, Нежин, Киев.

Наш 712-й стрелковый полк участвовал в форсировании реки Сейм в районе села Желдаки. Бои были ожесточенные, но потери мы понесли незначительные. Дальше наступление велось на город Бахмач. Наступление велось штурмом, город был освобожден, и дивизия получила название Бахмачской. В результате стремительных наступательных действий с ходу был освобожден город Нежин.

До этого, ведя преследование врага, командир нашего стрелкового батальона капитан Супрун поставил мне задачу: перерезать дорогу Нежин — Киев. Передвигаясь ночью, я увидел очертания дороги, а по ней движение «катюш». Я дал команду взводу залечь, а сам вместе с ординарцем пошел на дорогу — остановить «катюши» и узнать, где находится противник.

Выйдя на проезжую часть дороги, я увидел впереди легковой автомобиль, за ним крытый фургон. Что-то меня насторожило. Из легкового автомобиля вышли двое, из кабины грузовика еще один. Мы начали двигаться навстречу друг другу. Подойдя достаточно близко, я понял, что это немцы. Тут все решили секунды. Мы с ординарцем, опередив немцев, открыли огонь. В результате часть фашистов была уничтожена, часть нам удалось взять в плен, в том числе трех немецких командиров. Остальные спали в кузове фургона, когда началась стрельба, заставшая их врасплох. В панике, раздетые, стали выпрыгивать из фургона.

Форсировали реку Десну и вышли к Днепру. Началась подготовка к форсированию Днепра, она велась подручными средствами.

Командир полка полковник Мовчан и командир стрелкового батальона капитан Супрун поставили задачу моему взводу (он насчитывал к этому времени 26 человек), на весельной лодке, которую притащили из села Окуниково, произвести разведку боем на противоположной стороне Днепра, где находился противник. Была также поставлена задача о захвате берега и укрепления на нем, если возможно.

Через некоторое время возникли перед нами очертания высокого берега реки, все было готово для выполнения задачи. Казалось, что сейчас мы уже высадимся на берег, и тут вдруг началось невероятное. Враг начал вести огонь изо всех видов оружия. Река осветилась ракетами. Впоследствии оказалось, что немцы протянули вдоль берега, метрах в 12-ти, проволоку, а от нее провода в траншеи к обычным консервным банкам. Возникший шум, когда наша лодка зацепила проволоку, был сигналом для врага, мы стали терять людей. Я был ранен в голову, плечо, левую ногу. Одна граната упала прямо в лодку и разорвалась, отколов часть кормы лодки. Я вынужден был дать команду к возвращению на наш берег тем, кто уцелел под этим страшным огнем. Но никто ничего уже не мог услышать, я же слышал только крики и стоны.

Превозмогая боль, раненный, взял я весло и начал грести, но лодка была разбита и не слушалась, она разворачивалась к немцам. У меня не было никакого опыта: я не умел плавать, да и грести тоже, поэтому плохо справлялся с лодкой. Однако мне все же, наконец, удалось справиться, и я начал грести в нужном направлении. Ценой огромных усилий удалось добраться до нашего берега. Задача была выполнена дорогой ценой. Из 26 человек в живых остались только я, заместитель командира взвода старший сержант Макеев и один солдат. Причем солдат оказался совершенно невредимым. Старший сержант был ранен в горло. Встречал нас капитан Супрун. Он поблагодарил за выполнение задачи. Я был направлен в госпиталь № 5286 в село Носовка Черниговской области на лечение.

В госпитале я познакомился с медсестрой Марусей, и мы решили пожениться после войны. Этому, к нашему великому счастью, суждено было сбыться. Сейчас у нас сын, дочь, два внука и две внучки, правнук Стасик. Сама моя супруга также была на фронте. Она получила тяжелое ранение в ногу и контузию.

В госпитале я пролечился около месяца и вернулся снова в свой родной 712-й стрелковый полк. Полк вел тяжелые бои, был ранен комбат капитан Супрун. Батальон остался без командира. Меня вызвал к себе начальник штаба полка подполковник Мельников. После непродолжительной беседы мне было приказано принять батальон. Но мне было всего 19лет, у меня не было опыта, и я попытался отговорить капитана от этого назначения. В ответ начальник штаба заявил, что отправит меня в школу «баянистов», так в то время называли штрафной батальон. Я понял, что делать нечего, придется выполнять его распоряжение. Батальон вел ожесточенные бои на подступах к городу Коростеню. В один из жестоких боев прибыл заместитель командира полка подполковник Хаснутдинов и через связного начал вызывать меня из боя к себе. А как идти, если идет бой? Ну, пришлось все же подчиниться и выполнить приказ. Прибыли мы вместе с ординарцем и увидели заместителя командира Хаснутдинова верхом на лошади. Он вытащил пистолет из кобуры, подъехал ко мне на лошади и стал обвинять меня в том, что батальон отступил. А на самом деле этого не было. Он стал грозить мне расстрелом, я молчал, не понимая, собственно, в чем я виноват. Обстановка накалялась, и угроза расстрела нависла очень определенно. Я прямо почувствовал дыхание смерти. В этот момент мой ординарец вскинул автомат и заявил, что не допустит моего расстрела. Видимо, он был очень убедителен, Хаснутдинов убрал пистолет и поскакал восвояси, а я отправился к своему батальону.

Учитывая, что город Житомир был сдан врагу, наш полк был перенацелен на город Коростышев для воспрепятствования продвижению врага. Бои были тяжелые, кровопролитные. Особенно в районе станции Попельня. Затем начались бои в районе Ленино и Радомышль в районе реки Тетерев.

Понеся большие потери в личном составе и технике, 132-я дивизия была переброшена в пешем порядке в Белоруссию, в район Речицы. Марш совершался в конце ноября начале декабря. Условия были крайне тяжелые: жуткий холод, плохое снабжение, усталость.

Прибыв на новое место дислокации, дивизия начала пополняться личным составом и вооружением. Затем приступили к боевой подготовке. Начиналась подготовка к Белорусской операции.

Я сдал батальон и был назначен на должность командира стрелковой роты в звании младшего лейтенанта. За 1944 год мне присвоили звания лейтенант, старший лейтенант, капитан.

В январе 1944 года началась наступательная операция в Белоруссии. 712-й стрелковый полк наступал в направлении села Холодняки. Прорыву обороны предшествовала мощная артиллерийская подготовка, но авиация действовала очень слабо из-за плохих метеоусловий.

Несмотря на наше сильное наступление, прорыв обороны немцев осуществить мы не смогли. Начались затяжные кровопролитные бои. Наше наступление, несмотря на все усилия, захлебнулось. Однако попытки прорвать оборону противника все же имели определенный успех. Мы овладели селом Лесец. На подступах к городу Озарич мы заняли оборону. На окраине этого города, на болотистой местности, фашисты организовали лагерь, оградив его проволочной изгородью. А ведь была зима! Фашисты согнали туда около 10 тысяч жителей. Женщины, старики, дети были заражены немцами сыпным тифом. В последующем, как стало известно, у немцев имелся план при наступлении наших войск сконтактировать инфицированных заключенных с нашими войсками. Однако этот чудовищный план не удалось осуществить. Наши разведчики и медики раскрыли и предотвратили его.

У деревни Лесец я был ранен и направлен на лечение в госпиталь №4851 в городе Речица.

После боев 132-я дивизия была переброшена в район города Ковель Волынской области на помощь войскам, которые вели тяжелые оборонительные бои. Дивизии успешно оборонялись.

Особо тяжелыми бои оказались с немецкой дивизией СС «Мертвая голова». Этих головорезов нам пришлось теснить до Праги, предместья Варшавы.

После возвращения из госпиталя я был назначен адъютантом старшим батальона (начальником штаба).

Начался прорыв обороны в районе города Ковеля, затем его освобождение и форсирование реки Буг.

Мы успешно вступили на территорию Польши. Освободили города Лукув, Седльце, Воломин, предместье Варшавы Прагу.

При освобождении города Седльце освободили лагерь с заключенными. Перед нами предстали люди, на которых страшно было смотреть: одни кости, обтянутые кожей.

Наше наступление приостановилось, попытка с ходу форсировать реку Вислу не удалась.

712-й полк перешел к обороне в районе Яблонно-Легионово, Надма. Началась подготовка к форсированию реки Висла и освобождение города Варшавы.

14 января началось наступление наших войск и форсирование реки Висла. 17 января Варшава была освобождена.

Началось усиленное наступление на реке Одер. В марте мы вышли к берегам Одера в районе города Цедена и Швердта, где и закрепились, завладев при этом небольшим плацдармом в районе Альт — Кюстрен. Началась подготовка к наступлению на Берлин.

Во время рекогносцировки местности, которую проводил командир полка полковник Скорятин с группой командного состава полка, был смертельно ранен командир нашего батальона майор Щербаков. Мы готовились похоронить его на следующий день, а ночью мне позвонил заместитель командира полка по политической части майор Годунов и сообщил, что майору Щербакову присвоено звание Героя Советского Союза. Всего несколько часов не дожил он до этого радостного известия.

После трагической гибели майора Щербакова командовать батальоном приказали мне. В этой должности провоевал я до окончания войны.

132-я дивизия участвовала в штурме Берлина. Начались, кровопролитные бои. 16 апреля командир дивизии и начальник политотдела вручили мне документ, который свято храню·

«Командиру батальона капитану Левченко: Благодарю Вас за умелое выполнение боевой задачи и личную отвагу и мужество, проявленные в бою с немецкими захватчиками 16 апреля 1945 года.

Желаю Вам новых боевых успехов в деле окончательного и полного разгрома гитлеровской Германии»

Командир 132 стрелковой дивизии И.Соловьев.
Начальник политотдела Макковеев.

Еще с Берлина была поставлена задача овладеть городом Нацен. Вышли на реку Эльба, где встретились с американцами. Встреча была радостной.

Утром 9 мая нам сообщили об окончании войны. Радости не было предела. Мы вышли из окопов и встали во весь рост. Перестали рваться снаряды, прекратился свист пуль. Наконец-то!

И еще. За это время три раза был в госпитале. Один раз пуля пробила мышцу правой руки и застряла там, связист вытащил ее плоскогубцами, но я остался на поле боя. Еще раз осколок снаряда попал в мышцу уже правой руки и застрял, я сам его вытащил, хотя боль была ужасная, остался воевать. Потом в санбате пробыл 8 дней.

После окончания войны дивизия была на охране демаркационной линии протяженностью 110 километров, находилась в районе Трефурта. Штаб располагался в г. Мюльхаузене, 712-й полк находился со штабом в Хеероде.

Затем была подготовка к отъезду на родину. Наш 712-й полк был сосредоточен в районе Демплинга и переброшен затем на родину, в город Ворошиловград, где был расформирован. Я получил новое назначение и служил до 1985 года. Уволен со службы в 1985 году в звании полковника.

Награды:

орден Красной Звезды № 223243. За участие в штурме Берлина. Вручен командиром 132-й стрелковой дивизии полковником И.Соловьевым;

— орден Красной Звезды №432889. За форсирование реки Днепр. Вручен начальником штаба 712-го стрелкового полка Мельниковым Федосием Илларионовичем;

— орден Красной Звезды № 432847 . За прорыв обороны немцев в Белоруссии (село Холодняки). Вручен командиром 712-го стрелкового полка майором Нечаевым;

— орден Отечественной войны I степени (за овладение опорным пунктом немцев «Черная Струга» Польша);

— орден Отечественной войны II степени (за овладение опорным пунктом немцев под городом Дойч-Кроне);

— орден Отечественной войны I степени (№192775);

орден «За службу Родине» III степени (№19510);

— 19 медалей.

9 апреля 2003 г.

В подготовке настоящих воспоминаний оказал помощь ***Брюхань Андрей Фёдорович***, студент 3-го курса Московского государственного строительного университета

Лихачев Борис Сергеевич

МНОЮ БЫЛО ПРЕДЪЯВЛЕНО ТРЕБОВАНИЕ НЕМЕДЛЕННОЙ КАПИТУЛЯЦИИ

Я родился 6 августа 1914 года в г. Воронеже, в рабочей семье, русский. Мать — домохозяйка, отец — рабочий. Был шестым ребёнком из тринадцати.

До войны окончил ФЗУ на базе десятилетки по специальности станочник-токарь и два года проработал на заводе им. Дзержинского в г. Воронеже.

В 1931 году по призыву комсомола поехал на метрострой в г. Москва.

В 1935 году меня потянуло в ряды Красной Армии, и я поступил в Военное бронетанковое училище им. И.В. Сталина. В 1938 году я — командир танкового взвода в г. Омске в войсках Новосибирского военного округа.

Принимал участие в военном конфликте на реке Халхин-Гол. Был на должности командира танковой роты Т-26,потом — командир роты БМ-26 ОРБ 109-й мотострелковой дивизии Забайкальского военного округа.

О начале войны я узнал 22 июня 1941 года в г. Острог (Западная Украина), находясь на должности старшего офицера разведывательного отдела штаба 109-й МСД ЗАБВО. В июне 1941 года наша дивизия была переведена в Харьковский военный округ.

Обстановка на западной границе осложнилась до критического состояния. 22 июня 1941 года в составе войск Харьковского военного округа 109-й МСД под командованием командира дивизии полковника Краснорецкого вступила в боевые действия. Дивизия сдерживала превосходящие силы немецких войск. Я выполнял задачи по установлению связи между частями в г. Острог на танке БТ-7,где на завершающем этапе выполнения был атакован противником. Танк подбит, механик-водитель убит. Я и командир орудия легко контужены и горели в танке. От госпитализации я отказался.

Дивизия вела тяжёлые бои, обороняясь, отходила до г. Белая Церковь (лето 1941 года). В результате половина личного состава была потеряна. В г. Белая Церковь мы получили приказ отходить на г. Канёв, занять рубеж и не дать противнику перейти реку Днепр. Вынуждены были мост взорвать, а сами отойти на другой берег.

В ноябре 1941 года, по приказу И.В.Сталина, я был командирован в резерв Юго-западного фронта (г. Воронеж), где выполнял обязанности по формированию танковых рот и батальонов из пополнения из госпиталей. В марте 1942 года зачислен начальником разведывательного отдела штаба 22-го танкового корпуса и в его составе участвовал в оперативно-стратегических операциях на Харьковско-Сталинградском направлении и в обороне г. Сталинграда.

В районе Мамаева кургана при отражении атак противника на командный пункт корпуса совместно с товарищами на танках командного пункта мы подбили десять бронеединиц, ряд автомашин с пехотой противника. Я получил тяжёлую контузию и лёгкие ранения.

К исходу 1942 года 22-й танковый полк был переформирован в 5-й механизированный корпус — резерв Верховного Главнокомандующего и в составе Брянского и Центрального фронтов участвовал в завершении разгрома Центральной группы войск фашистской Германии и освобождении г. Смоленска. В районе местечка Ленино я получил ранение в голову

В период зимы 1942-1943 года я участвовал в боях на территории Украины (Харьковское направление). В начале 1943 года обострилась стратегическая ситуация на Киевском направлении. 5-й механизированный корпус решением ставки Верховного Главнокомандующего форсированным маршем был направлен в состав 2-го Украинского фронта в районе Фастова для усиления группировки по отражению удара немецких войск.

В январе 1943 года части 5-го механизированного корпуса вошли в состав образовавшейся 6-й танковой армии под командованием дважды Героя Советского Союза генерал-полковника А.Г.Кравченко и успешно вели боевые наступательные действия по разгрому войск противника на Правобережной Украине, сыграв основную роль в окружении и разгроме Корсунь-Шевченковской группировки противника.

Сводная группа из частей 5-го МК под командованием заместителя командира корпуса генерал-майора Савельева М.И, куда входила и моя группа разведывательных частей и подразделений, ночным форсированным маршем преодолев 150 км, вышла в район г. Звенигорода, где соединилась с войсками 5-й Гвардейской танковой армии. Этим были созданы условия для завершения окружения противника.

Весной 1944 года я участвовал в форсировании и захвате плацдарма на реке Прут на подступах к городу Яссы. Многодневные действия авиации противника, особенно по командным пунктам корпуса, создавали большие трудности в управлении войсками, командный пункт корпуса дважды подвергся ударам с воздуха. В результате командир корпуса и я во время моего доклада оказались под завалами разрушенного блиндажа, получив контузию и многочисленные ранения. Через несколько дней я с командиром соседней дивизии вновь был контужен и в результате на несколько дней лишился возможности самостоятельно передвигаться — был травмирован позвоночник.

В составе войск 6-й Гвардейской танковой армии я активно участвовал в Яссо-Кишинёвской операции и освобождении г. Бухареста (лето 1944 года). Осенью 1944 года участвовал в боях на румынско-венгерской границе, и в разгроме 6-й армии СС на озере Балатон.

В конце 1944 года началась Венская операция. Бои носили ожесточённый характер. Вену освободили, и 6-я танковая армия вошла в город. 6 мая 1945 года мы получили приказ форсированным маршем войти в город Прагу, чтобы не допустить мародерства со стороны отступающих немецких войск.

Военные действия закончил в г. Прага 8 мая 1945 года в составе 6-й танковой армии на должности начальника разведывательного отдела корпуса в звании подполковник (под командованием командира дивизии генерал-майора Волкова М.В.)

В конце июня 1945 года я был направлен в Забайкальский Военный округ. Корпус в составе 6-й танковой армии принимал активное участие в разгроме Японской Квантунской армии с преодолением гор Б.Хингана и высадкой воздушного десанта в г. Дальний. Этот десант в количестве 250 человек возглавлял я.

Десант сыграл большую роль: ограничил действие руководства Южного округа, произвел арест средств связи, не допустил вывоза и

порчи ценных материалов и документов и секретных материалов различных закрытых лабораторий, предотвратил возможный захват порта американским военно-морским флотом. Было пленено свыше 100 тысяч японских солдатов, полицейских и жандармов и с помощью китайских коммунистов организовано их размещение и охрана, что способствовало прекращению деятельности командования Южным округом во главе с командующим генералом Янагита; были взяты под охрану четыре крупных международных банка. За эту операцию я получил свой четвёртый орден Красного Знамени.

1951 год . Г. Чита. Назначен заместителем командира мотострелковой дивизии в Приморский военный округ.

1955-1953 гг. Командир мотострелковой дивизии в Приморском военном округе.

1955-1958 гг. Слушатель Академии Генштаба.

1958-1960 гг. 1-й зам. командующего войсками 2-й гвардейской танковой армии группы Советских войск в Германии.

1960-1965 гг. Командующий и член Военного Совета 2-й гвардейской танковой армии группы Советских войск в Германии.

1965-1967 гг. Командующий 5-й гвардейской танковой армии и член Военного Совета в Белорусском Военном округе.

1967-1975 гг. 1-й зам. командующего и член Военного Совета в Прибалтийском Военном округе.

Демобилизовался из армии в 1975 году в звании генерал-лейтенанта.

Член ЦК КПСС, депутат 23-го съезда партии.

Мои публикации: «Мысли и опыт, отданные армии (начинающим службу)». Сюда вошли статьи, опубликованные в периодической печати с 1964 по 1972 г. (Рига, 1972 г.)

За весь период боевых действий ВОВ в ходе операций за личную отвагу, мужество, героизм и умелое руководство по организации войсковой разведки награждён: четырьмя орденами Красного Знамени, четырьмя орденами Отечественной войны (из них: три 1-й степени, один 2-й степени), два ордена Красной Звезды и два ордена иностранных: ГДР и МНР, 34 медали различного содержания.

Орден Красного Знамени — г. Сталинград, Мамаев Курган (сентябрь 1942 г., № 133345).

Орден Красного Знамени — г. Корсунь (январь 1944 г., №287176).

Орден Красного Знамени — г. Кишинёв (октябрь 1944 г., № 9634).

Орден Красного Знамени — порт Дальний (октябрь 1945 г., №546625).

Орден ВОВ 1-й степени — Венская операция. №113171.

Орден ВОВ 1-й степени — Пражская операция. №218189.

Орден ВОВ 1-й степени — 40-летие Победы. №1424050.

Орден ВОВ 2-й степени (ноябрь 1942 г.). №6588.

Красная Звезда — р. Прут (1944 г.). №591811.

Красная Звезда — Венгрия (1945 г.). №2876782.

Весь период Великой Отечественной войны я был на должности начальника 2-го отдела корпуса по разведке (он же заместитель начальника штаба корпуса).

Был награждён десятью орденами, из них четыре Красного Знамени, два иностранных ордена: ГДР и МНР.

Такое награждение невозможно рассматривать отвлечённо от суммы тех действий, которые свойственны руководителю войсковой разведки. Постоянно меняющаяся обстановка требовала особой ответственности с учётом особенностей танково-механизированных войск. В разных периодах войны и боевых действий обстановка требовала грамотного руководства разведкой. Период лета 1942 года(сражения Харьков — Мамаев Курган) я для себя назвал «Огонь и смерть».

Беспрерывные бои днём, ночью, танковые сражения, избрание удачного места, рубежа для действия из засад, внезапно, уверенно и самое главное — глаза на 360 градусов, чтобы не обошли, не окружили, чтобы врагу нанести большие потери и самим добиться победы малой кровью. Так и было, корпус от Харькова до Мамаева Кургана сохранил более одной трети своих основных танковых и артиллерийских сил и сил пехоты. В последующие годы метод ведения разведки основательно менялся, и большая часть действий разведки была нацелена на действия в тылу. Действия разведки в тылу носили характер активный и дерзкий с вступлением в бой. Вот из суммы многих действий руководителя разведывательной деятельности и при удачно проведённой операции и вырисовывалась награда. Если спросят, какой самый тяжёлый период, я скажу твердо — 1942 год: Харьков — Мамаев Курган, хотя первое ранение я получил в первый же день войны...

1942 год. Май. 22-й МК под командованием командира корпуса генерал-майора Шамшина, начальника штаба корпуса полковника Шапошникова вошёл в состав ударной группировки на Харьковском направлении. Наступательная операция в течение нескольких дней развивалась успешно, и войска корпуса овладели восточными окраинами г. Харькова. Предстояли активные действия противника в направлении Донбасс Сталинград.

Обстановка резко менялась. Развернувшиеся тяжёлые оборонительные бои, выход группировки противника на фланги вынуждали части корпуса принимать меры и с тяжёлыми боями, не имея локтевой связи с соседями, отходить по рубежам. Неустойчивость общевойсковых частей создавала угрозу окружения частей корпуса. Командир корпуса требовал от меня вести беспрерывно активную разведку, не допуская окружения или выхода противника на наши тылы .

С тяжёлыми оборонительными боями, в танковых сражениях на отдельных рубежах мы наносили противнику существенные удары. До десятка и более оставлял противник сгоревших танков, массу трупов и изуродованных автомашин, бронетранспортеров. Так в течение весеннее-летнего периода, испытывая большие трудности с запасами материально-технических средств, ослабленные беспрерывными боями, неся немалые потери в личном составе, но сохранив значительную часть танков и артиллерии,мы отошли в район Вешенской переправы, где вынуждены были взять на себя ответственность в обороне переправы и пропуск большого количества разрозненных отходящих частей и тылов, штабов, отдельных групп.

Сдерживая мощные атаки сил противника по захвату переправы, сумели активно переправить скопившееся количество частей корпуса из тылов, пополнили запасы, особенно по ГСМ, боеприпасам, личным составом и артиллерией, восстановили до 20 танков.

В один из дней на передовой КП прибыли Маршал Советского Союза С.И. Тимошенко и генерал-лейтенант Н.С. Хрущев. Маршал был очень доволен состоянием войск корпуса и задал командиру корпуса вопрос: «Как могли сохранить большое количество боевой техники и артиллерии?». Командир корпуса показал на меня, сказав, что благодаря активной разведке части смогли вести устойчивое положение на оборонительных рубежах. Так была обеспечена первая награда. За все действия я был награждён орденом Красного Знамени. Вскоре образовалось новое соединение 5-й механизированный корпус во главе с генерал-майором Волковым М.В.

Январь 1944 год. В ходе наступательных операций войск 2-го Украинского фронта, куда входила 6-я Гвардейская танковая армия под командованием генерал-полковника Кравченко А.Г., создались условия окружения войск противника в районе Корсунь-Шевченковского. Командующий армией для ускорения соединения с войсками 5-й Гвардейской танковой армией под командованием генерал-лейтенанта Ротмистрова П.И. приказал командиру корпуса сформировать сильный отряд и ночью, форсированным маршем выйти в район г. Звенигорода и соединиться с войсками 5-й Гвардейской танковой армией, тем самым создав внешний фронт окружения группировки противника.

Нам удалось в тяжёлых погодных условиях и при слабом сопротивлении отдельных групп противника преодолеть 120-140 км пути, на рассвете овладеть крупной тыловой базой противника и через несколько часов соединиться с частями 5-й Гвардейской ТА. Совместно были созданы условия для внешнего фронта окружения.

За боевые суммарные действия частей корпуса и за важную роль в действиях передового отряда я был награждён вторым орденом Красного Знамени. Вручал командующий армией.

Весна лето 1944 года. В весенне-летний период в ходе активных боевых действий частей корпуса был захвачен плацдарм на реке Прут севернее Яссы, войска вышли на государственную границу с Румынией. Боевые действия не прекращались ни днем ни ночью. Авиация наносила удары по пунктам управления. Увеличивались потери офицерского состава органов управления. Я дважды вместе с командиром корпуса был контужен в развалинах блиндажа.

Активные действия разведки позволяли получать достоверные данные о положении и группировке войск противника, что позволило в планируемой операции уверенно действовать частям корпуса. Особенно отличился корпусной разведывательный батальон под командованием майора Плотникова Д.П. Батальон преодолевая сильное сопротивление противника, оторвался от главных сил корпуса и вошёл на северо-восточную окраину г. Бухарест, что значительно ускорило моральное падение войск противника и массовую сдачу в плен.

Информация о сильных действиях батальона была воспринята командующим армией с определённым недоверием. Мне ничего не оставалось, как выехать в батальон. Легковая машина, со мной два

офицера, переводчик, два автомата и самое главное — большое красное полотнище на длинной палке.

Выезжаем на магистраль Кишинёв-Бухарест, она запружена отходящими войсками, сплошная лента войск на транспорте. Даю команду поднять флаг и на большой скорости со всеми предосторожностями двигаться только вперёд. Войска не ожидали такой смелости. Тем не менее, через некоторое время мы достигли расположения батальона.

Нас с большим удивлением встречает командир батальона, а личный состав кричит «Ура». Докладываю по рации командиру корпуса, он также удивлён и крепко ругает меня за такой «подвиг».

Возвращаюсь на магистраль, со мной два румынских генерала. Докладываю командиру корпуса о прибытии в батальон и о его положении. С командиром корпуса — К.Симонов. Узнав, что я был в батальоне, он решает туда ехать. Я не советую, но в конечном итоге мы с ним вместе выезжаем. Я получил третий орден Красного Знамени.

1945 год. Забайкальский фронт. Готовится операция по разгрому Квантунской Японской армии. Август. Операция началась без выстрелов. Войска корпуса стремительно, в маршевых колоннах, на больших скоростях преодолевали степные просторы. Воздух накалён, температура за 30 градусов, источников воды нет. Изредка появляются японские самолёты. Впереди горы Б.Хингана.

Километр за километром преодолеваем расстояние и выходим на центральную Маньчжурскую низменность. Обширная местность залита водой от разлива рек и прошедших проливных дождей. Обстановка требует принятия мер по ускорению действий войск. Приняли решение на пунктах движения войск выбросить воздушный десант.

Лично меня командующий назначил командиром десантного батальона для посадки на аэродром в г. Дальний. Со мной 956 человек и представитель фронта. Под сильным прикрытием истребителей мы приземляемся на аэродром, где японскому представителю мною было выставлено требование о немедленной капитуляции. Требование приняли. Японцы знали, что их военная разведка установила движение танковых колонн.

Многие десятки тысяч японских солдат готовились противостоять 4-й и 8-й коммунистическим армиям Китая. На наше счастье, появилась небольшая группа китайских товарищей, работников арсенала, огромного по площади размещения и насыщения различным вооружением и взрывчатыми веществами. Необходимо было взять под охрану большое количество важных объектов. В городе обстановка

сложная, много войсковых жандармов и полицейских, большое количество окружных частей.

Между китайцами и японцами отношения крайне напряжённые. Пришлось немедленно, опираясь на определённый актив китайских коммунистов, организовать контроль, установить особый режим поведения населения, организовать водоснабжение и снабжение населения продуктами питаниями

Установили особое наблюдение за посольствами, дипмиссиями, банками, а также за другими стратегическими объектами. Самым главным было решение вопроса о пленении руководства военным округом во главе с Янагита, а также ареста атамана Г.М. Семёнова.

Была предотвращена попытка американцев ввести военные корабли в порт. По прибытии Маршала Советского Союза Р.Малиновского, обстановка была спокойной, управление городом было устойчивым, что получило одобрение маршала.

За свои действия и объём решённых задач я был награждён четвёртым орденом Красного Знамени.

Апрель 2003 г.

В подготовке настоящих воспоминаний оказал помощь ***Потапкин Сергей Сергеевич***, студент 4-го курса Московского государственного университета природоустройства

Лучкин Александр Михайлович

ПРИНЯЛИ ПАРТИЗАН ЗА РУССКИЙ ДЕСАНТ

Я родился в 1920 году в д. Азарово Мосальского района, Калужской области. Русский, христианин.

После окончания мосальской средней школы в 1939 году был призван в ряды Красной Армии и направлен в Киевское военно-медицинское училище. Во время Финской кампании большинство курсантов училища писали рапорты с просьбой направить в действующие части по борьбе с финами.

В 1941 году меня с одним курсантом направили в 141-ю стрелковую дивизию для прохождения практики в г. Бердичев. На летнее время дивизия выезжала в лагеря в леса под Шепетовку, где нас и застало начало войны.

22 июня 1941 года в 4 часа утра бомбили шепетовский железнодорожный узел и воинские части, которые стояли в лесах под Шепетовкой, а в 12 часов дня по радио объявили о вероломном нападении на нашу страну фашистских орд. В этот день был дан приказ дивизии двигаться к западным границам и вступить в бой по уничтожению противника. На третий день начала военных действий мы прибыли под Львов, местечко Дубно.

Нашей 141-й дивизии было придано два артиллерийских гаубичных полка. В этот же день заняли оборону, а на следующий день вступили в бой. Мы с товарищем проходили службу в медсанбате дивизии. Я отвечал за эвакуацию раненых в армейские госпиталя, а на

обратном рейсе загружали машины боеприпасами и продовольствием для воинских частей, участвующих в боях. Более месяца дивизия удерживала первоначально занятые позиции против превосходящих сил врага, особенно в боевой технике.

141-я стрелковая дивизия входила в состав 6-й армии Юго-Западного фронта. Мы слабо были вооружены, но и в первые дни боев видели, как фашисты бегут с поля боя, когда русские солдаты переходят в штыковую атаку. Помню, как в дивизионной газете сообщалось, что командир орудия т. Стрик подбивал по 3-4 танка в день, которые от прямой наводки рассыпались, как карточный домик.

С первого и до последнего дня Великой Отечественной войны находился на передовой, в гуще людей, которые прошли суровые испытания войной. Пережил горечь отступлений и отчаянные дни окружения, риск партизанской борьбы, боль кровавых ран, глухоту, полученную от контузий, и радость Победы.

Вернусь к боевым действиям, которые вела наша дивизия под Львовом в районе местечка Дубно.

На второй месяц боевых действий дивизия не имела связи с соседями, после прорыва на флангах вынуждена была оставить первоначальные позиции и стала отходить с боями. Кровопролитные бои вели за Умань и другие населенные пункты. Гитлеровцы рвались вперед, не считаясь с огромными потерями в живой силе и технике. Основные силы нашей дивизии отходили на новые рубежи обороны. Отходили мы, как правило, ночью. С наступлением рассвета вновь занимали оборону для отражения вражеских атак. Рубежи обороны заранее не готовились. Бои с каждым днем становились все ожесточеннее. Люди почти не отдыхали. Ночью — марши, а днем с рассвета и до вечера были бои. Спать приходилось урывками, в основном в дороге и на ходу.

Пользуясь превосходством в живой силе и технике, особенно в танках, гитлеровцы имели большую по сравнению с нами маневренность на поле боя. Встретив упорное сопротивление на одном участке, они быстро отыскивали другие, более слабые места, окружали и продолжали наступление.

Отражая вражеские атаки, разрывая кольцо окружения, мы медленно отходили на восток. Бои с каждым днем приобретали все более ожесточенный характер. Противник наседал со всех сторон, отбивать атаки становилось все труднее. Снаряды и патроны приходилось экономить, на исходе были и запасы продовольствия, но нас выручало население.

Отходя в восточном направлении, командование стремилось прорвать кольцо окружения, которое с каждым днем сжималось. Таких окружений было много. Потери в живой силе и технике росли. Не меньшие потери имел и враг. Отдельные участки в нашей обороне оставались оголенными, не хватало стрелковых подразделений. В окружении не было ни тыла, ни фронта. Был только один фронт. Все были в стрелковых подразделениях, в бой и в атаку ходили и солдаты, и командиры. Силы наши таяли на глазах, но мы продолжали пробиваться на восток.

С раннего утра над нашими подразделениями появлялась немецкая «рама». Этот самолет-разведчик разбрасывал листовки. Враг требовал, чтобы мы прекратили «бессмысленное» сопротивление, а если через час не начнем сдаваться, будут беспощадно бомбить. Фашисты свое слово держали. Особенно большие бои были за Первомайск, где намечался прорыв из окружения остатков 6-й и 12-й армий. Эти бои хорошо и правдиво описаны Евгением Долматовским в поэме «Зеленая Брама».

В боях за Первомайск был ранен, медицинская помощь была оказана на поле боя, потерял много крови. Когда стало ясно, что большими соединениями невозможно вырваться из окружения, была дана команда выходить из окружения небольшими группами для соединения с Красной Армией.

Выходя из окружения, мы попали в засаду немцев, и нас бросили в Уманскую «яму» для военнопленных. После двух недель в лагерях мы решили бежать. Так мы оказались на оккупированной территории.

Не в характере русского человека без дела сидеть. В Бердичеве командир медсанбата дал нам с товарищем Толочко поручение передать паспорт комиссару батальона, который находился в лагере военнопленных. Это поручение мы выполнили.

В то же время под Шепетовкой и начали действовать партизанские отряды. Нам было дано второе поручение: установить связь с партизанами. Связь с подпольем и местными партизанским отрядом была установлена в Волочискском районе Хмельницкой области.

Однажды комиссар местного портизанского отряда ценой собственной жизни спас отряд от разгрома. А было это так. Каратели выследили наш отряд и начали преследовать, а до леса нужно пройти еще километра три. Тогда комиссар установил два ручных пулемета на скирде соломы и начал обстреливать врага, а каратели думали, что весь отряд находится здесь. Взять живым комиссара не удалось, фашисты подожгли скирду, и он сгорел, но не сдался врагам.

Летом 1943 года во время сбора урожая немцы в одно из сел на Украине пригнали около двух тысяч военнопленных на уборку и

вывозку зерна в Германию. Охрана военнопленных состояла из батальона немцев, которые были отведены с фронта на отдых.

Было принято решение подпольной партийной организации и командования отряда помешать отправке урожая в Германию. Из добровольцев партизанского отряда была организованна группа из 35 человек, в которую входил и я.

Пошли на выполнение задания. Ночью сняли подвижную охрану и охрану у здания школы, где были на первом этаже размещены военнопленные. Но нам не известно было, что на втором этаже был дополнительный пост из немцев, который поднял тревогу и открыл огонь по нам.

Началась паника у немцев, они не знали, какое количество партизан окружили здание школы. Они выжидали, что будет дальше. Когда вывели последнего военнопленного, мы зажгли солому на первом этаже, а того из немцев, кто пытался выскочить из школы, мы уничтожили. В живых у них остался только один человек, который вывалился из окна первого этажа и остался лежать у фундамента незамеченным. Мы потерь не имели.

Отряд стал расти, а укрываться в безлесной местности стало очень трудно и опасно. Мы установили связь и влились в партизанское соединение, которое базировалось в Шепетовских лесах и имело связь с Большой землей.

Было принято решение идти на соединение с базовым формированием, которое находилось в Шепетовских лесах. После соединения наш отряд уже насчитывал более 500 человек. Участвовал в боях по освобождению местечка Ямполь и железнодорожной станции Лепесовка, где стоял немецкий гарнизон, насчитывающий около 500 человек.

Наша операция была рассчитана на внезапность. На рассвете немцы сняли дополнительные посты, и в это время мы начали атаку. Для немцев это было полной неожиданностью, они приняли партизан за русский десант. В результате этого боя было много уничтожено немцев, но и мы, из-за несвоевременности выполнения приказа командования об отходе в лес отряда, потеряли в этом бою около 100 человек.

Участвовал во многих других операциях. Например, когда с действующего сахарного завода нужно было вывезти готовую продукцию. Был организован вывоз более 100 подвод. Немецкая охрана завода решила, что идет большое количество партизан, а нас было всего 12 человек.

Партизанское движение в районах, оккупированных врагом, с каждым месяцем принимало все больший размах.

Гитлеровцы стали угонять местных жителей, особенно молодежь, в Германию. Дважды участвовал в освобождении людей, которых должны были угнать в Германию. Нужно видеть радость освобожденных из гитлеровской неволи. А делали мы так: останавливали состав в лесу или в степи и уничтожали охрану, состоящую из немцев или полицаев, а людей освобождали.

Приток желающих влиться в партизанские отряды усилился. В тылу врага нарастала серьезная угроза планам фашистского командования. Немцам приходилось бросать дополнительные войска на борьбу с партизанскими отрядами, танки, артиллерию и авиацию.

На территории Западной Украины действовали бандитские шайки «бендеровцев» и «бульбовцев». В марте 1944 года наш отряд соединился с частями Советской Армии и мы влились в действующие части 69-й армии 1-го Белорусского фронта. Меня направили санинструктором в стрелковую роту 909-го стрелкового полка, входившую в состав 247-й стрелковой дивизии, которая находилась на передовой.

Сражался за освобождение г. Ковель. Форсировали реку Буг, с боями изгнали фашистов с территории Польши, с ходу форсировали р. Вислу, захватили плацдарм на западном берегу Вислы в глубину до 11 километров.

Самым тяжелым оружием у нас были станковые пулеметы, а все остальное осталось на восточном берегу. Немцы и власовцы решили нас выбить с плацдарма и утопить в Висле. В связи с превосходством врага в силе и технике нам пришлось отступить и укрепиться в 3 километрах от Вислы, где мы были окружены. Тогда командир полка вызвал на себя огонь «катюш», после чего было много уничтожено немцев и власовцев, но и мы понесли большие потери.

В это время к нам подоспела помощь, были переправлены танки и артиллерия. Мы долго стояли на передовой и готовились к наступлению и боевым действиям на территории врага. Наши разведчики уходили в тыл врага за «языком», а когда не могли взять «языка», то приходилось проводить разведку боем роты или батальона.

В одном из таких боев участвовал и я. Мы захватили 5 фашистов, а нас осталось в живых 10 человек из состава роты. Во время операции нам с лейтенантом было приказано отходить последними, при отходе я перевязывал раненных солдат. Среди них был тяжело раненный лейтенант. Я его перетащил в окоп и укрыл своим бушлатом.

Когда я приполз в свою траншею и спросил, всех ли вытащили раненых и убитых, мне ответили что всех, но среди них не было лейтенанта. После этого мне дали 4-х бойцов и приказали вытащить его,

а для этого надо было проползти около 500 метров по нейтральной полосе под плотным огнем немецкой артиллерии и минометов. Мы задание выполнили, и из нас никто не пострадал.

14 февраля 1945 года в 8 часов утра началась наша артподготовка, а в это время начался такой сильный снегопад, что в 3-4 метрах не было видно человека. Перед нами была поставлена задача освободить г. Радом, а дальше освобождение узников из лагеря смерти Освенцим. Когда мы подошли к лагерю, то наши танкисты помогли нам и уничтожили охрану немцев. Наш полк перешел немецкую границу и взял город Альт. Но жителей в городе не осталось, они бежали на запад.

Дали нам час на отдых, привели себя в порядок и двинулись дальше. Пройдя с боями от Вислы до Одера, на подручных средствах с ходу форсировали р. Одер.

Наш полк преодолел речную преграду удачно, а соседний полк задержался и был обнаружен немцами, и они открыли минометно-артиллерийский огонь. Мы на «плечах» немцев ворвались в г. Лебус, расположенный на западном берегу Одера, где заняли оборону.

Фашисты по несколько раз в день переходили в контратаку, но безуспешно. Это было центральное направление, где наша 69-я армия должна была прорвать оборону Берлина.

На 16 апреля 1945 года было запланировано последнее наступление на Берлин. Это было центральное направление. Необходимо было преодолеть 17 укрепленных линий. В этом наступлении участвовало большое количество техники и впервые применены прожектора большой мощности. В бою за Берлин я был тяжело ранен и до 6 месяцев находился на излечении в госпиталях

Уволился из рядов Советской Армии как инвалид Отечественной войны 2-й группы. За выполнение боевых заданий на фронтах Отечественной войны и в тылу врага был награжден боевыми орденами и медалями: орденами Красного Знамени, Отечественной войны 2-й степени, Отечественной войны 1-й степени, медалями «За Освобождение Варшавы», «За взятие Берлина» и «За победу над Германией».

В 1946 году поступил в институт и в 1951 году закончил его. Работал в строительных организациях г. Москвы, а с 1964-1981 г. работал в Госплане СССР.

В настоящее время нахожусь на заслуженном отдыхе.

Мальцев Николай Андреевич

НА ИЛ-2 И Т-34

Родился 8 октября 1926 года в Пензенской области, Русско-Камешкирского района, село Порзово. Русский.

Воевал на 1-м Белорусском фронте — авиамехаником, воздушным стрелком на Ил-2 (апрель, май 1944); на 1-м Украинском фронте — механиком-регулировщиком, механиком-водителем, командиром танка Т-34, английского танка «Валентайн» (март-май 1945г.).

Имею два ранения и несколько контузий. Награды: ордена Сталина, Красного Знамени, Отечественной войны 1 и 2 ст., Красной Звезды, две медали «За отвагу», «За боевые заслуги», орден «За службу Родине в Вооруженных Силах СССР» 3 ст., 30 юбилейных медалей, три иностранные награды. Служба в армии — 45 календарных лет (1943—1988). Воин-интернационалист.

Действительный член Академии военных наук, заслуженный деятель науки Российской Федерации, доктор исторических наук, профессор, опубликовано более 500 трудов (18 монографий, более 150 учебников и учебных пособий). В настоящее время — заведующий кафедрой общественных наук Московского Государственного художественно-промышленного университета им. С. Г. Строганова, заместитель председателя общества «Знание» г. Москвы, председатель Совета ветеранов войны 3-й гвардейской танковой армии.

Первый день войны я встретил 22 июня 1941 года в Крыму, в городе Саки, где жил у сестры, муж которой был штурманом 9-й авиабазы бомбардировочной авиации. Эта часть передислоцировалась в Крым после войны с Финляндией весной 1940 года из Монино (Подмосковье).

В первый же день войны фашистские самолеты бомбили Севастополь и другие города Крыма, где были аэродромы, в том числе и аэродром около Саки. Несколько бомб попало в дома военнослужащих, солдатскую столовую и склад ГСМ. Кстати, с земли, из ракетниц, фашистским самолетам давали целеуказания. Как потом выяснилось, это были фашистские агенты из местного населения.

В конце июля мы с сестрой были эвакуированы в город Саратов, где жили родители. Здесь я закончил седьмой и восьмой классы и пошел в девятый. С нетерпением ждал повестки из военкомата о призыве в армию. Как только 8-го октября 1943 года исполнилось 17 лет, уже 5 ноября я получил долгожданную повестку.

Желание скорее попасть на фронт усилилось после извещения о гибели брата. Брат мой, Анатолий Андреевич, родился в 1918 году, в 1939 году был призван в ряды Красной Армии. Службу проходил сначала на Кавказе, затем в Иране, в марте 1942 года их 63-й горнострелковый полк перебросили в Крым на защиту города Севастополя. На фронте он стал коммунистом, начальником радиостанции, был награжден медалью «За отвагу». Я хотел отомстить фашистам за гибель брата.

Радость моя была безмерна. Меня направили учиться на летчика в Качинскую авиашколу, которая из Крыма была эвакуирована в г. Красный Кут Саратовской области. Однако через месяц Сталин приказал: курсантов, не имеющих десятилетнего образования, перевести учиться в школу младших авиаспециалистов при авиашколе. Три месяца пролетели быстро, и я, к этому моменту уже сержант, получив аттестат авиамеханика, был отправлен в 8-ю авиашколу пилотов в г. Серноводск Куйбышевской области. Здесь курсанты получали первоначальное летное обучение на самолетах УТ-2.

Я просился на фронт, и только через полтора месяца мою просьбу удовлетворили. Меня направили на 1-й Белорусский фронт в 96-й гвардейский отдельный авиаштурмовой полк, дислоцировавшийся в Белоруссии. Я стал авиамехаником самолета Ил-2. «Черной смертью», «летающим танком» прозвали немцы грозный штурмовик.

Боевых вылетов Илов в день было много. Авиатехнический состав с трудом успевал готовить самолеты к вылету. А у меня прибавилась работа и по политической линии, я был избран комсоргом эскадрильи. Много неприятностей доставляли личному составу пол-

ка почти ежедневные налеты на аэродром фашистских стервятников. В один из них отличился и я, о чем сообщил «Боевой листок»: «Авиамеханик гвардии сержант Мальцев 9 апреля во время налета вражеской авиации на аэродром проявил бесстрашие и героизм. Когда Ил-2 с подвешенными бомбами и реактивными снарядами был подожжен, Мальцев вместе с оружейником Кравцовым, который пришел на помощь, бросились к самолету и вступили в схватку с огнем. Пламя, которое подходило уже к бензобакам, им удалось ликвидировать. В это время у штурмовика ложились фашистские пулеметные очереди, но два смельчака, рискуя жизнью, спасли самолет. Авиаторы! Берите пример с комсорга Мальцева и оружейника Кравцова!»

Через несколько дней мне и сержанту С. Кравцову были вручены правительственные награды — медали «За отвагу». Это были наши первые награды

Фронтовая жизнь для авиатехнического состава была сложной, беспокойной и трудной, фактически от зари до зари мы были на аэродроме. Иногда спали по очереди, тут же в землянке, где было не так уютно, но тепло. Немало было забот и у командного состава — после каждого боевого вылета были большие потери летчиков и особенно среди воздушных стрелков, защищавших хвост самолета.

По мнению летчиков, профессия воздушного стрелка на всех видах самолетов была самой опасной на войне. Когда резервы воздушных стрелков были выбиты, их место занимали авиамеханики, авиамотористы, оружейники и другие авиаспециалисты, подготовленные для боевых вылетов. Подошла очередь и для меня. Комэск капитан Желтов вызвал меня и спросил: «Готов ли комсорг к боевому вылету?» — «Всегда готов!» — «Тогда завтра летишь с Захаровым».

16 апреля 1944 года состоялся мой первый боевой вылет на штурмовку врага в районе Варшавы. Когда пересекали линию фронта, по «илюшиным» снизу били зенитки, сверху и сзади налетали вражеские истребители.

Я начал отстреливаться. Старший лейтенант Захаров кричит: «Коля! Лучше целься! Не спеши! Стреляй короткими! Экономь патроны, впереди еще предстоят бои». А я шуровал вовсю. Началась штурмовка, я знал из рассказов, что такое пикирование до высоты 50-100 метров, но то, что я испытал на себе, это трудно описать.

Мы сделали три захода, сбросили бомбы, стреляли из пушек, реактивными снарядами по танкам, по скоплениям гитлеровцев. Вышли из пике, поднялись примерно до 2000 метров и взяли курс на аэродром. И тут снова набросились на нас «мессеры». Я стрелял остатками боезапаса. Гитлеровец почувствовал, что у меня на исходе боеприпасы, и совсем обнаглел. Он приближался почти вплотную к хвосту, я видел его оскал. Фашист пулеметной очередью сбил надо мной плексигласовый фонарь, несколько пуль впились в правое крыло самолета, показались языки пламени.

— Стрелок! — услышал я голос командира. — Ты прыгал с парашютом?

— Да, был такой случай. Вытолкнули меня один раз в авиашколе, — ответил я.

— На всякий случай приготовься, — предупредил Захаров.

Ил-2 расстрелял последние реактивные снаряды, сбросил бомбы на противника, и самолет быстро стал набирать высоту. Летчик сделал несколько резких виражей на скольжение крылом, и удалось сбить пламя. В это время пришли на помощь Илам три советских истребителя Як-3, они завязали бой с «мессерами» и дали нам уйти. Этот бой я запомнил на всю жизнь.

20 апреля вылетели семью Илами на предместье Варшавы, Прагу, разбомбить железнодорожный мост, скопление фашистской техники на станции. Шли на высоте двух-трех тысяч метров. Приближаемся к цели, начали снижаться, и вдруг из-за облаков на нас набросилось более десятка «Фокке-Вульфов».

К сожалению, наши истребители, которые должны были нас сопровождать, где-то задержались. Штурмовики заняли круговую оборону, но они разбили наш строй. Три Ила, в том числе и наш, откололись от своих и пошли на снижение. Мы пикировали на мост так низко и стремительно, что «Фокке-Вульфы» от нас отстали. Первой бомбой Герой Советского Союза капитан Филатов поразил мост, а мы на станции штурмовали автобронетехнику. За два захода с высоты 30-50 метров уничтожили три платформы с фашистскими танками и бронетранспортерами, расстреляли до сотни гитлеровцев.

До первомайского праздника экипаж еще три раза вылетал на задание, а 1 мая сделали два боевых вылета, один из них вечером. У меня сменился командир, место раненного Захарова занял лейтенант И. Коробов. При встрече с «мессерами» он крикнул: «Стрелок, смотри в оба, перед нами матерые эсесовцы, береги патроны, пригодятся!» Тут я и поймал в прицел фашиста, нажал на гашетку и стрелял, пока не увидел черный шлейф дыма.

В наградном листе записано: «В период 16-30 апреля воздушный стрелок сержант Мальцев сделал шесть боевых вылетов, во время атаки фашистских самолетов он, мастерски владея пулеметом, защи-

щал Илы. 1 мая Мальцев дважды вылетал на боевые задания, которые были выполнены экипажем с большими потерями для врага. И в этих боях он действовал смело и решительно. Во время схватки с «мессершмиттами» воздушный стрелок Мальцев был ранен в голову. Истекая кровью, продолжал прицельный огонь и сбил фашистского стервятника. За героизм и бесстрашие в боях тов. Н. Мальцев достоин ордена Отечественной войны».

Получал я орден, уже будучи в госпитале в г. Пензе. Здесь же я узнал и о награждении моего командира Коробова орденом Красного Знамени.

На Т-34

Лечение было недолгим. Меня отправили на пересыльный пункт в Татищевские лагеря вблизи Саратова, откуда обещали направить в свою часть. Однако время шло, а с возвращением в родной полк не получалось. Приезжали «покупатели» из разных родов войск, но ни одного — из авиации. Где-то в конце июля 1944 года приехал капитан под хмельком. «Танкисты есть?» — Отозвались трое. — Мне надо пятнадцать человек». Я пошептался с земляком, авиамотористом Сергеем Коротковым, с которым познакомился в госпитале. Капитан говорит: «Вижу, что вы авиаторы. Воевали, но, видно, живого немца не видели. Что ждете? Гитлеру скоро капут. Поехали со мной, Берлин будете брать». Решили, и через три дня пути в поезде оказались в Верхнем Уфалее, в 29-м учебном танковом полку. «Сколько будем учиться и когда на фронт? — мучили мысли. — Может быть, месяца через три? А может быть, прокантуемся с полгода и войне конец?» А тут еще, вместо учебы, в конце августа послали в Аргаяш заготавливать картофель. Настроение совсем упало.

Однако фронт требовал резервов. Начался учебный процесс по десять-двенадцать часов в сутки. Готовили нас механиками-водителями танков Т-34. Суров климат на Урале. Броня танков зимой как лед, а внутри — холодильник. Но у всех была цель — скорее на фронт. Ради этого преодолевались все трудности.

И вот три месяца учебы позади. В начале февраля 1945 года в Нижнем Тагиле получаем новенькие Т-34, с пушкой 85 мм. Экипаж усовершенствованного танка Т-34-85 состоял уже не из четырех, а из пяти человек. Вел огонь из пушки теперь командир орудия. А командиру танка вменялось в обязанность вести наблюдения, давать целеуказания, руководить маневром боевой машины и работать на радио-

станции, отныне установленной в башне. Взамен стрелка-радиста введена должность пулеметчика, которому предоставлена возможность находить и поражать цели метким огнем лобового пулемета. Прежние обязанности остались за механиком-водителем и заряжающим. Сразу же из ворот завода выезжаем на полигон, проводятся ротные тактические учения с боевой стрельбой, и поезд несет нас на Запад! Разгрузились в Польше, в Катовицах.

Маршевая рота капитана Моисеева прибыла в 56-ю гвардейскую танковую бригаду полковника Захара Карповича Слюсаренко 3-й гвардейской танковой армии генерала Павла Семеновича Рыбалко. Оба — Герои Советского Союза. Молодые танкисты испытали большую радость: служить в подчинении у таких людей... Я воевал до Победы. А мой земляк Сергей Коротков от фаустпатрона погиб в Берлине, при форсировании канала Тельтов.

Штурм Берлина

16 апреля 1945 г. перед началом Берлинской операции гвардии я, к тому времени старший сержант, был принят в партию. Начались кровопролитные бои за Берлин, которые по ожесточенности превосходили сражения за Москву и Сталинград.

Немцы дрались с отчаянием смертников, отступать им было некуда, да и эсэсовцы таких расстреливали на месте. Для меня началась новая фронтовая жизнь. Каждый день, ночь, час и минута представляли смертельную опасность. С 16 по 30 апреля 1945 года я три раза горел в танке, половина из членов экипажа были убиты или ранены, я же отделался двумя легкими ранениями и контузиями, приобрел боевой опыт. А когда оставался без танка, брал в руки автомат и действовал в качестве десантника-автоматчика, ходил в цепи в атаку на гитлеровцев. Приходилось пересаживаться и на английский танк «Валентайн», ходить на нем в разведку.

Был случай, когда, оставшись без танка, я обратился к комбату майору А. Жабину. Он в ответ: «Резерва танков нет. Хотя есть выход. Видишь на поле боя «тигра»? Немцы со страху бросили. Возьми тягач и приволоки его. Вот тебе и будет танк». Пришлось мне взять в плен «тигра», а потом сходить на нем в контратаку на немцев, забыв при этом перекрасить на броне фашистские кресты на красные звезды. Но это уже другая, не менее интересная история.

А вот еще страницы из моих суровых будней из фронтовой жизни в Берлинской операции.

В боевом донесении в политотдел 7-го гвардейского танкового корпуса начальник политотдела бригады подполковник М. Большов сообщал: «Храбро и дерзко действовал в бою гвардии старший сержант Н. А. Мальцев. Будучи механиком-регулировщиком, он под ураганным огнем противника эвакуировал с поля боя шесть подбитых танков Т-34, «пленил» два фашистских «тигра». Добираясь до подбитого танка в районе Миссен, тов. Мальцев Н. А. встретился с фаустниками и, благодаря его геройству, ворвался в траншею противника и уничтожил 4 фрицев и взял в плен 9 фаустников».

В наградном листе говорится: «Ст. сержант Мальцев Н. А. за время боевых действий с 16.04.45 по 23.04.45 г. проявил себя настоящим, бесстрашным, храбрым воином Красной Армии. Заменив убитого в бою механика-водителя в экипаже лейтенанта Бовта, Н. А. Мальцев, умело маневрируя танком Т-34 в районе Ильмендорф, подвел его на близкое расстояние к вражеским «пантерам», из которых три были уничтожены огнем из пушки, гусеницами он подавил дзот и несколько фаустников».

За отважные и умелые действия, проявленную храбрость в бою я и другие члены экипажа были награждены орденами Красной Звезды.

А вот еще, можно сказать, целая боевая история, которая до сих пор неполно освещена в военно-исторической литературе (в книге о боевом пути 7-го гвардейского танкового корпуса, частично упоминается в трудах П.С. Рыбалко, С.И. Мельникова, З.К. Слюсаренко). Речь идет о таране «тигров» под Красным Знаменем.

30 апреля 1945 года фашистское логово было уничтожено. В Берлине над Рейхстагом отважные воины Советской Армии Михаил Егоров и Мелитон Кантария водрузили Знамя Победы. Танкисты, мотострелки, артиллеристы, саперы, связисты — все рода войск 7-го гвардейского танкового корпуса, как и все воины, сражавшиеся за Берлин, в эти майские дни после ожесточенных боев отдыхали, наслаждались весной, победой. Расслабились, отсыпались, мечтали о том радостном времени, которое ждет их впереди. Строили планы на послевоенное время, одни собирались учиться в институтах и в военных училищах, другие — работать на заводах, в колхозах, третьи — продолжать службу в армии, защищать Родину.

Но была у всех главная мечта — скорее вернуться домой, повидаться с родными, любимыми, женой, девушкой, которые ждут — не дождутся солдата с войны. Правда, не все могли встретиться с родными. Война унесла у многих отцов, матерей, братьев, сестер и других родных. Не у всех были и любимые девушки, ведь нам было по

18-20 лет, не успели мы с ними до войны завязать дружбу, большинство из нас не испытали и первой любви.

У всех воинов была жажда к жизни, вера в хорошее, радостное будущее. Главное война позади, она закончилась, мы остались живы!

Как оказалось потом, радовались мы рано. Пожар войны еще не был потушен. Пришел приказ готовиться к маршу. Что случилось, что произошло, зачем и куда марш? Было много разных версий. Может быть, недружелюбно повели себя союзники, ведь в США к власти пришел новый коварный президент Трумэн?

А вдруг, направят усмирять Японию, давали же мы обязательство? Но больше всего было разговоров о том, что где-то необходимо было добить фашистскую группировку, стремящуюся прорваться к американцам В общем, солдатских домыслов было много, воины не знали планов Ставки, мы должны были просто выполнить приказ.

Началась тщательная подготовка к маршу. Дел и забот было много. Провели техосмотр танков и другой боевой техники, загрузили боеприпасы, заправили танки ГСМ, получили сухой паек на три дня. С коммунистами, комсомольцами, со всем личным составом были проведены политинформации, беседы, встречи с фронтовиками. В батальон прибыло пополнение: маршевая танковая рота из Нижнего Тагила, где я в начале 1945 года получал свой первый танк. Из 10 новых танков нашей роте выделили только два. В роте стало всего шесть исправных танков, на случай боевых действий маловато.

Оказалось, что среди членов экипажей было только по одному человеку в танке, которые уже участвовали в боях, остальные еще не нюхали пороха. В связи с этим командир батальона произвел перестановки. В некоторых танках не обстрелянных воинов заменили танкистами, имевшими боевой опыт. В основном это коснулось командиров танков и механиков-водителей. Остальных членов экипажа оставили из нового пополнения

Перестановка кадров коснулась и нашего экипажа. Я был назначен механиком-водителем нового танка под номером 317, однако прибывшего командира танка младшего лейтенанта А. Петрова не заменили, хотя он и не участвовал еще в боях. Как мне объяснил зампотех танкового батальона капитан Плужников, в резерве батальона командиров танков не было, поэтому на меня, как комсорга роты и опытного механика-водителя, легла повышенная ответственность за состояние боевой машины и людей. В экипаже был заменен также и радист-пулеметчик: прибыв в часть, он чем-то заболел. По моей

просьбе, из старого экипажа нам дали опытного, боевого пулеметчика Павла Бурова, который был по возрасту на десяток лет старше нас. Это была хорошая морально-практическая поддержка экипажа.

Знакомство с экипажем происходило в ходе подготовки танка к маршу. Оказалось, что младший лейтенант Анатолий Петров был из г. Горького, вместе с отцом работал на танковом заводе, до этого окончил при заводе ремесленное училище, а затем годичные курсы танкового училища. Жениться не успел, но в Сормово живет, и, как он сказал, будет ждать его, симпатичная Юля. Его мечта — после войны учиться в бронетанковой академии. Очень жалел, что не успел принять участие в разгроме фашистского логова.

Из прибывшего пополнения в экипаже был оставлен наводчик младший сержант Сергей Катаев из Вологды, 1927 года рождения, из рабочей семьи. Прибыл, как он заявил, отомстить Гитлеру за погибшего брата, да, видно, опоздал. Из разговора узнал, что Сергей учился на механика-водителя Т-34 на Урале, в том же полку, где и я. Из нового пополнения в экипаже остался и заряжающий танка рядовой Касимов, маленького роста, щуплый паренек одного со мной года рождения. Работал слесарем-инструментальщиком в г. Казани, сирота. Хотел служить в морской пехоте, да вот ростом не вышел, не приняли. Военком сказал, что его место в танке

— Жаль, что война окончилась, не удалось проверить себя в бою, — пожаловался заряжающий.

— Не огорчайся, — включился в разговор командир танка. — На нашу жизнь врагов еще хватит, надо учиться защищать Родину.

Знакомство с членами экипажа прервал подошедший замполит танкового батальона майор Ф. Солдатенков.

— Смирно! Товарищ майор, экипаж готовится к маршу, — доложил замполиту младший лейтенант Петров.

— Вольно! Продолжайте подготовку. Мне нужен комсорг роты, — обращаясь ко мне, сказал замполит. — Сколько комсомольцев в двух прибывших экипажах? — спросил он.

— Восемь членов ВЛКСМ и один кандидат в члены партии, — ответил я. — Мы его введем в состав комсомольского бюро батальона. Таким образом, наша танковая рота вновь будет комсомольской.

— Это хорошо, — одобрил инициативу замполит. — Значит, и воевать будете по-комсомольски, — и вдруг, замолчал, дав понять, что сказал чго-то не го

— Значит, война еще не закончилась, — как бы с радостью воскликнул командир танка.

— Не буду от вас скрывать, хотя еще подробно и сам не знаю, какая будет задача. Но повоевать придется, поэтому тщательно готовьтесь к маршруту, ко всем видам боевых действий. А вам, товарищ Мальцев, необходимо провести беседу с пополнением. Расскажите о боевом пути нашей бригады, корпуса, армии, о нашем командующем — генерал-полковнике П. С. Рыбалко. Поделитесь опытом боев за Берлин. Для проведения ротного комсомольского собрания времени не будет, организуйте работу по экипажам. Всем напомните: главное на марше — скорость, соблюдение дистанции, порядка и дисциплины, бдительность. Уделяйте больше внимания новому пополнению.

— Будет сделано, товарищ гвардии майор, комсомольцы роты не подведут, — заверил я замполита. Заместитель командира танкового батальона по политической части гвардии майор Ф. Солдатенков быстро пошел к другому экипажу, и в это время раздалась команда командира роты:

— По машинам! В колонну, за мной, марш!

Это было 4 мая 1945 г.

Тридцатьчетверки, одна за другой, набирая скорость, вытягивались в колонну на автостраде, идущей из Берлина на юг. Примерно через час движения колонны командир танка младший лейтенант А. Петров, взглянув на карту, сказал:

— Братцы, судя по маршруту, мы идем к р. Эльбе, может быть на встречу с союзниками?

— Вот здорово было бы, — раздался голос радиста-пулеметчика. Возможно, придется «махнуться не глядя» с американцами какой-нибудь безделушкой, у меня кое-что для этого найдется. Никто из членов экипажа на предложение радиста не среагировал. Молодые танкисты еще не знали сущности фронтовой игры-забавы «махнемся не глядя». Я тоже промолчал, так как поддержать эту игру у меня было нечем.

Темп марша нарастал. В наушниках то и дело раздавались команды: не отставать, держите дистанцию, вперед! Пройдя километров пятьдесят, колонна остановилась.

— Командиры танков, ко мне, — прозвучала команда командира батальона майора А. И. Жабина.

Выпрыгнув из танков, офицеры побежали к комбату. Мы рассчитывали на привал, но прозвучал приказ из машин не выходить.

Минут через десять вернулся командир танка. И уже в машине, сказал: «В районе Дрездена быть готовым к бою, там обнаружены скопления танков и пехоты. Нашей бригаде приказано разгромить эту группировку». О том, что мы пойдем в Чехословакию, мы еще тогда не знали.

Встреча с противником произошла в полдень, 6 мая в районе Дрездена. Бой сразу же принял ожесточенный характер. Мы не ожидали, что после падения Берлина фашисты будут так упорно, ожесточенно сопротивляться. Гитлеровцы весь свой огонь сосредоточили на нашем танковом батальоне, который находился в первом эшелоне бригады. Пришлось спешно разворачиваться и принимать бой и нашей роте, в которой вместо десяти танков находилось всего шесть. Рота развернулась на фланге, где против нас наступало более 10 «тигров» и «пантер».

Фашистские танки открыли огонь по Т-34 еще издалека, снаряды ложились рядом с нашими машинами. Т-34 пошли на сближение с «тиграми», заработали и наши орудия. Но перевес сил был явно на стороне врага. От точных попаданий противника загорелись сразу два наших танка. Трем членам экипажа удалось покинуть машины, но тут же они были сражены автоматными очередями. Сердце сжималось от боли за гибель однополчан-товарищей. Наш танк усилил огонь из орудия, и было видно, как закрутился на одном месте Тигр, второй выстрел командира орудия гвардии сержанта Пожидаева пришелся по его борту, и он загорелся.

— Молодцы! — услышали похвалу комбата. — Держитесь! Ребята, экономьте снаряды, впереди еще много будет работы! — предупредил А. Жабин.

Словно предвидел комбат — из-за холма медленно выползала новая группа фашистских танков и бронетранспортеров с пехотой. Командир бригады по радио спросил Жабина: «Ну, как, справишься?» «Трудновато будет, но постараемся», ответил комбат. Четыре советских Т-34 приняли вызов десятка немецких «тигров» и около батальона автоматчиков. «Рота» остановилась, ведя огонь из орудий и пулеметов.

— Почему стоите? — спросил Жабин, — не подставляйте борта танков. Вперед! Ведите огонь из орудий с ходу.

— Снаряды на исходе, — доложил комбату старший лейтенант Потехин. И вновь по радио раздался голос комбрига:

— Ну, как, Жабин, тяжело?

— Очень тяжело, «тигры» звереют. Нужна помощь, — не выдержал комбат.

— Держись, Жабин, у меня тоже жарко, надо выстоять и победить!

И все же комбриг прислал помощь. Два Т-34 присоединились к роте и открыли огонь.

Вдруг в эту критическую минуту мы увидели, как над танком комбрига взвилось алое гвардейское Боевое Знамя бригады. Комбриг решил внезапностью ошеломить противника. Танк комбрига устремился в атаку, увлекая за собой остальные танки. Механик-водитель танка комбрига старшина Бабаян, ловко орудуя рычагами, направил танк в гущу фашистских машин. Гитлеровцы, увидев над советским танком развевающееся Красное Знамя, словно взбесились, открыли по танку комбрига ураганный огонь из всех видов оружия.

Мальцев, — слышу голос командира танка младшего лейтенанта Петрова, — подходи ближе к комбригу, надо подстраховать Знамя и его танк.

Выполняю приказ командира, разворачиваюсь, и идем на помощь комбригу. А в это время с бронетранспортеров спешились автоматчики эсесовцы, быстро приближались к танку З. К. Слюсаренко.

— Вот сволочи, — со злостью произнес по ТПУ (танко-переговорное устройство) младший лейтенант. — Хотят захватить наше Знамя.

— Командир, — кричит по ТПУ заряжающий, — рядом с немцами показались какие-то непонятные фашисты, я впервые их вижу.

— Где ты их видишь?

— Смотри левее!

Действительно, впереди немцев бегут какие-то с автоматами и фаустпатронами в руках, одетые в полуфашистскую форму. По мере их приближения к танкам стали видны на рукавах нашивки с царским хищным орлом, а у одного в руках маячил трехцветный флаг. А когда мы услышали недружный крик «Ура!», стало ясно, что это предатели Родины — власовцы.

— Ну вот, снова повстречались с «земляками» — проворчал радист пулеметчик Буров и нажал на гашетку пулемета.

— Заряжающий, — раздался голос командира, — заряди-ка осколочным, я порадую этих гадов.

Вдруг, кто-то из них закричал:

— Братцы, не стреляйте, я из Казани. — И в ту же секунду упал, сраженный в спину выстрелом эсесовца.

Советские танкисты из всех видов оружия рассеяли группу предателей.

Боевая обстановка осложнялась с каждой минутой. Превосходство сил было на стороне противника. Танкисты, автоматчики гвардейцы бригады стояли насмерть.

Неожиданно в расположении противника стали рваться снаряды. Это на помощь подоспели самоходки и автоматчики 184-го гвардейского тяжелого самоходно-артиллерийского полка. Одну группу автоматчиков возглавлял комсорг полка младший лейтенант Алексей Булычев. Фашисты и власовцы, оставшиеся в живых, заметались, прятались за свои танки и бронетранспортеры. Но четыре «тигра» упрямо сближались с танком комбрига. Наш Т-34, ведя огонь с ходу (стрелять из орудия взял на себя командир танка), также приближался к танку полковника З. К. Слюсаренко.

— Ребята, попал! — радостно закричал по ТПУ наш командир. — Горит «тигр», смотрите.

Экипаж был рад за младшего лейтенанта, ведь это был первый подбитый им фашистский танк. Однако наша радость была кратковременной. Справа от нас загорелся и наш танк, его подбили из фаустпатрона.

— Николай, на помощь, вперед! Радист, прикрой ребят пулеметным огнем, — взволнованно распорядился младший лейтенант Петров.

Из горящего танка выскочили два танкиста, на одном уже дымился комбинезон. Ждали других, но неожиданно раздался взрыв боеприпасов, находившихся в танке, и шестнадцатитонная башня тридцатьчетверки упала недалеко от нашей машины. Гибель товарищей ослабила внимание экипажа, и тут же «тигр» влепил болванкой в наш танк. Удар, к счастью, пришелся по башне, снаряд срикошетил, не причинив особого вреда. Пока беда нас миновала.

Танковый поединок продолжался, никто не хотел уступать, но развязка приближалась. Огонь из орудия вести становилось все труднее, можно было попасть в своих.

— Мальцев, — закричал младший лейтенант, — я даже вздрогнул. — Ты что, не видишь, «королевский тигр» хобот свой на нас наводит! Быстрее убери борт!

— Вижу, командир, разворачиваюсь. А вы накажите его!

Даю полный газ, выжимаю рычаг поворота двумя руками, быстро создаю условия для выстрела командиру. Однако что-то он замешкался, и сильный удар под башню оглушил меня. Очнулся, когда меня тряс пулеметчик.

— Николай, Коля, очнись, — кричал он, — скорее уходи, сейчас будет снова выстрел «короля».

Но фашиста опередил командир, он всадил в «королевского тигра» советскую болванку, а фашистский водитель также успел убрать

борт, и болванка срикошетила от башни. Мы ждали нового выстрела «королевского тигра», но неожиданно танк неуклюже развернулся и присоединился к тем трем «тиграм», которые шли в лоб на танк комбрига. Видно, Красное Знамя бригады не давало покоя фашистам, они решили все силы сосредоточить на его уничтожении или пленении.

— Механик, — слышу голос командира танка, — подходи еще ближе к комбригу.

Вижу, что слева и справа от меня два Т-34 также взяли курс на танк комбрига. Настроение улучшилось — значит, не одни. Наступала последняя, решительная схватка. Но что это? Наши Т-34 спешат к танку комбрига, и фашистские «коробочки» на большой скорости идут туда же. Впереди три «тигра», один из них «королевский», более тяжелый. Мелькнула мысль: «Неужели стервятники пойдут на таран? Вроде гитлеровцы этим не отличались?»

А что оставалось им делать? Непрерывный, почти пятичасовой танковый бой создал обстановку, в которой и у нас, и у фашистов боеприпасы были на исходе, когда противоборствующие стороны настолько сблизились, что ведение танкового и пулеметного огня стало небезопасным для обеих сторон. Для победоносного исхода боя оставался один выход — идти на таран. Видимо, фашистам не хотелось сдаваться в плен советским войскам. Исход боя теперь зависел от умения, опыта, выдержки и мужества танкистов.

Мои мысли были прерваны командиром бригады З. К. Слюсаренко.

— Гвардейцы-рыбалковцы! — Обращаюсь ко всем. Близка окончательная победа над фашизмом, но нам выпала честь дать, может быть, последний бой, жестокий и суровый. Не все все из нас встретят День Победы, но потерять Боевое Знамя бригады — это потерять честь и достоинство солдата Красной Армии. Я уверен, что каждый из вас проявит мужество и отвагу. Родина нас не забудет! Вперед, на врага!

— Все слышали обращение комбрига? — спросил командир танка.

— Все, — дружно ответил экипаж.

— Что будем делать? — продолжал младший лейтенант.

— Выполнять приказ комбрига, — вновь дружно ответили члены экипажа. Будем драться до последнего патрона, снаряда. Умрем, но Знамя врагу не отдадим.

— Решение одобряю, — подчеркнул Петров, — теперь главное не подкачать.

— Механик, короткая! — неожиданно крикнул командир танка.

— Есть дорожка, — кратко ответил я и плавно остановил танк.

Минута, вторая, — выстрела нет. «Чего он возится, почему не стреляет так долго, ведь стоять — смерти подобно,» — подумал я о своем командире. И в это время прозвучал выстрел. Машина вздрогнула.

Смотрю в триплекс — ничего не видно. Делаю рывок танка вперед, одновременно приоткрыл люк механика-водителя. Смотрю и кричу:

— Командир, есть попадание! — радуюсь за младшего лейтенанта. И тут слышу голос заряжающего:

— Товарищ командир. Бронебойные и подкалиберные снаряды закончились, остались одни осколочные.

— Жаль, — высказал сожаление А.Петров. — Теперь «тигры» становятся более опасными. — Мальцев, Николай! — Если вдруг фашисты пойдут на таран, что будем делать?

Сказывалось отсутствие боевого опыта у младшего лейтенанта.

— Не волнуйтесь, товарищ младший лейтенант. Мы школу таранов уже проходили, как на учебном полигоне, так и в бою. Экипаж знает, что и как делать в таких случаях, нам не впервые давить гадов.

— Ну, тогда действуй, — неуверенно распорядился Петров, — готовь экипаж к тарану.

— Экипажам приготовиться к тарану, — опередила команда комбата. — Удар нанесем одновременно всеми танками по моей команде, на таран идут ближайшие к «тиграм» пять Т-34. Беспокоюсь за новичков в экипаже.

— Командир, — обращаюсь к Петрову. — Может быть, троим покинуть танк, зачем всем рисковать?

Мое предложение услышали все члены экипажа и в один голос заявили, что покидать машину не будут и на таран пойдем вместе. Лейтенант одобрил решение экипажа.

— Ну, тогда слушайте советы: всем проверить люки. Замки закрывания люков сильно не затягивайте! Заряжающему в момент тарана освободить казенник орудия от снаряда, проверить надежность десантного люка, ослабить его фиксирующий запор. В танкошлемы вложить перчатки или ветошь, кто что сможет, в момент удара плотно прислониться танкошлемом к броне. Главное — спокойствие, выдержка и взаимопомощь. Вопросы есть?

Тишина. И вдруг слышу:

— Экипаж к тарану готов! — весело за всех ответил Павел Буров — пулеметчик, старший по возрасту в экипаже.

— Еще советы, — продолжал я. — После тарана каждый обязан посмотреть друг на друга, не нужна ли кому срочная помощь, проявите выдержку, сразу не выскакивайте из танка, если даже вас будет припекать. Пусть это сделают сначала фрицы, тут их мы и подстрелим. Их танки на бензине, они скорее загорятся.

Четыре лучших тяжелых немецких танка «тигр» и «королевский тигр» вышли на пять советских средних танков Т-34. В одном из них с развернутым Боевым Красным Знаменем 56-й гвардейской танковой бригады находился командир этой бригады Герой Советского Союза полковник Захар Карпович Слюсаренко, в другом — отважный командир 2-го танкового батальона — майор Андрей Иванович Жабин.

Редкий огонь велся на ходу как советскими, так и фашистскими танками. Близкое расстояние между нашими машинами и фашистскими затрудняло вести прицельный огонь и нашим самоходкам. И все же, когда расстояние между танками стало еще меньше, один из наших Т-34 был подбит и вышел из строя. Соотношение танков выровнялось: четыре советских Т-34 на четыре немецких тяжелых «тигра», явно не в нашу пользу.

— Механик, — раздался голос командира танка Петрова — держись правее, кажется, комбриг и комбат Жабин избрали себе жертвы, они идут на «тигров». Скорее всего, нам достался «королевский тигр». Смотри в оба!

— Понял вас, все будет в порядке.

Даю полный газ. Для тарана главное набрать скорость, особенно против такой махины, которая почти в два раза тяжелее Т-34. Смотрю, чуть правее нашего танка догоняет тридцатьчетверка под номером 307, по номеру танка узнаю, что на помощь нам спешит мой друг механик-водитель Саша Алешин. (После войны он, будучи шофером, станет Героем Социалистического Труда.) Сообщаю об этом экипажу, чувствую, что настроение у всех поднялось. Радист — пулеметчик Буров достает флягу со спиртом.

— Командир, может быть, выпьем свои фронтовые 100 грамм? — предложил он. Молчание, Никто Бурова не поддержал.

— Когда раздавим фашистских гадюк, тогда и выпьем, — за всех ответил я.

Одновременно, когда до контакта боевых машин оставалось метров двадцать-двадцать пять, неожиданно фашистские танки остановились, а затем стали пятиться назад, разворачиваться. Видимо, у гитлеровцев сдали нервы.

— Вперед! — прозвучала команда комбрига. И его танк заволокло черным дымом, так газанул механик-водитель Андроник Бабаян.

— Вперед! — повторили команду и комбат, и командиры рот и танков. Я нажал ногой педаль газа до упора.

Четыре танка Т-34, выстроившись в линию (пятый танк Алешина отстал, экипаж восстанавливал перебитую гусеницу), стремительно догнали «тигров» и на большой скорости всей мощью вгрызлись в броню фашистских танков. Раздались оглушительные удары, взрывы, скрежет металла, человеческие крики. Наша тридцатьчетверка нанесла с ходу удар по правому ведущему колесу почти семидесятитонного фашистского чудовища. Удар был такой силы, что верхние люки нашего танка и левый ленивец гусеницы отлетели на несколько десятков метров, Т-34 по инерции забрался на трансмиссию «тигра». Жалкими выглядели и фашистские танки: бока у них были помяты, гусеницы разлетелись, катки у двух танков оказались за десятки метров, все они сначала задымились, а затем и загорелись. В то же время показались языки пламени и у нашей машины.

Примерно такая же картина была и с остальными таранящими танками. Из всех горящих танков быстро выскакивали танкисты, вслед им раздавались автоматные и пистолетные выстрелы. Зная об этом, члены нашего экипажа покинули танк через десантный люк. Сильно пострадавших среди членов экипажа нашего танка не было. Лишь мне была оказана помощь — я был контужен в голову. В других наших танковых экипажах были убитые и раненые, особенно после загорания машин. Легко был ранен и комбриг, контужен А. Жабин. Танк комбрига дымился. Предусмотрительно Боевое Знамя еще до тарана было передано на бронетранспортер, где находился штаб бригады.

В этом ожесточенном бою с групповым тараном были потери с обеих сторон. Противник потерял 12 танков, в том числе и при таране. Два «тигра» были захвачены исправными, уничтожено 11 бронетранспортеров, 21 автомашина. На поле боя осталось более 300 гитлеровцев, более 200 фашистов были взяты в плен. Остатки разгромленной фашистской группировки отошли к р. Эльбе.

После боя комбриг построил участников сражения и подошедшие остальные части и подразделения бригады. Перед ними пронесли Боевое Красное Знамя бригады, которое имело семь пробоин от пуль и осколков. В честь победы прозвучало гвардейское «Ура!». Подъехал командир корпуса генерал-майор В.В. Новиков. Он поздравил участников операции с большой победой, объявил всем благодарность, вручил группе отличившихся правительственные награды: трем коман-

дирам танков и механикам-водителям, участвующим в таране и спасении Знамени бригады вручены были ордена Красного Знамени, многие награждены орденом Красной Звезды и медалями «За отвагу». Комбриг З.К. Слюсаренко 31 мая 1945 года станет дважды Героем Советского Союза, его механик-водитель гвардии старшина Андроник Бабаян и комбат А.И. Жабин представлены к званию Героя Советского Союза, однако награждены были лишь орденами Ленина.

Командир корпуса В.В. Новиков заверил всех участников тарана и спасения Знамени бригады, что все будут представлены к ордену Красного Знамени. Не знаю, кто еще из участников тарана получил этот орден, но для меня этот день неожиданно настал накануне 55-й годовщины Великой Победы. В университет, где я работаю, прибыли два генерала, представители управления кадров Министерства Обороны РФ и Российского Комитета ветеранов войны и вооруженных сил и в присутствии ветеранов войны вуза вручили орден Красного Знамени. Оказалось, что подольские следопыты разыскали мои наградные материалы. Невероятный случай, но он еще раз свидетельствует о том, что «Никто не забыт, ничто не забыто!».

На Прагу!

Не успели мы перевести дыхание от многочасового ожесточенного боя, как поступил новый приказ марш на Прагу. А это не близко — 240 километров. На территории Чехословакии продолжала ожесточенно сопротивляться Красной Армии почти миллионная группировка гитлеровцев. Против немцев в Праге поднялось восстание, фашистское командование для его подавления бросило целую дивизию, положение восставших становилось критическим. В эфире прозвучало обращение к Советскому командованию о помощи. Правительство Советского Союза приняло решение спасти восставших, красавицу-Прагу от разрушения.

Времени на подготовку к маршу и боевым действиям почти никакого. И все же успели принять новое пополнение танков и личного состава, заправиться горючим и боеприпасами. Комбат собрал механиков-водителей, обратился без предисловия:

— Знаю, как вы устали, сколько ночей не спали. Но на вас, механиков-водителей, вся надежда. Марш предстоит ночью, через горы, по серпантинам, над пропастями. Будут и вкопанные в землю танки, самоходные орудия, фугасы и надолбы на дорогах. Но не можем мы идти в обход. Марш через Рудные горы ближайший путь к восставшей Праге.

Все было на том пути. Мой танк зависал над пропастью. Были схватки с отчаявшимися эсесовцами. При выходе из узкой горловины батальон майора Жабина гитлеровцы встретили шквалом огня. Маневра для танков никакого. Путь — только вперед. И батальон прорвался, потеряв два экипажа. На коротком привале заместитель командира батальона по политчасти майор Солдатенков старался расшевелить засыпающих на ходу танкистов.

— Гвардейцы, а ведь на башнях наших танков указан неверный маршрут, — говорил политработник. — Там написано: «На Берлин!». Давайте напишем: «Вперед — на Прагу!»

Танкисты это сделали с удовольствием. И снова звучит: «По машинам». Километр за километром... Радист-пулеметчик замечает, что у меня, сидящего за рычагами танка, уже нет сил бороться со сном. Горная дорога, да еще ночью, особо опасна. Буров настраивает волну Праги. Как раз передавалось воззвание руководящего центра майского восстания в Чехии. В эфире звучало: «Мы знаем, за что сражаемся, за что умираем... На стройку баррикад! На баррикадные бои! Смерть фашизму! Советские братья, скорее на помощь, мы вас ждем!» — заканчивалось обращение.

От этих призывов таяла усталость, в тело вливались новые силы. Трое суток длился марш от Дрездена. Трое суток без горячей пищи, без сна и отдыха. Трое суток боев, тяжелых подъемов и спусков под моросящим дождем и шквалом огня противника. И ни одной жалобы!

— Коля, давай подменим тебя, — предлагали друзья.

— Не надо, не надо, все в порядке, — отвечал я, — выдержу.

И вдруг батальону пришлось остановиться: в баках ни капли горючего. Нас обгоняют другие подразделения, мы нервничаем, переживаем. Простояли без движения почти два часа, в ожидании подхода тылов. Заправились, и вперед.

С рассветом 9-го мая наш батальон освободил г. Мельник, прорвался к аэродрому, с которого один за другим поднимались фашистские самолеты, видимо, с бегущими от возмездия эсесовцами и власовцами. Когда рота приблизилась к аэродрому, я увидел двухмоторный самолет, который готовился к взлету.

— Механик, — кричит командир танка. — Видишь, справа в 200 метрах двухмоторный самолет. Он готовится взлететь, давай протараним его.

— Товарищ лейтенант, — говорю ему, — этого делать нельзя: в нем больше тонны бензина, сгорим. Ударьте лучше по нему осколочным.

А сам понимаю его, лейтенант из последнего пополнения, хочется отличиться, вернуться с войны с наградой.

— Стрелять не могу, — отвечает командир, — вижу за самолетом движение личного состава не в фашистской форме. Вдруг это наши союзники?

— Товарищ лейтенант, — говорю ему. — Возможно, это власовцы, я слышал по радио, что их здесь много, они бегут к американцам.

И вдруг раздается пулеметная очередь. Это наш радист-пулеметчик Буров, услышав наш разговор с лейтенантом, дал очередь из трассирующих пуль, и немецкий самолет загорелся.

— Молодец, Буров, — похвалил его командир.

— Вот и проблема решена, — добавил я.

С аэродрома удалось улететь лишь нескольким самолетам. Наша танковая рота вышла на автостраду, ведущую в центр столицы.

Ворвались в предместье. Проскочили мимо горящего танка. Тогда я не знал, что это машина Героя Советского Союза гвардии лейтенанта Ивана Гончаренко, первым вступившего в Прагу. Да и как узнаешь, если все люки задраены. Чем ближе подходили мы к Вацлавской площади, тем больше цветов ложилось на горячую броню. Вскоре они и вовсе покрыли танк. Остановились, чтобы обеспечить обзор. В ту же минуту танк оброс «десантом» из ликующих, заключающих нас в объятья чехов. Здесь мы услышали сообщения: Германия капитулировала. Победа!

— Наздар Руда Армада — наша освободительница! Друж-ба, друж-ба, друж-ба! — скандируют колонны жителей Праги.

Но снова прозвучала команда «Вперед»... Теперь предстояло нашей роте развернуться на несколько километров назад, там обнаружена группировка гитлеровцев с артиллерией и самоходками. Быстро разворачиваемся и на большой скорости идем в район сосредоточения фашистов.

Млада Болеслав встретил танкистов огнем. У ворот завода «Шкода» гитлеровцы били из двух пушек, из укрытий палили фаустники. От прямого попадания вспыхнул танк моего боевого побратима — младшего сержанта Сергея Сазонова. Сам он из уже машины выйти не смог. Был убит в последние минуты войны!

Ослепленный горем и ненавистью, я круто развернул машину, вывел ее во фланг стреляющим пушкам и выжал педаль подачи топлива до отказа. Гусеницы завершили то, что не успели сделать танкисты — наводчики орудий.

Салют над братской могилой, где покоился и Сергей Сазонов, был последним моим выстрелом в Великой Отечественной войне.

Послевоенная судьба была полна разнообразных событий. После Чехословакии 3-я гвардейская танковая армия летом 1945 года передислоцировалась в Австрию, в 1946 году возвратилась в Германию, бригада стояла в Вюнсдорфе, где затем была размещена группа Советских Войск в Германии. В 1947 году убыл учиться в Горьковское военно-политическое училище (танковое отделение). После его окончания в 1949 году стал политработником, получил назначение в Прикарпатский военный округ — г. Львов. А затем, как в калейдоскопе, менял рода войск, профессии, должности.

Служил в механизированной дивизии, затем вновь в авиации — в бомбардировочной дивизии, которая с самолетов Ту-2 переучилась на реактивные самолеты Ил-28 (г. Коломыя, Станислав); был заместителем командира роты ВНОС (Войска Наблюдения, Оповещения и Связи) по политчасти. Наблюдательные посты ВНОС располагались в приграничной зоне, в горах, пришлось повоевать и с бандеровцами.

В 1955 году вернулся в танковые войска. 23 октября 1956 года 31-я танковая дивизия в г. Хмельницком была поднята по тревоге и выполняла задачи по подавлению контрреволюционного мятежа в Венгрии. Здесь мы увидели жуткую картину — на столбах и перекрытиях мостов повешенных советских, венгерских офицеров и гражданских людей, разгул вооруженных фашистских групп, особенно на улицах Будапешта.

Здание парламента, где заседали предатели социализма во главе с Имре Надем, пришлось брать штурмом, его защищали перешедшие на сторону контрреволюции венгерские зенитчики, которые сожгли два наших танка.

Пришлось побывать и в Афганистане, где наш вертолет при перелетах из одной части в другую неоднократно обстреливался душманами. В общем, большая часть жизни, 45 календарных лет, была связана с самой главной профессией — с защитой Родины. Всегда был велик риск для жизни, как поется в песне, «офицеры, ваше сердце под прицелом». В конце 60-х годов с должности ответственного секретаря партийной комиссии учебной танковой дивизии перешел на «спокойную» преподавательскую работу, готовил офицерские кадры, сначала в Донецком высшем военно-политическом училище инженерных войск и войск связи, а затем в Военной Академии бронетанковых войск имени Маршала Советского Союза Р.Я. Малиновского.

Затем стал ученым, академиком, заслуженным деятелем науки РФ, доктором наук, профессором. Благодарен Советской власти, открывшей простому человеку светлую дорогу в жизни.

После увольнения из армии вот уже пятнадцать лет возглавляю кафедру общественных наук в Московском государственном художественно-промышленном университете имени С.Г. Строганова. За последние три года опубликовал три труда объемом 25 п.л..

Являюсь заместителем председателя общества «Знание» г. Москвы и председателем Совета ветеранов 3-й гвардейской танковой армии.

6 декабря 2002 г.

В подготовке настоящих воспоминаний оказал помощь ***Самсонов Леонид Олегович***, студент 3-го курса Московского авиационного института

Медведев Александр Михайлович

НЕМЦЫ ОХОТИЛИСЬ НА КОМАНДИРСКИЕ ТАНКИ

Я родился 28 июля 1916 года в разъезде Эротейдовка, Краснолучского района Луганской области. По национальности — русский, вероисповедание — православный. Состоял в КПСС с 1936 года.

До войны в 1932 году окончил семилетку средней школы и поступил в ФЗУ, также в 1934 году окончил 4-х месячные курсы секретарей комсомола в городе Одесса. После чего работал слесарем-ремонтником подвижных составов поездов.

Моя армейская служба началась с ноября 1935 года, когда я поступил в Ульяновское бронетанковое Краснознаменное училище, которое окончил в июне 1938 года. 22 февраля 1939 года принял военную присягу. По июнь 1941 года занимал должность командира танкового взвода.

Узнал о начале войны одним из первых. Наша часть находилась на Западной Украине, в районе г. Львов. Дело все в том, что повар из нашей части в ночь с 21 на 22 июня ушел в самоволку. Идя по пустынной проселочной дороге, он встретил трех человек, разговаривавших на ломаном русском языке и одетых в камуфляжную форму. Они стали, угрожая, требовать какой-то пропуск, но «беглец» с военной части оказался не робкого десятка, выхватил нож из голенища сапога и двоих уничтожил, а третьего привел в часть, где «язык» все и рассказал.

Стало известно, что на территории СССР выброшен немецкий десант и вскоре будет нанесен бомбовый удар, а также, что и наша танковая часть подлежит уничтожению. В итоге, эвакуировав технику и людей, мы избежали более серьезных потерь.

22 июня 1941 года началась война. Завязались ожесточенные бои, и уже в первый день войны в 15 часов мой танк БТ был подбит и загорелся, но нашему экипажу удалось спастись. С боями отступали до Киева. В августе нас, танкистов, отправили в Рязанское военное училище, где мы под руководством английских инструкторов в очень короткие сроки изучили английские танки. Это были пехотные танки «Валентайн» (экипаж — 3 человека, вооружение: одна 57-мм пушка, один пулемет, броня лобовая — 60мм, скорость — 45 км/ч) и «Матильда» (экипаж — 3 человека, вооружение: одна 40-мм пушка и два пулемета, броня лобовая — 80мм, максимальная скорость — 25 км/ч).

В октябре того же года нас направили на изученных машинах защищать Москву. Я имел тогда звание капитана и занимал должность командира танковой роты. В начале зимы 1941 года здесь же под Москвой я получил серьезное обморожение ног и был отправлен на лечение.

С февраля 1942 года я уже находился на Западном фронте, где занимал должность командира танкового батальона.

В 1943 году участвовал в Курской битве под селом Прохоровка. В этой неразберихе трудно было понять, где противник, а где наши. Авиация СССР наносила бомбовые удары как по флангам противника, так и по своим.

Во время боев немцы охотились на командирские танки, и поэтому мы были вынуждены менять позывные. У моего танка в этих боях был позывной «Слава», но немцам все-таки удалось нас засечь, так как радист сообщил, что услышал по рации следующую фразу: «Слава айн, рус капут». В то же мгновение в левый борт танка попал снаряд, мой напарник, сидевший слева от меня, погиб мгновенно, а меня спас гильзоулавливатель, в котором застряла большая часть осколков, но тем не менее я получил серьезное ранение и был отправлен в госпиталь, где находился по сентябрь 1943 года.

После госпиталя — Южный фронт, должность заместителя командира танковой роты. На Южном фронте находился до апреля 1944 года и участвовал в освобождении Киева. На этом для меня Великая Отечественная Война закончилась.

В июле 1944 года я был направлен в Академию бронетанковых войск им. Сталина, где обучался на командном факультете по сентябрь

1947 года. После окончания академии три года прослужил в освобожденной Германии.

В 1950 году проходил службу на Украине в г. Бердичев, занимая должность командира полка. С ноября 1955 года по август 1958 года являлся слушателем курсов в Академии бронетанковых войск им. Сталина в Москве.

По семейным обстоятельствам уволился в запас в феврале 1960 года в звании полковника.

На Великой Отечественной войне был награжден двумя орденами Красного Знамени (№ 28314, 30166), двумя орденами ВОВ I-й и II-й степени, орденом Красной Звезды за № 3013010 и медалью за боевые заслуги № 2136148.

Свой первый орден Красного Знамени я получил за бои под Москвой, когда в одном из таких боев было уничтожено 17 вражеских танков. Эту награду мне вручал в Кремле лично сам Калинин.

Великая Отечественная война унесла жизнь моего брата — Василия, но я узнал об этом уже только после Победы.

Ноябрь 2002 г.

В подготовке настоящих воспоминаний оказал помощь ***Лубнин Александр Владимирович***, студент 3-го курса Московского авиационного института

Меркулов Николай Петрович

НА ПОДСТУПАХ К ДОНБАССУ И КРЫМУ

Родился я 12 декабря 1923 г. в селе Будёновка Свердловского района Джамбулской области Казахской ССР. По национальности русский, беспартийный.

До Великой Отечественной войны в 1941г. окончил среднюю школу в селе Будёновка. В 1942 г. окончил Гомельское военно-пехотное училище в г. Катта-Кургане Узбекской ССР, а в 1954 г. — основной факультет Военной академии имени М.В. Фрунзе.

О войне узнал по радио в июне 1941 г. в родном селе, где работал учётчиком в колхозе «Трудовой пахарь».

В Великой Отечественной войне стал участвовать в должности командира пулемётного взвода после окончания военно-пехотного училища в июле 1942 г., откуда был направлен в 160-ю стрелковую дивизию 443-го стрелкового полка, который оборонял местность в 18 километрах от г. Щигры Курской области. Ротой в то время командовал лейтенант Костенко С.

В июле-декабре 1942г. мы отступили под напором превосходящих сил противника через Касторное, Ново-Александровку, Архангельское. Дальше шли с боями через села Андреевка (февраль-июль 1943 г.), Долгенькое (август 1943г.); Крым — село Каранки, Кирк-ишунь, Бахчисарай под Севастополем (апрель-май 1944 г.). Далее Прибалтика, города Паневежис, Шяуляй и Добли (июнь-август 1944 г.).

Боевые действия закончил в г. Добли (Латвия) в октябре 1945г. в составе 846-го стрелкового полка 267-й стрелковой дивизии в должности командира роты автоматчиков полка в звании капитана (командир полка подполковник Кравец).

Особенно запомнились наступление на Барвенковском плацдарме северо-западнее г. Изюм в июле-августе 1943г. и боевые действия по форсированию Сивашского залива и освобождению Крыма в марте — мае 1944г. К этим событиям прилагаются мои воспоминания «Боевые действия на подступах к Донбассу» и « Бой по освобождению Крыма».

К началу августа 1943г. на среднем течении реки Северский Донец, особенно на Барвенковском плацдарме, северо-западнее города Изюм сложилась очень тяжелая боевая обстановка.

По замыслу советского командования, планировалось с этого плацдарма нанести удар во фланг и тыл немецко-фашистской группировки, оборонявшей Донбасс. С этой целью в район плацдарма сосредотачивались две новые армии (8-я и 12-я гвардейские армии) Южного фронта.

Сюда же решением командующего 6-й армией из района посёлка Андреевка перебрасывалась и наша, 267-я, стрелковая дивизия.

846-й стрелковый полк этой дивизии, в котором я командовал 8-й стрелковой ротой, вёл оборонительные бои на левом берегу Северского Донца, у поселка Андреевка Харьковской области.

Наша дивизия должна была передать оборону частям 263-й стрелковой дивизии, совершить марш в район Барвенковского плацдарма и к исходу 13 августа 1943г. занять исходное положение для наступления на рубеже Долгенькое — Сухая Каменка.

Передав оборону, дивизия сосредоточилась в лесу, в 2-х километрах от деревни Андреевка, в готовности к совершению марша. Приказ на марш поступил в 6.00 12 августа 1943 г.

Стояла жаркая и сухая погода, в 8.00 дивизия выступила по просёлочным пыльным дорогам. Жара изматывала личный состав, на марше войска подвергались постоянным авиационным ударам противника.

Прибыв в назначенный район к исходу 13 августа и сменив оборонявшиеся здесь войска, моя рота заняла исходное положение для наступления в непосредственной близости от позиций противника, откуда велась постоянная стрельба из стрелкового оружия. В ночное время местность освещалась сигнальными ракетами.

В течение 14 и 15 августа нами велось наблюдение, оценивался противник. Велась разведка.

На всём плацдарме и на флангах противник за короткое время укрепил оборону в инженерном отношении, пристрелял все отступы как перед передним краем, так и в глубине. Окопы и траншеи были доведены до полного профиля. Подбитые танки и артиллерийско-самоходные орудия были вкопаны в землю и подготовлены к стрельбе прямой наводкой.

В 18.00 15 августа на наблюдательный пункт командира полка были вызваны все командиры подразделений. Ком. полка полковник Копцев Т.С. объявил, что в 4.00 16 августа наши войска, после артиллерийской и авиационной подготовки, переходят в наступление с целью прорыва обороны противника и уничтожения его. Здесь же были поставлены конкретные задачи каждому подразделению.

По прибытии в подразделение я довёл задачи до каждого отделения, весь личный состав роты был полон решимости по сигналу подняться в атаку и уничтожить противостоящего противника. Мы были уверены в том, что поставленные задачи будут выполнены.

16 августа 1943г. после двухчасовой артиллерийской и авиационной подготовки полк перешёл в атаку. 8-я рота нашего батальона наступала на правом фланге, а уступом за нами 9-я рота. Наступление велось на село Долгенькое.

Наша задача — ворваться в окопы противника, огнём и прикладом уничтожить живую силу фашистов и, преследуя отходящие группы, с ходу овладеть 2-й траншеей. Обходя опорные пункты обороняющихся в них подразделений, наступать в глубину, к концу дня овладеть главной полосой обороны.

С подходом солдат к переднему краю обороны противника мы были встречены шквальным стрелково-пулемётным огнём. По нашим боевым порядкам вёлся огонь из артиллерии и миномётов. Рота залегла.

Появились первые убитые и раненые, был ранен осколком снаряда и я. К счастью, ранение было несерьёзное, осколок врезался в мягкие ткани головы и застрял там. Я продолжал выполнять задачу. В этой сложной боевой обстановке нужно было срочно принимать меры, так как потери росли. Я принял решение роту поднять в атаку, только в этом было наше спасение.

Поднявшись во весь рост и с криком «Ура» я устремился вперёд. Моему примеру последовали подчинённые. Ворвавшись в траншеи,

начали в рукопашной схватке уничтожать фашистов. Мы были сильнее духом. Противник не выдержал рукопашного боя, многие немецкие солдаты устремились в бегство.

Наши бойцы дрались мужественно, проявляя при этом геройство. Вскоре первая траншея была взята.

В ходе боя за первую траншею было уничтожено 60 фашистов, 40 взято в плен, среди них 8 человек власовцев. Следует отметить и тот факт, что при атаке большую роль сыграла артиллерия, которая, находясь в наступающей цепи солдат, поражала огневые точки противника. Особенно следует отметить командира артиллерийской батареи 76-мм пушек капитана Гелюта Е.З., который корректировал огонь своей батареи, и огонь здорово помог наступающей пехоте.

В бою за первую траншею отличилось много солдат, особенно рядовые Гусев А.П., Рыжов К.А., Наумов Ч.Е. и мл. лейтенант Сычёв Н.В.

Потеряли мы 13 человек убитыми и 16 ранеными.

Собравшись с силами, рота по моей команде устремилась вперёд, для взятия второй траншеи.

Однако, продвинувшись на глубину 3-4 км, рота встретила сильное огневое сопротивление гитлеровцев. Со скатов высоты, находившейся перед нами, стреляли окопанные танки и самоходно-артиллерийские установки.

Усилились огневые налёты артиллерии и авиации противника. Огонь, который вели фашисты по наступающим подразделениям наших войск, не давал поднять головы.

В этой обстановке наступавшие в наших боевых порядках танки начали метаться по фронту, многие из них были подбиты и горели на месте. Оставшиеся целыми танки отходили в лесной массив.

Рота залегла, наступление было фактически приостановлено. Рота начала окапываться на занятых ею позициях.

Во второй половине дня 16 августа 1943г. в расположение роты прибыл командир нашего батальона ст. лейтенант Казак И.Т., который, увидев моё посиневшее от раны лицо, приказал немедленно уйти в полковой медицинский пункт.

Вызвав к себе командира 1-го взвода мл. лейтенанта Сычева Н.В., я приказал ему принять руководство ротой, так как убывал в медпункт.

Не успел выйти из окопа, как последовал очередной налёт авиации противника. Сброшенные из самолёта бомбы начали взрываться

рядом с нами. Одна бомба попала в окоп, где находился командир батальона ст. лейтенант Казак И.Т.

Когда прекратились взрывы бомб и рассеялся дым, я увидел рядом с моим окопом несколько человек погибших, в том числе и комбата. Я приказал всех погибших похоронить в окопе и донёс об этом в штаб полка, а сам, оставив роту, ушёл в полковой медпункт, где мне была оказана первая медицинская помощь. Из полкового медпункта меня отправили в полевой армейский госпиталь, который находился в г. Изюм.

Из рассказов поступающих в госпиталь раненых мне стало известно, что наступление возобновилось с утра 17 августа и продолжалось до 6 сентября 1943г.

Хотя на Барвенковском плацдарме территориальных достижений не было, но зато это наступление имело большое значение для наших войск на других направлениях. На Барвенковском плацдарме была скована большая немецко-фашистская группировка и ослаблены действия войск на других направлениях. Всё это позволило прорвать оборону противника на харьковском направлении и на реке Миус.

После завершения боевых действий на Никопольском плацдарме 267-я стрелковая дивизия была выведена из боя и, завершив марш к 21 января 1944г., сосредоточилась в селах Малая и Большая Белозёрка Днепропетровской области.

После короткого отдыха, доукомплектования личным составом, вооружением и боевой техникой части дивизии, погрузившись в железнодорожные эшелоны, по железной дороге проследовали до станции Ново-Алексеевская. Выгрузившись с эшелонов, 846-й стрелковый полк, в котором я командовал полковой ротой автоматчиков, получил задачу совершить 80-километровый марш в пешем порядке и к 14 февраля 1944г. сосредоточиться в населённом пункте Новопокровка.

Марш совершался в весеннюю распутицу, на дорогах непролазная грязь, лужи. Однако солдаты и офицеры полка с поставленным заданием справились. В пункт назначения прибыли в срок. Село Ново-Покровка находилось в непосредственной близости от берега Сивашского залива, который хорошо просматривался с окраины села.

После сосредоточения полка началась подготовка к переправе через Сиваш.

Подразделениям полка предстояло преодолеть Сивашский залив, ширина которого составляла около 3-х километров.

25 февраля командир 267-й стрелковой дивизии полковник Толстов А.И. на берегу Сиваша провёл рекогносцировку. На рекогносцировке были все командиры, от командиров батальона до командиров рот. Были указаны места переправ, порядок переправ и действий на противоположном берегу.

Рекогносцировка проводилась при методическом обстреле артиллерии и ударов авиации противника. В одном из налётов авиации группа офицеров попала под бомбёжку, был убит командир 846-го стрелкового полка полковник Копцев Т.Е., которого мы похоронили в селе Ново-Покровка.

В полк прибыл новый командир подполковник Кравец З.Е.

Трудной была переправа через Сиваш, осуществлялась она по подвесному мосту и дамбе, в ночное время. Мост и дамба постоянно подвергались ударам авиации и артиллерии противника.

Преодолев Сиваш, подразделения полка сменили оборонявшиеся на плацдарме подразделения 263-й стрелковой дивизии и сразу же приступили к подготовке к наступлению.

Необходимо было в короткое время оборудовать огневые позиции, вырыть траншеи и блиндажи для укрытий личного состава, отдыха и обогрева.

Вечером 27 марта 1944г. на северную часть Крымского полуострова обрушился сильный снежный циклон, мороз был –5 — –6°С. Уже через час район расположения полка нельзя было узнать. Все окопы были занесены снегом. В трудном положении оказались не только люди, но и лошади. На Сиваше разразился сильнейший шторм, разрушивший переправу. Ураган сбивал с ног всех, кто пытался выйти из укрытий. Невозможно было определить, где дороги. Движение прекратилось. В расположении командного пункта полка все траншеи и блиндажи были утрамбованы снегом, брызги воды под воздействием мороза образовали сильный ледяной наст. Личный состав самостоятельно не смог выйти из укрытий, создалась угроза гибели людей, которые могли просто задохнуться без воздуха.

30 марта ненастье также внезапно кончилось. Выглянуло солнце. В связи с тем, что рота автоматчиков в эту страшную бурю по моей команде находилась вне укрытий, мы сразу начали откапывать людей из окопов и блиндажей командного пункта полка. Это спасло многих укрывшихся в окопах и блиндажах людей, которые были бессильны изнутри отрыть снежный наст.

И наши солдаты на передовой, и противник начали отрывать от снега окопы и ходы сообщения, приводить в порядок огневые позиции.

К передовой подвозили горячее питание, и в течение 27 часов здесь не было ни единого выстрела. Мы и немцы открыто ходили во весь рост, как будто не было войны.

Последствия стихии удалось быстро ликвидировать. На 8 апреля было назначено наступление наших войск. В 19.00 7 апреля 1944г. в полосе нашей дивизии была проведена разведка боем, которая имела большой успех. Подразделения, проводившие разведку, к утру ворвались в первую траншею противника. Это в значительной степени облегчило задачу частям дивизии по прорыву первой позиции противника на Каранкинском направлении.

8 апреля 1944г. в 8.00 залп «катюш» возвестил о начале артиллерийской и авиационной подготовки. Мощный артиллерийский огонь и удары авиации обрушились на оборонявшегося противника. После переноса огня в глубину обороны противника подразделения полка перешли в атаку.

К 13.00 8 апреля подразделения нашего полка, преодолев сопротивление противника, ворвались в его вторую траншею и устремились на третью траншею первой позиции. Однако из-за сильного огневого воздействия противника наступление замедлилось, образовался разрыв между вторым и третьим батальонами. В этот разрыв по приказу командира полка была введена в бой рота автоматчиков.

Рота с ходу ворвалась в третью траншею, в которой завязалась рукопашная схватка. Фашистские солдаты не выдержали натиска роты, начали отступать. Рота автоматчиков во взаимодействии со стрелковыми батальонами вплотную подошла к опорному пункту Каранки. Однако из этого хорошо укреплённого опорного пункта противник открыл сильный стрелково-пулемётный огонь, усилилась артиллерийская стрельба по наступающим, но не- смотря на огонь противника рота автоматчиков охватила этот опорный пункт полукольцом. Весь день шёл упорный бой за опорный пункт села Каранки. И только к 18.00 отдельным солдатам удалось ворваться в опорный пункт, немецко-фашистские полразделения не выдержали натиска роты, начали спасаться бегством.

С утра 9 апреля 1944г. на приданных роте трёх танках и одной самоходно-артиллерийской установке мы устремились вперёд, преследуя отходящие подразделения противника. Вдруг одна машина, на

которой находились автоматчики, взвода лейтенанта Ситникова П.Ф., от попадания артиллерийского снаряда загорелась, взвод быстро спешился с танка и, пересев на другую машину, двинулся вперёд, догоняя роту, которая устремилась в тыл и фланг группировки фашистов, оборонявшейся в населённом пункте Кирк-Ишунь.

Ворвавшись в населённый пункт Кирк-Ишунь, рота автоматчиков огнём и прикладом начала уничтожать оборонявшихся здесь фашистов. Танки утюжили артиллерийские установки противника на их огневых позициях.

От внезапности нашего удара противник отступил. Населённый пункт Кирк-Ишунь был освобождён.

Танками было уничтожено 20 артиллерийских установок противника, около 400 солдат и офицеров. Это был большой успех роты, однако, устремившись вперёд, мы не заметили, что в своём порыве оторвались далеко от основных сил полка.

Необходимо отметить ещё один очень важный эпизод, который врезался в мою память и о котором следует сказать.

Во время боя за населённый пункт Кирк-Ишунь большинство жителей села ушли из деревни и укрылись вблизи, в лесной полосе, которая огибала подковой населённый пункт.

Рядовой Гусев Д.Ф. во время штурма села с группой автоматчиков атаковал блиндаж противника, который находился на северовосточной окраине села.

В блиндаже группа пленила 7 румын. Через своего связного посыльный сообщил мне об этом и о том, что из-за лесополосы двигается большая группа солдат противника. Я на самоходно-артиллерийской установке выдвинулся к этому блиндажу и увидел группировку фашистов, примерно в 250-300 солдат. Они шли, развернувшись в цепь, ведя огонь из автоматов.

Нужно было срочно принимать решение: либо отступать к своим подразделениям полка, которые находились на удалении 3-4 километров, но это было бы бегством, либо принять бой и драться с контратакующим противником. У меня в роте было достаточно сил для отражения контратаки (два танка и одна самоходно-артиллерийская установка и приданный станковый пулемёт рядового Гридасова Д.Т.).

Подойдя к группе солдат рядового Гусева Д. Ф., я решил посоветоваться с ним, как быть? Ведь его бойцы ближе всех к наступающей группировке фашистов. Рядовой Гусев Д. Ф. предложил пойти на хитрость, а именно одного пленного, румына, послать к немцам парламентёром и передать фашистам, что в лесополосе рядом с селом укрылись партизаны, которые готовятся их встретить.

Я согласился. После этого по моей команде на направлении контратаки фашистов быстро развернулся в цепь личный состав роты, рядом с лесополосой и расположил приданные роте боевые машины (два танка и одну САУ). Лейтенант Ситникова П.Ф. был послан к укрывшимся в лесополосе жителям села, они должны были создать видимость наступления партизан.

После того как парламентёр, посланный нами, подошёл к контратакующей группе фашистов, рота по сигналу красной ракеты открыла массированный огонь, поднялись и сельчане. Было создано действительно эффектное зрелище. Фашисты, увидев гражданских людей, которые вместе с солдатами создали у села укреплённый район, начали сдаваться, некоторые пустились в бегство.

В этом районе ротой было захвачено в плен 450 солдат и офицеров противника, большой продовольственный обоз на конной тяге.

Все пленные и обоз были доставлены в расположение полка. Я доложил об этом командиру полка, который поблагодарил меня и приказал представить к награждению правительственными наградами отличившихся в этом бою солдат и офицеров.

Командир взвода лейтенант Ситников П.Ф. за этот бой был удостоен звания Героя Советского Союза, а я награждён орденом Боевого Красного Знамени.

С прорывом главной полосы обороны немецко-фашистских войск в озёрном дефиле Крыма создалась благоприятная для нас обстановка. Противник повсюду начал отступать.

На рассвете 11 апреля 1944г. через боевые порядки роты был введён в сражение 19-й танковый корпус — подвижная группа 51-й армии. Вслед за танками устремились вперёд и мы.

14 апреля 1944 г. наш полк, преследуя отходящего противника, в обход городов Джанкой и Симферополь через город Бахчисарай, устремился вперёд на город славы русских моряков — Севастополь.

Но перед нами возвышалась знаменитая Сапун-гора, которую предстояло преодолевать штурмом.

О штурме Сапун-горы и освобождении Севастополя следует рассказать отдельно.

За боевые действия в Великой Отечественной войне я награждён двумя орденами Боевого Красного Знамени один орден приказом командующего 51-й армии №35 от 13.05.1944г. и второй — приказом

командующего 4-м украинским полком №156 от 15.06.1944г. Ордена были вручены в лесу, в Белоруссии командиром 844-го стрелкового полка подполковником Кравец.

В период Великой Отечественной войны был дважды ранен — первый раз в 1942г. при форсировании реки Дон у деревни Гороховка Воронежской области. Лечился в госпитале г. Балашов Саратовской области.

Второе ранение — на Барвенковском плацдарме в августе 1943г., лечился в госпитале г. Изюма.

Собственных публикаций не имею.

Март 2003 г.

Милонов Владимир Егорович

ВПЯТЕРОМ НА ДВУХМЕСТНОМ САМОЛЕТЕ

Родился в большой крестьянской семье 27 октября 1922 года в Тамбовской области, Кирсановском районе, д. Дербень. По национальности русский, православный. В 1937 году закончил семь классов и поступил в тамбовский техникум ж/д транспорта, который закончил в 1940 году. После окончания техникума добровольцем поступил в тамбовскую авиационную школу пилотов, в которой находился с 1940 года по май 1943 года. О начале войны узнал на полевом аэродроме Орловка близ Тамбова 22 июня 1941 года. По окончании авиашколы в мае 1943 года было присвоено воинское звание младшего лейтенанта с отправкой в запасный авиационный полк на аэродром Грачевка (Куйбышевская область). В сентябре 1943 года был направлен на Южный фронт под командованием генерала армии Толбухина в 503-й штурмовой авиационный полк (командир — полковник Калябин) в качестве летчика на самолет Ил-2. Полк входил в состав 206-й штурмовой авиационной дивизии (командир — полковник Чумаченко) 8-й воздушной армии (командующий — генерал-лейтенант Хрюкин Т.Т.).

В составе 503-го ШАП прошел весь боевой путь от сентября 1943 года по апрель 1945 года. Принимал активное участие в боях по освобождению юга Украины, Крыма и городов Мариуполь (10.09.43г.), Мелитополь (23.10.43г.), Николаев (28.03.44г.), Никополь (08.02.44г.), Каховка (02.11.43 г.), Симферополь(13.04.44 г.), Севастополь (09.05.44 г.). В ходе боев на Южном и 4-м Украинском фронтах совершил 70 бое-

вых вылетов на штурм войск противника, за что был награжден орденом Красного Знамени №80641 от 14 января 1944г., вторым орденом Красного Знамени № 82457 от 17 марта 1944г, орденом Отечественной войны 1-й степени №115237 от 6 октября 1944г.

26.10.44г. было присвоено воинское звание лейтенант и назначен старшим летчиком 503-го ШАП 206-й ШАД.

После освобождения Крыма 503-й ШАП в составе 206-й ШАД был передислоцирован на 1-й Прибалтийский фронт, где активное участие принимал в освобождении Эстонии, Латвии, Литвы и городов Тарту (25.08.44г.), Таллин (22.09.44г.). За боевые действия по освобождению Прибалтики награжден орденом Александра Невского №21196 от 11 мая 1945г. Назначен на должность заместителя командира эскадрильи 503-го ШАП (май 1944г.), командира эскадрильи 503-го ШАП (декабрь 1944г.).

С началом великой Отечественной войны из моей большой семьи (9 детей — 7 братьев и 2 сестры) были мобилизованы на фронт 4 брата:

- Яков, 1904 г.р., погиб на Западном фронте в августе 1943 года;
- Алексей, 1907 г.р., погиб под Москвой в ноябре 1941 года;
- Андрей, 1911 г.р., погиб под Ленинградом в 1941 году;
- Петр, 1925 г.р., погиб в белорусской операции 19.01.1944 года.

Я, пятый брат, остался жив. В настоящее время из братьев и сестер в живых никого нет.

* * *

Выполняя боевые задания, штурмовики действовали в зоне действительного огня всех видов стрелкового и артиллерийского оружия. Поэтому каждый боевой вылет требовал максимального напряжения физических и моральных сил, был своеобразным подвигом и проявлением смелости и героизма.

Таких боевых эпизодов много, но особым по сложности и отваге был полет впятером на двухместном самолете. Об этом в свое время писали газеты: «Правда», «Литературная газета», «Красная Звезда». 9 июня 1995 года «Красная Звезда» повторила рассказ обо мне и моих товарищах (автор мой однополчанин полковник Казаков Г.П.).

Впятером на двухместном самолете

10 марта 1944 года. Летчики 503-го ШАП нанесли удар по аэродрому у поселка Водопой вблизи Николаева, где гитлеровцы сосредоточили большое количество своих самолетов. Действия штурмовиков прикрывали летчики 73-го гвардейского истребительного авиационного полка.

Когда после успешного налета наши самолеты взяли курс на свои аэродромы, немецким зенитчикам удалось подбить один из истребителей. Летчик — а им был младший лейтенант Иосиф Стопа — был вынужден приземлиться на захваченной врагом территории, на поле между селами Ново-Николаевка и Ольговка. Я летел в замыкающем звене штурмовиков, решил спасти попавшего в беду и пошел на посадку.

Заметив мой маневр, командир звена лейтенант Андрей Демехин и его ведомый младший лейтенант Петр Клюев, считая, что мой самолет поврежден, стали кружить над местом посадки товарища.

Ил-2 приземлился рядом с истребителем Як-1, но на пробеге самолет стал крениться, потом его резко развернуло. Я и воздушный стрелок Николай Хирный, выскочив из кабин, увидели, что левое шасси пробито осколками зенитного снаряда, колесо спущено. К нам подбежал летчик-истребитель Стопа и понял, что мы сами попали в беду и выручить его не сможем.

Я вскочил на крыло самолета и по радио Демехину:

Пока не поздно, уходите! Пробита покрышка. Колесо спущено. Грунт тяжелый. Взлететь не смогу. Живыми нас не возьмут. Прощайте, друзья!

Чтобы показать безвыходность положения, я поджег самолет.

Тем временем к месту посадки советских самолетов устремились гитлеровцы. Демехин и Клюев пушечно-пулеметным огнем заставили их залечь. И тогда Андрей Демехин, дав Клюеву команду прикрыть его, сам пошел на посадку, на выручку товарищей.

В конце пробега самолет застрял в размокшем черноземе. Подбежавшие — я, воздушный стрелок Хирный и Степан, — срывая ногти, скребли грязь с колес и выкатили самолет на более твердый грунт, на протоптанную скотом тропу. С нее можно было взлететь. Но время, время...

Я и Стопа по приказу Демехина втиснулись в кабину стрелка. Воздушный стрелок Демехина Иван Разгоняев и стрелок Хирный встали на подкосы шасси, втиснули туловища в гондолу, куда убираются шасси после взлета.

А в это время Иван Клюев заход за заходом обстреливал гитлеровцев, чтобы не дать им возможности приблизиться к пилотам. Когда боеприпасы закончились, он летал на бреющем полете, буквально прижимая гитлеровцев к земле.

Разбег Ила перед взлетом был долгим, затяжным, казалось, что он никогда не закончится. Но вот с большим трудом самолет оторвал-

ся от земли и взял курс на восток. Клюев пристроился к нему и сопровождал до самой посадки. На своем аэродроме летчики получили телеграмму от коллег-истребителей: «Искренне благодарим летчиков за спасение младшего лейтенанта Стопы. Заверяем, что истребители никогда не забудут этого».

Андрей Демехин и Петр Клюев закончили войну Героями Советского Союза. К сожалению, они погибли за штурвалами боевых самолетов при выполнении служебных заданий уже в мирное время. Высокими наградами был отмечен и мой боевой путь.

Закончил службу в Вооруженных Силах в 1985 году в должности начальника штаба дальней авиации.

Жители села Ново-Николаевка Жовтневого района Николаевской области, которые были свидетелями подвига отважных летчиков, не забыли его. Следопыты местной школы во главе с Николаем Сенчиным долго вели поиск участников подвига. У них в гостях побывал и я, уже генерал-лейтенант.

В честь фронтовиков сельчане поставили памятный знак с изображением самолета, совершающего посадку. Подвиг фронтовиков и сейчас служит примером для молодежи, примером верности воинскому долгу, дружбы и товарищества.

Военные боевые действия закончил в 1945г. в марте месяце на аэродрома Смышляевка Куйбышевской области, куда полк прибыл с 1-го Прибалтийского фронта для получения новых самолетов Ил-10.

На этом аэродроме наш полк застал конец Великой Отечественной войны. Всего за годы ВОВ на Южном, 4-м Украинском и 1-м Прибалтийском фронтах совершил 117 боевых вылетов, сбросил на голову противника более 50 тонн бомб, израсходовал более 500 реактивных снарядов РС-82, около 18000 23-мм снарядов к пушкам «ВЯ».

Военная судьба ко мне была благосклонна. Я не был ранен, хотя много раз привозил тяжелые травмы на теле самолета.

В марте-мае 1945г. полк получил на заводе новые самолеты Ил-10, и было определено место его постоянной дислокации г. Броды Прикарпатского ВО в составе 206-й ШАД (командир — полковник Политыкин), командир 503-го ШАП — полковник Плаксий. Начался новый этап моей жизни и воинской службы.

К мирным дням постоянной боевой учебы привыкали сложно, г. Броды был на 80% разрушен. Жили в стесненных условиях. В ходе учебных полетов погибли мои боевые товарищи — Герои Советского Союза Андрей Демехин (август 1945г.) и Петр Клюев (июнь 1946г.).

В конце 1946г. мне было предложено поехать поучиться на курсы командиров эскадрильи в г. Люберцы Московской области, где я находился с декабря 1946г. по декабрь 1947г.

По окончании курсов был назначен командиром штурмовой авиаэскадирильи 906-го ШАП 252-й ШАД, которые дислоцировались на территории КНДР в г. Пхеньяне. В течение двух лет (1947—1949гг.) полк находился в Северной Кореи, бывали у нас Ким-Ир-Сен — президент КНДР и Ким-Дубон — Председатель Народного Собрания. Мы, летчики, упорно осваивали новый театр военных действий. В конце 1949г. наши войска были выведены с территории КНДР, в Приморский край. Полк расположился на аэродроме Михайловка, в 15 км от г. Уссурийска. Здесь я прожил с 1949г. по 1953г.

В 1951г. был назначен командиром 78-го ШАП 109-го ШАД. Командовал полком до 1953г. За это время получил воинские звания: капитан (1949г.), майор (1951г.), подполковник (1953г.).

В августе 1953г. был зачислен слушателем Военно-воздушной академии, которую закончил в 1957г. В этом же году было присвоено воинское звание полковник и назначен Заместителем командира 192-й бомбардировочной дивизии в 34 ВА. Дивизия базировалась в районе г. Кутаиси Грузинской ССР. Там я проработал до 1960г. В этом году было большое сокращение Вооруженных Сил СССР, в том числе была расформирована и наша дивизия. Пришлось менять профиль своей работы, перейдя на штабную работу в дальней авиации.

На штабной работе последовательно прошел должности:

• начальник штаба ТБАД (1960-1964гг.);

• начальник штаба ОТБАК (1964-1968гг.);

• заместитель и начальник штаба дальней авиации (1968-1985гг.).

За это время мне были присвоены звания генерал-майор (07.05.1966г.) и генерал-лейтенант (1973г.).

В мирное время с 1945г. по 1985 г. я был награжден двумя орденами Красной Звезды (1956г., 1968г.), орденом Отечественной войны I-вой степени (1985г), орденом За службу Родине III степени (1975г.) и орденом Ленина (1981г.).

В 1985г., 3-го сентября приказом МО СССР №0825 в возрасте 63 лет я был уволен в запас.

Всю свою сознательную жизнь связывал с участием в работе общественных организаций (ДОСААФ, профсоюзы и др.). С 1937г. по 1944г. состоял в комсомольской организации, а с 1944г. по 2003г. являюсь членом КПСС и КПРФ.

Московкин Николай Иванович

НЕ ПОКИНУЛ ПОЛЕ БОЯ

Родился 12 марта 1926 г. в деревне Аладьино Коммунистического района Московской области. Русский, православный, член КПСС (1953-1992 гг.).

В 1941 г. окончил 7 классов, в 1954 г. — 10 классов, в 1959 г. — Московский государственный экономический институт.

22 июня 1941 г. гостил у тети Фени в деревне Костюнино Коммунистического района Московской области. Вечером уже был в Москве. Первые дни войны ассоциируются с неудачным «походом на фронт», суетой, женским плачем, связанным с проводами на фронт.

В ноябре 1943 г. добровольцем мобилизован Краснопресненским РВК г. Москвы. В январе 1944 г. прибыл во 2-ю окружную школу стрелков снайперской подготовки в город Кулебаки Горьковской области.

В августе 1944 г. присвоено звание ефрейтор. В сентябре 1944 г. школа выехала на 2-й Белорусский фронт. В ноябре 1944 г. стрелком роты автоматчиков (командир капитан Матвеев) в составе 364-го стрелкового полка под командованием подполковника командира полка М.П. Петрова 139-й стрелковой дивизии (командир гвардии генерал-майор И.К. Кириллов) занял оборону на реке Нарев в Польше.

Прошел с боями от реки Нарев в районе горда Ломжа (ноябрь 1944 г.) до города Данциг (30 марта 1945 г.).

Участвовал в Висло-Одерской операции с 14.01.1945 г. по 30.03.1945 г. в составе 2-го Белорусского фронта под командованием Маршала Советского Союза К.К. Рокоссовского, 139-й стрелковой дивизии, 364-го стрелкового полка, роты автоматчиков. Освобождал Польшу, способствовал овладению городом-крепостью Кенигсбергом.

13.02.1945 г. контужен и ранен осколком под левую лопатку. На лечении находился в 220-м медсанбате. 22.03.1945 г. вернулся в роту автоматчиков 364-го стрелкового полка и был назначен командиром взвода

24.03.1945 г. ранен осколком касательно в грудь и правую ногу. Находился в санитарной роте 364-го стрелкового полка.

В апреле 1945 г. в звании ефрейтор 364-го стрелкового полка, направлен в Орловское танковое училище в городе Балашов.

Демобилизован из города Цоссен ГДР 28.10.1950 г. Прибыл в Москву 6.11.1950 г. Назначен товароведом в автобазу Госстроя СССР 20.12.1950 г. В 1963-1988гг. работал в Госплане СССР, с 1978 г. заместитель начальника подотдела по РСФСР отдела территориального планирования и размещения производительных сил. С 1988 г. персональный пенсионер республиканского значения.

Награды: Орден Красного Знамени № 378476. Приказ № 053 от 29.04.1945 г. подписан командующим 49-й армии генерал-полковником Гришиным, членом Военного совета 49-й армии генерал-лейтенантом Сычевым, начальником отдела кадров 49-й армии полковником Быковым. «... За образцовое выполнение боевых заданий командования на фронте борьбы с немецкими захватчиками и проявленные при этом доблесть и мужество.» Вручен в октябре 1952 г. в Краснопресненском РВК г. Москвы. Орден Отечественной войны 1-й степени № 451848. Указ Президиума Верховного Совета СССР от 11 марта 1985 г. «За храбрость, стойкость и мужество, проявленные в борьбе с немецко-фашистскими захватчиками и в ознаменование 40-летия победы советского народа в Великой Отечественной войне 1941-1945годов». Вручен в мае 1985г. в Госплане СССР. Медали, в том числе медаль «Ветеран труда».

В войну погибли:

— брат Александр Иванович 1919 года рождения. В 1937 г. окончил школу ФЗУ, получил квалификацию токаря-универсала 4-го разряда. Работал на Пресненском машиностроительном заводе, инструктором на заводе «Пролетарский труд», занимался спортом. В 1940 г. добровольцем призван Краснопресненским РВК г. Москвы на срочную службу. Красноармеец, служил в 396-м гаубичном артиллерийс-

ком полку в городе Коврове Ивановской области, почтовый ящик 54, литер «Д». Пропал без вести. Из письма Михайлова Д.М. известно, что он в 1941 г. при выходе из окружения был убит в деревне Одинцы Медынского района Калужской области. Перезахоронен в селе Кременское;

— сестра Анна Ивановна 1913 года рождения. Модельер обувной фабрики «Парижская Коммуна». Умерла в 1943 г.

Остались живы:

брат Иван Иванович 1908 года рождения, лейтенант политрук (1931-1934 гг.), зав. секретариатом наркома, затем зам. Предсовнаркома СССР А.Н. Косыгина (1938-1941 гг.), помпохоз артполка (1942 г.), затем автобатальона, помпохоз танкового полка; старший лейтенант, адъютант командующего 3-й гвардейской танковой армии генерала В.В. Новикова (1945-1946 гг.). Награжден : дважды орденом Отечественной войны II степени и медалями, в том числе «За оборону Москвы» и «Взятие Берлина». Член КПСС с 1929 г., персональный пенсионер республиканского значения с 1965 г. Умер в 1985 г.;

— брат Петр Иванович 1911 года рождения, сержант погранвойск. После демобилизации работал слесарем-мастером на авиационных заводах. Награжден медалями. Умер в 1980 г.;

сестра Полина Ивановна 1912 года рождения. младший начальствующий состав, сортировщица почты 2-го разряда. Работала на почте, на строительстве оборонительных сооружений. Награждена медалями, в том числе «За оборону Москвы», «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.». Умерла в 1990 г.;

сестра Евдокия Ивановна 1916 года рождения. В 1942-1943 гг. находилась в войсках ПВО (полевая почта 05071с). После демобилизации работала инженером в Минморфлоте СССР. Член КПСС. Награждена медалями. Умерла в 1984 г.;

— сводный брат Василий Иванович 1902 года рождения, пулеметчик. Награжден орденом Красной звезды, работал в промартели. Умер в 1960 г.;

— тесть Ланин Тимофей Семенович 1901 года рождения, полковник, участник гражданской войны, командир полка, работал в Генштабе Советской Армии. Во время Великой Отечественной войны во главе полка железнодорожных войск в 1941 г. находился на Харьковском направлении, в 1943 г. — на Калининском фронте. Награжден орденами: Ленина, Красного Знамени, Отечественной войны II степени, Красной Звезды, медалью «За боевые заслуги» и другими памятными медалями. Член КПСС с 1926 г. Умер в 1990 г.

Публикации:

составитель сборника «Книга Памяти» работников центральных плановых органов, участвовавших в боевых действиях и работавших в тылу в годы Великой Отечественной войны 1941-1945 гг. Издательский дом «Новый век». М., 2000. Предисловие и статьи «Территориальное планирование», «По военной дороге» (стр. 108-116);

составитель в соавторстве с Н.И. Запрудским сборника «Страницы памяти». Воспоминания работников Госплана СССР о Великой Отечественной войне. Профиздат. М., 1982. Статья «По военной дороге» (стр. 123-136);

— составитель сборника «Страницы памяти» — о планах, планировании и плановиках. Профиздат. М., 1987. Статья «Территориальное планирование» (стр. 300-312).

газета «Московский метрополитен», статья «Порохом продукты и огнем» № 52 (6953) 8.05.1981 г. стр. 4; № 57 (6958) 20.05.1981 г. стр. 4; № 29 (6930) 26.05.1981 г. стр. 4; № 63 (6964) 3.06.1981 г. стр. 4.

Участвовал в подготовке (редактировал) к изданию книги «Краснознаменцы». Подготовил к изданию воспоминания о боевых действиях маршала Д.Т. Язова, генерал-полковника В.К. Меримского, генерала армии В.И. Исакова.

* * *

Родился и рос я в рабоче-крестьянской семье. Отец, Московкин Иван Иванович, 1873 года рождения, работал на обувной фабрике имени Капранова» закройщиком. Мама, Московкина Екатерина Петровна, 1883 года рождения была домохозяйкой. Братья и сестры работали и учились в Москве. В нашей семье сложилось священное отношение к книге. Мне с малых лет внушали, что книга — лучший учитель. Она раскрывает перед тобой мир, развивает интеллект и кругозор. Аура семьи во многом определила судьбу.

Я и мои сверстники смелели в забавах и шалостях. Прыгали с высокого омета соломы, ныряли с моста в речку Лутосню, скакали на лошадях. Играли в лапту, чижики, в футбол, волейбол, зимой — в хоккей с мячом. И, конечно, дрались. Мне было стыдно быть трусом.

Жили мы скромно, в стесненных жилищных условиях (две 10-метровые комнаты в коммунальной квартире), питались и одевались просто, но были полны оптимизма, не теряли бодрости духа, верили в будущее.

В феврале 1931 г. Сталин заявил: «Мы отстали от передовых стран на 50-100 лет. Мы должны пробежать это расстояние за 10 лет. Либо мы сделаем это, либо нас сомнут».

За 10 предвоенных лет, в результате выполнения пятилетних планов, трудового подъема советских людей, Советский Союз достиг невиданного роста экономического развития и военной мощи. В этих достижениях был труд моих родителей, братьев и сестер. Наряду с традиционными отраслями в стране возникли и получили дальнейшее развитие тракторная, автомобильная и авиационная промышленность. К 1930 г. была ликвидирована безработица. В 1935 г. в Москве отменили карточную систему. Широко распахнулись двери учебных заведений. Советский Союз превратился в индустриальную державу с крупным коллективизированным земледелием. В стране росло движение новаторов производства. Большим уважением и славой пользовались шахтер А. Стаханов, кузнец А. Бусыгин, трактористка П. Ангелина, ткачихи Евдокия и Мария Виноградовы и многие другие их последователи. Главным было достижение высоких показателей производительности труда, повышение урожайности, приумножение богатства страны и улучшение жизни народа.

В 1936-1938 гг. прошли судебные процессы по делу врагов народа. Ход их транслировался по радио и широко освещался прессой. Многие верили в заговоры против Сталина и на собраниях, митингах с гневом и возмущением выступали и справедливо требовали шпионам, предателям, изменникам сурового наказания. Мой отец тогда говорил: «Дыма без огня не бывает...» Мы, ученики 4-го класса, свое возмущение выражали карикатурными рисунками на портретах врагов народа в изданном в то время, новом учебнике «История СССР».

Во второй половине 30-х годов каждую неделю на экраны московских кинотеатров выходили новые кинофильмы и, как правило, в них были новые песни, которые сразу же становились популярными. Так, песенка Дженни из кинофильма «Остров сокровищ», где были такие слова: «Ты в жаркое дело спокойно и смело иди, не боясь ничего! Если ранили друга, сумеет подруга врагам отомстить за него!...» — звала к подвигу, преодолению страха, дружбе. А вот слова песни из кинофильма «Дети капитана Гранта»: «Кто весел — тот смеется, кто хочет — тот добьется, кто ищет — тот всегда найдет». Я искал свое место, стремился к знаниям, много читал, занимался спортом. На стадионе «1-е Мая», на месте которого сейчас расположен вестибюль станции метро «Краснопресненская», готовился к сдаче норм на значок «Будь готов к труду и обороне». Носить на груди такой значок было почетно.

Павка Корчагин, Василий Иванович Чапаев, другие романтические герои, Герои Советского Союза, стахановцы вдохновляли меня. С началом войны мы, подростки, сразу повзрослели. Мы считали, что Красная Армия стремительно отбросит фашистов с нашей земли, и врагов будем бить только на чужой территории. Боясь опоздать на фронт, я с Шуркой Рубцовым пошел в Краснопресненский РВК, но нас прогнали. Наши старшие товарищи уходили на фронт, буквально со школьной скамьи, записывались в народное ополчение, заменяли ушедших на фронт на заводах и фабриках. Во время воздушных налетов я дежурил на крыше дома. С первых дней войны советские люди жили с девизом «Все для фронта! Все для победы!» В августе 1941 г., находясь в деревне Назарово, я участвовал в уборке урожая. В 16 лет сначала учеником, а затем электромонтером осуществлял эксплуатацию электросети здания Наркомтекстильпрома СССР, электрофицировал бомбоубежище, чинил бытовые электроприборы. С августа по ноябрь 1942 г. был мобилизован и находился на лесоповале в Видогощенском леспромхозе. Работал лесорубом, а затем бригадиром.

В октябре 1943 г., также по мобилизации, работал в сплавконторе в деревне Мякишево Нерльского района Калининской области. В ноябре 1943 г. получил повестку, в которой мне предлагалось явиться в Краснопресненский РВК с вещами.

С первых дней пребывания в школе стрелков снайперской подготовки началась напряженная военная подготовка. Я изучал боевой устав пехоты, материальную часть стрелкового оружия, тактику ведения боя, маршировал, отрабатывая строевую выправку, равнение в строю, строевой шаг индивидуально, в составе отделения под командованием помкомвзвода старшего сержанта Матюнина, в составе взвода и роты под командованием командира взвода лейтенанта М. Борисова.

Учился ориентироваться на местности, вести наблюдения в оптический прицел, определять расстояние, выбирать и маскировать снайперскую позицию в засаде и, самое главное, метко стрелять.

«Цель в мишень-то под обрез! Да ровней держи винтовку, крепко упирай в плечо!... Бьет отдача горячо. Сделав вдох, замри и плавно на курок дави, не рви. В этом секрет меткости», — учил командир взвода лейтенант М. Борисов.

Большое внимание уделялось физической закалке, выносливости и умению преодолевать препятствия. Как правило, при следовании на учения в поле или в столовую, располагавшуюся в трехстах метрах от казармы, мы преодолевали штурмовую полосу. Она начиналась у КПП школы. Необходимо было по одному, короткими перебежками, пробежать до проволочных заграждений, затем по-пластунски проползти по узкому проходу десять метров, так, чтобы не задеть колючки и не порвать обмундирование, перепрыгнуть широкий ров с водой, подкрасться к дзоту и метнуть в него учебную гранату, с хода перемахнуть двухметровый барьер и, наконец, колоть штыком соломенное чучело, соревнуясь на скорость с другими курсантами.

В школе и на фронте при следовании с учений, из столовой или на вечерней прогулке мы пели песни. Песня помогала в суровой военной и фронтовой жизни, вселяла бодрость. Нашими ротными песнями были «Варяг» и «Взвейтесь, соколы, орлами». На фронте пели «Эй, герой, на разведку боевой...» и другие задорные песни.

В конце января 1945 г. снялись с занимаемых позиций и пошли дальше на Запад через города: в Восточной Пруссии Алленштейн, в Польше — Торунь, Быдгощ. В иные сутки проходили до восьмидесяти км., отдыхали по три четыре часа. Буквально спали на ходу.

Дорога превратилась в бесконечный поток людей в шинелях цвета хаки, повозок, грузовиков, длинноствольных и тупоносых пушек, танков, зачехленных брезентом «катюш». Казалось, весь фронт снялся со своих позиций и вышел на дорогу.

Идешь, бывало, полусонный, изнуренный переходом, с неотвязной мыслью: Где кухня? Когда привал? И вдруг какой- нибудь солдат — балагур крикнет: «Воздух!» Тогда мы это понимали не как грозящую с воздуха опасность, а как то, что где-то по близости находится... женский пол. И неведомая сила снимала усталость, вливала бодрость, бойцы преображались и молодцевато шагали мимо медсестры, связистки или регулировщицы.

Запомнился мне день 24 марта 1945 г. Было это на подступах к Оливе в 50 км от города Данцига. Мы заняли польский господский двор, который находился на берегу небольшой речки. Двор состоял из двух домов: один — большой на правом берегу, поменьше — на левом. Через речушку был перекинут небольшой мост, который как бы соединял оба дома. Едва мы перешли этот мост, за самоходной установкой, как немцы открыли огонь. Мы заняли оборону на правом берегу, спрятавшись в укрытие, а самоходка осталась на дороге левого берега, примерно в ста метрах от дома. Когда взошло солнце, увидели, что немцы заняли господствующую высоту, в сотнях метров от нас. Перед нами крутая гора, покрытая сосновым лесом. Чужой лес, чужой господский двор! Как он далек от нашего Подмосковья, деревни Аладьино, моей малой Родины! Глядя на речку, которая катила воду перед нами, вспоминал свою Лутосню.

Примерно в десять утра группа солдат нашего полка развернулась цепью и пошла на высоту. Но атака захлебнулась в лесу немцы хорошо укрепились. Через некоторое время меня вызывает командир полка: «Слушай, ефрейтор, необходимо взять эту высоту! Немцы сдерживают наше движение. Сколько у вас людей?» Я ответил, что в строю со мной пять человек, один ручной пулемет, один снайпер, один стрелок и два автоматчика. Выслушав, командир полка распорядился добавить немного автоматчиков и усилить нас двумя станковыми пулеметами. В заключение сказал: «Надеюсь на вас!»

Ожидая пополнение, заместитель командира батальона, бывший командир нашей роты автоматчиков капитан Матвеев (командир роты лейтенант Попов отсутствовал) спросил меня: «Как думаешь выполнять задачу?» Подумав, я предложил атаковать врага на первом этапе, не развернувшись в цепь, как сделал передо мной младший лейтенант, а по одному, короткими перебежками преодолеть опасную зону при одновременной поддержке артогнём. Матвеев одобрил.

Когда пришло пополнение, капитан Матвеев построил взвод всего шестнадцать человек, представил меня и велел беспрекословно выполнять все мои приказания. Затем мы двинулись на исходную позицию для атаки, по простреливаемому мосту через речку. С первыми взрывами на позиции противника командую: «По одному, за мной вперед!» Пробежав метров десять, лег и окопался. Над головой свистят пули. Осторожно посмотрел по сторонам. Все пятнадцать бойцов живы. Вскакиваю, кричу: «Вперед!» и бегу, не оглядываясь. Вскоре взрыв, падаю, ранен осколком. Превозмогая боль, поднимаюсь, кричу: «Ребята,... за-мной! Вперед!»

Преодолев опасную зону, сосредоточившись за самоходкой СУ-76 и взаимодействуя с ней, как за стеной, начали приближаться к позиции противника, и дошли до подножия высоты. Преодолели заросли кустов и заняли первую траншею. Дивизионные пушки прекратили огонь. До немцев во второй траншее оставалось не менее пятидесяти метров. Наблюдая за противником, понял, что если полоснуть длинной пулеметной очередью по брустверу траншеи, то гитлеровцы

нагнутся и потеряют нас из поля зрения. Приказываю подготовить гранаты, пулеметчикам открыть огонь длинной очередью. По моей команде взвод дружно поднялся, с криком «Ура!», во вражескую траншею полетели «лимонки». Так за считанные минуты мы с боем взяли высоту, пленив десять гитлеровцев, и тем самым открыли путь на Данциг нашей 139-й стрелковой дивизии.

В наградном листе к приказу 49-й армии, от 29 апреля 1945 года о награждении меня орденом Красного Знамени говорилось: «В бою 24 марта в районе господского двора первым, во главе взвода, ворвался в траншею противника... Получив в этом бою ранение, не бросил поле боя...» Основание: ОП 686196, д.4158, л. 13. Центральный архив Минобороны.

В этом бою проявил храбрость и отвагу весь вверенный мне взвод. Боря Борзов и Миша Демичев были награждены орденом Отечественной войны II степени, Витя Барышников — орденом Красной Звезды.

Не зря говорят, что ружье стреляет само. Об этом нам курсантам в школе и бойцам на фронте неоднократно напоминали командиры и старшие товарищи.

В марте 1944 г. во 2-й окружной школе стрелков снайперской подготовки шла отработка учебного боя — рота в наступлении и обороне. Для приближения условий к боевой обстановке нам выдали по пять холостых патронов к трехлинейной винтовке С.И. Мосина. Она была у нас на вооружении. Во время атаки курсант наступающей роты при столкновении схватил рукой ствол винтовки обороняющегося курсанта. Произошел выстрел. В результате пороховыми газами ему оторвало часть ладони. Курсант (забыл его фамилию) получил увечье и, как инвалид, был демобилизован.

В октябре 1944 г. наш взвод сидел на залитой солнцем и окруженной багровыми деревьями поляне. Чистили оружие. Вдруг прозвучал выстрел. Лихой ефрейтор Борис Смирнов спросил: «Кто стрелял, все ли живы?» В этот момент, придя в себя, мой друг Лева Крылов, не поднимаясь с земли сказал: «Не могу объяснить, почему автомат выстрелил, я ранен». Пуля пробила ботинок, коснувшись ступни, ушла в землю. Леву отправили в санроту. Вскоре он снова встал в строй. Случай могли расценить как самострел, но этого не произошло.

Начало февраля 1945 г., Польша. Во время перемещения нашей армии с правого фланга на левый Крылов, Борзов, Барышников и другие бойцы, утомленные переходом, ночью, стали в кружок и, держа в руках карту и освещая ее фонариком, определяли место дислокации нашего полка (хозяйство Петрова). Неожиданно из ППШ Борзова прострочила короткая очередь, вспорола под ногами землю. К счастью, никого не задела.

О дружбе

На фронте беззаветная солдатская дружба помогала успешно бить гитлеровцев. Друг словом подбадривал, прикрывал в бою, делился патронами... Помогал преодолевать тяготы войны. Взаимовыручка многим спасла жизнь.

О силе человека

Сила человека — в его знании. Чем больше человек знает, тем он сильнее. После 2-й окружной школы стрелков, прибыв на фронт, в запасном полку мы продолжали совершенствовать свое военное мастерство. Учились метко стрелять, грамотно маскироваться, быстро окапываться, штурмовать различные укрепления. Развивали ловкость, смекалку, находчивость. Эта военная наука сослужила мне добрую службу и, возможно, спасла жизнь.

О мечте

Между боями, во время передышки, наедине с собой, я мечтал о доме, о родных и близких. О подруге, которая должна быть красивой, стройной, доброй... С товарищами мечтали о скорой победе, о светлой мирной жизни. Мечта окрыляет, помогает: открывать новое, до сих пор неведомое, помогает преодолевать трудности, украшает жизнь.

О гаупвахте

В октябре 1944 года мы занимались возведением оборонительных сооружений, рыли траншеи. Дневная солдатская норма составляла десять метров в длину, полметра в ширину и метр восемьдесят в глубину с маскировкой бруствера. Бывало, так намаешься за день, что ни рукой, ни ногой пошевелить трудно. К тому же караульная служба, уход за оружием и много всяких других обязанностей.

Я раз поленился почистить винтовку, второй раз... и так запустил ее, что ржавчина осела в стволе и белый свет через него не просматривался. Так было не только у меня.

Тогда я решил посредством стрельбы, благо патронов много и сам хозяин, вычистить винтовку и предложил это своим друзьям. Стрелять из заржавевшего оружия, в общем-то, опасно, но зато так почистить его легче и быстрее.

В то время был у нас во взводе смелый, мужественный, храбрый и, я бы сказал, отчаянный солдат. Всем взял, только ростом не вышел. За это он получил прозвище «Карандаш» (погиб в бою 12 фев-

раля 1945 года). Он поддержал мое предложение. Отошли мы с ним на сорок-пятьдесят метров от взводных землянок, на поляне под кустом поставили консервную банку, пустую, конечно, и стали, лежа на расстоянии 30 метров, по ней стрелять. Раз, другой... Банка после попадания только подпрыгивала. Увлекшись, вошли в раж. В роте и штабе полка поднялся переполох.

Появился командир роты капитан Матвеев и выдал нам «на полную катушку» — по десять суток ареста. Оправдываться не стали, заслужили. Старшина Незамутдинов отобрал у нас винтовки. Мы сняли ремни. Приказал вырыть окоп на двоих и принести соломы. Солому положили на дно окопа и «сели». Около нас установили часового. Вот такая на фронте в полевых условиях была гаупвахта.

О саперной лопате

В марте 1945 года на нашем участке фронта немцы, отступая, оказывали упорное сопротивление. Чтобы не дать им закрепится, мы вели наступление днем и ночью. Особенно тяжело было ночью — темно, соседа не видно. Жутко. Пока разведка выявляла противника, мы, пехота, лихорадочно работали лопатами, отрывая ячейки. Ведь где бы пехотинец не остановился, он прежде всего обязан окопаться на случай обороны. Бывало, что полчаса продвигались вперед, а час окапывались. И так всю ночь.

До сих пор с благодарностью вспоминаю командира взвода лейтенанта М. Борисова. Он нам, курсантам, привил уважение к неприхотливому инструменту, саперной лопате, которая мешает в походе, но так необходима солдату перед боем и в бою. Она, лопата, когда под рукой, помогает быстро отрыть укрытие и может отвести пулю в бою. Скольким бойцам она сохранила жизнь, помогла дожить до победы.

Июнь 2003 г.

В подготовке настоящих воспоминаний оказал помощь ***Щеголев Алексей Владимирович***, студент 1-го курса Профессионального училища №5 г. Москвы

Мысин Владимир Никанорович

ЗАБЫТЬ?! НИКОГДА!

Родился в 1922 году в Москве, на Большой Якиманке, 50. Русский, член партии с ноября 1943 года, православный. В жилах моих течет кровь рязанских крепостных крестьян. Бабушка по отцу Марфа Тимофеевна. Дед — Соколов Кирилл, 25 лет отслужил рядовым. Жили они в деревне Ничушки Рязанской губернии.

О родителях матери знаю и того меньше. Жили бабушка Фекла и дедушка Никита в деревне Новые Свечи, что километрах в пяти от Ничушек. Бабушка обыкновенная крестьянка из бедняцкой семьи. Фамилию они носили Ковшовы.

Восьми лет от роду отдали моего отца в Москву, в ученье. Появилась необходимость в документах. Выписывал документ волостной писарь. Дед к тому времени умер, а девичья фамилия бабушки была Моисеева. Писарь в паспорте вывел Мысеева. А когда отец получал документы в Москве, два «е» превратились в «и», и фамилия получилась — Мысин.

Мой отец — Мысин Никанор Кириллович в начале века научился слесарить. В армию его взяли в технические войска. Но воевать ему по-настоящему не пришлось.

Вскоре после Великой Октябрьской революции отец вернулся в Москву и стал работать в трамвайном парке имени Апакова на Ша-

боловке, слесарем. Получил комнату в доме, где жили в основном рабочие и служащие трамвайного депо. В один из отпусков поехал в родную деревню и женился на крестьянской девушке из Новых Свечей. А немного времени спустя перевез ее в Москву, в пятиэтажный кирпичный дом на Большой Якиманке.

В этой комнате я и родился 12 августа 1922 года. Через два года в нашей семье появилась девочка, а еще через три опять мальчик. В конце двадцатых годов отец сумел переселиться с семьей в большую комнату, и мы стали жить в квартире с видом на большую церковную площадь храма Ивана-воина, на Кремль. В солнечный день было хорошо видно стрелки часов на Спасской башне.

В таком доме, как наш, можно было вырасти нормальным рабочим парнем. Взрослые жили дружно, собирались после работы и в выходные дни за небольшой выпивкой, ничего дурного не делали, говорили в основном о работе. И в то же время запросто можно было стать обыкновенным уголовником: влияние «черного» двора, где постоянно клубилась темная публика, похваляющаяся сладкой жизнью, было сильным.

Меня спасли два обстоятельства: дружба с Вовкой Максимовым и изменения в жизни нашей семьи. Вовка был старше меня на четыре года. Никого из старших он не боялся. Дрался только по необходимости и всегда побеждал. Вовка здорово играл в футбол, в шахматы, в шашки, ему не было равных среди подающих мячи, когда играли в лапту. Он любил читать, умел рассказать о прочитанном. Я прилип к нему. Стал играть в шашки, в шахматы, меня потянуло к книгам. Читать я научился рано, в пять лет, в детском саду по кубикам, а при поступлении в школу уже умел писать и считать. Поэтому через месяц меня перевели во второй класс, и лишь боязнь отца, что я рано окончу школу и меня некуда будет деть, заставила его придержать меня в третьем классе под предлогом болезни. Наша дружба продолжалась с Володькой до его ухода в армию. Он ушел добровольцем на финский фронт, был ранен, награжден орденом Красного Знамени.

В то время мой отец вступил в партию, и его послали в деревню в числе «двадцатипятитысячников» — так называли тех, кто по заданию партии отправлялся в деревни создавать колхозы. Когда отец вернулся домой, ему была предложена должность управляющего Москворецким отделением Мосгорбанка. Отцу пришлось учиться. Преподаватели приходили к нему в кабинет утром, до начала рабочего дня. Отец стал получать зарплату побольше. Я тоже не сидел без дела, помогал маме плести ручки к дамским сумочкам. Эту надомную работу мама брала в артели, перестав работать кондуктором в Апаковском трамвайном депо. Все это стало выделять нас из рабочей среды. Авторитет отца возрос, когда его избрали депутатом райсовета: все это распространилось и на меня круг моих друзей все менялся.

В1934 году меня вместе с небольшой группой пионеров Москворецкого района включили в состав сводного пионерского батальона Москвы для участия в первомайском параде на Красной площади. В ЦПКиО, на набережной Москвы-реки, нас долго учили ходить в строю, держать равнение и другим премудростям. Запомнилось тревожное ожидание перед началом парада. Наш батальон стоял вместе с воинскими частями на улице 25-го Октября. Нас приветствовал и поздравлял с праздником К.Е. Ворошилов.

Учился я хорошо, без троек, но примерным поведением не отличался. В то время, о котором я рассказываю, родители не очень за нами присматривали. Со школьными и прочими делами мы управлялись самостоятельно. В 1936 году мы переехали в отдельную квартиру. В 1937 году отца избрали председателем Москворецкого райисполкома (в этот район входил и Кремль). Свой очередной учебный год я начал в новой школе. Мне удалось сразу освоиться в новом классе, и во время выборов в Верховный Совет СССР я оказался в числе восьмерых одноклассников, назначенных агитаторами. Мы ходили по домам, вели разъяснительную работу среди избирателей. Нас тогда за нашу работу досрочно приняли в комсомол.

Зима 1939-1940 годов была холодной. Занятия в школе отменили. Мы следили по радио за сводками с финского фронта, спорили, рассуждали, надеялись, что эта война не будет затяжной. Она закончилась, когда незаметно подкралась весна. Весна набирала силу, вот-вот должны были грянуть выпускные экзамены, но, как ни странно, учеба отступила на задний план. Другое нас волновало — постановление правительства о новых сроках призыва в армию и сроках воинской службы. Нас, парней — десятиклассников, не так беспокоили события в Европе и поведение фашистской Германии, как то, что в перспективе у всех — армия. Нас стали вызывать в военкоматы, на комиссии, предлагали пойти учиться в военные училища -выбирай любое, в любом городе. Мы стали прогуливать уроки, и с нас не спрашивали за это строго — допризывники. Но все же выпускные экзамены сдали, получили аттестаты зрелости. Прощай, школа.

На следующий день после выпускного вечера я уже стоял перед очередью в райвоенкомате. Мне предложили направление в Москов-

ское военно-инженерное училище. Я соблазнился названием «инженерное» и тем, что училище недалеко, в Болшево. Сдав вступительные экзамены, я был зачислен в училище. Мне выдали справку, что я являюсь курсантом МВИУ и нахожусь в отпуске до 25 сентября 1940 года. В назначенный день я был в училище, где меня определили в третий взвод первой роты. Учиться мне, как и другим курсантом, пришлось недолго - до 22 июня 1941 года. Через девять месяцев нас отправили в летние лагеря. Лагеря оказались тоже не курортом, ранние подъемы, муштра, практические занятия. Мы всегда ждали воскресенья. По выходным подъем на два часа позже, лежишь и строишь планы на целый день до самого отбоя.

Вот и это раннее, июньское воскресенье началось так же. Говорили о предстоящем футбольном матче со слушателями Военно-инженерной академии имени Куйбышева, чьи лагеря были рядом с нашими, о том, что к нам могут приехать подружки, родственники, друзья. С первыми звуками горна мы вскакиваем, зарядка, пробежка к озеру. Настроение отличное: впереди целый день отдыха, а вечером еще можно посмотреть новый фильм. Сразу после завтрака спускаемся к озеру, чтобы постирать одежду и портянки. Очень хочелось искупаться, но окунуться в прохладную воду не удалось. Появился посыльный от дежурного по лагерю и передал приказ: роте немедленно прибыть в расположение. Было объявлено построение на передней линейке. Замерли в строю. Нам сказали, что будет правительственное сообщение и выступление Председателя Совета Народных Комиссаров.

И вот радио донесло до нас слова о бомбежках наших городов, о боях на всем протяжении нашей западной границы. Без объявления войны на нас напала фашистская Германия. Строй застыл. На наших лицах недоумение и растерянность. Как же так? Ведь два года назад наша страна подписала с Германией пакт о ненападении?! Вот так обрушилась на нас война 22 июня 1941 года. Как гром среди ясного неба.

Месяца не прошло с начала войны, а мы были уже в Днепропетровске. То, что увидели в привокзальном сквере, ошеломило: груды узлов, измученные дети, заплаканные женщины. Они рассказывали о бомбежках мирных, безоружных людей, о колоннах фашистских танков, давящих все на своем пути, отступающие наши войска. Мы, лейтенанты-выпускники, успели узнать, что такое боевые тревоги, слышали залпы зениток и грохот разрывов, но пороха, как говорится, еще не нюхали. На фронт я попал по призыву. В середине июля 1941 года я вместе со своими товарищами по училищу прибыл в Днепропетровск. Там формировалась 230-я стрелковая дивизия, по частям которой и разъехались мои товарищи. А я и еще несколько человек остались в городе для комплектования дивизионного 552-го отдельного саперного батальона. В здании школы (у развилки проспекта Карла Маркса и улицы Пушкина) мы представились дивизионному инженеру 230-й стрелковой дивизии капитану Немцову и командиру 552-го отдельного саперного батальона старшему лейтенанту Вистгофу, которые также недавно прибыли из Москвы. У меня была отменная аттестация. Хотя в училище я был недолго, но прошел стажировку как командир саперного взвода, поэтому мне доверили командовать подразделением 1-й саперной ротой батальона. В ней было более ста человек, многие из которых годились мне, девятнадцатилетнему, в отцы. Политруком моей роты стал днепропетровец, старый большевик Яков Харлампиевич Красов. Умный, с большим жизненным опытом, очень уравновешенный, он всегда мог вовремя подсказать что-то дельное, нужное, был моим советчиком и армейским отцом. Взводами в роте командовали выпускники училища — Борис Гулишвили, Лева Эйзель и Григорий Яценко.

В военном городке (на Чичеренской улице), а потом на окраине города (в Соцгородке,5) батальон принял личный состав, вооружение, боепитание, табельное имущество. Не до конца укомплектованными остались парковая рота и рота ТОС (техника особой секретности). Не хватало транспорта лошадей и табельных фурманок. В лесу, по уплотненной и ускоренной программе проводились занятия с саперами. Нужно было поторапливаться враг вступал в Днепропетровскую область. 15 августа весь личный состав батальона принял военную присягу, а на рассвете следующего дня походной колонной выступили навстречу противнику. Стрелковые полки дивизии заняли оборону в полосе Крынычки — Карнауховские хутора по речке Мокрая Сура на западе Днепропетровщины. Наш саперный батальон разместился рядом со штабом дивизии в большом селе Благовещенка и получил конкретное боевое задание: закрыть минами и фугасами передний край обороны полков, прикрыть его заграждениями из колючей проволоки и малозаметных препятствий. Мою роту назначили в караул. От дежурства на постах остался свободным только один взвод. Рано утром в штаб дивизии поступило донесение о прорыве противником обороны одного из наших стрелковых полков. Стало известно, что возможна танковая атака на село Благовещенка и окружение

его танками с десантами автоматчиков. Я получил приказ — со свободным от караула взводом перекрыть минами дорогу, по которой могли пройти танки. Следовало торопиться. Мы минировали быстро, но по всем правилам минной науки. Слышался звук приближающихся танков. Нужно было немедленно уводить отсюда людей. Мы стали пробиваться в сторону батальона. И вдруг — грохот взрыва, видим столб огня. А через считанные минуты — еще один. Два танка подорвались на поставленных нами минах. Только успели это сообразить, как раздался третий взрыв. Это подорвался автобус с офицерами.

Уже тогда, в первые месяцы войны, было много бойцов, отставших от своих частей. Вот таких мы и встретили на своем пути, возвращаясь с задания. Вместе с ними под моим командованием оказались более трехсот человек. Нас остановил полковник — танкист: «Доложитесь». Я представился, все, что требовалось, доложил. В ответ последовало: « Вы, лейтенант, назначаетесь командиром сводного отряда, ваш политрук — комиссаром. Боевая задача: держать стойкую оборону в районе станции Сухачевка. Показал на карте границы участка обороны. У этого полковника замечательная фамилия — Пушкин, он командовал 12-й танковой дивизией. Здесь же, у станции Сухачевка, занимая ротой оборону, мы стали свидетелями танкового боя. Два наших тяжелых КВ и пять «тридцатьчетверок» встретились в открытом поле с тридцатью немецкими танками. Вот это был бой: наши маневрировали, на ходу стреляли по фашистам из танковых пушек, шли на таран. Они разбили, подбили и сожгли восемнадцать вражеских машин, не потеряв ни одной своей. Наши войска оказывали отчаянное сопротивление врагу, но остановить его не удавалось. Мы, саперы, шли последними за отступающими частями: рвали перемычки в противотанковых рвах, ставили мины. Делали это до тех пор, пока немцы не начинали лупить по нам прямой наводкой. Был получен приказ командования оставить Днепропетровск. Пехота и все остальные части уходили на левый берег Днепра, а мы остались минировать. Начальник оперативного отдела дивизии майор Рогов дал роте три больших грузовика с противотанковыми минами и заодно приказал прочесать пригород в районе Диевки, где время от времени раздавались выстрелы. То стреляли просочившиеся к нам в тыл немецкие автоматчики. В те две августовские фронтовые недели, когда обстановка была крайне неясной и напряженной, мне четырежды угрожали расстрелом В первый раз, когда я отдал команду стрелять по вражеским самолетам, невзирая на приказ не делать этого. За пистолет тогда схватился комиссар стрелкового полка, а защитил меня мой политрук Я.Х. Красов. Во второй раз, когда с ротой возвращались с задания. Нас остановили двое в штатском и военный. «Почему отступаете? Где ваша часть?» — набросился человек в форме, вынимая из кобуры пистолет. И снова помог выпутаться Я. Х. Красов, вступив в переговоры. Еще с одним любителем острых ощущений свела меня судьба на тропе войны. В балочке села Тарамское наш батальон накрыли артиллерийские и минометные снаряды. Я остался за командира и скомандовал, чтобы взвод переходил в соседнюю балку — жалко было терять людей. Вдруг появился возбужденный майор-танкист: «Кто дал приказ отступать?» — и с пистолетом на меня. Выручил политрук особого отдела, одобрив мои действия. В четвертый раз я оказался под дулом пистолета так: мы, как всегда, минировали, что-то не понравилось одному политработнику стрелкового полка, и он полез за пистолетом. Но тут я сам за себя постоял, остановил его дерзостью: «Я ведь тоже умею стрелять, причем очень метко». Не всегда правы командиры — этому учила меня война. Но все это, как говорится, полбеды по сравнению с настоящей бедой: мы сдавали города немцу. Вот и Днепропетровск не смогли отстоять, оставили его 28 августа 1941 года.

Весь сентябрь полки дивизии оборудовали полосу обороны по левому берегу Днепру, южнее Днепропетровска. Моя рота работала на участке 999-го стрелкового полка — от хутора Запорожец до большого прибрежного села с пристанью Васильевка. Минировали берег реки и остров Козлов: тянули колючую проволоку, разворачивали и ставили малозаметные препятствия (МЗП). Получив приказ командования об уничтожении на Днепре всех переправочных средств, взрывали, топили и жгли лодки, катера, баржи, пароходы. Днепр выглядел не так, как до войны. После взрыва Днепровской ГЭС он обмелел, обнаружились пороги, появились отмели. На берегах зияли воронки от бомб и снарядов. 9 сентября мне пришлось расстаться со своими боевыми товарищами по роте: я переводился в 990-й стрелковый полк на должность полкового инженера. Штаб полка размещался в селе под названием Попов хутор. Командиром полка был бывший начальник полковой разведки майор Зайшло. Круг моих новых обязанностей был довольно обширным: обеспечение средствами заграждения и саперным инструментом, определение мест более сложного прикрытия, плотной защиты стрелков и артиллеристов их окопов, прикрытие тылов, штаба и командных пунктов.

2 октября 1941 года командование приказало отходить на восток: севернее Кременчуга немецко-фашистские войска форсировали Днепр и намеревались ударить нам во фланг. Отступать очень тяжело. Мы дошли до Новониколаевки. Здесь я поджидал врага в группе командирского заслона. Перед нами, пятьюдесятью командирами, была поставлена задача: встретить неприятеля пулеметным огнем и гранатами, остановить автоматчиков и танки. И снова наша армия отступала, а немцы продвигались вперед. В районе хутора Шевченко нас объединили с запасным полком. Командиром полка стал полковник Бакутин, комиссаром — старший политрук Мазниченко, которого вскоре сменил старший политрук Лавров. Штаб полка разместился в одноэтажном кирпичном станционном строении разъезда Ашуркова, в десяти километрах южнее Краматорска. Противник наступал со стороны Дружковки. Не выдержав мощного давления и накала боя, батальоны начали отходить. Уже после боя в селе Белый Яр нам привезли номер газеты «Звезда Советов» от 19 октября. В заметке «Отвага и дерзость» описывался первый бой моей саперной роты у села Благовещенка на Днепровщине, когда мы подорвали два танка и автобус с офицерами. Упоминалась и моя фамилия, говорилось о моем выдвижении на должность полкового инженера.

В октябрьские и ноябрьские дни под городом Лисичанском мы с тревогой следили за сводками Совинформбюро: враг стоял под Москвой. Здесь мы отметили 24-ю годовщину Великого Октября. Нашему полку было приказано сменить тех, кто вел бои на правом фланге дивизии. Здесь я впервые увидел, как работают гвардейские минометы с ласковым названием «катюша». Было это 7 декабря 1941 года. 14 декабря меня вызвали срочно к командиру полка. Приказ: обеспечить наступающим подразделениям полка проход через минные поля противника. Мин было так много, что работать пришлось всю ночь. Уже светало, когда мы стали снимать мины между фруктовыми деревьями в саду. От усталости и напряжения в глазах стали плавать желто-зеленые круги, появилась дрожь в руках и ногах. Надо бы полежать, немного передохнуть, но время не ждет. Увидел проволочку, потянулся за ней и...зацепил правым сапогом проволочку, протянутую к другой мине. Взрыв отбросил меня на несколько метров вперед, я упал лицом в грязь. Немцы открыли огонь. Мне повезло, я остался жив. Товарищи донесли меня до медпункта — обе ноги были разбиты. Отправили меня в Малорязанцево, в медсанбат дивизии. Здесь уже основательно очистили раны от осколков и грязи, но началось воспаление, температура поднялась до 41 градуса. Меня перевели в госпиталь в Сватово. Военврач, который меня осматривал, сказал, что началась гангрена и придется ампутировать обе ноги. В операционной, осмотрев распухшие ноги, доктор Хизский сказал: «Давай попробуем спасти ноги». Слава богу, все обошлось. После операции меня отправили санитарным поездом за Урал. В госпитале в Чимкенте я перенес еще одну операцию и в первых числах апреля1942 года выписался из госпиталя.

Прошел месяц с тех пор, как я вернулся в строй. Полк в те дни с ходу вступил в бои на берегах Кшени. Штаб разместился в селе Боровка. Противник активно теснил наши батальоны.28 июня на реке Тим наша дивизия подверглась мощному удару противника. На командном пункте — в овражках деревень — был ад кромешный: артналеты следовали один за другим. Мы отступали. Нас начали теснить танковые колонны немцев. У немцев было абсолютное господство в воздухе. Немецкие войска, прорвав оборону, дошли до Воронежа. На северной полосе прорыва вместе с танкистами оказывали сопротивление противнику бойцы моей дивизии. Особенно ожесточенные бои были южнее большого села Юрское. С обеих сторон танкистов поддерживала пехота. Доходило до танковых таранов и рукопашных схваток. Везде были подбитые танки. В одном из таких танков на высоте 202,2, так называемой «командной высоте», гитлеровцы посадили автоматчиков и наблюдателей. Такой наблюдательный пункт давал возможность корректировать артиллерийский и минометный огонь по большой площади в глубине и тылов нашей дивизии, сковывая любые передвижения. Штурм этой высотки принес одни потери.

В начале августа в полк, расположенный в Гатищенских выселках, вместе с полковником Слышкиным приехал командующий 13-й армии генерал Пухов. На совещании перед дивизионным инженером майором Егоровым была поставлена задача: убрать танк-наблюдатель любой способом. Было принято оригинальное решение: уничтожить танк минным способом, т.е. от наших окопов, отрыв колодец-шахту, проложить подземно-минную галерею и закончить ее под танком зарядной камерой. Выполнение всех работ было возложено на саперов дивизионного 75-го саперного батальона, которым командовал капитан Педь. Работали круглые сутки, по сменам. У полковых саперов вместе с ротой инженерно-саперного батальона была другая задача: мы готовили исходные позиции батальону, который должен атаковать высоту после взрыва. Прокладывали окопы полного профиля, снима-

ли мины. В конце августа я получил очередное воинское звание. Подходила к концу подготовка по уничтожению высоты. В зарядную шахту заложили взрывчатку. Я решил уточнить еще кое-какие детали. С помощником начальника полка мы забрались в один из подбитых танков на нейтральной полосе, но нас заметили немцы и открыли огонь. Мне попало по ногам. Портянки в сапогах стали мокрыми. Случилось это накануне штурма высоты — 9 сентября, а через три дня наблюдательный пункт противника в танке перестал существовать, но я этого не увидел, опять оказался в лазарете. Два месяца я провел в медсанбате и 6 ноября 1942 года вернулся в свой полк.

В апреле 1943 года меня перевели в 148-ю стрелковую дивизию на должность заместителя командира 163-го отдельного саперного батальона. Меня включили в состав комплексной рекогносцировочной группы по разведке и обозначению армейского промежуточного оборонительного рубежа нашей 13-й армии. В эту группу вошли пехотный майор Шишков, артиллерист майор Елисеев, топограф капитан Попов. За полторы недели мы изучили большой район юго-восточнее и восточнее Малоархангельска, наметили на местности и нанесли на карты позиции войск, узлы обороны, огневые точки и позиции артиллерии с учетом боевого и огневого взаимодействия подразделений, места командных и наблюдательных пунктов. За проделанную работу нам объявили благодарность.

С конца марта — начала апреля 1943 года советскому командованию стали поступать данные агентурной разведки о движении войск противника и его боевой техники в районе станции Глазуновка и Змиевка, против полосы обороны 13-й армии, севернее участка обороны нашей дивизии. Командующий Центральным фронтом генерал армии К. К. Рокоссовский приказал разведчикам брать пленных. Но поиски по всему северному фасу Орловско-Курской дуги были безрезультатны: враг не дремал, готовился и чутко охранял свои позиции. С фашистских самолетов на наши головы сыпались тучи листовок. Нам грозили устроить «Курский Сталинград». И мы, видя нанесенную на карты линию фронта, поняли, что обороняем именно тот участок фронта, где может быть нанесен главный удар с севера, под корень Курского выступа. И тогда родилась мысль провести разведку боем. В 13.00 7-го мая 1943 года в небо взвилась красная ракета. 15 минут грохотала артиллерийская подготовка. И батальон пошел в атаку. В моей роте закрепления было три взвода: саперы с минами и пакетами МП (малозаметных препятствий), химики с ФОГами (фугасными огнеметами) и автоматчики. Нам нужно было пройти со стрелковыми подразделениями немецкие окопы, деревню Глазуновка, речку, деревню Васильевка, чтобы потом прикрыть пехотинцев. В этом бою наше командование получило 28 «языков» За этот бой меня наградили орденом Красной Звезды и медалью «За боевые заслуги». Немцы были еще сильны, но мы им спуску не давали. Реально оценивая обстановку, дивизия готовилась стоять насмерть. Инженерные работы по укреплению переднего края обороны саперный батальон вел еженощно.

4 июля 1943 года разведгруппа Сивашской дивизии во главе с лейтенантом Милешниковым взяла «языка» — немецкого сапера, который делал проходы в минных полях. На первом же допросе он сказал о дате и времени наступления — 5 июля в три часа. Меня срочно вызвали в штаб дивизии. Приказ: «Быть в полной боевой готовности». В третьем часу ночи на всем участке нашей обороны одновременно раздался грохот орудий. Кругом гудело и выло так, что звенело в ушах. Дрожала земля. Наш внезапный огонь задержал атаку немцев на три часа. Она началась длительной артподготовкой, направление ударов — станция Поныри и город Малоархангельск. Туда потом двинулись танковые колонны: «тигры», «королевские тигры», «пантеры», самоходные орудия «фердинанд» — в сопровождении пехоты. В воздухе нависли сотни самолетов, как вражеских, так и наших. Мы несли большие потери, в полках оставалось все меньше активных штыков. И тогда по гребням высоток у Вавилонки (пригород Малоархангельска) на прямую наводку выкатили все уцелевшие орудия, в оборону залегли все спецподразделения, в том числе и саперный батальон.

После перегруппировки наших войск пришел приказ: «Вперед!» У Понырей мы атаковали вклинившегося в нашу оборону врага. С боями вошел в свои окопы левофланговый полк — исходное положение было восстановлено. Дивизия получила пополнение. 23 июля в окопах появились танкисты корпусов прорыва, и мы начали прикидывать места проходов сквозь минные поля для нашего наступления, которого все ожидали. 24 июля в два часа дня мы перешли линию фронта. У деревни Глебово восстановили мост и вышли к городу Кромы. Его брали с боем. Это был первый город, который мы освободили. Много моих боевых товарищей полегло в Курской битве. За боевые действия в Курской битве многие удостоились высоких правительственных наград. Но самой почетной наградой стал первый победоносный салют в Москве. Нам — победителям Курского сраже-

ния — салютовала вся страна. После битвы на Орловско -Курской дуге мы прошли сотни километров и вступили на украинскую землю. Противник быстро откатывался, и это радовало. Мы продвигались по Черниговщине, через Краснопольск, Корыльское, Октябрьское, Нехаевку, у села Новые Млины форсировали реку Сейм. 15 сентября полк вошел в село Кладьково Куликовского района и стал оборудовать КП дивизии.

На следующий день состоялось совещание в штабе дивизии,на котором было решено создать гарнизон переправ для форсирования реки Десны. Начальником назначили полковника Коноплева, а комендантом — меня, капитана Мысина. Перед саперами была поставлена задача: найти место и организовать переправу через Десну всего состава дивизии с вооружением, техникой, боеприпасами. Этим местом стало село Выбли. Здесь когда-то была переправа, но на деле там не осталось никаких ее следов. Времени было в обрез — всего одна ночь. К рассвету пехота должна быть на том берегу. За ночь удалось переправить стрелковые подразделения с легким стрелковым оружием, противотанковыми ружьями и минометами на правый берег, где они вступили с противником в бой, погнав его к Чернигову. За переправу через Десну Указом Президиума Верховного Совета СССР от 23.09.43 г. я был награжден орденом Суворова третьей степени.

Многокилометровый марш от Припяти завершился в городе Радомышле на Житомирщине, севернее Киева. Линия обороны проходила недалеко от города, и поэтому в нем было очень неспокойно. Штаб обосновался на углу улицы Некрасова и шоссе. Я хорошо запомнил этот адрес, потому что здесь меня приняли в члены коммунистической партии. Это было 30 ноября 1943 года. В это же время к нам в дивизию приехал начштаба инженерных войск 60-й армии подполковник Вархов, и сообщил, что я направляюсь на учебу в Военно-инженерную академию имени Куйбышева. Он видел мою фамилию в списках офицеров, удостоившихся такой чести. А командир дивизии генерал Мищенко поздравил меня с присвоением очередного звания майор и назвал номер приказа, подписанного командующим Белорусского фронта К.К. Рокоссовским.

В начале декабря наши полки принимали оборону от кавалерийского корпуса генерала Белова. В ночь на 5 декабря мы минировали подступы к селу Сведа. На этом участке противник сосредоточил большую группу танков и механизированных дивизий, в том числе эссесовские. На рассвете после внезапной и мощной артиллерийской

подготовки лавины танков с автоматчиками на броне ринулись на нашу оборону. Бой был жестокий. Мы дрались за каждый клочок земли, но силы были неравные и нашим батальонам и полкам пришлось отойти. Двое суток у саперов не было ни минуты отдыха.

В ночь на 7 декабря мы, донельзя уставшие, дремали в кузове полуторки, которая везла нас в штаб. Тьма была непроглядная. Шофер вел машину медленно. И вдруг борта машины прошила автоматная очередь. Наш водитель прибавил скорость, влетел на окраину села и ... фактически врезался в немецкую танковую колонну. Только мне одному посчастливилось остаться в живых. Я сидел у заднего борта, и тела моих товарищей закрыли меня от пуль. Выпрыгнув из машины, я почувствовал удар в левое бедро, упал, вскочил, сделал несколько шагов. В живот уперлось несколько стволов автоматов, и надо мной нависли трое фашистов. Они подвели меня к танку, заставили забраться и сесть рядом с автоматчиком. Боль в бедре усиливалась. Меня доставили в какое-то село и отвели к старшему офицеру. Стали задавать вопросы. Я отказался отвечать. Меня подвели к маленькой темной хатке и втолкнули в нее. Утром загремела входная дверь, и в горницу вошел солдат. Он показал автоматом на выход. Мы вышли из хаты и невольно сбились в кучу. Нас было 14 человек. Никто не знал, какая участь ждет каждого, и это заставляло жаться друг к другу. Нас построили по двое и повели к западной окраине села. Мне было трудно идти из-за пули в бедре. Остановили нас у развилки дороги. В трех-четырех метрах лежал убитый немец в форме с погонами унтер-офицера, со знаками «СС» в петлицах. Нам велели встать в шеренгу. Метрах в двадцати несколько солдат возились с двумя ручными пулеметами. Дула были направлены в нашу сторону. Все стало ясно. Нас хотят расстрелять.

И вдруг в утренней тишине звучно и четко раздалось родное «ура». Село атаковали наши. Гитлеровцы засуетились. Они поломали нашу шеренгу. Рядовых пленных нагрузили коробками с пулеметными лентами и погнали перед собой навстречу атакующим. Меня отвели в школу, которая превратилась в тюрьму. Приходил обер-лейтенант и всем задавал вопросы. Я отказался отвечать, документы не дал, сказал, что потерял ночью. Днем этот обер с автоматчиком привезли меня на мотоцикле в маленький хутор. Там со мной беседовали три офицера в черной форме. Спал я на соломе, под охраной. Потом опять появился мотоцикл с коляской. Повезли меня по промерзшим проселочным дорогам. На околице села Горбулев (аккуратисты-нем-

цы сразу ставят щиты с названием захваченных городов и сел) мотоцикл подъехал к открытой грузовой машине. Я увидел в ней трех офицеров в советской форме и сразу узнал командира 654-го стрелкового полка подполковника Бурлакова, командира 2-го батальона этого же полка майора Диардиященко и командира дивизионного проучебного батальона майора Сгадова. Их захватили в землянках на переднем крае, сразу после артподготовки. Дальше нас повезли вместе. В большом селе южнее Коростылево размещался какой-то штаб. Офицер в странной военной форме пытался завербовать нас в так называемую русскую освободительную армию генерала Власова. Мы отказались. На той же машине нас отвезли в Бердичев. Поздно ночью я стоял перед полковником и майором СД (служба безопасности). С помощью переводчика они пытались узнать у меня места переправы и расположение мостов на речке Тетерев. Я говорил, что не знаю

Утром нас повезли в сторону Винницы, но не доехав до города, свернули с шоссе. Въехали в лес. Между деревьями были видны дорожки, посыпанные желтым песком. Нас по крутым ступенькам повели вниз, в глубокое подземелье. Уже потом я узнал, что это бывшая ставка Гитлера, ныне штаб фельдмаршала Манштейна, командующего группой войск. Мне становилось совсем плохо: распухло бедро, поднялась температура. Началось воспаление. Меня повели в подземную санчасть. Врач осмотрел рану, вложил в нее смоченный лекарством бинт и отправил в камеру. Пулю удалять не стал. Я опять вернулся в подземный склеп к моим товарищам. Но очень скоро нас снова повезли в сторону Винницы. Привезли в трехэтажное здание за колючей проволокой. Нас окружили военнопленные, исхудавшие, в замызганной военной одежде. Посыпались вопросы, в основном о делах на фронте. Через несколько часов нас перевели в одноэтажное здание, которое находилось как бы внутри лагеря. Это был офицерский блок. Показали наши места, а через полчаса снова куда-то потащили. У меня сильно распухла раненная нога. Мы шли по главной лагерной дороге. За проходной нас уложили в повозку, в ногах устроился солдат с винтовкой. От ездового узнали, что нас везут в госпиталь для военнопленных, но там я надолго не задержался.

В нашем блоке содержалось двадцать офицеров. Мы сидели на строгом пайке: один раз в сутки баланда без хлеба. Офицеры к работе не допускались, а вот наших солдат немцы водили отбывать трудовую повинность. Местные жители подбрасывали им узелки с едой, солдаты делились с нами.

В первый день нового, 1944, года фельдфебель офицерского блока объявил, что нас отправят на машинах в другой лагерь. Лучшей возможности для побега трудно было себе представить. Но вышло все иначе. Ранним утром 4 января в блоке раздалось громкое «Ахтунг!» Нас построили в колонну, и мы двинулись по шоссе в сторону Проскурово. На ночлег остановились в селе Ксаверивка. Следующий привал был в селе Селище. Пленных солдат загнали в свинарники у дороги, а офицеров по трое развели по хатам. Меня, Сергея Аросова (он был начальником полкового штаба морской пехоты) и танкиста Всеволода Коваленко определили на постой в один дом. Перед тем как лечь, нам удалось перекинуться несколькими фразами с хозяйкой. Ее звали Ванда. Когда охранник заснул, я набросился на него и помог своим товарищам скрутить их охранника. Мы вышли на улицу, где нас ждала Ванда. На нашем пути было немало добрых людей. Через них мы и попали в партизанское соединение полковника Якова Ивановича Мельникова, где комиссаром соединения был секретарь Винницкого подпольного обкома партии Дмитрий Тимофеевич Бурченко. Не передать словами тех чувств, когда к нам в хату ворвались товарищи, бежавшие из другого дома в селе Селищево. Среди них было трое из моей дивизии. Итак, нас, бывших пленных, оказалось восемь человек: два подполковника, четыре майора и старший лейтенант. Меня направили в главную разведку соединения.

Нашему партизанскому соединению Главный штаб соединения приказал двигаться на юг. При переходе шоссе Винница Проскуров завязался настоящий бой. Шоссе охранялось постами, мотопатрулями и курсирующими танками: рядом с ним был проложен прямой кабель из немецкой Ставки под Винницей к Главному Командованию в Берлин. В Жмеринском лесу наша группа (бывшие пленные) решила самостоятельно переходить линию фронта. После полуторанедельного участия в боевой жизни партизан мы решили, что будем гораздо полезнее в частях действующей армии.16 января 1944 года партизаны двинулись в сторону Молдавии на юг, а мы — на восток. По дороге мы встретили саперную группу Николая Медведева, возвращающегося с диверсионного задания. От них узнали о продвижении наших войск на Винницу. Бурлаков и Диардиященко решили остаться в лесном селе Шура и дождаться наших здесь. Мне не нравилось, что наша группа распадалась, что документ с партизанской печатью оставлял у себя Бурлаков. Это было не очень честно. В конце января мы с саперами лейтенанта Медведева перешли линию фронта под

Ильинцами. Докладывая о выполнении задания командиру 71-го инженерно-саперного батальона 15-й ИСБр, он представил меня. Пришлось снова все рассказывать. К сожалению, при этом не присутствовал их контрразведчик из «СМЕРШа»: его не было в батальоне. Я был счастлив: пришел конец испытаниям.

Но успокаиваться оказалось рано. В самом начале следующего дня противник крупными силами атаковал наши части под Ильинцами. Пришлось отступать, я отбился от батальона Медведева. На опушке леса, недалеко от дороги услышал об окружении. У одного старшего офицера увидел в руках карту и исхитрился в нее заглянуть. Прикинул, где можно прорваться из окружения. Мы двинулись к большаку Оратов — Оратовка: по моим расчетам, только здесь можно было выскочить из кольца на север. Под очередями трассирующих пуль с вражеских танков мы быстро проскочили его. Выслали разведку, и она доложила, что в поле появились конники. Вскоре выяснилось, что это разведчики из чехословацкой бригады полковника Свободы. Вся наша группа вместе с ними добралась до штаба бригады. В штабе дивизии, который находился в Тетиеве, мной некому было заниматься: их контрразведка находилась в 150 километрах отсюда. Мне посоветовали идти в город Погребищево. В Погребищеве началось то, чего я никак не ожидал. Уполномоченный СМЕРШа дал мне ручку и бумагу. Я должен был все подробно написать, указать факты, названия, имена и фамилии. Меня повезли в штаб 2-й танковой армии. Там мне разрешили написать короткое письмо родителям и в свой батальон. Потом можно спать. Отдыхал я недолго: из поездки вернулся начальник и сразу вызвал меня. Жестом указал на табуретку и неожиданно спросил: «Знаете, где находитесь?» Улыбаясь я ответил: «Представляю». — «Ну, раз знаете, снимайте погоны, награды, ремни», — огорошил меня подполковник. Радости, переполнявшей меня, как не бывало. И опять посыпались вопросы, каверзные, с желанием на чем-то меня поймать, сбить, как-то унизить. Здесь, в контрразведке, в моей шевелюре появились первые седые волосы.

Меня отправили под охраной автоматчика в контрразведку моей 69-й армии. Пришлось протопать десятки километров через Сквиру и Белую Церковь, Анрушовку и Житомир, Шепетовку и Славуту, догоняя наступавшую армию. В Левковцах разговор с начальником отдела полковником Хачановым был коротким. Затем я очутился в большой комнате. Окна были открыты настежь, а на полу, головами к стене лежали десятки людей в военном и гражданском. Посреди

комнаты стоял солдат с автоматом. Мне объяснили, что здесь можно лежать только молча. В туалет — один раз, утром. Фронт двигался на запад. За ним продвигались вторые эшелоны, тылы. Меня с группой задержанных тоже отправили в путь. Нас сопровождал конвой. Наконец, дошли до села Синява. В нем размещался лагерь проверки (так называли попавших в плен, оставшихся на оккупированной территории) . В этом лагере я пробыл до мая 1944 года. Все это время шла проверка, делались запросы во все части , где я служил и воевал. 11 мая я вернулся в свой батальон, на свою должность, сохранив свое звание. На меня началась атака по партийной линии. На заседании парткомиссии меня исключили из партии. Аргумент был простой: офицер, побывавший в плену, не имеет права носить партбилет. Летом на наградном листе — представлении на орден Богдана Хмельницкого 3-й степени за Львовско-Перемышльскую операцию, которую утвердили все мои вышестоящие командиры, член Военного Совета 60-й армии красным карандашом начертал: «ограничить старыми наградами». Было возвращено и представление на присвоение очередного воинского звания.

12 января 1945 года началась Висло-Одерская операция. 148-я Черниговская дивизия держала фронт на самом левом фланге Сандомирского плацдарма.17 января дивизия пошла вперед. Саперному батальону было приказано пробить дорогу через минные поля и проволочные заграждения в районе станции Чарна. Не просто было искать и снимать мины в глубоком снегу и при крепком морозе. Нас торопили из штаба дивизии, и мы забыли о противнике.

Пятое по счету и самое тяжелое ранение я получил здесь. Очнулся на десятые сутки в армейском госпитале в Пусткуве. Голова была забинтована, правые рука и нога тоже в бинтах. Что-то с ушами, я плохо слышу. У моей постели постоянно дежурил врач. Мне везло с врачами. Меня подлатали и перевели в глазное отделение. Заведующий глазным отделением (Фридман Самуил Яковлевич) сделал мне, находящемуся без сознания, операцию, чтобы спасти единственный, но поврежденный глаз. Второй был разбит вдребезги. Через какое-то время меня отправили во фронтовой госпиталь во Львов. Там я перенес еще одну операцию. Несколько суток после операции лежал только на спине. Тогда-то и продиктовал письмо родным в Москву: « Меня снова стукнуло, но на этот раз, кажется, здорово... писать сам не могу... но все равно шучу и смеюсь. Через какое-то время пришло письмо из дома. Письмо было адресовано не мне, а одному львовскому началь-

нику, видимо, отец его знал. Он просил этого человека узнать все обо мне, какое у меня ранение. Кончилось все тем, что отец, как депутат Моссовета, получил разрешение командования на поездку в прифронтовую полосу к тяжело раненному, слепому сыну, чтобы перевезти его в московский военный госпиталь. В конце марта отец был у меня в палате, а ранним апрельским утром мы уже стояли перед дверью нашей квартиры.

Конец войны я встретил в московском глазном госпитале. Около двух часов ночи 9 мая 1945 года больничную тишину палаты №7 нарушили позывные Всесоюзного радио. Знакомый голос диктора сообщил, что фашистская Германия капитулировала полностью и безоговорочно. У меня не выдержали нервы: после сообщения по радио я уткнулся лицом в подушку и плакал, как маленький, навзрыд. Сколько себя помню, так плакал впервые в жизни, и не стыдился этого. Утром нам, москвичам, разрешили разъехаться по домам, чтобы отметить праздник в кругу семьи. Радость, улыбки, смех заполнили наш огромный город. Вечером, когда над столицей гремел салют из тысячи орудий, а небо светилось многоцветьем победного фейерверка, я стоял на Крымском мосту. Мне пожимали руки, обнимали, целовали. Я радовался вместе со всеми.

Май 2003 г.

В подготовке настоящих воспоминаний оказал помощь ***Мишарин Борис Васильевич***, студент 4-го курса Московского государственного строительного университета

Мякушев Давид Антонович

ОТ ЛЕОВО ДО СТАЛИНОГОРСКА

Родился 15 июля 1919 г. в селе Нижний Бык Воробьевского района Воронежской области, в крестьянской семье (отец умер в 1925 г.). Русский, православный. Был членом КПСС с 1954 г.

До войны окончил в 1936 г. 7 классов неполной средней школы. В 1956 г. закончил 10 классов вечерней средней школы в г. Москве. В апреле 1943 г. окончил курсы младших лейтенантов в г. Москве, присвоено воинское звание лейтенант, в 1947 г. окончил Краснознаменную высшую офицерскую кавалерийскую школу имени С.М. Буденного в г. Москве.

Начал войну в 4 часа утра 22 июня 1941 г. в г. Леово Молдавской ССР, где служил в 4-м эскадроне 5-го кавалерийского полка 9-й Крымской кавалерийской дивизии 2-го кавалерийского корпуса командиром отделения минометного взвода, имея воинское звание младший сержант, когда румыны начали артиллерийский обстрел расположения полка.

Боевой путь проходил через города: Леово, Калараш, Кишинев, Тирасполь и Григориополь Молдавской ССР (с 22.06.1941); села Еленовка и Мироны в 6 и 4 км от гор.Балты Одесской обл. (02.08.1941); города Вознесенск Николаевской обл. (05.08.1941), Новомосковск Днепропетровской обл. (06.09.1941), Ромны Сумской обл. (15.09.1941), Богодухов Харьковской обл. (14.10.1941), Серпухов и Кашира Мос-

ковской обл. (00.00.1941), Сталиногорск (ныне Новомосковск) Тульской обл. (11.12.1941), Козельск (28.12.1941) и Мосальск Смоленской (ныне Калужской) обл. (10.01.1942), пос.Красный Смоленской обл. (сентябрь 1943 г.), города Невель и Новоржев (декабрь 1943 г., весна 1944 г.) Калининской (ныне Псковской) обл.

Освобождал в составе 2-й гвардейской кавалерийской дивизии (командир полковник Н.С. Осликовский) 1-го гвардейского кавалерийского корпуса (командир генерал-майор П.А. Белов) города: Сталиногорск Тульской обл. (11.12.1941) и Козельск (28.12.1941); в составе 3-го гвардейского кавалерийского корпуса (командир гвардии генерал-лейтенант Н.С. Осликовский) 3-го Белорусского фронта: село Студенка на р. Березине в 15 км севернее гор.Борисова Минской обл. (30.06.1944), города Белорусской ССР — Молодечно (05.07.1944), Лида (09.07.1944), Гродно (16.07.1944); в составе того же корпуса, но входившего во 2-й Белорусский фронт, — города Алленштайн, ныне Ольштын (22.01.1945), Нойштеттин, ныне Щецинек (28.02.1945), Виттенберге (03.05.1945).

Боевые действия закончил в гор. Ленцен на Эльбе 3 мая 1945 г. в составе 3-го гвардейского кавалерийского корпуса 2-го Белорусского фронта в должности офицера связи штаба корпуса под командованием гвардии генерал-лейтенанта Н.С. Осликовского.

Ранен: 12.07.1941 под гор. Калараш Молдавской ССР — легкое осколочное ранение в правое плечо; 15.09.1941 в бою за гор.Ромны Сумской обл. Легкое осколочное ранение в область груди справа, осколки ношу до сих пор. Из строя полка не выбывал.

Возвращался с войны походным маршем в составе 3-го гвардейского кавалерийского корпуса через города: Ленцен, Шведт, Познань, Люблин, Замостье на Украину, в гор. Изяслав Каменец-Подольской обл. в августе-сентябре 1945 г.

По выслуге лет уволен в запас в январе 1971 г. с должности помощника коменданта г. Москвы в звании подполковника.

В период Великой Отечественной войны награжден:

—орденом Красного Знамени № 15750 — приказом Военного совета Юго-Западного фронта № 1/Н от 5 ноября 1941 г. Вручен в декабре 1941 г. в Тульской обл., недалеко от Куликова поля, генералом, членом Военного совета Западного фронта; награжден за освобождение с.Штеповки Сумской обл., вынос с поля боя тяжелораненого командира эскадрона капитана Козлова и командование эскадроном в течение недели, будучи командиром отделения в звании младшего сержанта;

– орденом Красной Звезды № 491685 — приказом по 3-му гвардейскому кавалерийскому корпусу за бой и удержание деревни Ермачки Городокского района Витебской обл. в декабре 1943 г.;

орденом Отечественной войны II ст. № 207240 приказом по 3-му Белорусскому фронту за бои на переправе у деревни Студенка на Березине и бои за Лиду 09.07.1944 в Белорусской операции;

орденом Красного Знамени № 198094 приказом по 2-му Белорусскому фронту за бой по овладению г.Алленштайн 22-23.01.1945г. в Восточно-Прусской операции;

— орденом Отечественной войны I ст. № 191398 — приказом по 2-му Белорусскому фронту за бои в Берлинской операции, выход на Эльбу и соединение с американцами.

Все эти ордена вручал командир 3-го гвардейского кавалерийского корпуса генерал-лейтенант Н.С. Осликовский

Орденская книжка А № 379378 выдана штабом Львовского военного округа в 1945 г.

Награжден медалями СССР: «За оборону Москвы», «За оборону Сталинграда», «За взятие Кенигсберга», «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.», польской медалью «Одра, Ныса, Балтык».

В войне погибли родственники:

— брат Петр Антонович Мякушев, 1915 г.рожд., погиб в боях на Днепре осенью 1943 г. Похоронен в братской могиле в селе Александровка-2 Черниговской обл.;

племянник Семен Никитович Мякушев, 1910 г.рожд. Погиб на Ленинградском фронте;

— двоюродные братья: Григорий Захарович и Яков Захарович Мякушевы, погибли в боях, но где именно -не знаю.

Воевали и остались в живых родственники:

— брат Прохор Антонович Мякушев, 1911 г.рожд., красноармеец-сапер, награжден орденом Славы III ст. и медалями;

— двоюродные братья: Иван Захарович, Григорий Иванович, Федор Иванович, Тихон Иванович, Александр Иванович и Леонид Иванович Мякушевы;

— племянники: Яков Никитович Мякушев, 1913 г.рожд., сержант, награжден медалью «За боевые заслуги»; Михаил Лукич Горлов, 1915 г.рожд., старшина, инвалид войны с осени 1941 г., награжден орде-

ном Красной Звезды; Степан Лукич Горлов, 1921 г.рожд., сержант, несколько раз ранен, награжден орденами Отечественной войны I и II степеней и Красной Звезды; Иван Михайлович Берестнев, 1922 г.рожд., красноармеец, по состоянию здоровья с фронта отправлен служить на артиллерийскую базу в Марийской АССР.

Собственных опубликованных и неопубликованных произведений не имею.

* * *

Осенью 1939 г. в г.Тамбове, где я жил, работал и учился в вечерней средней школе, меня призвали в Красную Армию. Сборный пункт был в клубе завода Ревтруд, недалеко от железнодорожной станции. Нас разбили по командам, мы погрузились в вагоны-теплушки и покатили по рельсам навстречу своей военной судьбе. На железнодорожной станции Кочетовка весь эшелон пропустили через санитарно-пропускной пункт. Куда нас везут, мы не знали, но вот на станциях послышалась украинская речь, и мы поняли, что служить будем на Украине.

В ноябре прибыли в город Каменец-Подольский, это 25 км от границы с Бессарабией. После карантина я был зачислен в 4-й эскадрон 5-го кавалерийского полка 9-й Крымской кавалерийской дивизии. Вскоре меня, тамбовчанина Ивана Хабарова, краснодарцев Григория Малышева и Дмитрия Шалабоду направили в полковую школу — грызть гранит военной науки. Готовили нас основательно. Огневая, конная и строевая подготовки, конечно, поначалу отбирали много сил, но к весне 1940 г. мы многому научились, окрепли, возмужали и стали выглядеть настоящими воинами.

Боевая подготовка в дивизии была поставлена неплохо, командиры старались организовать учебу так, чтобы она максимально походила на реальный бой (конечно, такой, каким он тогда им виделся). В этом мы убедились в конце мая или начале июня 1940 г., когда полк был выведен на полигон и провел полковые учения с боевой стрельбой и преодолением участков заражения ипритом.

После обязательного марша эскадроны спешились, коноводы увели лошадей, и мы заняли исходное положение для атаки. Как только через наши головы начала стрелять боевыми снарядами артиллерия, мы тоже открыли по мишеням огонь из пулеметов и винтовок,

затем перешли в атаку на условного противника, потом последовала команды «Газы», мы надели противогазы и преодолели участки заражения. После команды «Отбой» мы, минуя «поле боя», пошли в исходное положение, и тут произошел казус — противогазы-то мы уже сняли, а в балке, в которую мы спустились по пути к своим окопам, ощутимо пахло чесноком — в низине накопились остатки иприта. Но все обошлось благополучно.

После окончания учений прошло немного времени, и вдруг в июне всем курсантам полковой школы было приказано отправиться в свои эскадроны. Началась подготовка к походу: ковали лошадей, готовили конскую сбрую, приводили в порядок свое снаряжение (шинели было велено сдать в полковой обоз).

И вот как-то утром трубач сыграл сбор, мы разобрали из пирамид оружие, подседлали коней, построились в колонну, и полк тронулся в путь. Куда идем, мы, конечно, не знали. Через несколько дней вышли к селу Фрунзовка, что в 30-35 км северо-восточнее города Григориополя. Расположились в лесу, у большого пруда. Нас усиленно стали обучать ведению разведки: как действовать в сторожевых и походных заставах, как вести ночные поиски.

В этом лесу у Фрунзовки мне крупно не повезло. Ночи были очень теплыми, спали мы прямо на земле. И вот во сне я ощутил сильнейший удар в грудь, стало нечем дышать. Оказывается, жеребец старшины эскадрона Юрченко сорвался с коновязи и шипованными подковами прошелся по спящим. Полковой врач военврач 3-го ранга Перекрест, осмотрев меня, поставил диагноз — трещины в ребрах. И тут же приказал эскадронному военфельдшеру Н.А.Пояркову туго перебинтовать мне грудь. И все лечение! А дышать было очень больно...

На следующий день полк был поднят по тревоге, раздали патроны, гранаты, сухой паек. Перед строем был зачитан приказ: идем освобождать от румын Бессарабию. И мы быстрым маршем пошли к Григориополю, на Днестр, на тогдашнюю государственную границу. В тот же день по наплавному мосту из винных бочек полк переправился через Днестр и таким же форсированным маршем пошел к новой границе — на реку Прут. Румынские части никакого сопротивления не оказывали, бросали обозы и уходили в Румынию. Ни одного боя не было. Сухой паек не понадобился — бессарабцы встречали нас очень гостеприимно. Совершив 100-километровый марш, на второй день после перехода границы полк прибыл в тихий небольшой городок Леово, стоявщий на берегу Прута. Надо сказать, что во время

марша ребра у меня побаливали, дышать было трудновато, но молодость быстро взяла свое, и боль незаметно прошла.

Началось обустройство нового места дислокации, под казармы и конюшни «хозяйственным способом» приспосабливали дома ушедших в Румынию жителей. Все эти работы нам приходилось совмещать с учебой. Полковую школу мы окончили в октябре, всем присвоили только что введенное воинское звание младший сержант, и в свои эскадроны мы вернулись командирами отделений сабельных взводов.

Но в конце декабря 1940 г. в полк на вооружение поступили 82-мм и 50-мм минометы, и нас четверых — меня, Малышева, Хабарова и Шалободу — назначили командирами минометных отделений вновь сформированного минометного взвода нашего эскадрона. До мая 1941 г. мы осваивали небольшое, не похожее на настоящее, серьезное оружие — 50-мм минометы, которые были на вооружении эскадронов (батарея 82-мм минометов была полковой), собственноручно изготавливали и монтировали для них вьюки на седлах.

В конце мая — начале июня 1941 г. все минометные подразделения полков нашей дивизии собрались на сборы на Вишневском полигоне, недалеко от города Комрата. Отрабатывали действия расчетов, на местности учились правильно и точно наводить миномет на цель. 17 или 18 июня были проведены первые боевые стрельбы из минометов. Руководил сборами начальник артиллерии дивизии, а на стрельбы прибыли заместители командира дивизии — полковник Н.С. Осликовский и полковой комиссар Т.Л. Веденеев. В заключение стрельб полковник Осликовский приказал дать залп из всех 80 минометов дивизии. Это было очень здорово — полигон, одновременно покрывшийся большими и малыми разрывами мин. Думаю, что Н.С. Осликовский, как опытный командир, хотел наглядно продемонстрировать всем нам мощь нового оружия. Потом командование дивизии поблагодарило всех за службу, потребовало совершенствовать мастерство ведения огня.

В четверг, 19 июня, мы отправились с полигона домой, в Леово. Ночью миновали железнодорожную станцию Яргара, и на рассвете в пятницу, 20 июня, наша небольшая колонна подошла к пологому спуску, ведущему с горы к городу Леово. Навстречу выехали всадники — это были командир полка подполковник Яценко и замполит, батальонный комиссар Кулаев, с коноводами. Колонна остановилась, командир с замполитом, как Осликовский с Веденеевым на полигоне, поблагодарили нас за успешные стрельбы и потребовали, чтобы мы

продолжали осваивать это грозное оружие. В память врезалось то, что сказал нам затем Яценко: на стрельбах вы еще стреляли по мишеням, а через пять-десять дней нам, скорее всего, придется вести огонь по настоящему противнику. И он показал на противоположный берег Прута: с высоты были хорошо видны румынские окопы, пулеметные гнезда, дворики артиллерийских батарей. Румыны отрывали все это по ночам и маскировали травой, но жаркое солнце моментально высушивало маску, и сейчас позиции были видны, как на ладони.

Всю пятницу и утром в субботу мы приводили в порядок оружие и снаряжение. У минометчиков эскадрона была еще одна большая задача — оборудовать отдельную конюшню для лошадей взвода. Этим мы должны были заняться в воскресенье, 22 июня, поэтому в субботу, закончив работу, приготовили рабочее обмундирование. Днем сходили в баню на берегу Прута. Обратили внимание, что почему-то на противоположном берегу не сидят и не глазеют на нас, как обычно, румынские пограничники с удочками. Вечером посмотрели в клубе кинофильм о финской войне, обсуждали увиденное даже после отбоя. И, наконец, заснули последним мирным сном.

Около 2 часов 30 минут ночи дежурный по эскадрону прокричал: «Тревога!». Дело было обычное — наш 5-й полк, единственный из всех пяти полков дивизии, стоял непосредственно на границе, и тревог у нас бывало по две на неделю. Быстро оделись и, разобрав винтовки и шашки, побежали на конюшню седлать лошадей. Около конюшни построились и стали ждать команды. Прибежали командиры взводов. Поступила команда направить в казарму красноармейцев: сложить простыни, одеяла, освободить матрацы и наволочки от сена и все это погрузить в обозные брички. А нам пока что раздали боевые гранаты РГД. Стало доходить, что это не обычная тревога, происходит что-то серьезное.

Потом старший лейтенант, командир нашего взвода (фамилию его я так и не смог вспомнить) принес медальоны, и мы вдвоем с Григорием Малышевым на конюшне, прямо на полу, при свете фонаря «летучая мышь», заполнили бланки с адресами родителей красноармейцев и сержантов взвода и раздали их. Стало уже совсем светло. Потом было приказано отъвьючить котелки и получить на кухне завтрак.

Только мы построились идти за завтраком, как послышался свист летящих снарядов и тут же — грохот недалеких разрывов. Вот так для меня началась война. Это было в 4 часа утра 22 июня 1941 года.

Какой уж тут завтрак! Командир эскадрона капитан Козлов подал команду, и эскадрон повзводно пошел на место сбора полка по тревоге — в широкую, всю в виноградниках балку на окраине Леово. Через некоторое время 1-й, 2-й и 3-й эскадроны ушли на границу к р.Прут, наш же 4-й эскадрон пока остался в резерве полка. Видно было, как рвутся снаряды в расположении эскадронных казарм, штаба полка, казармы погранзаставы. Кто-то прибежал и сообщил, что во дворе штаба полка, где шла смена караула, разорвавшийся румынский снаряд унес из жизни первых наших боевых товарищей.

По дороге на Яргару потянулись из города машины, подводы, побежали люди.

Вскоре от Прута послышалась трескотня пулеметов, винтовочная стрельба — это эскадроны полка вступили в бой с румынским батальоном, успевшим переправиться на наш берег. Около полудня наш эскадрон направили к селу Сарата-Розеш в 18 километрах от Леово, где мы заняли оборону. Переправляться здесь через Прут румыны не решились, но откуда-то вели беспокоящий артиллерийский огонь по площадям да время от времени обстреливали нас через Прут пулеметным и винтовочным огнем. К нам подошла батарея 122-мм пушек из 12-го отдельного конно-артиллерийского дивизиона, артиллеристы быстро засекли румынскую батарею и несколькими залпами подавили ее.

Здесь мы оставались до 28 июня. Пока вели не слишком интенсивную перестрелку с румынами, 72-й и 108-й кавполки нашей дивизии при поддержке танкового полка два дня ликвидировали румынский плацдарм у села Фэлчиу, в 10-12 км южнее Леово, а потом взорвали мост через Прут, захваченный румынами еще в первый день войны. На смену нам, кавалеристам, пришли стрелковые части. Полк был отведен от Прута вглубь, два или три дня мы приводили себя в порядок. К этому времени в полк вернулись все командиры-отпускники.

Затем нашу 9-ю Крымскую кавдивизию начали перебрасывать на северо-восток, в район города Оргеева, где противнику удалось проникнуть вглубь территории Молдавской ССР. 12 июля у нашего 5-го кавполка прямо на марше недалеко от города Калараш был встречный бой с румынской королевской гвардией. Услышав впереди шум боя, командир полка приказал на рысях идти на сближение с противником, потом полк спешился и мы по эскадронно пошли на выстрелы. Кругом были заросли кустарника и виноградники, конечно, все перемешалось, и около меня из моего отделения оказалось только двое

— наводчик красноармеец Леднев и подносчик мин красноармеец Сафиев.

Мы вышли к проходившей в промоине полевой дороге. На ней лежали наши убитые, много до взвода... Видно, румыны расстреляли их в упор из-за кустов. С той стороны промоины доносились голоса перекликавшихся румын. Тогда, оттащив несколько тел погибших в сторонку и освободив площадку, мы установили миномет. Он стал неудобно, вести огонь по близко находящемуся противнику было явно невозможно. Леднев замешкался, тогда я сам стал за наводчика, придал стволу самое высокое возвышение и сам произвел выстрел. Как только мина взорвалась, послышались стоны и крики румынских солдат, тогда я сделал еще 5-6 выстрелов.

Но мины скоро кончились, Сафиев побежал за ними в тыл, а я, увидев недалеко знакомого пулеметчика-осетина из 1-го взвода, который славился в эскадроне своим метким огнем, оставил Леднева у миномета и перебежал к пулеметчику. Тот, почему-то без второго номера, только устанавливал на сошки свой ручной пулемет Дегтярева. Я с разбегу лег правее его и сразу увидел, что в нашу сторону целится из винтовки полускрытый кустами румын. Не успел я навести в его сторону винтовку, как раздался выстрел, и пулеметчик, убитый наповал, уронил голову в пробитой навылет каске. Когда присевший после выстрела румын стал снова подниматься из-за кустов, я отомстил ему за пулеметчика.

В это время вокруг стали появляться привлеченные стрельбой из миномета бойцы, подбежал и замполит полка батальонный комиссар Кулаев. Он спросил, где находится противник, осмотрелся, быстро оценил обстановку и приказал готовиться к атаке. Я вставил запал в гранату РГД и по команде Кулаева мы, человек 20, поднялись в атаку.

Когда я бежал по винограднику, в 25-30 метрах впереди поднялся румын и бросил в меня гранату. Я тоже бросил в него свою гранату, но она почему-то не взорвалась (видимо, что-то я второпях неправильно сделал), а вот румынская — взорвалась... Правда, отделался я легко — лишь небольшой осколок попал в правое плечо. У меня из руки выпала винтовка, я, несмотря на боль, подхватил ее и прицелился. Румын, конечно, решил посмотреть на уничтоженного его гранатой русского и высунулся из-за кустов виноградника. Ну и поплатился за это

Бой был довольно скоротечным. Не выдержав наших атак, румыны быстро отошли, но несколько королевских гвардейцев эскадрон в

плен все же захватил — вместе с их огромными ранцами, набитыми женским и детским бельем из наших магазинов.

Не могу не сказать, сколько неприятностей довелось испытать мне с моим легким ранением. На поле боя ребята, оторвав рукав гимнастерки, перевязали меня индивидуальным пакетом. После окончания боя всех раненых собрали на полковом медпункте, который расположился в доме на окраине какой-то очень разбросанной деревни. Уже заходило солнце. В доме врачи оказывали помощь тяжелораненым, а мы, раненные легко, присели у завалинки и, смертельно уставшие, сразу уснули. Я проснулся уже перед восходом солнца, в доме стонали тяжелораненые, нас охранял красноармеец-таджик с винтовкой, больше никого не было. Плохо говоривший по-русски таджик кое-как сообщил, что за нами обещали приехать.

Всего раненых было 11-12 человек, 3-4 из них лейтенанты командиры взводов. Свободно двигаться могли только двое — я и еще один младший сержант, кажется, пулеметчик, со сквозным пулевым ранением в руку ниже локтя. Вдвоем с ним мы пошли на поле боя, но, кроме убитых, там тоже никого не было. Подобрали мы ручной пулемет, несколько винтовок и вернулись к раненым. Солнце уже поднялось высоко, никто из медиков не появлялся, и мы решили, что про нас забыли. Командиры стали просить нас не бросать их в этой хате. Тогда вместе с пулеметчиком мы пошли на восток и довольно быстро пришли в стрелковый полк, занимавший оборону. Замполит полка обещал помочь, но машин в полку было кот наплакал да еще началась бомбежка, и тогда он посоветовал нам идти в деревню и организовать подводы на месте.

Мы так и сделали. Вернулись, нашли дом председателя сельсовета и объяснили его жене, что нам надо 3-4 подводы с сеном для раненых. Большого желания заниматься этим делом женщина не высказала, тогда мы пригрозили, что если через два часа подвод не будет, мы ее дом спалим! Не знаю, смогли бы мы, сами вчерашние деревенские жители, осуществить свою угрозу, но она подействовала, и в скором времени к дому с ранеными подтянулись подводы. Погрузились и через оборону стрелкового полка через пару часов добрались до железнодорожной станции Быковец, где стояла санитарная летучка из нескольких вагонов. Военврач указал нам вагон-теплушку, в нее погрузили раненых, и я хотел уже было идти догонять свой полк, но военврач приказал мне доставить раненых в кишиневский госпиталь. Пресной воды, с которой в Молдавии вообще плохо, на станции почему-то не

было, раненые на жаре просили пить. Военврач выдал нам два ящика сухого молдавского вина, чтобы напоить раненых.

Ночью резко заскрипели тормоза, вагоны остановились на кишиневском вокзале, открылись двери, подогнали машины и быстро доставили в госпиталь. Оружие раненых, которое мы привезли с собой, забрал комендант станции. В госпитале тяжелораненых сразу направили в операционную, а мне медсестры перевязали руку, пришили рукав и сказали: сиди, жди эвакуации в Одессу. Я отказался, решив, что ранение легкое, а от родного полка отрываться ни к чему. Попросил дать мне список доставленных раненых, мне его быстро выдали, и я пошел за своей винтовкой на станцию. Но не тут-то было! Комендант приказал мне все оружие, которое мы привезли, сдать коменданту Кишинева. Что делать — пришлось сдать. Получив на сданные винтовки и наганы документ и разузнав в комендатуре дорогу, я уже утром вышел из города на дорогу, ведущую на Быковец, и пошагал навстречу своей судьбе.

Сначала в одном из штабов (это был, как я потом узнал, штаб 35-го стрелкового корпуса) мне подсказали: надо искать 9-ю кавдивизию у Оргеева. Пошел я по дороге на Оргеев... С какой-то стрелковой частью довелось ходить в атаку на румын, потом часть отступила, и я снова оказался на станции Быковец. Где дивизия, где полк? И тут мне повезло: я увидел воентехника с кавалерийскими петлицами. Оказалось, что это начальник железнодорожной летучки, так называемой «вертушки» нашей 9-й Крымской кавдивизии, состоявшей из 4 или 5 платформ, нагруженных боеприпасами. Воентехник согласился взять меня с собой.

В Кишиневе наша вертушка была прицеплена к последнему составу, уходящему со станции. С платформ мы видели, как саперы взорвали котельную табачной фабрики и станционный телеграф, как поливали керосином и зажгли штабеля какого-то имущества в пакгаузе. С вертушкой я добрался до Тирасполя, потом до Григориополя. Снова, как год назад, перебрался по наплавному мосту из винных бочек через Днестр, нашел, наконец, свой полк и родной 4-й эскадрон. От радости плакал...

Через пятьдесят лет, на торжествах в г. Кашире, я встретился с бывшим нашим эскадронным фельдшером, теперь уже подполковником медицинской службы в отставке Н.А. Поярковым. Две ночи мы спали в одном номере гостиницы, но он так и не смог мне ничего сказать, по какой же такой причине 13 июля 1941 г. были оставлены в молдавской деревне раненые нашего полка...

После короткого отдыха во Фрунзовке, где мы сами помылись в пруду и выкупали лошадей, постирали пропитанное пылью и потом обмундирование, поднятые по тревоге, направились в сторону города Котовска. Здесь уже были не румыны, а немцы. Марш, оборона, атака, отход — и так каждый день.

На одном из привалов все мы сдали в обоз трехлинейки и получили новенькие самозарядные винтовки Токарева (СВТ). Воевать с этими винтовками пришлось недолго. Выбрасыватель гильз у них был ненадежным и, как только в патроннике появлялся нагар или просто попадала пыль, гильзу приходилось выбивать шомполом. Однажды нашему эскадрону пришлось загнуть фланг и спешно занимать новый рубеж обороны, чтобы не допустить выхода противника в тыл полка. К нам прибежал вездесущий комиссар полка Кулаев, а мы ведем огонь из СВТ, как из дедовских ружей: после каждого выстрела выбиваем шомполом гильзы. Наши надежные, безотказные трехлинейки еще оставались в обозе, и вскоре мы их получили обратно.

Но я по сей день вспоминаю СВТ с благодарностью — именно она спасла меня в критической ситуации. История довольно длинная.

Дело было в первых числах августа. Полк совершил ночной марш, нас предупредили — не шуметь, не стучать, не курить. Еще было темно, когда полк спешился, и командиры нам сообщили: будем без артподготовки атаковать высоту, что юго-восточнее села Еленовки, на реке Кодыма, в 6-8 км от г. Балты.

Цепи эскадронов без шума прошли по пшеничному полю вверх по склону высоты. Но, как только мы вышли из пшеницы на чистое поле, распаханное под пар, боевое охранение немцев обнаружило нас, и тут же вспыхнули осветительные ракеты и заработали автоматы, пулеметы, минометы. Цепи начали отходить в исходное положение.

Стали готовиться к новой атаке. Запомнилось, что именно в этот момент в эскадрон пришло первое с начала войны пополнение — взвод с пулеметом. Все — мужики 26-28 лет, здоровые, кровь с молоком... Кто из них пережил этот день?

В полдень полк повторил атаку, и вновь безуспешно, под пулеметным и минометным огнем, пришлось врассыпную отходить назад. Пробираясь по пшеничному полю, я наткнулся на убитого, видимо, еще в первой утренней атаке старшего политрука, если не ошибаюсь, из 1-го эскадрона. Кажется, его фамилия была Кузнецов. Вытащить его в одиночку я был не в силах, поэтому забрал документы, деньги, часы и наган и принес все это командиру эскадрона капитану Козлову. Тот приказал все передать комиссару полка. Батальонный комиссар Кулаев расспросил меня, где лежит убитый старший политрук, принял у меня документы, деньги и часы, а наган оставил мне — на память. С этим наганом я дошел до Эльбы

Только с третьей атаки, уже к вечеру, полк взял высоту и с ходу занял половину Еленовки, где нам достался немецкий обоз. Окапывались уже в темноте, немцы, обеспокоенные потерей выгодной позиции, всю ночь вели огонь. Мы отвечали. Короче, спать не пришлось. Но под утро стрельба со стороны немцев утихла, и многие заснули прямо в окопчиках. Я не спал, хотя смертельно устал. А на рассвете поступил приказ — сняться с обороны и отходить. Капитан Козлов приказал мне пройти по окопам, чтобы никого не оставить. Одного, как на грех — из собственного расчета, подносчика мин Сафиева, нашел сладко спящим. Пока растолкал его, эскадрон уже ушел.

Пошли догонять и наткнулись на командира полка подполковника Яценко. Выслушав мой ответ на вопрос, почему мы отстали от эскадрона, он вдруг приказал мне идти вместе с Сафиевым в сторону Балты, в деревню Мироны и установить связь со 136-м кавполком нашей дивизии, объяснив при этом, где будет находиться наш полк.

Приказ есть приказ! Пошли искать соседей, еще не подозревая, в какую передрягу попадем. Идти по самому короткому пути — вдоль речушки Кодымы немцы нам не дали, выпустив несколько очередей из пулемета и даже пару раз зачем-то выстрелив в нашу сторону болванками из противотанковой пушки. Свернув от греха подальше в сторону, мы, дав большого крюка, по лесозащитной полосе подошли к Миронам. И сразу обнаружили, что никакого 136-го полка в деревне нет: невооруженным глазом было видно, как по деревне ходят немецкие солдаты, дымит полевая кухня, куда-то стреляет батарея пушек. Я решил немного понаблюдать за противником, присел на корточки за кустами... и моментально задремал.

Вдруг услышал крик Сафиева: «Немцы!». Открыл глаза, приподнялся — и прямо перед собой, в трех-четырех метрах, увидел двух немецких солдат, стоявших друг за другом. Они что-то говорили, явно обращаясь ко мне. Позже я сообразил, что они, скорее всего, приняли меня за своего — на мне была немецкая камуфлированная накидка, только вчера взятая в немецком обозе. В голове мелькнуло: «Конец!». Но инстинкт самосохранения выручил. Винтовку СВТ, направленную прямо на немцев, я держал у бедра в правой руке, с пальцем на спусковом крючке. У этой винтовки предохранитель был сзади спусковой

скобы, я одновременно одним пальцем нажал на него, а другим — на спусковой крючок. Выстрел и оба немца повалились на землю, на таком расстоянии я поразил обоих одной пулей. Конечно, будь у меня трехлинейка, передернуть затвор я бы не успел...

Бывший от меня метрах в десяти Сафиев, скорее всего, побежал назад, по тому пути, по которому мы сюда пришли. Поначалу я решил догонять товарища и выскочил было на противоположный край лесополосы, но в той стороне в кустах мелькнула каска — значит, там немцы (в нашем полку все красноармейцы и сержанты носили пилотки). Тогда я побежал по лесополосе в сторону Мирон. Полоса кончилась, по неглубокому овражку я поднялся вверх по склону, на поле, и пошел по пшенице. Тут я услышал несколько выстрелов и решил, что это стреляют по Сафиеву — меня немцы видеть не могли. По полю вышел на село Сенное, где на пути в Мироны нас с Сафиевым старик угощал хлебом с молоком. Он снова встретился мне, я рассказал деду, что со мной произошло, и пошел по сельской улице...

Ну, думаю, что же я скажу Яценко? Где же искать этот 136-й полк? Из головы не выходило и другое: «Откуда так быстро подошли немцы?» Вероятно, где-то неподалеку от лесополосы у них было охранение, связь работала у немцев хорошо, вот этому охранению и поручили захватить нас. Решил все же возвращаться в полк. Но, дойдя до околицы Сенного, я увидел дозорного всадника, потом подъехал сержант, командир разъезда. Все они были на рыжих лошадях, и я понял, что наконец-то нашел 136-й полк (в нашем полку лошади были гнедые). Когда мы обо всем переговорили с сержантом, подъехал тыльный дозорный и сказал, что недалеко от дороги сидит красноармеец, потерявший своего командира. Это был Сафиев ...

Теперь можно было докладывать подполковнику Яценко, что связь с соседом справа установлена. 136-й кавполк от села Мироны находился в 10-12 км.

Сафиев потом рассказал, что, крикнув «Немцы!», он побежал по лесополосе в сторону дороги, по которой мы пришли, и при выходе из лесополосы столкнулся с двумя немцами, В перестрелке ранил одного из них, сумел скрыться в пшенице и добраться до Сенного. Стычка эта была хорошим уроком на будущее и для меня, и для Сафиева.

Страшно уставшие, под палящим июльским солнцем, мы пошли по дороге мимо той самой высоты, на которую трижды ходили в атаку. Ветерок с высоты уже тянул тяжелым трупным запахом. Часа через два-три мы пришли в полк, стоявший в лесочке. Рассказал я капитану

Козлову все, что произошло со мной после того, как он послал меня проверить окопы. Яценко в расположении полка не было, и я доложил о выполнении его приказания начальнику штаба полка капитану П.П.Попову.

Нынешнему военному человеку такие приключения, скорее всего, в диковинку. Но в начале Великой Отечественной войны это было, как мне помнится, обычным делом «установление связи» с соседом с помощью конного или вовсе пешего сержанта или красноармейца. Не берусь судить, работала ли тогда вообще радиосвязь между полками, но хорошо помню громоздкую полковую радиостанцию, смонтированную на пулеметной тачанке... Кажется, и с убитыми тогда тоже толком не знали, что делать. Обычно мы старались сами, если позволяла обстановка, вынести с поля боя тело погибшего (особенно — командира) и захоронить в каком-нибудь населенном пункте. А вот была ли в нашем полку в июле-августе 1941 г. похоронная команда, я сейчас вспомнить не могу. Была бы и видел бы я ее работу — вспомнил бы...

Обязательно выносили с поля боя тяжелораненых. Помню, как в одном из боев под Котовском был смертельно ранен командир взвода нашего эскадрона старший лейтенант Гапеев и мы несколько километров несли его на плащ-палатке, он медленно угасал и вскоре скончался. На окраине какого-то села мы вырыли могилу и похоронили его.

Вообще потери в личном составе эскадрон за первые два месяца войны понес ощутимые. К концу августа — началу сентября из довоенных командиров в строю оставался только капитан Козлов. Конечно, очень огорчало, когда выбывали товарищи по полковой школе, с которыми за полтора года совместной службы и учебы очень сдружился. Из нашего минометного взвода убыл по ранению Иван Хабаров, не вернулся из разведки Дмитрий Шалабода.

В августе, уже в новороссийских степях, где-то в районе Вознесенска Николаевской обл., я подхватил какую-то болезнь с очень высокой температурой. Меня несколько дней в бессознательном состоянии возили в санитарной линейке, а пришел я в чувство в изоляторе сельской больницы, где размещался дивизионный медико-санитарный эскадрон. Через пять минут я с другими ранеными уже трясся в кузове грузовика, направлявшегося к плотине Днепрогэса. На левом берегу Днепра, в украинском селе где-то около Каховки, я долечивался. Забота сестричек медсанэскадрона и добрых хозяек-хохлушек, кото-

рые нас откормили и отпоили, быстро поставила на ноги, и я снова вернулся в свой эскадрон, державший теперь оборону по берегу р.Самара под гор.Новомосковском Днепропетровской обл.

К этому времени мины для наших 50-миллиметровых минометов в полк уже не поступали, бесполезные трубы и опорные плиты пришлось сдать в обоз. Меня назначили командиром отделения управления эскадрона, и я практически все время находился при капитане Козлове.

Во второй декаде сентября, после утомительного трехсоткилометрового марша наш корпус вышел на подступы к гор. Ромны Сумской обл., где уже несколько дней хозяйничали танкисты Гудериана. Начались беспрерывные атаки немецких позиций корпусу была поставлена задача взять Ромны и пробить коридор для выхода из окружения войск Юго-Западного фронта под командованием генерал-полковника М.П. Кирпоноса. Что гораздо лучше нас умели делать немцы — так это быстро закрепляться на выгодных позициях и в полной мере использовать преимущество в авиации. Мы сумели пробиться к окраинам г.Ромны, но нас каждый раз встречал такой огонь из всех видов оружия, нас так бомбили пикировщики, что после трех дней боев в моем эскадроне осталось только 27 человек и 80 лошадей. Большие потери понес и полк в целом, и вся наша 9-я Крымская кавдивизия.

Никогда не забуду последнюю атаку, в которой я опять получил легкое ранение мелкими осколками мины в правую часть груди. Немцы накрыли цепь нашего эскадрона чрезвычайно плотным пулеметным и минометным огнем, а затем сами перешли в контратаку. Надо было отходить. Но отходить под огнем — не самое простое дело, и те залегшие бойцы, которые не нашли в себе сил встать под пулями, скорее всего попали в плен. Я, как обычно, был рядом с командиром эскадрона. Капитан Козлов, находившийся, видимо, после трехдневных безуспешных атак в состоянии крайнего нервного возбуждения, сначала наотрез отказался отходить. Вдвоем с одним сержантом мы с трудом упросили его отойти — мы, дескать, прикроем. И он, почти не пригибаясь, пошел в тыл. Мы перебежками следовали за ним, расстреливая по надвигавшейся цепи автоматчиков последние обоймы. Потом уже выяснилось, что плащ-палатка, бывшая на Козлове, пробита пулями в нескольких местах; простреленным оказалось и голенище сапога. Но сам Козлов остался невредимым.

Добравшись до небольшой рощи, где во время атаки оставался наш обоз с кухней и коноводы с лошадьми, мы обнаружили там нем-

цев, просочившихся в рощу откуда-то с тыла. На наше счастье, рывшиеся в бричках немцы нас не заметили. Тут из кустов на опушке появился коновод командира эскадрона с командирской лошадью. Козлов велел нам отходить на восток, вскочил на коня и ускакал по опушке вместе с коноводом. А мы с сержантом и еще несколькими бойцами, тоже сумевшими выйти с поля боя к роще, пошли, обходя немцев, по кустарнику на восток.

На прогалине увидели пулеметную тачанку нашего эскадрона с пулеметом «максим» с одной уцелевшей, хотя и раненной лошадью из четырех. Было жалко бросать и лошадь, и пулемет с тачанкой, поэтому мы быстро выпрягли лошадь, сняли упряжь с убитых лошадей и бросили в тачанку, а сами ухватились за дышло и потащили тачанку между кустов на восток, в тыл. Вскоре мы вышли из кустов к окопам отсечной позиции, которые занимали наши подразделения.

И тут к нашей группе подскакала группа командиров во главе с генерал-майором, в котором я узнал виденного мною еще до войны командира нашей дивизии А.Ф. Бычковского. Он спросил, чей пулемет. Я по всей форме доложил: «4-го эскадрона 5-го кавполка.» Генерал задал вопрос: «А где же эскадрон?». Пришлось ему объяснить, что произошло в последней атаке.

В это время в поле видимости появились немецкие танки и начали бить по окопам болванками. Комдив прервал расспросы и приказал мне поставить пулемет на позицию и подготовиться к бою. Я начал объяснять, что щечка пулемета была три дня тому назад повреждена пулей, отремонтировать пулемет не успели, и к бою он не годен — стреляет только одиночными выстрелами. Генерал, решивший, видимо, что мои слова — предлог для того, чтобы уклониться от участия в бою, страшно вспылил и, угрожая мне расстрелом, повторил приказ. Тут же один из сопровождавших Бычковского командиров молча слез с коня, вскочил в тачанку, заправил ленту и нажал спуск. Как я и говорил, раздался только один выстрел поврежденный затвор не дослал следующий патрон. Командир рукой дослал патрон — снова одиночный выстрел. Только тогда генерал остыл и уже без угроз отпустил нас разыскивать свой эскадрон. Это была единственная, но, понятное дело, очень мне запомнившаяся встреча с генерал-майором А.Ф. Бычковским, который командовал нашей 9-й Крымской кавалерийской дивизией с начала 1941 г.

Военная судьба нашего комдива, о котором сейчас мало кто помнит, сложилась не лучшим образом. Помню, когда во втором периоде войны стали сообщать об освобожденных городах и перечислять

фамилии командиров соединений и частей, я все искал в газетах его фамилию, но так ни разу и не нашел. Я знал только, что в октябре 1941 г. он передал дивизию полковнику Н.С.Осликовскому, а потом был назначен командиром кавалерийского корпуса на Юго-Западном фронте. А в 1947 г. я случайно встретил офицера из 9-й Крымской кавдивизии, который и рассказал мне по большому секрету, что же произошло с нашим бывшим комдивом. В 1942 г., когда он был в подчинении у К.С.Москаленко, у Бычковского что-то не заладилось с управлением корпусом, Москаленко отстранил его от командования и вступил в должность комкора сам. Бычковского направили учиться на Высшие академические курсы. После окончания ВАКа на выпускном банкете генерал кому-то сказал, что учиться воевать надо у немцев. Так он до конца войны и валил в тайге лес...

Коноводов нашего эскадрона мы нашли только к вечеру. С ними уже был и капитан Козлов.

После неудачных боев под Ромнами 2-й кавалерийский корпус был отведен от линии фронта, пополнен людьми и вооружением. Теперь наступление нашего корпуса, 1-й гвардейской мотострелковой дивизии полковника А.И.Лизюкова и танковой бригады на районный центр село Штеповку между городами Сумы и Ромны было организовано гораздо лучше.

Наш эскадрон с боем вошел в Штеповку и на окраине села, на раскисшей дороге встретил большую колонну немцев. Завязался огневой бой. Командир эскадрона капитан Козлов выдвинулся в цепь эскадрона, залегшую в канаве вдоль огорода. С ним были политрук эскадрона (к сожалению, фамилию его я напрочь забыл), химинструктор эскадрона, связной и я.

Немцы вели по цепи огонь из пулеметов и минометов. Одна из мин зацепила ветку высокого дерева над нами и разорвалась. Осколки полетели вниз. Один осколок попал в шею справа капитану Козлову, несколько попало в ноги политруку, мы же трое остались невредимы. Мы быстро перевязали командира, потом политрука, подбежал санинструктор, и мы на плащ-палатке понесли командира на медпункт полка в центре села, там был полковой врач Перекрест. Он спешно отправил Козлова в тыл, но по пути в госпиталь командир наш — последний из довоенных командиров эскадронов полка — скончался.

Когда я со связным возвращался на передовую в цепь, то увидел, что один взвод нашего эскадрона во главе с лейтенантом идет в тыл, оставив передний край. Я спросил у командира взвода, почему он увел взвод из боя — ведь его за это могут расстрелять. И посоветовал вернуть взвод в цепь. Он внял моему совету.

Всю ночь шел бой, с рассветом мы должны наступать, а оставшийся за командира эскадрона политрук не мог передвигаться — обе ноги ранены. О случае с лейтенантом я ему рассказал. Тогда он вызвал к себе командиров взводов — а они все были сержанты, кроме того самого лейтенанта. Взводным он объявил, что командиром эскадрона он оставляет младшего сержанта Мякушева, с ним эскадрон должен выполнить приказ о наступлении.

Так я повел эскадрон в бой. Конечно, очень волновался и как мы наступали, честно говоря, не помню. Помню только, что мы с боем прошли все село и вышли на западную окраину Штеповки, где была ветлечебница...

Эскадрону было приказано командиром полка подполковником Беликом (подполковник Яценко убыл от нас еще в августе) занять оборону. На другой день Белик прибыл в эскадрон, посмотрел, как мы окопались, как налажена связь, проверил боевое охранение. Потом сказал мне, что через день-два прибудет новый командир эскадрона, а пока я должен исполнять обязанности комэска. К тому времени нас, кадровых красноармейцев и сержантов, в эскадроне оставалось человек десять. Через два дня прибыл молодой лейтенант (фамилию его я не помню, он сложил свою голову в боях под Москвой), которого я знал — в 1940 г. после окончания Тамбовского кавалерийского училища он некоторое время был взводным в нашем эскадроне. Ему я и сдал командование эскадроном.

За эти бои в Штеповке меня 5 ноября 1941 г. приказом Военного совета Юго-Западного фронта наградили орденом Красного Знамени. А благодарные жители села после войны в память о тех сентябрьских днях 1941 г. поставили всем нам — кавалеристам, пехотинцам, танкистам, — памятник.

В конце октября 1941 г. наш 2-й кавалерийский корпус, не успевший пополниться после сильных боев под городом Богодуховом Харьковской обл., был переброшен по железной дороге на защиту южных подступов к столице. Во время этой переброски в моей солдатской судьбе произошла большая перемена — на одном из привалов на марше к станции погрузки меня и красноармейца Сухинина вызвал в штаб начальник штаба полка капитан Петр Павлович Попов и приказал нам отправиться в штаб дивизии к комдиву полковнику Н.С. Осли-

ковскому, сменившему незадолго до этого А.Ф.Бычковского. Так я стал помощником командира нештатного взвода автоматчиков, сформированного для охраны командира и комиссара дивизии (им по-прежнему был полковой комиссар Т.Л.Веденеев) во всех поездках в полки на передний край.

11 ноября где-то в районе Серпухова в корпус пришло пополнение, привезли автоматы пистолеты-пулеметы Шпагина (ППШ). Теперь в каждом эскадроне был взвод автоматчиков, автоматы были у каждого взводного командира. А в начале войны на весь полк было только четыре дегтяревских автомата ППД.

Через несколько дней в лесах северо-западнее Серпухова мы вступили в бой с рвавшимися к Москве фашистами. 17 или 18 ноября наш взвод автоматчиков двигался во главе колонны по лесной дороге. Впереди на зрительную связь двигались дозорные.

Вдруг из леса справа хлестнула пулеметная очередь. Я ехал справа, рядом с командиром взвода сержантом Провоторовым. Мой конь, как подкошенный, повалился направо, я еле успел высвободить правую ногу из стремени. Автоматчики тут же открыли огонь в том направлении, откуда стрелял пулеметчик, потом прочесали опушку леса, но немцев и след простыл — нашли только кучку еще теплых гильз.

У моего коня были перебиты все четыре ноги, он бился, из его глаз текли слезы. Плакал и я... Колонна тронулась. Я же короткой очередью из ППШ в голову коня прекратил его мучения, снял седло, взвалил его на плечи и пошел на шум боя вслед за колонной.

Уже 23 или 24 ноября корпус был выведен из боя и на некованных лошадях по зимним дорогам спешно пошел на восток, к городу Озеры. Там 26 ноября мы услышали по радио сообщение о том, что наш корпус стал 1-м гвардейским кавалерийским корпусом, 5-я кавдивизия стала 1-й, а наша 9-я Крымская 2-й гвардейскими кавалерийскими дивизиями. Это была общая награда всем нам за бои в Молдавии и на Украине.

На следующий день, 27 ноября 1941 г., в районе станции Ожерелье дивизии корпуса вступили в бой с немецкими частями, обошедшими упорно оборонявшуюся Тулу и стремившимися захватить Каширскую ГРЭС и мосты через Оку, чтобы рвануть на Москву с юга. Вместе с танкистами гвардейцы-конники отбросили немцев к селу Мордвес.

А 5 декабря 1941 г. вместе со всем Западным фронтом 1-й гвардейский кавалерийский корпус перешел в контрнаступление в направлении городов Венев и Сталиногорск (сейчас это Новомосковск) Туль-

ской обл. 11 декабря Сталиногорск был освобожден. Когда мы следовали за комдивом по улицам этого первого освобожденного нами советского города, на фонарных столбах еще висели повешенные немцами наши русские люди... Запомнилось, как за городом, на опушке рощи, где был размещен наблюдательный пункт Н.С.Осликовского, к нам подошла небольшая группа граждан, опознавшая назначенного немцами старосту, который пытался выйти из Сталиногорска вместе с нашими коноводами. Предателя отправили в городскую комендатуру

Прошло почти шестьдесят два года, и я побывал в бывшем Сталиногорске, ныне Новомосковске, ходил по его широким, красивым улицам, о них рассказывал мне Николай Дмитриевич Покусаев. В центре города он привел меня к двум юным обнаженным всадникам и большому камню-валуну, из-под которого бьет родник и бежит тонкий ручеек — только что родившийся батюшка-Дон.

Какое счастье — видеть рождение реки, на которой родилась немеркнущая слава Петра Великого, разгромившего в устье Дона в Азове турецких янычар! Я чувствовал гордость за то, что и мне пришлось участвовать в освобождении истоков Дона и Поля Куликова от фашистской скверны. Пусть вечно журчит родник и поит своей живительной влагой жителей Тульской, Липецкой, Воронежской, Волгоградской и Ростовской областей.

Тогда, в декабре 1941 года под Сталиногорском, еще не минуло и шести месяцев с начала войны... Впереди было еще три с половиной года боев. По военным дорогам мне пришлось дойти до Эльбы, встретиться там с американскими союзниками. На таком долгом пути бывало всякое. Может быть, удастся рассказать и об этом...

6 июня 2003 г.

Немчинов Иван Алексеевич

ДОБРАВШИСЬ ДО КАЗАРМ, КУРСАНТЫ ВАЛИЛИСЬ С НОГ

Я родился 17 сентября 1924 года в селе Шипуново Чарышского района Алтайского края в семье крестьянина-середняка. Национальность — русский, вероисповедание — православный.

Состоял членом ВЛКСМ с декабря 1942 по апрель 1944 г.; кандидат в члены КПСС с апреля 1944 г. по февраль 1945 г.; член КПСС с февраля 1945 года.

В 1931 г. в село прибыли вербовщики, которые набирали рабочих на строительные работы на Дальний Восток.

Мои родители в числе других семей завербовались на эти работы и спустя некоторое время получили вызов и пособие на переезд всей семьи.

Так, летом 1931 года мы прибыли на станцию Магдагачи, где родители работали на строительных работах до 1936 года.

После окончания договора наша семья переехала в Среднюю Азию, в город Наманган Узбекской ССР, где родители тоже работали на строительных работах. В городе Наманган в 1941 году я окончил 8 классов средней школы и поступил техническим учетчиком на городскую электростанцию. Ввиду того, что дома радио и других средств информации не было, о начале Великой Отечественной войны я узнал только 23 июня 1941г., придя на работу. В октябре или ноябре 1941г. наша семья в числе других семей уехала на вновь открывавшийся рудник в поселке Шалдырь Алабукинского района Киргизской ССР (это примерно в 60 км от города Намангана), где добывалась сурьма, которая шла на военные цели. Я же остался работать в Намангане. В марте 1942 г. от городской электростанции я был направлен в школу ПВХО ОСОАВИАХИМа, которую окончил в мае 1942 г. на «отлично», с присвоением мне звания «Инструктора ПВХО». После окончания этой школы я в нерабочее время проводил занятия с сотрудниками станции по вопросам ПВХО. После призыва в армию отца в конце мая 1942г. уволился с работы и уехал к семье, в село Шалдырь, где поступил на работу забойщиком по добыче сурьмы открытым карьерным способом. Работа была тяжелая. Нужно было вручную бурить шурфы в скалах, закладывать аммонал, взрывать и отбирать сурьму. 25 августа 1942 года Алабукинским Райвоенкоматом Джалал-абадской области Киргизии я был призван в армию и в числе других призывников направлен в город Мары Туркменской ССР во 2-е Туркестанское пулеметное училище (в/ч 173).

В училище я был зачислен курсантом. В связи с тем, что младшие командиры назначались из числа курсантов, я был назначен заместителем командира взвода с присвоением сержантского звания. Второе Туркестанское пулеметное училище размещалось на окраине города Мары в военном городке бывшей кавалерийской части. Бывшие конюшни на скорую руку были переоборудованы в казармы со сплошными двухъярусными нарами. Училище готовило офицеров по сокращенной программе. Из вооружения в основном изучали пулемет «максим», ручной пулемет Дегтярева, винтовку-трехлинейку, а позднее — самозарядную винтовку Симонова. Изучали и минометы 50-мм ротный и 82-мм батальонный. Позже — в стадии знакомства — 120-мм полковой миномет. Большое внимание уделялось тактике. Учебные занятия длились в основном по 10 часов, плюс 2 часа обязательной самоподготовки.

Свободное от занятий время проводили на улице возле казарм: мастерили макеты пулемета «максим», пели русские и украинские песни.

Большое внимание уделялось физической подготовке, особенно марш-броскам. Эти продолжительные ежедневные пробежки на дальние расстояния сыграли свою положительную роль в дальнейшей моей военной службе. Один день в неделю отводился огневой подготовке с практическим выполнением стрелковых упражнений и метанием ручных гранат. Стрельбище от училища находилось в 18 километрах, за городом Мары, и в день огневой подготовки нас поднимали в 4 часа утра. Погрузив всю материальную часть на свои плечи, мы устрем-

лялись на стрельбища, а в конце дня с этой же частью — обратно. Таким образом, отстреляв положенные упражнения и пройдя около 40 километров в день, добравшись до казарм, курсанты валились с ног.

С дрожью в теле вспоминаются дни 1942-го года, когда туркменская жара днем достигала 50°. Жажда валила с ног, а питьевой воды негде было взять. Это для нас, курсантов, было самым суровым испытанием.

Рядом с территорией училища протекала река Мурчан, вода в которой больше напоминала глиняный кисель. Несмотря на запреты, иногда мы украдкой пили эту воду, процеживая ее через пилотки. Тяжелыми для нас были и частые учения в поле, когда при переходах и в процессе учений из роты по несколько человек падало от теплового удара. Поэтому в каждой роте были санитарные повозки для перевозки этих больных. 10 апреля 1943 года училище было построено на плацу, и начальник училища полковник Волков (имя и отчество не помню) зачитал приказ Командующего войсками Среднеазиатского Военного округа (САВО) № 0526 от 07 апреля 1943 г. о присвоении курсантам двух рот, в том числе и мне, воинского звания лейтенант с квалификацией командира пулеметного взвода.

Этим же приказом мы зачислялись в резерв Главного Управления кадров Красной Армии. В этот же день нам выдали офицерское обмундирование, а на второй день поездом в товарных вагонах мы были отправлены в Москву. Пробыв в Москве несколько дней, группа офицеров, в том числе и я, были зачислены в резерв Военного Совета Центрального фронта и, получив на руки соответствующие документы, мы начали искать штаб фронта, который постоянно менял место дислокации в связи с изменением обстановки.

В Управлении кадров фронта нас первоначально определили в 27-й, а в начале июля 1943 г. в 29-й отдельный полк резерва офицерского состава (29-й опрос), из которого ежедневно отправляли офицеров в части, ведущие боевые действия. Резервные полки постоянно находились в прифронтовой полосе. Офицерский состав поротно или в составе батальона размещался в разных населенных пунктах, и для связи штаб полка с подразделениями назначались офицеры связи, так как телефонная связь работала неустойчиво, а зачастую ее не было вовсе

Офицером связи был назначен и я. В мои обязанности входило в любое время суток в то или иное подразделение доставить распоряжения штаба полка. Оружия у нас никакого не было, в светлое время суток мы работали по одиночке, в ночное время — вдвоем, так как

были случаи захвата офицеров связи неизвестными лицами. В полку с офицерским составом проводились занятия по боевой подготовке, в основном упор делался на изучение противотанковых средств, особенно противотанковых ружей Дегтярева и Симонова, а также 45-мм противотанковой пушки и противотанковых мин.

Во время боев на Орловско-Курской дуге 29-й опрос располагался в лесу, в 12-15 км от передовой, и ежедневно подвергался бомбардировке с воздуха. После Орловско-Курской битвы я в числе группы офицеров был направлен в распоряжение 65-й армии, которая вела боевые действия в районе города Гомеля. Армией в то время командовал генерал Батов П.И.

В первых числах ноября 1943 года я прибыл в распоряжение 162-й среднеазиатской Новгород-Северской стрелковой дивизии, которая вела боевые действия по освобождению города Речицы в Белоруссии, и был назначен командиром взвода противотанковых ружей в 3-й батальон 194-го стрелкового ташкентского краснознаменного полка. Дивизией командовал генерал Сенчило, позже полковник Муратов, потом подполковник Гречко. Со своим взводом я познакомился непосредственно в боевых порядках, так как батальон вел тяжелые бои по овладению населенным пунктом Уболоть.

Во взводе числилось 6 противотанковых ружей и 15 человек личного состава. По два расчета из взвода были приданы стрелковым ротам и действовали вместе со стрелками.

За освобождение города Речица в ноябре 1943 г. дивизия была награждена орденом Боевого Красного Знамени.

В ночь на 7 января 1944 г. весь личный состав был одет в белые маскхалаты, а с рассветом 7 января 1944г. после артиллерийской подготовки начался прорыв обороны противника в направлении населенных пунктов Куридичи и Казанское. В этом бою 7 января 1944 года я получил сквозное пулевое ранение средней трети левого предплечья и был эвакуирован в эвакогоспиталь № 3259, где находился на излечении до 6 февраля 1944 года.

После взятия гор. Калинковичи, в период с 4 по 23 февраля 1944 года части дивизии были переброшены железнодорожным транспортом на 1-й Украинский фронт в район городов Новоград — Волынский, Корец, Ровно (Украина).

Узнав о том, что части дивизии передислоцируются, мы, несколько офицеров, находящихся на излечении в эвакогоспитале, с разрешения начальника госпиталя на ж.д.станции нашли свои части и уехали с ними. В полку я получил назначение на должность командира взво-

да ПТР 1-го стрелкового батальона 1944г. Командовал стрелковой ротой. 22 мая 1944 года был назначен на должность адъютанта старшего стрелкового батальона (начальник штаба батальона). Командовал в то время батальоном майор Баев Николай Александрович.

Я в этих должностях принимал участие в боевых действиях по прорыву обороны противника на реке Иква, освобождению города Червоноармейска, освобождению города Лопатина, а также в оборонительных боях в районе Лашкуров — Грицевля, Щуровичи (май июнь 1944г.). В период с 17 по 22 июля 1944г. вели тяжелые бои по окружению и ликвидации бродской группировки и выходу на государственную границу в районе г. Равы — Русской.

В ночь на 29 июля 1944г. батальон во взаимодействии с другими подразделениями полка форсировал р.Вислу южнее г.Сандомира и по 16 августа 1944г. вел тяжелые бои на Сандомирском плацдарме. В августе 1944 г. дивизия была отдана во второй эшелон под г.Раву-Русскую, на отдых и пополнение, а в сентябре 1944г. была передана в подчинение 70-й армии и вела бой на Невском плацдарме, участвовала во взятии гор. Сероцк, освобождении гор. Модлин (Новогеоргиевск), в окружении Торуньской группировки (январь-февраль 1945г.).

В марте 1945г. батальон в составе полка, прорвав оборону противника севернее гор. Манковарска, освободил города Цопот и Гдыню, вышел на берег Балтийского моря (Польша). С 4 по 9 апреля 1945 г., совершив марш-бросок, полк вышел к реке Одер, освободил г. Грайфенхаген и вел тяжелые бои за Одер.

После форсирования р. Одер в первых числах мая 1945 г. были взяты города Росток и Варнемюнде, дивизия вышла на побережье Балтийского моря (Германия).

Наш батальон 5 мая 1945 г. на берегу Балтийского моря занял населенный пункт Хайличендам и перешел к обороне. Здесь я встретил окончание войны в должности начальника штаба батальоны в воинском звании капитан. Командиром батальона был майор Баев Н.А., командиром полка подполковник Гречко, командиром дивизии полковник Муратов.

Во время боевых действий был ранен:

— 7 января 1944 г. — легко в руку, находился на излечении в эвакогоспитале № 3259, вернулся в часть;

— 16 марта 1944 г. — легко в голову на Невском плацдарме, лечился при части;

— 21 ноября 1944 г. — легко в ногу, лечился при части;

— 18 апреля 1945 г. — легко в ногу, лечился при части.

За боевые действия на фронте награжден:

орденом Красной Звезды (приказом командира 162-й стрелковой дивизии № 062/н от 4 апреля 1944 г. орден № 560811, за прорыв обороны противника на реке Иква и взятие гор.Червоноармейска);

— орденом Отечественной войны 2-й ст. (приказом командующего 65-й Армии № 464/н от 21.11.1944г. За бои на Наревском плацдарме и взятие гор.Сероцка орд.№ 359795);

— орденом Отечественной войны 1-й ст. (приказом командира 47-го стрелкового корпуса № 029/н от 21.02.1945г. За освобождение гор.Модлин и бои по уничтожению Торуньской группировки орд. № 112535.);

— орденом Боевого Красного Знамени (приказом Командира 70-й армии № 169/н от 10.05.1945г. За форсирование р. Одер. орд. № 225927)

В мирное время награжден орденами:

— «За службу Родине в вооруженных силах» 3-й степени,

— Отечественной войны 1-й степени (указом от 11.03.1985г. в ознаменование 40-летия победы советского народа в ВОВ 1941-1945г.г. орд. № 507684).

Медали·

— «За боевые заслуги» (указом от 20.04.1953 г);

«За победу над Германией», «За освобождение Варшавы», «За взятие Берлина», «30 лет Советской Армии и Флота», «40 лет Вооруженных сил СССР», «За безупречную службу»II ст., «За безупречную службу» I ст., «50 лет Вооруженных Сил», «20 лет победы в ВОВ», «За воинскую доблесть», «Победа и Свобода ПНР», «30 лет победы в ВОВ», «60 лет Вооруженных сил СССР», «За дружбу по оружию ЧССР», «Ветеран вооруженных сил СССР», «50 лет Победы в ВОВ», им. Жукова, «За отвагу».

Боевые награды, как правило, вручались представителями вышестоящего штаба, в торжественной обстановке, или перед строем личного состава, если позволяли условия.

В приказах Верховного Главнокомандующего Маршала Советского Союза товарища Сталина И.В. сказано:

— «Вам, участнику боев за овладение городом и крепостью Модлин (Новогеоргиевск) объявлена благодарность», приказ от 18 января 1945 г.;

— «За овладение городом и крепостью Торунь (Торн) объявлена благодарность», приказ от 1 февраля 1945 г.;

— «За овладение городами Хойнице и Туховя объявлена благодарность», приказ от 15 февраля 1945 г.;

— «За форсирование рек Восточный и Западный Одер, прорыв сильно укрепленной обороны немцев на западном берегу Одера объявлена благодарность», приказ от 26 апреля 1945 г.;

— «За овладение городами Росток, Варнемюнде, Марлов, Лаагс объявлена благодарность», приказ от 2 мая 1945г.;

— «За овладение городами Барт, Бад, Доберан... объявлена благодарность», приказ от 3 мая 1945 г.;

В июне 1945 г. 162-я стрелковая дивизия была расформирована, и я назначен на должность начальника штаба отдельного учебного стрелкового батальона 101-й гвардейской стрелковой дивизии. В составе этой дивизии в феврале 1946 года переехал в город Борисоглебск Воронежской обл.

После расформирования 101-й гв. СД в августе 1946 г. я был переведен в распоряжение Закавказского Военного округа и назначен на должность помощника начальника штаба 390-го стрелкового полка 89-й стрелковой дивизии 7-й гв. армии в г. Ереване.

В октябре 1948 года по личному ходатайству был переведен в воздушно-десантные войска, в которых проходил службу до июня 1980 года на различных должностях.

18 июня 1980 года приказом Министра обороны СССР №0492 был уволен в запас по болезни с правом ношения военной формы, в воинском звании полковник.

Последняя должность — старший офицер Отдела Управления воздушно-десантных войск. Совершил 185 прыжков с парашютом.

В Великой Отечественной войне погиб мой отец — Немчинов Алексей Анисифорович 1904 года рождения. Служил рядовым солдатом в кавалерийской части, убит под городом Орел 6 июля 1942 г.

Мое военное образование — училище в апреле 1943 года и Центральные офицерские стрелково-тактические курсы «Выстрел» в августе 1957 года.

Май 2003 г.

В подготовке настоящих воспоминаний оказал помощь ***Артёмов Александр Сергеевич***, студент 3-го курса Московского государственного строительного университета

Павлов Юрий Андреевич

ЛОБОВОЕ ЕДИНОБОРСТВО С ТАНКАМИ

Родился 7 апреля 1921 года в городе Ярославле. Русский, православный, беспартийный.До 1993 г. член КПСС с 1942 г.

До войны окончил в 1939 году среднюю школу им. Карла Маркса в Ярославле. После окончания школы поступил во 2-е Ленинградское Краснознаменное артиллерийское училище (бывшее Михайловское). Окончил 5 июня 1941года. В 1951 году поступил в Военно-политическую академию им. Ленина. В 1955 году окончил ее с золотой медалью. В 1957 году поступил в адъюнктуру Военно-политической академии им. Ленина по кафедре патриото-политическая работа, окончил ее в 1960 году. Подготовил и защитил кандидатскую диссертацию (кандидат исторических наук) в 1960 г. В 1960 г. получил звание доцента, имел звание подполковника. В 1966 году было присвоено звание полковника.

Узнал о начале войны в 11.00 22 июня1941 г.в Лужских лагерях, будучи командиром учебного взвода в 2-м Ленинградском артиллерийском училище. Был направлен в Московский военный округ. Оттуда сначала в Гороховецкие лагеря, а затем в Алабино — в июле 1941 г., где формировался 1-й гвардейский минометный полк (ГМП). Еще формировалось семь полков. 9-й, внеплановый, был сформирован на средства сотрудников наркомата.

1-й ГМП был окончательно сформирован в августе 1941 года. Я был назначен начальником разведки 1-го дивизиона. Полком коман-

довал майор Шмаков.В.А. Командиром 1-го дивизиона был старший лейтенант Н.Ф. Воронов. 24 августа 1-й дивизион убыл на Брянский фронт.

Боевой путь мой начался на Брянском фронте 29 августа 1941г.: населенный пункт Жуковка по дороге Детьково-Рославль, г. Почеп (сентярь 1941), хутор Михайловский (сентябрь 1941), города: Усмань (октябрь 1941), Севск (октябрь 1941), Карачев (октябрь 1941), Белев (октябрь 1941), Тула (октябрь 1941).

20 октября после выхода из окружения часть офицеров и солдат 1-го, 3-го дивизиона и штаба 1-го ГМП прибыли в Москву. 22-го октября в штабе формирования я был назначен начальником штаба 5-го отдельного гвардейского миномётного дивизиона. Командиром дивизиона был капитан Ф.Ф.Терешенок, комиссаром дивизиона- батальонный комиссар П.И.Еремин, командиром 1-й батареи — лейтенант И.Н. Анашпин, 2-й батареи — лейтенант А.П.Константинов.

После формирования 5-го ОГМД 25 октября был направлен на Западный фронт. Сначала дивизион поддерживал залповым огнем 78-ю Хабаровскую стрелковую дивизию 16-й армии (командир полковник П.А. Белобородов). Здесь дивизион дал залп по скоплению пехоты противника, готовящегося к атаке. Огнём «катюш» и артиллерии атака противника была сорвана.

После этого 5-й ОГМД по приказу командующего артиллерией Западного фронта был переподчинён 5-й армии, которой командовал генерал-лейтенант Л.А. Говоров. 5-й ОГМД поддерживал залповым огнем боевые действия частей 144-й СД в районе населённых пунктов Локотня (ноябрь1941), Устье (ноябрь 1941), Насопово (ноябрь 1941), Кораллово (ноябрь 1941).

С началом контрнаступления наших войск дивизион поддерживал огнём реактивной артиллерии части 32-й стрелковой дивизии (командир полковник В.П. Полосухин) в районе населённого пункта Акулово (декабрь 1941). Затем части 144-й стрелковой дивизии в районе Колюбакино, Игольный завод, г. Руза (декабрь 1941).

В конце этого месяца 1941 г. дивизион по приказу командующего артиллерией Западного фронта был передислоцирован в 1-ю ударную армию Западного фронта и поддерживал залповым огнём бригаду морской пехоты в районе населенного пункта Шаховская и на реке Лама (январь 1942).

25 января 1941 г. 5-й ОГМД был выведен на ремонт в г. Кунцево. Проведя ремонт боевой техники (БМ-13), отремонтировав транспортные машины, починив частично новые боевые машины БМ-13,

дивизион в конце января 1942 г. убыл в г. Сухиничи и был подчинён 16-й армии, которой командовал генерал-лейтенант К.К.Рокоссовский. В процессе контрнаступления 5-й ОГМД поддерживал огнём «катюш» части и соединения этой армии в районе населённого пункта Попково(февраль 1942 г.), где противник оказывал упорное сопротивление.

В марте 1942 г. приказом командующего артиллерией Западного фронта я был откомандирован во вновь формируемый 45-й гвардейский миномётный полк и назначен помощником начальника штаба полка по разведке. Полк формировался в казармах 1-го Московского артиллерийского училища им. Красина.

В Москве полк находился до конца апреля 1942 г. В марте на Московском заводе «Красный вымпел» полку было вручено боевое гвардейское Знамя командующим ГМ2 Красной Армии генерал-лейтенантом П.А. Дегтярёвым.

В апреле 45-й ГМП выехал на Брянский фронт.Здесь полк находился в резерве фронта в районе совхоза «Хмельницкий» Липецкой области.

После неудавшегося наступления Юго-Западного фронта и контрнаступления немецко-фашистских войск полк в июне 1942 г. по приказу начальника оперативной группы ГМ2 Брянского фронта полковника В.И.Вознюки сосредоточился в районе железнодорожной станции Масловка и населённого пункта Новая Усмань.

По приказу командующего артиллерией Брянского фронта полк был подчинён 40-й армии, которой командовал генерал-лейтенант М.М.Попов.45-му ГМП была поставлена задача поддерживать залповым огнём реактивной артиллерии 100-ю стрелковую дивизию, которая должна была захватить плацдарм на правом берегу реки Воронеж в районе деревни Трушкино.

После неоднократных атак наших войск и действий штрафного батальона в результате массированного огня ствольной артиллерии и залпов «катюш» 45-й ГМП по позиции противника плацдарм на правом берегу реки Воронеж был захвачен в районе Чижовича предместья г.Воронежа. Началось расширение плацдарма с целью овладения в дальнейшем городом Воронеж. Противник упорно сопротивлялся. В июле 1942 г. в разгар боёв я был назначен командиром 265-го отдельного гвардейского миномётного дивизиона 45-го ГМП. Это было большое доверие мне, и соответственно, большая ответственность. Огневые позиции дивизиона были на левом берегу р. Воронеж. Следует отметить, что в полке появились новые реактивные снаряды М-30.

С июля и по октябрь дивизион поддерживал залповым огнём наши войска, находящиеся на плацдарме с целью его расширения. Но дела шли очень тяжело, продвижение было небольшое. Немцы упорно сопротивлялись, вели массированный огонь по нашим войскам и предпринимали неоднократные контратаки. К тому же противник бомбил огневые позиции дивизиона. Каким-то чудом не взорвались боеприпасы, находившиеся в аппарелях.

Был и такой случай. После произведённого залпа один командир установки БМ-13 забыл выключить рубильник. Когда начали заряжать эту установку на том номере, где стоял маховик, снаряд самопроизвольно сошёл с направляющей и упал в 200 метрах от огневой позиции артиллеристов, выведя из строя буссоль одного орудия и ранив нескольких артиллеристов. Получили ожоги три солдата. Они были направлены в госпиталь, но вскоре вернулись и снова встали в строй. По этому случаю было проведено расследование. Командир установки — член партии — получил партийное взыскание. Я, как командир дивизиона, отстранил его от должности командира боевой машины и привёл рядовых в расчёт. В дивизионе было проведено собрание и специальное занятие с командирами боевых установок.

Боевые действия продолжались. Несмотря на все усилия наших войск 40-й армии плацдарм не удалось расширить. Воронеж был взят лишь в феврале 1943 г., войсками 60-й армии.

Быстро подошёл ноябрь 1942 г. Мы с группой офицеров были направлены на формирование новых частей. Прибыв в Москву, я был назначен помошником начальника штаба оперативной группы ГМ2 вновь созданного Юго-Западного фронта. Вместе с начальником штаба полковником А.А.Московцевым в г. Серафимович (штаб фронта) я был принят начальником оперативной группы полковником В.И.Вознюком. Он меня знал по Брянскому фронту, где я был командиром 265-й ОГМД 45-го ГМП. В беседе он сказал мне, что должность эта уже занята и пока я буду выполнять его поручения. Такое поручение скоро появилось.

Мне было приказано фиксировать прибытие эшелонов с реактивными снарядами для ГМ2 Юго-Западного фронта на станции Кумылча — 25 км севернее Сталинграда. Затем мне была предложена должность начальника 2-го отделения опергруппы ГМ2 Юго-Западного фронта. Мне ничего не оставалось, как согласиться. Я попросил Василия Ивановича на первых порах помочь мне. Он сказал, что эта помощь, конечно же, будет. Второе отделение состояло из начальника, заместителя, делопроизводителя. Ему подчинялись склад боеприпасов и ПРМ (походная ремонтная мастерская).

Задачами второго отделения было: снабжение гвардейских минометных частей фронта боеприпасами, ГСМ, ремонт боевых и транспортных машин. С этой целью мне неоднократно приходилось выезжать в части и контролировать эти вопросы, а с вопросами обеспечения ГСМ неоднократно ходить к заместителю командующим фронтом по тылу генералу Кузнецову, а затем генералу Кибунину.

В этой должности я пробыл с октября 1942 г. по март 1943 г. В оперативной группе мне было присвоено звание майора, и я был награждён орденом Красной Звезды. К тому времени были введены погоны в армии. Майорские погоны и орден Красной Звезды мне вручал В.И.Вознюк.

В марте 1943 года меня вызвал генерал В.И.Вознюк, поблагодарил за службу и предложил должность начальника штаба 100-го ГМП. Я был очень рад этому. Прибыв в расположение полка вместе со своим заместителем майором Ковалем и лейтенантом Солдаткиным И.Ф. (бывшим адъютантом В.И.Вознюка), который был назначен помощником штаба этого полка, я представился командиру полка подполковнику В.И.Зырину, которого я знал раньше.

Приняв штаб, я по приказу командира полка неоднократно выезжал на командные пункты стрелковых дивизий 3-й ударной армии, которую 100-й ГМП поддерживал залповым огнём. Армией командовал Герой Советского Союза генерал-лейтенант Д.Д. Лелюшенко.

В мае-июле наш полк поддерживал огнём «катюш» выступления частей и соединений этой армии, участвовал в освобождение г. Лисичанска (июль 1943 г.), Артемовска (август 1943 г.), Константиново (август 1943 г.) .

В октябре я был назначен заместителем командира полка. За участие в освобождении г. Запорожья 100-му ГМП было присвоено почетное название, полк был награждён орденом Красного Знамени, а я — орденом Отечественной войны 2-й степени.

Дальнейшие действия 100-го ГМП связаны с боями на Никольском плацдарме. Полк поддерживал части и соединения 3-й ударной армии, которая была передана 4-му Украинскому фронту. Бои в течение ноября и декабря 1943 года были очень тяжёлые. Нашим войскам не удалось захватить этот плацдарм. Он был освобождён только в феврале 1944 года.

А 100-й ГМП по приказу командующго ГМ2 Красной Армии своим ходом прибыл на второй Белорусский фронт. По прибытии полк был подчинён 49-й армии этого фронта, которая действовала южнее г. Могилева.

23 июня 1944 г. началась операция «Багратион». 100-й ГМП поддерживал залповым огнём одну из стрелковых дивизий 49-й армии, которой командовал генерал Кроник. В процессе наступления наших войск 100-й ГМП участвовал в освобождении городов Червен (июль 1944 г.), где один из дивизионов, действуя в передовом отряде, столкнулся с власовцами, которые воевали со звериным упорством. В нашем 298-м дивизионе 100-го ГМП были потери. Был тяжело ранен командир дивизиона капитан Васильев.

Дальнейшее наступление наших войск было направлено на плацдарм на реке Нерев. К концу октября 1944 г. плацдарм был завоёван. Началось его расширение. В этом участвовал 100-й ГМП, поддерживая части и расширения 3-й армии , которая была передана во 2-й Белорусский фронт из 1-го Белорусского фронта.

Шёл уже ноябрь 1944 года. Противник перешёл к обороне. Ожидалось крупное наступление наших войск в первой половине января 1945 года . За успешное управление боевой деятельностью дивизионов при наступлении наших войск и проявленные при этом мужество и смелость я был награждён орденом Отечественной войны 1-ой степени.

В первых числах января 1945 года меня вызвал заместитель командующего артиллерией второго Белорусского фронта ГМЧ генерал-майор М.И.Дегтярёв. Я был назначен начальником штаба 4-й гвардейской миномётной дивизии. Началась новая страница в моей боевой биографии.

Сдав командование 100-го ГМП, я направился к новому месту службы. Прибыв в штаб дивизии, я представился командиру дивизии полковнику Ф.Н.Жукову. Готовилось крупное наступление наших войск. Дивизия была подчинена командующему второй ударной армии генерал-полковнику И.И. Федюнинскому.

Наступление началось 14 января 1945 года. Наши войска после артиллерийской подготовки, в которой участвовала 4-я ГМД (в дивизион входили 4-я ,7-я и 31-я гвардейские миномётные бригады), прорвали оборону противника и с боем заняли г. Млаву. Затем наступление продолжилось уже в Восточной Пруссии. Были взяты два города в январе 1945 года — Остероде и Аллепштайн. После этого войска второй ударной армии начали перегруппировку сил.

Военные действия я закончил в районе города Швайнемюнде на командном пункте 4-й гвардейской миномётной бригады, которая входила в 4-ю гвардейскую миномётную дивизию. Я был начальником штаба 4-й гвардейской дивизии в звании майора. Командир дивизии — полковник Ф.Н.Жуков.

После окончания войны дивизия до июля 1945 года находилась в населённом пункте Вальдек, куда были сосредоточены все гвардейские миномётные части и соединения второго Белорусского фронта. Штаб 4-й ГМД, 4-я бригада были в июле расформированы, а 31-я гвардейская миномётная бригада вошла в состав 15-й артиллерийской дивизии прорыва, 3-го артиллерийского корпуса прорыва.

После расформирования штаба я был назначен заместителем командира гвардейской миномётной бригады. Эта бригада была расформирована в 1946 году. Причём расформировал её я, так как командир бригады полковник Л.А.Носарев был на учёбе.

В связи с расформированием 31-й ГМБ я был назначен начальником штаба 18-го гвардейского миномётного полка. Этот полк в 1948 году тоже был расформирован, и я был направлен в распоряжение командующего Дальневосточным военным округом. В 1948 году был назначен начальником строевого отдела Хабаровского артиллерийского училища. В 1949 году меня назначили командиром дивизиона 87-го гвардейского миномётного полка. В этой должности я служил до 1951 года. В этом же году поступил в Военно-политическую академию им. В.И.Ленина, которую окончил с золотой медалью в 1955 году. После её окончания был назначен заместителем начальника политотдела 47-й танковой дивизии.

В 1957 году поступил в адъюнктуру ВПА им. Ленина. После окончания адъюнктуры подготовил и защитил кондидатскую диссертацию. Перешел на преподавательскую работу старшим преподавателем партийно-политической работы на ракетный факультет академии.

В 1977 году по выслуге лет был уволен из армии. После увольнения работал доцентом кафедры.

Первый залп «катюш»

29 августа 1941 года, будучи начальником разведки первого дивизиона 1-го ГМП, я был свидетелем первого залпа реактивной артиллерии (установок БМ-13) по населённому пункту Жуковка на участке обороны 50-й армии (командующий генерал-майор П.Н. Петров) Брянского фронта.

В назначенное время боевые машины прибыли на огневые позиции. Началась подготовка залпа. Погода в этот день была чудесная, светило солнце. Приближалось настоящее бабье лето.

Последовала команда «Привести установки в боевое положение», затем «Заряжай;» «Снять колпачки.» И вот наконец последняя команда: «По фашистским захватчикам залпом — огонь!» Три батареи первого дивизиона 1-го ГМП открыли огонь. 192 снаряда стремительно, оставляя огненные следы, с особым грохотом понеслись на врага. Это захватывающие зрелище запомнилось мне на всю жизнь. В Жуковке возникло несколько очагов пожара, были слышны взрывы боеприпасов противника. И так я увидел воочию первый залп «катюш» величественное зрелище. Как говорит пословица: «Лучше один раз увидеть, чем 100 раз услышать». Истинная правда, поверьте мне.

Лобовое единоборство с танками

4-го октября 1941 года во время марша из-под г. Севска первая батарея первого дивизиона 1-го ГМП лейтенанта Скородумова отстала от колонны дивизиона.

В это время внезапно из-за опушки леса вышли немецкие танки и устремились к стоящей на дороге батарее. Лейтенант Скородумов приказал развернуть боевые машины и открыть огонь.

Два из четырёх танков были выведены из строя, но и в батарее была повреждена одна установка БМ-13, несколько человек получили ранения, в том числе и командир батареи лейтенант Скородумов. Но он продолжал руководить боем, пока не был сражён осколком разорвавшегося снаряда.

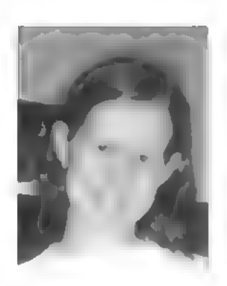
Два уцелевших танка свернули с дороги и скрылись в лесу. Это был первый случай лобового единоборства наших машин с немецкими танками.

Имею награды: орден Красного Знамени (№22784. Приказ командующего Западным фронтом от декабря 1941 года); орден Красной Звезды (№86737. Приказ командующего Юго-Западным фронтом в феврале 1943 года); орден Отечественной войны 2-й степени (№59009. Приказ командующего Юго-Западным фронтом от ноября 1943 года); орден Отечественной войны 1-й степени (№109670. Приказ командующего 2-м Белорусским фронтом от декабря 1944 года); орден Кутузова 3-й степени (№3115. Приказ командующего 2-м Белорусским фронтом от февраля 1945); медаль «За боевые заслуги» (Приказ ко-

мандующего Дальневосточным округом октября 1949 года); орден Красной Звезды (№3243226. Указ Президиума Верховного Совета СССР от ноября 1954 года); орден Отечественной войны 2-й степени (№3013407. Указ Президиума Верховного Совета СССР от 11 марта 1985 года); орден «За службу Родине в Вооружённых силах СССР» 3-й степени (№12541. Указ Президиума Верховного Совета от 30.4.1975).

Более подробно о моей боевой деятельности в годы Великой Отечественной войны написано в моей книге «По дорогам войны с катюшами», вышедшей в 2002 году в издательстве «Наука» объемом 155 страниц.

Июнь 2003 г.



В подготовке настоящих воспоминаний оказала помощь ***Никитина Ольга Владимировна***, студентка 1-го курса Профессионального училища №5 г. Москвы

Паутов Виктор Александрович

ПОДРАЗДЕЛЕНИЕ ОСОБОГО РИСКА

Родился 4 июля 1915 года в селе Лальске Лузского района Кировской области в семье рабочего. Мать   крестьянка. Русский. Член КПСС с февраля 1943 года. В молодости был членом ОСАВИАХИМа, имел значок «Ворошиловский стрелок».

В 1930 году окончил семилетнюю школу в с. Лальске. В 1931 году поступил в строительный техникум в г. Вел. Устюге и окончил его в 1934 году. 1934   1936 гг. районный техник-строитель.

С августа 1936 года по октябрь 1938 года — студент Ленинградского института инженеров коммунального строительства.

В сентябре 1938 года по добровольному желанию был призвался в Красную Армию и был зачислен на 3-й курс Военно-инженерной академии им В.В. Куйбышева.

Полный курс фортификационно-строительного факультета окончил в январе 1941 года с дипломом военного инженера-строителя, в звании воентехник 1-го ранга.

После войны в 1953 году окончил Высшую военную академию Генерального штаба.

Великая Отечественная война застала меня на строительстве долговременных укреплений на новой границе на территории Прибалтийского военного округа в районе г. Шакяй Литовской ССР в должности главного инженера 78-го строительного участка 210-го УСН (управление начальника строительства).

С первого дня войны и до ее окончания проходил службу в инженерных войсках действующей армии.

При отступлении наших войск 78-й строительный участок выполнял работы по созданию полевых оборонительных рубежей.

13 июля 1941 года по специальному заданию командования УНС-210 начальник 78-го строительного участка военинженер 2 р. Глушко А.П. в с. Топоры Невельского района Калининской области сформировал группу саперов-подрывников для диверсионной деятельности на коммуникациях в тылу противника.

Состав группы: воентехник 1р. Паутов В.А., — командир группы, воентехник 2р. Петров С.П., мл. лейтенант Сергунин И.И., младшие командиры и красноармейцы. Всего 16 человек. Две грузовые автомашины ГАЗ-АА, груженные минами, взрывчаткой и шанцевым инструментом.

При встрече в тылу противника с группой политрука Пенкина С.Д. (тоже из состава 78-го строительного участка) 15 июля 1941 года был организован красноармейский истребительный отряд им. В.Чкалова. Командир отряда — политрук Пенкин С.Д., я — зам. командира, а позднее начальник штаба, воентехник 1р.

Состав отряда пополнялся за счет командиров и красноармейцев разных частей, пробиравшихся к линии фронта. В августе 1941 года в списках отряда насчитывалось 170 человек. Своей боевой деятельностью на основных коммуникациях противника отряд выполнил задание командования УНС-210. Поскольку личный состав отряда в основном был экипирован по-летнему, с наступлением холодов принято было решение о выходе из тыла противника.

В ноябре 1941 года при движении отряда к линии фронта с целью её перехода на отдых в Сережинском районе отряд встретился со 2-й особой партизанской бригадой: командир бригады майор Литвиненко Л.М, комиссар майор Терехов В.И.

Майор Литвиненко Л.М имел широкие полномочия штаба Северо-Западного фронта В мандате, который был выдан комбригу начальником штаба Северо-Западного фронта генерал-лейтенантом Н.Ф. Ватутиным, предписывалось всем: и военным, и гражданским лицам, находившимся в районе боевых действий бригады, беспрекословно подчиняться комбригу. Литвиненко Л.М. мог в приказном порядке включить чкаловцев в состав бригады, но он предоставил право выбора   рейдировать с ним или переправиться в советский тыл.

Отряд им. В. Чкалова вошел в состав 2-й особой партизанской бригады, командиром отряда назначен я, комиссаром — лейтенант

И.И. Сергунин. С.Д. Пенкин возглавил особый отдел бригады. Политрук М.Л. Воскресенский стал начальником политотдела, П.А. Кумриди — комиссаром штаба бригады,

Вторую половину ноября и весь декабрь 1941 года отряды бригады действовали невдалеке от линии фронта: в Пеновском районе Калининской области и Молвотицком районе Ленинградской области, на дорогах к городам Холм, Торопец, поселку Андреаполь.

В январе–феврале 1942 года глубокий рейд бригады пролегал на запад в направлении к границе с Латвийской ССР. Одной из основных задач бригады была разведка. Собственно, бригада и создана была штабом фронта в разведывательных целях. Штаб бригады располагал мощной радиостанцией, что обеспечивало устойчивую связь со штабом фронта.

Достаточно подробно о боевых действиях отряда им. В. Чкалова и 2-й ОПБ рассказано ленинградским писателем-фронтовиком Н.В. Масловым в книге «Необычный рейд».

В апреле 1942 года по указанию штаба СЗФ бригада в полном составе вышла из тыла противника и расположилась на отдых в д. Буковицы на берегу живописного озера Селигер.

С апреля по июль 1942 года я был начальником штаба 2-й ОПБР. 2-я ОПБР была переформирована в 3-ю ПБР, которая через некоторое время ушла в тыл противника. Командиром бригады стал Герман А.В., который во 2-й ОПБ возглавлял разведку.

В августе 1942 года по специальному запросу я откомандирован партизанским отделом СЗФ в распоряжение начальника инженерных войск Калининского фронта.

С августа 1942 года по июль 1943 года — начальник оперативного отделения штаба 5-й отдельной инженерной бригады специального назначения (ОИБрСН) РВГК.

С августа по ноябрь 1943 года — и.о. начальника штаба бригады. С ноября 1943 года по апрель 1944 года — начальник оперативного отделения и с апреля 1944 года по июнь 1944 года — зам. начальника штаба 5-й ОИБрСН.

В 1942 году бригада подчинялась начальнику инженерных войск Калининского фронта и выполняла следующие задачи:

— устройство и установка миновзрывных заграждений на участках Ржев — Торжок и Ржев — Калинин, общая протяженность 103 км, глубина 32 км;

— устройство заграждений на фронтовых дорогах, протяженностью 260 км;

— действия в тылу противника по разведке дорог, мостов, расположения и передвижения войск врага, подрыв военных объектов (мостов, военной техники, ж. д. эшелонов и т.п.);

— разминирование дорог, участков местности, мостов и населенных пунктов.

В 1943 году части бригады продолжали обеспечивать наступательные и оборонительные действия соединений войск фронта в районах Духовщины, Усвяты, Великие Луки, Невель.

Продолжались боевые действия в тылу противника силами подразделений трёх батальонов инженерных заграждений и приданного бригаде 10-го отдельного гвардейского батальона минеров.

В 1944 году наступательные действия Красной Армии по освобождению оккупированной территории нашей Родины резко изменили характер боевых действий войск фронта, и соответственно, изменились задачи частей бригады, которые от устройства заграждений перешли к инженерному обеспечению общевойсковых и танковых соединений, нацеленных на прорыв обороны немецко-фашистских войск, их преследованию и деморализации тыла противника.

Разминирование дорог, местности и населенных пунктов стало одной из основных задач частей бригады.

С 5 апреля 1944 года бригада была переформирована и стала именоваться 5-й гвардейской мотоинженерной бригадой.

Задачу по сопровождению 1-го танкового корпуса выполнял 4-й отдельный гвардейский мотоинженерный батальон, а 3-го танкового корпуса — 6-й отдельный гвардейский мотоинженерный батальон.

В период сопровождения 1-го и 3-го танковых корпусов 4-й и 6-й гвардейские мотоинженерные батальоны построили 29 мостов, чем обеспечили продвижение наступающих войск фронта. Продолжалось разминирование г. Полоцка.

За период с 7 июля 1942 года по 13 июля 1944 года до перехода бригады на новые задачи минеры бригады, действуя в тылу врага, имели следующие результаты:

— подорвано 5 бронепоездов, 315 ж. д. эшелонов, 5 ж.д. дрезин, самоходные пушки, 2 танка, 203 автомашин, 6 мотоциклов;

— взорвано 49 мостов на полевых и шоссейных дорогах;

— подорвано 4539 погонных метров железнодорожного полотна, 4080 стыков рельсов, 19 конных повозок с грузом;

— вырезано свыше 10 км телеграфной связи;

— уничтожено около 8 000 и взято в плен 17 немецких солдат и офицеров.

Успешные действия минеров-разведчиков по добыче разведданных и нарушению коммуникаций в глубоком и ближнем тылу противника значительно облегчили наступление наших войск. За время службы в 5-й ОИБрСН моей основной деятельностью была подготовка и организация отправки в тыл противника групп и отрядов подрывников-диверсантов и разведчиков-саперов, руководство их деятельностью в тылу противника в тесном взаимодействии с партизанами.

Переброска в тыл противника осуществлялась пешим порядком, а также самолетами с посадкой на полевые аэродромы партизан или воздушным десантом.

Предварительно саперы проходили подготовку по освоению прыжков с парашютом с самолета У-2 на одном из аэродромов 3-й воздушной армии. Руководили подготовкой летчик подполковник Лазарев и я.

Приказом по 5-й инженерной бригаде от 3 июня 1944 года №012 мне присвоено звание гвардии майора.

С июня по июль 1944 года находился в должности заместителя начальника штаба 10-й штурмовой инженерно-саперной бригады РВГК на Калининском фронте. Командир бригады полковник Кучерук Е.И.

С августа 1944 года по ноябрь 1945 года — начальник штаба 10-й ШИСБр на Калининском и 1-м Прибалтийском фронтах.

Наличие в составе бригады полка танков-тральщиков, полка танков-огнеметчиков, понтонного парка и батальона ранцевых огнеметов создавало необходимые условия для более успешного выполнения задач инженерного обеспечения боевых действий общевойсковых соединений. Бригада, как правило, придавалась в оперативное подчинение общевойсковых армий, действующих на направлениях главного удара фронта.

В ходе Витебской операции бригада своевременно навела понтонные переправы через р. Западная Двина, обеспечила форсирование реки наступающими частями и приняла непосредственное участие в овладении г. Витебском. За эту операцию 10-й ШИСБр присвоено звание Краснознаменной Витебской бригады.

В дальнейшем боевые действия проходили на территории Латвийской ССР и закончились разгромом Курляндской группировки немецко-фашистских войск.

Противник заблаговременно заминировал порт г. Либава. Вдоль всех причалов были подготовлены специальные колодцы, в которых в вертикальном положении находились авиационные бомбы крупного калибра, объединенные кабелем в единую сеть. Враг не успел привести в действие взрывное устройство. Саперы бригады обезвредили мины, с помощью портального крана извлекли их из колодцев и погрузили на баржу.

Моряки отбуксировали эту баржу в назначенное им место. Последним пунктом дислокации бригады в Латвийской ССР стал г. Салдус. Здесь в октябре 1945 года 10-я ШИСВКБр переформирована была в 86-ю инженерно-саперную Витебскую Краснознаменную бригаду. Командир бригады — полковник Кучерук Е.И., начальник штаба — я, гвардии подполковник. С личным составом бригады организована боевая и политическая подготовка.

Весной 1946 года подразделения саперов-подрывников бригады под личным руководством гв. подполковника Оаутова В.А. выполнили задание по спасению от ледохода железнодорожных мостов, мостов Главдорупра и Ушосдора Латвийской ССР, находящихся под охраной.

В октябре и ноябре 1945 года части бригады провели работы по сплошному разминированию отдельных районов местности Латвийской ССР. При этом случаев подрыва саперов не было.

В мае 1946 года бригада была передислоцирована в район Старая Русса Новгородской области. Здесь в оперативное подчинение штаба 86-й ИСВКБр поступает 22-я гвардейская стрелковая Рижская дивизия, для выполнения задачи по сплошному разминированию территории Новгородской области. Объединенный штаб возглавлял я.

Прибывшие гвардейцы-общевойсковики имели опыт боевых действий, но не являлись специалистами минно-подрывного дела. Пришлось организовать и провести с ними практические занятия под руководством опытных инструкторов-минеров. Только после этих занятий приступили к работам по разминированию местности. Работы еще осложнялись тем, что бывшая полоса обороны проросла травой, а местами — и кустарником.

К концу июня 1946 года задание по разминированию местности было выполнено. Итоги за период работ с 15 мая по 25 июня 1946 года: разминирована территория в 1942 кв. км, обнаружено и уничтожено: 474 463 мин, 2174065 боеприпасов (в том числе 1 416410 патронов). Работало в среднем 4 075 чел.

За четкую работу объединенного штаба дивизии и бригады, обеспечившую своевременное выполнение государственного задания по разминированию территории Новгородской области, приказом командира 22-й гвардейской стрелковой Рижской дивизии от 25.06 46г. № 084 мне была объявлена благодарность. Командиром дивизии сделано представление о награждении правительственной наградой.

В сентябре 1946 года распоряжением начальника инженерных войск Советской Армии я был отозван из войск в г. Москву и назначен старшим редактором 4-го отдела управления Военного издательства Министерства Обороны.

5-го февраля 1947 года — в распоряжении начальника инженерных войск Советской Армии.

С марта 1947 по февраль 1948 года — начальник штаба 7-й инженерно-саперной Симферопольской бригады и позднее главный инженер 2-й инженерно-строительной бригады (сформированной из 7-й ИСБр). Командир бригады полковник М.Д. Кузнецов. Бригада вела строительство объектов будущего ракетного полигона в Капустином Яру.

С февраля 1948 года по ноябрь 1951 года работал в штабе инженерных войск Советской Армии, в отделе по изучению и подготовке театров военных действий на должностях:

— февраль 1948 года — апрель 1949 года — старший офицер отдела;

— апрель 1949 года — август 1950 года — зам. начальника отдела;

— август 1950 — ноябрь 1951 года — ВРИО начальника отдела.

С декабря 1951 года — слушатель основного курса Военной академии Генерального Штаба, которую окончил в октябре 1953 года.

С октября 1953 по декабрь 1953 года — в распоряжении начальника 6-го управления Министерства Обороны.

С декабря 1953 года по декабрь 1955 года — начальник 8-го отдела.

С декабря 1955 года по январь 1967 года — начальник 1-го оперативного отдела.

Проходя службу в 6-м управлении, неоднократно принимал участие в мероприятиях, проводимых на Семипалатинском полигоне. Принимал также участие на Тоцких войсковых учениях, проводимых в 1953 году под руководством Маршала Советского Союза Г.К. Жукова с реальным применением ядерного взрыва.

Результаты этих мероприятий использовались при разработке рекомендаций по защите от ядерного взрыва, а также и его применению.

С января 1967 года по 22 сентября 1971 года — зам. начальника штаба Гражданской обороны РСФСР по инженерно-техническим мероприятиям. Начальник штаба генерал-лейтенант Малинин.

Приказом Министра обороны СССР № 01099 от 31 июля 1971 года в звании гвардии полковника в возрасте 56 лет уволен с действительной военной службы в отставку по болезни, с правом ношения военной формы одежды. Моя выслуга лет в Вооруженных Силах составила: календарных — 32 года 9 месяцев, в льготном исчислении — 40 лет.

Партизанский отряд им. В. Чкалова

21 августа 1941 года ночью, в сильную грозу, группа подрывников под командованием В.А. Паугова приблизилась к реке Язница. На шоссе Невель — Клястицы шло интенсивное движение вражеской техники. Под проливным дождем партизаны на конной повозке с подготовленными зарядами взрывчатки въехали на мост. Считанные минуты потребовались опытным саперам....

Пламя взрыва совпало с блеском молнии, а удар — с раскатом грома. Укрывшиеся от непогоды в избе часовые так ничего и не поняли. А утром начальник охраны растерянно объяснял рассвирепевшему полковнику, показывая на небо: «Господин оберст, одна бомба, — и мост капут». Сотни машин и боевой техники вынуждены были стоять у реки несколько суток.

Дина

В результате активных действий минеров на железных дорогах противник усилил охрану и произвел вырубку леса на участках, близко примыкающих к дорогам, чтобы затруднить минерам подход к полотну.

При отправке очередной группы минеров в тыл противника в ее состав был включен вожатый с собакой-диверсантом по кличке Дина. Собака была подготовлена и обучена командиром взвода дрессировщиков старшим лейтенантом Д.С. Волкац 37-го отдельного инженерного батальона миноискателей.

Увидев приближающийся железнодорожный эшелон, вожатый дал команду, и собака, преодолев открытый участок местности, выбежала на полотно дороги, сбросила заряд взрывчатки и благополучно вернулась к вожатому. Пассажирский состав с гитлеровскими офицерами, ехавшими в отпуск, взрывом был пущен под откос. По возвращении в наш тыл собака-диверсант Дина была отправлена в центральную школу военного собаководства под Москву.

Куры-миноискатели

Из освобожденного города Великие Луки выехала машина, в которой находились живые куры. Рядом с водителем сидел офицер 5-го ОИСБрСН. На контрольном пункте машина была остановлена и осмотрена. На вопрос: откуда и куда куры, офицер ответил, что это куры-миноискатели. Машина проследовала дальше.

Награды:

— орден Красного Знамени (приказ Командующего войсками Калининского фронта № 140 от 10 января 1944 года, № 61369 за боевые действия в тылу противника);

— орден Отечественной войны 1-й степени (приказ Командующего 6-й гвардейской армией № 0463 от 30 мая 1945 года, № 57461 за успешное инженерное обеспечение наступления армии);

— орден «Знак Почета» (№528525 в 1968 году по представлению начальника штаба Гражданской обороны РСФСР генерал-лейтенанта Г. Малинина за успешное осуществление инженерно-технических мероприятий по защите населения от оружия массового поражения);

— орден Мужества (указ Президента Российской Федерации от 12 июля 2000 года, № 47636);

— орден Отечественной войны 2-й степени (указ Президиума Верховного Совета от 11 марта 1985 года, № 5082815);

— медаль «Партизану Отечественной войны» 1-й степени (от имени Президиума Верховного Совета СССР центральным штабом партизанского движения № 140 от 10 января 1944 года);

— медаль «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941-1945гг.»;

медаль «За боевые заслуги» (в 1948 г.);

— медали «За безупречную службу в ВС СССР» I степени (в 1959 г.), «Ветеран Вооруженных Сил СССР» (в 1977 г.);

— 12 юбилейных медалей.

Находясь в действующей армии в составе Калининского фронта, принимал участие в освобождении городов Великие Луки и Витебска; в составе 1 -го Прибалтийского фронта в освобождении населенных пунктов и городов на территории Латвийской ССР.

В ходе боевых действий партизанского отряда в тылу противника в 1942 году был контужен и ранен.

Семья была многочисленной; рождено 11 детей, я был последышем. До взрослого возраста дожили четыре брата и две сестры. Состав семьи к началу войны: Аркадий (1896 г.р., учитель, инвалид-пенсионер, поэтому на войну не призывался); Валентина (1894 г.р., врач); Александр (1902 г.р., лесотехник, освобожден от воинской службы и в войну не призывался); Анна (1908 г.р., учительница); Николай (1912 г.р., зоотехник); Виктор (1915 г.р, военнослужащий).

Брат Николай, будучи офицером, полковым инженером-химиком, погиб смертью храбрых в 1942 году на Ленинградском фронте. Сестра Валентина, работая врачом, пережила весь период блокады в г. Ленинграде. Все члены семьи, кроме меня, уже ушли из жизни.

Перечень публикаций, в которых написано обо мне.

1. Н.В. Масолов. «Необычный рейд». Изд. Политлитературы. Москва, 1972.

2. Составитель Н.В. Масолов. «Не сломленные бурей». Сборник воспоминаний партизан, участвовавших в битве за Ленинград. Воениздат МО СССР. Москва, 1975.

3. И.И. Сергунин. «Давали клятву партизаны». Лениздат. Ленинград, 1985 г.

4. Сборник статей ветеранов инженерных войск Калининского 1-го Прибалтийского фронта по инженерному обеспечению боевых действий в Великой Отечественной войне. Москва 1990 г., типография военно-инженерной академии им. В.В. Куйбышева.

5. Информационный бюллетень «Памятка истории и культуры Белоруссии». № 1. 1970 г. Минск (на белорусском языке).

6. В. Паутов. «Взрывы на дорогах». Ежедневная газета Ленинградского военного округа «На страже Родины». 26 августа 1971 г. №200 (16019).

7. Н.В. Масолов. «Строчка из послужного списка партизана». Газета «Смена», орган Ленинградского областного и городского комитетов ВЛКСМ 12 марта 1970 г. № 59 (13470).

8. Н. Ворков «Встреча с героем-партизаном» Газета «Северная Правда». Орган Лужского райкома КПСС и районного Совета депутатов трудящихся. 9 октября 1976 г. № 122 (5737).

Май 2003 г.

Пахомов Игорь Николаевич

Я СКАЗАЛ — ОСТАНУСЬ

Родился в 1928 г. Бывший юнга Черноморского флота. Во флот я попал в 13 лет из беспризорников. В боевых действиях участвовал с 1942г. по 1945г.

Награждён двумя орденами Красного Знамени за № 212397 и № 212398. Эти ордена я получил за участие в десантных операциях на Дунае в составе Сулинской бригады бронекатеров. В обычные дни я был коком, а в бою находился у башенного пулемёта ДШК вторым номером.

В декабре 1944г. в Югославии мы высадили очередной десант, прямо в г. Вуковар. Мы ходили вдоль берега и отвлекали огонь на себя, а потом подавляли огневые точки немцев орудийным и пулемётным огнём. На день мы укрылись у маленькой речушки, напротив города, и помогали десанту орудийным огнем. В полдень мимо нас промчался бронекатер и не вернулся. Нас послали к нему на выручку. Я сидел в это время на камбузе, но, поскольку наверху было тихо, я чтобы не терять время, вылез на палубу набрать картошки. Слева увидел наш БК, который стоял, приткнувшись к берегу. В рубке и в корпусе обнаружил две пробоины, на палубе лежали три трупа. Наш катер стал разворачиваться в обратную сторону, и тут раздался сильный взрыв. Снаряд попал в рубку, из пробоины брызнула кровавая масса с волосами.

Я замер. Катер на полном ходу врезался в затопленный сосновый лес, почти по самую корму. Мотор заглох. Орудийную башню заклинило деревьями. Опомнившись, я побежал к рубке и открыл дверь. На полу лежала большая куча из кусков мяса, рук, ног, и... она шевелилась и ругалась матом. Потом из кучи вылез командир лейтенант Честнов и направился в свою каюту. У него был выбит глаз и ранена рука. Затем поднялся рулевой Иван, у него был также выбит глаз, оторванная у кисти рука висела на коже. У пулемётчика Виктора Несветая одна нога была перебита в двух местах, а вторая оторвана у щиколотки. Сигнальщика Славку разорвало на куски и разбросало по всей палубе. Я побежал к радисту Чугунову, чтобы он передал в дивизион сигнал «SOS», в это время второй снаряд попал в пулемёт и его разнесло вместе с пулемётчиком. Мы были в пяти метрах от взрыва.

Радисту осколок попал между глаз и в колено, моториста ранило в ногу. А мне большой осколок пробил телогрейку от руки до локтя и слегка задел кожу. Немцы ударили из пулемета, и мы все укрылись в новом кубрике. Я взял автомат и спрятался за орудийную башню, а Несвестай остался в рубке, он стал кричать и звать на помощь. Я не выдержал, выскочил из укрытия. Несвестая я вытащил из рубки и спустился в кубрик, чтобы узнать, что делать дальше. В этот миг третий снаряд попал в башню на рубке, и она разлетелась на части. Там, где я только что лежал, валялись куски.

Было ясно, что оставаться на катере больше нельзя, но и раненых под таким огнём вынести невозможно. «Надо уходить», — сказал командир, но кому-то придётся остаться с ранеными. Все молчали, ждали приказа, кому остаться. Командир задумался, а потом повернулся ко мне и спросил: «Игорь, ты останешься»? Я сказал: «Останусь», и команда покинула катер под пулемётным огнём. Со мной осталось три тяжело раненных матроса, но поскольку их конечности были оторваны не совсем, а висели на коже, перевязать их было невозможно. Чтобы остановить кровь, им были наложены жгуты, но кровь всё равно сочилась из вены, поэтому им всё время хотелось пить. Сначала я выскакивал на палубу и черпал воду кружкой за бортом, но потом, когда очередная пулемётная очередь прошивала борт у моих ног, я придумал способ черпать воду через иллюминатор.

Но выскакивать наверх всё равно приходилось. Немецкие танки ходили на том берегу, а раненым казалось, что это идут наши катера. Немцы, конечно, заметили, что на катере остались люди. Стали кри-

чать нам, и я подумал, что они решили взять нас в плен. Тем более, что они перестали бить прямой наводкой. Чтобы нас добить, достаточно было одного снаряда в борт, ведь катер был забит боеприпасами и авиационным бензином. Я зарядил два автомата, кроме того, у нас был целый ящик гранат. Я вставил запалы и разложил их по всему катеру.

Сдаваться я не собирался. Потом немцы решили добить нас минами. Через каждые две — три минуты к нам летела мина. Мы слышали, как она летит, и гадали, попадёт или нет, но большинство мин взрывалось в кроне деревьев, и только к вечеру мины стали пробивать крону и ложились у самого борта. Когда стемнело, Иван заметил, что Виктор перестал стонать. Я посветил спичкой и увидел, что он умер — не выдержал боли и сорвал жгуты. Раненых это сильно взволновало, и решили уходить.

Но Иван уже не мог передвигаться по трапу. Тогда стали упрашивать Володю идти за помощью, ему стало, легче, и он мог передвигаться. Мы думали, за лесом будет твёрдая земля, но оказалось, что мы на острове и Володя в темноте заблудился.

Вскоре я услышал шум мотора и увидел проходящий мимо нас катер. Я стал кричать. Мой крик услышал Володя и пошёл на голос. Как только катер подошёл, мы стали вытаскивать Ивана и Володю. Володя очень ослаб в ледяной воде — на дворе был конец декабря.

В штабе Сулинской бригады бронекатеров, я рассказал, что мы там пережили, и командование решило наградить меня орденом Ленина, но потом выяснилось, что его стали давать только вместе с золотой звездой Героя, поэтому меня наградили орденом Красного Знамени. Меня оставляли в штабе, но я упорно просился на катер, и меня направили на БК-232 к лейтенанту Чекадонову. Там не было пулеметчика, и до прихода штатного матроса мне доверили пулемёт. В это время мне было уже 16 лет. Но вот настало время идти на высадку десанта в тыл к немцам. Это было под г. Исторгом в Венгрии. К нам пришёл комбриг, чтобы пожелать нам удачи. Первым делом он спросил у командира: «Как у нас с личным составом»? Командир ответил: «Всё в порядке, только нет пулемётчика, но за него юнга Пахомов».

«Этого юнгу я хорошо знаю», — сказал комбриг, а потом спросил у меня, умею ли я стрелять. Я ответил, что умею. «Ну, тогда пальни в горы». Я развернул пулемёт и открыл огонь. Слышу, он кричит: «Хватит! Хватит!» — обрадовался. Потом повернулся к командиру,

махнул рукой и сказал: «Годится». Так я и стал штатным пулеметчиком. Хотя потом пришёл матрос и хотел занять моё место. Но я, прикрываясь именем комбрига, всё же отстоял свой пулемет. На этом катере я участвовал во многих операциях. Попадал на минное поле, и на моих глазах взорвался катер, шедший за нами. Ясно, что мы уже на минах. Было очень неуютно. На этом катере погибло только три человека, те кто был внутри катера. Остальных снесло за борт, и они были спасены. Однажды на нашем катере закончился бензин, и мы пошли на заправку. По дороге заглох мотор, и нас понесло на висящее над водой дерево. Мой пулемёт мог врезаться в него. Я побежал, чтобы развернуть его в другую сторону, но в это время ствол пулемета коснулся дерева, развернулся и выбросил меня за борт в ледяную воду, на на шее у меня был компресс. Я прихватил ангину. Компресс намок и так сдавил мне шею, что я не мог ни вздохнуть, ни выдохнуть. На мне телогрейка, тёплые штаны, шапка и сапоги. Всё это намокло и тянуло на дно. Я уже почти терял сознание, когда ноги коснулись дна. Руки освободились, и я смог отжать бинт. Потом на ледяном ветру пришлось выжать одежду, а катер мой в это время сумел завести мотор и ушёл на заправку. Никто и не заметил, что я за бортом. Через час за мной пришёл другой катер. Меня переодели и дали выпить полкружки спирта. К моему удивлению, я не только не схватил воспаление лёгких, но и даже не чихнул. Вскоре мы потеряли командира и рулевого — они были тяжело ранены. К нам пришёл другой командир.

В другой операции были убиты командир дивизиона капитан-лейтенант Савицкий, командир десанта майор Мартынов и рулевой.

Несмотря на потери, мы продвигались вперёд и 10-го апреля подошли к окраине Вены, а 11-го апреля пять бронекатеров приняли на борт десант и на полном ходу ворвались в Вену. Нам предстояло захватить Имперский мост. Немцы, конечно, не ожидали, что средь белого дня мы пойдём на штурм моста, тем более, что оба берега были у немцев. На двух первых катерах были десантники по 50 человек на каждом и три Бк в прикрытии. Наш катер шёл предпоследним. Вскоре у нас вышел из строя второй пулемет, и пришлось вести огонь одному. Несмотря на сильный огонь немцев, мы прорвались к мосту и высадили десант. Мост был уже заминирован, но десантники успели обрезать провода, и мост был спасён. У меня стали застревать от перегрева гильзы в стволе, приходилось выскакивать и выбивать шомполом. Когда мы почти выходили из боя, был подбит последний

катер, пришлось вернуться назад и взять его на буксир. В этой операции были подбиты два катера, два человека убито и четверо ранено.

В эту операцию нас вёл командир отряда Семён Клонавский. Эта была самая дерзкая операция. Многие стали Героями. Только исполнителя С.И. Клоновского обошли, и это несмотря на то, что на середине дороги ему пришла радиограмма повернуть назад, но он взял на себя всю ответственность и успешно провёл операцию. Впрочем, авторов этой радиограммы не нашлось, так что командир отряда и юнга получили одинаковые награды. По ордену Красного Знамени. После победы я на трофейных катерах тралил мины. На этих минах четыре катера подорвались. Один во время войны, а три уже после войны. В 1945 г. я окончил учебный отряд и плавал на Балтике, на тральщиках уже матросом ещё четыре года. В 1950 г. специальным указом был демобилизован.

Июнь 2003 г.

В подготовке настоящих воспоминаний оказал помощь ***Науменко Антон Андреевич***, студент 1-го курса Профессионального училища №5 г. Москвы

Петров Георгий Фролович

ЭКИПАЖ ЗАДАНИЕ ВЫПОЛНИЛ ЦЕНОЙ СОБСТВЕННОЙ ЖИЗНИ

Родился 23 апреля 1922 года в посёлке Глухово Ногинского района Московской области. Русский, православного вероисповедания.

В 1940 году я окончил Глуховскую среднюю школу №1 и одновременно сдал выпускной экзамен в Ногинском аэроклубе, получив при этом звание пилота запаса. В том же году был призван в армию и направлен для прохождения дальнейшей службы на Северный флот в 203-ю роту связи ВВС Северного флота.

В мае 1941 года в соответствии с приказом Наркома обороны СССР как ранее окончивший аэроклуб был направлен на учёбу в Ейское авиационное училище морской авиации, где и встретил начало Великой Отечественной войны.

Через два месяца училище было эвакуировано в г.Безенчук Куйбышевской области. Учёба по лётной специальности для всех курсантов была до конца года временно прекращена в связи с обустройством на новом месте пребывания. Для меня же этот период был продлён ещё на два года в связи с назначением строевым командиром взвода для обучения курсу молодого бойца пребывающих в училище курсантов из числа окончивших аэроклубы в различных городах страны.

Во второй половине 1943 года после личного обращения к начальнику училища я был снова зачислен, но уже не на пилотское, а на

штурманское отделение, которое в основном укомплектовывалось из числа курсантов, имевших полное среднее образование.

В конце апреля 1944 года, после окончания ускоренного курса обучения, в звании младшего лейтенанта был направлен на фронт в состав 15-го ОРАП (отдельного разведывательного авиационного полка) ВВС Балтийского флота в качестве штурмана самолёта-разведчика Пе-2р. Экипаж самолёта был сформирован полностью в училище (лётчик — младший лейтенант Чернов, стрелок-радист — сержант Мосяк).

В действующий авиационный полк, базировавшийся на аэродроме горы Валдай (где командиром был Герой Советского Союза майор Усачёв Филипп Александрович, а штурманом полка — подполковник Шульц), наш экипаж прибыл в первых числах мая 1944 года.

Наш экипаж был зачислен в состав 44-й авиаэскадрильи (командир майор Савченко, штурман капитан Жигалов), и после месячной подготовки (изучение театра военных действий, тактико-технических данных боевых кораблей противника, его военно-морских баз, аэродромов базирования, истребительной авиации и тактико-технических данных самолётов) начались первые боевые вылеты на разведку боевых кораблей, транспортов, судов в открытом море и на военно-морских базах (ВМБ) противника, а также его самолётов, базировавшихся на прибрежных аэродромах. Район полётов охватывал акваторию Финского залива, северную часть Балтийского моря (в радиусе действия самолётов-разведчиков Пе-2р), а также береговую черту территории противника (Финляндия, Эстония, Латвия).

Ввиду сложной метеорологической обстановки в районе Балтийского моря (частые туманы, низкая облачность, ограниченная видимость), полёты, как правило, проходили на небольших высотах (от 100 до 2000 метров) с использованием ограниченных возможностей пилотажного и штурманского оборудования самолётов-разведчиков Пе-2р.

По мере продвижения наших войск на запад и освобождения нашей территории базирование разведывательного полка часто менялось. В основном использовались аэродромы на территории бывших прибалтийских республик в районах городов Таллин, Рига, Шяуляй, Паневежис, Пярну, Паланга. Соответственно с этим и расширялась сфера деятельности самолётов-разведчиков, к концу 1944 года она охватывала среднюю и южную части Балтийского моря и территорию береговой черты, примыкавшую к ним (районы военно-морских баз Лиепая, Мемель, Пиллау, Кёнигсберг, Данциг, Гдыня, Свинемюнде).

Последние вылеты на воздушную разведку в качестве штурмана звена (с апреля по июнь 1945 года) производились с аэродрома Кольберг (Колобжек), находившегося на территории бывшей Германии. Полёты на разведку проводились и после окончания ВОВ, поскольку необходимо было контролировать переходы немецких кораблей (судов), покинувших ВМБ Либавы и пытавшихся уйти в базы, расположенные на территории Швеции.

В общей сложности за время пребывания на фронте (с мая 1944 года по июнь 1945 года) было совершено 180 боевых вылетов на воздушную разведку, в результате которой было вскрыто десятки боевых кораблей противника, транспортов в море, самолетов на вражеских аэродромах, что способствовало их уничтожению ударными силами флота (боевыми надводными кораблями, подводными лодками, ударной авиацией).

После окончания войны 15-й ОРАП перебазировался на аэродром Кагул (о. Эзель, Эстония), а затем на постоянное место базирования аэродрома Мамоново (вблизи г. Кёнигсберга, ныне Калининграда).

В 1947 году с должности штурмана эскадрильи поступил в Военно-воздушную академию на штурманский факультет, которую окончил в 1952 году. По состоянию здоровья пришлось оставить лётную деятельность и перейти на штабную работу.

Первоначально служил в штабе авиации ВМФ, занимаясь вопросами организации воздушной разведки. В 1964 году был переведён на работу в Генеральный Штаб (ГРУ), где занимался теми же вопросами, что и в штабе авиации ВМФ.

В 1978 году по состоянию здоровья ушёл в отставку в звании полковника, но продолжил работу уже в качестве гражданского служащего в одном из НИИ Генерального штаба, занимая должность старшего научного сотрудника. В 1992 году по собственному желанию (из-за ухудшения здоровья) уволился.

За время пребывания на фронте был награждён тремя орденами боевого Красного Знамени. От имени Верховного Совета СССР приказы о награждении подписывал командующий Краснознамённым Балтийским флотом вице-адмирал Трибуц, вручал награды командир полка майор Усачёв Ф.А.

Первый орден боевого Красного Знамени за №195212 получил в октябре 1944 года за успешное выполнение заданий командования по разведке немецких боевых кораблей, транспортов в Финском заливе и в Балтийском море, а также ВМБ и самолётов противника на аэродромах. К этому времени экипаж выполнил более 60 боевых вылетов.

Второго ордена за №195231 был удостоен за успешное выполнение воздушной разведки боевых кораблей и транспортов в открытом море и наведения на них ударных сил флота (подводных лодок, боевой авиации), а также за вскрытие системы ПВО военно-морских баз противника, базирования в них кораблей.

Третьим орденом за №197749 награждён в апреле 1945 года за успешное выполнение разведки ВМБ Свинемюнде (Свинеустье) в сложных погодных условиях, на предельном для самолёта Пе-2р расстоянии от аэродрома вылета (Паланга). Полёт выполнялся по заданию наркома ВМС СССР адмирала флота Кузнецова Г.П.

В мирное время был удостоен орденов: Красной Звезды, «За службу Родине» III степени, «Знак почёта», «Отечественной войны» II степени, а также 17 медалями.

За время службы в Вооружённых силах написано и опубликовано (с 1957 по 1970 год) более 25 статей в газетах «Советский флот», «Красная звезда» и порядка 10 статей в журналах «Военная мысль», «Морской сборник», «Вестник ПВО». Тематика статей касалась вопросов организации и ведения воздушной разведки, состояния сил и средств воздушной разведки, их развития в наших ВС и вооруженных силах вероятного противника. Кроме того, в своё время был подготовлен материал (воспоминания) о военно-воздушной разведке в период войны отдельными экипажами 15-го ОРАП, который в силу ряда обстоятельств не был издан.

Много времени прошло с момента окончания войны, и привести конкретные примеры (эпизоды) о проявленном героизме товарищей по совместной работе в полку сейчас сложно, поскольку человеческая память несовершенна, а специальных записей в период боевых действий делать было некогда. Однако некоторые моменты остались в памяти.

Так, в сентябре 1944 года наш экипаж получил задание на разведку кораблей в южной части Балтийского моря. Погода была очень сложной (низкая облачность 100-500 метров, видимость 2-3 км). Полёт проходил на высоте 400-500 метров. В результате поиска нами было обнаружено более десяти транспортов противника, шедших в охранении боевых кораблей. Получив радиограмму, командование приняло решение послать на уничтожение вскрытых целей ударную авиацию, а нам было дано указание навести на них самолёты-торпедоносцы и проконтролировать результаты удара.

Задачу по наведению мы выполнили, и в ходе контроля за нанесением удара мы визуально стали свидетелями героического поступка одного из экипажей самолёта-торпедоносца (командир самолёта капитан Носов). Выполняя заход на один из кораблей, он на подлёте был обстрелян зенитной артиллерией корабля противника, и подбитый самолёт пошёл на таран корабля.

Произошёл страшный взрыв, и корабль начал тонуть. Экипаж самолёта-торпедоносца погиб, но задание выполнил — ценой собственной жизни.

Другой пример из работы нашего экипажа. В начале июля 1944 года, выполняя задание по разведке кораблей в Финском заливе, одновременно мы должны были сбросить агитационные листовки в районе г.Нарва, который находился у немцев. Долетев почти до города, стрелок-радист Мосяк сообщил, что на наш самолёт заходит для атаки с задней полусферы немецкий истребитель Ме-109. Расстояние между нами катастрофически быстро сокращалось. Доложив об этом лётчику, я принял решение сбросить листовки и открыть бомболюк, где они размещались в специальной упаковке. Естественно, для лётчика немецкого истребителя это было полной неожиданностью, и он потерял нас из виду в бумажном облаке на какие-то минуты. Резко потеряв высоту, мы на бреющем полёте (50 метров) ушли от него и благополучно долетели до своего аэродрома. Основное задание было выполнено.

Попов Иван Семенович

ОПОЗНАЛ СВОЙ ТАНК ПО НАДПИСИ

Родился я в 1923 году. Моя жизнь, как и большинства людей моего поколения, трудна. Семья была большая. Кроме меня, было три брата и три сестры.

Не представляю, как мои родители могли содержать такую большую семью. Ведь отец был простым служащим на железной дороге, мать работала в колхозе. И несмотря на это мы все выросли. Старшая сестра закончила перед войной педагогический институт. Я за год до войны поступил в Московский институт химического машиностроения. Мечтал, как и родители, быть инженером.

Война изменила все наши планы. Она застала меня в родном доме. Вспоминаю, как у всех нас, особенно у молодежи, было стремление как можно быстрее попасть на фронт. Думали, что противника наша армия быстро разгромит, а мы не успеем поучаствовать в боях.

Мы добровольно шли в военкомат и просили, чтобы нас мобилизовали в армию. Через неделю после начала войны я был призван в запасной танковый полк в город Воронеж, а через некоторое время зачислен курсантом Орловского бронетанкового училища имени М.В. Фрунзе. Закончил его в мае 1942 года, получив звание лейтенант, и был направлен в 1-й механизироанный корпус, который формировался под городом Горьким, на должность командира танка, потом командира взвода.

Но прежде чем прибыть в часть, мы, молодые лейтенанты, около месяца работали на Сормовском танковом заводе. Мы воочию убедились в самоотверженности наших людей, снабжающих фронт оружием. Не только взрослые, но и подростки 14-15 лет собирали и виртуозно испытывали боевую технику перед отправкой её на фронт.

Осенью 1942 года наш механизированный корпус был переброшен по железной дороге на Калининский фронт, под город Белый. С этого времени наступила фронтовая жизнь: Курская дуга, освобождение Украины, Белоруссии, Висло-Одерская, Берлинская операции, штурм города Берлина... Трудно, спустя 60 лет после окончания войны, вспомнить все подробности боев, в которых мне пришлось участвовать. Остановлюсь лишь на некоторых из них, которые остались еще в памяти.

Непосредственно в бой мы вступили в ночь с 25 на 26 ноября 1942 года, когда наш корпус был введен в прорыв, проделанный общевойсковыми соединениями в обороне противника, с задачей к исходу 3-го дня наступления перерезать шоссе Белый-Владимирское и не допустить подхода вражеских резервов к городу Белый. В дальнейшем выйти к реке Днепр и, соединившись с войсками Западного фронта, завершить окружение Оленино-Ржевской группировки противника.

Условия, в которых проходили боевые действия, были очень трудными. Мало благоприятствовала действиям танков местность с большим количеством рек, ручьев, болот и слабо развитой системой дорог, со значительной залесенностью. На направлении действий наших танков противник создал сильно укрепленную оборону, развитую систему дотов, дзотов, минных полей и проволочных заграждений.

Погода была пасмурная, затрудняющая наблюдение за полем боя и противником. Несмотря на это наши танки продвигались вперед, нанося урон противнику не только огнем. Наблюдал, как танк младшего лейтенанта Дворникова А.Ф. с ходу раздавил гусеницами две противотанковые пушки противника.

Двигаясь на высокой скорости, танк, на котором я находился, также уничтожил своими гусеницами артиллерийскую батарею противника. Боевые действия развивались стремительно. Уже через 3 дня танкисты нашего полка совместно с мотострелковыми подразделениями освободили 10 населенных пунктов, продвинулись почти на 60 км и вышли к железнодорожной станции Никитинка, где было захвачено большое количество боевой техники, склады ГСМ и боеприпасов, 2 паровоза, 11 вагонов, уничтожено несколько десятков солдат и офицеров.

К этому времени противник подтянул свежие силы, в том числе и соединения, которые предназначались для переброски под Сталинград, создав значительное превосходство над нашими войсками. Было приказано отойти на исходные позиции. При отходе противнику наносились ощутимые потери. Так, в бою за деревню Дубки только нашими двумя танковыми ротами уничтожено и захвачено 2 противотанковые пушки, 3 орудия 75-мм калибра, минометная батарея, 4 автомашины с грузами, 3 дзота, до 50 солдат и офицеров, склад с боеприпасами.

Но и мы несли потери. Был тяжело ранен командир полка майор Павленко Е. М., потеряно несколько танков, погибло немало личного состава. Отойти на исходные позиции не удалось. Противник ударом по сходящим направлениям создал кольцо окружения вокруг корпуса. Этого можно было избежать, как я полагаю, если бы командование заблаговременно прикрыло фланги участка прорыва и вводимых в него наших войск.

Около 10 дней части корпуса вели бой в окружении, неся большие потери даже от бесприцельного огня противника. Так, одним снарядом были убиты комиссар полка майор Синцов П.Д., начальник штаба полка капитан Куприянов, командиры рот старшие лейтенанты Кузьмин и Калашников, парторг лейтенант Ларионов.

Никакой паники или недостойного поведения не было. Несмотря на то, что противник из мощных репродукторов и листовок призывал нас капитулировать, я не помню, что кто-то последовал бы этому призыву. Оптимизм таких воинов, как упомянутый мною младший лейтенант Дворников, сержант Филиппов и других способствовал поддержанию боевого настроя личного состава.

16 декабря части корпуса вышли из окружения. По мнению командования, своими действиями корпус совместно с другими войсками выполнил одну из важнейших задач. Предотвратили переброс противником значительных сил под Сталинград, где в то время шли ожесточенные сражения.

В 1943 году одним из важнейших событий для меня было участие в Курской битве. 4 августа на рассвете наш полк в составе бригады атаковал оборону противника южнее города Белгорода и за короткое время прорвал несколько его позиций. В ходе стремительного развития наступления мы оказались на краю глубокого оврага, который невозможно было преодолеть танками. На противоположной стороне находилась артиллерия противника. Мы вынуждены были обойти овраг справа, через деревни Казацкое и Стрелецкое,

так или иначе подставив борта своих танков под артиллерийский огонь противника.

В какой-то небольшой промежуток времени несколько танков были подбиты и сожжены. Сгорел и мой танк. Я не помню, как все это произошло. Очнулся во второй половине дня. На лице обнаружил ожоги, не мог встать на левую ногу, сильно болела голова. Вокруг было тихо, стрельба была слышна где-то в отдалении. Подполз к месту нахождения подбитых танков и увидел удручающую картину: несколько сгоревших танков, и большинство из них без башен. Опознал и свой танк по надписи на борту: «Дзержинец». Башня от танка находилась в нескольких метрах от корпуса. Рядом — тело моего радиста Тарасова. Других членов экипажа не обнаружил.

Вернулся в свою часть только вечером, когда подошла наша пехота. После войны узнал, что штабом полка было отправлено сообщение моим родителям о моей гибели. Штаб основывался на показаниях моего механика-водителя, который был тяжело ранен и срочно отправлен в госпиталь.

Немало погибло в этой атаке наших танкистов, среди них командир роты старший лейтенант Грибов. Он пришел к нам из кавалерии. Но мы приняли его как своего. В наших неоправданных потерях виновна в определенной степени и разведка, не предупредившая о препятствии на пути нашего наступления. Артиллерия и авиация должны были бы подавить артиллерию противника на противоположной стороне оврага. Но это не было сделано. После выхода из санбата я вновь принял роту и участвовал в боях за Левобережную и Правобережную Украину.

Отличившихся в боях наших танкистов было немало. Так, при овладении населенными пунктами Красный Луч, Петровка взвод лейтенанта Трофименко И.Д. уничтожил пушку, миномет, артиллерийскую батарею, КП противника, до 25 солдат и офицеров. Лейтенант примерно через неделю после этого погиб, вместе с ним погиб заместитель командира полка по политической части майор Власков Н.М. Это были смелые, грамотные офицеры.

В боях на Украине мы впервые встретились с такими мощными машинами, как «тигр» и «пантера», на которые противник возлагал большие надежды. Но мы быстро нашли способы борьбы с ними, используя прежде всего более высокую маневренность наших танков Т-34 для захода на их фланги и уничтожения их стрельбой по бортам, которые имели более слабую броню.

Вспоминается, как на подходе к одному из опорных пунктов противника внезапно раздались выстрелы и два наших танка были подбиты. Оказалось, что это вели огонь танки противника «тигр». Ответным огнем не удавалось их уничтожить. Было решено продолжать огневую дуэль, а одним танковым взводом скрытно совершить глубокий обход и выйти на фланг противника. Маневр удался. Один вражеский танк был подбит, а один или два ушли.

В 1944 году в Белорусской операции наш корпус входил в конно-механизированную группу генерала Плиева И. А., действующую в составе 1-го Белорусского фронта с задачей: к исходу первого дня выйти в район Вьюнищи, Оземля и своими передовыми отрядами захватить переправу через реку Птичь, на второй день овладеть пунктами Глуша, Глуск, Славковичи, в дальнейшем по обстановке наступать на Бобруйск или на Слуцк.

Местность в направлении наступления корпуса напоминала ту, которая была на Калининском фронте: болотисто-лесистая, с ограниченным количеством дорог. Оборона противника представляла сильно укрепленные позиции, оборудованные инженерно-минными заграждениями.

Наступление началось 25 июня. Наши танковые и мотострелковые подразделения, несмотря на сложные условия, успешно преодолевали упорное сопротивление врага. Рота старшего лейтенанта Волкова А.П. при подходе к населенному пункту Сопейки была обстреляна сильным огнем противника. Не снижая темпа наступления, рота атаковала и заняла противостоящий опорный пункт, уничтожила САУ «фердинанд», несколько противотанковых пушек, 2 автомашины с боеприпасами и до 20 солдат и офицеров. Особо хочется сказать о старшем лейтенанте Волкове. Он не раз отличался и до этого, и в последующих боях. Это исключительно храбрый офицер, с большим боевым опытом. Я не раз получал от него ценные советы и помощь. В одном из боев он был тяжело ранен, потерял ногу. После войны работал на одном из московских заводов.

Танкисты моей роты, действуя в передовом отряде полка, встретили сильный артиллерийский огонь со стороны опорного пункта Балашевичи. Обходом справа и ударом во фланг этот опорный пункт был взят. Уничтожено 2 противотанковых пушки, 3 станковых пулемета, до 60 солдат и офицеров, захвачено 4 пушки. Огнем роты, а также действиями других подразделений полка был воспрещен подход резервов противника и занятие им обороны по реке Птичь, что

способствовало ее преодолению подошедшими подразделениями бригады.

По мнению командования, успешно справились с поставленной задачей танкисты моей роты и в боях за переправы через реку Птичь, и в захвате города Городок. Отмечались отличные действия старших лейтенантов Рыжкова и Рысевца.

Особенно отличился экипаж младшего лейтенанта Рафиева. За день боя он уничтожил до 50 солдат и офицеров, 1 САУ «фердинанд» и другую военную технику. Танк Рафиева был подбит, но экипаж самостоятельно его восстановил, и он продолжал боевые действия. За боевые действия в районе опорного пункта Балашевичи и преодоление реки Птичь я был удостоен ордена Красного Знамени. Правительственными наградами были награждены и многие танкисты.

В боях за переправу через реку Птичь погиб командир роты капитан Хорощенко. Он прибыл в часть перед самым началом наступления, но за короткое время вызвал к себе уважение своим поведением и боевым мастерством. Наступление частей нашего корпуса, как и других войск, развивалось стремительно. Уже через 6 дней (30 июня) после начала операции был освобожден город Слуцк, 10 июля город Слоним, а к концу июля части корпуса вышли к государственной границе к реке Западный Буг.

С 25июня по 29 июля части корпуса прошли с боями 950 км, освободили 1150 населенных пунктов, уничтожили более 10 тысяч солдат и офицеров врага, более 200 танков, около 500 орудий и минометов, тысячи автомашин. И в этом немалая заслуга танкистов нашего полка

1945 год для нас начался с участия в Висло-Одерской операции. 1-й механизированный корпус имел задачу наступать в общем направлении Жирардув, Сохачев и отрезать пути отхода противника из Варшавы, а в последующем действовать в западном направлении, своими передовыми отрядами участвовать в захвате переправ через реку Одер северо-западнее города Кюстрин. Многочисленны были подвиги танкистов нашего полка, как и других частей корпуса, в этой операции. Они стремились как можно быстрее достичь логова фашистов — Берлина.

Сразу же после ввода корпуса в прорыв подразделения нашего полка вступили в бой с противником и стремительно продвигались вперед, уничтожили немало его живой силы и боевой техники. Так, в районе населенных пунктов Курчаво-Весь, Паберовице было уничто-

жено до 350 солдат и офицеров, 2 пушки, захвачено 150 солдат и офицеров и 3 пушки.

На следующий день в районе железнодорожной станции Жирардув танкисты полка уничтожили 4 тяжелые пушки, 40 повозок с грузами, 3 тягача, до 120 солдат и офицеров, захвачено 6 автомашин с грузами, взято в плен 46 солдат и офицеров. Особенно отличились в этих боях экипажи младшего лейтенанта Колосова и Собокаря. Командованием были отмечены активные действия моей роты. Решительными действиями танковых рот нашего полка в районе южнее населенного пункта Сероки была разгромлена колонна немцев, идущая по шоссе из Варшавы. Уничтожено 60 автомобилей, одна пушка, обоз из 50 подвод, убито до 350 и захвачено в плен 170 солдат и офицеров. Особенно активно действовали взводы лейтенантов Черного и Прохорова.

В ходе дальнейшего наступления в районе Смогулец танкистами полка был освобожден лагерь военнопленных американцев и англичан численностью до 1200 человек.

Успеху боевых действий танковых подразделений, как в этой, так и в других операциях способствовало применение таких боевых порядков, которые наилучшим образом соответствовали обстановке. Часто применялся фронтальный удар, когда танки на большой скорости продвигались вперед, уничтожая противника огнем и гусеницами. Танковые подразделения применялись и для обхода опорных пунктов противника, и для удара по его флангам и тылу. Нередко танковые подразделения действовали в передовых отрядах.

В такой передовой отряд от бригады 4 февраля была выделена танковая рота, которой было перидано 70 автоматчиков и две 76 — мм пушки. Командовать передовым отрядом было приказано мне. Задача ночным броском выйти к населенному пункту Цеден, захватить в этом районе переправу через реку Одер и не допустить перехода противника на противоположный берег. Было ясно, что надо упредить противника в организации обороны в районе указанной переправы. Поэтому движение совершалось в высоком темпе.

Оно началось в 17:00, 4 февраля. На пути к конечной цели, в районе Вальберг, был захвачен аэродром с оборудованием и 40 взорванных немецких самолетов. К 6:00 следующего дня, пройдя около 30 км, передовой отряд вышел к населенному пункту Цеден.

На большой скорости мы устремились через населенный пункт к переправе. Несмотря на ожесточенные попытки противника уничтожить передовой отряд, понесенные значительные потери в личном составе и боевой технике, удалось захватить и удержать переправу до подхода главных сил бригады.

Сопротивление противника было окончательно сломлено, и ему была закрыта возможность переправы на западный берег реки Одер. Было захвачено железнодорожное депо с 28 паровозами, два эшелона вагонов, аэродром с капитальными ангарами, мастерские,различные склады, 54 самолета и 10 авиамоторов.

За этот рейд в тыл противника я был награжден орденом Ленина. Различных орденов были удостоены и другие участники.

Этот рейд и бой в районе переправы через реку Одер убедили меня еще раз, как важна своевременная помощь в бою со стороны других частей и подразделений, когда эта помощь крайне необходима. Ведь если бы вовремя не подошли главные силы бригады,то наш передовой отряд был бы полностью уничтожен, и трудно было бы выбить противника из района переправы.

Подразделения нашего полка приняли самое активное участие в отражении контрудара по правому флангу наших наступающих войск так называемой померанской группировки противника. Командованием были отмечены решительные действия экипажей лейтенанта Койкова, Маврина, Дмитриенко, Дудина, Харасова и Прохорова.

Хорошо помню начало Берлинской операции. Ночь на 16 апреля, когда мы стояли на исходных позициях, осветилась несколькими десятками прожекторов, зажженных нашей стороной. Было хорошо видно, как двигались на запад наши танки и пехота. Гром от артиллерийской стрельбы и авиационных ударов невероятен. Завязались ожесточенные бои за овладение Зееловскими высотами, которые имели мощные укрепления. Несмотря на сильное сопротивление противника, наши войска с боями продвигались вперед.

Успешно наступали и танковые подразделения нашего полка. Уже к исходу первого дня ввода в бой танковые роты совместно с другими подразделениями овладели населенными пунктами Ной-Хартенберг, Бацлов, Ригенвальде, уничтожив при этом большое количество живой силы и боевой техники противника. Через два дня был захвачен важный узел шоссейных дорог Претцель, а через неделю после начала боевых действий части и подразделения корпуса подошли вплотную к Берлину.

Противник наносил по нашим войскам мощные авиационные удары и вел огонь по танкам как артиллерией, так всеми имеющими-

ся у него противотанковыми средствами. Мы несли там значительные потери.

Не могу вспомнить все конкретные действия наших танкистов при наступлении к Берлину и не располагаю на этот счет архивными данными. Изложу действия только своей роты так, как это указано в представлении меня к званию Героя Советского Союза. В наградном листе отмечалось: «Товарищ Попов, командуя 1 танковой ротой, 18 апреля 1945 года, действуя исключительно смело и дерзко, овладел сильно укрепленным пунктом обороны противника Рингенвальде, при этом лично уничтожил 2 средних танка, 1 тяжелую пушку и до 40 солдат и офицеров противника. 20 апреля 1945 года своим умелым командованием ротой атаковал правый фланг обороны противника, огнем и гусеницами своего танка уничтожил 2 самоходные пушки, 3 орудия, 12 огневых точек и до 80 солдат и офицеров. Ротой уничтожено 7 самоходных пушек, 2 танка типа Т-4, 6 орудий и до 200 солдат и офицеров противника.

21 апреля 1945 года товарищ Попов с ротой первым ворвался в пригород Берлина Вейсензее и, несмотря на сильное огневое сопротивление противника, преодолевая баррикады и надолбы, овладел тремя кварталами города, не понеся при этом потерь, в результате чего пехота продвинулась вперед».

Хотелось бы подчеркнуть, что результаты боевых действий, указанных выше, принадлежат в большей степени танкистам роты, которыми я командовал, и других танковых и мотострелковых подразделений, с которыми мы взаимодействовали.

Ожесточенный характер носили боевые действия и в самом Берлине. Город был сильно укреплен. В подвалах и на первых этажах зданий пушки, на улицах кочующие танки и орудия, замаскированные под цвет домов, много гранатометов «фауст», снайперов.

Уличные бои велись штурмовыми группами, куда входили танки, самоходные установки, автоматчики, саперы и артиллерия. Каждая штурмовая группа действовала по одной улице. Одной из таких штурмовых групп было приказано командовать мне. Боевые действия велись следующим образом: танки и самоходные установки занимали боевой порядок по улице в три ряда, причем самоходные установки продвигались по тротуарам, танки посредине улицы, ведя огонь по зданиям, окнам, подвалам. Танки и самоходные установки продвигались скачками по 50-100 метров. Автоматчики прочесывали дома, подвалы.

Несмотря на ожесточенное сопротивление противника наши подразделения продвигались вперед вплоть до полного захвата города. В отчете о боевых действиях нашего полка отмечены особо отличившиеся в боях за Берлин: танкисты ст. лейтенанты Рыжков, Попов, мл. лейтенанты Собокарь, Койков, Кубицкий, Шепелев.

Всю войну я провоевал в одном полку. Пять раз был ранен, после лечения возвращался в родную часть на свою прежнюю должность командира танковой роты.

Эта должность, как и должность командира танкового взвода, особая. В отличие от командира полка или даже батальона, командир танковой роты и взвода в бою не только управляет подчиненными и отвечает за выполнение боевой задачи в целом порученным ему подразделением, но и находится сам непосредственно в его боевом порядке, принимая на себя, как и его подчиненные, весь шквал огня противника, являясь тем самым командиром и рядовым.

За отличие в боевых действиях и службу в армии в мирное время награжден девятью орденами: Ленина, двумя Красного Знамени, тремя Красной Звезды, Отечественной войны 1 и 2 степени и двадцатью медалями. Имею благодарность Верховного Главнокомандующего Маршала Советского Союза Сталина И.В. за участие в освобождении городов Белгорода, Харькова, Слонима, Бреста, в овладении Берлином.

Пришлось участвовать в войне не только мне, но и моему отцу, который был направлен на фронт в 1942 году рядовым. В боях на Украине он был тяжело ранен. Это для него была вторая война — в первой империалистической войне он также принимал участие. Два моих брата, будучи подростками, работали во время войны на военном заводе, выпускающем военную технику.

Вспоминаю о своих фронтовых годах с одной стороны с удовлетворением, что для нас боевые действия были успешными, с другой стороны с горечью, что гибли люди, многие становились инвалидами. Всех погибших жаль. Но обиднее всего за погибших в самые последние дни войны. В боях за Берлин на моих глазах погибло немало наших солдат и офицеров, убит был и один из моих командиров взводов — лейтенант Кондаков — общительный, знающий свое дело офицер. Вспоминаю добрым словом всех погибших и оставшихся в живых моих боевых товарищей. Пусть их имена и подвиги останутся навеки в памяти потомков.

После войны я окончил Военную академию бронетанковых войск, служил в войсках, несколько лет преподавал в Военной академии.

Более десяти лет до ухода в запас служил в Генеральном штабе Вооруженных сил.

В послевоенной службе мне очень пригодился боевой опыт, приобретенный в годы войны. Этот опыт использовался с учетом изменений, происходящих в военном деле у нас и за рубежом, и прежде всего с учетом появления новых видов оружия и военной техники.

Многое из этого опыта можно использовать и сегодня, в частности, методы патриотического воспитания молодежи, как в мирное, так и в военное время, физической и моральной подготовки личного состава в соответствии с теми условиями, в которых они будут действовать в бою. Для танкистов, например, это действия экипажей в тесном пространстве танка, при высокой температуре работающего двигателя и стрельбы из пушки при ограниченном наблюдении за полем боя и противником. Это и методы взаимодействия подразделений в бою. Все эти и другие вопросы, которые можно решить на основе использования боевого опыта прошлой войны, должны стоять в центре внимания военно-научных и военно-учебных заведений, а также ветеранских организаций, в работе которых я принимал и принимаю участие.

Июль 2003 г.

В подготовке настоящих воспоминаний оказал помощь ***Новиков Алексей Святославович***, студент 1-го курса Профессионального училища №5 г. Москвы

Прудников Юрий Андреевич

ОГОНЬ НА СЕБЯ

Я родился 3 апреля 1925 года в г. Ташкенте. Русский. Православный. Во время Великой Отечественной войны в 1944 году был принят в кандидаты, затем в члены партии. В настоящее время беспартийный. Заместитель председателя и секретарь Совета ветеранов 83-й гвардейской Краснознаменной ордена Суворова Городокской стрелковой дивизии (в дальнейшем — 83-я гвардейская стрелковая дивизия). Дивизия входила в состав 11-й (16) гвардейской армии. Член совета ветеранов этой армии.

До войны окончил 8 классов 327-й средней школы г. Москвы. В январе-июле 1943 года обучался в 1-м Московском пулеметном училище (к этому периоду имел гражданскую специальность радиооператора 1 класса).

О начале войны узнал 22 июня 1941 года, находясь дома в Москве. В семье согласились с моим намерением идти работать на завод, выпускающий оборонную продукцию. Июль — август 1941 года я вместе с несколькими друзьями-товарищами по дому работал на заводе автотракторного оборудования (АТЭ-1) в Москве; точил шестерни для моторов боевых самолетов.

В боевых действиях я начал участвовать стрелком, пулеметчиком в первые дни августа 1943 года в составе 1-й стрелковой роты 1-го стрелкового батальона 248-го гвардейского стрелкового полка 83-й

гвардейской стрелковой дивизии, обескровленной в жестоких боях против немцев на северном фланге Курской дуги. Я воевал в составе пяти курсантских батальонов (около 3 тысяч человек) 1-го Московского пулеметного училища. Курсанты были почти офицерами, обладали хорошей боевой и физической выучкой, владели всеми видами стрелкового оружия, артиллерийского и минометного вооружения полка. И хотя мы были зачислены в подразделения дивизии рядовыми, моя офицерская выучка в ряде боевых действий сослужила добрую службу. Надо признать, фронтовая практика боев требовала от меня и боевых товарищей умения эффективно использовать, главным образом, стрелковое оружие, быстро окапываться, умело маскироваться, ориентироваться на местности, оказывать при необходимости первую медицинскую помощь.

Я сейчас не могу припомнить тех из нас, курсантов, кто получил офицерское звание на фронте. Хотя нередко каждый принимал по делу командоваание ротой, взводом в ходе боев, заменяя вышедших из строя офицеров.

В составе одного из курсантских батальонов я был направлен на фронт (без оружия) из Рязани 1 августа 1943 года. Выгрузились под Козельском Калужской области. Оттуда походным порядком поспешили к линии фронта. Один день на переход в расположение тылов дивизии, другой — на получение оружия (винтовок, ручных и станковых пулеметов, очень мало — автоматов), индивидуальных санпакетов. Далее распределение по подразделениям дивизии. Состоялась встреча с командиром дивизии — генерал-майором Воробьевым Я.С. Он сказал нам, что гвардейцы дивизии, если идут в атаку то во весь рост, если обороняются — то не знают, что такое отступление. В последующем я действовал как того требоваал генерал.

Мой боевой путь, начиная с 6 августа 1943 года, проходил через поселки Новая Жизнь, Слободка и другие населенные пункты северо-западнее Гнездилово Орловской области. 10 августа 1943 года участвовал в овладении райцентром и ж.д. станцией Хотынец, 15 августа 1943 года- в освобождении города Карачаев (Брянская область) — последнего, крупного узла сопротивления немцев на пути к Брянску. В период Курской битвы дивизией командовал генерал-майор Воробьев Я.С., ее 248 полком (где я служил) полковник Трухачев (погиб под Карачевом во время артиллерийского налета, похоронен в городе Сухиничи Калужской области).

По завершении Орловской операции в конце августа 1943 года 11-я гвардейская армия и в ее составе 83-я гвардейская стрелковая диви-

зия была выведена на отдых и пополнение, 6 октября 1943 года со станций Зикеево и Судимир передислоцирована через Москву в район Великих Лук (станция Кунья, восточнее 35 км).

В ноябре 1943 года близ озера Езерище я участвовал в боях по деблокированию попавших в «мешок» в районе г. Невеля Псковской области 3-й и 4-й ударных советских армий, а также в боях по освобождению северо-восточной части Белоруссии. Подготовка к наступлению была сопряжена с огромными трудностями (беспрерывные дожди, распутица, отсутствие твердых дорог). Помнится, тогда мне, как и другим воинам, ежедневно надо было на себе переносить с дивизионного обменного пункта за 12 км один 122-мм снаряд или ящик (6 шт.) 82-мм мин. Начиная с 13 и по 24 декабря 1943 г. я участвовал в так называемой Городокской наступательной операции южнее г. Невеля Псковской области в направлении на Витебск. В боях за освобождение населенных пунктов Кайки, Сучки, Старики, Третьяки, Лаптевка я обеспечивал радиосвязью командиров 2-го и 3-го стрелковых батальонов 248 гвардейского стрелкового полка.

24-25 декабря 1943 г. участвовал в освобождении г. Городок (севернее Витебска 40 км). Дивизии за успешно проведенную операцию было присвоено почетное наименование Городокской, и она была награждена орденом Красного Знамени.

Обескровленная в боях за 13 декабря 1943 г. — 14 января 1944 г. (908 человек убитыми и около 3 тысяч ранеными), 83-я гвардейская стрелковая дивизия в апреле 1944 г. была выведена в резерв Ставки Верховного Главнокомандования в район г. Невеля близ озер Лешни, Сатино (Псковская область).

После пополнения людьми и техникой в конце мая 1944 г. дивизия в составе 11-й гвардейской армии пришла ночными маршами 260 км в район Лиозно (юго-восточнее Витебска) и вошла в состав 3-го Белорусского фронта.

В дальнейшем мне довелось участвовать в операции «Багратион», начиная с 23 июня 1944 г. в районе г. Орша и в течение всей операции участвовать в освобождении населенных пунктов Рогозино, Высокое, Селище, Барсуки, Юрцево и десятков других. Общим направлением наступления были райцентр Бобр, г. Толочин, г. Борисов.

1 июля 1944 г. участвовал в форсировании р. Березины и взятии г. Борисова (70 км восточнее г. Минска). В дальнейших боях в июле 1944 г. обеспечивал радиосвязью командование 248-го гвардейского стрелкового полка с батальонами в районе Гольшаны, Варена, Ораны и другие 69 населенных пунктов Молодечненской области. 15 июля

1944 г. принял участие в овладении местечком Мothingречь и обеспечивал радиосвязью взаимодействие командира 248-го гвардейского стрелкового полка с авиационными частями при форсировании реки Неман в районе местечка Судвой. В начале августа 1944 г. участвовал в боях дивизии на советско-польской границе в районе Белянце — Борисовка. Затем — участие в боевых действиях на территории Литвы в районе г. Вилкавишки.

Освобождал: Орловская операция (6- 23 августа 1944 г.), райцентр и ж.д. узел Хотынец (11 августа 1943 г.), г. Карачев (Брянская область) 15 августа 1943г. (Западный, Брянский фронты; 83-я гвардейская стрелковая дивизия, 248-й гвардейский стрелковый полк, разные роты).

Невельско Витебская операция: 1-й Прибалтийский фронт, командующий маршал Баграмян, 11-я гвардейская армия, командующий генерал-лейтенант Галицкий, 83-я гвардейская стрелковая дивизия, генерал-майор Воробьев, Маслов, 248-й гвардейский стрелковый полк, командир полковник Лушников, полковник Сироткин Д.И.; г. Городок 25 декабря 1943г.

Операция «Багратион»: 3-й Белорусский фронт, командующий генерал-полковник Черняховский М.Д, 11-я гвардейская армия, командующий генерал-лейтенант Галицкий К.Н., 83-я гвардейская стрелковая дивизия, командир генерал-майор Маслов; 248-й гвардейский стрелковый полк, командир полковник Сироткин Д.И.

Райцентры: г. Толочин (27 июня 1944 г.), Бобр (28 июня 1944 г.), Крупки (3 июля 1944 г.), г. Борисов (1 июля 1944 г.); Гольшаны, Варена, Ораны (4- 7 июля 1944 г.); в Литве — Меречь, Прелаи (15 июля 1944 г.).

Восточно — Прусская операция: 3-й Белорусский фронт, командующие генерал-полковник Черняховский И.Д., маршал Василевский А.М.; 11-я гвардейская армия, командующий генерал- полковник Галицкий К.Н.; 248-й гвардейский стрелковый полк, командиры майор Дадонов, подполковники Лукашов, Матэльянес; 114-й отдельный гвардейский батальон связи, командир майор Борисов.

Взятие: 18- 20 октября 1944 г. г. Вирбалис, г. Кибартай, г. Эйдткунен; 23 октября г. Шталлупенен, Варнен; 25 октября Вальтеркемен; январь 1945 г. пункты Ромау, Фуксберг, Виккбольд, Людвигсвальде; 6-9 апреля 1945 г. г. Кенигсберг; 25 апреля 1945 г. г. Пиллау (командование тоже).

Участвовал в боях по уничтожению хайлсбергской группировки немцев юго-западнее Кенигсберга. На заключительном этапе Восточно-Прусской операции я принимал участие в штурме Кенигсберга 6-

9 апреля 1945 г.; 25-26 апреля в морском десанте и бою на косе Фриш Нерунг в составе сводного отряда 83йгвардейской стрелковой дивизии (командир генерал-майор Рыжиков). Командовал десантом заместитель командира дивизии полковник Белый, стрелковыми подразделениями десанта гв. майор Митраков и гв. майор Волкодав. Группу связистов (13 чел.) в этом бою возглавлял гв. старшина Красников. Из боя вышло 112 человек живых и раненых. Этим боем закончилось участие 83-й гвардейской стрелковой дивизии, естественно, и мое в Великой Отечественной войне.

Ранения: тяжело контужен 31 декабря 1943 г. с потерей слуха и нарушением речи. Лечился в медсанбате дивизии, по излечению вернулся в строй 248-го гвардейского стрелкового полка, назначен на должность начальника рации батальона в звании гв. сержанта. Ротой связи полка командовали старшие лейтенанты Мурзин, Звягин и другие офицеры.

Под деревней Ваньки 3 марта 1944 г. был легко ранен в руку, лечился в медсанбате дивизии; по излечении вернулся в 248-й гвардейский стрелковый полк на ту же должность.

16 августа 1944 г. при форсировании р. Неман был легко ранен в ногу (пулевое сквозное ранение). По излечении в медсанбате дивизии возвратился в 248-й гвардейский стрелковый полк на должность начальника рации 248-го гвардейского полка.

Военно-медицинской комиссией при Фрунзенском райвоенкомате Москвы 15 июля 1945 г. был признан годным к нестроевой службе по последствиям контузии и ранениям и уволен в запас.

Награжден: орденом Красного Знамени №236135 приказом командующего 11-й гв. армии от 16 мая 1945 г. за выполнение боевого задания во время десанта на косу Фриш Нерунг 25- 26 апреля 1945 г., в частности за обеспечение радиосвязью стрелковых подразделений десанта с командующим 11-й гв. армии.

Орденом Отечественной войны 1 степени №1390453 указом Президиума Верховного Совета СССР от 11 марта 1985 г. — за мужество и стойкость при защите СССР в период Великой Отечественной войны.

Орденом Красной Звезды №1054334 приказом командира 83-й гв. стр. дивизии от 10 февраля 1945 г. №05/4 за выполнение заданий командования по обеспечению радиосвязью 248-го гв. стр. полка с подразделениями при вторжении на германскую территорию в Восточной Пруссии.

Орденом Славы 3 степени №37048 приказом командира 83-й гв. стр. дивизии от 19 января 1944 г. №05/4 — за обеспечение радиосвязью 2-го и 3-го батальонов 248-го гв. стр. полка при освобождении г. Городка и Городокского района Белоруссии.

Медалью «За отвагу» №674667 приказом командира 248 гв. стр. полка от 6 ноября 1943 г. №025/н — за образцовое выполнение боевых задач в период Курской битвы.

Медалями: «За победу над Германией», «За взятие Кенигсберга», «Ветеран труда», и еще 15 медалями, связанными с юбилейными датами победы и Советской Армии и т. п., а также за добросовестную работу в СЭВ.

На войне погиб брат Вадим Андреевич Прудников.

Остался живым брат Виктор Андреевич Прудников, шофер отдельного противотанкового дивизиона, был ранен под Варшавой.

Из собственных публикаций могу назвать две статьи — в газете «Ветеран» в феврале 2002 года,№8, с. 2 статья «Чествуют ветеранов», в газете «Калининградская, правда» за май 1985 года «Последний бой на косе Фриш — Нерунг»; неопубликованных произведений не имею.

Выступление по Всесоюзному радио 8 мая 1985 г. в связи со встречей в Москве ветеранов 83-й гв. стр. дивизии по случаю сорокалетия Победы.

Публикации обо мне: газета «Красный воин» Московского военного округа, 9 мая 2002 г. (стр. 18) опубликовала статью (на треть полосы) полковника в отставке Синикчиянца А.М. под названием «Последний бой — он трудный самый». Газета Городокский вестник в номере от 24 декабря 1999 г. (стр. 2) опубликовала статью «Облик Победы» (Белоруссия), автор Л. Мукомола; Брошюра-сборник «Свет победы», издательство ООО «Корделия 2000»,2003 г. Москва, стр.35-36, статья «Последний бой он трудный самый», автор П.Т. Ушанова.

* * *

В конце апреля 1945 г. мне довелось участвовать в последнем бою, проведенном 83-й гвардейской Городокской Краснознаменной ордена Суворова стрелковой дивизией на Земландском полуострове. Здесь, после ликвидации крупной группировки противника в Кенигсберге, 11-я гвардейская армия и в ее составе наша дивизия штурмовали город и крупную военно-морскую базу немцев.

Передо мной и другими пехотинцами была поставлена задача — высадиться со стороны моря десантом на забитую войсками и техни-

кой немцев косу Фриш—Нерунг и во взаимодействии с другим десантом, действовавшим со стороны залива Фриш Гаф, перерезать коммуникации врага на косе и тем самым облегчить и ускорить окончательный разгром немецких войск в районе Пиллау. Для решения этой сложной задачи из стрелков, минометчиков, бронебойщиков и связистов 83-й гвардейской дивизии был сформирован сводный отряд численностью около 650 человек под командованием заместителя командира дивизии полковника Л.Т. Белого.

Но как справиться «сухопутным» гвардейцам 83-й дивизии с непривычными для нас боевыми действиями морских пехотинцев? Мне пришлось учиться азам десантирования в тренировочных дневных и ночных занятиях по посадке на корабли и высадке десанта с моря, по защите от воды оружия, боеприпасов, рации.

Я участвовал в отработке вопросов обеспечения радиосвязью управления стрелковыми и другими подразделениями десанта во взаимодействии с флотом, артиллерией, штабом армии.

Вечером 25 апреля 1945 г. к причалам в порт Пальмникен подошли малые боевые корабли Балтфлота — сторожевики, торпедные катера, всего их было около 25 единиц. Перед посадкой состоялся краткий митинг. Прибывшее из штаба дивизии и корпуса начальство призывало участников десанта к образцовому выполнению последнего, боевого задания дивизии. Я понимал, что вернутся из этого десанта немногие. Еще вчера и позавчера солдатами были написаны письма домой, оказавшиеся для большинства последними. Послал письмо и я своей любимой девушке — маленький, на четвертушку, листочек, который любимая моя бережно хранила всю жизнь. Уходя в десант, я верил, что недалек тот день, когда окончится нашей победой война, вернутся фронтовики к своим семьям, женам, и жизнь будет другая, радостная и счастливая.

В ночь на 26 апреля 1945 г. отряд погрузился на корабль и вышел в море. Однако скрытно достигнуть расчетного района высадки на косу нам не удалось: более крупные суда немцев обнаружили нас, подвесили на парашютах осветительные ракеты. В ночном артиллерийском бою были потоплены 2 наших катера. Надо сказать особо, моряки наши сражались отважно — всего 3 или 4 бронекатера, имевших артиллерийское вооружение, прикрыли огнем своих орудий высадку десанта, потопили вражеский корабль.

Вот в серой предрассветной мгле показались очертания берега. Катера на малом ходу шли к берегу и вскоре уткнулись в прибрежную отмель. Прыгаю по горло в леденящую воду. А на спине — вещ-

мешок с резервными батареями, на шее — автомат. Моряк подает на вытянутые мои руки завернутую непромокаемо рацию. Только бы не накрыло и не сбило волной. Невдалеке зовут на помощь тонущие и раненые.... Через несколько десятков шагов уже мельче по грудь, по колено, и уже гремит русское «ура». Ведя огонь из стрелкового оружия, забрасывая врага гранатами, мы с ходу овладели первой линией траншей и блиндажей противника, взяли в плен несколько сот солдат и офицеров врага. Однако в ходе боя мы несли потери, и нас оставалось все меньше. Поэтому вместе с другими стрелками заняли круговую оборону в траншеях врага, отстаивая занятый плацдарм. С рассветом противник, обнаружив малочисленность десанта, начал яростные, практически беспрерывные контратаки против десанта. Мне, как и многим другим десантникам, включая раненых, надо было беспрерывно вести автоматно-пулеметный огонь, в ход пошли трофейное оружие, гранаты. Не раз я участвовал в рукопашной схватке с врагом, и мы не отступили ни на шаг. В критический момент кровопролитного боя мне удалось напрямую связаться по рации с командующим армией — генералом Кузьмой Никитовичем Галицким. Голос генерала по мощной рации гремел в наушниках: «Где Белый, почему молчали? Доложить обстановку!» Докладываю я — гв. старшина Прудников, начальник рации стрелкового батальона: «Где находится Белый — мне неизвестно, а молчал из-за невозможности развернуть свою рацию — немцы беспрерывно контратакуют, кругом кипит бой, надо отбиваться». Выйти на связь должен был Белый через армейскую рацию. (После окончания боя выяснилось, что армейские радисты группа из 3-4 человек ответственные за связь командира десанта со штабом и командующим 11-й гв. армии погибли при высадке десанта.)

Как недавно стало известно, полковник Л.Н. Белый со штабом был пленен немцами, однако отбит умелыми действиями разведчиков 250-го гв. стр. полка (В. Цуранов «Бой и вся жизнь». Калининград, областной совет ветеранов войны, труда, вооруженных сил и правоохранительных органов. 1995 г., с. 210, 211). Видимо, по этой причине мы не находим фамилии полковника Белого среди имен 8 участников десанта, удостоенных звания Героя Советского Союза.

Рация сержанта Карташова для связи Белого со стрелковой группой десанта молчала — он получил пулевое ранение в левое плечо и грудь. Николая Карташова, а также Петра Белякова телефониста, раненного вражеской пулей в живот навылет, мне удалось вынести из боя, перевязать с помощью пленного немца — врача, имевшего хорошие перевязочные средства. До сих пор восхищаюсь стойкостью и жизнелюбием этих русских богатырей, победивших смерть в, казалось бы, безвыходном положении: оба выжили. По излечении в госпиталях оба понемногу пожили у моей мамы в Москве летом 1945 г., набираясь сил перед дорогой на Родину.

По найденной у убитого командира роты карте я уточнил расположение боевых порядков стрелковой группы десанта и вызвал огонь нашей артиллерии на себя. Разметанные мощным огневым налетом цепи немцев ослабили контратаки десанта. Несмотря на многочисленные потери враг не оставил яростных попыток сбросить десантников в море. В условиях скоротечного боя мне удалось еще несколько раз выйти на связь, корректируя работу нашей артиллерии. Это позволило десанту удерживать захваченный плацдарм, препятствовать организованному отходу врага по косе в сторону Данцига. Наши части ускорили форсирование пролива Фриш—Гаф и завершили разгром вражеских войск на косе. За обеспечение радиосвязью боевых действий десанта 83-й гв. стр. дивизии 16 мая 1945 г. я был награжден командиром 11-й гв. армии генералом Галицким орденом Красного Знамени.

Расскажу о том, как проводили время между боями. Трудно писать об этом от первого лица, как и весь материал, поскольку я, как и каждый из нас, не был свободен от выполнения боевых задач

Прежде всего — это круглосуточное несение боевого дежурства на радиостанции, готовность в любой момент передавать поступающую информацию командиру; профилактический ремонт техники, замена источников энергии (батарей, аккумуляторов), радиоламп и др. Приведение в порядок личного оружия. В необходимых случаях (а так бывало не редко) посещение ремонтной радиомастерской (при штабе дивизии), несение караульной службы.

Обучение молодых и малоопытных радистов, прошедших за 1-2 месяца обучение, и просто практиков из грамотных солдат умению работать на р./станции, обеспечивать ее сохранность в боевых условиях.

Было и личное время, когда я писал письма домой и любимой девушке, по которой очень тосковал именно вне боя.

Важным делом было, по возможности, соблюдение личной гигиены (баня, бритье, стирка личного белья и т. п.).

Были, конечно, политинформации, выпуск боевых листков, комсомольские собрания (я был комсоргом роты связи 248-го гв. стр. полка). Вечерами в землянках я пел вместе с друзьями песни, близкие по настроению — «Синенький скромный платочек», «В землянке», «Ого-

нек», «Ермак», «Ой да ты, калинушка», «Славное море — священный Байкал». Я не принимаю стихов, хотя в дивизионной и фронтовой газетах их публиковали довольно часто. Кинофильмы, концерты были редким исключением, особенно в зимнее время. Многие песни переписывались от руки, и воины обменивались ими. У многих наших бойцов, вызволенных из плена, было несколько стихов безымянных авторов, например, «Я вернусь к тебе, Россия», в которых были отражены и тоска по Родине, и уверенность в победе над захватчиками.

Письмо

Восточная Пруссия,18.05.45

Милая моя Геличка!

Мне не хотелось писать тебе «маленькой» весточки, я ожидал момента, чтобы сообщить о себе более подробно.

Гелюша! Ты, наверное, получила мое письмо от 25 апреля, где я сообщал тебе, что скоро должен отправиться в опасный и трудный «рейс». Я написал тебе об этом потому, что не хотел тревожить мать. Ведь мы шли почти на не отвратимую ни чем смерть,...то была довольно-таки дерзкая операция. Мы высаживались морским десантом на косу Фриш — Нерунг, южнее Пиллау. Немцы располагали более чем десятикратным превосходством по численности и вооружению. «Дело» получилось так. Около полуночи мы погрузились на катера, и вышли в открытое море. Прошли км 40 на юг; здесь нас поджидали корабли немцев. Нас обнаружили. И вот отсюда-то и началось. Мы приняли неравный бой; несколько катеров с десантниками и командой утонуло. Медлить было нельзя. На тихом ходу пошли к косе. Конечно, фрицы нас встретили, как следует. Наши славяне тоже дружно били из автоматов по берегу, траншеям, пулеметным площадкам немцев. Около трех ночи мы высадились на берег. В р./станции, запасные аккумуляторы и батареи — все было водонепроницаемо. Об этом мы позаботились еще в Пальмникене. Несмотря на волну и леденящую воду, нам удалось быстро выбросить на берег боеприпасы, пулеметы и минометы. И в 20 м от воды начали бой, почти что рукопашный. На первых порах взяли 600 «гансов». Но охранять их было некому, так как нас становилось все меньше. Освещая место высадки, в море горели два наших катера и один немецкий сторожевик.... Нашим лозунгом в тот момент были слова вперед, вперед и только вперед! В месте высадки коса имела всего лишь 800- 900 м ширины. Необходимо было ее перерезать и занять прочную оборону; ожидая действий другой десантской группы и удара наших войск с севера. Отступать было некуда. И мы дрались, как никогда за всю войну...с рассвета до 3-х- 4-х дня, фрицы отчаянно жали нас. Их было много, нас же — мало. Мы также израсходовали значительное количество гранат и патронов. Ты знаешь, Гелюша, ведь, я когда-то был пулеметчиком. Пришлось вспомнить эту специальность. Когда убило первого номера, и кончились ленты, я забросил приемник и взял автоматы. Их у меня было четыре — два наших и столько же фрицевских! Это было большим счастьем. В нашей маленькой группе (фрицы нас расчленили и окружили) даже раненые заряжали диски автоматов, а нередко сами вели огонь, кидали гранаты. Два раза бились в рукопашную. Пришлось довольно-таки туго. К третьему дню из 27 нас осталось 8 чел. и тысячи полторы автоматных патронов. Еще бы 30- 40 мин. боя и нам пришел бы конец.

К великому счастью, этого не случилось; наши подошли с севера на помощь, погнали фрицев на юг в сторону Данцига. Трудно, Геля, описать тот момент, когда мы соединились со своими... Мы потеряли очень много своих товарищей, но отомстили сурово, втройне, даже больше... Но мне зачастую приходит во сне тот бой, который мы, оставшиеся в живых, его участники, никогда не забудем. Все участники десанта награждены не ниже ордена Отечественной войны 1 ст. Меня представили к ордену Ленина.

Гелюшенька! Поздравляю тебя с нашей Победой, я искренне надеюсь, что нам скоро удастся встретиться в Москве или же где-нибудь недалеко от столицы! Когда это произойдет, не знаю, но до середины лета

Посылаю тебе, Гелюшенька, собственный снимок — «Я и мой аккордеон»!

Жди, скоро приеду.

Крепко целую и обнимаю мою любимую Гелю.

Июль 2003 г.

В подготовке настоящих воспоминаний оказала помощь ***Никитина Людмила Евгеньевна***, студентка 1-го курса Московского авиационного института

Сеселкин Дмитрий Кузьмич

РАЗВЕДЧИК

Я, Сеселкин Дмитрий Кузьмич, родился 7 ноября 1924 года в городе Пензе. Молодые годы свои провел в городе Давлеканово (Башкирия).

В этом городе издавна жили немцы, может быть, еще со времени Екатерины II, которая разрешила им здесь поселиться и возделывать пустующие земли. Держались они обособленно, и хотя большинство из них хорошо знали русский язык, между собой говорили только по-немецки. Еще бегая с голым пузом по пыльным улицам, я уже знал с добрый десяток немецких слов. Были у меня среди немецкой детворы и дружки-приятели. Отец у меня был человеком, уважаемым в городе — мастером хлебопечения.

В школе я не гонялся за пятерками по-немецкому. Они посыпались на меня сами, как будто только и ждали этого момента целых двенадцать лет. Так же легко давалась и физкультура. Ловкий и сильный, я давно обратил на себя внимание «физкультурника». Я записался в секцию бокса. Теперь все свое свободное время проводил в спортивном зале. Наконец, настало время серьезных соревнований... Впереди, несомненно, была Москва, столица, новые встречи — новые победы! До войны окончил в 1941 году школу. И вдруг безотказное время вселенским хрустом переломилось и понесло всех в неизвестном направлении. Война!

Узнал о начале войны, когда мне было всего семнадцать лет. Я отправился прямиком в военкомат, но военком отклонил мое заявление уйти добровольцем на фронт. По ходатайству горкома комсомола г. Давлеканово я был призван в ряды Красной Армии. Учли, что я был мастером спорта по боксу и хорошо знал немецкий язык.

По спецнабору меня направили в танковую школу. Занимались мы по двенадцать часов в сутки, потому что, помимо наших танков, изучали еще и вражескую технику. Там я научился водить немецкие танки Т-III, мотоциклы «цундап» и бронетранспортеры различных марок. По окончании школы я получил удостоверение механика-водителя 3 класса. На другой день после выпуска в школу прибыл майор из разведуправления. Он отобрал шесть человек, включая меня, и увез нас в тульские леса (г. Козельск), где размещались краткосрочные курсы разведчиков при спецразведшколе разведывательного управления Генерального штаба Красной Армии. Учили нас там капитально. Были среди преподавателей и немецкие антифашисты. Коммунисты и даже бывшие офицеры вермахта учили всему, что необходимо знать разведчику. И вот в июне 1942-го нас, курсантов-разведчиков, по чьему-то недосмотру или халатности, бросили в бой, в пятую команду в одну из пехотных частей 3-й танковой армии генерала Романенко, чтобы остановить прорвавшиеся на одном из участков фронта фашистские танки. Получил обер-лейтенанта на воинской должности командира разведгруппы под командованием начальника разведотдела армии полковника Шулькина Л.М.

Боевой путь: Тула, Воронежский фронт, Сталинград (1942), битва на Курской дуге (1943), Белгород (1943), Харьков (1943), Киев, Правобережная Украина (конец 1943), Львов, Перемышль, Польша (река Висла), Берлин (весна 1945), Прага (весна 1945).

Военные боевые действия закончил под Прагой (где был сильно ранен) в воинской должности командира разведгруппы в составе 3-й гвардейской танковой армии под командованием генерал-полковника Рыбалко П.С.

Возвращался с войны из Берлина, куда был госпитализирован на некоторое время в результате серьезного ранения, в Москву.

ПЕРВЫЕ ПОТЕРИ

Там, куда мы прибыли на первый бой, оборону держала какая-то пехотная часть. Так как противотанковое ружье мы еще не проходили, нас всех сделали вторыми номерами.

На всю жизнь запомнил я своего первого номера. Это был пожилой, лет под сорок, солдат в обгоревшей короткой шинели. Звали его дядя Костя. Пока готовились к бою, он, не спеша, словно на занятиях, объяснил мне, как устроено ПТР и как из него стреляют. «И вот еще что... будешь наводить на цель, мушку опусти на миллиметр ниже», — предупредил он. Оказалось, что оружейные мастера до сих пор не удосужились выверить мушку, поврежденную при артналете. «А как же ты, дядя Костя, стреляешь?» — удивленно спросил я. «Так вот и стреляю, беру на миллиметр ниже». «Ну, ты даешь, дядя Костя! И много ты с такой мушкой танков подбил?». «Сколько надо, столько и подбил», — угадав насмешку, огрызнулся бронебойщик.

Когда показались неприятельские танки, я, выглядывая из укрытия, стал их считать, но вскоре сбился со счета; они двигались огромным бронированным стадом, загораживая друг друга, «Большинство Т-III, я на них...» Я вовремя проглотил. Еще мгновение, и я бы проговорился, разгласил то, что должен был держать в строжайшей тайне: учебу на спецкурсах. Даже пэттеровцам, с которыми лежали в паре у бронебоек, будущие разведчики не имели права говорить это. Для всех мы были обыкновенные курсанты обыкновенной танковой школы, готовящей механиков-водителей. Дальше я попросил уже без всяких обьяснений: «Ты потом дашь мне стрельнуть?» «Доживи сначала до «потом», — отозвался солдат, — А потом проси...»

И тут почти одновременно заговорили танковые пушки и пулеметы и застучали противотанковые ружья. Зачадил первый вражеский танк. Умолкла первая бронебойка, намытая снарядом.

Я четко выполнял свои несложные обязанности второго номера. Между мной и дядей Костей неожиданно для обоих установилось полное взаимопонимание. Вскоре мы отметили и свой первый удачный выстрел: пуля угодила прямо в бензобак, и из него широким огненным кустом вырвалось пламя...

Из танка, который шел чуть правее, резанули по их ячейке пулеметной очередью. Когда я поднял голову, увидел неподвижно лежащего дядю Костю. Пуля попала старому солдату в глаз и снесла ползатылка. Танк, обстрелявший нас, сейчас шел прямо на меня. Схватил ПТР и торопливо спустил курок. Мимо!.. Вражеская машина угрожающе надвигалась. Я выстрелил еще раз и снова промазал. Теперь меня от танка отделяли какие-нибудь пятьдесят метров. Стало страшно: неужели конец? И тут я вспомнил, чему нас учили на курсах: ни при каких обстоятельствах не терять хладнокровия!

И только подумал так, как вспомнил наставление дядя Кости. Чуть опустил мушку и выстрелил. Больно ударило в плечо. А танк все полз. И вдруг метрах в десяти он стал разворачиваться на месте. Что это с ним? И тут я увидал, что с танка быстро разматывается гусеница. От радости, что остался жив и что, к тому же, подбил бронированное чудовище, я чуть не заплакал.

Через несколько минут ко мне подполз незнакомый лейтенант и спросил фамилию. Я сказал. « Молодец, не растерялся!» — похвалил тот и, достав замерзшими руками карандаш и блокнот, добавил: «Подожди запишу... Сеселкин Дмитрий Кузьмич... Какой взвод?» — «Пятая команда», — ответил я. Больше ничего я не имел права говорить о себе.

А на другой день построили всех оставшихся в живых курсантов и ПТРовцев. И какой-то капитан из пехоты вышел на середину и выкрикнул: «Сеселкин, пятая команда, выйти из строя!». Я сделал несколько шагов вперед: «За то, что товарищ Сеселкин Дмитрий Кузьмич подбил фашистский танк, командование награждает его боевой медалью “За отвагу”».

Другие курсанты тоже получили медали. Немцы понесли большие потери в танках и пехоте. Но и наших полегло немало. Только из моей команды погибло двое. Потом кому-то за это здорово влетело. Так, во всяком случае, поговаривали...

ПЕРВАЯ РАЗВЕДКА

Стоял август сорок второго. На истерзанную, всю в воронках, окопах и следах гусениц, землю опускался теплый летний вечер.

Разведгруппа, которую возглавил старший лейтенанг Пантелеев, состояла из восьми человек. Кроме меня и самого Пантелеева, в нее входили мой близкий друг Сергей Жарков, Иван Просяной, Юрий Белоглазов, Костя Вовченко, Кумбеев (у него было какое-то заковыристое казахское имя, которое никто не мог выговорить. Потому и звали парня на русский манер Сашей). Восьмым был сапер, весь увешанный металлом. Помимо личного оружия — автомата с запасными дисками и пистолета, он тащил на себе гранаты, миноискатель, саперную лопатку, кусачки, ножницы и другой необходимый инструмент. Похоже, он не в первый раз сопровождал разведчиков. Ничто на нем не брякало, не звенело. Чтобы заставить молчать столько железа, надо было заранее все предусмотреть и рассчитать.

Тогда наиболее сильное впечатление произвел на меня Саша Кумбеев. Прибыл он в разведку с чехлом за спиной, в котором аккуратно были уложены десять длинных сверкавших ножей. «Ты, браток, часом не ошибся адресом? поинтересовался Серж. Кухня вон, в лесочке! Там одного повара не хватает». А тот на это засмеялся: «А ну, кто из вас посмелее, становись к стене, буду ножичками обкалывать». Один вышел, встал. « Только, чур, не шевелиться! А то худо будет!» — предупредил новенький. Ну, этот, что первым вызвался, струхнул малость: « Да ну тебя! Ищи себе дураков в другом месте!». И отказался быть живой мишенью. Тогда встал Юра Белоглазов из Новосибирска. Так Саша его со всех сторон ножами обколол, нигде не оцарапал. Оказалось, что Саша Кумбеев до войны был циркачом, по всей стране выступал с этим опасным и эффектным номером. Конечно, в разведку направили его неслучайно: мог без шума, с расстояния, снять любого часового. Правда, прибегали к его эстрадному искусству не часто. Разведчиков больше интересовали живые фрицы, а не покойники. Всем Саша был хорош, только вспыльчивый очень. Чуть что не так, и уже глазами сверкает. И в бою тоже злее его не было. Приходилось придерживать.

Зато, когда выдавались свободные минуты, охотно дурачился и показывал разные фокусы. Погиб он где-то на Правобережной Украине. Но это случится потом. А тогда, когда мы шли в свою первую разведку, о Кумбееве знали лишь, что он бывший циркач и ловко бросает ножи. Перед разведгруппой подполковником Лобановым была поставлена задача — добыть «языка», желательно из штабных офицеров, на худой конец из интендантов или связистов, также неплохо информированных.

Внимательно выслушав последние напутствия и указания подполковника Лобанова, мы двинулись к «ЗИСу», который должен был доставить нас к переднему краю. Командир встал на подножку, подождал, пока ребята заберутся в кузов. «Все сели?» спросил он. «Все, кроме Димчи, — ответил Серж. — Он только рассаживается». Тихо засмеялись. Машина тронулась. Пока ехали, незаметно стемнело.

Остановились в полукилометре от передовой. Дальше пошли пешком. Небо то и дело освещали ракеты. Где-то лениво переругивались автоматы. Изредка в их перебранку вклинивался пулемет.

Место перехода линии фронта было определено заранее. Там не раз побывали подполковник Лобанов и старший лейтенант Пантелеев. Они досконально изучили систему огня противника, знали расположение наблюдательных пунктов и минных полей.

Вот и передний край. Окрик часового: «Стой! Кто идет?». Старший лейтенант Пантелеев назвал пароль. В ответ прозвучал отзыв. Нас уже поджидали саперы стрелковой части, полковые разведчики — их помощь была крайне нужна: они знали здесь каждый бугорок и кустик.

«Пора!» — сказал старший лейтенант Пантелеев. Не больше четверти часа потребовалось саперам, чтобы проделать проход в проволочных заграждениях. Выходило у них все мастерски: пока один держал проволоку, другой ее перекусывал. Затем концы осторожно разводились в стороны. Дыра получалась небольшая и аккуратная — только чтобы пролезть одному человеку и нигде не зацепиться за колючки.

Первыми по-пластунски поползли и исчезли в ночной мгле Серж и Юрка Белоглазов. Оба отличались исключительно острым слухом и зрением. Потому их и назначили в головной дозор. Один за другим мы просачивались в расположение противника. Я замыкал восьмерку. Я подал знак саперам, чтобы они заделали проход и тихо уходили. Первые полкилометра продвигались уверенно. Разбуди ночью — могли бы, не задумываясь, показать, где расположены огневые точки и боевое охранение противника. А вот дальше простиралась неизвестность. Командир разведгруппы пустил вперед сапера с миноискателем. Теперь он шел вместе с дозорными. Правее траншей находилась роща, которая, как рассчитывали разведчики, на первых порах надежно укроет их. Но тут Серж подал сигнал: замереть и никаких движений! Каждый застыл на своем месте. В небо взмыла яркая ракета, широко освещая местность. За ней пошли вверх вторая, третья... Совсем близко застучал пулемет. В недолговечных паузах между ракетами разведчики бесшумно ползли к лесу. Но вряд ли бы им удалось незаметно уйти из опасной зоны, если бы не артиллеристы, которые открыли огонь по пулеметной точке и загнали всех немцев в укрытия, отвлекли на себя внимание.

Пока разведгруппа добиралась до рощи, сердце у меня прямо готово было выпрыгнуть из груди. Меня охватил страх. Правда, не столько за себя, как было в том памятном поединке с танком, сколько за исход первой в жизни разведки в тыл противника. Мысли же о возможной смерти, ранении и даже плене я прогонял, как расслабляющие и недостойные разведчика. Убедившись, что поблизости в роще нет немцев, позволили себе короткую передышку. Старший лейтенант Пантелеев еще раз напомнил всем пароль и отзыв при возвращении. Затем, уточнив задачу, приказал: « Жарков, Кумбеев и Сеселкин,

пойдете в дозоре. Будем идти за вами примерно в трехстах метрах. Ясно?» - «Ясно !» ответил я. «Подъем» — тихо скомандовал старший лейтенант. Мы поднялись и, пропустив вперед дозор, через некоторое время двинулись следом. Первым в дозоре шел глазастый Серж, он-то и разглядел тянувшийся по траве кабель. «Димча, доложи командиру!» — сказал он мне. Такую возможность упускать было нельзя, и старший лейтенант Пантелеев приказал радисту Вовченко подключиться к вражеской связи. Выставив дозоры, приступили к подслушиванию. Иногда Вовченко передавал трубку мне, так как я лучше других разбирался в немецкой разговорной речи. Это была линия, связывающая командный пункт полка с батальонами.

Больше всего старшего лейтенанта беспокоило, не заметили ли чего немцы? Ясно, что их что-то встревожило, иначе от чего бы они стали пускать ракеты и строчить из пулемета. Целый час мы потратили на то, чтобы из редких разговоров выудить какие-нибудь сведения, представляющие для нас интерес, например, приказ командира немецкого полка усилить посты и выдвинуть еще немного вперед боевое охранение.

Неужели что-нибудь заметили? Но в этом случае уже вовсю шли бы поиски. Как бы то ни было, пора сматываться.

Ночь сберегала нас, как мать родная. (Сравнение ночи с матерью пришло в голову Сержу, который нет-нет, да и изрекал что-нибудь веселенькое.) Пройдя километров десять — двенадцать, мы повернули в сторону деревни Сорокино. К пяти часам утра отмахали оставшиеся километры. Старший лейтенант Пантелеев навел место для засады. Это был перекресток двух дорог. Однако занимался рассвет, и нам ничего не оставалось, как перенести операцию на следующую ночь. Неподалеку мы обнаружили овраг, весь поросший камышом и кустарником. По дну протекал ручеек. Отсюда можно было незаметно наблюдать за дорогой и в считанные секунды добраться до перекрестка. Шлях проходил от нас в каких-нибудь двухстах метрах, и отчетливо, невооруженным глазом, были видны опознавательные знаки частей и номера машин. Нескончаемым потоком шла боевая немецкая техника: танки, самоходки, тягачи с орудиями, бронетранспортеры, грузовики с пехотой и боеприпасами. Все подсчитывалось, записывалось, анализировалось. Вскоре стало ясно, что немцы перебрасывают свежую танковую дивизию СС. Осталось узнать — какую? Ответ на это вопрос мог дать только «язык».

Были минуты, когда жизнь наша висела на волоске. Дважды к нам в овраг спускались и набирали воду в термосы немецкие солдаты. Во

второй раз нашу группу отделяло от них всего несколько шагов. Немцы смеялись, разговаривали, шутили, и я понимал почти каждое слово. Обыкновенный разговор обыкновенных людей. Глядя на них, было трудно поверить, что эти простые веселые парни в помятых черных комбинезонах по приказу командиров или своей волей могут быть хуже зверей. Могут убивать, насиловать, грабить...

Днем прошли основные части, и к вечеру потянулись обозы. Но и их вскоре не стало. Изредка проходили машины, проезжали подводы. Когда немножко стемнело, разведчики короткими перебежками вернулись к перекрестку. Там залегли по обе стороны шляха. Каждый знал, что должен делать! Пролежав целый день в овраге, мы имели достаточно времени, чтобы основательно обдумать различные варианты. С дороги разведчиков не было видно: кусты и маскировочные халаты хорошо скрывали человеческие фигуры. Вот прошел, густо обдав пылью, огромный «Бюссинг» с панцер-гренадерами. Потом спустя десять минут проскочило несколько мотоциклов, по три вооруженных гитлеровца на каждом. Проехали два тягача с орудиями. Снова наступил долгий перерыв. И вдруг все услыхали неторопливый цокот копыт, скрип колес и невнятную немецкую речь. Старший лейтенант Пантелеев подал команду: приготовиться! Вскоре показалась подвода, запряженная здоровым битюгом. На ней восседали три подвыпивших фашиста. Один явно был каким-то начальником. Командир разведгруппы поднял автомат и скрестил над головой руки. Это означало: стрельбу не открывать, брать живыми! Когда подвода поравнялась с засадой, разведчики одновременно бросились на немцев. Ближе других ко мне и Сержу был старший из гитлеровцев. Когда его стащили на землю, по погонам увидели, что это унтер-офицер интендантской службы. Не успел он ойкнуть, как ему в рот загнали кляп, а самого «спеленали». Он испуганно вращал глазами. Два немца, что сидели впереди, попробовали оказать сопротивление. Один из них даже вырвался и заорал. Блеснули ножи, и оба навеки угомонились. Схватка продолжалась самое большее две-три минуты. У убитых вывернули карманы, забрали документы и оружие.

Надо было поторапливаться, вдали темноту уже бороздили огни фар. Прежде всего следовало уничтожить следы схватки. Бросив убитых и «языка» на подводу, внимательно осмотрели дорогу и обочины: не наследили ли где? Быстро, почти вслепую, замели места, где натекла вражеская кровь, натоптали сапогами. Конечно, при внимательном осмотре, да еще утром, все это обнаружится, но к тому времени мы, надо думать, будем уже далеко. Радист Вовченко сел за

вожжи и тронул коня, хладнокровно взиравшего на уничтожение своих прежних хозяев. Мы двинулись пешком за подводой. Через полчаса свернули с дороги и углубились в первый же лес. Там выпрягли битюга и прогнали его в чащу, подводу же с убитыми забросали ветками.

Старший лейтенант Пантелеев принял решение выходить к своим по ближайшему — второму — варианту. Когда до линии фронта оставалось не больше двух — трех километров, вдруг почуяли сильный запах синтетического бензина. Где-то поблизости стояли немецкие танки. Решили обойти это место стороной. Как всегда, двигались осторожно, выслав вперед дозор. В него опять попали два друга — я и Серж. О том, что до переднего края уже рукой подать, можно было судить по близкой пальбе. Пахло дымом и пороховой гарью. Шагавший впереди Серж вдруг остановился. Я тихо подошел к нему. «Здесь где-то должна быть землянка, — шепнул Жарков, — зови командира». Когда старший лейтенант Пантелеев подошел, Серж доложил ему о своих опасениях: «Как бы, товарищ старший лейтенант, не заскочить к ним в гости... на чашечку кофе! Вон как благоухает!» — «Сейчас проверим, — сказал командир разведгруппы и достал карту. — Накройте кто-нибудь плащ-палаткой!» Его аккуратно накрыли, и он долго, подсвечивая себе фонариком, изучал карту. Наконец определил место, где они находились. «Вон там должен протекать ручей, — показал он и добавил, складывая карту. — Мы вышли правильно. Где-то здесь — Серж прав — должен быть блиндаж». «Димча, — обратился он ко мне, — проверь левую сторону, а ты, Серж, правую.»

Осмотрев все вокруг и не обнаружив блиндажа, я повернул обратно. Жарков уже был там. Все стояли кучкой. Тут же под охраной Кумбеева нервно переминался с ноги на ногу «язык». Понимая, что в предстоящем броске он будет находиться между двух огней, пленный бросал на всех злобный взгляд и возбужденно вертел головой. Чтобы привести его в чувство, Кумбеев поднял ему подбородок. Это было прямое предупреждение о том, что его ни на минуту не выпустят из виду и что при первой попытке удрать он получит свою порцию свинца. Старший лейтенант обрадовался, увидев Димчу: « А я уже хотел посылать за тобой. Блиндаж тут, в двухстах метрах. Давайте сходите вдвоем еще раз, проверьте, может, там никого нет, раз не видно часового...»

Осторожно ступая, я и Серж двинулись к блиндажу. По дороге разошлись, чтобы потом зайти с двух сторон. Когда мы уже были метрах в десяти-пятнадцати от блиндажа, раздался окрик: «Хальт!»

Серж назвал пароль, который сообщил пленный. Часовой полоснул на голос очередь из шмайсера. Раненный в бедро и руку, Жарков упал и, прижимая к себе автомат, покатился по земле в сторону, отвлекая внимание от меня. Немец снова отстучал короткую очередь. Тогда я, заходивший справа, ударил из автомата по вспышкам. Часовой упал и больше не поднимался. На выстрелы из блиндажа выскочил перепуганный немец. За ним еще один. Обоих срезали очередями подоспевшие разведчики. Тех же, кто оставался в блиндаже, забросали гранатами. И тут ожил лес: послышались крики, слова команд, беспорядочная стрельба. Надо было быстро уходить. Двое несли на руках раненного Сержа, двое едва не волочили по земле «языка», который вдруг стал проявлять строптивость. Отстреливаясь, все двигались к ручью, за которым начинались проволочные заграждения. Старший лейтенант Пантелеев пустил в сторону выхода группы две красные ракеты. Теперь наши знали, где собирались выходить разведчики. Десятки огненных трасс секли воздух. Если бы не ночь и не старый лес, своими толстыми стволами преграждавший путь многим пулям, наверно, мало кто из нас остался бы в живых. Чтобы дать возможность группе захвата с пленным унтером и раненным Сержем оторваться от преследования, группа обеспечения, состоявшая из старшего лейтенанта Пантелеева и меня, прикрывала товарищей огнем. Мы то прижимали короткими очередями к земле наседавших гитлеровцев, то кидали гранаты. А остальные продолжали отходить. Вот и долгожданный ручей. И на этот раз бойцам здорово повезло. Они вышли именно в том месте проволочных заграждений, где была порвана колючка. Когда они, обдирая руки в кровь и разрывая одежду, преодолели остатки проволочных заграждений, по противнику открыла огонь наша артиллерия. Она била по заранее засеченным целям и огневым точкам. Особенно у нас поднялось настроение, когда на выручку бросились, отсекая гитлеровцев длинными и короткими очередями, автоматчики.

Разведгруппа вышла прямо на мотострелковую бригаду. Задание было выполнено...

Награжден:

- 3 медали «За отвагу»;
- 2 ордена Красного Знамени;
- 2 ордена Отечественной войны I степени;
- 2 ордена Красной Звезды;
- другие медали.

Был тяжело ранен под Прагой в1945, когда обгорел в танке, из экипажа которого мне удалось уцелеть одному. Был вначале отправлен на лечение в госпиталь в Берлине, а затем в Москву. Окончательную госпитализацию проходил в Челябинске. Период лечения продолжался 2,5 года.

Старший брат генерал-майор Сеселкин Виктор Кузьмич и младший брат рядовой Сеселкин Александр Кузьмич погибли в битве на Курской дуге (1943).

Декабрь 2002 г.

В подготовке настоящих воспоминаний оказал помощь ***Мизове Рустам Анатольевич***, студент 3-го курса Московского авиационного института

Сехин Василий Ефимович

СЛУЧАЛОСЬ, КОГДА УБИВАЛО ЛОШАДЬ, НА НЕЕ НАЛЕТАЛИ ИЗГОЛОДАВШИЕСЯ СОЛДАТЫ

Родился 3 апреля 1921 года в селе Лопатни Клинцовского р-на Брянской области. Русский, православный христианин. Состоял в КПСС с 1944 — по 1991 гг., в ВЛКСМ — с 1938 г. до 1944 г.).

В 1938 году окончил Пушкинский (Ленинградская область) рабфак и в том же году поступил в Ленинградский политехнический институт им. М.И. Калинина, три курса которого закончил до начала Великой Отечественной войны. О начале войны услышал по радио 22 июня 1941 года. В тот же день я сдавал последний экзамен за 3-й курс института и готовился к поездке в Крым, на отдых. Вместо Крыма с однокурсниками в составе Выборгской дивизии народного ополчения, в которую мы вступили добровольно, я оказался на Карельском перешейке, здесь мы сооружали укрепленную линию обороны. В июле 1941 года по приказу командования студенты-ополченцы были отозваны из дивизии и направлены для прохождения обучения в военные училища. Я был распределен в 3-е Ленинградское артиллерийское училище, которое закончил в феврале 1942 года в звании лейтенант.

Для прохождения дальнейшей службы я был направлен в 100-й артиллерийский полк 93-й стрелковой дивизии, которая проходила переформирование в р-не г. Дзержинска Горьковской области. Командовал полком очень грамотный, интеллигентный командир — подпол-

ковник Жолудков, о котором у меня сохранились хорошие воспоминания. Приказом по 100-му артполку я был назначен заместителем командира 4-й батареи. Со 2-й половины 1942 года 93-я стрелковая дивизия вела тяжелые оборонительные бои в районе г. Белый Калининской области. Все материально-техническое обеспечение 100-го артполка и дивизии в целом осуществлялось по тракту Нелидово—Белый автомобильным, конным и конно-вьючным транспортом. Тракт проходил по лесисто-болотистой местности. Начиная с ноября месяца, по тракту невозможно было проехать даже в повозках, так как грязь была выше их ступиц. Обеспечение Калининского фронта шло по железной дороге со станции Нелидово, которая подвергалась систематическим бомбардировкам вражеской авиации. Я был назначен начальником обоза по доставке продовольственных грузов со станции Нелидово в расположение полка. Это 12-15 км от станции. Временами манку и сухари приходилось собирать лопатами из разбомбленных вагонов. Калининский фронт запомнился мне как самый тяжелый. Неделями не видели крыши над головой, портянки буквально сгнивали на ногах, мучил педикулез. С большой радостью я встретил приказ по 100-му артполку №012 от 13 января 1943 года об откомандировании меня в распоряжение командующего артиллерией. Приказом по 1326-му легкому артиллерийскому полку (ЛАП) № 3 от 26 января 1943 года я был назначен на должность командира 5-й батареи. Полк входил в состав 71-й легкой артиллерийской бригады (ЛАБр) 5-й гвардейской Сталинградской артиллерийской дивизии прорыва Резерва Главного командования, которая проходила переформирование в р-не г. Коломна. Командовал полком майор Пелевин, не имевший достаточного боевого опыта, что повлекло за собой тяжелые последствия сразу же по прибытии на Западный фронт. Зато командир бригады полковник Фефелов был высокоэрудированным, в совершенстве знающим артиллерийскую науку, по-отечески добрым командиром. Под его командованием в составе 1326-го ЛАП и в должности командира батареи я прошел Западный, Ленинградский и 2-й Украинский фронты. Боевой путь 5-й гвардейской Сталинградской артдивизии, 71-й ЛАБр, 1326-го ЛАП проходил через сотни больших и малых населенных пунктов, так как дивизию перебрасывали с фронта на фронт, по направлению главного удара наших войск. Так, для осуществления стратегической наступательной операции Ленинградского фронта на Выборгском направлении наша дивизия с Западного фронта в мае 1944 г. была переброшена на Карельский перешеек.

Нашим войскам предстояло преодолеть вражескую оборону, насыщенную дотами, проволочными заграждениями и минными полями.

После мощной артиллерийской подготовки 10 июня 1944 года, уничтожения и подавления огневых точек противника наши войска без больших потерь преодолели упорное сопротивление вражеских войск и овладели городом Выборг. 5-я батарея, которой я командовал, первой из артиллерийских подразделений вошла в Выборг вместе с передовыми частями стрелковых подразделений. Врагу был нанесен сокрушительный удар, который, в конечном счете, привел к перемирию с Финляндией. В июле 1944 года наша дивизия была переброшена на 2-й Украинский фронт в район Ясс, для подготовки и осуществления Ясско-Кишиневской стратегической операции в период с 20 по 29.08.1944г. Разгром вражеских войск в Ясско-Кишиневской операции лишил Германию и фашистский режим Антонеску вооруженной опоры в Румынии, создал решающие условия для успеха антифашистского вооруженного восстания, свержения диктатуры Антонеску и выхода Румынии из войны на стороне Германии. До победного завершения ВОВ вместе со своей батареей и в составе 5-й гвардейской Сталинградской артдивизии я прошел по полям сражений Румынию, Венгрию, Словакию и закончил военные действия под Веной, в населенном пункте Ладендорф, в звании капитан 9 мая 1945 года.

Уже после официального объявления о капитуляции Германии некоторые части фашистской армии продолжали боевые действия. 9 мая осколком фашистской мины, выпущенной из миномета, я был легко ранен в левую ногу и направлен на лечение в госпиталь 3255 в городе Шахи (Чехословакия). После излечения в госпитале был оставлен для прохождения службы в Центральной группе оккупационных войск, в должности командира учебного дивизиона 25-й артиллерийской дивизии прорыва РГК, дислоцированного в г. Баден (Австрия). В соответствии с моей просьбой, приказом Главнокомандующего Центральной группы войск № 01334 от 29 мая 1946 года я был уволен в запас. В июне 1946 г. прибыл в г. Ленинград, восстановился в Ленинградском политехническом институте им. Калинина на 4 курс (три курса закончил до войны). Институт закончил в феврале 1949 года по профессии инженер-механик.

За годы Великой отечественной войны награжден следующими боевыми орденами.

Орденом Красной Звезды № 372789 приказом 5-ой гвардейской Сталинградской артиллерийской дивизии прорыва РГК №0121 от 14

октября 1943 года, подписанным командиром дивизии гв. генерал-майором артиллерии Ивановым. Награда была вручена в фронтовых условиях 7 ноября 1943 года гв. генерал-майором артиллерии Ивановым. Награжден за уничтожение огнем батареи немецкого самолета «Хейншель-109» и подъехавшей к нему автомашины. Дело обстояло так. Западный фронт, в состав которого входила наша дивизия, вел оборонительные бои на территории Могилевской, Витебской, Смоленской областей. Моя батарея занимала огневые позиции примерно в 4-х км от нашего переднего края обороны, в районе станции Починок. 3 октября, по непонятной причине, в 4,5 км от переднего края обороны, на территории противника совершил посадку указанный самолет, к нему сразу подъехал автомобиль типа «пикап». Медлить было недопустимо. Я напрямую доложил об этом командиру 71-й артиллерийской бригады полковнику Фефелову и попросил разрешения на уничтожение цели. Со снарядами положение было критическое. В батарее на каждом орудии оставалось лишь по 8 снарядов. Стрельба разрешалась только в самых критических ситуациях с разрешения командира бригады. Разрешение на уничтожение цели я получил, с условием уничтожения её максимум 3 снарядами, в противном случае «Я оторву тебе голову». Меня выручило то, что недалеко от цели у меня был пристрелянный репер. Рассчитав координаты, я сделал перенос огня от репера, и 2-й снаряд попал прямо в самолет. Поднялся столб огня и дыма, была уничтожена также подъехавшая к самолету машина и все солдаты, находившиеся рядом с ней. Помню, какое ликование это вызвало у наших солдат. По всей траншее переднего края в течение 5 минут не смолкало громогласное «Ура», а меня с неделю донимали корреспонденты фронтовых газет.

Орденом Отечественной войны II степени № 176095, приказом 3-го артиллерийского корпуса прорыва №020 от 9 июля 1944 (Ленинградский фронт). Награда мне была вручена во фронтовых условиях в конце июля 1944г. гв. генерал-майором артиллерии Ивановым. Награжден за уничтожение 7 автомашин и подавление 12 огневых точек противника в процессе сопровождения наступающих стрелковых подразделений огнем и колесами при взятии г. Выборг. Огнем батареи было уничтожено около 70 солдат и офицеров противника.

Орденом Красного Знамени № 171668, приказом 53-й армии 2-го Украинского фронта № 0334 от 19 ноября 1944г., подписанным командующим армии генерал-лейтенантом Моногаровым, который вручил мне орден во фронтовых условиях в конце ноября 1944 г. В процессе уничтожения Ясско-Кишиневской группировки вражеских войск огнем батареи только за один бой было уничтожено около 700 солдат и пленено 228 солдат и офицеров противника. Подробнее об этом будет сказано ниже, в разделе воспоминаний о войне.

Орденом Ленина № 21599, указом Президиума Верховного Совета СССР от 24 марта 1945 года, подписанным М.И. Калининым. Награда мне была вручена командующим 2-м Украинским фронтом, Маршалом Советского Союза Р.Я. Малиновским в апреле 1945 года. Привожу выписку из наградного листа, подписанного командиром 1326-го ЛАП гв. подполковником Казак и начальником штаба полка ст. лейтенантом Масловым от 11 октября 1944 года, дословно: «При отражении атаки противника в р-не Периам-Несак 26-29 сентября 1944г. командир батареи старший лейтенант Сехин показал себя смелым, решительным и стойким командиром. Враг при поддержке танков, самоходных орудий и бронетранспортеров 26.09.1944г. перешел в контратаку с целью перерезать дорогу Периам-Вериам, пустил на батарею тов. Сехина до 18 танков, 15 БТР. Положение создалось трудное, пехота противника обходила боевые порядки батареи тов. Сехина, но тов. Сехин, презирая смерть, не жалея своих сил и самой жизни, проявил образцы мужества, героизма и лично сам руководил отражением контратаки. В результате боя батарея уничтожила 2 танка, 8 станковых и 2 крупнокалиберных пулемета, до 12 бронетранспортеров. В разгар боя 26 сентября 1944 г. пал смертью храбрых командир взвода, вышел из строя расчет одного орудия. Тов. Сехин сам стал у орудия и лично продолжал вести огонь по пехоте противника. В результате боя было уничтожено до 2-х рот пехоты противника. В один из тяжелых моментов боя, когда боеприпасы были на исходе, противник, подбрасывая резервы, обходил батарею справа и слева. Батарея оказалась во вражеском полукольце.

Тов. Сехин приказал: «Сражаться до последнего снаряда! Не дать врагу прорвать наш передний край!»

Огневые расчеты, воодушевленные мужественным поведением тов. Сехина, героически вели огонь до последнего патрона, задержали врага и, измотав его силы, уничтожив при этом до роты солдат, отбросили на исходный рубеж. За беспримерный героизм, умение воодушевлять своих бойцов на боевые подвиги и искусство одержать победу над численно превосходящим врагом, беззаветную любовь к Родине, ст. лейтенант Сехин представляется к высшей награде - ордену Ленина».

От себя скажу, что в этом бою солдаты, сержанты и офицеры батареи проявили массовый героизм и самопожертвование. Все они были закаленными в боях воинами, обладавшими высокой военной выучкой. Вместе со мной командиры орудий ст. сержант Сорокин, сержант Шмаков, наводчик Тютин, оставшиеся в живых, также были награждены орденами Ленина. Командиры взводов и оставшиеся в живых солдаты и сержанты были награждены орденами Красного Знамени, а павшие командир взвода, командиры орудий и солдаты — всего 26 человек — были награждены посмертно орденами Отечественной войны. Память о них сохранится на всю жизнь в моем сердце.

Орденом Отечественной войны I ст. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 11 марта 1985 года, подписанным Председателем Президиума тов. Черненко. Награда вручена Райвоенкомом Киевского р-на г. Москвы в мае 1985г. Награжден за храбрость, стойкость и мужество, проявленные в борьбе с немецко-фашистскими захватчиками, и в ознаменование 40-летия Победы советского народа в Великой Отечественной войне 1941-1945годов.

Орденом Дружбы № 0502 Указом Президента Российской Федерации от 26 апреля 1995г., подписанным Президентом Российской Федерации Ельциным. Награда вручена Председателем Всероссийского Совета Ветеранов (пенсионеров) войны, труда и правоохранительных органов тов. Труновым в мае 1995г. Награжден за активное участие в ветеранском движении и патриотическом воспитании молодежи.

Медали: «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941-1945гг.», «За взятие Будапешта», медаль Жукова и другие в количестве 12 штук.

В войне погиб брат Сехин Александр Ефимович в 1941 году под г. Вязьма в звании полкомвзвода. В 1946 году безвременно скончался в возрасте 60 лет мой отец Сехин Ефим Анофриевич от перенесенных лишений и страданий в период оккупации 1941-1944гг. В живых остались два брата, инвалиды Великой Отечественной войны — Сехин Дмитрий Ефимович рождения 1914 года, награжден Орденом Славы III степени, Красной Звезды, Отечественной войны I и II степени, медалью «За отвагу» и другими медалями и Сехин Петр Ефимович рождения 1919 года, награжден Орденом Отечественной войны I степени, медалью «За отвагу» и другими медалями.

Я являюсь автором книги «Печатный монтаж», изданной в 1965 году издательством «Служебная информация» с грифом «Секретно» и «Интегральные полупроводниковые схемы и перспективы их применения», изданной этим же издательством в 1968г. с грифом «Секретно». Мною, в период с 1957 по 1993гг., опубликовано 18 научных статей по электронной и электровакуумной тематике, кроме того имею научные труды, не подлежащие опубликованию.

27 июня 1997 года я был избран действительным членом Международной Академии информатизации (Диплом №10-9200).

* * *

Все дальше в глубь истории уходят грозные годы войны, но время не властно предать их забвению, исключить из памяти те эпизоды войны, в которых довелось принимать личное участие.

Мне пришлось воевать на Калининском, Западном, Ленинградском и 2-м Украинском фронтах, о чем частично описано выше. Наиболее тяжелым для меня был Калининский фронт, где наши войска в период сентябрь 1942 — февраль 1943г. вели оборонительные бои. Ощущались громадные трудности с обеспечением боеприпасами и продовольствием. Случалось, когда убивало лошадь, на неё налетали изголодавшиеся солдаты, и буквально через час от неё оставался хвост и копыта. Многие солдаты страдали от недостатка витаминов — болели цингой. Поэтому приходилось отваривать сосновые побеги и пить отвар. Надо сказать, что это оказалось действенным средством в борьбе с цингой. Настоящим бедствием для солдат был педикулез, передвижных бань в то время не было. У себя на огневых позициях батареи пришлось соорудить баню по-черному, здесь камни накалялись докрасна, и над ними дезинфекцировали одежду солдат.

В январе 1943 года я был откомандирован с 100-м артполком 93-й стрелковой дивизии Калининского фронта и назначен на должность командира батареи 1326-го легкого артиллерийского полка 71-й легкой артиллерийской бригады 5-й гвардейской Сталинградской артиллерийской дивизии прорыва РГК, которая проходила переформирование в районе г. Коломна. В составе дивизии наш полк был направлен в июле 1943г. на Западный фронт, в район Могилев-Витебск, где велись оборонительные бои. В этот период заметно лучше было продовольственное обеспечение, солдаты кушали досыта, сказывалось наличие подсобного продовольствия — картофеля. Хотя с обеспечением боеприпасами ощущались трудности, особенно с артиллерийскими снарядами. Командовал нашим полком майор Пелевин, ранее воевавший на Северном фронте. К сожалению, боевым опытом

он не обладал, и это сказалось буквально в первые дни прибытия на фронт. На рекогносцировку местности он собрал взводы управлений всех батарей и дивизионов и скопом двинулся к переднему краю обороны. Предчувствуя неладное, я дал указание своему командиру взвода управления дистанцироваться от всей колонны хотя бы метров на 300-400. Буквально через 10-15 минут наша колонна подверглась мощному артобстрелу немцев. Мы, еще не вступивши в бой, понесли значительные потери. Майор Пелевин был тяжело ранен, ему оторвало осколком снаряда руку. Вместо него командиром полка был назначен гв. полковник Кузин, оказавшийся очень знающим артиллеристом, обладавшим высокими личными качествами — храбростью, мужеством и любовью к подчиненным. К сожалению, в боях под Ленине, когда полк поддерживал брошенную в наступление 1-ю Польскую дивизию им. Тедеуша Костюшко, он был убит прямым попаданием вражеского снаряда. Это случилось 12 сентября 1943г. Для моей батареи этот день памятен тем, что орудия батареи находились в боевых порядках этой дивизии, мы поддерживали ее огнем и колесами.

Наступательная операция дивизии успеха не имела, так как из-за ограниченности в снарядах огневые точки противника полностью уничтожены не были, к тому же на этом участке фронта отсутствовала наша авиация. Дивизия, понеся значительные потери, вынуждена была отступить на исходный рубеж обороны. В мае 1944 года наша дивизия была переброшена на Ленинградский фронт для осуществления Выборгско-Петрозаводской стратегической операции на Карельском перешейке, которая началась 10 июня 1944 года.

После могучей артиллерийской подготовки, в результате которой была уничтожена глубоко эшелонированная система укреплений, насыщенная дотами, дзотами, долговременными ходами сообщения, при массированной поддержке авиации наши войска прорвали линию обороны. Моя батарея двигалась в боевых порядках пехоты, прямой наводкой уничтожая огневые средства противника. Вместе с передовыми частями пехоты батарея первой из артиллерийских подразделений вошла в г. Выборг. Противник не ожидал столь мощного удара и быстрого продвижения наших войск. Помню, когда мы вошли в город, я со своими разведчиками зашел в баню. В ней еще была горячая вода и натопленные залы. В буфете стояло бутылочное пиво, чем не приминули воспользоваться мои солдаты, в том числе и я. А мой ординарец целый вещмешок загрузил бутылками с пивом и закусочными сухариками, других закусок и спиртного не оказалось. Победное завершение этой стратегической операции было предрешено, как и вывод Финляндии из войны в целом.

Позади остались грозные и тяжелые 1941, 1942, да и 1943 годы, когда враг использовал свои преимущества. Наступила иная пора. Правда, противник был все еще силен и оказывал яростное сопротивление. В июле месяце 1944г. наша дивизия была переброшена на 2-й Украинский фронт, для осуществления Ясско-Кишиневской стратегической операции. Огневые позиции моей батареи разместились практически на переднем крае обороны для ведения огня прямой наводкой. Помню, ночь на 20 августа 1944 года выдалась немного прохладной, под утро выпала обильная роса, и над низиной стлался туман, что несколько затрудняло ведение огня прямой наводкой по целям.

С нетерпением ждали рассвета. На батарее все бодрствовали и ждали команды на открытие огня. Шесть часов пять минут. Из-за холмов медленно всходило солнце, туман рассеивался. Шесть часов десять минут. Команда открыть огонь. Громовой грохот, какого не знает природа, раздался в это утро над участком прорыва главной полосы вражеской обороны. Четыре тысячи орудий и минометов разных калибров возвестили о начале нашего великого наступления. Оставшиеся в живых немецкие и румынские солдаты рассказывали, уже будучи пленными, они буквально были ошеломлены и деморализованы. Орудия батареи перемещались вместе с наступающей пехотой. По мере продвижения в глубину вражеской обороны наши бойцы стали попадать под пули и снаряды. Орудия батареи прямой наводкой расстреливали огневые цели. Сопротивление противника нарастало. Но решительное превосходство наших войск, к тому же поддерживаемое превосходящими силами нашей авиации, все глубже загоняло немецкие войска в готовящийся котел окружения. Уже 24 августа в этот котел попало 18 пехотных дивизий. Кольцо окружения сжималось, началось массовое истребление и пленение окруженных войск. Гитлеровцы шли толпами, обезумевшие, потерявшие управление.

Помню случай. На огневые позиции моей батареи, расположенной на полевой дороге, идущей через глубокую балку, двинулась пытавшаяся вырваться из окружения 258-я немецкая дивизия. Фашисты рассчитывали, что на этой полевой дороге не столкнутся с нашими войсками, и действительно, кроме моей батареи в радиусе 3-4 км не было ни пехоты, ни артиллерии. Батарею спасло то, что орудия и орудийные расчеты были вкопаны в землю по всем правилам фортификационного искусства. С дистанции 200м все орудия и 4 трофей-

ных пулемета «МГ-12», которые также были на вооружении батареи, открыли ураганный огонь по движущейся колонне. Для противника это явилось неожиданностью. В этом бою батареей было уничтожено около 700 солдат и офицеров противника, 228 было взято в плен, в том числе командир дивизии, который был сдан службе «Смерш». За истинно массовый героизм в этом бою все офицеры, сержанты и солдаты батареи были награждены правительственными наградами. Я был награжден орденом Красного Знамени. После завершения уничтожения окруженной группировки наши войска продвигались к румынско-венгерской границе, на которой было встречено ожесточенное сопротивление противника. В р-не Периам-Носаки батарея один на один столкнулась с контратакующими немецкими дивизиями — танковой СС «Мертвая голова» и моторизованной СД «Полицай». Об этом тяжелейшем за все годы войны испытании, выпавшем на долю батареи, рассказано выше — в наградном листе на орден Ленина.

Воспоминания о войне, о пережитом хочется закончить выдержкой из стихотворения любимого поэта А.Т. Твардовского:

«В этот день, когда окончилась война
И все стволы палили в честь салюта,
В тот час на торжестве была одна,
Особая для наших душ минута.
В конце пути, в далекой стороне,
Под гром пальбы прощались мы впервые
Со всеми, что погибли на войне,
Как с мертвыми прощаются живые».

Слухай Иван Андреевич

ОСТАВАЛОСЬ СДЕЛАТЬ ТОЛЬКО ОДИН ШАГ

Родился 5 декабря 1924 года в селе Успенка Зилаирского района Башкирской АССР. В 1927 году совместно с родителями переехал в село Васильевку Екатерининского района Оренбургской области.

В 1983 году вступил в члены ВЛКСМ. В 1939 году закончил 7 классов Григорьевской НСШ, Екатерининского района. В сентябре 1939 года начал учебу в 8-м классе Никольской средней школы. В октябре этого же года по путевке райкома комсомола как отличник учебы был отобран на работу учителем младших классов в связи с призывом учителей — мужчин на службу в Красную Армию. С октября 1939 года по конец 1941 года работал учителем, а затем заведующим Бузульской начальной школы Екатерининского района.

В конце 1941 года подал заявление о добровольном вступлении в Красную Армию, а в начале 1942 года был направлен в отряд народного ополчения, а затем в Одесское военное пехотное училище, которое дислоцировалось в г. Уральске Казахской ССР.

В конце января 1942 года направлен на фронт. Командовал взводом, ротой, был комсоргом батальона полка в 73-й гвардейской стрелковой Сталинградской дивизии.

После успешного выполнения задания назначен на должность помощником начальника политотдела 113-й стрелковой Нижнеднестровской дивизии по комсомольской работе, в которой и закончил Великую Отечественную войну в звании напитана.

За время боев был трижды ранен: при форсировании Днепра, при форсировании Днестра, при форсировании Дуная.

За период боевых действий мне пришлось участвовать или быть свидетелем событий, которые наряду с другими, остались в моей памяти на всю жизнь. Вот один из эпизодов.

Шестые сутки шел неравный бой. Гвардейцы под командованием капитана Вершигорова, отражая яростные атаки врага, защищали накануне захваченный плацдарм на западном берегу Северского Донца, под Белгородом, в районе поселка Соломине. Кончилось продовольствие, на исходе боеприпасы, с каждым часом все меньше и меньше оставалось защитников «малой земли». Второй день не было связи с командованием. Телефонные провода, проложенные через реку,посечены осколками, кончилось питание для радиостанции. Как дальше вести бой? Как лучше выполнить боевую задачу? Что делать с тяжелоранеными, остро нуждающимися в медицинской помощи? Эти и другие вопросы неотступно преследовали молодого командира батальона.

Комбат решил послать подробное донесение о сложившейся обстановке вышестоящему командованию. Для этого надо было подобрать воина, способного под шквальным огнем фашистов, под покровом ночи переплыть реку и доставить донесение.

Найти такого человека было поручено мне. Я остановился на кандидатуре коммуниста, младшего сержанта Старыгина А.В. Александр Васильевич мое предложение принял сразу. Командир батальона согласился с названной кандидатурой, но, поскольку задание было сложным и ответственным, он решил посоветоваться с коммунистами, единовременно довести боевую задачу на предстоящую ночь и следующий день.

Вечерело. Красный диск солнца прятался за кроны деревьев, росших на высоте, занятой противником. Яркими лучами било прямо в глаза, не позволяя вести прицельный огонь по противнику. Зато фашистам окопы советских воинов были видны как на ладони.

Комбат ждал захода солнца — только ночью можно было вынести в укрытые места раненых, доставить в окопы очередные скудные порции патронов и гранат, покормить людей, встретиться с командирами рот, уточнить план дальнейших действий.

Коротка летняя ночь. На войне научились использовать каждую ее минуту.

Вот и теперь. Еще не наступили сумерки, а по окопам уже пошла команда:

— Коммунистов к комбату!

Один за другим — кто ползком, кто перебежками — стали собираться члены и кандидаты в члены партии. Их было немного — три командира стрелковых рот, командир взвода, два пулеметчика и три минометчика. На почерневших, осунувшихся лицах собравшихся — глубокая усталость.

— Товарищи! — начал комбат, — все вы знаете, что нас осталось немного. Но плацдарм отдать врагу мы не можем. А прежде всего надо накормить людей, обеспечить боеприпасами. Я решил посоветоваться с вами, как быть дальше.

В блиндаже воцарилось молчание. Оно длилось минуту — две. Затем заговорили сразу все. Суть предложений сводилась к одному — ночью послать связного к командованию, доложить обстановку и попросить помощи. Нашлись и добровольцы.

— Разрешите мне переправиться на левый берег, товарищ капитан?

На середину блиндажа выступил высокий, плотный младший сержант.

— Я хорошо умею плавать и, главное, ныряю отлично. Пока фрицы опомнятся, я на той стороне буду.

Взгляды присутствующих скрестились на залившемся румянцем рыжем человеке, стоявшем по стойке смирно.

Комбат на минуту задумался, а затем, считая вопрос о выборе кандидатуры для себя решенным, обратился к рыжеволосому здоровяку.

— Товарищ Старыгин. Вы понимаете, на что идете? Ведь каждый квадратный метр реки просматривается и простреливается. И хотя сейчас ночи темные, шансы остаться незамеченным очень незначительны. Подумайте еще раз хорошенько о своем решении.

— Я, товарищ капитан, еще днем думал об этом, — не унимался младший сержант. — Даже выработал план действий. Вот смотрите.

Старыгин развернул листок бумаги и быстро, как бы боясь, что могут не дать договорить, стал объяснять свой нехитрый замысел. Комбат повеселел. Ему определенно нравился план сержанта.

— Этому человеку можно доверить выполнение любого задания, — вступил в разговор и командир минометной роты лейтенант Ермаков. — Он под Сталинградом и не такие задания выполнял.

Хорошо отозвались об Александре Старыгине и другие коммунисты. После короткого обсуждения был утвержден с некоторыми изменениями и его план форсирования реки.

В 00 часов 10 минут на правом фланге батальона внезапно разразилась стрельба. Наши бойцы, умело имитируя подготовку к атаке, передвигались по траншеям, вели интенсивную ружейно-пулеметную стрельбу. Противник не замедлил открыть ответный огонь. Завязалась ожесточенная перестрелка, приковавшая внимание фашистов к левому флангу.

Тем временем Старыгин скрытно подбирался к берегу. Вот он достиг его и стал бесшумно вползать в воду.

Но враг был настороже. Одна за другой белые, красные, желтые ракеты вспороли темноту, ярко осветив все вокруг. Особенно хорошо освещалась река и на ее тихой поверхности — плывущий человек. Мгновение — и вокруг него заплясали фонтанчики воды.

Пловец на какое-то время скрылся, но затем снова отчетливо стал виден, однако уже в стороне от разрывов. Огонь врага снова настиг его. Вздыбившаяся волна рядом разорвавшейся мины как бы чуть-чуть приподняла пловца, перевернула на бок и захлестнула. Человек исчез из поля зрения. Для верности фашисты еще постреляли и успокоились.

Однако просчитались. Младший сержант Старыгин, нырнув поглубже и преодолев значительное расстояние под водой, добрался до намеченной цели. Теперь надо было выбрать момент и в одно мгновение выскочить на берег, где он еще днем заметил глубокий окопчик.

Когда погасли осветительные ракеты, Старыгин вскочил, сделал рывок, но, поскользнувшись в жидком месиве, упал. Снова вскочил, выпрыгнул на берег. Длинная очередь прочертила огненную линию у самых ног смельчака, за ней последовала вторая, третья... Младший сержант взмахнул руками, перевернулся в воздухе и упал навзничь в высокую траву левого берега.

Капитан Вершигоров много раз видел, как падают насмерть сраженные пулями. Так же упал и Старыгин. От боли сжалось сердце. И все же у командира теплилась надежда: может быть это только трюк опытного закаленного бойца-сталинградца.

Так оно и случилось. Поняв, что снова обнаружен противником, Старыгин упал в высокую прибрежную траву и под ее прикрытием добрался до безопасного места. Некоторое время спустя, на командном пункте командира дивизии он докладывал обстановку на плацдарме, нанес на карту позиции, занимаемые его батальоном и противником.

И людям с «малой земли» пришла помощь. На рассвете мощная артиллерийская стрельба разорвала тишину. Около 30 минут длилась

огневая обработка позиций фашистов. За это время на лодках, плотах и просто вплавь на правый берег Северского Донца переправлялись дополнительные силы советских воинов.

И когда огненный вал, сделав свое дело на переднем краю обороны фашистов, шагнул в ее глубину, мощное «ура» сотрясло утренний воздух. Батальон капитана Вершигорова, пополненный новыми силами, перешел в атаку, отбросил врага на значительное расстояние от берега и создал условия для наведения переправы через реку.

Командование высоко оценило подвиг коммуниста, младшего сержанта Старыгина. Он был награжден орденом Красной Звезды.

В последующем бесстрашный воин из Алтайского края совершил немало героических поступков, поражая своей смелостью, находчивостью и дерзостью даже видавших виды людей. За форсирование реки Днепр гвардии сержант Старыгин был удостоен высшей степени воинского отличия — звания Героя Советского Союза.

Александр Васильевич Старыгин не дожил до светлого дня Победы, он погиб смертью храбрых в одном из жарких боев. Светлая память о нем вечно будет жить в сердцах благодарных потомков.

Памятен для меня и случай, имевший место в действиях разведывательной группы 214-го гвардейского Ворошиловского стрелкового полка, в составе которой мне непосредственно пришлось участвовать.

Шел август 1944 года. Наш стрелковый гвардейский Ворошиловский полк получил задание — сосредоточиться в районе Тирасполя. Затем скрытно, через лес выйти к железной дороге и на рассвете атаковать передовую позицию фашистов.

Начальник штаба полка майор Гениевский решил послать вперед разведку — надо было обязательно заранее узнать, какие они, эти лесные дороги — ведь двигаться ночью. Разведчики отправились в путь как только стало смеркаться. Чем гуще становились сумерки, тем труднее было продвигаться по лесу, ориентироваться. Но солдаты шли и шли. На одной из полян, надежно отгороженной от мира плотно обступившим ее лесом, решили сделать небольшой привал. Здесь можно было включить, наконец, карманный фонарик, сверить по карте маршрут.

Едва командир открыл планшет, как он и все обступившие его услышали приглушенный возглас:

— Братцы, здесь мальчонка... Мертвый, кажись....

Бросились на голос. Вспыхнул еще один фонарик. Метнулся по земле, по кустам луч. Остановился на грязном заплаканном личике. Малыш спал, свернувшись клубочком. Едва ли ему было лет пять.

Чуть дрогнули ресницы, но он так и не проснулся. Видно, крепко намаялся. Минуту — другую солдаты не двигались, будто оцепенели. Потом все разом засуетились, захлопотали вокруг малыша. Один быстро снял с себя плащ-палатку, сложил вдвое и расстелил ее там, где трава была погуще. Другой бережно поднял на руки худенькое тельце и так же бережно, почти не дыша, опустил его на приготовленную постель. Несколько человек уже полезли в свои вещмешки, выискивая там что-нибудь повкусней, на случай, если ребенок проснется. Надо было видеть в эти минуты лица солдат — и тех, у кого дома были такие же дети, и тех, у кого их не было. Сколько нежности, настоящей отцовской ласки было в каждом, и сколько одновременно печали и грусти. Война, война... Сколько бед и горя принесла она.

Но разведчикам надо было идти вперед. И идти немедленно. Решили: брать мальчика с собой нельзя. Мало ли что может случиться. Двум солдатам и сержанту доверили свою драгоценную находку и отправили обратно — в штаб полка. По очереди несли его трое.

Утром, когда, несмотря на яростное сопротивление, фашисты были выбиты из насиженных мест и поспешно отступали, выкроилась свободная минутка у начальника штаба.

— Ну-ка, покажите мне вашу находку, — обратился к капитану Шокину майор Гениевский.

Через несколько минут перед майором стоял мальчонка. Сейчас в нем едва ли можно было узнать того, которого ночью нашли солдаты в лесу. Умытый, причесанный, переодетый, он смущенно-тревожно поглядывая на взрослых. Он все еще дичился, беспокойно озирался. Майор притянул его к себе. Посадил на колени. Ласково провел по головке.

— Как зовут тебя? — спросил.

— Ленька, — ответил. И опять замолчал. Война очень рано сделала его, пятилетнего, взрослым, неразговорчивым.

— А фамилию свою знаешь?

— Не-е, — покачал головой.

— А где твоя мама?

— Не знаю... — чуть помедлив, добавил: — Немцы ее увели.

— А как ты в лес попал?

— Я ждал ее, ждал. Потом ушел из дома. Шел, шел, плакал. В лесу тоже плакал. Страшно было.

Больше ничего узнать от него и о нем не удалось. Что делать с мальчиком? В самый разгар наступления, когда штабисты не спали

по несколько суток, выкроили время, для того чтобы обсудить этот вопрос. И решили: быть ему сыном полка. Судя по всему, рассуждали, — сирота. Родственников сейчас не найти. Оставить чужим — об этом ни один даже не заикнулся. Ленька, оживший и повеселевший, стал самым дорогим для всех в полку человеком, общим сыном. Где какую конфету находили — ему приносили. Сколько было у него всяких незамысловатых свистулек и поделок, смастеренных солдатами! И все равно их несли и несли ему.

— Сынок, — говорили ласково. Брали на руки. Играли. Рассказывали сказки. Он с каждым днем смеялся все звонче. И от этого беззаботного детского смеха стихала тревога в сердцах. Случилось сейчас встретиться даже с его матерью, и ей бы, наверняка, не очень охотно отдали б мальчонку: так все привыкли к нему.

Если акт усыновления найденыша состоялся сравнительно легко, то с наречением дело обстояло значительно сложнее. Вокруг имени, естественно, споров не было, поскольку оно было доподлинно известно — Ленька. Ну а дальше? Отчество выбирали долго. И вот где поспорили. Одни предлагали величать именем того, кто нашел мальчишку. Другие возразили: сын-то общий, что ж одному такая честь? Кто знает, сколько бы спорили, если бы вдруг заместитель командира полка по политчасти майор Михайлов не подсказал великолепный, всех устроивший выход:

— Пусть будет Леня — Воропоновичем. Отец ему весь полк, так пусть отчество будет отчеством. А фамилию ему давайте дадим Днестров. На этой реке родился. Здесь мы повстречались с ним.

Предложение майора было принято единогласно. Горячие споры теперь сменились всеобщей радостью по поводу удачного наречения сына. Так в полку появился новый солдат — Леонид Воропонович Днестров.

Шли дни, недели, месяцы. Полк продолжал свой боевой путь. В жарких боях освобождал он Молдавию. Потом Румынию и Болгарию. Очищал от фашистской нечисти Югославию. Участвовал в разгроме гитлеровцев в Венгрии и Австрии. И весь этот путь вместе с полком прошел рядовой Днестров, Ленька, наш пятилетний однополчанин.

Специальным приказом ему было определено находиться при санитарной роте. И как ни много было у всех забот здесь, о малыше помнили ежеминутно. Делали все, чтобы не чувствовал он себя сиротой. Все, чтобы и в его детство вошла, наконец, радость. А уж «две мамы» — сестры Люба Антонова и Клава Барышева, несмотря на ус-

талость, на нелегкий труд фронтовых медицинских работников, кормили его, обшивали и обмывали, учили и воспитывали.

— Лень, — обращалось к малышу сразу несколько человек, как только он появлялся в одной из палат. — Дай, пожалуйста, воды... Поправь подушку... Принеси карандаш. — И не так уж нужна была его помощь, как присутствие. Многие часы скрасил он раненым. И будто понимая, что беспомощным взрослым, лежащим на койках, с ним куда легче, старался малыш надолго не отлучаться из палат. В одной не задерживаться дольше, чем в других. Охотно разговаривал с каждым. И на любую просьбу о помощи откликался тут же.

И все-таки был человек, при виде которого он никак не мог каждый раз сдержать радости. Бежал навстречу, завидев еще издали. Обхватывал за шею. Долго-долго не отпускал. Был этим человеком капитан Александр Шокин. Это он первым обнаружил Леньку в лесу. Он впервые вызвал на лице у мальчишки улыбку. И поэтому никто не удивлялся, когда Ленька, рассказывая о нем, вдруг называл его папой...

Военная служба в конце войны заставила меня оторваться от своего родного полка. С тех пор прошло вот уже много лет.

И я каждый раз интересовался, встречая однополчан, где Ленька? Одни говорили, уехал с Шокиным, другие — нет. Недавно перебирал старые бумаги. Среди них вдруг обнаружил его снимок. И опять вспомнил Леньку. Где ты, сын нашего полка? Откликнись, отзовись! Очень бы хотелось узнать, каким ты стал и как живешь.

Может быть, не он откликнется первым. Другие. Те, кому известна судьба мальчишки, которого все мы считали и считаем сыном — судьба Леонида Воропоновича Днестрова.

В октябре 1944 г. командованием я был направлен парламентером в г. Белград. В то время мы на плечах у отступавшего врага ворвались в Югославию

Фашисты, сознавая обреченность своего положения, дрались с особой жестокостью. Белграду грозило полное разрушение. Чтобы предотвратить его, наше командование решило предложить врагу капитуляцию. Для этого приняли решение послать в стан врага парламентера. Выбор пал на меня — комсорга 214-го гвардейского стрелкового полка.

В штабе дивизии мне разъяснили задачу и вручили запечатанный пакет. Сложность задачи состояла в том, что немцы держали под обстрелом улицу, по которой должен был следовать парламентер.

С белым флагом я направился в сторону неприятеля. Смелость парламентера произвела свое впечатление. Выстрелы смолкли. Я вышел на перекресток. Через минуту вышла группа немцев во главе с младшим офицером. Я в их сопровождении направился к зданию, где, по их заявлению, находился штаб.

По прибытии на место я потребовал провести к командующему группировкой. Офицер удалился и вскоре вернулся вместе с майором. Последний заявил, что командующий поручил ему принять пакет. Это не противоречило поставленной задаче. Я вручил пакет.

Пока проходила эта процедура, немецкие солдаты держали меня под прицелом и выкрикивали угрозы. Однако чувствовалось, что единого мнения у них не было. Сохраняя достоинство, учитывая обстановку, я развернулся и двинулся в расположение своей части. Шел твердым строевым шагом, и удары сапог по брусчатке громко разносились в тишине улицы. Так я дошел до угла, за которым стояла группа советских воинов и толпа местных жителей.

Оставалось сделать только один шаг, чтобы очутиться в укрытии. В этот момент одна за другой прогремели три автоматные очереди. Две пули опалили правую ногу выше колена. Встретившие подхватили меня на руки.

Такое положение возымело свое действие. Уже вечером со стороны врага в расположение нашей части перешла группа солдат свыше 240 человек. Улицу, которая была недоступна, удалось взять без боя.

За выполнение миссии парламентера я был награжден орденом Красного Знамени.

После успешного выполнения этого задания назначен на должность помощником начальника политотдела 113-й стрелковой Нижнеднестровской дивизии по комсомольской работе, в которой и закончил Великую Отечественную войну в звании капитана.

Работая Председателем Московского комитета ветеранов войны, встречаюсь с молодежью и вспоминаю не только этот эпизод, но и другие, не менее рискованные, действия товарищей по оружию.

Войну я закончил в 21 год с пятью боевыми орденами: орденом Отечественной войны 2-й степени, двумя орденами Красной Звезды, орденом Боевого Красного Знамени Болгарии и многими медалями, но самым дорогим считаю орден Красного Знамени.

Приказами Верховного Главнокомандующего Маршала Советского Союза товарища Сталина также награжден грамотами: за отличные боевые действия по освобождению города Белгорода (приказ от 5 августа 1943г.); за августовские бои 1943 года за город Харьков (при-

каз от 23 августа 1943г.); по овладению штурмом города и крепости Бендеры (приказ от 23 августа 1944г.); занятие города Шумен (приказ от 9 сентября 1944г.); по освобождению столицы Югославии города Белграда (приказ от 20 октября 1944г.); за форсирование Дуная и прорыв обороны противника (приказ от 29 ноября 1944г.); за овладение столицей Венгрии городом Будапешт (приказ от 13 февраля 1945г.); за прорыв обороны противника южнее озера Балатон и овладение городами Надьбоем, Бегене, Марцали и Надьятая (Венгрия); за овладение центром нефтяной промышленности Венгрии городом Надьканиисе.

В послевоенный период с июня 1945 г. по август 1946 г. работал помощником начальника политотдела тыла 57-й армии по комсомолу.

С 1 сентября 1946 г. по июль 1947 г. учился и успешно закончил годичное высшее училище пропагандистов вооруженных сил. По окончании его работал заместителем командира отдельного учебного дивизиона по политчасти, пропагандистом 540-го зенитного артиллерийского полка, 44-й зенитной артиллерийской дивизии.

В 1951 году поступил и в 1956 году успешно окончил артиллерийский факультет Военно-политической академии имени В. И. Ленина.

С августа 1956 г. по апрель 1958 г. работал заместителем командира зенитно-ракетного полка 1-й армии Особого назначения.

С апреля 1958 года по апрель 1962 года работал инспектором, а затем заместителем начальника отдела Политуправления Московского округа ПВО.

В апреле 1962 года назначен инспектором Управления политорганов ПВО Главного Политического Управления СА и ВМФ.

В августе 1967 года назначен заместителем начальника отдела организационно-партийной работы Политуправления войск ПВО страны.

В августе 1969 года Министром Обороны СССР назначен начальником политотдела 21-го корпуса ПВО страны в Заполярье. Работал до июня 1974 года.

С июня 1974 года по февраль 1987 года работал старшим инспектором Политуправления войск ПВО по войскам ракетно-космической обороны.

В феврале 1987 г. в звании генерал-майора добровольно по болезни уволился из рядов Советской Армии в отставку, прослужив в ее рядах 45 календарных лет.

В послевоенные годы был награжден 4 орденами СССР — Отечественной войны 1-й степени, двумя орденами Красной Звезды, орденом «За службу родине» 3-й степени, медалью «За боевые заслуги» и многими юбилейными медалями СССР и стран народной демократии.

После увольнения из рядов Советской Армии работал лектором общество «Знание», где защитил звание лектора 2-й и 1-й категории. Параллельно вел общественную работу, будучи председателем Объединенного совета Народного ополчения. В феврале 1996 года избран и работаю в настоящее время Председателем Московского комитета ветеранов войны, а также Председателем Объединенного Совета Народного ополчения.

За активную общественную деятельность награжден Президентом России орденами «Дружбы» и «Почета».

С детства, а затем и на протяжении всей жизни занимался журналистикой. Имею изданные труды (5 книг и брошюр) и опубликованные около 500 статей в журналах и газетах. С 1966 года - член Союза журналистов.

Женат. Жена — Слухай Мария Сидоровна, с которой состою в браке 58 лет. Сын Вячеслав 1947 года рождения работник издательства газеты «Трибуна». Два внука — Андрей и Алексей. Двое правнуков Игорь и Яна

В КПСС состоял с 1943 года. Был принят как отличившийся в бою.

В настоящее время работаю над проблемами, раскрывающими и укрепляющими основы дружбы между народами, ветеранами и армиями России, стран ближнего зарубежья, Болгарии, Чехии, Словакии, Польши, Югославии, с которыми был тесно связан с периода войны. Эту работу считаю одним из основных направлений работы Московского комитета ветеранов войны.

Мои статьи, опубликованные в журналах в период с 1951 по 2000 гг.:

— Активно, по-боевому // «Вестник ПВО». 1958 . №2;

— Пропаганда должна быть боевитой, доходчивой // «Вестник ПВО». 1958. №4;

— Командир — полновластный начальник и воспитатель подчинённых // «Пропагандист и агитатор». 1951. №II;

— Пионеры советского ракетоотделения // «Вестник ПВО». 1964. №9,

— Больше заботы о молодых офицерах // «Вестник ПВО». 1965. № I;

— Новые изыскания о войсках ПВО // «Вестник ПВО». 1966. № 6;
Коллективность руководства и персональная ответственность // «Коммунист Вооружённых Сил». 1967. № II;
Всегда на страже // «Вестник ПВО». 1968. № 7;
— Больше внимания укреплению воинской дисциплины // «Вестник ПВО». 1969. № 3;
Твой передний край // издание «Блокнот агитатора».1967. № 3;
— Растут ряды классных специалистов // «Вестник ПВО». 1977. № I;
— Быть коммунистом — дело ответственное // «Коммунист Вооружённых Сил». 1969. № 12;
Агитпропколлектив и пропаганда важности постоянной боевой готовности войск // «Коммунист Вооружённых Сил». 1971. № 16;
Воспитывать на боевых традициях // «Вестник». 1971. № 9;
— Дружба братских народов СССР и Болгарии крепнет // «Вестник ПВО». 1975. № 8;
— Ещё живёт в войсках боевой дух // «На боевом посту». 1998. № 2.

Многие другие статьи, опубликованные в секретных сборниках журналов «Техника и вооружение», «Вестник ПВО», «Коммунист Вооружённых Сил», не сохранились.

Мои статьи в газетах:
— Пионеры школы впереди // «Колхозные ребята» 1937 г.;
Трудовое обучение в школе // «На боевом посту» Екатерининского района Оренбургской области, 1940 г.;
Готовиться к призыву в Красную Армию задача каждого молодого человека // газета «На боевом посту» Екатерининского района Оренбургской области, 1940г.;
— Гвардейцы всегда впереди // 1942г., газета 57-й армии (название, кажется, «За Родину»);
Трудовые подарки Родине // 1947г., газета «Сталинское Знамя» Прикарпатского военного округа;
— Больше активности в избирательной кампании // газета «Сталинское Знамя» Прикарпатского Военного округа, 1950г.;
— подвал газеты «Сталинское Знамя». «Рассказ но теме» // 1948г.;
подвал газеты «Сталинское Знамя». «Агитация за кандидата» // 1950г.;
подвал газеты «Сталинское Знамя». «Учитывая уроки прошлого» // Прикво,1948г.;

— Подвал «Доверенное лицо» // газета «Сталинское Знамя», Прикво, 1950г.;
— «Воины изучают избирательный закон» // «Сталинское Знамя», Прикво 1950г.;
— «У стола справок дежурит депутат Горсовета» // «Сталинское Знамя», Прикво, 1950г.;
«Кровное дело коммунистов и комсомольцев» // «Сталинское Знамя», Прикво, 1949г., июнь;
«Здесь жил великий советский поэт» к 25-летию со дня смерти В.В.Маяковского // газета «Чкаловская коммуна», 1951г.;
— «Деятельные помощники командиров и политработников» // газета «Красная Звезда», май 1956г.;
— «Нет выше чести» // газета «На боевом посту» Московского округа ПВО 2.08.60г.;
— «Трудовая Слава» // газета «На боевом посту» МО ПВО 21.10.59г.;
— «Горячие дни» // газета «На боевом посту» МО ПВО, ноябрь 1959г.;
«Правда о войне» // газета «На боевом посту» МО ПВО 1960г.;
— «Комсомольские руки — руки золотые» // газета «На боевом посту» 13.10.61г.;
— «Критиковать — значит заботиться о деле» // газета «На боевом посту», 1961г.;
«Следуя почину Москвичей» // газета «На боевом посту», МО ПВО, 1962г.;
«Солдаты приехали на целину» // газета «Знамя Коммунизма», август 1960г.;
— «Соревнуются активно, по-деловому» // газета «На боевом посту» МО ПБО,7.Ш.61г.;
— подвал «Коллектив воспитывает» // газета «На боевом посту», 21.4.61г.;
— «Решения партии зовут на новые дела» // газета «На боевом посту» МО ПВО декабрь 1961г.;
— «Горячие дни» // «На боевом посту», 11.3.61г. ;
— «Соревнуются активно, по-деловому» // «На боевом посту» 7.3 61г.,
— «Воля и труд к цели ведут» // «На боевом посту», МО ПВО, 1962г.;
— «Наказы коммунистов» // «На боевом посту», МО ПВО, январь 1963г.;

— подвал «Что такое демократический централизм» // «На боевом посту», МО ПВО, 12.10.65г.;

— «Много добрых помощников» // «На боевом посту» разворот, март 1965г.;

— «Страж Родной отчизны» // «Ленинец» Сакмарского района Оренбургской обл., 23.2.66г.;

«Да, боевитость условие успеха!» // «На боевом посту», МО ПВО, 12.1.65г.;

Подвал газеты «Трудовая Слава», Ичнянского района Черниговской области, 22.1.1966г.;

— «Надежный щит на страже мира» // «Кавказская здравница». Ставропольский край, 19 ноября 1966г.;

— «Напагатове!» // «Звязда» Белорусской ССР, 19 листопадня 1966г.;

— «Страж Родной Отчизны» // газета «Правда», 4 февраля 1966г.;

— «Катюши громовые раскаты» // «Ленинское Знамя», Киев, 30.1.65г.

— «Ракеты и традиции» // «Советский Патриот». 16.6.65г., 17.6.65г., 18.6.65г., 19.6.65г., 20.6.65г., 21.6.65г., 27.6.65г., 28.6.68г., 4.7.65г., 5.7.65г. — 10 подвалов;

«Ракетчики» // « На боевом посту», газета Забайкальского военного округа», 14.6.66г.;

— «Дисциплина коммуниста» // «Красная Звезда», 3.3.71г.;

«У скал Муста Тунтури» // «Северная Правда» Североморского горкома КПСС, 8.8.72г.;

«Звали мальчишку Ленькой» // газета «Советская Молдавия» . 9 мая 1966г.;

— «Советско-чехословацкое братство» // газета Моравского райкома КС, 1967 год;

— «Советская делегация на торжествах по случаю Дня Победы // газета «Народна Армия Болгария»; 8.05.75.;

— «Бессмертный подвиг» в честь 30-й годовщины Победы // газета «Земледельческо Знаме», Болгария, 9 мая 1973г.;

— «Братство и дружба — залог победы» // газета «Работническо дело», Болгария, 11.05.75г.

Кроме того, мною опубликовано еще свыше 400 статей в газетах, особенно военной поры, которые не сохранились или пришли в ветхое состояние. Опубликованы также свыше 50 статей в журналах «Огонек», «Советский воин», «Коммунист», «Коммунист Вооруженных Сил» и др.

Мои основные публикации:

Слухай И. А. Ракеты и традиции. Воениздат 1965 г. , 11 п.л;

Слухай И.А. Что такое демократический централизм. Газета «На боевом посту», 1965 год, 3,3 п.л;

— Слухай И. А. Они были первыми. Газета «На боевом посту», 1954 г., 4,2 п.л;

— Слухай И.А. «Страж родной Отчизны». Газета «Правда», 1968 год, 5 п.л;

— Слухай И. А. Родословная Громовержцев. — Воениздат, 1964 год, 5,4 п.л;

— Слухай И. А. , Гусев А. И. Победители завоевали Переходящее Красное Знамя.— Изд-во газеты «На боевом посту», 1962 г., 3 п.л;

Слухай И.А., Тужилин М.П. Подразделение воинов сплошной классности. — Изд-во газеты «На боевом посту», 1963 год, 4,3 п.л;

— Слухай И. А. Бессмертный подвиг Московского Народного ополчения.— Изд-во «Патриот», 1994 год, 2,5 п.л.

Июль 2003 г.

В подготовке настоящих воспоминаний оказал помощь ***Мендеров Роман Владимирович***, студент 3-го курса Государственного университета природоустройства

Тимофеев Михаил Александрович

БОИ НЕ ПРЕКРАЩАЛИСЬ НИ ДНЕМ НИ НОЧЬЮ

Я родился 21 ноября 1925 года в селе Шемаха Нязе-Петровского района Челябинской области в простой крестьянской семье.

Член комсомола с 1940 до 1944 г., в 1944 г. — кандидат в члены партии, с 1945 г. — член партии. В 1940 году я окончил 7 класс Шемахинской неполной средней школы и поступил в Ижевский индустриальный техникум на специальность прокатчик.

О войне узнал 22 июня 1941 г., находясь дома на каникулах. После этого я вернулся в техникум и в конце 1941 г. ушел оттуда, не закончив 2 курс. В январе 1942 г. по комсомольской путевке уехал работать на 114 завод в город Копейск Челябинской области, затем перевелся на Катав-Ивановский завод по выпуску военной продукции, это был 2-й цех цементного завода, делали мы там мины. Во время работы на заводе я получил рабочую специальность — слесарь.

В декабре 1942-го по решению Катав-Ивановского райкома комсомола меня направили в город Коркино Челябинской области, электрослесарем на Разрез №1 Треста «Коркинуголь». В феврале 1943-го на Урале начал формироваться Уральский добровольческий танковый корпус из числа имеющих бронь рабочих и инженерно-технических работников. Узнав о формировании корпуса из сообщения политотдела, я в числе 160 работников разреза подал заявление о зачислении в этот корпус. По решению политотдела меня вместе с тремя другими добровольцами зачисляют артиллеристом истребительной противотанковой батареи особого мотострелкового батальона этого корпуса. Командовал корпусом генерал-лейтенант Родин.

В начале марта 1943 г. состоялись наши торжественные проводы на фронт. В то время из угольной промышленности практически никого не отпускали, и то, что нас четверых из ста шестидесяти отпустили, стало большим событием. Было организованно застолье. Разрешалось взять с собой самое необходимое, очень нужной вещью считался табак. Мои товарищи набирали много, а я, по молодости, подошел к мешку, зачерпнул горсть ладонью, сунул в карман и пошел.

Из города Коркино мы проследовали в город Златоуст, где влились в состав Челябинской бригады. В городе Златоусте мы размещались на территории пионерского лагеря, и там же началось обучение — в полевых условиях по армейскому распорядку дня по средствам проведения учебных стрельб. Недостатки знаний восполнялись в местном артиллеристском училище. Из города Златоуст наша бригада направилась в подмосковную Кубинку с остановками в Куйбышеве и в Москве. По дороге вместе собирались все три бригады: Челябинская, Свердловская и Пермская, и в Кубинку прибыл уже весь Уральский добровольческий танковый корпус в полном составе.

Хочу отметить высокую организованность как военных, так и гражданских служб во время войны. Во время остановок мы получали горячее питание, а в Москве с нами еще проводили политзанятия. Помню, как ночью на Москву был совершен налет немецких бомбардировщиков, я выбежал на улицу, поднял голову и увидел несколько десятков точек. Сначала я решил, что это самолеты, но, приглядевшись, увидел, что это аэростаты, запускаемые нашими силами ПВО. Из-за этих аэростатов немецким самолетам приходилось подниматься на большую высоту, откуда им почти ничего не было видно и приходилось бомбить вслепую. Также очень четко работали прожектора: они брали немецкий самолет в так называемую «вилку» и вели его, пока не сбивали или пока он не улетал из зоны видимости.

По прибытии в Кубинку мы разместились в поле в палатках и шалашах. Мы прикрывали Москву и одновременно продолжали обучение в условиях, максимально приближенных к боевым.

В начале июля 1943 г. наш корпус получил задачу выступить из района Сухиничи-Середничи на юг, перерезать коммуникации противника и выйти в район населенного пункта Злынь, занять железную и шоссейную дороги Орел — Брянск и отрезать пути к отходу Орловской группировки гитлеровцев на запад. С момента выступления бои не прекращались ни днем ни ночью. Особенно тяжелый бой произошел возле деревни Борилово. 8 августа 1943 г. в бою за железнодо-

рожную станцию Шахово я был тяжело ранен. Шедшие следом санитары подобрали меня, отнесли в полевой госпиталь и оказали первую помощь, затем меня погрузили в машину и отвезли на несколько километров в тыл. Оттуда я попал в пересылочный пункт в Туле.

В Туле меня положили в санитарный поезд, который сначала направился в город Казань, но там все госпитали были переполнены, и поезд направился в Свердловск, но и там мест не оказалось. Далее в Новосибирск — мест нет, Красноярск — мест нет, Иркутск — мест нет. Полмесяца я провел в этом поезде, и только в Улан-Уде меня как наиболее тяжелораненного сняли с поезда и положили в госпитале, который размещался в здании местной гостиницы.

Комиссовался я инвалидом 2 группы и вернулся в родное село. Несколько месяцев проработал заведующим клубом в селе Шемаха и в октябре 1944 поступил на службу в органы госбезопасности.

С 1944 по 1964 год я прошел путь от помощника оперуполномоченного до начальника отдела УКГБ по Челябинской области, в том числе на протяжении 18 лет работал на объектах атомной промышленности. В июне 1964 г. меня назначили заместителем начальника УКГБ по Ставропольскому краю, в апреле 1968 г. — председателем КГБ Кабардино-Балкарии, а в июне 1973 г. — начальником УКГБ по Хабаровскому краю и членом Военного совета Дальневосточного пограничного округа.

В 1978 году меня перевели в Центральный аппарат КГБ СССР и назначаили заместителем начальника второго Главного управления — начальником управления «Т» КГБ СССР. С сентября 1981-го по март 1992-го я заместитель министра гражданской авиации, а с декабря 1994 г. по март 2000 г. работал советником Центрального производственного диспетчерского управления Гражданской авиации.

Награждён орденами: Ленина, Октябрьской Революции, Красного Знамени, Отечественной войны I и II степени, Трудового Красного Знамени, «Знак почёта» и 21-й медалью.

Ноябрь 2002 г.

В подготовке настоящих воспоминаний оказал помощь ***Кручинин Константин Игоревич***, студент 1-го курса Московского авиационного института

Уткин Борис Павлович

ЧЕСТЬ БЫТЬ КРАСНОЗНАМЕНЦЕМ
(Записки командира дивизиона полевой реактивной артиллерии)

Родился в 1923 г. в старинном селе Петровском Раменского района Московской области.

Участник исторического военного парада на Красной площади 7 ноября 1941 года в Москве.

Награжден: орденом Ленина, двумя орденами Красного Знамени, орденом Отечественной войны I степени, тремя орденами Красной Звезды, медалью «За службу Родине в Вооруженных силах СССР» III степени и многими другими медалями. Награжден орденами Румынии, ГДР, ПНР. Генерал-полковник.

* * *

Каждый, кто берется за перо, чтобы написать воспоминания о жизни, о войне, каждый, кто выходит к людям самых различных возрастов и уровней образования, воспитания, духовных потребностей, чтобы рассказать о прожитом, об уроках жизни, службы, войны, не может не спрашивать себя: будет ли интересным и полезным написанное или рассказанное им? Имеет ли он моральное, нравственное право писать и говорить о том, что рядом и вместе с ним переживали мно-

гие которые, как и он, могли бы сделать то же самое? Наконец, правильно ли он, приступая к воспоминаниям, понимает свой общественный долг, общественную значимость своего рассказа? Такие сомнения владеют и мной. Не раз и не два ставил я перед собой эти сложные вопросы. И после долгих-долгих размышлений решил последовать известному совету А.М. Горького, утверждавшего, что он начал писать тогда, «когда не мог не писать». Настолько желания и впечатления, ощущение внутренней силы и необходимости высказать, поделиться с другими тем выношенным, выстраданным, проверенным перебарывают сомнения и чувства неуверенности.

За плечами четыре года войны, пятьдесят лет службы в армии, восемьдесят лет жизни. Никто пути пройденного у нас не отберет, равно как и накопленного опыта, уроков жизни и службы. К тому же ветеран — понятие не возрастное, а социальное. Ветеран — сознательный свидетель, участник событий в стране и армии, носитель социального опыта. Он отличается от молодых, вступающих в жизнь людей тем, что лично все пережил. Он знает, например, что такое война, сражение, бой; какова роль человека на войне. Он сыграл эту роль. Ветеран — независим в суждениях и выводах, он утверждает то, что было, что видел и может подтвердить. Больше того, после войны личные наблюдения и выводы были им неоднократно выверены в ходе учебы в академиях, в научно-исследовательской работе, военно-профессиональной практикой. Ветераны «пропустили» через призму своего личного видения войны огромный пласт научной, мемуарной, художественной литературы, произведений искусства (кино, театр, музыка, батальная живопись). Было с чем сравнить, в чем поправить свои взгляды, обогатиться опытом других участников событий величайшей войны.

И все же, пожалуй, главным побудительным мотивом к работе над воспоминаниями является общественная потребность, востребованность широкого спектра знаний о войне прошедшей и о войне вполне вероятной. В России постепенно отходят от смятения умов последнего десятилетия, когда верх брала стихийная «свобода» и громкость голосовых связок, упоение безнаказанностью — что бы человек ни говорил, отсутствие какого-либо, в том числе внутреннего, идущего от совести, самоограничения. Ныне все больше здравого смысла, желания «дойти до глубины, до сути» (Б. Пастернак), заглянуть в будущее, в судьбу личности, общества, государства.

Мне приходится часто выступать в различных аудиториях. Мои слушатели — ученые и студенты, ветераны и молодые солдаты, государственные служащие и учащиеся старших классов школы. Мне нравится их жажда познания явлений войны. Как и они, вместе с ними я ищу ответы на вопросы, по которым наука, и искусство, и ветераны не сказали еще своего слова. Я высказываю свое мнение, говорю со своих позиций, привожу научные доводы и радуюсь, когда они находят одобрение. Общение с широкой, разнообразной аудиторией позволяет мне сделать главный вывод: родители, школа, система высшего образования, государственная власть, общественные организации пока еще не сумели поднять на должный уровень систему знаний о войне, о человеке на войне, об источниках победы. Этот вывод для меня является стимулом к работе над воспоминаниями о войне, о военной службе. Отправной точкой в этом столь необходимом для Отечества деле стали строчки молодого поэта Петра Титаренко (он из Подмосковья), которые я услышал на одной из встреч с молодежью:

...Когда уйдет последний ветеран-
Кто нам окопы старые покажет,
Кто нам о той войне расскажет,
Когда уйдет последний ветеран?

Мне довелось прочитать немало книг — воспоминаний, мемуаров. Военное издательство выпустило их более семисот. Другие издательства также популяризировали книги этого жанра. Мемуары содержат богатейший материал для познания войны, судеб людей на войне. В них много субъективных, суждений, оценок. И это хорошо, так как об одном событии, сражении, бое свидетельствуют разные люди. Можно простить и ошибки — люди не ангелы, даже в книгах ученых допускаются серьезные оплошности. Больше того, ссылка на архивы, на документы не дает гарантии истинности факта, ведь документы составляли такие же люди; они тоже отражали действительность со своих личных позиций.

У мемуаров есть одна особенность, которую еще не поздно поправить: многие из них написаны большими начальниками, иногда с помощью литературных записчиков, офицеров-сослуживцев. Командующие фронтами и армиями, члены военных Советов, начальники штабов в большинстве своем оставили воспоминания. Мемуаров командиров корпусов и дивизий десятки, командиров полков — считанные единицы. А вот воспоминания командира батальона А. Алтунина и командира батареи Г. Калуцкого в полном смысле слова — в единственном числе. Может быть, я ошибаюсь, поэтому заранее при-

ношу извинения. Но убежден, что в ближайшие годы надо помочь фронтовикам, ветеранам выступить с рассказами о том, как они командовали ротами, батареями, батальонами и дивизионами. Там кипела фронтовая жизнь, там рождались герои и подвиги, там достигались боевые результаты. Сложенные вместе, они принесли нам Победу.

Формат нашего издания не предполагает пространных воспоминаний. Поэтому мне представляется целесообразным остановить внимание читателя на том, что составляет главное содержание книги, чему она посвящена, то есть на воспоминаниях офицера, награжденного в ходе войны первым советским орденом — орденом боевого Красного Знамени.

* * *

1944 год — один из счастливейших в моей жизни и военной службе. Победа была не за горами. После Курской битвы никто в мире не сомневался, что СССР в противоборстве с фашистской Германией один, без союзников, непременно победит врага. В феврале мне было присвоено воинское звание капитан. Обмыли по фронтовому ритуалу: восемь звездочек опустили в стакан с водкой, заставили выпить и по одной звездочке, затягивая испытание, прикрепляли на погоны. Вскоре мой командир — майор Алексей Никитич Корнеев, человек огромного мужества, кристальной чести и незапятнанной репутации, был направлен на курсы повышения квалификации в Москву, а мне было приказано принять командование 390-м отдельным гвардейским минометным дивизионом, куда я 17 июля 1942 г. прибыл служить командиром взвода. В последующем — с октября 1942 г. — я стал заместителем, а с января 1943 г. командиром батареи; с апреля 1943 г. служил начальником штаба в родном дивизионе. Командир доверял мне во всем, но я особенно ценил (и, не скрою, гордился) то, что он самые сложные стрельбы просил провести меня вместо него. Он не имел систематического военного артиллерийского образования, окончил лишь полковую школу сержантов, был призван из запаса в 1941 г. Но опыт командования дивизионом с апреля 1943 г. был им приобретен, чувствовал он себя уверенно. Я всячески убеждал его, что подготовленные им данные не расходятся с моими. Тщетно. Я рос при нем, облеченный доверием, заботой. К тому же он был старше меня на семь лет. Решения его были мудрыми, стиль работы демократический, привлекали его врожденная интеллигентность, знание литературы, поэзии

Командира проводили. Мне же во главе дивизиона довелось участвовать в Ясско-Кишиневской, Карпатской и Дебреценской операциях 1944 года, а затем в операциях победного 1945 года.

В ноябре 1944 г. я был награжден орденом боевого Красного Знамени. Не было предела моей радости. Я вставал в один ряд с краснознаменцами Гражданской войны и последующих вооруженных конфликтов. Мое родное Московское артиллерийское училище (в ноябре 1941 г. оно стало гвардейским), куда я поступил 17 июня 1941 г. и которое окончил 17 апреля 1942 г. в звании гвардии-лейтенанта, было краснознаменным. Начальник училища Ю.П. Бажанов, командир моего фронтового полка М.М. Чумак, комиссар И.А. Корчигин были краснознаменцами. И вот теперь я — один из 130 офицеров полка вступал в ряды награжденных орденом Красного Знамени.

Из четырех лет войны я выбрал 1944 год. Тогда я уже был опытным фронтовиком, офицером, обладавшим достаточной зрелостью, чтобы со знанием дела судить и о событиях, и о людях. Правда, по годам я был еще молод. Но нам командир часто говорил: «Бьют не по годам, бьют по ребрам».

...1944 год, год моей военной зрелости, неразрывно связан с юностью, учебой, выбором профессии, становлением молодого командира. Служба, боевая работа проходила в ракетной части практически на одном и том же — юго-западном стратегическом направлении.

* * *

...На встречах с молодыми курсантами, офицерами, студентами, учениками старших классов меня часто спрашивают, как до Великой Отечественной войны и я, и люди моего поколения выбирали профессию офицера, в частности, артиллериста. Отвечать бывает и трудно, и просто. Молодость — пора исканий, раздумий. Все люди ищут свой идеал, ищут место в жизни. В известном детском стихотворении мальчик задумывается: «Кем работать, чем заниматься». И наивно просит: «Пусть меня научат». И родители размышляют. И родственники не стоят в стороне. И все же выбор осуществляется не целенаправленно, по заранее отлаженной системе (очевидно, на уровне руководства государства, военного ведомства она существует, функционирует, влияет). Но на уровне семьи, школы обучение и воспитание подростков, юношей в основном идет простым, естественным путем. А сам выбор во многом является результатом многих, и отнюдь не случайных обстоятельств. Главными факторами формирования мальчика,

девочки, юноши, девушки и выбора ими жизненного пути являются семья, мать, отец, родственники и школа.

Я не исключение, а наглядное подтверждение этого правила. Родился в семье Павла Васильевича и Александры Ивановны Уткиных в феврале 1923 г. в селе Петровское Раменского района Московской области. Село — 60 дворов — старинное, известно с 17 века. Начальная школа, церковь, колхоз «Большевик». До Москвы — 48 км, до ближайшей железнодорожной станции Раменское — 15 км, до ближайшего города Бронницы — 8 км, дороги грунтовые. Весной, осенью и несколько месяцев зимой — не праздник. На моих глазах проходила коллективизация, смена орудий труда. 7 лошадей и 11 коров составили основной капитал. Сельчане работали на земле. Сначала соха, конный плуг, потом трактора «Фордзан» (3 лемеха), «ХТЗ» (4 лемеха), «ЧТЗ» (6-корпусный плуг). Цепь ручная, конная, сложная молотилка МК-1100, комбайн, грабли, конные грабли, тракторные грабли.

Окончил начальную школу в с. Петровское. Помогал ликвидировать безграмотность своих бабушек и дедушек. Учился хорошо. Нас, учеников, кормили обедами в школе. Отличников на санях возили в большое село Софьино на слеты. Премировали — рубашками. Впервые в деревенском доме увидел кино: одной рукой крутили «динамо», на экране к/ф «Пышка».

«Деревенька моя, деревянная, дальняя» — поется в песне. Это и о Петровском тоже. Райский уголок средней полосы России. Кругом леса, раздолье полей, речки, речушки, ручьи, бочаги, овраги. Все для человека — благоуханный, чистый, наполненный запахами трав и цветов воздух, незамутненная вода. Дрова, сено, рыба, изобилие грибов, ягод, орехов, цветов, дикорастущих лекарственных трав. Лес — жилище для зверей, птиц. Каких видов только нет. Зимой — паутина следов, но зверь — мирный. Случаев нападения на скот — тем более на людей — никто не знал. И тогда, и сейчас я думаю об одном: почему никому не пришло в голову провести через нашу деревню дорогу, построить имение (такое, как в 4-х километрах от нас — в Денежникове, в нем бывал и Суворов, и декабристы), санаторий, дом отдыха... Дороги нет до сих пор. Повел я своих сыновей дорогой, по которой ходил в школу и за хлебом в Бронницы, не поверили, что я мог пробираться через такие дебри. Телефонные столбы зашагали по деревне Васильево (там Сельсовет) в 1938 г., радио в с. Петровское пришло в 1948-м.

Деревня и окрестности погружены в неописуемую тишину. Прислушаешься — воздух словно звенит, но от напряжения в ушах. Самый сильный шум — скрип телеги, саней по снегу, шагов по дороге зимой. Тишина нарушается редко: набат возвещает о беде, праздничный колокол созывает людей в церковь, удары железной палкой в буфер сигналят о приглашении в контору колхоза, да деревенская колотушка напоминает ночью, что сторож (сторожили по очереди) бодрствует. Конечно, страх вызывали гроза, гром. Что касается самолетов, видно было, что они летят где-то за лесом, но шума моторов не слышно, в этой первозданной тишине любознательные люди могли довольно точно определить, каково расстояние до движущихся телег, саней, людей; где, в какой деревне поют песни или играет гармошка. На войне и это пригодилось. Особенно разведчикам.

Для детей в деревне — все условия для физического развития. Лыжи, коньки, санки, катание с гор. И, конечно, в любую погоду в школу. Выручали лыжи, шесты (преодоление разлива ручьев) В 1939-1940 гг. (советско-финская война) было особенно холодно: до сорока градусов мороза. В деревнях вымерзли фруктовые сады, ручьи промерзли до дна, деревья ломались на корню, звери не выдерживали, погибали.

В райском захолустном селе подлинной отрадой было чтение. Родители говорили потом, что читать я начал прежде чем пошел в школу. Запомнились крупные буквы заголовков газет, которыми вместо обоев была оклеена комната в сенях, где я спал. Лучи света падали на эти буквы: «Московский рабочий», «Известия». Но настоящее чтение связано с газетой «Авангард» (в другие времена — «За большевистские колхозы», ныне «Родник», г. Раменское). Эту газету выписывала из 60 дворов только наша семья, приносил ее почтальон, доставал из брезентовой сумки и просил меня прочитать, сам он был неграмотным. Думаю, что читать и писать меня научили отец и мать, они окончили церковно-приходскую школу. Грамотным были дед по отцу Василий Филиппович, лесной объездчик, прежде Петровского живший в Красной Сторожке (я написал «грамотный» и вспомнил войну: высшим критерием в характеристике (аттестации) любого офицера были слова — «грамотный офицер»).

Школа придала чтению систему. Под руководством учителей, особенно Федора Васильевича Ушакова (в академии под руководством известного гоголеведа С. Машинского), я перечитал и пережил в душе и разуме всю русскую классику, а также великих английских, французских, немецких, американских, испанских, итальянских писателей. Пушкин, Лермонтов, Толстой, Некрасов, Горький, Шолохов помогли понять жизнь, общество, армию, человека, природу в их взаимоза-

висимости, взаимопроникновении, взаимовыражении. Горькому принадлежат слова: «всем хорошим во мне я обязан книгам». Верно! Но я эти слова относил к людям, к людям, написавшим великие книги. Мы стоим на плечах гигантов: они подняли нас на такую высоту, откуда видно глубокое прошлое, широкое настоящее и почти зримо будущее.

А газета «Авангард» публиковала сводки о соревновании колхозов по вывозке удобрений, о ходе посевной, заготовке сена, уборке урожая. Печатались речи прокурора А. Вышинского и защитников Брауде и Комоидова на процессах врагов народа, заметки из зала суда над хулиганами и колдунами...

Да, деревня была небольшая, и быт в ней был, казалось бы, скудный и однообразный. Однако и в этом быте были струны, устои, которые задевали душу, заставляли задумываться.

Отдельно от других на лужайке пасется на привязи лошадь. На ее стойле в конюшне написано: «Лошадь — фонд Красной Армии». В пожарном сарае рядом с машиной (насосом ручным) стоит телега с табличкой: «... повозка Красной Армии». В Красную Армию провожали парней торжественно, всей деревней до ближайшего леса с песнями, музыкой, плясками. Семьи воинов освобождались от налога. Более того. Им всей деревней заготовляли дрова и сено для животных. За невестой солдата бдительно, ревниво смотрела вся деревня. Такие были времена. И я их участник.

Большой культурной отдушиной был приезд в село, погостить к родственникам дачников — жителей Москвы. Они привозили патефоны, футбольные мячи, шахматы, карты, мастерили спортивные снаряды (турники, брусья), давали прокатиться на велосипедах, почитать книги. У них, дачников, свет, хлеб, свое питание, своя одежда. Общались, дружили. Но курение не перенимали, равно как и матерную ругань и другие дурные привычки. Научили стрелять из «Монтекристо» (такой небольшой пистолет). Научили многим песням.

Большой радостью для меня были каникулы. В Москве жили с семьями три сестры матери. Принимали они меня хорошо. Я ходил с ними на демонстрацию на Красную площадь, ездил 18 августа на воздушный праздник в Тушино. Навещал двоюродных сестер в пионерских лагерях, прыгал с парашютом в парке им. Горького, обедал в заводской столовой. И, конечно, смотрел кино: «Алим — крымский разбойник», «Два друга, модель и подруга», «Тачанка», «Если завтра война». Московский быт — ванная, кухня, балкон, радиоприемник, продукты питания — не сравним с деревенским. Казалось, еще вчера

родные жили, как мы, но переехали в Москву — и вот налицо новый образ жизни. Почему так? Чем деревня хуже? С такими мыслями покидал Москву. Высаживался, возвращаясь из Москвы на машине, обтянутой брезентом, в деревне Ивановка и шагал в свое Петровское семь километров, из них четыре лесом.

Неполная средняя и средняя школа в селе Синьково, в 6 км от моего села (3 км лесом, 3 км полем). Туда я и ходил 6 лет (5-10 классы), не пропустил ни одного урока. Прошагал многие тысячи километров в любую погоду. Такие были времена, что в среднюю школу я ходил один из трех деревень (Петровское, Васильево, Подберезное), то есть один из 600-700 человек населения. И недаром.

Школа в конце тридцатых начале сороковых годов, то есть в полном смысле слова в предвоенные годы, переживала расцвет. Главным ее капиталом, а для нас подлинным счастьем, были преподаватели, учителя. Большинство из них окончили Московский или Ленинградский университеты. Усложненные программы средней школы они помогали нам освоить на уровне истинных наук. Учителя резко отличались от сельских жителей одеждой, достатком, образом жизни, хотя и жили среди колхозников, снимали часть обычной избы. Это была народная интеллигенция, которая показывала пример духовно возвышенной жизни. Удивительно было среди полушубков и телогреек видеть преподавателя музыки и пения И. Ф. Чебрикова во фраке с галстуком-бабочкой и скрипкой в футляре. Пенсне дополняло образ учителя. Он проводил не только уроки, учил нотной грамоте. Весь класс был разбит по голосам и составлял хор. Обучение продолжалось и после уроков, в самодеятельности. Ею руководил все тот же учитель. К хору присоединялись учителя — любители пения.

Никто специально не готовил нас к поступлению в военные училища, не вел агитации, не уговаривал куда кому поступать. Но преподаватель военного дела В. Г. Чертков, одетый в полувоенную форму (гимнастерка под ремень, бриджи, сапоги), подтянутый, строгий, немногословный в течение двух лет подготовил и мальчиков, и девочек к сдаче норм на значки «Готов к труду и обороне», «Готов к санитарной обороне», «Готов к противохимической обороне» и «Ворошиловский стрелок». Смысл этой подготовки был прост: всем полезно укреплять здоровье бегом, прыжками, разумными упражнениями. Всем пригодятся навыки оказания простейшей медицинской помощи себе и окружающим, каждому не будет лишним закрепить знания химии применительно к отравляющим веществам и средствам защиты от них в обычной жизни и работе. Совершенно ясно , что в сель-

ской , лесной местности совсем нелишне знать малокалиберную винтовку и на спор с друзьями метко из нее стрелять. Ведь мы с детства увлекались и пугачами, и самодельными (даже с резиновыми оттяжками ударного механизма) пистолетами. Четыре значка олицетворяли некое совершенство юноши и девушки, составляли предмет гордости, а у сельской молодежи вызывали интерес и зависть.

Целесообразность, научный уровень и совершенная методика особенно сказались на освоении циклов предметов естественных и общественных (гуманитарных) наук. Здесь я подхожу к главному в рассказе о подготовке топографической основы для стрельбы артиллерии: батареи, дивизиона. В школе изучались математика (алгебра, геометрия, тригонометрия, стереометрия; мы дошли до бинома Ньютона), физика (механика, электричество, теплота, машиноведение), география (физическая и экономическая), метеорология, астрономия, геодезия, минералогия, геология, химия (неорганическая и органическая), естествознание (биология, физиология, анатомия человека), черчение, рисование. Если перевести все эти предметы на военный язык, мы получим фундаментальную основу применения школьных знаний к конкретным вопросам, составляющим науку артиллерию; внешнюю и внутреннюю баллистику, решение задачи в треугольнике «цель — командир орудие», использование карт с различными проекциями и системами координат, расчеты с помощью таблиц логарифмов, состав порохов и т.д. Цикл таких наук, как история, конституция, литература, немецкий язык формировали мировоззрение, патриотизм, открывали окно в мир, в познание общества, искусства, создавали мотивацию в учебе и труде, а позже и в военной службе. Давно известно выражение: «войны выигрывает школьный учитель». Довоенная школа помогла подготовить 2 млн. офицеров для управления 34 миллионами призванных в РККА в годы войны. Одним из 2-х миллионов был я. Мои учителя, выпустившие меня в жизнь, на войну, с золотым аттестатом, постоянно со мной. Они мои наставники, советчики, помощники. Для меня память о них вечна. Их имена: В. Ф. Чижов, М. Б. Храпов, Б. Н. Ястребов, С. В. Тарыгин, К. М. Горшенин, К. Д. Ефимычев, Ф. Н. Курепанов, Ф. В. Ушаков, Р. В. Власова, М. А. Андреева, Л. И. Златин, М. М. Малиновский, Ф. Ф. Фарафонов — незабвенны.

И еще одно обстоятельство довоенной жизни помогло успешно войти в среду фронтовиков-артиллеристов. Обучение в школе было платным, обходилось 150 руб. в год. По тому времени сумма большая: учителя и инженеры получали 300-400 руб. в месяц, командир

взвода — 700 руб., батареи — 900 руб. Материальное положение в нашей семье было незавидным. Мать и отец колхозники. Я - подросток, юноша помогать мог только тем, что мне было по силам. Ученые подсчитали, что подросток, который растет в деревне, может по мере возмужания выполнять 66 видов различных работ (сделал я однажды список, оказалось — больше). Обязанности носить воду для питья и полива, заготовка дров, заготовка травы на сено, уход за животными и многое другое, конечно, были большим подспорьем, но они не давали дохода, денег для оплаты налогов и содержания семьи. Уже после 7-го класса была сделана попытка определить мою трудовую судьбу: я сдал экзамены в Московский сварочный техникум. Электрическая и газовая сварка в то время были новшеством в науке и практике. Я поступал по примеру моего товарища В. Грачева, который кончил школу на год раньше, но мне учиться не пришлось. Общежитие вместо Москвы (Всехсвятское) оказалось в Балашихе. Мать не стерпела такого обмана и увезла меня домой. Между прочим, в школе, куда она меня привела, чтобы учиться в 8 классе, ее похвалили: я учился хорошо, учителя видели перспективу.

В последнем, десятом классе школы, проблема встала вновь: что делать, куда идти работать, учиться? Бывая в Москве, я не раз прошел мимо университета, авиационного и автотракторного институтов. Но как только начинал об этом с упоением рассказывать, невольно вставала проблема: кто будет содержать меня еще 5-6 лет (ведь платная учеба в школе научила семью экономить на всем). Килограмм белого хлеба стоил 1 руб. 70 копеек, черного 85 копеек. Денег колхозникам не платили. Расчеты по трудодням производились, как правило, по итогам хозяйственного года натурой — зерном, картофелем, соломой, овощами. А ведь надо было жить, питаться, одеваться, но главное, платить налоги не только молоком, мясом, яйцами, шерстью, но деньгами. Выручало подсобное хозяйство — корова, овцы, куры, а также богатства леса цветы, грибы, ягоды. На подмосковных станциях в Москве дары природы продавались, деньги шли на покрытие расходов. Давались они с трудом: до железной дороги (ст. Раменское) было 15 километров, до шоссе (ходили грузовые машины) — семь.

В этой обстановке мне повезло. Шло закрепление за колхозами земли навечно. Два года подряд приезжали из Москвы землемеры — преподаватели и студенты землеустроительного института, производили топографическую съемку местности, составляли карты — планы

земель. Я был нанят за рубль в день выполнять самые простые работы — вытесывать столбики, закреплять их в земле, обкапывать, носить дальномерную рейку и ленту, обозначать железными спицами места установки реек. Постепенно я втянулся в работу на угломерных приборах — теодолите ТТ-30 (алидаде с мензулой). Главное, я уяснил, что если с двух разных точек, положение которых уже нанесено на карту или планшет, взять отсчет углов по третьей точке, то пересечение линий отсчета на планшете даст координаты третьей точки, а масштаб карты (планшета) или измерения с помощью рейки расстояния даст расстояние до нее. Определение точек на местности, закрепление их на планшете составляет так называемый ход; он может быть замкнутым (периметр земель колхоза) или разомкнутым (висячим) в случае, если весь периметр обозначать не нужно. Работа и общение с землемерами — людьми молодыми, веселыми, культурными — было своеобразной школой, помогало закреплению знаний и соединению теории и практики. Не лишними были и 50-60 рублей в бюджете семьи и в оплате учебы.

Хорошая учеба сочеталась с активной общественной работой. Выпускали стенгазету, рисовали стенды «Кто на чем едет» с показателями соревнования. Самолет, паровоз, автомобиль, конь, черепаха наглядно свидетельствовали об оценках учеников, подписанными под «видом транспорта». Пришло время вступать в комсомол, пришло само собою, иначе не могло быть. Но процедура волнующая: заседания, собрания. И вот на лошади везут меня и Люсю Малышеву (мою будущую с 1945 г. жену, мы прожили в браке 52 года) в Раменское, в райком комсомола, и герой боев на оз. Хасан. Субботин вручает билеты (при вступлении в партию по моей просьбе мне оставили комсомольский билет; храню до сих пор). Я не знаю почему, но меня избрали председателем т.н. учкома — ученического комитета. Проводили собрания учеников. Ходили по домам, проверяли условия, в которых живут девочки и мальчики, есть ли у них гигиенические принадлежности — зубной порошок, щетка, дает ли лампа достаточно света при приготовлении уроков. Собирали удобрения: золу. Что все это давало? Развивало чувство товарищества, выводило из круга индивидуализма, создавало общественную опору, надежду: человек не один.

В самодеятельности разучивали песни. Большинство из них способствовало развитию мировоззрения, формировало классовое сознание, приближало к революционной традиции, к еще не известной, но необходимой борьбе:

Заводы, вставайте,
Шеренги смыкайте,
На битву шагайте,
Шагайте, шагайте.
Проверьте прицел,
Заряжайте ружье
На бой, пролетарий,
За дело свое!

И вот еще: «Песня о юном барабанщике»:

Мы шли под грохот канонады,
Мы смерти смотрели в лицо.
Вперед продвигались отряды
Спартаковцев — смелых бойцов.

Вряд ли тогда каждый из нас знал историю организации «Спартак» в Германии. Но ритм, чеканные слова вдохновляли.

Что касается рабочей, пролетарской солидарности, она воспитывалась не только разучиванием и пением «Интернационала», сбором пожертвований на поддержку международной организации революционеров (выдавался специальный значок «МОПР»), ношением, голубых испанских пилоток, но и стихотворениями военного содержания с классовым подтекстом.

В бою схватились двое:
Чужой солдат и наш.
Чужой схватил винтовку,
Сразиться он готов.
«Посмотрим же, как ловко
Встречаешь ты врагов!»
Постой, постой, товарищ,
Винтовку опусти.
Ты не врага встречаешь,
А друга встретил ты.
Такой же я рабочий,
Как твой отец и брат.
Кто нас поссорить хочет -
Для тех оставь заряд.
На тех направь оружье,
Кто сам затеял бой.
И твой сынишка будет
Свободен, как и мой.

Это стихотворение я помню до сих пор потому, что мы встретили Великую Отечественную войну с иллюзиями классовой солидарности. Рассчитывали, что идут рабочие и крестьяне в солдатских шинелях. А на нас шли звери, душегубы, в которых не осталось после фашистского оболванивания ничего человеческого. От наших иллюзий до лозунга «Убей немца, иначе он убьет тебя», «Смерть фашистским захватчикам», до снятия лозунга «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» должно было пройти немало времени. Это стоило нам большой крови.

Среди родственников отца и матери не было офицеров. Правда, муж моей тетки был лейтенантом, служил в Ряжском военкомате. Ему очень шла военная форма (он и без нее был красив). Его звали Иван Григорьевич Чесноков. Приезжая в отпуск, он невольно привлекал к себе нас, мальчишек, вел в ближайший овраг и давал пострелять из пистолета, примерить фуражку и ремень со звездой. Радости, восторгу не было пределу.

Несомненное влияние на выбор профессии оказал и младший брат отца — Владимир Васильевич. Срочную службу он провел на Дальнем Востоке, в Особой Краснознаменной Армии. Он писал оттуда письма, присылал вырезки из газет — в форме, в шлеме, на фоне мишени. Письма бабушке читал я, мне же довелось писать ответы. Когда он демобилизовался в 1938 году, я уже был юношей. Была у меня мечта, хотелось иметь кожаные сапоги, велосипед и ружье. Но мечта целиком не сбылась. Сапоги и велосипед семье были не под силу. А ружье дедовское, шомпольное, с курками дядя Володя передал мне из рук в руки и разрешил пользоваться, ходить с ним на охоту, на тягу. Сначала вместе с ним, а потом и самостоятельно. Порох я делал сам (серу и селитру отец покупал в Москве), дробь катал между сковородками из нарезанных кусочков свинца. Пропорции в порохе серы, селитры и угольной пыли (из древесного угля) помог уяснить учитель химии. Братья отца Петр, Николай, Иван погибли на фронте. А младший — Владимир Васильевич (1912-1997 гг.), служивший во 2-й ударной армии, в мае 1942 г., был вывезен из окружения слепым после ранения. И всю оставшуюся жизнь работал, жил, не сдаваясь, не покоряясь судьбе. Трудно поверить, он один ходил за 2 км в магазин, обрабатывал огород и сад, даже ходил в ближний лес за грибами. Приходил на знакомое с детства место, находил деревья и, опираясь на них, садился на землю, разгребал траву и листву вокруг деревьев и собирал грибы. Я уже приезжал в отпуск из академии, был подполковником, но приходил к нему, как прежде, мальчиком, племянником,

и он вел меня в лес, словно демонстрируя свою уверенность, не допуская, чтобы мы шли рука об руку.

Как-то под влиянием учителя физики я увлекся радиоделом. Самостоятельно смастерил детекторный радиоприемник (кристалл подарил учитель), между двумя деревьями натянул антенну из медной проволоки, сделал прочное заземление (железная коса во влажную землю). Радио открыло мне новый мир. В конце тридцатых годов — время расцвета культуры в стране, больших городах — в деревне, где не было ни клуба, ни библиотеки, ни избы-читальни, где мы, школьники, помогали ликвидации неграмотности, где очагом духовности был священник и церковь, с помощью пластмассовых наушников я был включен в культурную жизнь страны. Весь репертуар Большого и других театров, концертные программы, выступления мастеров художественного слова, репортажи о футболе — все прочно усваивалось. Особенно радостно было зимой. Вокруг снег. Бездорожье. Мороз. В избе холодно, стены не удерживают тепла. А я один на один со своими наушниками переживаю арию Сусанина из одноименной оперы или радиоспектакль «Бесприданница», концерт Утесова, Козина, Шульженко. Я провел провод своему другу и он, опустив наушники в стакан для усиления звука, разделял со мной радость радиопередач. Радио помогло мне запомнить все песни о Красной Армии, все передачи о ней.

Вспоминая предвоенные годы, раздумья о будущей профессии, думаю, что какие-то импульсы дали поступление моего товарища по 7-му классу В. Щукина в Московское специальное артиллерийское училище. Он приезжал к нам в школу в хорошо подогнанной военной форме, рассказывал, что очень доволен. Поступив в училище, я встретился с выпускниками спецшкол и смог сам оценить их достоинства и недостатки. Произвело на меня впечатление и поступление брата нашей ученицы (он кончил 10-й класс на год раньше) в Военно-химическую Академию в городе Калинин. Я встречался с В. Родионовым. Он был доволен учебой и условиями. Одет он был также в добротную военную форму. Я знал также, что из деревни Запрудное в Орловском танковом учится С.К. Куркоткин (будущий маршал Советского Союза), мои родители хорошо знали его семью, а мой крестный отец был их соседом.

Как видно, образ человека в военной форме, человека с ружьем из книг, кинофильмов, передач радио, впечатлений о родственниках и знакомых стал близким, понятным, а потом и желанным.

По совету моего дяди Владимира Васильевича Уткина, отслужившего в армии на Дальнем Востоке, и учителя истории К. Д. Ефимы-

чева, офицера запаса, регулярно проходившего сборы, я стал задумываться о поступлении в офицерское училище. Отец, участник Гражданской войны, подшучивал: «Возьми меня ординарцем». Мать была категорически против, но решения не находила. Я написал письмо в Севастопольское военное училище морских летчиков (объявление прочитал в газете). Мне показалось, что в этом названии сошлось все: Севастополь, командир, летчик, море, 4 года учебы. Все радовало, привлекало. Многие ребята из окрестных сел ходили в село Мячково, на аэродром, занимались в кружках Осоавиахима. Вскоре из училища через военкомат пришел пакет документов: анкеты, проспекты, снимки. Читал, перечитывал. Настало время экзаменов в школе. Училище отошло на второй план. 14 июня 1941 г. был выпускной вечер. 15 июня комсомольское собрание. Все! Школа позади!

Хорошо переданы ощущения молодых людей, выпускников средних школ весны и лета 1941 года, вступавших в новую жизнь, в словах широко известной песни Л. Лещенко:

Были юными и счастливыми
В незапамятном том году.
Были девушки все красивыми
И черемуха вся в цвету.

Что их ждет впереди? Как сложится судьба? Это завтра. А сегодня выпускной вечер, радость по поводу завершения большого труда, грусть расставания с товарищами и подругами. Ведь вместе провели долгих шесть лет с 5-го по 10-й класс. Тревожно билось сердце, особенно при воспоминании о наиболее близких, среди которых, конечно, была одна — самая красивая, самая хорошая. Хотелось думать, что расстаемся не надолго, что юношеские чувства перерастут в нечто большее, что они найдут понимание, вызовут ответное признание.

Нас, окончивших в 1941 г. Синьковскую школу Раменского района Московской области, было всего четырнадцать — девять девочек и пять мальчиков. Дожить до нынешних дней посчастливилось лишь двоим. Мы с Александром Дугиным воевали вместе под Белгородом. Он рано ушел из армии по инвалидности. До сих пор работает. А грустим мы с ним по-прежнему, как в молодости. Правда, уже по телефону.

Ученые статистики и историки определили, что из поколения 1923 года рождения с фронта живыми вернулось только четверо из ста воевавших.

Нет никакой моей вины,
В том, что другие не пришли с войны.
И все они, кто старше, кто моложе...
Поймите, не о том же речь,
Что я их мог,
Но не сумел сберечь.
Речь не о том.
Но все же, все же, все же...

(*А.Твардовский*)

16 июня у нас были гости, родные. Сидели за столом. Вдруг в окошко постучал почтальон. «Шура, Борису повестка. Завтра, 17 июня быть в военкомате, в Раменском». Ни я, ни родные не предполагали, чем будет для меня и для них 17 июня, думали, вызовут, поговорят...

Утром, одетый по-летнему — в футболке со шнурками, брюках и парусиновых ботинках, с небольшим узелком, я отмахал за короткое время 15 километров и предстал в военкомате перед политруком Овсянниковым (фамилия — на двери кабинета). Краткая беседа, упреки за то, что неверно выбрал училище («будешь три года хвосты самолетам заносить») и неожиданное предложение: «Поступай в Московское артиллерийское училище. Знаешь, какие там пушки, и показал на свой книжный шкаф. Он не знал, что орудия в училище в несколько раз превышают его кабинет. Это я узнал вечером того же дня. И добавил: Сегодня у вас есть выбор. А через неделю и ты, и твои дружки поедут туда, куда пошлем. Иди в коридор, думай».

Думал я недолго. Да и что я мог придумать. С другой стороны: Москва, рядом будут многочисленные родные — сестры матери. До родного села 45 километров на автобусе и 7 км пешком. И я согласился.

Затем последовал краткий осмотр у врача, вручение направления и билета на поезд. И судьба моя решилась. Еду в Москву.

* * *

Вечером 17 июня 1941 года, во вторник, я прибыл в Москву, на Хорошевское шоссе и остановился у входа в здание, на котором сияли буквы внушительной вывески: «Первое Московское Краснознаменное Артиллерийское училище имени Л.Б. Красина». У ворот стояли две пушки, видимо, еще «времен Очакова и покоренья Крыма». Но символ артиллерии вызвал и интерес и улыбку. Лишь одно слово из

вывески мне было понятно — «Московское», все остальное предстояло понять. Дежурный курсант прочитал мое направление из военкомата, позвонил куда-то и отвел меня в клуб. Там такие же, как я, поступающие ожидали решения своей судьбы. Стал ждать и я. Около девяти часов вечера меня офицер в отлично подогнанном обмундировании, вооруженный пистолетом, ввел в кабинет начальника училища. За столом сидел моложавый полковник с четырьмя шпалами в петлице. Взгляд доброжелательный, улыбка располагающая. Пригласил сесть у стола, сам встал и сел напротив. Беседа была короткой, обстановка встречи была такой домашней, простой, что я с трудом вспоминаю, о чем говорили. Казалось, полковник Юрий Павлович Бажанов, будущий маршал артиллерии, все знал обо мне и отвечал за меня. Но концовка разговора запомнилась, в ней содержалось некое мое обязательство: «Ну что, товарищ (!) Уткин, будет из вас командир-артиллерист?» — спросил полковник. Я робко ответил: «Будет». Крепкое рукопожатие, и офицер повел меня к месту моей службы.

В 1967-1971 гг. я был начальником высшего военного училища. Провел пять наборов курсантов, по 300-400 человек в год. И каждого принимал так, как меня принял Ю. П. Бажанов.

...Прошли три четырехэтажных здания. Справа открыто стояли в строгом порядке зачехленные орудия и тракторы-тягачи. В конце прямой асфальтированной дороги (линейки) находилось четвертое здание — казарма. На первом этаже прочитал надпись — «парковая батарея», на втором — «10 батарея топографической разведки», на третьем — «11 батарея звукометрической разведки», на последнем, четвертом две вывески: «Штаб дивизиона артиллерийской инструментальной разведки», рядом «12 батарея фотограмметрической разведки». Невольно подумалось: райвоенком агитировал в артиллерию, а направил в разведку. Все было непонятно в тот первый, такой длинный и богатый событиями и впечатлениями день моей пятидесятилетней службы. Уверен, что каждый ветеран хорошо помнит свой первый военный день. Позже я узнал, что сопровождал меня начальник штаба четвертого дивизиона (дивизиона АИР-артиллерийской инструментальной разведки) лейтенант И. Шахотько. Он был первый, с кого хотелось брать пример, — высок, красив, строен, бархатные петлицы с перекрещенными стволами (напоминали пушки у входа в училище, были одного рода с ними), в них по два квадратных знака отличия. Почему-то в армии их называют не квадратами, а кубиками, «кубарями». Отличие старших офицеров — то есть от капитана и выше

— треугольник, «шпала». Блестят рубиновым светом узкие золотистые нашивки на рукаве, щегольская фуражка, начищенные до блеска хромовые сапоги со шпорами, клинок, пистолет. Картинка!

Меня принял от лейтенанта помощник старшины старший сержант сверхсрочник А. И. Родин (он прибыл служить из армии, имел большой опыт). Старшиной из курсантов, как я узнал позже, был приехавший из Ленинграда Н. Николаев. Родин указал мне кровать (на втором ярусе, с пружинной сеткой и всеми постельными принадлежностями), тумбочку с туалетными принадлежностями, провел по расположению батареи, показал умывальник, туалетную комнату, кладовую личных вещей (там я и оставил свой узелок). На некоторых кроватях уже спали молодые люди. После трудного дня заснул и я, чтобы утром проснуться курсантом 12-й батареи артиллерийской фотограмметрической разведки. Так и хочется добавить — приснился лейтенант Шахотько. Нет, этого я не помню. Отчетливо звучало лишь «будет», «будет». Будет офицер, генерал, даже генерал-полковник. Но это все потом. А сегодня кончилось детство, отрочество. Завтра была военная служба, а через пять дней — война.

Уверен, что для человека в армии жизнь начинается с множества вопросов. Это в чем-то сходно с детством: дети не отстают от родителей, спрашивая, что, почему, где, куда, и т.д. Идет активное познание окружающей действительности, столкновение познанного, усвоенного, привычного с новым, необычным. Эта сшибка в мозгу разных знаний, убеждений, понятий, характеров, темпераментов, стереотипов не проходит безболезненно, бесследно. Повезло тому воину, командир которого понимает это, идет навстречу, управляет тонко психологией новобранца, вводит в новый мир знаний, понятий, слов. Да, все начинается с языка, на котором говорит армия. Попробуйте отвлечься и расшифровать слова — «подъем», «отбой», «пирамида», «батарея, пошел в батарею, т.е. в расположение», «парк», «глазомер», «район», «дневальный», «маяк», «наряд», «смирно», «щель», «вилка», «паршаги», «паршагов», «разъезд» и т.д. Ни в каких, даже толковых словарях, даже у В.И. Даля этих слов применительно к армии нет. Это еще не линии и углы, характеризующие артиллерийскую стрельбу. И не сокращения ОП, НП, ДБ, ПС, КП, Ку, Шу и т.д. Это еще впереди. Пока новичок осваивает терминологию, у старших растет раздражение — забыли , что были такими же.

Еще одна трудность для курсанта без опыта — ограничения. Без спроса командира — никуда. Границы поста, района расположения училища, батареи — воспринимаются как государственная граница.

Передвижение только строем, под руководством старшего. В столовую — с песней. Вечерняя прогулка — с песней. Форму одежды объявляет дежурный. Все действия ограничены временем, нормативами. Все, что нужно воину, все выдано, ничего своего, индивидуального, все у всех одинаковое. При разговоре военнослужащие принимают стойку «смирно», при встрече — отдают другу честь. Отвечать, говорить — лишь по разрешению старшего, при появлении старшего подавать команду «смирно».

Еще одно трудное, подчас необъяснимое правило, что командир, старший всегда прав. Что бы он ни сделал: назначил не других, а тебя в наряд, на работу — он прав, действия его неоспоримы. Отказываться, доказывать его несправедливость, жаловаться при других в строю — преступление. «Приказ командира — приказ Родины» — это положение поднимает любое распоряжение на уровень государства, освящается авторитетом Отечества.

Второй день пребывания в училище начался с громкой, много раз повторенной команды «Подъем». Но я давно не спал, по деревенской привычке просыпался рано. Поутру хорошо направиться в лес, в места, где до тебя еще никто не побывал и не собрал твоих грибов или ягод. Оказалось, что кровати почти все заняты, видимо, вечером мне было не до наблюдений. Команды раздавались одна за другой. Не успели умыться — «Выходи строиться». Потом была баня (светлая, чистая, с хорошим запахом), со стрижкой головы, переодевание во все казенное: белье, обмундирование, сапоги, пилотка. Как ни странно, сапоги оказались впору моим многострадальным ногам, прошедшим многие тысячи школьных километров. По возвращении закрепили винтовку СВТ (самозарядная, Токарева, с магазином на 10 патронов), револьвер «Наган», выдали клинок, шпоры. Каждый получил полевую сумку, набор цветных карандашей, тетради и полевую книжку: бланки донесений командира о выполнении задач. Снова прозвучала команда — на этот раз в столовую, на первый завтрак. Столовая поразила красотой и порядком. Столы на четверых. Белоснежные скатерти. Никелированные чайники, ложки, вилки, ножи. Салфетки. Приборы для специй. Графины с водой. И официантки с высокими наколками и в фартучках. Еда, чай, все сверх ожидания (кстати, в 11 часов — второй завтрак). С тех пор я пришел к выводу и остаюсь при своем мнении до нынешних дней, что в широком смысле в армии хорошо тогда, когда в ней лучше, чем дома. К сожалению, времена меняются. И чтобы изменить отношение к армии и положение в ней,

нужно изменить обстоятельства, армия должна быть привлекательной. Когда в послевоенные годы я был пять лет начальником училища, то категорически отказался от гигиенических покрытий столов — столы застелили скатертями, избавились от алюминиевой посуды, одели официанток по форме, т.е. создали почти ту атмосферу, какая была в столовой Московского артиллерийского училища в 1941 году. Стране было трудно, враг стоял у ворот Москвы, а нас, курсантов, кормили по девятой норме (самой лучшей, лучше лётной!), даже подавали гурьевскую кашу с изюмом. Масло, красная рыба, сахар, белый хлеб — все это настолько было контрастно деревенскому быту, что было немного стыдно за свое прошлое, за то, как мы жили. Оказывается, была и другая жизнь. Все это в душе, в уме. Кому об этом скажешь.

В течение дня сначала всех прибывших распределили по отделениям (расчетам) орудий. Я в первом расчете — заряжающий (через три месяца наводчик), мой командир — курсант А. Новичков; потом по взводам (мой взвод первый, помкомвзвода Ю. Ряховский), командир — лейтенант С. Митюшкин, окончивший училище в мае 1941 года. Затем было построение батареи. Оказалось, нас — 33. Вторым взводом командовал лейтенант В. Додонов; он только что прибыл из Чкалова (Оренбурга), где проходил перед выпуском практику летчика-наблюдателя. Командир дивизиона капитан А. Клячкин представил сначала комиссара — батальонного комиссара В. Соловьева, потом начальника штаба лейтенанта А. Шахотько и, наконец, командира 12-й батареи старшего лейтенанта С. Гука. Командира дивизиона проводили, ответ на его «До свидания, товарищи», слаженным не получился. И вот уже старший лейтенант Гук подчиняет нас своей воле: «Батарея, слушай мою команду». Мою команду, а не чью-нибудь! Спасибо Вам, дорогой командир. Ваша команда была доброй, приветной, вдохновляющей, примерной и мудрой. Говорят, ученик не сосуд, который нужно наполнить, а факел, который нужно зажечь. Вы зажгли наш факел. Он и сейчас горит.

В октябре 1956 года на Военном Совете 20-й гвардейской армии командир полка И. Григорьев и я — подполковник, заместитель по политчасти 744-го гвардейского артполка 10-й танковой дивизии, получив заслуженное полком в соревновании — 36 полков армии переходящее Красное Знамя и грамоту за первое место, спускались со сцены в зал. Я нес знамя, командир — именные подарки. И вдруг в зале я увидел знакомое, дорогое лицо. Это был подполковник С. Гук. Позже я узнал, что он служит начальником штаба в армейском реак-

тивном полку. Искренним моим желанием было вручить знамя ему, моему первому командиру-учителю. И назначить его на самую важную должность в армии.... В перерыве были воспоминания. Но каждый пошел своей дорогой. У С. Гука, всю войну прослужившего в училище на Урале, судьба сложилась по-своему.

Батарея, подразделение, коллектив — отныне мой дом. Кем он населен, кто они, мои товарищи, с кем мне предстоит делить и хлеб, и досуг, радости, огорчения? Сначала все курсанты, а их в батарее 33, казались чужими. Так хотелось увидеть хоть какое-то знакомое лицо. По мере службы я смог представить, из кого состоял наш коллектив. Проявились большие различия между нами, были и сходства. Как учит наука психология, появились малые группы со своими лидерами. Нашлись и приятели, друзья, которые стали ближе других. До конца учебы крепко дружил я с В. Морозовым (он из Рязани) и В. Галкиным (из Тулы).

Мы, курсанты, были примерно одного возраста - 1923-1924 г. рождения. У всех, кроме двоих, было среднее образование — 10 классов (наша стипендия 70 рублей в месяц, у тех, у кого неполное образование 45). Со средним образованием юноши пришли после окончания школ в 1941 г., сверхсрочники (двое) — из армии, отслужив срочную службу. Половина курсантов была из Москвы, четверть из Подмосковья, остальные из Ленинграда. Ребят городских было примерно две трети. Отличников, принятых без экзаменов, было 15-20 процентов, проявили недостаточную грамотность 20-25 процентов. Это подтвердили и выпускные экзамены в апреле 1942 г.: 10 из нас получили звание лейтенанта, 15 стали младшими лейтенантами, 8 были выпущены старшими сержантами (офицерами стали на фронте).

Резкая разница в личном составе особенно проявлялась в двух плоскостях. Во первых, около половины курсантов вышли из специальных артиллерийских школ. Они пришли в военной форме, которую носили три года, имели за плечами знания основ военных дисциплин, артиллерии, направо и налево щеголяли военными терминами. Хороша была строевая выучка, физическая подготовка. «Спецы», как и мы их, и сами себя они называли, были связаны между собой крепкими узами. Практически они все стали командирами отделений, наводчиками (зам. командира орудий), старшими на всех работах. Но предшественники суворовцев были слабы в главном: их знания были поверхностными, а мораль отчасти ущербной (мат, скабрезные анекдоты, курение, жестокость по отношению к другим). Первые три-

четыре месяца «спецы» верховодили. Но первая же встреча с полной подготовкой данных для стрельбы, с таблицами логарифмов сдула с них юношескую спесь. А научиться навертывать портянки, чистить сапоги, подшивать воротничок, упражняться на снарядах для нас, ребят «гражданских» не составило большого труда. Половина «спецов» ушла в войска младшими лейтенантами и сержантами. Став начальником училища, я вспомнил курсантские годы. Было установлено правило: командирами к молодым курсантам лучше назначать из их среды, необученных, чем обученного, но ущербного сержанта из армии. Суворовцев ставить командирами я запретил. Они принесли с собой бескультурье и жестокость, хотя и имели диплом переводчика с английского языка.

Но самая большая разница между курсантами была в социальном положении их родителей. В большинстве своем мы были выходцы из семей крестьян и рабочих. У нас свой образ жизни, свой уровень потребностей, свои трудовые навыки. Но рядом с нами оказались юноши — сыновья народных комиссаров, начальников главков и трестов, многозвездных генералов. Скоро это стало заметно. Я с матерью украдкой встречаюсь у забора, а моего соседа отец увозит домой на правительственной машине ... Мы приходим на занятия после караула, а курсант Н. прибывает на той же машине на занятия. Элитные мальчики были тесно связаны между собой, подчас трудно было поверить, в то, что они рассказывали о своих шалостях в Большом театре. Командиры это знали, думается, в меру ограничивали рамки несправедливости. Но мы, между собой, постоянно это переживали. Помогла учеба: порочный человек плохо учится. Стыдно вспоминать, но один из представителей элиты был осужден и отослан служить солдатом в маршевую роту.

Процесс осознания перемен, освоения нового, привыкания не был для меня безболезненным. Нет. Было все. Обиды, огорчения, слезы (да, слезы наедине с самим собой, втихомолку, в том числе на посту. У маститых военных — П. Кропоткина, А. Брусилова, М. Бонч-Бруевича — в мемуарах встречается такое определение поры военной юности — «хотелось выть...». Недаром! Молодая, неокрепшая, незакаленная психика воина-новобранца ждет от командира и материнской нежности, защиты (они неожиданно уступили место команде, чужой воле), и отцовской мудрости, строгости, права на внушение и пример. В мой первоначальной службе было несколько промахов, провинностей, за которые по уставу я должен быть наказан. Понимая это, осоз-

навая свою вину, я ждал наказания (устав отводил на объявление наказания две недели), но ни разу не был наказан. И я понял, что ожидание наказания, самооценка, переживания, связанные с проступком, — сильнее всякого выговора или чего-то более серьезного. Я всю жизнь помнил это. И после войны поехал в училище, побывал в караульном помещении и долго смотрел на потолок: туда ушла пуля из моей винтовки, когда я после отдыха, спросонья, зарядив по команде оружие, нажал на спусковой крючок. Оказалось, на потолке пробоин четыре. Видимо, не один я сделал непроизвольный выстрел. А в ту ночь командир батареи (дежурный по училищу) и командир взвода (начальник караула) по очереди проверяли мою службу на почетном первом посту. Наверное, берегли, жалели. И хорошо сделали.

Я невольно расширяю диапазон повествования. Выводы, обобщения пришли позже, в процессе службы. Но служба начиналась с того, что, видимо, переживали и другие.

Волнения, и тревоги первых дней постепенно, улеглись. Во многом этому способствовал разумный распорядок дня. Подъем, туалет, физзарядка, уборка района, арттренаж, завтраки, занятия, обед, послеобеденный отдых (сон!), уход за оружием, самоподготовка, ужин, проверка, прогулка, отбой, полноценный ночной отдых в чистой, удобной постели — дисциплинировали ум, психику, тело. Распорядок дня — залог здоровья и успехов в службе.

Пожалуй, первостепенное значение в становлении курсанта имело объявление о программе обучения и последующая реализация программы, хотя методика обучения и воспитания значительно отличалась от школьной. Но преподаватели, командиры сумели очень скоро убедить нас в целесообразности методики, и преуспели они в этом благодаря превосходному оборудованию классов, совершенству материально-технической базы в целом. К тому же обучение проводилось на закрепленной боевой технике; орудия вообще и орудие «мое», «расчет мой» и расчет соседний — имеют разный смысл.

Нам подробно рассказали, что обучение рассчитано на три года. Девизом обучения является эпиграф к основному документу артиллерии РККА «Правила стрельбы наземной артиллерии: быть хорошим артиллеристом, особенно артиллерийским командиром, означает быть всесторонне образованным человеком. Ни один род войск не требует такого ума, воли, мужества и культуры, как артиллерия». Эпиграф воодушевлял, вдохновлял. Вскоре к нему добавилось «артиллерия — бог войны» (это определение давно культивировалось в русской армии, но постепенно в 19 веке забылось. После Финской войны выражение получило сохранившее значение до наших дней современное звучание. Позже я доподлинно узнал, что А.С. Пушкин страстно желал стать офицером-артиллеристом и, как тогда говорили, «выйти» из Царскосельского лицея в гвардейскую артиллерию. Он даже защитил кандидатскую диссертацию на тему: «Изготовление и применение артиллерийских орудий в Европе и России в XVIII веке». Жаль, что состояние семьи Пушкиных не обеспечивало содержания офицера гвардии, отец смог выделить деньги только на содержание офицера в обычном линейном пехотном полку. Артиллерия не получила стремящегося в ее ряды офицера — литература обрела мирового гения.

Московское артиллерийское училище готовило офицеров для корпусной артиллерии, т.е. артиллерии корпусов. В каждом стрелковом корпусе, а также в артиллерии Резерва Главного Командования (АРГК) были корпусные артиллерийские полки, на вооружении которых состояли 152-мм гаубицы-пушки (дальность стрельбы 17230 м) и 122-мм пушки (с дальностью 20000 м) и дивизион АИР (топо-, звуко- и фотобатареи), а также авиационная эскадрилья или разведывательный авиационный полк. Для дивизионной артиллерии офицеров готовили Ленинградские (три), Киевские (два), Сумское и Хабаровское училища. Рязанское училище было ориентировано на орудия особой мощности (ОМ; 305-405-мм), Одесское — большей мощности (БМ; 203-мм).

Предполагалось, что в первые два года обучение будет производиться в Москве и в лагерях под Москвой. За это время была возможность дать всестороннюю подготовку офицера-артиллериста в тактическом, огневом и техническом отношении, а также в особом — специальной артиллерийской фотограмметрической службе. Последний год (практически — полгода, до выпуска в июне) обучение переносилось в Чкалов, в военное авиационное училище, где подготовленный в Москве офицер артиллерийской инструментальной разведки получал специализацию летчика-наблюдателя. Планирование и использование аэрофотосъемки комплексировалось с ведением огня с помощью самолета (аэростата). Программа несколько уравновесила мое желание учиться в Севастополе на морского летчика с новой вполне перспективной профессией АИР. Артиллерия имела свою Академию с шестилетним сроком обучения. И я видел пример ее выпускников — начальник училища Ю. Бажанов и командир дивизиона АИР капитан С. Клячкин.

Целеустремленная, перспективная программа трехлетнего обучения в Москве, в центре культуры, духовного богатства страны, под руководством опытных интеллигентных офицеров, возможность об-

щения с родными в значительной мере повлияли на мое душевное состояние. Я смог по телефону сообщить родственникам, где я, что со мной. Правда, с матерью я повидался только в конце июня, когда нес службу дневального по контрольно-пропускному пункту, рядом с теми пушками, которые вызвали мою улыбку 17 июня. Мать меня узнала с трудом: я был в парадной тонкосуконной форме, с клинком, револьвером, при шпорах. Так и сфотографировал нас курсант Ю. Лизунов вместе с другом из Тулы курсантом В. Галкиным. С матерью мы поплакали у забора. Дала она мне булку и банку земляники. Но в батарее гостинцы отобрал старшина — ленинградец Николаев. «Вы здешний, Вам еще принесут. — Нам, из Ленинграда, кто принесет?» И немедленно с друзьями съел и булку, и землянику. Вот когда мне, как пажу князю Кропоткину, захотелось выть...

К сожалению, этой богатой по замыслу и содержанию программе не суждено было сбыться. 22 июня 1941 г. началась война, а через месяц, вечером 22 июля, — первая бомбардировка Москвы германской авиацией. В программу были внесены глубочайшие изменения.

Первый день войны — 22 июня 1941 г. — запомнился митингом всего училища в артиллерийском парке. Я впервые увидел такое большое количество курсантов — три огневых дивизиона (по три батареи в каждом), наш дивизион АИР (тоже три батареи), еще одно подразделение, которое размещалось в бывшем конноартиллерийском дивизионе (там, как выяснилось позже, начиналось формирование первых ракетных батарей), подразделения обеспечения и обслуживания. На тротуаре стояли женщины и дети (семьи офицеров размещались в таких же краснокирпичных четырехэтажных зданиях, сзади казарм). Волнующе, призывно играл оркестр. Царила обстановка торжественности, важности момента.

Товарищи, война!

Жила страна, творя и созидая,
Трудясь порой без отдыха и сна.
Вдруг пронеслось от края и до края,
Как гром с небес: Товарищи, война!
    Все замерло, как перед бурей море.
    Лишь матери заплакали навзрыд,
    Сердцами понимая зло и горе,
    Что ворвались в их семьи, жизнь и быт.
Страна ждала. И вот товарищ Сталин
Сказал о том, чему быть суждено:

За нами правда. Правда крепче стали.
Мы победим. Иного не дано!
    И веры дух поднял сынов Отчизны,
    И встали нерушимою стеной
    Бойцы ... во имя жизни
    На битву ту с фашистскою ордой...
Та битва стала схваткою всесветной,
В ней море крови пролито и слез.
И наш солдат в отваге беззаветной
Победы знамя на рейхстаг вознес.

(*В. Харитонов-Верин*)

Были включены мощные уличные громкоговорители — репродукторы. Слышно было хорошо, но голос В. М. Молотова, и без того заикающийся, сильно искажался динамиками, звуки отражались от зданий, накладывались друг на друга, смешивались. На площади стоял сильный шум. Но все поняли главное: «Война. Победа будет за нами». Митинг был коротким. Эмоциональными были выступления батальонного комиссара Соловьева ветерана Гражданской войны, капитана Попова — участника советско-финской войны. В заключение с речью выступил полковник Ю.П. Бажанов. Из речей легко усваивался главный вывод: война продлится недолго, может быть, две-три недели. Противник наверняка будет разгромлен. Артиллерия сыграет в разгроме врага решающую роль. Потом училище в батарейных колоннах прошло мимо трибуны. Для каждой батареи оркестр играл свой марш. Наша шла под «Марш энтузиастов» («Все выше, выше и выше...»). Расходились по казармам с песнями. Мы пели свою, коронную:

По широким дорогам колхозным,
По московским большим площадям
Мы проходим лавиною грозной.
Мы готовы к боям.
Для защиты свободы и мира
Есть гранаты, готова шрапнель.
Наши пушки и наши мортиры
Бьют без промаха в цель.
Если враг к нам захочет ворваться,
Боевая настанет пора.
По-геройски за Родину драться
Будут все номера.

Песню венчал припев:

Артиллеристы, точней прицел,
Разведчик зорок, наводчик смел.
Врагу мы скажем: нашу Родину не тронь,
А то откроем сокрушительный огонь!

Если начало войны запомнилось митингом и укреплением веры в скорую победу, то первая бомбежка Москвы принесла другие впечатления. После ужина 22 июля батарея с 21-го до 22-х часов находилась на вечерней поверке и прогулке. Завыли сирены. Невольно посмотрели на ночное небо: оно было усеяно множеством звезд. Но странно звезды двигались. Через некоторое время небо расцветили прожекторы, их было много, и можно было понять, что ими искусно управляют. Лучи группировались, объединялись, и становилась видна цель — самолет. Именно вокруг этой точки-цели появились шапки разрывов, а до нас донесся гул стрельбы зенитной артиллерии. Все это мы наблюдали из щелей, отрытых нами же на уроках по инженерной подготовке. Район был экологически неблагополучный, недалеко городские свалки. Сидеть в щелях, дышать смрадным воздухом в летний душный вечер было нестерпимо. Мы вышли на поверхность и следили за боем в воздухе. К нашей большой радости, увидели: падает немецкий самолет. Сбили! А вокруг пылали пожары — немцы сбрасывали зажигательные бомбы на расположенные недалеко от училища Белорусский вокзал, танкоремонтный завод, Тушинский аэродром. Вскоре загорелись склады училища, и нас старшина повел к месту пожара. Мы подносили ведра с водой, сливали в бочку; другие качали насос. Но главное было в другом. На посту, на вышке стоял часовой, красноармеец. Огонь подступил к вышке, она загорелась. Все кричали, звали начальство. Но даже мы, молодые курсанты, успели за месяц уяснить, что снять часового с поста может только разводящий, начальник караула и командир части. Никого из них не оказалось. Я увидел в этом эпизоде всю войну сразу: человек долга гибнет на посту, покинуть его не позволяет закон, устав. Начальники не предусмотрели вариантов спасения человека, значит, у них мало предвидения, ответственности...

Кругом все горело. Огонь, дым, неизвестность. Казалось, придет утро и не увидим Москвы. Но у страха глаза велики: рассвело, вернулись в казарму. Привели себя в порядок. И на занятия. А ночи подобные этой повторялись с тех пор до конца обороны Москвы.

Война, бомбардировки Москвы, обстановка в Москве в связи с приближением к ней фронта, выполнение основной задачи подготовка офицеров теперь уже для фронта — преобразили жизнь училища, усложнили и видоизменили формы его деятельности. Теперь насущными, необходимыми стали две задачи: учеба и участие в обороне Москвы.

Нам казалось (понять это было нетрудно), что в учебе предстояло взять несколько рубежей. Подготовиться к принятию присяги, изучить общевоенные уставы, стрелковое оружие, выполнить стрельбы из винтовки и револьвера. На это ушел июль.

Присягу приняли 22 июля утром, в торжественной обстановке. Подписался я под клятвой воина на верность Родине, встал в строй, а про себя прочитал запомнившееся с детства стихотворение Демьяна Бедного «Честь красноармейца». Оно глубоко запало в душу и было всегда созвучно моим взглядам:

Красноармеец Пров, Мефодий,
Вавила, Клим, Иван, Сафрон,
Не ты ль, смахнув всех благородий,
Дворян оставил без угодий,
Князей, баронов без корон.

...Тебе, принесший гибель змею,
Кузьме, Даниле, Фалалею,
Твоих имен не перечесть.
Слагаю стих я, как умею,
И отдаю по форме честь!

Да, я вступил в РККА! Вступил добровольно. Я встал в строй таких же красноармейцев, которым страна отдавала честь за их заслуги прошлые, настоящие, будущие

Затем начали усиленно тренироваться в исполнении обязанностей наводчика, командира орудия. Сдали на права водителя автомобиля. Ждали выпуска по этим огневым специальностям. Вместе с этим шла усиленная подготовка по профессии — артиллерийской фотограмметрии.

Одновременно ни на минуту не прекращалось изучение материальной части орудий, боеприпасов, теоретическая подготовка и тренажи по стрельбе и огневой службе. Вызывали восхищение классы по материальной части: орудие в собранном виде, орудие разрезное (но

действующее!), каждая деталь отдельно, плакаты. То же по автомобилю, трактору. Масса книг по артиллерийской стрельбе. Учебники Дьяконова, Капустина, Блинова, Винарского и Пеха, отдельно — сержанта артиллерии, солдата-телефониста, радиста, топографа...

В лагере Алабино отрабатывались задачи по тактике, топографии, огневой службе, гранатометанию, стрельбам прямой наводкой и с закрытых позиций.

Постепенно перестали думать о выпуске сержантами, к осени стало ясно, наше обучение рассчитано на подготовку командиров взводов АИР.

Другая часть нашей учебы (она проходила ночью, а потом прихватывала и день) была связана с Москвой, ее обороной, поддержанием порядка в ней. В целях противовоздушной обороны (ПВО) батарея была распределена по расчетам для несения службы на крышах зданий в расположении училища. Расчет был оснащен стереотрубами, ручными пулеметами и клещами для сбрасывания с крыш зажигательных бомб (если их не удалось погасить в ящике с песком). Все посты были связаны телефоном. Имели планшеты. Это известное в артиллерии сопряженное наблюдение (СНД) велось за воздухом, за местностью. В случае, если шпионы (сигнальщики) ракетой указывали немцам цель (а это не было редкостью в 1941 г.), место ракетчика засекалось. Если это в зоне досягаемости огня, открывался пулеметный огонь. Координаты дальних целей сообщались в милицию.

Мы помогали семьям офицеров училища занять места в убежищах. До сих пор невозможно забыть испуганные лица и глаза детей: каждый вечер ждать тревоги и уходить из дома в неизвестность.

На нашей батарее (и на других) лежала обязанность выезжать на прочесывание местности с целью задержания диверсантов, патрулировать улицы Москвы, вокзалы. Была еще одна обязанность: провожать в последний путь погибших на фронте генералов. Картина тяжелая: траурная обстановка крематория, речи, залпы прощального салюта, гимн, прохождения маршем. Столь же щемящими оказывались проводы коммунистических батальонов на фронт. За сутки профессора, студенты, журналисты, писатели — все становились солдатами, уходили в бой под Ельню, Вязьму, Москву. Уходили с песней — они на фронт, мы — на крыши или в поиск.

Московский период службы приближался к концу. Октябрь — оборона Москвы под Волоколамском, потом парад 7 ноября 1941 г. на Красной площади и эвакуация. Куда? Оказалось, на Урал, 70 км юго-западнее Челябинска, город Миасс...

Окончание училища столь же памятно, как и первый день военной службы. 17 апреля 1942 года, яркий солнечный день. Такие дни в Миассе, на Урале не частое явление. Я стоял в карауле на посту в парке боевых машин реактивной артиллерии. Время шло к очередной смене. И действительно, разводящий младший сержант Алексей Новичков привел караульных, произвел смену часовых и, когда я встал в строй, громко воскликнул: «Уткин — Вы лейтенант!» Я не удержался: «А Вы?» — «Тоже» — был ответ. О других спрашивать постеснялся. В караульном помещении все уже знали о приказе, о выпуске. Было оживленно, немножко грустно — ведь десять месяцев вместе, а теперь предстоит разлука.

События нарастали. На другой день комиссар батареи (лейтенант И. Абраменков) нарезал лоскутами кумачовую скатерть в ленкомнате, раздал нам, а мы кусочки жести обшили красной материей и прикрепили к петлицам «кубари». Еще день ушел на собрания, инструктажи, расчеты. И вот финал: торжественный обед (обед улучшенный), но главное — оркестр под управлением дирижера училища майора Лялина (хорошо знаком по разводкам караула и параду 7.11.41) играет для нас популярные мелодии. Такого еще не было.

Вечером — эшелон, товарный вагон, вещмешок под головой. Через сутки переехали Волгу в Куйбышеве, еще через двое суток — Москва, Китайский проезд, дом 9, Главное управление кадров артиллерии РККА.

Нас, выпускников, принял начальник Управления генерал П. В. Гамов. Рассказал о положении на фронте, о том, как нас ждут в войсках. Объявили списки групп, отправляющихся на различные фронты. Я в составе небольшой группы направлялся на Воронежский фронт (запасный командный пункт Саратов).

Короткие встречи с родными. Ночью съездил в родную деревню, вернулись с матерью в Москву, сфотографировались на Арбате. И ныне я храню эту фотографию: молодой лейтенант с двумя кубарями и его мать, провожающая сына на фронт.

...Саратов запомнился не только назначением в часть, но и отношением к военным. Мы зашли пообедать в столовую военторга. Встали в очередь. Вдруг подходит администратор и говорит: «Орденоносцы у нас без очереди». Она приняла оборонные значки на наших гимнастерках за ордена! Вот какая цена была в народе в то время человеку со знаками отличия. Вечером поезд увозил нас на станцию Татищево, близ которой в поселке Октябрьском располагался 8-й запасной артиллерийский полк Воронежского фронта.

* * *

Моя фронтовая жизнь как командира-артиллериста началась 17 июля 1942 г. Этот день стал во многом памятным и определяющим в моей службе. Еще утром мы и не предполагали, что вечером окажемся на передовой. Мы — это группа офицеров-выпускников Московского артиллерийского училища, — располагались в казачьих хатах воронежского села Верхний Карачан, которую из тылов Воронежского фронта постепенно приближали к боевым частям. Сначала нас разместили в поселке Октябрьском (район станции Татищево Саратовской области), потом на станции Грибановка (под Борисоглебском), в городе Урюпинске и, наконец, разместили в Верхнем Карачане. Все это время (май-июль 1942 г.) мы состояли на службе в отдельном дивизионе артиллерийской инструментальной разведки (командир — капитан Николаев, в прошлом главный инженер строительства автодороги Москва-Минск, в будущем — министр транспорта РСФСР) 8-го запасного артиллерийского полка Воронежского фронта. В поселке Октябрьском, в учебном хозяйстве Саратовского сельхозинститута мы приняли командование взводами, но штатной техники не было, мы больше уделяли внимания общевоенной подготовке. А командир дивизиона и командиры батареи усиленно обучали артиллерийскому делу, тактике, приобщали к фронтовому опыту. После Октябрьского мы представляли собой просто группу резерва, ожидающего распределения по частям.

17 июля к нам прибыл старший лейтенант Фомченков, отобрал личные дела, посадил нас (5-6 человек) на полуторку и ... повез. Куда? Через несколько часов прибыли на станцию Анна, где располагался отдел кадров штаба артиллерии фронта. Короткая передышка. И снова в путь. Дорога становилась все хуже и хуже. И вот лес в районе дома отдыха Средний Икорец (примерно 100 км южнее Воронежа) на Дону. Старший лейтенант передал меня прибывшему по его вызову старшине (позже я узнал его фамилию — Цыганок, он был старшиной первой батареи, той, где мне предстояло служить), распрощался и повез других офицеров дальше.

Старшина в темноте повел меня по лесу, и вскоре мы остановились у входа в землянку. Осмотрелись. Было темно. Признаков расположения воинской части не наблюдалось. Спустились вниз. Мой проводник зажег коптилку. Указал на дощатый топчан с соломенным матрацем. Другой топчан был свободен, соседа у меня пока не было. На импровизированном столе котелок с едой, кружка с чаем, ломти

хлеба. Было уже поздно. Расспрашивать старшину не хотелось, а он был скромен, неразговорчив. Но я заметил, что это был служака-сверхсрочник в добротном обмундировании и с несколькими значками на груди. По выговору — смоленский, как и старший лейтенант Фомченков.

Рано утром тот же Цыганок принес мне такой же котелок и кружку с чаем, а пока я завтракал, он появился снова и полностью вооружил меня — выдал пистолет «ТТ» с патронами, противогаз, бинокль, циркуль, компас. И самое главное — привел с собой солдата. Представил его: «Михаил Михайлович Проняев (он из Брянска) будет Вашим ординарцем, товарищ гвардии лейтенант», — подчеркнув при этом слово «гвардии». С Проняевым мы прошли всю войну. Он был по возрасту ровесник моему отцу: ему было 46 лет. Простой русский мужик — сильный, работящий, знающий цену себе и своему командиру, готовый служить, но не прислуживать. Он сумел организовать мой быт, снял с меня все заботы, оставив за мной главное — командовать взводом, батареей, дивизионом, целиком отдаваться бою.

Во мне росло чувство неопределенности. Привезли. Отдохнул. Покормили. Вооружили. Что дальше? Вышел из землянки наверх. Осмотрелся. Вокруг прекрасный сосновый лес. Может быть, здесь сподвижники Петра Первого рубили корабельные сосны и оснащали корабли. Воздух настоян на хвое. Благодать! Землянки — внизу. Пейзаж не портят. Лишь тропинки связывают их друг с другом. Людей не видно, скорее всего — на занятиях, лишь я один все еще жду.

Но оказалось, что ждут и меня. Последовал вызов к командиру дивизиона. И тот же молчаливый и застенчивый Цыганок повел меня к командирской землянке. Пока мы шли по лесу к командиру дивизиона, невольно вспомнилась песня из кинофильма. Помните? «Парня встретила дружная, боевая семья. Всюду были товарищи, всюду были друзья». Сбудутся ли слова песни? Эта мысль не давала покоя. Скорей бы!

Землянка командира выглядела добротной, просторной. Топчан. Стол с расстеленной на нем картой. Лампа со стеклом. В землянке находились три офицера. Представился тому, в ком без труда можно было различить старшего, командира.

Поздоровались. Познакомились. Командир коротко рассказал о себе: старший лейтенант И. Браул, 25 лет. В 1939 г. окончил Одесское артиллерийское училище. Командовал батареей БМ-13 в битве под Москвой. Сформировал 390-й отдельный гвардейский минометный дивизион в Москве и привел его на фронт. Представил присутствую-

щих: комиссар дивизиона старший политрук С. Тупиков, 30 лет, окончил военно-политическое училище им. Ф. Энгельса; Начальник штаба — старший лейтенант Н. Пономаренко, 25 лет. Воевал под Москвой электротехником ракетного дивизиона, окончил энергетический техникум. Меня попросили рассказать о себе, о семье, об учебе в школе и училище. Командира особенно интересовали мои командиры по училищу. Оказалось, что многих он знает. Когда я назвал командира 12-й батареи старшего лейтенанта Гука, Браул не сдержался, воскликнув: «Как, Слава Гук! Так это же мой однокашник по Одесскому училищу. Вам повезло с командиром». Верно, повезло. И с Гуком, и с командиром дивизиона Клячкиным, и с командиром взвода С. Митюшкиным. В дальнейшем разговор свелся к двум вопросам: насколько я знаю технику гвардейских минометных частей (ГМЧ), в частности систему БМ-13, которой вооружен 390-й огмд, и, как офицер артиллерийской инструментальной разведки, какими способами я могу привязывать (т.е. выбирать на местности и определять координаты) элементы боевого порядка (огневые позиции, наблюдательные пункты) и засекать (определять координаты) цели в расположении противника.

На первый вопрос отвечать было непросто: за десять месяцев учебы в Москве, на фронте под Москвой (я наводчик 152-мм пушки-гаубицы) и в Миассе упор делался на изучение штатной матчасти, т.е. корпусной артиллерии — 152-мм гаубиц — пушек и 122-мм пушек, артиллерийскую стрельбу от прямой наводки до полной подготовки данных с использованием метеобюллетеня и таблицы логарифмов и фотограмметрическую разведку т.е. изготовление и использование при стрельбе фотоснимков, фотопланов, фотопанорам, фотосхем. Что касается матчасти ГМЧ, то в обстановке строжайшей секретности, без каких-либо записей, без книг, чертежей, плакатов, руководств службы прибывший из командировки на фронт заместитель командира дивизиона майор П. Золотарев, который под руководством начальника училища Ю. Бажанова формировал в училище первые батареи, дивизионы и полки ГМЧ и организовывал их боевую работу на фронте, а также обобщал опыт, провел с нами несколько занятий прямо в закрытом отсеке артиллерийского парка.

Установки расчехляли, и перед нами представали невиданные пусковые установки: БМ-13 (калибр 132-мм) на автомобиле ЗИС-6, тракторе Урал-ЗИС; даже на платформе бронепоезда; установки БМ-8 (калибр 82 мм) на танке Т-60, на тракторе СТЗ, на санях. Рядом стояли макеты боеприпасов. Поражали крылья-стабилизаторы. Прицельные приспособления нам были хороши знакомы — их переняли у ствольной артиллерии. Майор Золотарев многозначительно намекал, что весь секрет в снаряде. А подготовка данных, наводка, тактика — все по правилам, уставам артиллерии. Командир дивизиона улыбнулся: «У нас и сейчас нет ни таблиц стрельбы, ни книг с описанием устройства, ни руководств службы. Все, как в училище, секрет. А таблица стрельбы у меня в записной книжке. Командир батареи даст вам переписать. Остальное доберем практикой. А она у нас есть. Под Москвой кое-чему научились, и ваш Золотарев нам здорово помог».

Что касается второго вопроса — о привязке элементов боевого порядка и засечке целей — мне было проще, и я ответил вопросом на вопрос: «Какие приборы и карты какого масштаба имеются в дивизионе?». Последовал ответ: «Буссоль Михайловского — Турова (БМТ) с точностью 0-20 и артиллерийская стереотруба (АСТ) с десятикратным увеличением, дальномерные рейки и ленты; карты масштаба 1:100000 и 1:50000». Я предложил способ обратной буссоли, прямой и обратной засечки — в зависимости от местности и начертания переднего края.

Было ясно по ходу разговора, что начальники видят в новичке офицера с профессиональными задатками. Командир дивизиона немедленно поставил задачу: на карте был показан район огневых позиций и наблюдательных пунктов, простирающихся на юг вдоль реки Дон на 50-60 км, до города Павловска. Здесь предстояло дивизиону выполнять боевые задачи. «Вам выделят взвод управления, машину, выдадут карты, приборы. Ждем результатов разведки и привязки. Время неделя», завершил разговор командир дивизиона. Начальник штаба пододвинул карту с обстановкой и задачей. Командир утвердил. Так я получил первую боевую задачу в качестве офицера-артиллериста. Сразу скажу, она была выполнена неплохо. Потом ее повторили уже в новом районе — от Павловска до Верхнего Мамона (50 км), а потом в ходе Курской битвы от Белгорода до Волчанска (64 км). Задача усложнялась и усложнялась. На привязанные точки (мы их обозначали колышками) мне потом приходилось, как правило, ночью, выводить орудия, взводы, батареи и дивизион для стрельбы. Ошибки исключались: на карте командира были пронумерованы все позиции, привязанные и обозначенные мною, перепроверять было и некогда, и некому: т.н. кочующие орудия выезжали на стрельбу в пределах назначенного района каждую ночь и создавали у противника видимость наличия у нас крупной группировки ГМЧ. С артиллеристами-«ствольниками» уточнялись результаты стрельбы: они вели

разведку с места, днем и ночью. Наши наблюдательные пункты располагались на фронте 5-6 км, в полосе одной дивизии. После войны я обобщил фронтовой опыт и опубликовал работу «Кочующие орудия в армейской оборонительной операции»

Кому-то может показаться странным, что 19-летнему лейтенанту, лишь вчера прибывшему в особой важности дивизион, сразу доверяют такое важное дело, по сути, судьбу залпового огня огромной мощи. Можно удивляться и другому: молодой офицер задачу выполнил. На самом деле, в поручении был заложен глубокий смысл: на фронте задач простых нет, все они важные, все связаны с огнем и его результатами. Главное верить, что молодо — отнюдь не всегда зелено. За плечами десять месяцев учебы, да еще в батарее артиллерийской инструментальной разведки. В артиллерии «аировцев» не без оснований называют артиллерийской интеллигенцией — они, кроме матчасти и стрельбы (чему учат огневиков), знают более точные способы подготовки огня — на полной топографической основе (с привязкой к государственной триангуляционной геодезической сети), с помощью звукометрических батарей (звук от выстрелов орудий и разрывов снарядов, распространяющийся со скоростью 340 метров в секунду, принимается сетью звукопостов и записывается на специальной ленте. По разнице координат постов и времени приема звука на планшете определяются координаты звучащего объекта. Дешифрование, распознавание объектов, нанесение километровой сетки, определение масштаба снимков, определение координат объектов позволяет через 1,5-2 часа после съемки выдать стреляющему командиру карту почти что в реальном масштабе времени. (Это близко к нынешним показателям информации из космоса.)

Пожалуй, основой моей подготовленности было участие в течение двух лет в землемерных работах в составе группы преподавателей и студентов землеустроительного института. Они создавали карты-планы при закреплении навечно земли за колхозом. За рубль в день я сначала заготавливал колышки, закреплял их в земле, носил дальномерную рейку. Потом втянулся в сложные работы — изучил теодолит, алидаду с мензулой. Научился измерять углы, работать на планшете, определять координаты точек.... Тогда это было приработком. В училище и на войне стало фундаментом профессии артиллериста...

Специально подробно рассказал о первом боевом задании. Оно содержало основную часть службы офицера в артиллерии. Координаты цели, координаты огневой позиции и наблюдательного пункта,

соединенные незримыми линиями на местности и вполне реальными — на карте, образуют так называемый артиллерийский треугольник, в котором содержатся исходные данные для стрельбы: прицел (дальность до цели с огневой позиции), направление стрельбы (буссоль, угломер), уровень (величина, отражающая соотношение по высоте цели и огневой позиции). Способов подготовки данных много: глазомерные, сокращенные, полные, с секундомером, по фотоснимку (практически это карта текущего дня и часа) и т.д. Но решение задачи сводится к выдаче команд на прицельные приспособления орудия: прицел, угломер, уровень.

...День 18 июля только начался, а я уже получил задачу. От командира дивизиона пошли с начальником штаба в его землянку. Здесь старший вычислитель выдал мне склейку листов карты, на ней четко был нанесен передний край нашей обороны, а за Доном — немецкой. Никаких данных на карте больше не было. Я понял, сообщают то, что положено. Тот же старший вычислитель (его фамилия А. Деренский, он из Саратовской области, служил со мной и в то время, когда я был начальником штаба; был еще один вычислитель — Е. Хлюпин, многому у них научился: графике, приемам работы на карте, на приборах) проводил меня к командиру первой батареи, где мне предстояло служить.

Командир батареи лейтенант А. Козлов и комиссар политрук П.Акимочкин жили в одной землянке. Она не отличалась от той, в которой я ночевал. Был уже день. Вышли на поверхность, сели на бруствер щели. Начался разговор. Познакомились. Комбат — настоящий русский богатырь. Светлые волосы. Открытое лицо. Окончил после семилетки Лепельское минометное училище. Сказал он об этом и сразу добавил, что до Московского училища Лепельскому с его 82-мм и 120-мм минометами далеко. Воевать пока не пришлось. Но желание большое (в январе 1943 г. Козлов уехал учиться. Батарею доверили мне)

Комиссар П. Акимочкин — из запаса, тульский рабочий, в армию призван в 1941 г., служил порученцем генерала в большом штабе. Переведен на батарею по собственной просьбе. Артиллерийского образования нет. Общее — техникум. Акимочкин оказался прекрасным товарищем. Мы дружно работали с ним до мая 1943 г., когда должности политсостава в батареях были упразднены.

Я, в свою очередь, подробно рассказал о себе. Товарищи почему-то заинтересовались, как я стал офицером артиллерии. Видимо, хоте-

ли сравнить судьбы. Побеседовали, закурили (я только начинал, своего табака не было). «Ну что ж, — сказал комбат, — пойдемте в парк». Парком оказались четыре глубоких и тщательно замаскированных окопа — аппарели, где под чехлами вровень в землей стояли боевые машины. Их охранял часовой, невдалеке ходил другой. Вызвали водителя. И он вывел установку из окопа. «Узнаете?» — спросил комбат. Комиссар добавил: «Наша красавица, «катюша» (в то время я не знал этого названия, вспомнились слова из песни о «Катюше» — русской девушке). Я сказал, что узнаю. Но почему противник рядом, а ракет на направляющих нет? Переглянулись мои начальники и ответили, что это выжидательная позиция, при выезде на огневую зарядят. Снаряды лежали в глубоком окопе. Вблизи установок.

А в это время старшина построил батарею, и комбат повел меня представлять личному составу. Короткий рассказ обо мне. «Вопросы есть?» — «Нет». — «Разойдись». Меня удивило, что большинство сержантов и солдат было солидного возраста. Подумалось — это мои отцы, как-то с ними придется служить? Как завоевать доверие, авторитет? Как суметь провести в жизнь свои решения?

В этот день обедали в землянке командира батареи и комиссара. Познакомились с командиром взвода управления лейтенантом Ш. Шакировым. Он мой одногодок, прибыл неделей раньше из Омского артиллерийского училища. Обед — громко сказано. Те же котелки с супом и макаронами. Но комбат угостил чаем с печеньем (из своего дополнительного офицерского пайка. Кстати, туда входило еще сливочное масло и табак).

После обеда настало время заняться своими непосредственными обязанностями. Как старший офицер батареи (по положению им является или заместитель командира батареи — должность была введена в октябре 1942 г., и я ее занял — или командир первого огневого взвода, должность командира второго взвода была вакантна, в октябре им стал лейтенант В. Зубенок) я вызвал в парк помощников командиров огневых взводов, командиров орудий и артмастера. Расположились в окопе у орудий. Каждый рассказал о себе. Сержанты имели 4-5-6 классов образования. Родом из Поволжья, Сибири, Москвы. У всех дома остались семьи. В боях не участвовал никто. До войны в армии служил лишь один — комсорг батареи И. Остапенко (он же помощник командира второго взвода, исполнял обязанности взводного). В боевой стрельбе никто не участвовал. Но тренажи проводились, с огневой службой знакомы.

Вместе с командирами орудий в парк, к орудиям были вызваны артиллерийский техник батареи А. Онищенко и орудийный мастер батареи сержант Г. Твердохлеб. В их присутствии я просмотрел формуляры орудий, а затем попросил мне показать ящики с ЗиПом (запасные части и принадлежности) — орудийными и батарейными, водители предъявили автомобильные. Потребовал доклады командиров орудий и арттехника о полной исправности боевых машин: и пусковой установки, и базовой машины. Доклады были утешительными. Решил проверить главное — исправность электроцепей от пульта к пиросвечам. Командиры сели в кабины, по очереди замыкали контакты. Прибор фиксировал подачу тока, его напряжение, его силу. Так, от орудия к орудию шла проверка. Пришлось на ряде машин указать на загрязнение контактов. При мне исправили. Проверил также паспорта автомобилей, водительские удостоверения, удостоверился в стаже и классности старших водителей. Документов на боевые машины не имелось — ни руководства службы, ни описания устройства, ни тактико-технических и эксплуатационных данных. На базовые машины «Джемси» (JMS) документация была на английском языке — ни я, ни мои помощники, никто в дивизионе английским не владел. Это обернулось для нас позже, в ноябре 1942 г., большой бедой. В свое время расскажу об этом. Оружие, шанцевый инструмент оказались в порядке. «Как настроение людей?», — спросил я. «Скучают», — был ответ. «Что делали сегодня с утра?» — «Изучали уставы. Чистили оружие». И меня спросили: «Что нового в Москве?» (Не знаю, почему сержанты считали, что я приехал из Москвы. Я и сам не прочь был узнать, что там нового.) Посидели. Покурили (угостили меня махоркой). Я отпустил своих ближайших, самых важных помощников. Вывод был один: надо учиться, учиться всем. Экзаменом будет первый выстрел, первый залп. К этому надо готовиться.

Встреча с сержантами (младшими командирами по тогдашней терминологии), размышления о совместной службе с сержантами и солдатами в одном взводе, батарее и поисках способов завоевать их признание, доверие напомнили мне прочитанную еще в училище летом 1941 года статью в газете «Красная Звезда». В ней говорилось о группе бойцов, выходивших из окружения во главе с командиром, лейтенантом. Выходили долго. Сильно устали. Давно кончилось питание. Курили что попало: листья, корешки. Одежда и обувь износились. Но командир вывел солдат и теперь, перед последним броском к своим, отряд отдыхает. Командир размышляет, перед ним на земле

карта. Солдаты вытрясли из карманов давно забытые крошки табака, сложили в одну щепоть хватило на закрутку. И уже хотели пустить по кругу, каждому по глубокой затяжке. Но самый старый и опытный воин (таких звали «бывалый») неожиданно взял самокрутку и сказал: «Ребята, отдадим ее командиру, ему труднее, он над картой думает».

И верно. Только командир может спасти подчиненных. Он обучен, опытен, ему многое известно. И роль его в том и состоит, что вести за собой бойцов, заботиться о них, заменяя мать, отца, родных. Рассказ поразил тогда меня — курсанта, избравшего профессию командира. Сейчас он стал для них необходимостью, руководством. Вот они два взвода огневиков, сорок человек. Все тебе в отцы годятся. Но лишь ты, один из всех, можешь сделать для подготовки огня батареи то, чего не сделает никто. Они призваны выполнять часть, частицу работы. Ты, командир, обязан воочию представлять работу в целом и быть способным сделать ее, добиться результата. Чем выше я поднимался по служебной лестнице, тем яснее, ответственнее становилась роль командира в большом объеме работы.

Вечером сходил к комбату. Доложил о приеме огневых взводов. Посоветовались о моем задании. Комиссар сказал: «Тебе доверяют. На тебя надеются. Первый залп не шутка. И готовишь его ты. Не бойся! Мы с тобой! В обиду не дадим». Комбат выделил взвод управления с машиной и приборами. Приказал выехать утром — в 6.00.

Перед отбоем пришли старшина и ординарец. Принесли плащ-палатку, каску, сапоги. Ординарец доложил, что сухой паек на неделю получен, попросился со мной. Я согласился.

Такими делами и раздумьями был наполнен конец первого дня на фронте. Утром предстояло направляться на работу, на боевую работу. Издалека доносились артиллерийские выстрелы. Кто-то уже работал.

Перед тем, как уснуть, решил изучить район работы по карте. Оборона противника шла по правому берегу Дона. Местность возвышенная, так называемое Донское Белогорье. Отметки высот на карте 240-260 метров. Наша оборона — по левому берегу, отметки значительно меньше 100-130 метров. От нашего расположения до Павловска примерно 100 км. Деревень вдоль Дона почти нет. На правом, высоком берегу их много Колыбелька, Марки, Колодежное, Белогорье. Местность открытая. Лесов нет. Вдоль реки кустарник. Почва

песчаная. Дорожная сеть на нашем берегу не развита. К фронту дорог нет. Войска используют, очевидно, подготовленные маршруты.

В соответствии с Боевым уставом артиллерии мне предстоит выполнить роль командира огневого разъезда. Конечно, поскольку командир батареи через район не проехал, я в то же время был и передовым разъездом. Решил весь район предстоящих боевых действий разделить на пять участков (12 км по фронту и 5 км в глубину. Почему 12 км? Это примерно полоса обороны стрелковой дивизии. А 5 км в глубину имитировали дальность стрельбы 8470 м. Дальше оттягивать было не целесообразно, на пределе огонь не ведется), два дня оставить на обработку материалов и составление отчетной карты и таблицы координат элементов боевого порядка. Сначала решил проехать по всей трассе, изучить местность, выбрать опорные точки, прикинуть, где и что можно разместить.

Рано утром у машины меня и ординарца встретил помощник командира взвода управления сержант Ветров. Доложил, что три разведчика со стереотрубой, буссолью и дальномерной рейкой и два радиста с радиостанцией «РБ», три орудийных номера с лопатами и топорами готовы к выезду и работе. Все вооружены. Экипированы. Шофер Долганов о готовности машин доложил лично -полуторка была далеко не новой. Краткая постановка задачи. И отъезд.

100 км преодолевали более пяти часов: я выходил из машины, осматривался, намечал места будущей работы, беседовал с сержантом, командиром отделения, разведки. На фронте было тихо. Признаков войны — никаких. Но я все же остерегался, на остановках машину маскировали, солдаты занимали укрытия. И недаром. За несколько километров до Павловска нас обстреляли из миномета. Осколки попали в машину, к счастью, люди не пострадали. Пообедали всухомятку и к вечеру вернулись в исходный пункт. Начинать было удобнее с участка, ближайшего к району дислокации. Ночевали в кустах. Обошлись без палаток.

В течение пяти последующих дней я проводил ранее намеченную работу: выбирал на местности районы для выжидательной и огневой позиции, а также для наблюдательного пункта. При этом следовал простому расчету — наблюдательные пункты шли по рубежам: первый примерно в 5-6 км от переднего края; другой в 2-3 км от Дона; огневые позиции также на двух рубежах — ближнем (1-2 км от реки) и дальнем (4-5 км от переднего края). Таким образом, на каждом 12-километровом участке было выбрано 8-10 наблюдательных пунктов,

4-5 выжидательных и 5-6 огневых позиций. Вариантов использования участка командир дивизиона получал достаточно. Районы выжидательных позиций привязывались, как и огневые, — они могли быть использованы не только для выжидания перед отъездом, но и для стрельбы. Каждая позиция привязывалась: приборами я измерял углы с одной, двух, трех точек, затем контролировал с уже привязанных точек, наносил на карту, определял координаты. Каждое место стояния орудия обозначалось колышком, его крепили в песке, в земле. Надежды на сохранность было мало. Но другого выхода не было. Собирались хорошо запомнить место. Люди втянулись в работу. Трудностей особых не было. Каждый вечер докладывал командиру батареи по радио, а в ответ: «Ночью возможна работа. Будьте готовы встретить колонну». Но «работу» пришлось проводить только на пятом участке.

Я встретил колонну первой батареи (четыре боевых машины и машины с боеприпасами). Ее привел командир — лейтенант Козлов. Был с ним и комиссар. Вместе с ними был начальник штаба — старший лейтенант Н. Пономаренко с группой управления. Обсудили, кому какой наблюдательный пункт занимать, и мой командир-разведчик повел начальника штаба на его точку. Батарея расположилась на выжидательной позиции. Подготовили к стрельбе орудия и боеприпасы. А я в это время уже в роли старшего офицера батареи готовил огневую позицию к стрельбе: указал командиру «колышек» — место стояния первого, основного, орудия, провесили основное направление стрельбы (обозначили вехами), разбил фронт батареи, заранее выбрал точку наводки, определил отсчет панорам всех орудий по точке наводки. Командир батареи вызвал меня на выжидательную позицию. Туда же прибыл командир взвода управления — он занял указанную мною точку наблюдательного пункта. Залп батареи готовился по населенному пункту Белогорье. Командир батареи убыл на наблюдательный пункт. Мы с комиссаром повели расчехленные заряженные установки на огневую позицию. Все это заняло считанные минуты. Я доложил Козлову по радио о готовности к открытию огня. Через несколько секунд — «Огонь». Я тоже подал команду. И вот оно — невиданное зрелище! 64 ракеты огненными факелами осветили местность, оглушили ревом окрестности и ушли, оставляя след, в небо. Ждать результаты залпа не полагалось. Я повел батарею по заранее разведанной дороге на север и остановил ее только через 20-30 километров. Нас догнал командир батареи. Он приказал составить акт о

залпе и заверить его в штабе стрелкового полка. А сам повел батарею на место дислокации. На рассвете я разыскал штаб батальона, по телефонному кабелю пришел в штаб полка. Пехота была в веселом возбуждении — что было, толком никто не знал, но всем понравилось: «Немцу дали прикурить», «Видимо, скоро наступление». Акт скрепили печатью, нас покормили и попросили — приезжайте еще.

Через два дня я докладывал командиру, комиссару и начальнику штаба дивизиона отчетную карту, таблицы координат элементов боевого порядка, предлагаемые маршруты выдвижения. Поблагодарили. Отправили отдыхать. Предупредили: «Вы теперь больше всех знаете о районе боевых действий. Готовьтесь». Я готовился. Команды шли одна за другой. В августе-сентябре 1942 г. мне пришлось выводить на позиции вдоль Дона ночью по одной, две, четыре, восемь установок для ночной стрельбы. Отыскивать колышки в кустах я привык, огневую работу освоил, боевое крещение получил.

Что касается результатов первого залпа — их наблюдали и засекали с двух пунктов (так называемое сопряженное наблюдение дивизиона): начальник штаба и командир батареи. Когда отсчеты приборов по левому и правому краям участка поражения (огонь вели фугасными снарядами, их разрывы особенно наглядны ночью) нанесли на карту и планшет, оказалось, что центр эллипса рассеивания и точка прицеливания батареи при веере сосредоточенном, рассчитанная командиром на основе подготовки элементов боевого порядка, практически совпадают. Других данных о залпе ночью, без авиации, без групп глубинной разведки получить было невозможно. Видимо, цель состояла в другом: шла боевая подготовка дивизиона, его командиров, его расчетов. Хорошо, что обстановка благоприятствовала. Скоро настали другие времена — противник наступал вдоль Дона на юг, сматывал нашу оборону, рвался к Сталинграду и на Кавказ. Подготовка помогла нам с честью выполнить задачи в Сталинградской битве.

Неделя, проведенная в непосредственной близости к переднему краю, к противнику, дала возможность и мне, командиру, и моим солдатам, прибывшим на фронт, ощутить на себе влияние поражающих факторов в боевой обстановке. Мы работали, испытывая артиллерийский и минометный обстрел, бомбардировки немецкой авиации. Вряд ли наша группа, к тому же рассредоточенная на местности, была целью обстрелов и бомбежек. Дело в другом. Мы проводили рекогносцировку и топопривязку в боевых порядках пехоты и артиллерии,

в батальонных районах обороны, вблизи позиций полковой и дивизионной артиллерии. Для меня было поучительно увидеть инженерное оборудование местности, маскировку, пути подхода с тыла, расположение минных полей в противотанковых районах.

Как правило, перед началом работы на участке я представлялся командиру батальона или офицерам штаба полка. Они меня вводили в обстановку, уточняли данные о противнике (за Доном оборонялась 2-я венгерская армия), о характере его действий, о группировке огневых средств. К сожалению, я мог сообщить немногое: полного замысла операции огня кочующих орудий ракетного дивизиона на широком фронте я не знал и сам. Но давал понять: о боевой стрельбе особыми установками командиры пехоты и артиллерии будут извещены из вышестоящего штаба. К тому же, будет происходить уточнение (доразведка) целей. Было приятно увидеть много молодых офицеров, которые так же, как и я, недавно прибыли на фронт и осваивают фронтовую науку.

В первые же вечера моей службы я понял, что попал в «поющий» дивизион. Читатели, конечно, помнят кинофильм «В бой идут одни старики». В центре кинофильма «поющая» эскадрилья и ее командир, «маэстро», как его зовут сослуживцы. Спустя долгие годы я по аналогии называл мой новый коллектив певчим, поющим. И во главе певцов и музыкантов — командир дивизиона старший лейтенант И.С. Браул. Его прекрасный баритон удивительно сочетался с тенором начальника штаба старшего лейтенанта Н. Пономаренко и басом командира первой батареи лейтенанта А. Козлова. Другие командиры вели в хоре свои партии. На гитаре аккомпанировал Н. Пономаренко, на баяне (потом на аккордеоне) лейтенант П. Лукашин. Солдаты и сержанты сначала робко, а потом в полный голос пели вместе с офицерами.

Что пели? Непременно звучали русские и украинские народные песни, песни из советских, самых современных кинофильмов, из репертуара Л. Утесова, В. Козина, К. Шульженко. Многие песни из хора закреплялись в качестве строевых, под них легче шагалось. Батарейные гармошки, привезенные из дома, балалайки также были слышны. Я привез из училища ряд наших и строевых, и хоровых песен. Некоторые понравились, закрепились в импровизированном репертуаре. Песни скрашивали скудный быт, помогали бороться со скукой, однообразием, сплачивали батареи и дивизионы. Отдаваясь песне, воин вспоминал свое, самое сокровенное. Пел он, обращаясь к песенному

образу женщины или природы, а думал о своей родной, милой, драгоценной и желанной и не песенной, а вполне реальной, оставленной из-за войны далеко от фронта. Появившиеся позже песни «Темная ночь», «Бьется в тесной печурке огонь», «Жди меня», «Я уходил тогда в поход», «Одессит Костя», «Одессит Мишка» в полном смысле слова вышли из народа, выразили его чувства.

Расскажу теперь о той беде, которая постигла дивизион в ночь с 6 на 7 ноября 1942 г. К тому времени мы переместились в новый район, вниз по Дону, и заняли позиции близ большого воронежского села Верхняя Гнилуша. Готовилась большая наступательная операция. Активной была и оборона. Мне приходилось вновь, как и прежде, отрекогносцировать, выбрать и привязать элементы боевого порядка на участке от Павловска до Верхнего Мамона (60 км). Здесь оборонялась 6-я армия (командующий Ф. М. Харитонов). Левее был юго-западный фронт (3-я гвардейская армия).

Я выполнил задачу. Когда возвратился, узнал о большом происшествии. В ночь с 6 на 7 ноября ударил мороз, и блоки цилиндров 11 боевых машин из 12 оказались размороженными. Лишь один водитель И. А. Карпов (бывший автоинспектор г. Курска) без знания английского языка, здравым смыслом дошел до особенности машины «Джемси»: у нее два краника для спуска воды один из радиатора, другой из блока цилиндров. Все водители спустили воду из радиатора, лишь один Карпов еще и из блока цилиндров. Мучились мы долго в поисках поддержания боевой готовности: клепать, варить по чугуну, наплавлять швы из мягкого металла — все было бесполезно, вода выливалась. Приближение начала операции, видимо, ускорило радикальное решение вопроса. Вся боевая техника дивизиона была заменена, полученные боевые установки были смонтированы на американских автомобилях «Студебеккер». Они выдержали до конца войны. Более того, по предложению того же И. А. Карпова и еще одного водителя-аса П. М. Шапки (он с Алтая) я разрешил (был уже начальником штаба) поставить на «Студебеккеры» дополнительные 300-литровые бензиновые баки (сняли со сбитых штурмовиков Ил-2). Запас бензина достиг 450 литров. Дивизион мог без заправки пройти более 500 километров. Так горе заставило учиться английскому языку, а вместе с ним искать пути повышения возможностей техники.

Я прибыл служить в ракетную часть, провел в ней всю войну. После войны принадлежность к ракетной гвардии во многом определяла мою службу. Официально эти части носили название «гвардей-

ских минометных» (ГМЧ). Но более правильное научное и историческое название ракетные. По современной терминологии это части «полевой реактивной артиллерии» (ПРА), «реактивные системы залпового огня» (РСЗО). ГМЧ по положению относились к резерву Ставки Верховного Главного Командования (СВГК). Командующий ГМЧ был заместителем наркома обороны по ГМЧ.

История ракет уходит в глубокую древность. Впервые боевые и осветительные ракеты появились в Китае, Индии. Колонизаторы завезли ракеты и в Европу. В России применение ракет тесно связано с развитием артиллерии, которая участвовала в войнах уже в 14-м веке, в частности, при обороне Москвы в 1380 году. Бурное развитие ракетостроения отмечалось при Петре Первом. Регулярные ракетные подразделения были сформированы российскими генералами А. Д. Засядко и К. И. Константиновым. Они принимали участие в русско-турецких войнах 19-го века, в Крымской войне 1853-1856 гг. Л.Н. Толстой начинал военную службу поручиком артиллерии, закончил ракетчиком в части генерала Константинова. К сожалению, в конце 19-го века ракетная артиллерия была вытеснена нарезными пушками, обладавшими большой точностью огня и дальностью, значительно превышавшей дальность полета ракет.

Это была историческая ошибка. И не только России. Всех стран и армий мира. Полвека было упущено. Кадры командиров, конструкторов и производственников отошли от важнейшей научной и военно-технической проблемы.

Могучий талант К.Э. Циолковского и других ученых дал огромной силы импульс развитию и теории полета ракет, и ракетостроению. Советский Союз оказался впереди других стран сначала в производстве и боевом применении ракетного оружия, а затем в освоении космоса. 17 июня 1941 года руководителям военного ведомства СССР была продемонстрирована стрельба батареи БМ-13 на Софринском полигоне. 21 июня пусковую установку осмотрел И. В. Сталин. Вечером 21 июня Политбюро ЦК ВКП (б) и СНК СССР приняли постановление о серийном производстве (без заводских и полигонных испытаний!) пусковых установок и ракет на заводах им. Коминтерна (Воронеж) и «Компрессор» (Москва). В ночь на 1 июля 1941 г. первая экспериментальная ракетная батарея капитана И. А. Флерова выступила из Москвы на фронт. 15 июля она произвела первый залп по району станции Орша. До августа 1941 г. было сформировано и воевало уже 10 батарей. 8 августа считается днем рождения ракетной

гвардии: в этот день правительство приняло решение о формировании десяти гвардейских минометных полков по 3 дивизиона в каждом (фактически было сформировано 14 ГМП), учреждены Военный Совет и штаб ГМЧ, назначен командующий (в ранге заместителя НКО). На 7 января 1942 года в РККА было уже 87 дивизионов, к 1943 г. их стало 365, к 1944 г. — 430, к 9 мая 1945 г. — 519.

Мне пришлось командовать одним из 519 дивизионов. Если принять протяженность советско-германского фронта в 1944 г. за 3000 км, на долю нашего дивизиона приходилось 6 километров! Ширина полосы наступления стрелковой дивизии на главном направлении! Высокая ответственность! В годы войны было произведено 11 тысяч пусковых установок и 14 миллионов ракет калибром 82, 132 и 310 мм. Потери за годы войны составили более 50 процентов боевых машин. Как видно, наша страна и армия, начавшие войну с 7 пусковых установок, собранных вручную в Ракетном научно-испытательном институте (РНИИ), к концу войны имели новый, могучий род войск, который сумел боевой службой занять достойное место среди победителей и обрести славные традиции. На базе гвардейских минометных частей после войны был создан качественно новый вид вооруженных сил ракетные войска стратегического назначения.

Боевые качества и достоинства гвардейского минометного (ракетного реактивного) дивизиона определяются свойствами его основного вооружения и боеприпасами, штатной организацией, уровнем боевой подготовки, качеством управления, морально политической и психологической стойкостью личного состава, достигнутым опытом боевых действий, взаимодействием с общевойсковыми (пехота, танки, кавалерия) артиллерийскими частями и соединениями.

Первым гвардейцам РККА Родина вручила новое, мощное, не известное противнику оружие. Оно было призвано способствовать в тяжелый 1941 год достижению перелома в войне, прокладыванию пути к Победе. В постановлении о принятии нового оружия на вооружение армии говорилось: «Ракетная механизированная залповая установка предназначена для внезапного нападения на противника стрельбой осколочно-фугасными снарядами калибра 132 мм».

390-й отдельный гвардейский минометный дивизион представлял на войне грозную боевую силу. В артиллерии главным огневым подразделением принято считать батарею (4-6 орудий). Дивизион (12-18 орудий) тактическое подразделение артиллерии, предназначенное для ведения сосредоточенного огня большой плотности всем дивизи-

оном по одной цели или рассредоточенного огня батарей (взводов, орудий) по различным целям. Основная задача командира дивизиона — управление огнем группы батарей. Для выполнения отдельных неотложных задач он назначает подручную батарею.

Дивизион, как правило, располагается на одной огневой позиции. В этом же районе находится штаб дивизиона и службы материального и технического обеспечения (в ряде случаев службы обеспечения размещаются в другом районе).

Гвардейский минометный дивизион вооружен боевыми машинами, на которых смонтирована пусковая установка реактивных снарядов (РС), точнее ракет, по нынешней военно-технической терминологии РСЗО — реактивная система залпового огня. В народе ракетная пусковая установка (БМ-13) получила ласковое название «катюша». Почему именно это название прижилось? Может быть, оно взято из известной песни. Не исключено, начало положили индексы «К», которые ставили на изделия заводов «Компрессор», «Коминтерн», где изготовляли боевые машины. Сложено много песен о «катюшах» — ракетах. Авторы книг выносят это слово даже в заголовки. Индекс боевой машины официально обозначается БМ-13 Н. 13 — калибр ракеты 132 мм (вес 43 кг, наименьшая дальность полета ракеты — 2 км, наибольшая 8470 м), «Н» — нормализованные, то есть усовершенствованные с учетом боевого опыта. На каждой боевой машине пакет направляющих — двутавровых балок длиной пять метров, с замком для удержания снаряда при поднятой установке и направляющим желобком, по которому снаряд после выстрела направляется на траекторию. Ракеты размещались сверху и снизу направляющей. Начальная скорость РС у среза направляющей 330-340 м (в секунду). С пакетом связаны прицельные приспособления и механизмы вертикальной и горизонтальной наводки, прибор управления огнем (ПУО) в кабине автомобиля. Вращая рукоять, командир орудия на диске замыкает электроцепь и за 6-7 секунд производит залп.

Ракетную пусковую установку БМ-13 Н обслуживал расчет. В его составе командир (старший сержант), наводчик (младший сержант), заряжающие — три, установщик (взрыватель), снарядно-ящичный (готовит боеприпасы, очищает от смазки), водители — двое (в том числе один из них старший сержант).

При производстве залпа в кабине боевой машины находятся командир орудия и старший водитель, остальной расчет в укрытиях, в 15-20 метрах сбоку от машины. На каждой БМ установлен (в центре нагрузок) ящик с 5-ю килограммами тола. В случае угрозы захвата БМ противником подрыв осуществляется командиром орудия по приказу старшего офицера или командира батареи (в моей практике подобной ситуации не было). После каждого залпа БМ немедленно покидает огневую позицию. Время развертывания боевой машины из походного положения в боевое — 2-3 минуты. Разрешается на короткие расстояния выдвижение на огневую позицию с боеприпасами на направляющих.

У реактивных снарядов (РС) по сравнению с боеприпасами ствольной артиллерии было большее рассеивание (отклонение от точки прицеливания, от центра широкой цели), так как стабилизация снаряда в полете осуществлялась четырьмя стабилизаторами, снаряд не получал вращательного импульса, как при вылете из нарезного ствола. К тому же эллипс рассеивания снарядов на короткие дистанции стрельбы вытягивался в длину, на предельные дальности в ширину (в ствольной артиллерии наоборот). Убойная сила снаряда была равна примерно мощи снаряда 122-мм гаубицы (количество и разлет осколков, глубина воронки и т.д.). Главнейшее достоинство РС — внезапный массированный огонь по площади в короткое время (6-7 секунд). Эффект поражения усиливался сложением волн разрыва многих снарядов залпа и возгоранием местности в районе падения снарядов.

По штату и положению ОГМД имел права отдельной части, ему полагалось знамя и печать. Дивизионы 388, 389 и 390-й входили сначала оперативно, а с августа 1944 г. — в полном объеме субординации в 97-й гвардейский минометный полк Ставки Верховного Главного Командования. Командир полка обычно возглавлял опергруппу ГМЧ армии. Организационно он состоял из командования, штаба, трех огневых батарей (по 4 БМ-13 в каждой, всего 12, базовый автомобиль в 1944 г. — «Студебеккер»), взвода разведки, взвода связи, взвода подвоза, хозяйственного взвода, автомобильной ремонтной мастерской (способной производить текущий и средний ремонт, заряжать аккумуляторы). Офицеры были вооружены пистолетами, разведчики, радисты и водители боевых машин — автоматами ППШ, остальные сержанты и солдаты — карабинами. Штаб дивизиона и каждая из батарей имели по одному противотанковому ружью, комплект противотанковых и противопехотных гранат. На вооружении состояли радиостанции «РБ» (дальность — связи микрофоны 25 км, на ключе — 100 км), унифицированные телефонные аппараты. В качестве основных артиллерийских приборов для стрельбы и наблюдения использо-

вались буссоль (БМТ-20, Михайловского-Турова, точность отсчета 0-20), артиллерийская стереотруба (с десятикратным увеличением), бинокли, дальномерные рейки и ленты. Автомобилей легковых был один, транспортных — 25 (одновременно поднимали 5 залпов боеприпасов, заправку ГСМ, 10 суточных дач продовольствия). Машины в основном трофейные (с 1943) — «Блитц», «Опель-11» (с тремя ведущими осями, это большая заслуга авторемонтников и, прежде всего, автотехника Н. В. Жмурко).

Офицеров в дивизионе было 25 (командиры-артиллеристы, политработники, командиры спецподразделений, начальник делопроизводства и финансовой части, фельдшер, офицер особого отдела). Сержантов насчитывалось 54 (командиры орудий, отделений, артмастера батарей, наводчики, водители боевых машин, сверхсрочники), солдат 111. Всего личного состава 190 человек. Питание личного состава из полевых кухонь. Их — четыре (в трех батареях и в управлении дивизиона). В 1941 году личный состав ГМЧ обмундировывался в новую, гвардейскую форму: светло-серый мундир, такого же цвета брюки, кожаные сапоги и каска. Внешний вид ракетчиков резко отличался от обычной военной формы одежды. В описываемое время гвардейцы обмундировывались наравне с другими воинами, отличием служил только значок «гвардия» общеармейского образца. К концу 1941 г. гвардейцы-фронтовики пели свой гимн (позже музыку к нему написал композитор К. Молчанов):

«За край родной, вперед гвардейцы в бой.
Пусть битвы гром гремит кругом,
Свою страну любя, мы защитим себя
И наша честь — победа над врагом».

Всю войну, как и другим гвардейским частям, в дивизионе выплачивалась 50 процентная надбавка к окладам, еще 50 процентов составляла выплата так называемых полевых денег. С учетом надбавок оклад командира дивизиона составлял 2400 руб. Практически все они (кроме аттестата матери) передавались в фонд обороны — непосредственно или через подписку на займы. Нам деньги не требовались: мы находились на полном обеспечении государства, да и покупать было негде; о военторге мы слышали только в анекдотах.

В штатном составе дивизион мог в течение 6-7 секунд нанести внезапный массированный огневой удар одним залпом всех 12 пусковых установок, т.е. 192 ракетами, и нанести поражение противнику на площади 30-32 гектара с плотностью 6 снарядов на гектар. По принятой во время войны методике расчета плотностей принималась во внимание лучшая половина эллипса (т.е. 4 срединных отклонения по направлению и дальности). В этом случае плотность поражения удваивалась. Площадь 15-18 гектаров — это ротный опорный пункт противника, район расположения стрелкового, танкового батальонов, огневые позиции артиллерийского дивизиона, длина колонн этих подразделений на марше. Важные для поражения цели. Это мог быть и неподвижный заградительный огонь при отражении контратаки батальона противника. Мастерство командира состояло в том, чтобы заранее определить размеры цели и выбрать наиболее эффективный вид эллипса. Пристрелка, как правило, не производилась. В 1944 году, с появлением снарядов улучшенной кучности в динамике боя, я обычно проводил пристрелку фланговыми орудиями дивизиона. Но на поражение дивизион (батарея) переходил только при веере, сосредоточенном по центру цели. Плотности огня дивизиона в 1944 г. были близки к дивизионам 122-мм и 152-мм гаубиц. Но наше преимущество было в другом. Гаубичный дивизион мог по техническим возможностям выпустить в течение часа 600 снарядов, а ракетный дивизион за это же время — 1200 снарядов.

Так мы и воевали вместе со ствольной артиллерией в составе корпусных, дивизионных, а в 1944 г. — и полковых артиллерийских групп, куда обычно входили дивизионы 152- мм гаубиц-пушек (дальность стрельбы 17230 м), 122-мм гаубиц (дальность 11800 м), 76-мм дивизионных пушек (дальность 10400 м) и дивизиона РС (дальность 847 м). Группа из 4-6 дивизионов могла поражать любые наземные цели и эффективно выполнять задачи артиллерийского наступления: подготовка атаки пехоты, танков, кавалерии, поддержка атаки (огневой вал, в последовательное сосредоточение огня), сопровождение боя в глубине. При этом командир дивизиона РС всегда учитывал, что разрывы его залпа должны обеспечить безопасность своим войскам. Как правило, огонь РС выносили на 500-1000 м от переднего края своих войск. Случаев ударов по своим войскам я не знаю. Хотя читал стихотворение: « Артиллерия бьет по своим». Что сказать? Одно: плохая артиллерия, неграмотные командиры, никудышное взаимодействие.

Не секрет, что боевая деятельность ракетной гвардии журналистами, писателями, народной молвой окрашивается в такие тона, что

трудно различить истину и вымысел, боевые возможности и сверхъестественные результаты. Убежден, что здесь нет злого умысла — народ исстари приписывал своим героям-защитникам, и исполинскую силу, и непременную победу добра над злом. Так случилось и с новым оружием. Его было в 1941 г. мало, боевые машины появлялись на короткое время, залпы длились всего несколько секунд, а зрелище огня ракетных батарей производило неизгладимое впечатление. Секретность оружия, особые меры охраны, тактики действий, а также составление актов о результатах каждого залпа создавали почву для преувеличения подлинных итогов огня.

Даже фронтовая газета «На разгром врага», напечатав текст песни «Гвардейская катюша» (слова солдата-гвардейца), вольно или невольно способствовала преувеличению возможностей нового оружия.

...Шли бои на море и на суше,
Над землей гудел снарядов бой,
Выезжала из лесу «катюша»
На рубеж знакомый, огневой.

Выезжала, мины заряжала
Против немца изверга-врага,
Ахнет раз — и роты не бывало,
Бахнет два — и нет уже полка.

Слава гвардейцев-ракетчиков множилась и потому, что у противника такого оружия не было, и это вызывало гордость, рождало оптимизм, надежду.

Ракетная гвардия по своим заслугам перед страной, народом и армией не нуждается ни в мифах, ни в легендах, ни в преувеличении ее роли и значения. Она нуждается лишь в достойном отражении истории ее создания, боевой деятельности и правдивом показе ее солдат, сержантов, офицеров, органов управления, а также ученых, конструкторов, рабочих, создавших это грозное, непревзойденное в годы войны ни противником, ни союзниками оружие.

Ракетная гвардия наносила противнику не только огневое поражение, вызывала большие потери в живой силе и технике. Ни с чем не сравнимо было морально-психологическое воздействие нового оружия. Появление ракетных подразделений, а потом и частей было неожиданным, а внезапность, массирование огня, маневр траекториями

и колесами потребовал определенного времени для изучения, анализа и выработки мер противодействия. А фактор времени был в 1941 г. одним из решающих. Немецкая пехота бежала с занимаемых позиций, отказывалась от наступления и контратак, ослабляла оборону под воздействием огня ГМЧ.

Для наших войск новое оружие было большим вдохновляющим, мобилизующим фактором. Оно появилось в то время, когда в народе и армии сформировалось твердое убеждение, что отступать дальше нельзя, когда особенно необходим был перелом в войне, поворот к победе.

Еще одна заслуга ракетной гвардии состоит в том, что она спасла нашу страну и армию от химической войны. Гитлер и его клика рассматривали реактивное оружие своей армии как средство химической войны. Сформированные к 1941 году десять полков реактивных минометов имели на вооружении только химические боеприпасы. Стрельба по площадям химическими снарядами рассматривалась как эффективное средство заражения местности и людей отравляющими веществами, а также для постановки дымовых завес. Немцы в ходе всей войны не решились пойти на применение химических средств. Они знали, что наша реактивная артиллерия с ее возможностями стрельбы по площадям зальет их войска отравляющими веществами. В СССР еще в 1938 г. был принят химический реактивный снаряд РСХ -132. Наши возможности были безграничными.

Немецкая реактивная артиллерия не смогла составить необходимое противодействие ни сухопутным войскам РККА вообще, ни их артиллерии, ни близким (аналогичным) по боевым свойствам гвардейским минометным частям. Она уступала по численности, по организационному предназначению (советская ракетная гвардия — отдельный род войск, оружия), по принципам управления (советские ГМЧ-Резерв Ставки ВГК, немецкая ПРА — средство усиления ствольной артиллерии). Она не послужила средством достижения эффективного поражения действием обычных для артиллерии факторов осколочно-фугасных снарядов. Тем более, немцы не достигли эффекта внезапности боевого использования и морально-психологического подавления. «Скрипухи» (так называли солдаты шестиствольные минометы немцев) имели совсем другой эффект, чем залпы «катюш» — внезапные, ошеломляющие, грозные по последствиям.

Исторически оправданным и дальновидным был выбор центра ракетостроения и формирования частей ракетной гвардии. Прошед-

шие 60 лет подтверждают роль, которую сыграла столица: Москва в полном смысле слова является родиной ракетной гвардии. Начавшаяся война, концентрация усилий германских войск и их временные успехи на Московском стратегическом направлении, быстрое приближение фронта к столице, непосредственная угроза Москве, введение в ней осадного положения не только не изменили решения о переносе центра ракетостроения, но еще больше укрепили его: велика была уверенность в победе, и новый род войск — ракетная гвардия — значительно усиливала нашу обороноспособность именно на главном театре войны, на защите Москвы. Парады 7 ноября 1941 года и 24 июня 1945 года являются лучшими историческими вехами уверенности в победе и правильности выбора путей достижения победы.

Москва выступила единым центром, объединившим разработку теоретических основ ракетного оружия, экспериментальную, производственную и ремонтную базу, базу формирования частей и соединений, их боевого сплачивания, подготовки кадров офицеров, сержантов и солдат. Особой важности заслуга Москвы в том, она осуществляла всестороннее руководство ракетной гвардией: ГКО, Ставка ВГК, лично И. В. Сталин, непосредственно и повседневно вникали в деятельность ГМЧ. Военный Совет ГМЧ работал в Москве под непосредственным руководством Ставки ВГК. Все решения Ставки без промедления реализовывались на практике, доводились до результата. Важно подчеркнуть, что никаких промежуточных инстанций между Ставкой и Военным Советом ГМЧ не было; более того, командующий ГМЧ В.В. Аборенков (в 1941 г. — военный инженер 1 ранга) являлся заместителем Наркома Обороны СССР; член Военного Совета Л.М. Гайдуков был одновременно заведующим отделом ЦК ВКП(б), член Военного Совета Н.П. Фирюбин — секретарем Московского Комитета ВКП (б).

Москва стала родиной ГМЧ и в том смысле, что начиная с 28 июня 1941 года и до конца войны была центром формирования подразделений, частей и соединений ракетной гвардии. Ресурсы кадров, призывных контингентов, мощная партийная и комсомольская прослойка, близость производственной базы, полигонов, учебных центров, казарменный фонд училищ, а также многочисленные здания школ, техникумов, ПТУ создавали условия формирования полка ГМЧ в среднем за 5-6 дней. Сейчас точно известен объем проведенной Московским центром ГМЧ работы, он поражает воображение: всего было осуществлено 491 формирование, в том числе 17,5% в 1941 г., 61,7% в 1942 г., 18,3% в 1943 г. и 2,5% в 1944 г. В 1945 году формирований не

было. Что касается первых шести месяцев войны, то было сформировано отдельных батарей — 10, отдельных дивизионов М-8 и М-13 — 52, полков М-8 — 5, полков М-13 — 10, оперативных групп фронтов — 4, оперативных групп армий — 4, артиллерийских складов — 3, органы управления ГМЧ.

Надо добавить к и без того огромной цифре — 491 формирований еще 143 части и соединения, прошедшие в Москве, в учебном центре ГМЧ (начальник В. А. Шмаков) доукомплектование после боевых действий на фронте. В целях накопления резервов, подготовки кадров в Москве были развернуты также — дивизион резерва ГМЧ, высшая офицерская артиллерийская школа, учебная бригада (выпустила 67870 младших специалистов для ГМЧ) и учебный автополк (выпустил 4927 водителей боевых и транспортных машин). На территории Московского артиллерийского училища с 28 июня по 1 июля была сформирована Первая экспериментальная батарея ГМЧ капитана И. А. Флерова (об этом теперь свидетельствуют памятник — боевая машина и мемориальная доска), с Хорошевского шоссе она начала свой героический и трагический путь.

* * *

...Ясско-Кишиневская операция, начатая 20 августа 1944 г., развивалась успешно. Она была тщательно подготовлена, всесторонне обеспечена. В истории военного искусства ее отличают глубина замысла, мастерство проведения, минимальные из всех операций РККА потери. Наш дивизион по-прежнему поддерживал огнем и маневром боевые действия 7-й гвардейской армии, но характер операции, частая смена обстановки вынуждали командование направлять дивизион на поддержку соседней 27-й армии, а позже 40-й армии. Для частей полевой реактивной артиллерии это было обычным явлением. Мы были закалены в прежних операциях, для нас совершение маршей 100-150 км из полосы одной армии в другую было привычным. Внезапность применения массированного огня «катюш» была их неотъемлемым боевым качеством. Мы не испытывали трудностей в подготовке огня, в снабжении всем необходимым. Дивизион был сколоченный, боеготовный, легко управлялся, отличался высокой дисциплиной и мастерством.

В ходе боевых действий на территории Молдавии, а потом и Румынии относительно новым для меня способом участия в бою стало включение в состав дивизиона артиллерийской батареи, стрелко-

вой роты и взвода саперов. Командир 303-й стрелковой дивизии генерал И. Федоровский, человек неординарный в решениях и действиях, проанализировал огневые и маршевые возможности дивизиона и подчинил мне эти подразделения. Фактически был создан сводный отряд для особого рода действий. Противник отступал к реке Прут, вел подвижную оборону, часто переходил в контратаки, обстановка требовала скорых, не терпящих промедления решений, опережения противника, нанесения ему максимального поражения. Мне пришлись по душе решения командира дивизии. Батарея 76-мм пушек могла поражать точечные цели. Стрелковая рота предназначалась для захвата и удержания объектов, а также для охраны пленных после огневых ударов. Саперы вели разведку маршрутов, разминировали мосты, могли сделать проходы в выявленных минных полях. Состав и задачи отряда, новый характер действий в конкретной обстановке привел меня к решению о более смелом применении огня прямой наводкой. Обычно на больших скоростях сводный отряд обгонял пехоту, танки, кавалерию и, преследуя противника по параллельным маршрутам, опережал его, захватывал выгодный рубеж, занимал фланговое положение по отношению к колоннам противника, развертывался в боевой порядок и всеми пусковыми установками наносил огневой удар прямой наводкой. Для этого расчеты подкапывали землю под передними колесами, опускали пакет направляющих до соответствующих установок прицела. Результат подобного залпа был ошеломляющим для противника: все было внезапным огромная площадь поражения, море огня и дыма, неуязвимость отряда. После залпа отряд продолжал движение к очередному рубежу.

По-прежнему я практиковал огонь и с закрытых огневых позиций. Особенность была в том, что изменилось соотношение боевых задач. Дивизион ведет огонь по командам старшего артиллерийского начальника, по вызову общевойскового командира и по решению самого командира дивизиона. В подвижных формах боя ждать указаний сверху бессмысленно. Как правило, приходилось решать самому. При стрельбе с закрытых позиций требовались большие усилия разведки, более точные расчеты каждого залпа. После войны я убедился, что работа нашего дивизиона была оценена положительно штабом артиллерии армии. В архиве сохранилось донесение командующего артиллерией 27-й армии командующему артиллерией Красной Армии (ЦАМО, ф. 240, оп. 2828, д. 216, л. 74), в котором описываются боевые работы и дивизиона, и его командира. Вот отрывок из этого документа: «25 августа (1944 г.) на фокшанском направлении у населенного пункта Болдурешти огонь фашистских орудий и минометов остановил передовые батальоны 303-й стрелковой дивизии 27-й армии. Затем началась контратака. Ее отбили, но населенный пункт занять не удалось. Разведка установила, что в Болдурешти размешается какой-то штаб гитлеровцев. Последовал приказ командира дивизии сосредоточить огонь всей артиллерии и приданного 390-го ОГМД 97-го ГМП. Командир дивизиона капитан Уткин подтянул батареи поближе к тянущемуся вглубину населенному пункту, чтобы эллипс рассеивания снарядов накрыл его целиком. Залпы дивизиона и огонь артиллерии сделали свое дело. Огневые средства противника были подавлены. Под натиском стрелковых подразделений дивизии он стал в панике отходить, но был окружен. В плен попало более 300 солдат и офицеров вместе со штабом немецкой части.

Вскоре для обеспечения боевых действий 7-й гвардейской армии дивизион вновь вошел в ее состав. Армия, все ее дивизии успешно наступала. Она преодолела укрепленный район Пашкани, захватила города Тыргу-Няиц, Тыргу-Фрумос и втянулась в Карпаты.

Бои в Карпатах, целью которых было преодоление этой горной системы и выход на Венгерскую равнину, освобождение Трансильвании, отторгнутой Гитлером от Румынии и переданной Венгрии за ее верность фашизму, представляли серьезные трудности. Для нас, прошедших путь от Москвы-реки, Волги, Дона, Днепра, условия боевых действий в горах были совершенно новыми, непривычными, требующими особой выучки, особого мастерства. Нам выдали карты времен русско-турецкой войны 1877-1878 гг.! К осени 1944 года изменилось многое. Неизменными остались горы с высотами порядка 600-1500 метров над уровнем моря, бездорожье, резкие перепады температур, туманы, неожиданные разливы рек. Была сильно затруднена ориентация, рельеф местности скрадывал расстояния. Движение было возможно только по руслам пересохших рек. Перевалы были редкостью, противник упорно их оборонял. Большие трудности испытывала радиосвязь — горы мешали прохождению радиоволн, искажалось качество передач. Подъем разведчиков на большие высоты, прокладка телефонного кабеля были сопряжены с большими нагрузками. Дошло до того, что командир 72-й гвардейской стрелковой дивизии генерал А. Лосев выделил мне ... коня. На нем я добирался до наблюдательного пункта.

Но и в этих условиях мы воевали и побеждали. Видимо, не зря нас награждали и выдвигали. Мы быстро приспособились к горным условиям; трудно было нам, но и противник терпел затруднения.

Важно было перебороть его, лишить возможности отхода без потерь, непрерывно оказывать на него огневое воздействие.

...В 1944 году перед самым выходом на Венгерскую равнину при преодолении очередной горной гряды противник, уступая одну позицию за другой, отчаянно сопротивлялся в опорном пункте. Каменные строения, инженерные сооружения, минированные подступы к населенному пункту, огневое взаимодействие с другими пунктами, наличие дорог с западной равнинной стороны создали для нашей пехоты серьезные трудности. Стрелковые дивизии не имели необходимых средств для поражения противника — пушкам с настильной траекторией снарядов задачи были не под силу. У минометов не хватало дальности. Авиация не могла действовать из-за плохих погодных условий и из-за опасности поразить свои войска. В наличии был 390-й гвардейский дивизион. Меня вызвал командующий артиллерией армии генерал С. Петров. Поставил задачу на нанесение огневого удара по опорному пункту. Я доложил генералу, что при дальности стрельбы 8470 метров дивизиону необходимо занять огневые позиции в самом лучшем варианте на высоте с отметкой 652,0. Генерал доложил командующему армией. М. С. Шумилов приказал мне во что бы то ни стало выдвинуть, точнее, поднять дивизион на эту высоту и на рассвете доложить о готовности. «Иначе...» добавил Шумилов и не окончил фразы. Всю ночь без дороги, по козьим тропам, на канатах, веревках, вагах всем дивизионом (почти 200 человек) на руках вытягивали боевые машины под небеса. В 3 часа ночи я доложил командующему о готовности дивизиона к открытию огня. К этому времени были уточнены все данные разведки, взаимодействие с пехотой, проверена связь. Наступили томительные минуты ожидания команды старшего начальника.

...Волнение перешло в уверенность, в гордость за своих людей, за их труд и подвиг. С особым душевным настроем я подал команду: «Дивизион, залпом, огонь». За 6-7 секунд 192 ракеты огненными факелами взмыли в небо, обогнули гору и с огромной скоростью накрыли опорный пункт. Грохот разрывов был хорошо слышен в горах. Когда стрелковые части доложили о захвате опорного пункта, командующий армией М. С. Шумилов пригласил меня в свой «виллис»: «Поедем смотреть, что сделали твои гвардейцы». Посмотреть было на что. Эффективность залпа была наглядной.

По приказу командующего дивизион был построен на огневой позиции на высоте 652,0. Он лично вручил ордена и медали офицерам, огневикам, разведчикам, водителям. Порадовался, что у многих на груди уже было по 2-3 ордена. «А Вы, — обращаясь ко мне, сказал М. С. Шумилов, — орден Красного Знамени получите в Кремле».

Передо мной копия присланного из архива наградного листа с представлением меня к ордену Красного Знамени.

«Наградной лист.

Фамилия, имя, отчество Уткин Борис Павлович.

Звание — гвардии капитан.

Должность и часть Командир 3-го дивизиона 97 Гвардейского минометного Кировоградского Краснознаменного ордена Богдана Хмельницкого и Суворова полка.

Представляется к ордену Красное Знамя.

Год рождения — 1923 г. Национальность — русский.

Партийность член ВКП(б).

Участие в гражданской войне и в последующих боевых действиях по защите СССР, где и когда участвует в Отечественной войне с мая 1942 по июль 43 г. — Воронежский фронт, с июля 43 г. по август 43 г. — Степной фронт, с августа 43 г. — по настоящее время 2 Укр. фонт, оборона Москвы июнь-декабрь 1941 г.

Имеет ли ранения и контузии в Отечественной войне — контузий три.

С какого времени в Красной Армии — с июня 1941 г.

Каким РВК призван — Раменским РВК Московской области.

Чем ранее награжден, за какие отличия орден «Красная Звезда» приказом Войскам 7 ГА № 010/Н от 24.8.43 г.

Постоянный домашний адрес представляемого к награждению и его семьи: Московская обл., Раменский р-н, с.Петровское — мать Уткина Александра Ивановна.

Краткое изложение личного боевого подвига или заслуг.

В боях за Молдавию т. Уткин отличной организацией и личным примером героизма добился отличного выполнения дивизионом боевых задач. 23 августа части 303-го СД встретили упорное сопротивление полка в районе Болдурешти. Тов. Уткин вывел дивизион на прямую наводку и несколькими залпами расстрелял обороняющегося пр-ка. Залпами было уничтожено 300 солдат и офицеров, сожжено 12 автомашин, разбито 12 орудий и 21 повозка с боеприпасами.

7.10.44 г. части 38 СД атаковали сильно укрепленный узел обороны п-ка выс. 768. Под командой Уткина, не взирая на сильный арт. обстрел, личный состав дивизиона на себе вытащил боевые ма-

шины на выс. 652, откуда тремя залпами по р-ну выс. 768 и 652 подавил огонь 2 мин. батарей, 2 арт. бат. И уничтожил до роты гитлеровцев, в результате залпов наша пехота овладела выс. 768.

8.10 противник вел интенсивный огонь из р-на выс. 568. По команде тов. Уткина дивизион дал залп по выс. 568, в результате залпа подавлен огонь мин. батареи, уничтожено 20 чел. пехоты, 2 пулеметных точки, сожжены 3 автомашины с боеприпасами.

За отличную стрельбу командир 51-го СК объявил благодарность 3/97 ГМП.

Достоин Правительственной награды ордена Красное Знамя.

Командир 97 ГВ МКК оБХП Гвардии полковник Чумак. 25.10.44 г.»

Лестная для молодого командира характеристика. Мой командир М. М. Чумак, описывая боевую работу дивизиона и эффективность огневых задач, упоминает столь много высот на нашем пути в Карпатах, что невольно вспоминается стихотворение поэта-фронтовика Михаила Львова «Высоты»:

Комбату приказали в этот день
Взять высоту и к сопкам пристреляться.
Он может умереть на высоте,
Но прежде должен на нее подняться.
И помнят уцелевшие солдаты,
Что высота была взята.
И что у каждого есть в жизни высота,
Которую он должен взять когда-то.
А если по дороге мы умрем,
Своею грудью разрывая доты,
То пусть нас похоронят на высотах,
Которые мы все-таки берем.

Хорошо, верно сказано. Так воевали и в Карпатах, и в других местах: война — сплошные высоты: на местности и в разуме человека. Командующий армией М.С. Шумилов пригласил меня в свой «Виллис»: «Поедем смотреть, что сделали гвардейцы». Посмотреть было на что. Эффективность залпа была наглядной.

В скупых строчках воспоминаний о боях мне хотелось рассказать о том, как мы приближали победу, как добивались боевых результатов, без которых никакого успеха, никакой победы достичь невозможно. Для артиллерии результат всегда плод коллективного труда. Пуск ракет производит командир боевой машины вращением рукояти прибора управления огнем. Но перед этим наводчик доложил ему о том, что орудие наведено. Данные для наводки скомандовал старший офицер батареи, а ему команду командира батареи или дивизиона передал радист (телефонист). Исходные данные подготовил стреляющий командир, но координаты целей ему доложили разведчики, вариант исходных данных рассчитали вычислители. Боеприпасы подвезли и подготовили командир взвода подвоза и орудийные мастера. Боевые машины вывели на позиции классные водители. Контроль осуществляет штаб. Огромную работу по мотивации воинского труда, воспитанию моральной и психологической стойкости проводит политсостав. Всем есть дело. И во главе его стоит командир.

Результат в боевой работе всех офицеров, сержантов и солдат достигается в конкретной обстановке войны. К сожалению, о жизни человека на войне, в условиях службы во фронтовой обстановке авторы мемуаров, как правило, не пишут. Не создано и обобщающего труда «Человек на войне». Подчеркну лишь несколько факторов, непосредственно влияющих на человека, проходящего службу в мелких, тактических подразделениях (рота, батальон, батарея, дивизион) и непосредственно участвующих в выполнении боевых задач.

Сильнее всего при переходе от мирной жизни к военной, от службы в тылу к работе на фронте фактор смертельной угрозы человеку. Обстановка риска, воздействие поражающих средств противника (ружейный, пулеметный, минометный артиллерийский огонь, минновзрывные заграждения, бомбардировки авиации, психологическое и идеологическое воздействия) становятся величиной постоянной, непрерывной. В силу этого возникает столь же непрерывное противоборство чувств самосознания и самосохранения. В разуме идет постоянная сшибка этих двух взаимоисключающих установок: одна властно требует выполнения долга с оружием в руках, другая может привести к трусости, панике, выживанию любой ценой вплоть до предательства и плена. Меняется ценностная характеристика меры труда. Труд производительный уступает место труду ратному, использованию оружия с целью уничтожения противника. Лозунги Великой Отечественной войны — «Смерть фашистским оккупантам», «Убей немца, иначе он убьет тебя, твою семью».

Человек на фронте живет в обстановке жесткого ограничения многих духовных, интеллектуальных и физиологических потребнос-

тей. Законы военного времени лишают его гражданских прав и свобод. До предела ограничена информация. Газет мало, приходят с опозданием. Радиоприемников нет. Письма подвергаются просмотру военной цензурой. Общение с товарищами из других подразделений затруднено. Мужской коллектив, отсутствие женщин накладывает большой отпечаток на формирование нравов, отношений в роте, батарее. В артиллерийских полках нет автоклубов, кинопередвижек. За период войны мне довелось послушать одну лекцию (1942 г.), посмотреть один кинофильм (1942 г.), побывать однажды на концерте (1943 г.) и на представлении цирка (1944 г.).

Суров военный быт. Жилище — землянка, убежище. Одежда — «всепогодная», однообразная. Экипировка — необходимая, не тяжелая по весу. Питание — по калорийности самое богатое в мире — 3600 калорий. Но однообразное. Преобладает хлеб, сухари, мучные изделия, консервы. Баня и санитарная обработка — эпизодические. Контроль состояния здоровья — постоянный, действенный. Больных, как правило, нет. Досуг скрашивают игры — шашки, домино. На батарею — одна гармошка. Счастье, если в батарее служат учителя, артисты, музыканты — можно организовать самодеятельность. Время военных заполнено от подъема до отбоя тяжелыми физическими работами, в основном, земляными, по усовершенствованию позиций. Много времени уходит на обслуживание машин, техники. Занятия по боевой и политической подготовке регулярны (в обороне) и обязательны.

Став командиром дивизиона, я, сам переживающий вместе с другими тяготы и невзгоды фронтовой жизни, серьезно задумался о своей ответственности за судьбы людей, за максимально возможное исключение из жизни отрицательных факторов фронтовых условий, о том, что в моих силах сделать для улучшения этих условий в интересах подчиненных мне людей. Многое удалось.

При выборе расположения дивизиона в новом районе дислокации были исключены варианты размещения личного состава в населенных пунктах. Балка, овраг, различные урочища требуют большого труда для оборудования позиций. Но они надежно укрывают от ударов авиации и артиллерии. Был усилен контроль за боевой работой орудийных расчетов, за обращением с боеприпасами. К нашему счастью, в дивизионе не было потерь в личном составе. Под контролем начальника штаба был разрешен прием радиопередач из Москвы на боевых радиостанциях. На короткое время радиостанция переходила на прием, производилась запись последних известий. Затем они распростра-

нялись в батареях. Удалось улучшить питание личного состава, в том числе и офицеров (мы питались из батарейных кухонь, кроме того, офицерам полагался дополнительный паек — масло, печенье, табак), за счет трофейных продуктов. Трофеи тщательно учитывались, оприходывались, вводились в рацион в наиболее сложной обстановке. Устранены несправедливости в выдаче водки. Как правило, солдаты и офицеры просили заменить ее махоркой, сухарями, сахаром. Трудно представить себе нетрезвого человека у ракетной установки или за рулем боевой машины.

Наладили в батареях ремонт часов, сапог, обмундирования. Изготовили бочки для нагревания воды при помывке, устройства для прожарки одежды. Умельцы внесли предложение поставить на боевых машинах дополнительные баки и таким образом к заправке «Студебеккера» — 150 литров — добавить бак со сбитого самолета емкостью 300 литров. Отпала необходимость в боевой обстановке вести в колонне машины с горючим.

Руководство дивизиона — заместитель по политчасти П. Шестаков, начальник штаба А. Евдокимов и я по достоинству оценивали труд воинов, не скупились на награды и отличия. Мы активно добивались отпуска для особо нуждающихся и отличившихся сержантов и солдат. В 1944 г. ряд товарищей съездили с фронта из Румынии в отпуск на Родину. Ввели в обиход поздравления воинов с днем рождения. Писали письма на Родину солдат и сержантов с просьбами к властям о помощи семьям фронтовиков. Об удовлетворении таких просьб сообщали личному составу.

Должность командира отдельного ракетного дивизиона открыла для меня ранее неведомую сферу общения в интересах ведения боевых действий с военачальниками большого ранга, различных родов войск (пехота, танки, кавалерия, авиация, артиллерия и т.д.). Раньше все это входило в обязанности моего командира, я узнавал об этом трудном деле из его рассказов. Мне казалось верхом удовлетворения общение с командиром, комиссаром и начальником штаба полка, офицерами штаба и политотдела. Конечно, бывал я в штабах дивизий, штабах артиллерии дивизий и корпусов. Но это был уровень майора — подполковника. Теперь положение изменилось. Большим счастьем в своей жизни считаю общение с командующим вторым Украинским фронтом И. С. Коневым, командующим 7-й гвардейской армией М. С. Шумиловым, командующим 3-й гвардейской танковой армией П. С. Рыбалко, командирами корпусов Г. Б. Сафиуллиным, С. К. Терент-

евым, А. Г. Журавлевым, И. А. Плиевым, С. В. Соколовым. Незабываемы встречи с командирами дивизий А. Лосевым, А. Морозовым, С. Козаком и многими другими. Культура, такт, обаяние личности, уважение к молодому командиру, всемерная поддержка вызывали чувство уверенности, осознания сопричастности к большому делу, вызывали желание выполнить задачу, поставленную таким командиром, с самым лучшим результатом.

Нас держали в строгости, над нами осуществляли постоянный действенный контроль, но уважали за достигнутые результаты, помогали расти. Контролировали работу командиры дивизиона так. Приезжает на наблюдательный пункт командующий артиллерией 7-й гвардейской армии генерал С. Петров. Представляюсь, докладываю о том, чем занимается расчет пункта управления. «Ваши ориентиры?». Показываю. «Доложите обстановку». «Уточните начертание переднего края противника». «Покажите его опорные пункты». Наконец, «огонь по району высоты... Время пошло». «Доложите о готовности». «Полетное время снарядов». Через несколько минут: «Спасибо. Так держать!»

В другой раз приезжает командующий армией. «Доложите обстановку. Кто вам доложил, что населенный пункт взят нашей пехотой?» — «Начальник разведки старший лейтенант Шакиров». — «Шакирова ко мне. Идите в деревню и дайте оттуда серию ракет: две красного и две белого дыма». И пошел мой Шакиров... доказывать правоту своего доклада (Шарифьян Харисович Шакиров ныне живет в Уфе. Мы, поздравляя друг друга с праздниками, часто вспоминаем этот эпизод суровой фронтовой действительности. Посылая его в село, я не был полностью уверен, что он вернется живым. Даже сожалел, что не попросился в разведку сам. Но такова военная судьба.)

К сожалению, на фронте встречались и такие военачальники, общение с которыми вызывало разочарование, сожаление о том, что таким людям доверены сотни и тысячи людей. Расскажу лишь о некоторых.

...В самый разгар Корсунь-Шевченковской операции, перешедшей без паузы в Уманьско-Ботошанскую, дивизион поддерживал 62-ю гвардейскую стрелковую дивизию. Ею командовал Герой Советского Союза, водрузивший знамя на высоте Безымянной во время боев на озере Хасан (1938 г.), полковник И. Мошляк. Меня предупреждал командир дивизионной группы, чтобы я без вызова к комдиву не являлся. Но вот последовал вызов. И. Мошляк встретил меня раздраженным, да к тому же нетрезвым. Не выслушав доклада и предложений (мы их обычно вносили в целях наиболее эффективного использования мощного огня дивизиона), он обрушился на меня с грубой бранью, нескончаемым потоком упреков. Здравых мыслей в этот час у комдива не наблюдалось. Он требовал доклада по карте, где находятся полки его дивизии, и как я их поддерживаю. Потом посыпались угрозы. Мой ординарец А. Гимбут передернул затвор «Шмайсера», когда Мошляк потянулся к маузеру.

Было горько и обидно, что прославленный командир не владеет собой, он глубоко несправедлив, унижая капитана, который хотел своим докладом обрадовать старшего начальника. Да, обрадовать. Тем, что нам удалось в обстановке полнейшей распутицы, бездорожья вывести дивизион по шпалам и насыпи железнодорожного полотна на огневые позиции, что мы имеем пять залпов в боевом комплекте, что я готов в любую минуту (рация в машине) открыть огонь по уже разведанным целям. Что касается положения полков, я заранее нанес их районы на свою карту и помогли мне офицеры оперативного отдела дивизии Мошляка. Кстати, они сидели за стенкой блиндажа комдива. Перестав буйствовать, комдив предложил мне выпить. Я отказался. «А я выпью. Ночь не спал». На моих глазах полковник повалился на топчан. Я доложил командиру полка, исполнявшему обязанности начальника оперативной группы ГМЧ армии. Он приказал мне немедленно отправиться на поддержку другой дивизии. Мудрый Чумак добавил: «Мошляка знают давно. Ему нельзя давать в подчинение дивизион ракетного оружия. Проспится, поговорим».

В боях за город Яссы в одном из стрелковых полков 303-й дивизии возникли большие трудности с наступлением, противник угрожал опрокинуть боевые порядки полка и контратакой задержать продвижение всей дивизии. Генерал И. Федоровский попросил меня немедленно выехать в полк и помочь выправить положение.

Через час я доложил о прибытии командиру полка. Этот пожилой полковник со строгим взглядом и недоброй улыбкой отпустил несколько расхожих шуток насчет тех, кто служит во флоте и артиллерии (забыл он только концовку, о тех, кто служит в пехоте). Почему-то он не преминул сделать замечание насчет моей молодости и опрятного внешнего вида (мы старались носить форму одежды по Уставу, выглядели даже щеголевато — затянутые ремнями, со свежими подворотничками и чищеными сапогами). «Посмотрим, что ты знаешь и умеешь», — сказал полковник, обрывая мой доклад о готовно-

сти к открытию огня. «Проведите топографическое ориентирование, — приказал он. — Назовите пункты, находящиеся на переднем крае». Это не составило труда, мои разведчики времени даром не теряли. Полковник с сарказмом произнес: «Даже этого не знаете. Деревня, которую вы назвали, совсем не там, а далеко в стороне». Было стыдно за командира, который на виду у своего штаба глумится над офицером, демонстрирует чванство и безграмотность. И я нашел выход из положения, решил помочь человеку не потерять лицо. «Товарищ полковник, — сказал я, — разрешите открыть огонь по названной мной деревне, там как раз колонна немцев через мост поднималась в гору. Предупредите батальоны». Мгновение длилось оцепенение: «Разрешаю». Через считанные минуты залп накрыл колонну. Полковник был несказанно рад, ему, видимо, не приходилось иметь дело с гвардейцами-ракетчиками. Он забыл о своей ошибке, о своих упреках (я отнес их за счет почтенного возраста). «Пойдем обедать, у меня хороший повар». Я с достоинством ответил: «Генерал Федоровский просил меня помочь Вашему полку. Что еще надо делать?»

И еще один пример чванства и некомпетентности. В октябре 1944 г. дивизии армии вышли к румынскому городу Сату-Маре. С наблюдательного пункта хорошо было видно, как противник по железнодорожному мосту, совмещенному с автомобильным, спешно отводит свои войска на другой берег реки Самот (приток Тисы). Колонны шли сплошным потоком. Завидная цель для дивизиона. Дальности хватает. Эллипс рассеивания накрывает мост под прямым углом. Условия — лучше не надо.

Но командир стрелкового корпуса задачу решает на своем уровне. «Приказываю разрушить железнодорожный мост». Расчетами доказываю, что для этого потребуется несколько десятков прямых попаданий снарядов калибром 152-203 мм (у меня калибр 132 мм) или авиационных бомб. «Разрешите воспретить движение по мосту, двумя-тремя залпами дивизион сделает это быстро и хорошо». — «Нет, нужно разрушение». Странное упорство и непонимание задач артиллерии — воспрещение, изнурение, подавление, разрушение — это качественно разные виды огня. Каждый из них требует своего способа подготовки, выбора боеприпасов и калибра орудий.

Мои доводы, видимо, оказались убедительными. Генерал разрешил действовать по обстановке и по Правилам стрельбы артиллерии. С задачей мы справились. Движение по мосту прекратилось. Вскоре город был взят. Поехали смотреть результаты огня дивизиона. Генерал убедился, что огонь был точен, видел несколько прямых попаданий в мост. Но даже фугасные 132-мм снаряды не смогли пробить покрытие моста. О разрушении больше не вспоминали. Тем более, мост пригодился самим.

Ответственность командира дивизиона за судьбы людей, за выполнение ими боевых задач с необходимостью требовала от меня организации и качественного уровня обучения и воспитания всех категорий военнослужащих. Каждый воин имеет свои обязанности, свои нормативы боевой работы. Почему бы не достичь взаимозаменяемости в расчетах, взводах, батареях, почему бы не добиться перекрытия нормативов по времени и точности результата. Во все машины, орудия, средства связи конструкторами заложены определенные боевые и технические возможности (их называют ТТД — тактико-технические данные). Нельзя ли в процессе длительной работы попытаться превысить эти возможности (например, увеличить пробег автомобилей до капитального ремонта, уменьшить расход горючего на 100 км пробега и т.д.). То же самое и с подготовкой данных для стрельбы. Способов много. Но нельзя ли найти еще более эффективные для повышения точности огня. Каждый на своем посту при таком подходе становился не исполнителем привычной рутинной работы, а человеком ищущим, мыслящим, стремящимся к большему, лучшему, передовому. Добавим сюда знание возможностей тех соединений и частей, с которыми мы взаимодействовали — пехота, танки, артиллерия, кавалерия, авиация, саперные, химические подразделения. И, конечно, нельзя забывать о главном — о противнике, о возможностях противоборства с ним, об использовании наших преимуществ и его недостатков. Даже для офицеров было неожиданностью, когда я сообщил на одном из занятий, что у немцев командир батареи огонь ведет ... с огневой позиции. А наблюдение за разрывами снарядов ведут (и сообщают на батарею) унтер-офицеры.

Начинать надо было с себя. Я про себя решил, что не имею права на ошибку. Для этого необходимо освоить до тонкостей обязанности всех участников подготовки огня. Особенно понравилось водителям, что командир имеет права на управление автомобилем, обсуждает с ними технические вопросы, советуется, выделяет им в помощь солдат для обслуживания машины, предоставляет время для сна в самой сложной обстановке.

Самообразование было для меня первейшей обязанностью и необходимостью. Я использовал каждую минуту для этого. Кстати, са-

мообразование приближало меня к заветной мечте: к поступлению в академию. Правда, осуществиться ей довелось спустя несколько лет.

Пришлось строго разграничить обязанности по обучению и воспитанию подчиненных. Моей категорией стали заместители командира дивизиона и командиры батарей. Начальник штаба вел подготовку офицеров разведки, связи, подразделений обеспечения и обслуживания. Взводные командиры – на попечении командиров батарей. Замполит готовил политсостав и актив. Удалось избежать обезличивания: каждый начальник непосредственно отвечал за обучение и воспитание 4-5 человек. Также было строго дифференцировано обучение и воспитание всех боевых специальностей.

Незыблемым законом были занятия и информации по вопросам политического и воинского воспитания. Время на эти цели отводилось по расчету:

Политическое воспитание	— 40%
Воинское	— 30%
Нравственное	— 10%
Патриотическое	— 10%
Правовое	— 5%
Культурное	— 5%

Морально-психологическая закалка комплексировалась с боевой подготовкой.

Огромную роль в сплачивании коллектива играли политработники. Замполитом был П. Шестаков, парторгом И. Перегудов, комсоргом А. Остапенко. В операциях политотдел полка усиливал нас своими работниками, как правило, агитатором или секретарем парткомиссии.

В чем сила фронтовых политработников?

Во-первых — жить в гуще воинов, жить их жизнью, интересами, не требуя для себя ничего больше, чем имеют другие.

Во-вторых — личный пример в бою и в работе, в моральном облике и в жизни.

В-третьих — неизбывный потенциал знаний, усвоенный во время прежней учебы и работы. При отсутствии регулярной информации политработник был способен «ввести в дело» свой интеллектуальный духовный багаж, заинтересованность, увлечь воинов, поднять их настроение.

В-четвертых — главный метод работы — индивидуальный, в системе «человек-человек», человек как предмет познания, влияния, воспитания.

Помню, в январе 1943 г. (я уже был командиром батареи) заходит ко мне парторг старшина Н. Перегудов. Побеседовали. Потом он говорит: «Борис, мы думаем, что тебе пора вступать в партию. Воюешь хорошо. С людьми живешь дружно. Рекомендации тебе могут дать командир дивизиона и замполит. Я тоже могу дать, но лучше, если третьей будет рекомендация комсомольской организации, не будем ее обижать, ведь ты в комсомоле с 1938 года». Так я стал коммунистом. Главное здесь не то, что человек стремится в партию, в расчете, как теперь пишут, на карьеру. Нет, главное — его растят, потом отбирают и оказывают доверие и возлагают новые общественные обязанности.

Откуда на войне находилось время для обучения и воспитания? Но ведь в ходе боевой работы — каждый учится. Но главное — в обороне. На Курской дуге (1943 г.) подготовка к сражению длилась с марта до начала июля. В Ясско-Кишиневской операции — с марта по 20 августа. На Дону в 1942 г.- с июля до 16 декабря.

...1944 год близился к концу. Трудной была Дебреценская операция. Ожесточенное сопротивление противника, разливы многочисленных рек и каналов, враждебно настроенное население усложнили ведение боевых действий, но не смогли сдержать мощного наступления 2-го и 3-го Украинских фронтов в общем направлении на Будапешт. Глубокой осенью советские войска, в том числе 7-я гвардейская армия, завязали бои за Будапешт, форсировали Дунай, окружили столицу Венгрии. Противник наотрез отказался выполнить условия ультиматума о капитуляции. Парламентеры были зверски убиты. О характере боев красноречивее всего говорит то, что город трижды переходил из рук в руки. И борьба за Будапешт продолжалась до конца февраля 1945 г.

...В январе 1945 г. делегация полка во главе с командиром полковником М.М. Чумаком была приглашена в Кремль. В составе делегации посчастливилось быть и мне. Сначала О. В. Куусинен — заместитель председатель Президиума Верховного Совета СССР — вручил заслуженные полком ордена Красного Знамени, Суворова II степени и Богдана Хмельницкого I степени. А потом ордена Красного Знамени были вручены М. М. Чумаку и мне. Состоялась беседа О. В. Куусинена с членами делегации. От нашего имени командир заверил Верховный Совет, Верховного Главнокомандующего И. В. Сталина в том, что в оставшиеся до Победы месяцы (мы в этом не сомневались) полк прославит Родину и свое Красное Знамя новыми успехами.

Жизнь устроена так, что человек не может быть счастлив один, ему для полноты счастья нужен другой, самый близкий, самый доро-

гой. 7 января 1945 г. я встретил ту, с кем расстался 15 июня 1941 г. С января 1945 гг. с незабвенной Людмилой мы прожили вместе 52 года. И конечно, не раз вспоминали и расставание 1941 г., и долгожданную встречу в 1945 г.

...В 1982 году после того, как я с семьей после войны сменил 23 гарнизона, меня назначили служить в Москву. Мне так захотелось вспомнить военную молодость, 1941 год и другие годы войны. Я побывал в расположении родного артиллерийского училища, съездил на полигон в Алабино, на огневые позиции, с которых курсантский дивизион училища в составе 16-й армии отбивал атаки немцев. Но главным в моих воспоминаниях оставался Центральный Музей Вооруженных Сил СССР, встреча с Красным Знаменем полка. Приехав в музей, я попросил его начальника А. К. Никонова принести из хранилища знамя нашего полка. Меня оставили одного со знаменем. Я читал исторический формуляр. Смотрел на знамя, на украшающие его ордена. И вспоминал, вспоминал... Часть этих воспоминаний предлагается читателю.

Июль 2003 г.

В подготовке настоящих воспоминаний оказала помощь ***Новикова Юлия Павловна***, студентка 1-го курса Московского авиационного института

Хлопин Герман Прокопьевич

НА ЧЕТЫРЁХ ФРОНТАХ

Родился 17 сентября 1922г. в городе Архангельске.

В декабре 1941г. окончил Лепельское военно-пехотное училище в г. Череповце. С января 1942г.- в действующей армии Ленинградского фронта, командир стрелкового взвода 1-й отд. горнострелковой бригады.

13 февраля 1942г. тяжело ранен, сквозное пулевое ранение черепа с повреждением вестибулярного аппарата. До начала мая 42г. проходил лечение в госпиталях г. Череповца и г. Глазова (Удмуртия).

С середины мая 1942г. вновь в действующей армии заместитель командира стрелковой роты 119-й стрелковой дивизии 5-й танковой армии. Участвовал в операциях 5-й танковой армии по перехвату коммуникаций танковой группировки противника под Ельцом, Тулой, Орлом, Воронежем.

В грозный период первого этапа Сталинградской битвы с 6-24 июля 1942г. 5-я танковая армия отвлекла на себя значительные силы врага, что позволило другим войскам Брянского фронта выиграть время на организацию обороны Воронежа.

24 июля 1942г. командарм 5-й танковой армии Герой Советского Союза генерал-майор А.И. Люзипов, получивший это высокое звание в начальном периоде Великой Отечественной Войны, погиб в жарком сражении.

Молниеносные маневры 5-й танковой армии по перехвату тыловых коммуникаций танковой группировки противника вызывали по-

стоянную передислокацию 119-й стрелковой дивизии, единственного общевойскового соединения этой армии. В одном из таких боевых маршей от воздействия авиации противника я был контужен и, потеряв сознание, вновь оказался на госпитальной койке в полевом госпитале.

В этот же период 9 сентября 1942г. мне было присвоено очередное воинское звание лейтенант. В соответствии с директивой О.К. 5-й ТА №0174/о.к. от 6.10.42г. 18 октября был направлен на курсы «Выстрел». С октября 1942г. — слушатель курсов усовершенствования офицерского состава Брянского фронта. После их окончания командир офицерского взвода командиров рот ОКУОС Брянского фронта, затем командир курсантской роты курсов младших лейтенантов Брянского фронта.

В конце 1943г. — вновь в действующей армии в должности командира стрелковой роты 312-й Смоленской СД 10-й гвардейской армии 2-го Прибалтийского фронта. Участвовал в боях по освобождению города Пустошка, открывшему путь в Прибалтику.

С конца марта 1943г. 312-я Смоленская стрелковая дивизия по решению ставки ВГК передислоцировалась в район юго-восточнее города Ковель, где готовилась операция по завершению освобождения территории нашей страны и начала освобождения Польши.

В составе этой же дивизии 69-й армии 1-го Белорусского фронта в апреле-мае 1944 участвовал в оборонительных боях на рубеже Турья под Задыбами и Турийском, в прорыве оборонительного рубежа немецко-фашистских войск севернее Дольска, завершившемся беспримерным в истории ВОВ глубоким рейдом стрелковой дивизии по тылам вражеского армейского корпуса через сплошной в 20-25км, труднодоступный для пехоты и не проходимый для танков лесной массив, и прорывом к государственной границе Советского Союза по западному Бугу с Польшей, форсированию реки Западный Буг, овладению господствующей над Бугом высотой 179.4 — первым крупным населенным пунктом на польской земле Дорохуском (теперь город) и первым на территории Польши г. Холмом — 21.07.44г.

Свершилось то, чего с нетерпением ожидала вся страна: 312-я Смоленская стрелковая дивизия вышла на государственную границу Советского Союза по Западному Бугу с Польшей (пограничный знак №376), на ту черту, с которой немецко-фашистские войска вероломно вторглись на территорию нашей страны 22 июня 1941г.

Командуя усиленной стрелковой ротой в 1081-м стрелковом полку 312-й Смоленской СД в конце июля — начале августа 1944г., участвовал в форсировании реки Висла и овладении крепостью Яновец, в захвате и расширении Пуловского плацдарма. В январе 1945 г. войска 69-й армии, на острие главного удара которой действовала 312-я Смоленская стрелковая дивизия, нанесут удар в направлении на Радом, Лодзь, Познань и выйдут на Одер в 60 километрах от Берлина. Участвовал в оборонительных боях по удержанию Пуловского плацдарма.

В январе 1945г. в составе ударного эшелона 312-й Смоленской стрелковой дивизии участвовал в прорыве Вислинского оборонительного рубежа с Пуловского плацдарма, в Радом-Лодзинской операции с освобождением городов Радома и Лодзи, в месячных штурмовых боях за город крепость Познань, в форсировании реки Одер и удержании плацдарма восточнее города Франкфурта в районе города Лебус.

В наградном листе к приказу войскам 69-й армии № 103/н от 28.03.45г. капитан Герман Хлопин награжден орденом Красного Знамени. По военному коротко описано событие, понятное только военным, хорошо знающим Радом-Лодзинскую операцию по документам ЦАМО и военно-историческому труду Данилова (полковник по званию, кандидат военных наук) «Радом-Лодзинская операция 69-й армии». Поскольку широкому читателю не раскрывается значимость события, считаю необходимым подробнее рассказать о самой операции, и о подвиге.

* * *

... В начавшемся 14.01.45г. наступлении войск 69-й армии 1-го Белорусского фронта с Пуловского плацдарма на стратегическом Радом-Лодзинском направлении, выводящем к крупным промышленным центрам Польши: Радому, Лодзи, Познани, а также к важнейшим административно-политическим центрам фашистской Германии: Берлину, Бреслау, Лейпцигу, 312-я Смоленская стрелковая дивизия, действуя на открытом фланге ударной группировки (9/ск) и нанося удар по более прочному участку обороны 17-й ПД в направлении городов Зволень, Радом, в течение первого же дня прорыва выполнила задачу дня и продвинулась на 12 километров. Вплотную подошла ко 2-й оборонительной полосе противника на фронте Горбатко — Летинско, Полична, Зволень, Светликова Воля — крупным опорным пунктам, прикрытым противотанковым рвом. Опорные пункты Полична и Светликова Воля являлись главными на второй полосе обороны, и для противника было важно удержать их, так как с падением их рушилась вся система обороны и для дивизии и танков открывался выход на оперативный простор. Подтянув из города Радома части 19-й тан-

ковой дивизии, противник в ночь на 15 января 1945г. перешел к яростным контратакам на всем фронте прорыва 312-й стрелковой дивизии. Особенно яростно контратаковал из опорных пунктов Полична и Светликова Воля. (Архив М.О. ф.528 от.83351, д.14, л.132).

Обстановка в ночь на 15.01.45г. неожиданно осложнилась еще и тем, что через полосу 312-й Смоленской стрелковой дивизии начался поспешный отход в леса Радом-Лодзинского направления разбитых подвижными соединениями фронта частей противника, обороняющихся на Пулевском плацдарме против 8-й Гвардейской армии.

Командуя в этот момент 4-й стрелковой ротой 1081-го стрелкового полка, усиленной артиллерийской батареей 76-мм орудий 859-го артиллерийского полка дивизии под командованием капитана Николая Гиренко, противотанковой батареей 57-мм, орудий 2-го стрелкового батальона под командованием капитана Мельникова и минометами (82-мм и 122-мм капитанов Николая Шляхтина и Евгения Алешина — 1081-го СП), и действуя на открытом фланге 312-й Смоленской стрелковой дивизии, фронтом перед опорным пунктом противника Светликова Воля, неожиданно оказался в полосе движения плотных колонн в боевом порядке пехоты, артиллерии, обозов противника, одна из которых, сделав поворот, двинулась прямо по заснеженной равнине в сторону открытого фланга роты, за которым сразу начинался опорный пункт Вильча Воля в сплошном лесном массиве.

Выдвинув артиллерию на прямую наводку и осветив равнину ракетами, мы встретили колонну залповым огнем. В колонне возникла паника, все смешалось: артиллерийские упряжки, конные повозки, пехота. Кони рвали постромки и с диким ржанием уносились в направлении опорного пункта, подрывались на минном поле. По метавшейся в панике пехоте минометные батареи и пулеметы открыли беглый огонь. В скоротечном ночном бою колонна была разгромлена.

Стихший на этот момент артиллерийско-минометный огонь из опорного пункта Светликова Воля диктовал решение искать подходы на атаку этого опорного пункта.

Отделению разведки роты под командованием старшего сержанта Григория Глушко удалось выполнить моё задание, проникнуть через примыкающую к опорному пункту рощу в тыл противника и обнаружить там огневые позиции артиллерийской батареи и миномётов.

Принимаю решение взводом опытного офицера старшего лейтенанта Юрия Казакова маршрутом отделения разведки выйти в тыл опорного пункта и по сигналу ракетой одновременно с основными силами роты атаковать противника в опорном пункте с тыла.

Выскакивающие из домов солдаты под командованием офицеров бежали к боевым позициям, пытаясь занять оборону, но их уже встретили огнем автоматчики взвода старшего лейтенанта Василия Масловеного и остальная часть взвода Александра Копылова. Вслед за десантом на упряжке противотанковой батареи противника в опорный пункт ворвалась и батарея капитана Николая Шляхтина, открыв огонь внутри опорного пункта.

Бой в опорном пункте длился более часа, и окончательное сопротивление противника было подавлено огнем капитана Гиренко, который по рации вышел на связь с командиром дивизиона майором Борзым и огнем дивизиона подавили артиллерийские позиции в лесу за Светликовой Волей.

С взятием соседним 1079-м стрелковым полком опорного пункта Полична, дивизия, закрепившись, стала готовиться к наступлению с рассветом 15.01.45г.

Однако противник упредил нас, и в 8 час. 30 мин, за час до наступления, перешел из леса возле опорного пункта Светликова Воля в контратаку, пытаясь окружить и уничтожить 1079-й стрелковый полк в Полична и выбить нас из опорного пункта Светликова Воля, вновь упрочнить оборону 2-й полосы.

К тому моменту, успев закрепиться, 1081-й стрелковый полк встретил контратаку противника огнем артиллерийской группы и танков. Потеряв до 400 убитыми и 42 пленных, противник отступил (Архив М.О. ф.426, от. 97685, д.52, л.9).

В наградном листе к приказу войскам 69-й армии №0118/н от 02.04.45г. записано, что капитан Хлопин успешно организовал и руководил штурмовыми группами по захвату сильно укрепленных зданий и фортов. После лично проведенной разведки и установления скрытых подступов, с незначительными потерями личного состава, быстро форсировал уже тронувшуюся реку Варта и штурмом ворвался в расположенный на восточном берегу завод Тукан, где было уничтожено более 15 солдат и офицеров противника, захвачены большие трофеи. А 14.02.45г. штурмом овладел сильно укрепленным фортом «Раух» в районе железнодорожной станции Староленка — фортом «Раух» в городе-крепости Познань.

Раскрываю эти скупые строки.

Познань — один из крупнейших городов Польши, превращенный в сильно укрепленную крепость с 18 фортами внутреннего оборонительного обвода и главной крепостью «Цитадела», с гарнизоном до 60-ти тысяч человек. Оставаясь далеко в тылу наших войск, вышед-

ших на Одер в 60 километрах от центра Берлина, срывал прямое железнодорожное сообщение наших войск с Одерским плацдармом, приковал к себе около 2-х общевойсковых армий, так необходимых для удержания Одерского плацдарма. Разделенный рекой Вартой, оказался естественно защищенным от продвижения наших штурмовых отрядов к центру города, к главной крепости «Цитадела».

1081-й стрелковый полк 312-й Смоленской стрелковой дивизии, действующей в боях в Познани, находился в оперативном подчинении 8-й гвардейской армии и 29.01.45г. получил приказ форсировать реку Варта и овладеть станцией Староленка.

Созданная усиленная штурмовая группа с батареей 57-мм орудий, противотанковой батареей, батареей 82-мм минометов капитана Н. Шляхтина, пулеметным взводом пульроты, взводом ПТР и взводом саперов вошла в первый эшелон форсирования реки Варты и захвата плацдарма на её восточном берегу в районе оборонного завода Тукан, прикрытого наземно-подземными сооружениями из железобетона и стали с мортирами и крупнокалиберными пулеметами. Ограниченность светового дня и тронувшийся в этот момент лед на реке Варта на этом участке ставили выполнение задачи под угрозу. Для командиров первого эшелона нужна была особая воля, быстрота и необычайная дерзость, граничащая с риском для жизни, чтобы начать форсирование реки под непрекращающимся артиллерийско-минометным обстрелом зеркала реки и подходов к объекту атаки, под ураганным обстрелом из крупнокалиберных пулеметов.

Я принял решение форсировать Варту одним эшелоном используя все, что может держаться на воде. Маневрируя между громоздящимися друг на друга льдинами и отыскивая разводы, с ходу приступили к выполнению задачи. Штурмовая группа имела ранее опыт тренировки по форсированию водной преграды на подручных средствах на крупном озере под Турийском, а затем при форсировании реки Западный Буг и восстановлении государственной границы Советского Союза с Польшей, форсировании реки Вислы и захвате плацдарма у крепости Яновец. Однако форсирование под огнем полноводной и широкой реки с начавшимся ледоходом — это было впервые. И здесь от каждого требовалась не только особая осмотрительность и инициатива, но и необычайная ловкость, решительность.

Я родился и вырос на реке Северная Двина, у Белого Моря, и мне неоднократно приходилось мериться силами с таким грозным явлением природы, как ледоход. Об этом знали, улавливали мой маневр идущего впереди и, главное, верили в успех операции.

Искусно маневрируя, с небольшими потерями, штурмовой отряд высадился в сгущавшихся сумерках на восточный берег реки Варты и без паузы атаковал укрепления перед заводом Тукан и, забрасывая с ходу гранатами огневые точки, ворвался на герриторию завода.

Находившийся там малочисленный гарнизон не ожидал нашего внезапного появления и не смог оказать серьёзного сопротивления — частично был уничтожен, захвачен в плен. Остальные в панике бежали в центральную часть города. Захватив плацдарм, штурмовой отряд обеспечил форсирование реки полком, а затем и дивизией, и, овладенив не только железнодорожной станцией Староленка, но в дальнейшем и юго-восточной частью города Познан, открыл выход дивизии в тыл юго-восточных фортов города.

... К середине февраля 1945г. бои в Познани достигли наивысшего накала, а в руках противника оставалась главная крепость «Цитадела» с 25-тысячным гарнизоном и последний из 18 фортов — форт «Раух», прикрывающий взорванный железнодорожный мост через Варту, препятствуя восстановлению прямого железнодорожного сообщения с Одерским плацдармом (в город с востока подходило три шоссейных и две железных дороги, на запад в Германию уходило три железных и четыре шоссейных). И все проходили через этот мост.

Форт «Раух» представлял собой мощное наземно-подземное сооружение тяжелого типа до 150м глубинного залегания со стенами из кирпича в 3-3,5м толщиной, с многочисленными бойницами, бронированными колпаками на крыше, стальными по обе стороны затворами, запирающими вход и выход с железнодорожного моста, с разветвленным лабиринтом подземелий и общим тоннелем, соединяющим форт с главной крепостью «Цитадела». С гарнизоном до 300 человек, запасом продовольствия, воды и автономной энергосистемой.

Штурм форта был возложен на 1081-й стрелковый полк дивизии, в котором была сформирована специальная усиленная штурмовая группа. Командование было поручено мне.

Эта группа включала в себя три усиленных подгруппы под командованием опытных командиров старших лейтенантов Ю. Казакова, А. Копылова, В. Масловского.

Днем и ночью за фортом проводилось непрерывное наблюдение, и в одну из ночей разведка обнаружила, что бронеколпаки имеют в верхней части на крыше открывающиеся люки, через которые гарнизон совершает вылазки, осуществляет вентиляцию

Было принято решение начать штурм форта ночью с крыши, овладев охранением у люков.

Разведывательные группы под командованием старших сержантов Г. Глушко, Д. Долженко, И. Горбунова глубокой ночью скрытно вышли к бронированным колпакам на крыше, и как только открылись люки и появилось охранение возле них, группы напали на охрану и уничтожили ее мгновенно.

Сразу в люки спустились штурмовые группы Ю. Казакова и А. Копылова вместе с проводниками-поляками, ранее работавшими на подземном военном заводе форта, где выпускалось новейшее оружие — фаустпатроны и компоненты ракет «Фау-2».

Застигнутый врасплох гарнизон верхнего яруса не сумел организовать сильного сопротивления, и я ввел с верхнего яруса остальные силы штурмовой группы, нацелив их на проникновение в центральную часть форта, где завязался тяжелый ближний бой. Гарнизон отключил освещение в захваченных нами казематах, и бой продолжался в полной темноте.

Одновременно форт через подорванные проемы у основания стальных ворот атаковали штурмовые группы под командованием капитана Виталия Князева. Гарнизон отчаянно сопротивлялся, бой шёл до рассвета и закончился нашей полной победой.

Среди раненых немецких солдат и ополченцев в лазарете центральной части форта находился сапер, который участвовал в закладке фугасов в толще подземелий форта на случай его падения.

С инженерами полка и дивизии мы спустились в глубины форта. Путь в сложном лабиринте подземелий показывал раненный сапер, которого несли на носилках.

Когда саперы вынули взрыватели, до взрыва оставались минуты. Форт и военный завод в нем были сохранены. В течение нескольких дней я исполнял обязанности коменданта крепости и знакомил прибывающих из инженерных войск армий и фронта с системой сооружения, живучести и обороноспособности форта при осаде и штурме, так как впереди были бои за Берлин, в котором сооружены подобные форты.

Все участники штурма получили личную благодарность командующего фронтом.

О штурме форта рассказано в моей статье в военно-историческом журнале №6 за 1988г.

В конце февраля — начале марта 1945г. в составе 312-й Смоленской стрелковой дивизии участвовал в форсировании реки Одер в районе города Лебус в 3-4 километрах восточнее Франкфурта — города крепости, остававшегося до начала Берлинской операции в руках

противника, в расширении и удержании плацдарма, за спиной которого был только широкий, полноводный Одер.

Командуя усиленной стрелковой ротой ударного эшелона 312-й Смоленской стрелковой дивизии, участвовал в прорыве Одерского оборонительного рубежа на открытом левом фланге 1-го Белорусского фронта вдоль магистрали Франкфурт-Берлин в наступлении на юго-западную окраину Берлина и овладении городом Фюрстенвальде у автострады Берлинер-Ринг, уничтожении окруженной группировки фашистов юго-восточнее Берлина.

В начавшемся прорыве 312-й Смоленской стрелковой дивизии к Эльбе на соединение с союзными войсками антигитлеровской коалиции командовал подвижным отрядом дивизии на открытом её фланге вдоль магистрали Ост-Вест с захватом межозерного дефиле и блокированием прорыва на эту магистраль из лесов западнее Бранденбурга разбитых частей вермахта, пытавшихся деблокировать Берлин.

В течение 4-х дней в глубоком отрыве, без соседей и без права оставить дефиле, воины подвижного отряда стойко отразили все попытки прорыва на магистраль Ост-Вест.

Переброшенный автотранспортом дивизии на рассвете 5 мая 1945 г. принял последний бой в 3-х километрах от Эльбы у Фриденсад, где 312-я Смоленская стрелковая дивизия встретилась со 120-м пехотным полком 30-й пехотной дивизии американской армии.

С первых же послевоенных дней вступил в командование отдельной учебной ротой 312-й Смоленской Краснознаменной орденов Суворова и Кутузова стрелковой дивизии. По приказу командования 69-й армии готовил парадную роту 69-й армии на парад Победы в Москве.

Позднее через эту же часть дивизии проходили демобилизацию обеспечение и специальные подразделения 69-й армии: снайперы, зенитчики, прожектористы, связисты.

После расформирования дивизии в начале июня 1945г. получил назначение в 18-ю механизированную дивизию на должность начальника штата центрального батальона. Дивизия дислоцировалась в пригороде Берлина, на Эльбе.

13 февраля 1947г. по состоянию здоровья (последствия тяжелого ранения) уволился в запас. В дальнейшем был на кадровой работе, учился на историко-филологическом факультете пединститута.

В 1971г. на большой встрече ветеранов 312-й Смоленской стрелковой дивизии был избран заместителем председателя Совета ветеранов этой дивизии и 25 лет старался оправдать это доверие ветеранов, организуя и направляя военно-патриотическую деятельность, участие

в многочисленных встречах по местам боев 312-й Смоленской Краснознаменной орденов Суворова и Кутузова стрелковой дивизии, ведение военно-патриотической работы в школах Смоленска, Алтая, Москвы, Турийска, участие в «Круглых столах АПН» и многое другое.

За активную многолетнюю ветеранскую деятельность награжден СКВВ почетным знаком СКВВ, почетным знаком к юбилею победы, нагрудным знаком СКВВ, почетной грамотой комитета.

Почетный и юбилейный знаки СКВВ вручил председатель СКВВ генерал армии П.И. Батов.

В трагический момент, когда мир находился на грани атомной войны, выступал на Всесоюзном радио с призывом прекратить угрозу войны. Выступление транслировалось в США и Канаду, на университеты и общественные организации. Пленка с выступлением хранится в моем архиве

Являюсь членом Клуба кавалеров орденов Александра Невского и Михаила Кутузова. Участвовал в торжествах по случаю 250-летия со дня рождения великого русского полководца генерал — фельдмаршала М.И. Кутузова 12-14 сентября 1955г.

26 августа 2002г. принял участие в собрании клуба кавалеров орденов Александра Невского и Михаила Кутузова с участием широкой ветеранской общественности в Культурном Центре Вооруженных Сил России по случаю 60-летия учреждения полководческих орденов, а также в связи с приближающимися большими датами Сталинградской и Курской битвы.

По случаю 80-летия со дня рождения получил приветственный адрес от клуба кавалеров орденов Александра Невского и Михаила Кутузова, подписанный президентом культурного центра Вооруженных сил России, с уверением, что ветеран великой Отечественной — в строю и продолжает крепить Вооруженные силы духом своих выступлений и всеми доступными средствами.

Награжден 2 орденами Красного Знамени, орденами Александра Невского и Михаила Кутузова 3-й степени, Отечественной войны 1 степени, Красной Звезды. Участник парада Победы союзных армий в Берлине у Бранденбургских ворот 8 сентября 1945г.

Завершил работу по подготовке к публикации книги по истории боевого пути 312-й Смоленской стрелковой дивизии.

Опубликованы следующие материалы, где я был автором либо соавтором:

«Бойцы вспоминают Минувшие дни» — брошюра. «Круглый стол» АПН с участием посольства ПНР в Москве, Войска Польского

и Совета ветеранов войны 312-й Смоленской стрелковой дивизии по случаю восстановления государственной границы Советского Союза по Западному Бугу с Польшей и освобождению первого польского города Хелма. 30 летний юбилей. Москва, АПН 21-22 июль 1975г.;

журнал АПН «Край Рад» на польском языке — 28-29.07.1975г. «Бойцы вспоминают о былом» стр. 25-29; «Круглый стол» в АПН, посвященный 30-летию восстановления государственной границы Советского Союза по Западному Бугу с Польшей и освобождению первого на территории Польши города Хелма;

«Экспресс Познаньский» — Агентство новости «dla»ЕР». Варшава — Познань 21-23.02.75. «Штурм Цитадели»;

журнал АПН «Край Рад» №29. Москва, 1978г. стр. 22. «Дорогой освобождения»;

журнал АПН «Край Рад» №29. Москва, 1979г. стр.23. «Дорогой вызволения».

журнал «Советская литература» на польском языке №10. Москва, 1986г. Зоя Воробьева. «Память» (беседа с Г. Хлопиным);

журнал «Советская литература» на польском языке. №5. Москва, 1987г. Стр. 171. Письмо в редакцию польской учительницы из Дорохуска — Польша об освобождении Дорохуска и память о погибших в боях за Бугом. 20-21 июль 1944г. Отклик на статью З. Воробьевой в журнале «Советская литература» №10. 1986г.;

«Военный вестник». М.О. Москва. №6, 1988г. «Прорыв к Госгранице» (пограничный знак №376);

«Солдат свободы». Ц.О. Войска Польского. Войдев Сколиновски. «Освобождение Познани». По главе из книги «Боевой путь 312-й Смоленской стрелковой дивизии» Г. Хлопина — «Дорогой освобождения» и «Память сердца»;

журнал М.О. «Военный вестник». Статья «Штурм Цитадели»;

журнал МО «Военный вестник» №5. 1987г. «У ворот Берлина»;

«Красный Воин». Газета МВО. Статья «По дороге на Берлин»;

«Герои огненных лет». Изд. «Московский рабочий» (очерки о Героях Советского Союза, москвичах). 1984г.;

А. Ракицкий. «Через бои и сражения». О форсировании реки Западный Буг передовыми отрядами 312-й Смоленской стрелковой дивизии капитанов А. Хлусова, Г. Хлопина. Стр.497;

Ф. Попенко. «И личным примером» (стр.460). Упоминание о штурме Светликовой-Воли автоматчиками Г. Хлопина (стр.465). Радом-Лодзинская операция;

газета МВО «Красный воин». «Кавалер золотой звезды»;

газета МВО «Красный воин». «Первый Герой»;

газета МВО «Красный воин» 17.01.2001г. Статья «Семеро смелых»;

газета МВО «Красный воин» 17.02.2002г. Статья «Штурм форта Раух»;

газета МВО «Красный воин». Март 2001г. «Светили, сгорая». Очерк о зенитчицах-прожектористках в Берлинской операции «Прорыв»;

журнал ДОСААФ. К 40-летию Победы. Очерк о Дмитрии Долженко — ветеране 312-й Смоленской стрелковой дивизии;

«Московская правда». 9 мая 2001г. З. Шляхтина «Счастье не быть убитым» о Г. Хлопине;

газета «Радяньске життя». 19.06.88г. «Бои за Кордоном» — о 312-й Смоленской стрелковой дивизии, упоминание о Г. Хлопине — участнике боев на Западном Буге;

газета «Правда». Статья «Время не властно». О союзническом долге и награждении орденами Советского Союза командования и сержантского состава 30 пехотной дивизии американской армии. Соавтор Г. Хлопин;

газета МВО «Красный воин». 5.12.2001г. №86 «Наш командир», о командире 312-й Смоленской стрелковой дивизии генерал-майоре А.Г. Моисеевском (Московская битва);

журнал РКВВ и ВС «Ветеран войны». №5 Публикация о восстановлении госграницы Советского Союза с Польшей по Западному Бугу 20-21.07.44г.;

газета МВО «Красный воин». Публикация: «Герой Советского Союза В. Лихотворин».

Июль 2003 г.

В подготовке настоящих воспоминаний оказал помощь ***Чмыхов Михаил Александрович***, студент 4-го курса Московского инженерно-физического института

Черкасов Николай Павлович

СМОГ ВЫРВАТЬ ЗАПАЛЫ РАНЬШЕ

Родился 10 августа 1923 года в селе Мало-Камала Рыбинского района Красноярского края. С 1928 года проживал в городе Кемерово до августа 1941 года (до призыва на воинскую службу). Национальность — русский. Атеист. Член КПСС с 1943 года по 1991г. В настоящее время беспартийный, по сознанию — коммунист.

До войны окончил:

1938г. — 7 классов (школа № 30 г. Кемерово);

1939г. — Новосибирский областной учебный комбинат по специальности физкультурный работник, закончил на отлично;

1943г., апрель — Черниговское Военно-инженерное училище (в г. Иркутске), закончил на отлично.

После войны окончил:

1954г. — 10 классов вечерней школы при Горьковском доме офицеров;

1961г. — командно-инженерный факультет Военно-Инженерной академии имени В.В.Куйбышева.

Узнал о войне 22 июня 1941г. на центральной площади, в городе Кемерово, на митинге трудящихся. Слушал выступление В.М.Моло-

това по радио, в то время работал инструктором физкультуры в ДСО «Спартак» города Кемерово.

Участвовал в боях по окончании Военно-инженерного училища с июля 1943 года — с Курской битвы.

Прибыл и до конца войны (до 9 мая 1945 года) находился в составе 121-го отд. гв. саперного батальона (с августа 1943 года — гвардейского, до этого, с 1939 года — 135-го отд. инженерно-саперного батальона) в должности командира саперного взвода 1-й саперной роты — командир роты капитан Данилин.

С июля 1943 года — командир инженерно-минного взвода инженерно-минной роты (командир роты — капитан Ларин Иван Иванович), воинское звание — младший лейтенант.

С апреля 1944 года — командир взвода инженерной разведки, лейтенант. Командир батальона — Романов Виктор Иванович (капитан; с 1944 года — майор 7-го гвардейского танкового корпуса).

Командиры корпуса: генерал-майор Рудкин Ф.Н, с августа 1943г. — генерал-майор Сулайков К.Ф., с декабря 1943 г. — генерал-майор Иванов С.А., с июля 1944 г. — генерал-майор — Митрофанов В.А., с февраля 1945 г. и до конца войны — генерал-майор Новиков В.В. в составе 3-й гв. танковой армии с начала и до конца войны. Командующий — генерал-лейтенант бронетанковых войск Рыбалко Павел Семенович.

121-й отд. гв. саперный батальон (до августа 1943 года 135-й отд. инженерно-саперный батальон) сформирован в 1939 году, формирование происходило в городе Чугуеве Харьковской области. Далее находился в Забайкальском военном округе, где выполнял инженерные задачи по укреплению государственной границы и строил оборонные объекты в Монголии.

В 1943 г. в мае был на формировании в Тамбовской области, в Трегуляевских лесах. В состав 7-го гв. танкового корпуса (до конца августа 1943г.- 15-й танковый корпус) вошел в Тульской области в районе совхоза « Диктатура».

В боевых действиях в составе 121-го отд. гв. саперного батальона 7-го гв. ТК, 3-й гв. ТА участвовал с июля 1943 г. по 9 мая 1945 г. и продолжал службу до мая 1950 г.

Принимал участие:

• в Орловской наступательной операции (14 июля — 14 августа 1943 г.);

• в боевых действиях по овладению и расширению плацдарма на Правобережной Украине (сентябрь 1943 г. — январь 1944 г.);

• в Проскурово-Житомирской наступательной операции (март — апрель 1944 г.);

• в Львовско-Сандомирской наступательной операции (июль — сентябрь 1944 г.);

• Сандомирско-Силезской и Нижне-Силезской наступательной операции (12 января — 15 марта 1945 г.);

• в Берлинской наступательной операции (16 апреля — 3 мая 1945 г.);

• в Пражской наступательной операции (6 мая — 9 мая 1945 г.).

Боевой путь проходил через: г. Орел (05.08.43 г.), г. Кромы (10.08.43 г.), Переяслав-Хмельницкий (09.43 г.), г. Киев (06.11.43 г.), Фастов (11.43 г.), Житомир (12.43 г.), Тернополь (апрель 1944 г.), Львов (лето 1944 г.), Баранув (лето 1944 г.), Енджеюв (январь 1945 г.), Ченстохова (17.01.45 г.), Бунцлау (10.02, 11.02.45 г.), Лаубан (февраль — 5 марта 1945 г.), Барут, Цосаен (апрель 1945 г.), Берлин (26.04 — 04.05.45 г.), Прага (9 мая).

По окончании войны службу проходил на должностях зам.командира роты 121-го отд. гв. саперного батальона и исполнял обязанности командира отдельных рот специального назначения, полкового инженера танкового полка. По окончании военно-инженерной академии имени В.В.Куйбышева — командир отдельного батальона (впоследствии полка) по обеспечению учебного процесса академии), начальник курса и заместитель начальника факультета (по учебной и научной работе академии. Уволен в связи с реорганизацией и по состоянию здоровья. Служба в ВС в календарном исчислении — 35 лет, в льготном исчислении — 42 года. Уволен из ВС 30 мая 1976 года.

Награды (орденская книжка — А — 444052, выдана 11.02.1947 г.):

• орден Красной Звезды №396734, вручал начальник политотдела 7-го гв. танкового корпуса полковник Новиков В. за подорванные два фашистских танка (тяжелый и средний) на минах в деревне Фастовец 11-го ноября 1943 года;

• орден Отечественной войны 2-й степени № 124125 за разведданные системы обороны фашистов и захват двух «языков» — летом 1944 г. на Сандомирском плацдарме. Вручал командир 121-го отд. гв. саперного батальона;

• орден Красного Знамени №207861 за разминирование в период боя через р.Лаубан в городе Лаубан автомобильного железобетонно-

го моста. С группой разведчиков уничтожили боевое охранение фашистов, захватили 4-х «языков», на 16 и 23 февраля 1945 года выходил к основным силам корпуса за оперативной картой, в ночь на 5 марта 1945 года провел разведку маршрута и на 6 марта, на бронетранспортере с командиром 7-го гв. ТК генерал-майором Новиковым В.В, в голове колонны вышли из окружения. Награждал в марте 1945 года генерал-майор Новиков В.В.;

• медаль «За боевые заслуги» б/н — за безупречную службу. Награждал заместитель начальника факультета военно-инженерной академии полковник Попов;

• орден Красной Звезды №2527442 за безупречную службу и образцовое выполнение заданий командования, декабрь 1956 года. Вручал заместитель начальника военно-инженерной академии им. В.В.Куйбышева генерал-майор Метелкин;

• орден Отечественной войны 1-й степени в ознаменование 40-летия Победы, вручал военный комиссар Первомайского района г. Москвы полковник Астафьев;

• «Чехословацкий военный крест» — высшая военная награда Чехословакии. Выход к чехословацким партизанам разведки путей через Рудные горы на город Тейплиц — Шанов, вручал член Военного Совета армии Мельников С.И.;

• польский «Золотой Знак». Освобождение Котовицкого воеводства. Вручал председатель правительства Польши Мейснер.

Награжден также: 18 отечественными медалями (юбилейные, выслуга лет); Чехословакии — 3; Украины — 1; ГДР — 2.

За переправу через Днепр взвода-разведки 4-го мотоциклетного батальона 7-го гв. ТК передового отряда 23-й гв. мотострелковой бригады 7-го гв. ТК, самоходных установок СУ-76 — 7 единиц, артиллерии, боеприпасов, раненых, других войсковых грузов переправляли круглые сутки, отдых при обратных рейсах — под постоянными налетами фашистской авиации, артобстрелах личный состав взвода по приказу командующего был представлен к награде. Однако реальное награждение не состоялось, также не состоялось награждение вторым орденом Красного Знамени — за разведданные в городе Лаубан в феврале 1945 г.

Освобождал в должности командира взводов (инженерно-минного и взвода разведки, в звании лейтенант в составе 121-го отд. гв. саперного батальона (командир батальона гв. майор Романов В.И.) 7-го гв. ТК — командир корпуса генерал-майор Новиков В.В. 3-й гв.ТА, командующий армии маршал бронетанковых войск П.С.Рыбалко) города: Орел (5 августа 1943 г.), Киев (06.11.1943 г.), Фастов, Житомир (декабрь 1943 г.), Проскуров (весна 1944 г.), Львов, Бунцлау (зима-февраль 1945 г.), Катовицы, Котбус, Берлин (2 мая 1945 г.), Прага (9 мая 1945 г.). Все звания и должности на конец войны.

Ранения:

• первое осколочное, касательное, легкое, верхняя часть правой ноги. Лечение при батальоне, июнь 1943 года;

• второе, третье — 29 января 1944 г. — пулевое, ранение левого локтевого сустава и левого предплечья. Лечение в госпитале №2665 г. Киева. Вернулся в марте 1944 г.;

• четвертое — легкое, в левую теменную область головы, осколочное, лечение при части (батальоне).

В войне погибли: отец — Черкасов Павел Федорович, 1897 г. рождения. В царской армии служил в Орембоуме. После революции сражался на Восточном фронте. Был тяжело ранен. В 1936 г. окончил Марпасадский техникум. Депутат по 121 избирательному округу города Кемерово. Имел бронь. В 1942 г. добровольцем ушел на защиту Ленинграда. Погиб 14 января 1943 года при первом прорыве блокады Ленинграда. Захоронен на братском кладбище в поселке Синявино 2 Тоснинского района Ленинградской области.

Среди родственников погибли: двоюродные братья Левочкины: Костя 1921 года рождения и Владимир — 1923 года рождения. Племянники моей матери Черкасовой Марии Степановны (Левочкиной).

Остались живы: старший брат матери Петр Степанович Левочкин. Потерял руку. С 1944 года успешно председательствовал в колхозе села Мало-Камала Рыбинского района Красноярского края; Александр Степанович Левочкин (младший брат матери), войну закончил в звании капитана, также имел ранения.

Самый дорогой и близкий мне человек это жена Черкасова (Аторина) Тамара Степановна, старшина медицинской службы. Родилась 3 мая 1923 года в Новосибирской области.

С 7-го сентября 1945 года мы, несмотря на сложнейшие жизненные условия, вместе! Смена армейских гарнизонов, частные квартиры, служба за рубежом без семьи. Дружба наша уходит к довоенным годам, мы жили рядом, наши родители дружили.

Родители Тамары Степановны были старые большевики. Отец Степан Романович с 1914 года, а мать — Полина Михайловна с 1920года — члены партии большевиков.

В 1942 году в Новосибирской области формировалась 150-я стрелковая дивизия сибиряков — добровольцев, а один из стрелковых полков формировался в городе Кемерово. Весь выпуск медиков-добровольцев составил медицинскую роту полка. Боевой путь полка в составе 150-й стрелковой дивизии начался на Калининском фронте. За стойкость и героизм сибиряков в начале 1943 года полк был переименован в 57-й гв. Кемеровский стрелковый полк, а дивизия в 22-ю гв. Сибирскую дивизию.

Тамара Степановна была награждена медалями «За боевые заслуги» и «За отвагу». В августе 1944 года на полях сражений Прибалтики была ранена и контужена, после госпитального лечения отправлена на долечивание в г. Кемерово. Военно-врачебной комиссией была комиссована с определением инвалидности в декабре 1944 года. Работала в центральном РК КПСС, а в мае 1946 года прилетела ко мне в Австрию.

Живыми остались родственники:

Черкасова Валентина Павловна, 1925 года рождения, родная сестра. Овладела военной специальностью шофера. На фронте находилась в автобатальонах, подвозила боеприпасы в войска первого эшелона.

Братья жены: Аторин Александр Степанович, 1919 г. Участвовал в Сталинградской битве, был ранен 20-го ноября 1942 года, после лечения в госпитале был комиссован с определением инвалидности; Аторин Владимир Степанович служил на Дальнем Востоке, участвовал в войне с Японией; Аторин Виктор Степанович, 1925 г.р. С 1943 года участник боевых действий, в 1944 году легко ранен, вернулся в строй, войну закончил с Победой, служил простым рядовым.

Собственные статьи, опубликованные в журналах.

— «Военные знания». 1972 г. №2. «Дорогой отцов»;

«Народное образование». 1989 г. №5. «О нашей победе»;

— «Ветераны войны». Издание Советского комитета ветеранов войны (бюллетень):

№1 1980 г. «В 361-й школе Москвы»;

№ 4 1982 г. «На немецкой земле»;

№ 3 1083 г. «Сердечная встреча»;

№ 5 1980 г. «С визитом дружбы»;

№ 4 1981 г. «Комитет борцов антифашистского сопротивления» (КБАС);

№ 1 1984 г. «В Югославии»;

№ 3 1985 г. «40 лет освобождения Югославии»

№ 2 1992 г. «Рушить легко созидать трудно».

Собственные статьи в периодической печати:

— газета «На боевом посту» ЦК ДОСААФ — 1978 г.;

— газета «Куйбышев» (более 10 очерков и статей);

газета «Ветеран» - газета социальной защиты, также более 10 статей;

газета «Московский ветеран» № 10-11 2002 г. «Помнить и чтить»;

— газета «Восточное Измайлово» 2002 г. №4. «Живая связь времен»,

— газета «Восточное Измайлово» 2002 г. №5. «Воспитать патриотов»,

— газета «Куйбышевец» Военно-инженерной академии им. Куйбышева — более 5 статей.

Участвовал в кино-телесъемках:

• декабрь 1941 года г. Иркутск. В Иркутском авиационном училище — объясняю материальную часть самолета — «Устройство самолета ПЕ-2»;

• «Отряд обеспечения движения» при прокладке маршрута движения по сильно заболоченной местности, усиленной минно-взрывными и фортификационными заграждениями с преодолением водной преграды. Организатор и руководитель учения. (Лето 1965 года, киностудия документальных фильмов Министерства Обороны СССР);

• телепередача ЦТ клуб «Победители» — дважды.

Обо мне есть информация:

в книгах:

• Миронов Г.М. «Член военного совета». Издательство «Московский рабочий» — 1975 г. (документальная повесть)

• Миронов Г.М. «У нас заправка до Берлина». Издательство «Московский рабочий» — 1980 г. (документальная повесть)

• Мальцев Н.А. — действительный член академии военных наук. «7-й гвардейский Киевско-Берлинский танковый корпус». Москва, 2001 г.

в журналах:

• «Военные знания» №12 1982 г. Мизиковский Григор (последние страницы)

• «Военные знания» №10 за 1999 г. «В ответе за детей»
• в газете «Ветеран» №25 за 2001 г. Михайлов «Семья фронтовиков».

СУДЬБА ИЛИ СЛУЧАЙНОСТЬ?

По окончании в апреле 1943 года Черниговского военно-инженерного училища в городе Иркутске и недельного резерва в студенческом городке, напротив центрального входа ВДНХ Москвы, мы, младшие лейтенанты, прибыли в город Тамбов.

После проверок, бесед нас, 4-х младших лейтенантов: Чуднова Виктора, Чинарева Николая, Шутова Сергея и меня, Черкасова Николая, направили в 135-й отдельный инженерно-саперный батальон.

Прибыв на место, документы на команду сдал начальнику штаба батальона капитану Галину Б.П. Штаб размещался в добротной землянке, оборудованной скамьями для совещаний. Прибывшему военному подали команду «Встать!», «Смирно!». Начальник штаба доложил о нашем прибытии. Это был командир батальона капитан Романов Виктор Иванович.

Комбат тепло с нами поздоровался и по-отцовски начал расспрашивать. В землянку вошла женщина в звании лейтенанта. Она была среднего роста, изящно одета с удивительно красивым лицом: «Товарищ капитан! Военврач батальона лейтенант Чуднова ...» и в это время вскочил вдруг Виктор Чуднов и воскликнул: «Нина!».

Военврач обернулась и минуту спустя бросилась в объятия Виктора. Это была жена Виктора. Все были изумлены. Стояла мертвая тишина, а Нина и Виктор вытирали друг у друга слезы.

Виктор был старше нас, призван в 1939 году, служил в Забайкалье, около 2-х лет — в Монголии, а мы, добровольцы, с августа 1941 года. Нас молодых, 18-тилетних курсантов из Иркутского авиационного училища ротой перевели в инженерное училище, а Виктора и многих других, старше нас на 2-3 года, в училище направляли из войск.

И вот прошло более 50-ти лет, а в памяти Тригуляевский лес, высокие, с густой кроной деревья, чистое небо, ласковое теплое солнце. А под деревом стоят и смотрят друг на друга Виктор и Нина, и не могут насмотреться.

Они были прекрасной парой. Их большая любовь не была препятствием выполнению воинского долга.

Нину все уважали за её скромность, доброту и внимание. Она была требовательна к своим коллегам, строго относилась к соблюдению санитарных норм и правил. Виктор в Курской битве был тяжело ранен и отправлен в госпиталь, а Нина в составе батальона Победу встретила на улицах Праги.

Сергей Шутов был ранен при освобождении Правобережной Украины. Николай Чинарев был ранен, находясь со взводом в танковом десанте, при прорыве фашистской обороны под городом Лаубан. Потерял правую руку, правый глаз, два ребра. Лечение проходил в госпитале во Львове. Там он женился. Родственников Николая Ивановича фашисты расстреляли в Донецке.

Война нас сблизила. В советское время мы имели возможность встречаться и семьями ездили друг к другу. Ныне единственная возможность общения переписка. Наш 135-й инженерно-сапѐрный батальон после Курской битвы стал 121-го отдельным гвардейским сапѐрным батальоном 7-го гв. ТК, 3-й гв. ТА. Прошёл с боями и участвовал в Курской битве, освобождении Киева и Житомира, Кракова и Ченстохова, Котбуса и Дрездена, штурмовал Берлин и освобождал Прагу.

Из первого формирования батальона в 530 человек с первых боёв до Победы дошли 24 человека. Из звена командиров взводов и рот до Победы дошёл только я.

Вспоминаю погибших, а их было много, моих боевых друзей и товарищей. У нас не было предателей и изменников. У нас была вера в Победу! И мы победили! Это была закономерность!

БЫЛО И ТАКОЕ

В конце июля 1943 года я принял взвод в инженерно-минной роте. Командир роты старший лейтенант Ларин Иван Иванович, москвич, имел (что было редкостью в то время) высшее образование. Исключительно внимательный, с безупречным внешним видом и интеллигентными манерами. Взвод был укомплектован полностью кадровыми воинами, прослужившими по 4 года и более. Меня перевели, видимо, потому, что я отличался по практическим знаниям минно-взрывного и подрывного дела. Рота, находясь в резерве, выполняла задачи по разминированию местности, оборудованию наблюдательных пунктов, устройству укрытий для штаба корпуса. Потери в роте были незначительные.

Кажется, 3-го августа вызвали меня к штабной машине. Корпусной инженер майор Срапианян вручает мне карту и ставит задачу: имея на трех машинах ЗИС-5 элементы трехпролетного низководно-

го моста в районе Кутафино, через речушку Глинка взводом к 6.00 4 августа, то есть к утру завтрашнего дня оборудовать брод для танков и построить мост для артиллерии и колесного транспорта. Все вопросы уточнить на месте выполнения работ.

Погода жаркая, дороги грунтовые, пыльные, чернозем, местность равнинная. Пыль долго не оседает, да и дорога пошла впереди под уклон. В 2-3-х километрах местность поднимается. В бинокль четко просматриваются траншеи, хода сообщений и окопы артиллерии фашистов. Наблюдаются только отдельные разрывы — это с закрытых позиций минометы наши и фашистов ведут дуэльный прицельный огонь. Машины укрыли в яблоневом саду.

Разыскал старшего командира — майора, он показал рукой: «...там, в низине, речушка — мелкая. По скату, обращенному к нам, оборона фашистов. Батальон стрелков с ходу преодолеть речушку не смог. За речушкой — ровный луг метров за 300-500, а далее — местность поднимается. Дорога полевая, только для гужевого транспорта. Должен быть брод. Ищи! За речушкой окопалось человек 20-25 бойцов!», — и указал, как лучше и ближе подтянуть машины. С двумя сопровождающими и своими командирами скрытно вышли к речушке.

С обеих сторон — ровный открытый луг, много воронок. С нашей стороны, в 50-ти метрах — полевые постройки: сараи, скотный двор и небольшая роща, кустарники. К лугу вышли скрытно, а как подойти к реке? В каком месте собирать мост? Где к мосту и от моста обозначить и проложить путь для колесных машин? Как обеспечить безопасность и прикрытие работ?

Это потом, через год, я мог мгновенно анализировать и принимать оптимальные решения, а сейчас? Но у меня все же был некоторый опыт. С 15-ти лет начал трудовую деятельность, а в 16 лет уже работал самостоятельно, а сейчас у меня взвод — это крепкие мужики — семьянины, большинству больше 25 лет, а есть и старше. Да и учеба в Черниговском инженерном училище — это не только основа теоретических знаний, а главное — практическая организация выполнения инженерных работ.

На «малом» совете обсудили до мелочей выполнение поставленной задачи. С наступлением темноты за речушкой командир стрелковой роты выставил охранение из двух стрелковых отделений. Старший сержант по фамилии Работяга, мой заместитель, «подтянул» машины с конструкциями моста ближе к лугу. Командир отделения Белов

со своим отделением — оборудование брода для танков, а мне с двумя отделениями саперов досталась сборка моста и прокладка подходов и выходов с моста.

С наступлением темноты приступили к работе. Мы с командиром отделения Черненко обозначили ось моста, береговые лежни, промежуточные рамные опоры. Работали по пояс в воде. Работа спорилась! Опыт, полученный на строительстве мостов в период формирования перед Курской битвой, приобрел реальное воплощение. Периодически местность освещают ракеты и отдельные взрывы снарядов. Командиры стрелковых рот ускоряют работы — подносят прогоны, настил, колеи. Они получили участки — «исходные позиции» для наступления и до рассвета скрытно должны были выйти, окопаться и подготовиться к атаке за речушкой, а для нас была одна проблема — крепление прогонов к рамам и лежням.

В прогонах отверстия для штырей заблаговременно подготовили, а вот в насадке и лежнях — в них вбивают. В каждом пролете 8 прогонов, а в каждом прогоне — 2 штыря. В 24 прогонах — 48 штырей. Когда начали крепление, с двумя бойцами на удалении 300-400 метров от моста стали взрывать 200-грамовые тротиловые шашки, да и минометчики своими выстрелами не только отвлекали фашистских наблюдателей, но и хорошо маскировали забивку штырей.

К рассвету работы в основном были закончены. Стрелковые роты по мосту вышли в исходные районы. Необходимо было проверить брод и мост.

Ночью ко мне трижды подходил младший лейтенант-сапер вместе с красноармейцем. Оба грязные, какие-то несобранные. Лейтенант представился командиром саперного взвода и спросил, есть ли у меня во взводе миноискатель. Я ответил утвердительно: во взводе в каждом отделении — по одному миноискателю ВИМ-625 (кажется, так). Получив ответ, лейтенант ушел. Потом опять пришел: «...а работают ли миноискатели?». Ушел и опять вернулся: «... а есть ли сапер, который умеет пользоваться миноискателем?»

А в это время началась артподготовка. К речушке подтягивались танки — английские, брод — всего 12-15 метров шириной. Комендантская служба — у входа и выхода из брода. Танкисты не ждут окончания артиллерийской подготовки, стремятся быстрее преодолеть брод, а нам хочется опробовать и на выходе оставить танк с тросом. При необходимости, если по какой-то причине танк остановится, его можно вытащить тросом. Танк на малом ходу преодолел брод, за ним

второй, третий. Пройдя вдоль речушки, танки разворачиваются в сторону фронта в линию и на малой скорости начинают движение к боевым порядкам пехоты.

Артподготовка окончилась. По противнику наносится короткий огневой налет (огневой вал), пехота, сопровождаемая танками непосредственной поддержки пехоты с громким «Ура!!!» переходит в атаку.

И вдруг взрывы под танками. Машины на одной гусенице делают вираж. Один танк подорвался на мине, 4 танка уже остановились. Вызываю с миноискателем ефрейтора Гончарова Ивана Степановича.

Сам оставляю мост, по которому прошло несколько машин с 76-мм пушками и минометами. И снова в 100-150 метрах от нас взрыв под танком. С сержантом Черненко бегом навстречу танку, перешедшему брод. Руки крестом над головой, и резкая отмашка вниз. Сигнал «Стой!». Пехота, поддерживаемая танками и артиллерией, успешно продвигаются вперед. Небо чистое. Солнце взошло, грохот, гарь, дым, взрывы, мы от брода метрах в 300. А танк уже в 12-15 метрах от нас.

Гончаров — опытный минер, неторопливый, делает все основательно, добротно. А в это время через мост с охраной проехал и остановился «виллис». Из него вышел генерал-майор, а под танком, шедшим на нас, раздался взрыв. Траки левой гусеницы раскатились, каток выбило. У люка механика — водителя сидел в танкошлеме майор. Нас обдало горячим воздухом, но никого не поцарапало, лишь немного оглушило.

Оглянувшись, увидел машину, генерала и офицеров, сразу к ним, докладывать генералу. А генерал офицеру и автоматчикам дает команду «Разоружить! Расстрелять!»

В это время подошел еще один «виллис», из него вышел полковник, подошел к генералу. А я руку и пилотке, представляюсь и докладываю: «Сегодня ночью мы оборудовали брод и построили мост...», а генерал: «...а еще гвардейцы! Расстрелять!».

Автоматчики сразу сняли автомат у меня и из кобуры вытащили револьвер. Слышим команду: «Десять шагов вперед!» Мы были, видимо, очумевшие, под щелканье затворов пошли в сторону воронок. Прошли 10, 20 — больше 30-ти шагов. Команда «Стой!», «Садись!», — сели на краю воронки.

Иван Степанович достал кисет: «Закурите!» Свернул мне «козью ножку», поджег ее. До этого я не курил, а тут закурил. Сидим, молчим, дымим. Солнце уже высоко, а мы не ужинали и не завтракали.

И вот команда «Встать!», «К генералу!» Подошли. Снова докладываю. А генерал: «Где удостоверение?» Я достал, а генерал продолжает: «расчетную книжку!», у Ивана Степановича взял красноармейскую книжку.

Все документы генерал передал рядом стоящему офицеру и сказал: «...передам военному прокурору и если только по вашей вине подорвались танки, вас будет судить военный трибунал!»

Сели в машины и уехали. Танки перешли брод, по колеям ранее прошедших танков обошли цепи пехоты и уже скрылись из видимости.

Старший сержант Работяга и сержант Черненко рассказали, что когда мы с Гончаровым сидели у воронки, полковник, а это был командир 1-й гв. инженерной бригады Иоффе Михаил Фадеевич, сказал генералу: « этот офицер не виноват, это мы попросили у 3-й гвардейской танковой армии помочь нам оборудовать брод и построить мост - эту работу они выполнили!»

Примерно к полудню привезли обед и сняли нас с этого участка. У шести подорванных танков велся ремонт, а саперы инженерной бригады заканчивали разминирование минного поля, установленного фашистскими саперами.

По окончании академии имени В.В.Куйбышева я был оставлен в академии командиром войсковой части обеспечения учебного процесса академии. Во вновь принявшем кафедру минно-взрывных заграждений генерал-майоре я узнал того самого полковника и при первом удобном случае рассказал Михаилу Фадеевичу о «расстреле» младшего лейтенанта в Курской битве.

Михаил Фадеевич не только хорошо все помнил, но и сказал; что Виктор Кондратьевич Харченко — начальник инженерных войск — сдал в печать книгу о 1-й гвардейской инженерной бригаде, которой тогда командовал Михаил Фадеевич, а Харченко был начальником штаба. И еще ведь бывает же так: с 1966 года этажом выше в одном доме, одном подъезде со мной живет дочь Михаила Фадеевича — Инна Михайловна.

Михаила Фадеевича давно уже нет. Но память о нем, как исключительно порядочном, принципиальном и справедливом человеке, сохранилась. И видимо, в характере русского человека забывать плохое, а хорошее помнить всегда.

Михаил Фадеевич часто навещал свою дочь, я с ним также имел много встреч. Встречаю Инну Михайловну — всегда вспоминаю ее

замечательного отца. Горжусь, что на моем жизненном пути произошла встреча с таким человеком.

НА БЕРЕГУ ДНЕПРА

Грозовыми сполохами высвечивает память события далеких и тревожных лет. Фашистские самолеты беспрерывно сбрасывали на наши позиции смертоносные грузы, выполняя планы своего командования — не допустить организованного подхода и форсирования Днепра советскими войсками. Но несмотря ни на что наша армия продолжала преследовать противника. За двое суток мы преодолели расстояние почти в 200 километров и к исходу 21 сентября вышли к Днепру.

За широкой, в большинстве своем заболоченной поймой, густо поросшей тростником и кустарником, несла свои воды могучая река. Бойцы и командиры всматривались в противоположный, правый, берег. Он круто обрывался к узкой пологой береговой полосе, и только в отдельных местах имелись овраги и промоины, по которым можно было подняться от Днепра.

В ночь моему взводу было приказано переправить через Днепр группу разведчиков. На них возлагались большие задачи. Чтобы организовать переправу, требовалась смекалка, умение владеть веслами, ну и, безусловно, недюжинные смелость и находчивость.

Оснастив лодку, я отобрал 4-х наиболее выносливых саперов, поручии им грести, а сам сел за рулевое весло. Разместив разведывательную группу, в полной тишине мы отошли от берега.

Медленно приближался безмолвный, угрожающе неизвестный берег. При вспышках ракет он казался черным, неприступным. Однако саперы-гвардейцы: сержант Работяга, рядовые Меркатан, Чернораенко и Рикаш уверенно работали веслами. Как и я, они выросли на крупных реках, с детства обучены владению веслами; кроме того, были обстреляны в боях и верили в своего командира, как и он в каждого из них. Лодка подошла к берегу, мы распрощались с разведчиками и благополучно вернулись. Через некоторое время саперы снова отправились в рейс, уже с мотострелками.

Сложнее было переправить на правый берег технику. Снова на помощь пришла смекалка, решительность, боевая дерзость наших саперов. Было решено: из имеющихся 15-ти резиновых лодок собрать два парома для переправы танков, самоходных установок, автотранспорта, артиллерийских систем и других грузов.

Как помогли мне прочные знания и практические навыки, полученные в Черниговском военно-инженерном училище! Лекции преподавателей, занятия по сборке переправочных средств на бурной реке Иркут в сложных условиях, где работа курсантов доводилась до автоматизма, — здесь, в боевой обстановке, приобрели конкретное значение. И хотя подчиненные бойцы до этого момента были незнакомы со сборкой парома, молодой офицер смог наладить работу так, что она была выполнена досрочно.

За моим взводом закрепили 15-тонный паром. Круглосуточно работали саперы, перевозя на правый берег личный состав, артиллерию, снаряды, обратно — раненых. Отдыхали во время обратных рейсов, когда паром был незагружен. Переправа осуществлялась с помощью каната. Тянуть канат всегда помогали переправляемые. Иногда артиллерийские снаряды противника поднимали вокруг султаны воды. Но все-таки здесь было сравнительно тихо. Уже в 2-х километрах, где армейские саперы под руководством полковника Онучина строили низководный мост, авиация немцев бомбила их непрерывно.

Во время переправы на правый берег оперативной группы, в составе которой был командующий армии; на паром налетели немецкие стервятники. Паром находился на середине Днепра, но саперы не растерялись, продолжали свою нелегкую работу.

Правда, в этот день треволнения не кончились. Когда возвращались с правого берега, паром начало сносить течением. Ниже, в 3,5-4-х километрах за поворотом немецкие позиции. Скомандовал: «К баграм, тралить дно!» и первый приступил к действию. Подбежавшие саперы выбрали зацепившийся за багор канат и благополучно вернулись на левый берег.

Командующий объявил благодарность и приказал за мужественные действия всех саперов взвода представить к награде.

ПОД РОТМИСТРОВКОЙ

Боевые действия нашего корпуса в последние дни января 1944 года носили ожесточенный характер. Обстановка постоянно менялась. Наш 7-й гвардейский танковый корпус несколько раз перебрасывался с одного направления на другое.

Взвод, которым я командовал, был придан 2-му мотострелковому батальону 23-й гвардейской мотострелковой бригады с задачей установить противотанковые мины на танкоопасном направлении, не допустить прохода фашистских танков.

С утра 28 января фашисты после короткой артподготовки на участке батальона перешли в атаку мотострелки стояли насмерть, проявляя мужество и стойкость. Они подпускали противника на близкие расстояния, забрасывали гранатами, расстреливали пехоту из автоматов. Бой продолжался несколько часов.

Уже смеркалось, когда фашисты предприняли очередную атаку. Командир 23-й гвардейской мотострелковой бригады А.А.Головочев выжидал, раздавались лишь редкие автоматные очереди, наши пулеметы молчали, минометов и артиллерии не было слышно.

Вдруг — сигнал ракеты. Сразу все заработало. Из первой траншеи поднялись автоматчики в атаку, стреляя на ходу. Фашисты не ожидали контратаки, их цепи все редели. Тогда поднялись бойцы из 2-й траншеи и ворвались в расположение фашистов. Враг отступил. Воины остановились и залегли, когда из деревни Ротмистровки раздался сильный пулеметный огонь, и артиллерийско — минометные разрывы накрыли цепи мотострелков.

Минное противотанковое поле перед фронтом оказалось в тылу 2-го мотострелкового батальона. Мины необходимо было обезвредить — вынуть взрыватели, складировать и подвести. Тяга лошадка и сани.

Ночь, снег. Взвод — всего 12 человек. Командиру отделения сержанту Черненко поручаю отделением обезвредить, снять мины и погрузить на сани. Со своим заместителем иду к командирам батальона и роты в места установки минного поля.

Фашисты работать не мешают, видно, приходят в себя. Мотострелки размещаются в траншеях и окопах, в которых недавно были фашистские солдаты. Подошли к окопу командира взвода, младшего лейтенанта. Обрадовался. Весь какой-то возбужденный, видимо, первую или вторую неделю командует. «Замурзанный», в бушлате, да и все воины были в бушлатах. Спрашиваю, где у твоего взвода первая траншея, чтобы впереди нее установить мины. Он показал рукой вперед, к Ротмистровке: «Там впереди отделение» и сказал, что даст двух «цириков» — так добродушно Головачев, много лет служивший в Монголии, называл своих воинов.

Нас стало четверо. Тишина, небольшой снежок. Идем смело, бодро, впереди — отделение. Вооружены, у меня автомат на ремне, «вальтер» за пазухой, гранаты в кармане, у помкомвзвода вооружение такое же, у автоматчиков — автоматы. Сами они молодые, рослые ребята.

Прошли не более 150-200 метров, как перед нами оказалось три человека с лопатами, дальше видны были люди. Я подошел почти вплотную, сзади меня по сторонам остановились сопровождающие.

Спрашиваю: «Товарищ, вы из какого батальона?» — молчание, соседи прекратили работу. Тогда я повторил вопрос громче: «Какого черта, почему молчите?»

И вдруг один как заорет: «Рус, рус!!!» Мы мгновенно развернулись, и бегом в темноту, залегли. Фашисты опомнились, когда мы были от них метрах в 20-25, и сразу открыли бешеный огонь. И вдруг, снова тишина. Огляделись, стали подниматься. Но что это? Не могу поднять левую руку, да и за ворот теплое что-то течет. Все же добежали до своих.

На руку наложили жгут, голову забинтовали — была царапина. Командир стрелкового взвода спрашивает: «А где мое отделение?». К этому времени на санях стали подвозить мины, установили их перед батальоном. Командир батальона благодарил саперов.

Автоматчики обрадовались, что перед ними мины. Нина Чуднова, батальонный врач, оказала мне первую медпомощь, но вопреки моим желаниям отправила в госпиталь. В личном деле отметили, что я был легко ранен 29 января 1944 года. Ранение пулевое, сквозное левого предплечья, плеча и скользящее по затылочной части головы.

Когда я был в госпитале в г. Киеве, начальник штаба батальона Галин Б.П. в письме сообщил, что мне присвоили воинское звание лейтенант и что на установленных минах перед батальоном и на фланговом минном поле, которое было установлено раньше, подорвалось два фашистских танка.

Многих бойцов взвода представили к награде, а погибшего на минном поле ефрейтора Моисеева 1916 года рождения и меня, убывшего в госпиталь, как отсутствующих не представляли. Мы сражались не за награды, о них не думали, для нас высшей наградой была Победа. Каждый день нас учил, и мы накапливали опыт, главное — быть всегда в боевой готовности.

В ДЕРЕВНЕ ФАСТОВЕЦ

Штаб нашего 7-го гв. танкового корпуса вечером 10 ноября 1943 года, после длительного марша, стал размещаться в уютных украинских хатках деревни Фастовец.

Бригады корпуса, преследуя и уничтожая разрозненные группировки фашистов, стремительно двигались на запад.

Вечер был тихий. Теплый. На улицах царило оживление. Сердца всех были переполнены радостью побед, особенно освобождением древнего города Киева, столицы братской республики Украины.

Я всегда восхищался организацией охраны и обороны штаба, четкой и слаженной работой штабистов.

Мы, два взвода инженерно-минной роты саперного батальона корпуса (одним взводом командовал лейтенант Михеев Дмитрий, вторым — я, младший лейтенант), составляли противотанковый резерв корпуса, непосредственно подчинялись начальнику штаба корпуса и постоянно находились в боевой готовности, имея по 200 противотанковых мин ЯМ-5. После бессонных ночей, уставшие, поужинав обильным угощением гостеприимных жителей Фастовца, освещаемые луной и звездами, под мягкий украинский говор вдыхая аромат ржаной соломы и сена, прижав автоматы и накрывшись плащ-накидками, мы уснули в сарае, рядом с оперативным отделом штаба.

Вдруг меня будит посыльный: «Срочно в штаб!» Начальник штаба корпуса полковник Лазовский поставил задачу: подготовить личный состав и быть готовым к минированию.

Тишина. Не стреляют. Нет разрывов снарядов. Не слышно работающих моторов. Иногда только окрик часового да лай собак нарушали тишину. Кругом тихо, слышно лишь похрапывание крепко спящих 18-летних ребят.

Среди ночи, в 2 часа, получаем задачу и приступаем к ее выполнению. Взвод, а во взводе осталось человек 10-12, минирует картофельное поле. Слева — грунтовая дорога с глубокими кюветами, кювет переходит в крутой откос, который возвышается на 2,5-3метра над картофельным полем и плавно опускается в 50-70 метрах в заболоченную низину. По низине течет ручей, берега поросли кустарником и высокой травой.

Взвод Михеева минирует огороды, примыкающие к картофельному полю, и улицу, на которой жилые и хозяйственные постройки с обеих сторон дороги.

Работу по минированию выполнили и к рассвету, часам к 6.00 сумели отрыть окопы полного профиля по всему фронту впереди на 20-25 метров от минного поля. Наша беда и трагедия заключалась в том, что у нас не было бутылок с горючей смесью, противотанковых и противопехотных гранат.

Где-то впереди нарастал гул танковых моторов. Минеры-друзья уральские парни Уханов и Муралев, находившиеся на левом фланге минного поля в 20-25 метрах от меня, отрыли один окоп на двоих. Пока я руководил установкой мин, отрыл окоп мой ординарец Пятикоп Ваня на скате возвышенности, обращенной к минному полю.

Из окопа полностью просматривалось минное поле, все окопавшиеся минеры. Окоп наш от откоса дороги находился в 1,5-2 метрах. Сзади метрах в 20-25 находился сарай, а в 50-60-ти метрах от него начиналась улица, жилые и хозяйственные строения. Ивана Пятикопа я отправил в штаб.

Внезапно утреннюю тишину прервали взрывы снарядов. По хатам, где был расположен штаб командира корпуса генерал-майора Иванова, начальника штаба корпуса полковника Лазовского, оперативного отдела, начальников служб, был нанесен короткий огневой налет. Покрытые соломой, хаты загорелись, в деревне раздались крики, рев животных, лай собак, стоны раненых, плач детей и женщин. А из утреннего тумана, стреляя на ходу из пушек и пулеметов, зловеще вышли фашистские танки.

Первым был ранен младший сержант Абитаев — командир отделения, который шел проверять минеров в окопах. Он сумел доползти до кювета и по кювету отползти в тыл. Проползая мимо меня, передал, что была дана команда «отступать!», но нам уже некуда было отходить: наши позиции находились на открытой местности, они не только отлично просматривались, но и простреливались.

Первый фашистский танк проскочил минное поле, в котором было два ряда мин, установленных друг от друга на расстоянии 4-х метров по фронту. Второй танк подорвался в 20-25 метрах от меня. Автотранспорт штаба и тыла корпуса полностью вышел из деревни по полевой дороге, проходящей по лощине.

Из башни подорванного танка по пояс выглянул фашистский танкист, я очередью из автомата сразил его. Фашисты тело повисшего на башне танкиста затянули в танк, развернули башню танка и начали стрелять по мне из пушки и пулемета. Так все время и держали на прицеле, только приподниму пилотку очередь, выгляну направлена башня на меня.

Фашисты определили, что минеры впереди минного поля, и начали «утюжить» окопы минеров. Остановились у окопа старшего сержанта Дробины, предлагали: «Рус, сдавайсь!» Дробинин ответил: «Русские не сдаются!» Его расстреляли. А на окопе Уханова и Муралева фашистский танк развернулся несколько раз. И через меня прошел танк Т-4, остановился, но, не развернутся, опасаясь перевернуться, ушел медленно задним ходом. Я держал автомат наготове — если вдруг танк остановится надо мной и откроют нижний люк, то дам очередь. А подорванный танк с направленной на меня башней все стоял.

День был пасмурный, часов не было, спросить время не у кого. Несколько раз засыпал, а автомат держал крепко: патрон в патроннике, затвор на боевом взводе.

Вдруг очнулся, вижу, на меня идут два немца — оружие наготове, громко разговаривают. Одно мгновение, автоматная очередь, и оба упали. А сзади них — цепь немецких солдат, видимо, рота.

Даю длинную очередь по цепи — осечка (гильза осталась в автомате), удар ладонью по крышке ствольной коробки, опрокидывание ППШ, выбрасывание стрелянной гильзы, и снова длинная очередь. Выпрыгиваю из окопа — за сарай, к ручью, через ручей и наугад в поле. Уже смеркалось.

Вижу — окапываются, но в сумерках не вижу — кто: А меня давно заметили, следили за мной, и вдруг окрик: «Стой, кто идет?» Подошел, меня окружили, спрашивают, рассмотрел — это огнеметчики. Сказали, что уже несколько человек через них прошло, показали куда идти, где деревня.

Это оказалась деревня Великие Снетынки, там же находился штаб батальона 54-й гв. танковой бригады. К ним уже вышло несколько минеров взвода Михеева. Они получили команду на отход и под прикрытием строений вышли из опасной зоны. Меня накормили, просушили, собрали всех минеров, а из моего взвода не было никого. Сказали, что Абитаев и Свирин, который был ближе к взводу Михеева, оказался раненным, и их обоих отправили в тыл. Но на этом мои испытания не закончились.

Уже было темно, когда вызвали к командиру и поставили задачу со своими (Михеева)саперами провести разведку в деревне Фастовец.

Группой из 5-ти человек по знакомому маршруту двинулись в Фастовец. Ребята показали жердевой переход через ручей. Чуть правее стояли автомашины, без охраны, полностью загруженные обмундированием и продовольствием. Скрытно подошли. Мертвая тишина, даже собаки не лают. Зашли в несколько хат, нам рассказали, что из танка, подорванного на мине, эвакуировался экипаж в подошедший немецкий танк. И показали еще один танк, который также подорвался на мине. Это был тяжелый фашистский танк.

Обошли окопы всех воинов. Забрали у всех документы и награды. Когда проверяли один из окопов, то обнаружили живого и невредимого минера Шлема из Нижнего Новгорода (проходя службу в городе Горьком, в 1953 году я встретил его у Горьковского Дома офицеров, он заканчивал мед. институт), нашли и Уханова с Муралевым. Они, раздавленные танком, лежали голова к голове; были и другие погибшие. Вернувшись, доложил, сдал все документы погибших и там же уснул.

Не прошло и часа — поднимают и говорят, что я мол не был в Фастовце, так как вернулись корпусные разведчики, которые напоролись на немцев в Фастовце, один погиб, один ранен. Дают мне четырех мотострелков 54-й гв. танковой бригады, и я с ними, соблюдая все правила разведки, скрытно подошел к деревне Фастовец. Услышали гортанную немецкую речь, идущий по дороге транспорт, установили, что немцы в деревне все-таки есть. Вернулись, доложили. На этом фастовецкая эпопея закончилась.

Из взвода Михеева парни, которые ходили со мной на разведку, попросили командование перевести во взвод ко мне, их перевели.

Дробина захоронен на станции Боровая. Все погибшие из взвода минеры захоронены на братском кладбище в деревне Фастовец.

В ТЫЛУ У ФАШИСТОВ

Память сохранила события 2-й половины июля 1944 года, когда 3-я гв. танковая армия была введена в прорыв на Львовском направлении. Стояла неимоверная жара, шли проливные дожди, из-за чего дороги были раскисшие.

Упорное сопротивление фашистских войск, знаменитый Калтовский «коридор», шириной 4-6 км, глубиной 16-18 км, стремительное движение корпуса в сплошной колонне над непрерывными бомбежками, фланговым прицельным пулеметным и артиллерийским обстрелам — все это надолго осталось в памяти.

Спасала лесистая местность, зенитное наземное прикрытие и господство нашей авиации в воздухе, полезная партийно-политическая работа перед операцией. Безусловно, решающее значение имели материально-техническое обеспечение и стремление быстрее изгнать фашистов с нашей советской территории. Саперные роты батальона были приданы танковым бригадам корпуса, а я — командир взвода инженерной разведки — находился при штабе батальона. Штаб батальона всегда был при штабе корпуса.

На вторые или третьи сутки днем меня вызвали в штаб батальона, в штабе, кроме командования батальона, находился корпусной инженер-подполковник Фастов, а также офицеры штаба корпуса, армии, офицер из штаба фронта.

Я получил задачу с группой саперов-разведчиков взвода, имея ВВ (тротил), готовые зажигательные трубки вечером под прикрытием войти в тыл фашистов и подорвать два моста: один — через небольшую речку, а другой — железнодорожный, севернее Львова (40—45 км).

Со мной задачу получал мой помощник, старшина первой статьи Ковалев Валентин 1918 года рождения — тихоокеанский моряк. Был он выше среднего возраста, недюжинной силы, мгновенной реакции и безупречной исполнительности. По карте нам поставили задачу и проверили её усвоение. Указали возможные позиции фашистов, своё основное решение и другие варианты.

Мы сдали документы, получили 50 кг тротила и 20 зажигательных трубок, патроны, гранаты и немного продуктов. По прямой мосты находились от нас в 42 км, ну а если обходить — то двигаться нужно со скоростью 2,5—3 км/ч. Всё просчитали, определили места и время отдыха.

Вечером в боевых порядках находились роты 23-й гвардейской мотострелковой бригады. Короткий артналёт по обороне фашистов, и впереди, в 500 — 600 метрах, загорелись крытые соломой сараи. Мотострелки поднялись в атаку, вслед за ними скрытно начали движение и мы. Нас проводил корпусной инженер и начальник разведки корпуса. Нас было 7 человек, все в маскировочных халатах: я (командир группы), старшина Ковалёв Валентин — мой заместитель, Кульбачный Степан (в конце войны был награждён орденом Красного Знамени), Кривонос Фёдор, Тищенко, сержант Григорьев, Грижимайло. Все имели боевой опыт саперов-разведчиков.

Мы двигались скрытно, в 500-600 м от мотострелков, оторвались вправо — в лощину, кустарники, лес. Боевой порядок был отработан так: впереди- Кривонос и Тищенко, замыкали Григорьев и Грижимайло, ядро — я, Ковалёв и Степан Кульбачный. У всех (кроме меня и Ковалёва) было по 10 кг взрывчатки, у нас — зажигательные трубки. Двигались на расстоянии видимости с остановками, связь осуществляли только при помощи условных сигналов.

Несколько раз меняли направления и обходили огневые позиции фашистов. Так скрытно прошли дороги, населённые пункты, обходить которые приходилось только после тщательного наблюдения за ними. На контакт с населением не выходили — здесь можно было встретиться с бандеровцами — союзниками Германии.

Ночью остановились на 3 часа отдохнуть, с рассветом продолжили движение. Я верил своим разведчикам, а они верили в меня. Я в совершенстве ориентировался на местности в любое время. При совершении маршей, особенно в ночное время, всегда был с картой в головной машине колонны и точно в назначенный пункт выводил колону.

При пересечении некоторых шоссейных дорог приходилось долго наблюдать и пропускать колонны фашистов — артиллерию на конной тяге. Для нас это было неожиданностью, так как мы всегда считали, что у немцев были только моторы, а, оказывается, у них была и кавалерия. Таким образом, мы сделали вывод, что это были власовцы.

Взошло солнце, мы смогли обсушиться. Слышны были взрывы, рев танковых моторов. Мы были вынуждены ждать темноты, а это мучительно. Показываться нельзя — много хуторов, местность в основном равнинная, хорошо просматриваемая. Наступил вечер, и мы снова двинулись в путь. Нам приходилось долго ждать, пока проедет даже маленькая повозка. С наступлением темноты мы были в 2-3 км от первого моста. Решение подорвать его приняли на рассвете, а железнодорожный мост находился в 2-2,5 км от этого моста.

Только обозначился рассвет — мы у моста. Но когда внимательней осмотрели мост, то приняли решение не взрывать — по нему телега не проедет, настолько он был шаткий, да и дороги к нему не было, машина на лугу застрянет. Таким образом, мы сберегли взрывчатку на железнодорожный мост, к тому же не обнаружили себя взрывом.

Ускорив движение, устремились по тропинке к железнодорожному мосту, но были остановлены сигналом головного дозора. Перед нами оказался мост: 15-20 метров пролет, с бетонными опорами, в насыпи высотой 4-5 метров. У моста маячили две фигуры; с нашей стороны в метрах 50-60 от моста стояла будка, Кривонос и Кульбачный двинулись к ней, а Ковалев и Тищенко — к мосту, прикрывают Григорьев и Грижимайло, остальные же пошли со мной.

Уже светало, вдруг одна из фигур двинулась к будке, а за будкой Кривонос и Кучьбачный уже расправились с немцем, второго постигла та же учесть — это была охрана моста. Мы быстро поднялись на насыпь, а там — пять ящиков взрывчатки, в каждом по 25 кг. Всю взрывчатку: свою 50 кг и 125 кг немецкой — в один заряд. В щебень по обе стороны моста — по 200 г заряда.

По команде зажгли сначала длинные, а потом короткие зажигательные трубки и бегом стали отходить. Противоположный берег был высокий, железная дорога проходит в выемке. По скатам, видимо, проходила оборона. Когда мы на мосту укладывали взрывчатку, кто-то кричал в нашу сторону, а от него до моста было 100-150 метров, не более.

Мы были уже метрах в 300-500, когда раздался мощный 175-килограммовый взрыв тротила, но самое страшное ждало нас впереди. Мы двигались на восток, разрывы между наступающими были большие. Видимо, и в других местах действовали диверсионные группы, и немцы в тылу своих войск организовали патрулирование.

Мы искали леса, но в западных областях были в основном огромные площади, засеянные зерновыми. Нас засекли, когда мы стремились к лесу через поле. Валентин Ковалёв решил остаться для прикрытия, Грижимайло и сержант Григорьев остались с ним.

Мы ушли в лощину, по лощине к кустарнику и через лес на следующий день вышли к своему батальону. Вечером вызвали в хатку, там находились командир батальона капитан Романов В.Н., заместитель командира корпуса полковник Кузнецов, корпусной инженер подполковник Фастов и начальник контрразведки корпуса. Я им докладывал несколько вечеров, а корпусной инженер: «Почему не подорвали деревянный мост?» Я ему пытался доказать, что это было бесполезно, но он всё настаивал на своём: я не выполнил приказ.

Всех, кто был со мной, тоже спрашивали и всегда делали упор на то, где находились Ковалёв, Григорьев и Грижимайло. Меня ни куда не посылали, а недели через две в батальон прибыли Григорьев и Грижимайло и рассказали, как погиб Ковалёв Валентин. Они попали к партизанам Медведева. Я был знаком с Марией Александровной Фортус — она у Медведева была в отряде начальником разведки, у неё изумительная память, она помнила сапёров-подрывников и обещала посмотреть в архив. С Марией Александровной несколько встреч было в Москве и в 1979 году в г. Львове.

Память возвращает в суровые, огненные годы, когда день превращался в ночь, а ночь становилась днем. Встает образ мужественного тихоокеанского моряка, старшины 1-й статьи Валентина Ковалева. Он погиб, прикрывая нас. А за ним — старшина Михед, мой первый заместитель секретарь парторганизации 1-й саперной роты. На батальонном собрании перед Курской битвой обратился он с просьбой принять его в члены партии, и его просьба была удовлетворена. В Курской битве погиб и командир 1-й саперной роты капитан Данилов, кадровый военный.

Мы в долгу перед всеми павшими. Мы остались живы, они нас защитили, они защитили наше Отечество.

Во время нашего наступления на город Лаубан, объявленный Гитлером крепостью и потому особенно упорно защищаемый фашистами, мой взвод, как обычно, действовал с танкодесантниками из 23-й мотострелковой бригады полковника Головачева А.А.

Враг сопротивлялся с отчаянием обреченного, но смелых атак наших автоматчиков не выдерживал и отходил. Фаустники один за другим подожгли 2 танка, атаковали мост, который соединял две части города. Поперек моста вражеские саперы уложили, подожгли заряд ВВ и побежали в укрытие, к пушке.

Я рванулся к мосту. Ожидавшие взрыва немцы спрятались, а я смог вырвать запалы раньше, чем по мне был открыт шквальный огонь из всех видов пехотного оружия. На мост понеслись наши «тридцатьчетверки», за ними бросились мотострелки и мои саперы.

Когда врагу удалось на какое-то время отрезать корпус от основных сил армии, я со своим взводом вместе с мотострелками полковника Головачева участвовал в напряженных уличных боях, где порой один этаж здания оказывался в наших руках, другой — в руках фашистов.

Командир корпуса генерал-майор Новиков Василий Васильевич с группой офицеров штаба 7-го ТК все время находился в отрезанном от основных сил корпуса городе Лаубан.

Взвод инженерной разведки находился постоянно при командире корпуса и выполнял его задания по разведке позиций фашистов. Было доставлено несколько «языков». Возвращаясь из ночного поиска, группа разведчиков вышла на боевое охранение фашистов и полностью его уничтожила. Оружие привели в негодность, только как трофей взяли пулемет.

С 15 на 16 и с 22 на 23 февраля группой в пять человек выходили в штаб корпуса за картой оперативной обстановки. С 4 на 5 марта группой провели разведку маршрута, по которому с 5 на 6 марта на бронетранспортере с командиром корпуса во главе колонны выходили из города Лаубан. Наш взвод побывал в самых невероятных ситуациях. Все задачи выполнял, поэтому наверное, командир корпуса взял нас под свое непосредственное подчинение. Мы друг друга понимали с полуслова, а главное — стали исключительно дружным единым коллективом.

Так же было и в Берлинской операции, и самом Берлине.

ПРАГА ЖДЕТ

Успешный марш из Берлина на Прагу, ожесточённые бои за Дрезден, разгром фашистов у Рудных гор и остановка разведывательных

групп бригад и корпуса на перевалах гор — эти события один за другим сменяли друг друга. Фашисты успели подорвать мосты, а дороги проходят в каньонах: слева — отвесные скалы от 150 и более метров, справа — каньон глубиной до 50 метров. Через боковой каньон слева был мост, но своими силами восстановить или построить его оказалось невозможным.

Отряды по обеспечению движения инженерной части ещё к этому времени не подошли. Перед нами стояла задача выйти на Тейплиц-Шанов. Еловые леса, покрывавшие горы, были чистые, ухоженные, но для транспортировки спиленного леса должны быть дороги. Мы решили начать движение по откосу в западном направлении в поисках таких дорог.

Несколькими часами ранее на подходе к Рудным горам был бой, у фашистов, кроме стрелков-фаустников, были пушки и танки. Мы двигались вслед за передовым отрядом и оказали первую помощь двум экипажам подбитых танков.

День 8 мая был солнечный, сухой. Дозорные Кривонос Фёдор и Кульбачный Степан, идущие впереди, остановились, направились к нам с вооружённым мужчиной. Я спрашиваю: «Кто это?» А подошедший пальцем тычет в себя и говорит: «Майор! Чех, партизан! Командир!», открыто смотрит в лицо, а сам радостный, волнуется.

В группе был красноармеец Лигаминов, свободно говорил по — немецки, и этот майор немного говорил и понимал по — немецки. Он сообщил, что Чехословацкая Армия после разгрома вынуждена была уйти в Рудные горы и перешла на партизанскую войну с фашистами. Мы поинтересовались, есть ли переход через Рудные горы? Майор ответил утвердительно. Так же сообщил, что жители Праги ждут Руде Армаду, Красную Армию! Он сказал, что есть переходы через горы, что по этим дорогам транспортируют лес тросами небольшими тракторами и что они нам помогут.

По сигналам майора подошли к нам человек 20, эта встреча братьев по оружию была тёплая, радостная. С помощью чехословацких партизан — рослых крепких парней в старой, потрепанной чехословацкой военной форме — начали движение по указанной чехами лесной дороге.

Подошёл наш «Додж — 3/4». Это была одна из лучших машин для армии, у неё обе ведущие оси, высокая проходимость, низкий кузов, на откосе машина устойчива. Радиус поворота дороги был большой, что обеспечивало транспортировку деревьев длиной 15 и более метров.

Подошли три студебеккера нашей первой сапёрной роты, командиром которой был капитан Заостровцев Григорий Васильевич, прибывший в батальон после Днепра из госпиталя. 1-я сапёрная рота составляла отряд обеспечения движения корпуса.

Григорий Васильевич был старше меня лет на 8-10, он участвовал в Финской войне, исключительно опытный сапёр и авторитетный. Мы продвинулись к гребню. За многие тысячелетия скаты гор были покрыты почвой, и чем выше мы поднимались к гребню, тем тоньше становился слой почвы, а гребень был настолько крут, что машина не могла вытянуть орудие через него. Эту задачу решили саперы, подрывая гребень. Работа длилась несколько часов. После перевала уклон скатов был ещё больше, а в некоторых местах даже дух захватывало, но для нас препятствий не было.

Вслед за нами перешли ещё несколько разведывательных групп и сразу начали движение на Прагу. Григорий Васильевич стал обозначать переход корпусными указками и начал готовить места подрыва на гребне. Для сапёров эта работа профессиональная, но она требует исключительных мер безопасности, поэтому было выставлено оцепление.

А майор всё со мной следовал, я понял, что ему надо в Прагу. У меня 14 человек, мест нет, а он говорит, что он один, а свой отряд потом в Праге встретит и показывает на планшет, что штаб у них в Праге. Да и разведчики взвода стали просить, чтоб я его взял — уж очень он им понравился. Во взводе у меня были русские, украинцы, татарин, мариец, а теперь и чех — это уже интернационал.

Уже темнело, когда мы вышли на основную магистраль к Праге. 2 — 2,5 часами ранее через перевал прошло несколько бронетранспортеров, перетащивших несколько мотоциклов. Это, видимо, были разведывательные группы бригад и корпуса.

Но впереди нас никого не было, не было и населённых пунктов. На карте обозначена река. Подъезжаем, метров за сто вперёд двинулся дозор, я и чех со мной — к мосту. Посветили фонариком — чисто, никого нет, но вдруг кто-то осветил под мостом: там были два фашистских солдата, руки подняли, головы опустили, согнулись. Мы решили дальше не ехать, проверили дом на другом берегу — он оказался пустой, всё было оставлено, мы выставили охрану, нашли каморку, посадили туда немцев, перекусили и уснули.

Начало светать, с гор доносился шум танковых моторов — это была наша 54-я гв. танковая бригада. В этом домике впоследствии ос-

танавливался штаб нашего 121-го отд. гв. сапёрного батальона, снял охрану моста во главе с разведчиком Барминым. А мы с передовым отрядом корпуса уже входили и с ходу вступили в бой. На танках десантом въезжали оставленные в Рудных горах чехи. Командир чешского отряда и его воины были среди нас. Они показывали, где засели эсесовцы. Бои были скоротечны, погода теплая. Здания украшались спускавшимися с верхних этажей до асфальта портретами И.В.Сталина на красных полотнищах. Повсюду слышалось: «Наздар! Наздар!» Прага ликовала!

Это было 9-го мая 1945 г. Впоследствии от имени президента Чехословацкой республики мне вручили Чехословацкий военный крест — высшую военную награду и медаль участника Пражского восстания.

ПАМЯТЬ — НАШЕ ОРУЖИЕ

О войне не только говорить и писать, но и вспоминать трудно. Здесь не только месяц, день, но и час пребывания — это подвиг! Война и поныне напоминает о себе. Война — это каждодневный героический ратный труд. Война — это смерть для всего живого.

Мое поколение воспитано было в бескорыстном служении Отечеству. Эти качества мы сохранили. В силу своих возможностей, не думая о себе, и ныне стремимся донести правду до сознания своих внуков и правнуков. Чтобы отстаивать историческую правду, я преследую цель — донести до молодежи смысл и значение подвига старшего поколения, спасшего Отечество, сделавшего все во имя Победы!

Только память хранит события и эпизоды героического прошлого, формировавшего беззаветную преданность к своей Великой Родине, стойкость и веру в Победу

Личный вклад в Победу.

Уничтожил 10-15 фашистов в деревне Фастовец 11 ноября 1943 г.:

• танкиста подорванного танка;

• двух фашистских солдат в 5-7 метрах от своего окопа;

• нескольких фашистов в цепи от меня в 50-70 метрах двумя очередями.

На Сандомирском плацдарме летом 1944 г.:

• фашистского солдата-наблюдателя из немецкой винтовки.

В городе Лаубан в феврале 1945 г.:

• в ночном поиске красноармеец Дундин, в двух шагах от меня, наступил, в окоп, где был фашист. Я выстрелил из пистолета, и фашист осел в окопе;

• в уличных боях не менее 7-10 при контратаках фашистов.

Разминировал:

• мост в городе Лаубан — февраль 1945 г., через р. Лаубан (в период боя);

• лично разминировал фашистские противотанковые мины в Курской битве (июль 1943 года), на территориях Украины и Польши (лето 1944 г.);

• обезвреживал, вставлял взрыватели в свои мины ЯМ-5.

В составе взвода:

• проделывал проходы в минных полях в период Курской битвы — 6 проходов;

• проводил сплошное разминирование;

• вел разведку минных полей на территории Польши;

• строительство мостов, оборудование брода и пропуск через брод танков — август 1943 г.;

• оборудование наблюдательных пунктов:

— для командира корпуса в Курской битве на территории Польши (Сандомирский плацдарм);

— для командующего армии (генерала Рыбалко П.С.) на правом берегу Днепра;

• оборудование переправы через Днепр и переправа 76—77 единиц (702 легко-самоходный артполк), а также СУ артиллерии личного состава.

• постоянное ведение разведки маршрутов;

• личным составом взвода на территории Германии пленили группу немецких солдат.

Январь 2003 г.

В подготовке настоящих воспоминаний оказала помощь ***Бородина Ольга Владимировна***, студентка 2-го курса Московского авиационного института

Чуриков Павел Владимирович

НАУТРО ВСТУПИЛИ В БОЙ

Родился 9 января 1915 в деревне Колонтаево Ногинского района (Богородский уезд до революции) Московской области.

До войны окончил 7 классов. После школы поступил в Ногинский педагогический техникум, но из-за плохого материального положения в семье пошел работать.

В 1938 г. был призван в армию, служил в Белоруссии на польской границе, потом, в 1939 г., часть, где я служил, отправили в Монголию (Япония нарушила границу дружественной Монголии, и мы поехали на помощь, дать отпор японским империалистам).

Когда доехали до Томска, сообщили, что японцев уже разбили. Нас разгрузили и оставили по месту разгрузки на реке Иртыш. Там мы разбили палаточный лагерь.

Оттуда я поехал учиться в танковое училище, но после окончания первого курса обучения роту, в составе которой был я, перевели в Свердловское военное пехотное училище. Это был приказ Сталина. Нам объяснили это следующим образом: во время войны с Финляндией были потери со стороны среднего офицерского состава, и теперь в армии взводами командуют сержанты, поэтому танкистов еще хватает, а пехотинцев нет.

Свердловское военное училище я закончил в 1940 г. После войны из Московского округа приезжали ко мне и спрашивали: «Кто ты есть: танкист или пехотинец? Хоть ты и окончил пехотное училище, а числишься танкистом. Мы приехали разобраться, кем ты себя считаешь». Я ответил, что танкистом. Они сказали: «Ну, тогда будем считать тебя танкистом». В 1941г. командующий Свердловским военным округом собрал офицеров-танкистов на трехмесячное обучение управлению бронетанковыми войсками.

В это время началась Великая Отечественная война. После обучения меня направили на оборону Москвы в 6-ю армию под командованием генерала Лелюшенко Д.Д..

От Москвы до противника было 8-10 км. С фронта меня послали в Челябинск, в центральное управление бронетанковых войск. Там, на заводе, мы смотрели, как собирают тяжелые танки KB, через два месяца я получил роту тяжелых танков и был отправлен в расположение своей армии.

С танками в Москву прибыл 30 ноября 1941 г. Моя рота была направлена в 45-й танковый батальон, который готовился к наступлению. 1 января 1942 г. мы пошли в атаку. За зиму мы отогнали немцев от Москвы более чем на 200 км; после разгрома немцев под Москвой меня направили в офицерскую школу ленинградских танкистов в Магнитогорск. По окончании трехмесячного обучения я был назначен в Уральский добровольческий танковый корпус на должность начальника штаба батальона.

ФОРМИРОВАНИЕ 10-ГО ТАНКОВОГО КОРПУСА

В начале войны Свердловская, Челябинская, Пермская области обратились с просьбой к Сталину разрешить создание Уральского добровольческого танкового корпуса, состоящего только из добровольцев. В этот корпус области просили дать только часть военных офицеров, а танки, машины, оружие обещали сделать сверхурочно. В составе корпуса все, кроме офицеров, назначенных из армии, были добровольцами.

Товарищ Сталин дал добро на формирование этого корпуса, было дано три месяца на его организацию. К нам начали прибывать солдаты-добровольцы. Но брали только тех, которые могли себе найти замену в трудовой деятельности. Так, если приходил рабочий с завода, спрашивали, есть ли у него замена, если есть (сын, жена или другие родственники), то он должен был их обучить в короткий срок, а его брали в ряды корпуса; если замены не было, то ему отказывали.

Наша Челябинская добровольческая танковая бригада находилась в Магнитогорске на обкомовских дачах. Было дано задание в течение 3-х месяцев подготовить личный состав танковой бригады к ведению войны. За эти три месяца мы провели тактические занятия с подразделениями по ведению боя в составе взвода и роты; много времени уделялось обучению специальности танкиста: заряжающих, наводчиков, радистов. Учеба длилась без выходных, добровольцы очень старались.

На митинге 9 мая 1943 г. секретари обкомов Свердловской, Челябинской, Пермской областей напутствовали добровольцев не щадить немецко-фашистских захватчиков.

После первомайского праздника 1943 г. нас с танками начали отправлять в распоряжение фронта. В мае мы сосредоточились в районе Подмосковья. В это время стоял вопрос о нашем непосредственном участии в разгроме немцев на Орловско-Курской дуге. Нас перевели в Орловскую область.

Ночью танки заняли позиции в небольшом лесочке. Рано утром вышли на исходную позицию, до Орла оставалось еще 100 км. Часа в 4 нам дали команду: в атаку. Местность была пересечена оврагами, небольшими речушками. Где-то сзади была деревенька. На крыше одного из домов командир бригады наблюдал, как танки пошли в атаку. Недалеко от исходных позиций танков находился штаб бригады. Мы доложили, как танки пошли в атаку, что все хорошо.

Вдруг меня вызывает начальник штаба: «Где ваш батальон?»
Я: «Пошел в атаку». Командир бригады звонит с вышки и говорит, что не видит 1-го танкового батальона. Я звоню командиру батальона и членам экипажей — никто не отвечает. Начальник штаба передал ему мой ответ. Командир бригады говорит: «Пусть Чирков узнает, где батальон и что с ним». Я: «Я всех вызываю, никто не отвечает». Начальник штаба передал командиру бригады, что танки пошли и теперь 1-й танковый батальон не отвечает. Командир бригады приказал начальнику штаба бригады: пусть Чирков идет и ищет свой батальон. Мы с помощником взяли автомат и пошли искать, где батальон.

У переднего края противника была посеяна рожь. Мы стали по следам смятой ржи танки искать. Метров 200 прошли, немцы начали нас обстреливать. Я: «Ложись, ползти будем. Бери автомат. Я поползу по следу, а ты ползи сзади». Проползли метров 200, и я увидел овраг шириной 5-6 метров и глубиной метра 4. Я заглянул туда — там наши танки.

Танки как шли строем, так в этот овраг и упали. Берега были очень крутые. Некоторые машины воткнулись стволами орудий в противоположный берег. Второй ряд, шедший за первым, ударился о танки, о чем я доложил начальнику штаба бригады, он командиру бригады. Командир бригады приказал: «Чирков командует батальоном вместо командира батальона».

Я доложил, что танки надо вытаскивать и только после осмотра можно пускать в бой. Начал искать аварийно-спасательные бригады. Бульдозерами вытаскивали танки. Чистили пушки, потому что у некоторых танков стволы были наполовину в земле. Командир бригады приказал к исходу дня привести машины в порядок и готовиться к наступлению. Командовать батальоном поручил мне.

Всю ночь мы правили танки. Наутро вступили в бой. Так несколько дней мы воевали с противником, понемногу продвигаясь все ближе и ближе к Орлу. Эта немецкая группировка была отрезана от своих войск, немцы старались выйти навстречу нам, к Орлу, и от Орла перейти к своим. Нам пришлось 2 дня вести бои, чтобы удержать их в окружении. Многие немецкие танки были подбиты, многие брошены. Когда ближе подошли к Орлу, танков у нас оставалось мало. Несколько танков передали в другие части, а сами заняли бывший немецкий лагерь между Орлом и Брянском и там ожидали подхода новых танков для дальнейшего наступления.

В это время с Урала приехала делегация к своим родственникам-добровольцам. Без горя не обошлось. У нас в запасе были люди, мы пополнили ряды личного состава и начали готовиться к дальнейшему наступлению на Орловско-Курской дуге.

В этих боях многие солдаты и офицеры были награждены правительственными наградами, а нашему танковому корпусу было присвоено звание гвардейский, и все три бригады также стали гвардейскими.

Нас направили на освобождение города Львова. Я командовал тогда первым танковым батальоном Челябинской танковой бригады. Пришлось мне идти с батальоном в передовом отряде. Немцы упорно оборонялись на этом участке, и прошло много дней прежде чем мы добрались до Львова. Каждый день мы вели бои, но нашей задачей было сохранить силы для нанесения удара по Львову.

В июне мой батальон был поставлен впереди бригады, для того чтобы ворваться в город. Рано утром, еще не взошло солнце, я первым был направлен на штурм города. До него оставалось примерно 5-6 км. Когда рассвело, я с батальоном двинулся на город. При подъезде к окраинам города немцы обстреляли нас и подбили два танка. Мы

вышли на центральную улицу — Зеленую, на домах было написано по-немецки «der Gruhne Straße».

По двум центральным улицам — Зеленой и Каховской — я стал продвигаться вперед. Фашисты с чердаков, верхних этажей обстреливали мои танки, нас бомбили самолеты, но я шел вперед. Часам к 14-15 дошли до центра города — площади Мицкевича. Ко мне подошла моя Челябинская бригада. Мы организовали группы для дальнейшего наступления.

Но на другой день меня ранило — из пулемета прострелило ногу. Меня подобрали, положили на танк и вывезли на Зеленую улицу, там нашли отбитое у противника помещение на втором этаже (здание вроде банка). Через несколько часов из моего танка сюда же привезли заряжающего, он рассказал, что танк наш подбит, механик ранен, командир убит.

На другой день его отправили лечиться. Меня положили в приехавший во Львов госпиталь. Через несколько дней приехал заместитель, и я уехал из города, в котором наши части продолжали наступление. За Львовом, юго-западнее, недалеко от польской границы было место, где можно добывать нефть. Там немцы держались долго, чтобы снабжать себя нефтью, но наши танки выгнали их. Красная Армия перешла границу с Польшей, завязались бои на польской территории. Мы форсировали реку Вислу и заняли большую территорию на противоположном берегу для дальнейшего наступления на Берлин.

В 1945 году после Нового года нам прислали новые танки с Урала. Мы пошли дальше по территории Польши на разгром немецких войск. В течение этой весны мы вышли на реку Одер к немецкой границе (между Польшей и Германией). Форсировали Одер и завязали бои на немецкой земле. Прошли по верхней и нижней Селезии, все ближе подходя к Берлину.

В апреле мы пошли на Берлин. Бои были очень тяжелые. Нужно было форсировать каналы. Задачей нашей (4-й) и 3-й танковой армий было окружить Берлин, никого не выпускать и не впускать в город.

После окружения Берлина наши войска начали вести уличные бои в самом Берлине. Там я получил уже третье по счету тяжелое ранение — в руку. В это время фашисты находились и в Праге. Чехословацкий народ, конечно, не хотел терпеть захватчиков. Но немцы поставили ультиматум — если вы будете оказывать сопротивление, то мы взорвем Прагу, и начали минировать здания и предприятия. Чехословацкое правительство обратилось к советскому правительству за помощью, и советское правительство откликнулось.

И вот в то время, когда в Берлине шли уличные бои, нашу и 3-ю танковые армии отправили своим ходом в Прагу. Целую неделю мы вели бои с немцами, стараясь быстрее дойти до Праги. 8 мая мы вошли в Прагу и начали громить фашистов.

Когда утром жители Праги увидели советские танки, нас забросали букетами. Все кричали: «Да здравствуют русские». Мужчины садились на наши танки, брали оружие и стреляли по немцам. Весь день мы вели бои и к обеду 8-го мая освободили Прагу. Все гитлеровцы были арестованы и отправлены в Германию. Нам передали по радио, что война окончена, фашисты сдались.

9 мая вышли из Праги, вошли в Венгрию, там и расположились; некоторые части попали в Австрию. Мы же погрузили танки, по железной дороге отправили их в Берлин — Потсдам. А сами поехали туда же на машинах.

После окончания войны Берлин был разделен на зоны: английскую, американскую, нашу. В 1958 году я был здесь заместителем командира танковой бригады. Из Орловского танкового училища приехали и заменили меня.

Потом три года я прослужил в Орловском танковом училище (оно во время войны было эвакуировано в город Ульяновск), оттуда меня направили в Белорусский военный округ, а через три года из Белоруссии меня опять направляют в Германию. Там я заболел, и признали меня негодным к службе в армии.

В том же году я получил отставку и приехал в Старую Купавну. В 1960 г. устроился работать заместителем директора в Химреактивкомплект. Потом предложили должность на базе изотопов, где проработал до 1986 года. В 1986 году заболел, и меня признали нетрудоспособным. С 1986 года я нахожусь в Старой Купавне и нигде не работаю.

Награды:

— орден Красного Знамени — получен за участие в боях на Курской дуге;

— орден Александра Невского — получен за взятие Львова;

— орден Отечественной войны — получен за разгром немцев под Москвой;

— орден Отечественной войны — получен за взятие Берлина;

— орден Отечественной войны — получен в честь 40-летия победы над Германией;

— медали: «За освобождение Праги», «Битва за Москву», «Ветеран труда», «Москва 850», «Ветеран 4-й гвардейской танковой ар-

мии», «Уральский добровольческий танковый корпус», «60 лет битвы за Москву», «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.».

Ранения: в ногу — при взятии Львова; осколочное в плечо — при освобождении города Дарницы; тяжелое ранение в руку — при окружении Берлина.

Имею публикации:

— книга «Освобождение города Львова»;

— статья в газете «Правда», посвященной освобождению города Львова;

— публикации об Уральском добровольческом корпусе.

Ноябрь 2002 г.

В подготовке настоящих воспоминаний оказал помощь ***Малявкин Юрий Васильевич,*** студент 3-го курса Московского авиационного института

Шатохин Анатолий Федорович

СОБРАЛ ЛУЧШИХ ИЗ ТЕХ, КТО УМЕЛ ОБРАЩАТЬСЯ С ОРУЖИЕМ

Родился 1 мая 1917 года в деревне Комаровка Кыштовского района Западносибирского края. Русский, христианин, бывший член компартии.

До войны окончил в 1936 году Павловскую среднюю школу в Алтайском крае. В 1936 году добровольно вступил в ряды Красной Армии — курсаном Калининского военно-химического училища. В 1938 году его окончил в звании лейтенанта (1 разряд, приказ №006 НКО от 10.01.1939г.). Решением командования был оставлен служить командиром курсантского взвода, там же и узнал о начале войны в 1941 году, имел звание лейтенант.

По приказу начальника ГВХУ (Главное Военно-Химическое Управление) №08 от 6.10.1941г. назначен командиром 35-й отдельной огнемётной роты Московского военного округа (Западный Фронт). Проходил ускоренное формирование роты под посёлком Малаховка Московской области, где и получил приказ начальника ГВХУ об отбытии на Западный участок фронта . К сожалению, кроме приказа о назначении командиром 35-й отдельной огнемётной роты, приказа об отправке на фронт нет.

7.10.1941 года рота под моим командованием выступила на фронт железнодорожным эшелоном с Белорусского вокзала с выгрузкой в Малоярославце, где приказом зам. командующего армией я был на-

правлен в распоряжение Подольского пехотного училища, отходящего с боями к Малоярославцу. Встреча состоялась 7.10.41г., получил приказ от начальника училища занять оборону (позиции) под фугасные огнемёты на Можайской линии обороны   Ильинский участок у Варшавского шоссе, который впоследствии, к 12.10.41г., занял 2-й батальон Подольского училища.

14.10.1941г. была замечена разведывательная группа немцев, проникшая в противотанковый ров. Выбить фашистов было поручено мне, так как у курсантов были большие потери в личном составе, они занимали только отдельные участки окопов. Личный состав моей роты, из-за нехватки времени, был плохо подготовлен в ближнем бою.

Я собрал лучших, кто умел обращаться с оружием, радистов и т.д. С трудом противник был выбит с обороняемого участка, с потерями 7 человек во рву, а отступавшие немцы попали под огонь курсантов, занимавших оборону в окопах. В итоге вся разведывательная группа была уничтожена. В этом бою я получил ранение 14.10.1941 года, лёгкое сквозное ранение левой руки, был отправлен медицинским санитарным батальоном в полевой походный госпиталь, в город Родники Ивановской области, а затем в эвакогоспиталь 3782, в город Молотов (Пермь) на Урале 15 октября 1941 года. Закончив лечение, был направлен в распоряжение УрВО (Уральский военный округ), приказ №066 от 28.01.1942г. и назначен заместителем командира миномётного батальона 544-го стрелкового полка 152-й стрелковой дивизии. Мне было присвоено воинское звание   старший лейтенант (приказ № 0153 58 армии от 16.03.1942г.), затем очередное воинское звание   капитан (приказ № 0635 Карельского фронта).

25.11.1942г. В этой же, 152-й, СД проходил службу помощником начальника штаба артиллерии ЮЗФ (Юго-Западный фронт, приказ 14 армии № 01 от 6.01.1943 г.). Впоследствии переведён в 480-й стрелковый полк 152-й СД, начальником артиллерии полка с мая 1943 года по июль 1943 года. Боевые действия полка велись в обороне на правом берегу реки Северский Донец, противостояли немцам, пытавшимся форсировать реку.

Был назначен помощником начальника штаба артиллерии 34-го стрелкового корпуса 3-го Украинского фронта (приказ № 0134 от 29.02.1443 года). По ноябрь 1943 года находился на этой должности. Затем заместителем командира 462-го армейского миномётного полка, 46-й армии, 3-го Украинского фронта по январь 1945 года, где 8 июня1944 года получил воинское звание майора (приказ № 0389 3-го Украинского фронта).

С января 1945 года по июнь 1945 года находился на должности заместителя командира 107-го миномётного полка 7-й артиллерийской дивизии прорыва 3-го Украинского фронта (приказ №0214 от 20.01.1945 г.). Наш полк вёл ожесточённые бои с отступавшим противником.

9 мая 1945 года все услышали долгожданные слова об окончании войны. Это событие застало меня в горном районе Восточной Австрии, где сосредоточились власовцы, полицейские, старосты и иные изменники родины, которые не подчинились приказу о прекращении войны. Они заняли три горные высоты, где и вели оборонительные бои. Мы несколько раз пытались взять высоты, но, как только они замечали, что мы к ним лезем, сразу же скидывали камни. Сначала на нас летело 10 камней, через 100 метров уже 200, а через 200 метров   500 камней, потом обвал.

Мы запросили помощь и Главное командование. Спустя некоторое время нам дали три роты истребителей, каждой роте — по высоте. Когда авиация сделала своё дело, мы без труда поднялись в горы. Там — все было разбито, а оставшиеся в живых либо потеряли рассудок, либо...

Итак, война для меня закончилась 12 мая 1945 года.

Был я тогда заместителем командира 107-го миномётного полка 7-й артиллерийской дивизии в звании майора (командир дивизии генерал-майор Бобровникова). После окончания войны дивизия осталась на короткое время в Австрии. В июне 1945 года 7-я артиллерийская Запорожская Краснознамённая орденов Суворова и Кутузова дивизия РВГК (резерва Верховного главного командования) возвращается к временному месту дислокации в Молдавию, в село Тарутино.

К концу лета 1945 года дивизия передислоцировалась на Украину со штабом дивизии в селе Гайсин, бригадами в Гайсинском и Тульчинском районах. Дивизия и бригады занимались боевой подготовкой, осуществляли переформирование. Полки дивизии расформировываются вместо 107-го минометного полка, в состав дивизии пришла 47-я тяжёлая миномётная бригада (приказ ОДВО №011 от 7.01.1947г.).

Дивизия была скадрирована, т.е. в ней и бригадах остались кадры офицерского состава. В период 1947-49 гг. я проходил службу даже командиром батареи, имея воинское звание подполковника (приказ №0757 КАВС от 22.06.1949г.). В ноябре 1950 года восстановлен на должность командира дивизиона 47-й тяжёлой миномётной бригады 7-й арт. дивизии прорыва РВГК Прикарпатского военного округа (приказ ПрикВО №080 от 12.03.1949г.).

Дальнейшая служба проходила в 7-й артиллерийской дивизии. В 1950-51гг. — я слушатель Высших курсов командиров дивизионов в Ленинграде; в 1954-55 гг. — в распоряжении 10-го управления Генштаба на должности военного советника командира миномётного полка (Венгерская народная армия, приказ №0065 от 28.04.1954г.). В 1955-56гг. служу заместителем командира 47-й тяжелой минометной бригады 7-й арт. дивизии (приказ ПрикВО №0322 от 24.09.1955г.), в 1956-58 гг. — начальник штаба 47-й тмбр. (приказ ПрикВО №0125 от 28.03.1956г.). С 06.11.1959г командир 47-й тмбр. 7-й артиллерийской дивизии (приказ ПрикВО №0635 от 06.11.1959г.).

В соответствии с решением 4-й сессии Верховного Совета СССР от 1960г. «О сокращении вооружённых сил», директивой командующего войск ПрикВО № ОМУ/2/00558 от 28.04.1960г. 7-я АДПРВГК расформировывается.

Часть бригад, в том числе и 47-я тмбр. переформировывается в войсковую часть 54145 — ракетный полк стратегического назначения, коим доверено командовать мне (приказ ГКРВ №0430 от 18.07.1960г.) и в котором я служил до увольнения (12.03.1963 года) с полной выслугой лет (32 года, ст. 59 пункт «А» МО СССР №0338 от 12.03.1963г.) в звании полковника (приказ МО СССР №0279-1 от 3.61 года.).

Имею награды: орден Красной Звезды (приказ №087/Н 30.10.43 г.), орден Отечественной войны II степени (за боевые отличия, 03.04.44 г. приказ №051/Н), медаль «За взятие Будапешта» (9.06.45 г.), медаль «За победу над Германией» (9.05.45г.), медаль «За оборону Заполярья» (5.12.44г.), орден Красной Звезды Венгерской народной армии, орден Красной Звезды (за выслугу, 5.11.44 года), орден Красного Знамени (за выслугу, 30.12.56 г.), медаль «За боевые заслуги» (30.04.47 г.) и другие юбилейные медали.

Все родственники: отец, мать находились в глубоком тылу — в Алтайском крае, в городе Бийске. Отец член КПСС с 20-го года, участник гражданской войны, командир партизанского отряда. Награждён орденом Ленина, почётный гражданин г. Бийск, во время ВОВ был райвоенкомом.

После ухода в запас я фактически остался на службе в 7-й АДПРВГК на должности начальника музея дивизии и 13 лет был председателем совета ветеранов дивизии. Собирал материалы, воспоминания, личные вещи периода войны и другое от ветеранов дивизии.

На основании богатого материала (8 комнат музея) мною, по рекомендации собрания ветеранов, была написана книга «От Сталинграда до Восточной Австрии». Книга написана совместно с офицером

запаса Казенковым Петром Васильевичем и с великим трудом, при отсутствии средств для издания, в 1994 году издана Хмельницкой городской типографией в количестве 2000 экз. Путём самораспространения среди ветеранов дивизии, школьных музеев, было распространено 1000 экз., ещё 1000 экз. хранится в библиотеке 19-й ракетной дивизии (бывшая 7-я АДПРВГК) г. Хмельницкий, Украина.

После демобилизации работал на военном радиотехническом заводе в г. Хмельницкий начальником штаба ГО и диспетчером.

БОИ ЗА БУДАПЕШТ

Фашисты были окружены в Будапеште в конце 1944 года — начале 1945 года. Более 3-х месяцев мы их держали в окружении голодными, грязными, обовшивевшими. И противник решил выйти из окружения, прорвав наши позиции. Наш армейский полк 46-й армии участвовал в боях по окружению противника на Северо-западном участке.

Именно в этом направлении и начали выход немцы. Шли строем в колоннах. Их били, расстреливала пехота. Немцы перестраивались, теряя многих, но продолжали движение на северо-запад. В результате вышли на наши огневые позиции. С нашей стороны боевые расчёты организовали прикрытие позиций, а когда фашисты на них вышли, в ход пошли автоматы, карабины, армейские ножи....

В результате этой жаркой схватки много гитлеровцев было уничтожено, однако часть из них, изменив направление, продолжила движение, побросав своих раненых. Северо-западнее наших позиций подошедшие резервы пленили остатки выходящих из прорыва.

Май 2003 г.

В подготовке настоящих воспоминаний оказал помощь ***Мигулев Артем Геворкович***, студент 4-го курса Московского государственного строительного университета

Шелемотов Александр Сергеевич

ВНАЧАЛЕ ПОДУМАЛ, ЧТО ЭТО НАША ПЕРВАЯ РОТА

Я родился 24 ноября 1918 г. в многодетной рабочей семье в городе Переславль-Залесский Ярославской области. По окончании неполной средней школы поступил в ФЗУ при фабрике №5 «Фотокиноплёнка» и до призыва в ряды Красной Армии работал на этой фабрике родного города.

20 сентября 1938г. был призван в армию. Служил в 51-м Кяхтинском кавалерийском пограничном отряде в Забайкальском военном округе до начала Великой Отечественной войны. 8 июля 1941г. был направлен во 2-е Горьковское танковое училище, которое окончил 25 апреля 1943г. с присвоением воинского звания лейтенант.

Несмотря на желание начальника училища оставить меня в училище для использования на офицерских должностях, я рвался на фронт, отомстить фашистам за смерть двух братьев. Мою просьбу удовлетворили. Я был направлен в штаб бронетанковых и механизированных войск Брянского фронта, откуда получил назначение в 243-ю Пермскую танковую бригаду 10-го Уральского добровольческого танкового корпуса.

Горжусь тем, что в составе 62-й (243) гвардейской танковой Пермско-Келецкой Краснознаменной орденов Суворова, Кутузова и Богдана Хмельницкого бригады 10-го (30) гвардейского танкового Уральско-Львовского добровольческого корпуса 4-й танковой армии я прошел весь ее боевой путь, несмотря на ранение и контузии, ни на один день не покидая бригаду.

Участвовал в освобождении городов, сел, населенных пунктов на территории России, Украины, Польши, во взятии многих городов Германии, в форсировании рек Вислы, Одера, Нейсе, в завершении окружения Берлина и разгроме Берлинской группировки, в освобождении Праги. Участвовал в освобождении президентского дворца в Праге, был парламентером и принимал капитуляцию немецких офицеров и солдат городка СС (более 850 человек). Спасал Карлов мост, переправив через него три танка и сорвав попытку фашистов взорвать Прагу.

Придя командиром танкового взвода в 62-ю (243) танковую бригаду в июне 1943г., когда 10-й (30) танковый корпус заканчивал свое формирование в Подмосковье, в районе Кубинки, перед началом боев на Орловско-Курском направлении я прошел командные ступени: адъютанта, адъютанта старшего, начальника штаба танкового батальона и помощника начальника штаба бригады. В марте 1950г. с должности помощника начальника штаба бригады по оперативной работе был направлен в распоряжение штаба бронетанковых и механизированных войск Таврического военного округа.

Прошло почти шесть десятилетий, как отгремели последние выстрелы танковых пушек, залпы орудий, разрывы бомб, снарядов, мин и очереди стрелкового оружия, но до сих пор во сне и наяву перед глазами встают картины боев, лица людей, с которыми случалось вместе пройти по дорогам войны.

Память об однополчанах сохранится у меня на всю оставшуюся жизнь. Одни, захороненные в братских могилах по обочинам дорог, так и останутся в памяти молодыми. Ценою своей жизни они приближали победу.

С другими, кто, проявляя мужество и героизм, дошел до победы, кто «мечен» войной ранениями и контузиями, мы не раз встречались, отмечая годовщину Победы, юбилейные даты формирования армии, корпуса.

И всегда на этих встречах вспоминали каждого из тех, кто, проявляя великий патриотизм, в полной мере выполнил свой долг защитника Отечества.

Весной 1943 года трудящиеся Пермской области, формируя 243-ю танковую бригаду, дали воинам-добровольцам свой наказ:

«Сыны Урала, сегодня трудящиеся нашей области провожают вас в решающий бой за честь и независимость нашей Родины.

Наши деды и прадеды, наши отцы не раз выходили на грозный бой с иноземными захватчиками и вместе со всем русским народом всегда разбивали врага и со славой возвращались в родные дома.

В дни Великой Отечественной войны наш родной Урал стал становым хребтом обороны. Еще вчера мы вместе с вами ковали оружие для фронта, варили металл, добывали уголь и нефть, сплавляли лес, засевали поля во имя победы над немецкими полчищами. Сегодня мы посылаем на фронт лучших сынов Урала.

Быть бойцом, командиром Красной Армии — великая честь. Вы ее заслужили своим героическим трудом. Вы ее оправдаете мужеством и геройством в решающих схватках с ненавистным врагом.

Пройдет немного дней, и вы на бранном поле откроете счет великой мести за все злодеяния гитлеровцев, за все беды, которые они принесли на нашу землю.

Всегда и всюду помните, дорогие товарищи, что на вас мы возлагаем большие надежды. Мы не жалели средств, чтобы в короткий срок вооружить вас самой совершенной боевой техникой и снабдить всем необходимым. Святая любовь к Родине, желание приблизить час победы руководили нами в этом напряженном труде.

Сыны Урала, запомните наше напутственное слово: упорно и настойчиво овладевайте искусством ведения боя, изучайте и берегите вверенную вам военную технику, овладевайте военным искусством, современной тактикой маневренного боя, умело организуйте взаимодействие различных родов войск, будьте всегда верны долгу воинской чести.

Трудящиеся нашей области твердо верят, что вы оправдаете наши надежды и на полях решающих сражений еще раз увенчаете бессмертной славой наш могучий Урал, нашу любимую Родину — мать.

Вперед, боевые товарищи. Вперед на врага, сыны Урала! г. Пермь, май 1943 г.»

Наказ обсуждался на митингах и собраниях и подписывался лучшими представителями трудовых коллективов.

На партийных, комсомольских собраниях части и подразделений обсуждались слова клятвы воинов на верность землякам и отчизне:

«Родные наши уральцы, нам сынам своим, поручаете вы защиту советской Родины, свободы и независимости Отечества. Столетиями ковалась воинская слава Урала. Наши предки участвовали в Полтавской битве, переходили с Суворовым неприступные Альпы. Знамена Екатеринбургского и Пермского полков развевались на полях битв с Наполеоном. Не жалея крови и жизни своей, отцы наши отстаивали молодую Советскую власть. Вы доверили нам повести на немецко-фашистских захватчиков грозные боевые машины. Мы оправдаем ваше доверие и клянемся быть образцом воинской дисциплины. Свято соблюдать порядок и организованность. В совершенстве овладеть боевой техникой. Мы не дрогнем в боях за русскую землю. Не пожалеем крови и самой жизни ради свободы и счастья нашего народа, ради полного освобождения родной земли от немецких захватчиков.

Клянемся отомстить врагу за разрушенные города и села, за пытки и слезы стариков и детей, сестер и матерей. Мы ничего не забудем, ничего не простим немецким варварам.

Клянемся в решающих боях с ненавистным врагом быть в первых рядах защитников Родины. Мы не опозорим вековую славу уральцев. Мы выполним ваш наказ и вернемся на родной Урал только с победой!

Сегодня, произнося слова нашей клятвы, мы верим, что вы и впредь будете своим самоотверженным трудом приближать час победы.

Смерть немецким захватчикам!

Да живет и здравствует наша любимая Родина, ее свобода и независимость!

Май 1943г.»

1-го июня 1943 года в Перми, на площади Окулова, где ныне раскинулся сквер Уральских добровольцев, первый секретарь Пермского обкома компартии Гусаров Н.И. зачитал Наказ и от имени воинов-добровольцев, командир бригады подполковник Приходько В.И., преклонив колено, дал торжественную клятву вернуться на родной Урал только с победой. Воины 243-й танковой бригады с честью выполнили эту клятву, вписав не одну славную страницу в летопись боевых подвигов своей части.

Начав свой боевой путь в орловских боях в составе Брянского фронта 27 июля 1943 года, бригада получила приказ: действуя на правом фланге корпуса, наступать в направлении Лунево-Коноплянка-Рылово, форсировать реку Орс и развивать наступление на Руднево-Скородумка и после форсирования реки Нугрь наступать в направлении на Злынь. Боевые действия бригады поддерживались 356-м самоходно-артиллерийским полком.

Там начался боевой путь бригады, свершение первых боевых подвигов и первые потери друзей и товарищей на полях сражений.

По окончании операции, 8-го сентября 1943 года на общем построении бригады были вручены ордена и медали воинам, отличившимся в этих боях. Среди них были: В. К. Лапчук, М. И. Елкин, П. И. Осипов, М. И. Бастрыкин, П. Н. Цапко, Г. И Мотырев, И. Я. Никонов, В. А. Даллакян, М. Н. Бойко, В. Марков.

После завершения боев в ходе Орловской операции бригада, как и весь корпус, была выведена в резерв ставки Верховного Главнокомандующего. Совершив 120- километровый марш, 13-го сентября она сосредоточилась в лесу, недалеко от станции Судимир, а к исходу 4-го октября 1943 года в большом лесном массиве в 1,5-2 км от железнодорожной станции Белые берега, юго-западнее Брянска. Подводились итоги боев, готовились к новым боям и ждали для этого пополнения личного состава, боевой техники и оружия.

26 октября личный состав бригады выстроился на поляне Брянского леса, где в торжественной обстановке был зачитан приказ Народного комиссара обороны СССР о преобразовании корпуса и бригад в гвардейские. Корпус получил наименование 10-го гвардейского Уральского добровольческого танкового, а наша бригада — 62-й гвардейской Пермской танковой.

Офицерам, сержантам и солдатам бригады были вручены знаки «Гвардия».

1-го февраля 1944 года части корпуса разгрузились с железнодорожных эшелонов и сосредоточились в районе Васильково-2 Киевской области. Бригада сосредоточилась в большом украинском селе Лип — Скиток, а к середине февраля туда прибыли с Урала маршевые роты с танками.

Приказом Верховного Главнокомандующего 10-й гвардейский Уральский добровольческий танковый корпус из резерва вводился в состав 4-й танковой армии и передавался в подчинение командующему 1-м Украинским фронтом, в составе которого части корпуса и наша бригада прошли весь оставшийся боевой путь.

28-го февраля бригада была переброшена по железной дороге и сосредоточилась в районе деревни Сураж, в 8-12км от передовой, а 5-го марта после получасовой обработки переднего края обороны противника огнем артиллерии и танков части 60-й армии прорвали оборону немцев. Танки бригады, обойдя с востока город Ямполь, вошли в прорыв, имея задачу вести наступление в направлении Волочиска,

оседлать железную и шоссейную дороги Проскуров-Тернополь и отрезать, таким образом, пути отхода войск Проскуровской группировки на запад, не дать противнику возможность подбрасывать подкрепления и резервы по этим коммуникациям. Весеннее солнце разбудило спавшую землю, поэтому большому количеству танков двигаться по грунтовым дорогам было очень трудно. Первые два-три танка еще проходили по одной колее, следующие своими днищами «пахали» землю.

Особенно трудно было двигаться в низинах. Приходилось искать объезды. Иногда 3-5 километров такого пути с трудом преодолевали за несколько часов. Маневренность танков снижалась еще из-за того, что на каждом из них горой возвышалось по 16 ящиков со снарядами, а на бортах крепилось по 2 бочки с горючим (газойлем).

Преследуя отходящего противника, 8-го марта бригада вышла к городу Антонины и стремительной атакой овладела им.

В 6.00 9 марта после короткой разведки подступов к городу Красилов и получения предварительных сведений о противнике бригада, по сигналу серии ракет, атаковала город. Первой в город ворвалась рота гв. ст. лейтенанта Н.Г. Аристова. Взвод гв. лейтенанта Н.Н. Барышева наступал на правом фланге вдоль дороги, уступом влево наступали два других: мой на левом фланге и взвод А.И. Бондаренко — в центре.

Первый танк взвода Н.Н. Барышева подорвался на фугасе. Взрывной волной башню танка отбросило на несколько метров.

Открыв интенсивный огонь, немцы рассчитывали задержать нас на окраине города, но наша стремительная атака сорвала их планы. Овладев домами на западной окраине, мы получили возможность полнее использовать огневую мощь наших «тридцатьчетверок». Наше продвижение к центру вынудило противника вывести свои танки и самоходки из ранее подготовленных укрытий. Этим воспользовались командиры танков: гв. младший лейтенант В.С. Лихолитов подбил немецкий танк, а гв. лейтенант Г.А. Белов уничтожил самоходку.

Противник активизировал свои действия на левом фланге. Его противотанковые орудия держали под обстрелом всю местность вдоль дороги. Вот уже задымился наш танк из взвода гв. л-та А.И. Бондаренко.

После наблюдения удалось засечь место, откуда вело огонь одно вражеское орудие. После двух моих выстрелов оно замолчало. В результате точного попадания одного из экипажей 3-го танкового ба-

тальона взлетели вверх остатки другого орудия. Наши танки, наступавшие на правом фланге, прорвались к центру города. После уничтожения орудий противника продвинулись вперед и подразделения левого фланга.

Немцы сосредоточили все свои средства на этом рубеже. Укрыв танки и самоходки за домами вдоль дороги, а противотанковые средства на левом фланге, они пытались задержать нас здесь, но, пожалуй, ничто уже не могло остановить боевого порыва танкистов-добровольцев. Немецкие танки и самоходки, отстреливаясь, начали отходить к восточной окраине города, но и тут их настигают наши снаряды: загораются два танка и самоходки противника. Центр города уже в наших руках. Однако накал боя не ослабевает. «Тридцатьчетверки» лавиной обрушиваются на противника, но он не сдается.

В смертельной агонии враг пытается изменить ход боя. Комбриг гв. подполковник Денисов усиливает натиск, вводя в бой свой резерв. Противник отходит по дороге в направлении села Западинцы.

К 10.00 утра город Красилов был полностью очищен от фашистов.

Умело и грамотно руководили действиями своих подразделений командиры танковых батальонов: гв. майор Б.К. Андреев, гв. майор Г.А. Красильников, гв. капитан М.Н. Бойко, адъютант старший (начштаба батальона) гв. ст. лейтенант П.И. Осипов, командиры танковых рот: — гв.ст. лейтенант Н.Г. Аристов, гв. ст. лейтенант М.И. Елкин, лейтенант И. И. Быков. Смело и решительно действовали командиры танковых взводов гв. лейтенант Н.Н. Барышев, гв. лейтенант А.И. Бондаренко, гв. лейтенант И.А. Ельчанинов, гв. лейтенант М.И. Бастрыкин, гв. лейтенант В.Д. Богданов, гв лейтенант Б.П. Благодарев; командиры танков: гв. мл. лейтенант В.С. Лихолитов, гв. мл. лейтенант Г.В. Быстревич, гв. мл. лейтенант М.И. Виноградов, гв. мл. лейтенант А.А. Постольник, гв. мл. лейтенант Н.С. Толстенко и их экипажи — командир роты автоматчиков гв. ст. лейтенант Острецов, ком. взвода автоматчиков гв. лейтенант Н.Н.Богданов, командир взвода гв. ст. сержант В.А. Даллакян, автоматчик гв. рядовой А.А. Мелехин и многие другие. После пополнения боекомплекта и дозаправки баков горючим бригада получила приказ: овладеть селом Западинцы, перерезать Проскуровское шоссе и не дать противнику возможность использовать его для переброски в Проскуров живой силы, боевой техники и боеприпасов.

Выслав боевой разведывательный дозор, в 20 часов 9 марта 1944г. бригада устремилась вперед. К полуночи бой завязался на подступах к селу Западинцы. Немцы встретили нас интенсивным огнем танков,

самоходок и противотанковой артиллерии. Овладеть селом с ходу, как рассчитывали, не удалось. С боем зацепились за отдельные дома окраины села. Три дня вели бой за каждый дом, чтобы выйти к противоположной окраине села и перекрыть шоссейную артерию, но противник подбрасывал к селу все новые и новые подкрепления, стремясь отбросить нас с занимаемого рубежа — половины занятого села. Только на четвертый день нам на помощь подошел батальон 23-й мотострелковой бригады, и совместной атакой бригада выбила немцев из села, с десантом на броне выскочила на Проскуровское шоссе и «оседлала» его.

Большой ценой была куплена эта победа: в ходе трехдневных боев бригада потеряла 7 танков и более 50-ти солдат и офицеров.

Благодарные жители села помнят о своих освободителях. В центре села установлен памятник: на пьедестале стоит коленопреклоненный солдат с автоматом и каской в руках, а перед ним две мраморные надгробные плиты, на которых высечены 129 фамилий солдат и офицеров нашей бригады и 23-й мотострелковой. Среди них фамилии гв. майора Г.А. Красильникова (командира нашего танкового батальона), командира танка моего взвода гв. мл. лейтенанта В.С. Лихолитова и девяти бойцов из экипажей моего взвода.

В селе оборудован музей боевой славы 62-й гвардейской танковой бригады, в котором хранятся личные вещи многих ее воинов. Ежегодно в село до сих пор приезжают родственники захороненных в братской могиле воинов.

Следопыты клуба «поиск» при средней школе села разыскали более 75 семей родственников погибших и более 260 ветеранов нашей бригады и корпуса.

За заслуги при освобождении села, активную помощь в проведении военно-патриотической работы и организации музея боевой славы решением сельского совета народных депутатов командиры танковых взводов гв. лейтенант. И.А. Ельчанинов и гв. лейтенант. А.С. Шелемотов избраны почетными гражданами села Западинцы.

Решением городской рады города Красилова 5 мая 1995г. командир танкового взвода А.С. Шелемотов и механик-водитель танка П.Г. Лященко избраны почетными гражданами города Красилова.

Курс гвардейцев на Львов

В ночь с 16 на 17 июля 1944 года 62-я гвардейская танковая бригада передислоцировалась ближе к фронту и сосредоточилась в лесу

у населенного пункта Нуще. Рано утром 17 июля, действуя в авангарде главных сил корпуса, вошла в прорыв, сделанный общевойсковыми соединениями. Так началась, для нас, Львовско — Сандомирская операция. Ширина так называемого Колтувского коридора достигала всего 4-6 км, а в некоторых местах суживалась до 2-3 км. Части и соединения, вошедшие в прорыв, обстреливались не только артиллерийским и минометным огнем, но в некоторых местах насквозь прошивались пулеметными очередями.

Действия наших подразделений были затруднены еще и тем, что корпус двигался за частями 3-й гвардейской танковой армии генерала П.С. Рыбалко (при входе в прорыв), а шедший ночью дождь размыл и размесил все дороги. Приходилось искать объездные пути, прокладывать новые маршруты.

Наступая за передовым отрядом — 61-й гвардейской танковой бригадой, 17 июля пермяки вошли в Золочев. Преследуя отходящего противника, 62-я гвардейская танковая бригада (без 2-го танкового батальона) перерезает железную дорогу Львов — Тернополь и совместными усилиями с 63-й танковой бригадой 18 июля овладевает населенными пунктами Лацке, Великая Ольшаница.

Подошедшими резервами немцы предпринимают ряд контратак, трижды врываются в Великую Ольшаницу, но каждый раз гвардейцы вышвыривают их оттуда. Развивая наступление, бригада освобождает населенные пункты на подступах к Львову и рано утром 22 июля во взаимодействии с 63-й гвардейской танковой бригадой, 29-й гвардейской мотострелковой бригадой и 72-м гв. отдельным танковым полком начинает штурм г. Львов.

Окруженная в районе г. Броды немецкая группировка войск в составе восьми дивизий под ударами наших войск стала отходить на юг, пытаясь вырваться из кольца окружения через г. Золочев в лесной массив. Предвидя это, командир корпуса выдвинул к населенному пункту Красное 61-ю гвардейскую танковую бригаду для усиления частей 60-й армии, а наш 2-й танковый батальон, под командованием гв. майора П.П. Шотина, усиленный артиллерийской батареей и ротой автоматчиков, оставил в г. Золочеве для поддержки армейских артиллерийских и минометных частей с задачей не дать противнику прорваться на Золочев и не допустить подхода частей с юга для оказания помощи окруженным немецким войскам.

Заняв оборону на северной и северо-западной окраине города, мы сразу же приступили к организации взаимодействия с артиллерийскими и минометными частями, оставленными на южном крыле и расположившимися правее нас, в садах, за шоссе Золочев — Броды.

Батальон с приданными подразделениями приступил к оборудованию основных и запасных укрытий для танков и артиллерии, а автоматчики отрывали себе окопы в садах за домами, к которым почти вплотную подступало пшеничное поле.

К исходу дня 18 июля поступили сведения о том, что немцы подтягивают свои резервы с юга с целью выхода на Золочев и прорыва кольца окружения Бродской группировки войск.

Взвод гв. лейтенанта И.А. Ельчанинова получил задачу вести разведку в южном направлении, войти в соприкосновение с противником, определить его силы, основные районы сосредоточения и вероятные маршруты движения. Получив все эти данные, совместно с артиллеристами и минометчиками начать готовиться к встрече противника.

19 июля передовые отряды, используя лесной массив, подходивший к городу, появились у его южной окраины. Залпами гвардейских минометов, артиллерийских установок и танков был произведен мощный огневой налет по сосредоточившемуся противнику, который намеревался атаковать наши боевые порядки.

Контратакой танков и самоходок мы обратили врага в бегство. Фашисты оставили на поле боя разбитые самоходки, бронетранспортеры, покореженные артиллерийские установки и более сотни трупов.

К вечеру к северной окраине Золочева стали выходить из окружения отдельные солдаты и офицеры. Из допросов их узнали, что окруженные войска, теснимые нашими частями, отходят в южном направлении и будут пытаться прорывать кольцо окружения в районе Золочева.

Оставив небольшое прикрытие на южной окраине города, мы все основные силы ночью сосредоточили на северной и северо-западной окраинах. Туда вплотную подступало поле, засеянное пшеницей. Она стояла сплошной стеной, почти в рост человека. Налившиеся колосья издавали специфический запах, настраивавший на мирный лад. Очень не хотелось, чтобы вражеский солдат топтал наше поле своими сапогами.

Утром 20-го июля к Золочеву стали уже прорываться отдельные группы фашистов. Пробираясь по пшенице, они выходили прямо к садам на окраине города. Ведя автоматный огонь, гитлеровцы пытались прорваться через наши боевые порядки. Пришлось всех офице-

ров, сержантов и солдат штабных и хозяйственных подразделений направить на помощь танкистам. В одной из таких групп удалось взять в плен немецкого генерала, которого тут же отправили в штаб корпуса. Некоторые фашисты, выйдя из пшеницы, бросали оружие и поднимали руки.

Кстати, среди них встречались офицеры и солдаты 14-й дивизии «Галичина» войск Украинской повстанческой армии. Они объясняли, что попали в немецкую армию, будучи ранеными.

Артиллеристы и минометчики, стоявшие в садах и в лесочке за дорогой, также вынуждены были взяться за личное оружие. Немцы, встретив сильный огонь танкистов и автоматчиков, стали по полю отходить к восточной окраине и, перевалив через дорогу, которая проходила в глубоком дефиле, выходили прямо на их огневые позиции... Пришлось срочно перебросить им на помощь два танка, которые, курсируя по дороге, помогали артиллеристам и минометчикам встречать непрошеных гостей.

К полудню немцы, теснимые нашими войсками с севера, уже при поддержке самоходок, бронетранспортеров и артиллерии предприняли несколько попыток прорваться через северную окраину города, но, понеся большие потери, вынуждены были отойти. Ввиду того, что кольцо окружения все более и более сужалось, противник, отказавшись от любых контратак, стал смещаться влево, задумав обойти город и вырваться из окружения по лощине западнее Золочева. Комбат попросил артиллеристов и минометчиков перенести огонь на подходы к лощине и, оставив на северной окраине города несколько танков, остальные сосредоточил ближе к западной окраине. Всю мощь мы обрушили на врага, скопившегося в лощине. Оставив подбитую технику и сотни трупов, немцы откатились к лесочку.

Отвергая предложения о капитуляции, они приложили отчаянные усилия найти брешь для прорыва. Лес в 2-3 км северо-западнее города и лощина западнее его являлись самым подходящим местом. Оценив это, мы договорились с самоходчиками и артиллеристами оставить на северной окраине небольшой подвижной отряд, а все танки, самоходки и артиллерию сосредоточить на северо-западной окраине. Это решение полностью себя оправдало. В течение 20 и 21 июля фашисты проводили одну за другой контратаки, выходя к этой лощине, но каждый раз, оставляя убитых и исковерканную технику, откатывались назад

Мужество и стойкость проявили в этих боях танкисты, артиллеристы, минометчики и автоматчики.

Особенно следует отметить действие танкистов роты гв. ст. лейтенанта Н.С. Щербаня, уничтоживших в этих боях 6 самоходок, 6 бронетранспортеров, 7 противотанковых пушек, 12 автомашин, 35 повозок, до 300 солдат и офицеров и большое количество стрелкового оружия; танкистов взводов под командованием гв. ст. лейтенанта Н.И. Гараймовича, гв. лейтенанта С.И. Рябинина, гв. лейтенанта М.И. Бастрыкина, гв. лейтенанта И.А. Ельчанинова; экипажи, которыми командовали гвардии мл. лейтенант М.И Есаулов, гв. мл. лейтенант В.В. Моченый. Большими мастерами танкового огня показали себя командиры орудий Григорий Борисенко и Анатолий Андреев. Погвардейски били пехоту врага начальник связи гв. лейтенант Николай Варфоломеев со своими связистами Николаем Муховиковым и Иваном Мерзляковым. Отважно сражались бойцы взвода обслуживания, ремонтники и хозяйственники. Все это позволило батальону достойно выполнить поставленную командованием задачу.

Командарм Д.Д. Лелюшенко в книге «Москва — Сталинград — Берлин — Прага» дал высокую оценку действиям наших танкистов, артиллеристов и минометчиков по уничтожению Бродской группировки противника: «Вся лощина от Золочева в направлении Львова была покрыта трупами вражеских солдат и офицеров. Это была работа гвардейских минометчиков Героя Советского Союза И.С. Юфы и И.Ф. Ягишина, танкистов С.А. Денисова (наш батальон), Доропея, артиллерийской бригады и отдельных частей армейского подчинения.» И далее: «О напряженности боев свидетельствует тот факт, что с 20 по 21 июля наши танкисты и артиллеристы уничтожили около полусотни вражеских танков, бронетранспортеров, 62 орудия и минометов».

Впереди Одер

12 января 1945 г. войска 1-го Украинского и 1-го Белорусского фронтов начали Висло-Одерскую операцию. Фронтам предстояло окончательно изгнать гитлеровских оккупантов с польской территории.

62-я гвардейская танковая бригада с частями 10-го гвардейского танкового корпуса, стремительно развивая наступление, овладевает населенными пунктами Забвожье, Брудзув, Воля-Моравица. Форсирует реку Чарна-Нида, что дало возможность вбить клин в Кельце-Радомскую группировку противника. Во второй половине дня 15 января бригада овладевает важным узлом коммуникаций, сильным опорным пунктом противника городом Кельце. Приказом Верховного

Главнокомандующего личному составу корпуса объявляется благодарность, а бригада за проявленный героизм получила почетное наименование — Келецкая.

Хотя противник и понес ощутимые потери, отходя, он продолжал оказывать упорное сопротивление. Тем самым стремился дать возможность своим частям подготовить к активной обороне рубеж по реке Пилица. Необходимо было нанести сокрушительный удар по остаткам Кельце- Радомской группировки, лишить ее возможности ухода за реку Пилицу.

Командиром корпуса бригаде была поставлена задача: не вступая в бой с крупными силами противника, стремительно прорваться вперед, выйти северо-западнее города Коньск и совместными действиями с частями 1-го Белорусского фронта замкнуть кольцо окружения.

По приказу командира бригады я со взводом гв. л-та С. Н. Рябинина выехал для встречи с представителем нашего правого соседа. Двигаясь на максимальной скорости, обходя отдельные опорные пункты противника, мы прошли по его тылам более 60-ти километров. И 16 января к полудню прибыли в назначенный район. Через два — три часа к нам также со взводом танков подъехал представитель 1-го Белорусского фронта генерал майор (фамилию, к сожалению, не помню), которого я вскоре и доставил к командиру нашей бригады. Они уточнили все вопросы взаимодействия.

Выход наших танков в глубокий тыл врага был настолько для него неожиданным, что когда бригада окружила Коньск и роты Н.С. Щербаня и С.Сушко ворвались на улицы города, фашисты, почти не сопротивляясь, поспешили сложить оружие. Командир бригады, ознакомившись с обстановкой, поставил на местности конкретную задачу каждому батальону и подразделениям.

Прикрыв северо-западную и северо-восточную окраину первым танковым батальоном, С.А. Денисов все остальные силы бригады сосредоточил на южной и юго-восточной окраинах города. Мы с командиром батальона приступили к осмотру и изучению местности перед юго-восточной окраиной, куда, по нашему предположению, должны были выходить немцы, теснимые частями двух фронтов.

Танкисты приступили к тщательной маскировке своих машин, к подготовке для них основных и запасных позиций. С наступлением сумерек к городу стали подъезжать отдельные повозки. Для встречи их создали специальную команду. Без всяких выстрелов автоматчики встречали повозки у крайних домов, спешивали ездовых и отводили их

в заранее подготовленные подвалы домов, а повозки направляли на другую окраину города. Это были тыловые подразделения противника.

К ночи к городу стали подходить отдельные подразделения. Весь личный состав нашего батальона с обслуживающими и приданными подразделениями мотострелкового батальона, разведчиками и саперами включился в боевые действия по уничтожению фашистов, стремящихся прорваться через город. Сложивших оружие фашистов направляли в глубь города, где их собирали под охраной в подвалах домов. Рано утром до города стали долетать снаряды танков и артиллерии наших частей, преследующих противника. Все яснее стал прослушиваться шум боя. Мы уже чувствовали, что немцы вот-вот должны подойти к окраине города.

Танкисты роты Щербаня зорко наблюдали за складывающейся обстановкой и готовились достойно встретить врага, имея в виду, что противник постарается использовать город как опорный пункт. Так оно и получилось. Едва забрезжил рассвет, орудийная канонада вплотную приблизилась к окраине Коньска.

Первыми показались вражеские артиллеристы, намерившиеся выбрать себе боевые позиции. Не успели их автотягачи отойти от своих орудий, как меткими выстрелами экипажей взводов Сергея Рябинина и Николая Семенова их пушки были исковерканы, а расчеты в панике разбежались.

Придя в себя, они попытались оказать сопротивление, но наши автоматчики укротили их пыл. Пока разделывались с артиллеристами, к городу стала подходить пехота, а за ней показались и танки.

Огонь наших «тридцатьчетверок» с тыла на некоторое время ошеломил фашистов и привел в замешательство, но, поняв, что попали между двух огней, они развернули свои орудия на город и устремились вперед. Только наш батальон под командованием И.П. Шотина уничтожил в этих боях более 20 танков, свыше 20 орудий, до 400 солдат и офицеров, захватил 18 автомашин, около 100 повозок, взял в плен свыше 250 фашистов.

Настоящими героями показали себя офицеры: Николай Щербань, Сергей Рябинин, Семен Сушко, Михаил Бастрыкин, Юрий Ахапкин, Михаил Разумовский, Василий Моченый, Иван Ельчанинов, сержанты: Василий Бублик, Григорий Борисенко, Михаил Кузнецов, Анатолий Андреев, Виталий Коростылев, Юрий Ефремов, которые вместе со своими боевыми товарищами меткими выстрелами и гусеницами грозных машин нанесли ощутимый урон технике и живой силе врага.

Шел пятый день непрерывных боев. Чувствовалось, что танкисты, особенно механики-водители, очень устали. И вот ночью 18 января на подходе к городу Парадыз наш батальон, двигавшийся в передовом отряде, неожиданно остановился.

Случались и до этого остановки, но они были кратковременными, когда что-то уточнялось или поступала информация от разведки. А тут заминка затянулась, и комбат приказал мне уточнить ее причину. Пройдя в голову колонны, я обнаружил, что нет 1-й танковой роты, а механик-водитель головного танка 2-й танковой роты уснул за рычагами и остановил свой танк. За ним остановились и другие. Обстановка оказалась запутанной — неизвестно куда ушла 1-я танковая рота.

Пока все это я уточнял и выяснял, по возвращении к комбату увидел серые силуэты танков. Вначале подумал, что это наша первая рота. Но, немного приблизившись к ней, обнаружил, что это не «тридцатьчетверки», а немецкие «звери» всех систем.

Быстро доложил комбату, и без всякого шума собрали командиров взводов, танков, определили каждому цели, по которым они должны сделать первые выстрелы. Через считанные минуты по выстрелу командира взвода гвардии лейтенанта Ельчанинова наши танки открыли прицельный огонь по немецкой колонне.

Сразу же было подожжено восемь вражеских машин. Остальные в полной растерянности рассыпались по лощине и бросились наутек. В ходе преследования были подбиты еще три танка. Мы боялись, что отступающие немцы могут застать врасплох ушедшую вперед нашу танковую роту. Но гвардии старший лейтенант Н.С. Щербань, предупрежденный по радио и услышавший перестрелку, сразу же занял оборону на опушке леса, которого его рота к этому времени достигла. Поэтому, когда уходящие фашистские танки стали подходить туда, рота открыла по ним огонь. После непродолжительного боя на лесной опушке остались дымиться еще семь немецких танков. Большая заслуга в этом была снайперов танкового боя — старших сержантов Григория Борисенко и Анатолия Андреева.

На плечах отступающего противника бригада совместно с частями корпуса овладевает городом Парадыз. А уже во второй половине дня 22 января бригада заменяет в передовом отряде 63-ю гвардейскую танковую бригаду и, развивая ее успех, в ночь на 23 января наносит сильный удар по противнику и овладевает городом Милич.

Пока первый и второй танковые батальоны очищали город от гитлеровцев, батальон М.И. Елкина, не давая противнику возможности использовать какой-либо выгодный рубеж для организации обороны, продолжал его преследование. В первой половине дня 23 января взвод гвардии лейтенанта Никитченко, действовавший в разведке, при подходе к городу Трахенберг был остановлен огнем танков и артиллерии врага.

С подходом основных сил бригады второй и третий танковые батальоны при поддержке первого танкового батальона, артиллеристов и минометчиков ворвались на его северо-восточную окраину. Командир танка Ю.А. Ахапкин, заменивший раненного Н.И. Гараймовича, со своим взводом, подбив два танка, бронетранспортер и два противотанковых орудия, прорываются к центру города. Поддерживая действия своего товарища, взвод гвардии старшего лейтенанта Н.С. Семенова поджигает 2 бронетранспортера, уничтожает противотанковое орудие, более 50 вражеских солдат и офицеров.

Фашисты попытались открыть по нашим танкам стрельбу из фаустпатронов, однако эта тактика нам была уже знакома. Заранее подготовленные группы из автоматчиков, саперов, связистов и танкистов, оставшихся без матчасти, не оставили без внимания все подозрительные места, откуда они могли вести огонь. Эти действия позволили танкистам действовать увереннее. Нескольким танкам и бронетранспортерам противника удалось выскочить из города.

В преследование командир роты Н.С. Щербань, назначает взвод Ю.А. Ахапкина. Но танкистам удается подбить только один бронетранспортер. Подразделения бригады еще занимались подавлением отдельных очагов сопротивления, а нашему второму танковому батальону комбриг отдал приказ развивать наступление и овладеть городом Винциг. Перед самыми сумерками рота Н.С. Щербаня врывается в город. Застигнутый врасплох противник в панике начал разбегаться из города во все стороны.

Выйдя на противоположную сторону города, мы успели только обнаружить два бронетранспортера, уходящих на предельной скорости в сторону леса. Командир орудия Григорий Борисенко один успел подбить, а другой скрылся в лес. С подбитого бронетранспортера удалось задержать нескольких солдат и офицеров. У одного из них оказалась карта с предмостными укреплениями перед Одером, которая нам очень пригодилась при выполнении последующей задачи.

Да, немцы не ожидали нашего прихода в Винциг. В большинстве домов уже горел свет, который жители могли включить незадолго до нашего прихода, ибо ворвались мы в город, когда сумерки только наступали: работали радиоприемники, на кухнях готовилась к ужину

пища. Казалось, люди на минутку вышли к своим соседям. Все это подтверждало, что гарнизон города и жители не ожидали, что наши войска так быстро окажутся в 30-ти километрах от их главного оборонительного рубежа   реки Одер, на который они возлагали большие надежды.

Прибывший с основными силами комбриг собрал комбатов с начальниками штабов и, уточнив маршруты и вопросы взаимодействия, поставил каждому батальону конкретную задачу на дальнейшее наступление. Второй танковый батальон, усиленный ротой автоматчиков и взводом саперов, получил приказ наступать в направлении города Штейнау, преодолеть предмостные укрепления и выйти к Одеру. Далее, используя элемент внезапности, захватить мосты через реку и совместно с другими батальонами бригады и частями корпуса овладеть городом Штейнау   важнейшим оперативно-тактическим оборонительным рубежом врага.

Пополнив боекомплект и дозаправив танки горючим, личный состав бригады в ночь на 24 января повел грозные машины на Одер. Впереди с десантом на танках двигался взвод гвардии лейтенанта С.И. Рябинина. Мастерски вел командирскую «тридцатьчетверку» механик-водитель Василий Давыдов.

Первые два десятка километров батальон прошел по шоссейной дороге, а с подходом ближе к Одеру свернул на просёлочную дорогу. В 3-5 километрах от реки продвижение резко замедлилось, так как вся местность была насыщена различными инженерными сооружениями. Вырытые противотанковые рвы делили её на квадраты, как шахматную доску. Единственная полевая дорога в этом лабиринте с обеих сторон была окружена глубокими рвами.

В этих условиях каждый метр пути приходилось преодолевать с большими предосторожностями. Очень помогла карта, захваченная у немецкого офицера, на которой были нанесены предмостные сооружения. Немцы в некоторых местах на многие десятки метров заминировали дорогу. Чтобы не терять время на разминирование, саперы с автоматчиками делали объездные пути, обеспечивая продвижение танков.

Нужно было во что бы то ни стало использовать внезапность и под покровом темноты, пока противник не обнаружил нас, выйти к реке. На рассвете 24 января взвод С.Н. Рябинина, сбив боевое охранение врага, прорвался к отдельным домам на правой стороне Одера и дал возможность батальону сосредоточиться в непосредственной близости от моста. Проведя короткую рекогносцировку, комбат от-

дает приказ командиру 2-й танковой роты овладеть мостом и захватить плацдарм на левом берегу Одера.

По установленному сигналу танки на большой скорости ринулись к мосту. Однако, когда первые машины достигли его, раздался оглушительный взрыв, и первые фермы моста рухнули вниз, а артиллерия противника, имея хороший обзор, с противоположного берега открыла прицельный огонь. Комбат отдает приказ командиру 1-й танковой роты овладеть шоссейным мостом, находящимся в нескольких сотнях метров от железнодорожного.

Выход танков к шоссейному мосту производили при огневой дуэли. Вражеская артиллерия вела огонь по нашим «тридцатьчетверкам». Наши танкисты в долгу не оставались. Положение резко ухудшилось, когда над нами «зависла» авиация немцев. Их самолёты группами по 6-8 единиц не только подвергали нас бомбардировке, но и, пролетая на бреющем полёте, обстреливали из пулемётов. Вражеская пехота из стрелкового оружия вела интенсивный огонь.

Разведка установила, что мост минирован, его охрана окопалась неподалёку от берега. Значит, все должна решить внезапность действий и скорость. Это и было поставлено в основу готовящейся атаки. Но не успел отдать свой последний приказ комбат гвардии майор Павел Павлович Шотин. Высунувшись из люка башни, он получил смертельное ранение в живот. Подоспевший санинструктор Е.Н. Краснова оказала ему первую помощь и отправила в медсанвзвод бригады, но спасти комбата не удалось.

Приняв на себя командование батальоном, я отдал приказ командиру роты Н.С. Щербаню выдвинуть свои танки как можно ближе к мосту, а 2-й роте поддержать своим огнём атаку 1-й роты и блокировать охрану моста. По сигналу взвод гвардии лейтенанта С.Н. Рябинина на предельной скорости врывается на мост и выскакивает на противоположный берег. За ним проскакивают два танка из взвода Н.С. Семёнова. К месту устремляются другие танки роты.

Но, в это время раздаётся сильный взрыв. В воздух взлетают куски металла и глыбы бетона. Когда всё это улеглось, то оказалось, что разрушен первый пролёт моста. Проскочившие на левый берег пять наших танков во главе с С.Н. Рябининым и небольшая группа автоматчиков под командованием гвардии лейтенанта Волошина повели неравный бой на улицах города. А мы ничем не могли им помочь, не имея никаких средств для переправы.

Сергей Николаевич Рябинин за смелость, отвагу и мужество, проявленные в боях при замыкании кольца окружения Кельце-Радом-

ской группировки и прорыв первым по заминированному мосту на западный берег Одера, командованием бригады был посмертно представлен к высшей правительственной награде — званию Героя Советского Союза. К сожалению, награжден он был только орденом Отечественной войны первой степени. Мы свято чтим память об этом отважном воине.

После взрыва моста комбриг выслал пешую разведку выбрать место для форсирования Одера автоматчиками на подручных средствах. Выбрали для этого место южнее моста, в 2-х километрах от города. Участок реки здесь был с неразрушенным ледяным покровом и не очень широким. Остаток дня все занимались сбором досок, бревен, жердей и других подручных средств, которые можно использовать при форсировании реки. Вязали фашины из прутьев и хвороста. Вечером подтянули к этому участку танки 2-го танкового батальона.

Позднее офицеры мотострелкового батальона автоматчиков В.К. Фоменко, А.С. Ермилов, Н.П. Сергиенко привели на исходные позиции две роты автоматчиков, истребительно-противотанковую артиллерийскую батарею и минометную роту, которые принесли с собой разные подручные средства для переправы. Лед был тонкий, и ни в коем случае нельзя было допустить даже небольшой скученности людей.

В 24.00 24 января без единого выстрела автоматчики, используя подручные средства, начали продвижение на противоположный берег. Пройдены первые метры. Вот уже отдельные бойцы достигли середины реки. И тут немцы, обнаружив нас, осветили весь этот участок реки ракетами и открыли ружейно-пулеметный, артиллерийский и минометный огонь. Ледяной покров реки,был разрушен.

Автоматчики, оказавшись в ледяной воде, потеряли возможность достичь противоположного берега. Большую силу воли и мужество нужно было проявить в этой сложной обстановке, чтобы не поддаться растерянности и панике, которые могли привести к полной гибели батальона. Парторг МБА гвардии капитан А.С. Ермилов, начальник штаба гвардии старший лейтенант В.К. Фоменко, его помощник гвардии старший лейтенант Н.П. Сергиенко и командир роты автоматчиков гв. старший лейтенант Ю.А. Нагорный сделали все возможное для спасения своих бойцов.

Хотя и эта попытка форсировать Одер завершилась не успешно, пермяки в значительной степени способствовали выполнению общей задачи 4-й танковой армии. Своими действиями бригада отвлекла на себя большие силы противника, что позволило 6-му гвардейскому

механизированному корпусу форсировать Одер и захватить плацдарм севернее г. Штейнау у г. Кебен, а 29-й гвардейской Унечской мотострелковой бригаде с приданными средствами сосредоточиться в 20-ти километрах южнее города Штейнау и тоже форсировать Одер.

Героизм, смелость и отвагу проявили в этих боях пермские гвардейцы. Орденами и медалями были награждены сотни солдат, сержантов и офицеров 62-й гвардейской танковой бригады. А командиру орудия гвардии старшине Г.З. Клишину, механику-водителю гвардии старшему сержанту И.А. Кондаурову, командиру танкового взвода гв. младшему лейтенанту Н.А. Козлову, механику водителю гв. старшине Н.А. Бредихину, командиру отделения бронетранспортеров взвода разведки гв. старшине Н.Я. Никонову и командиру пулеметного взвода гв. младшему лейтенанту А.В. Ерофееву за героизм, мужество, отвагу и находчивость, проявленные в боях на Вислинском плацдарме и при форсировании реки Одер, были присвоены звания Героев Советского Союза.

За участие в боях на Вислинском плацдарме, в форсировании реки Одер и взятии г. Зорау я был награжден орденом Красного Знамени.

Кроме того, за успешное выполнение заданий командования в период Великой Отечественной войны я награжден орденами: Отечественной войны I степени, Отечественной войны II степени, Красной Звезды, Чехословацким орденом Военный Крест 1939 года, польской медалью «За Одер, Нейсе и Балтику» и медалями: «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.», «За взятие Берлина», «За освобождение Праги».

Великую Отечественную войну я закончил в Праге 11 мая 1945 года в воинском звании старший лейтенант и в должности начальника штаба танкового батальона 62-й гвардейской танковой бригады.

После окончания войны продолжил службу в Советской Армии. В послевоенный период за успехи в военной службе награжден орденом Красной Звезды и медалями: «За боевые заслуги», «За 20 лет безупречной службы», «Ветеран вооруженных сил СССР». Награжден также орденом Отечественной войны II степени и украинским орденом Богдана Хмельницкого.

Демобилизовался в октябре 1964 года в звании майора с должности помощника начальника штаба мотострелкового полка. Остался жить в г. Евпатория Крымской области. Работал начальником отдела завода «Вымпел» Министерства электронной промышленности СССР.

Принимал активное участие в общественно-политической жизни завода и города. Был председателем совета офицеров в запасе и от-

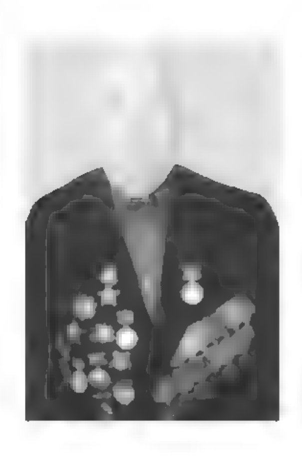
ставке, председателем группы народного контроля завода. Инспектором городского комитета народного контроля, председателем ревизионной комиссии Евпаторийского городского совета ветеранов войны, труда и военной службы.

В 80-е годы, отдавая дань уважения геройским подвигам своих боевых друзей, я установил связь со своими однополчанами, собрал их воспоминания о войне, более 150 фотографий и написал книгу «Брони горячий след» о боевом пути 62-й гвардейской танковой бригады, о подвигах ее воинов в годы Великой Отечественной войны. Книга была издана в 1989 году Пермским книжным издательством тиражом 10 тысяч экземпляров.

С 1989 года нахожусь на пенсии. В настоящее время проживаю в г. Смоленске. Накануне отъезда из г. Евпатория на новое место жительства Евпаторийский городской совет ветеранов войны, труда и военной службы наградил меня почетной грамотой и выдал свидетельство: «Выдано дважды почетному гражданину мест Украины, подполковнику в отставке Шелемотову Александру Сергеевичу в том, что он за многолетнюю плодотворную деятельность в Совете ветеранов Евпаторийской городской организации ветеранов войны, труда и военной службы занесен в книгу почета организации».

Июнь 2003 г.

В подготовке настоящих воспоминаний оказал помощь ***Васильев Алексей Александрович***, студент 2-го курса Профессионального училища №5 г. Москвы



Шешеро Владимир Григорьевич

ЧЕРЕЗ ВСЮ ВОЙНУ ЗА БАРАНКОЙ АВТОМОБИЛЯ

Я родился 30 июля 1921 года в Москве, по национальности я украинец, по вероисповеданию — христианин (крещен в Дорогомиловской церкви). Окончил 6 классов общеобразовательной школы. Перед войной закончил школу снайперов и курсы водителей.

Я в 40-м году был призван в кадровую армию. Война застала меня в Пскове, в воинской части 5-го мотоциклетного полка. Часть подняли по тревоге в 5 часов утра. 22 числа часть выступила в сторону Ленинграда своим ходом. По штату я был мотоциклистом и имел права шофера, но в этот момент пришлось выступить как солдату. Дошли до Гатчины. Нас направили в Ленинград за техникой. Вместо бронемашин с завода дали полуторки для перевозки солдат, поехали вторично и получили ЗИС-5 без кузова. После этого часть с Гатчины направилась в Псков, где наступал противник на Лужском направлении. Воевал простым бойцом, т.к. техники не было. Мы вели сдерживающие бои, после чего отступали.

Во время боев водитель вышел из строя, и я воевал три боя на бронемашине. Из-за попадания осколка в систему отопления пришлось воевать снова простым бойцом. 19 июля на реке Шелонь, что впадает в Ильмень-озеро, получил сквозное пулевое ранение в правую руку. Была пробита лучевая кость. Я был направлен в госпиталь, где проходил лечение до 10 сентября 1941 года. После выписки был направ-

лен по специальности мотоциклиста-шофера в Москву в 14-й заносной мотоциклетный полк.

16 октября 1941 года враг подходил близко к Москве. В городе было паническое настроение. Все, кто мог, уезжали. Вечером меня направили на московский мотоциклетный завод для получения техники. Это были мотоциклы, изготовленные как образцы немецких Р-12, под маркой М-72 с коляской. На заводе директора не оказалось, но военпред разрешил взять техники сколько надо. За ночь взяли 110 мотоциклов. Лично я вынес три мотоцикла.

17 октября 14-й учебный мотоциклетный полк выделил мотоциклетный батальон, который поступил в распоряжение Московской зоны обороны. Он был направлен в район Подольска, в сторону Нары, где мы приняли бой и сдерживали врага. Бои вели в течение 7 дней, после чего нас отозвали в Москву.

Наш мотоциклетный батальон назывался Московский отдельный мотоциклетный батальон в ведении Московской зоны обороны. Нами командовал генерал Артемьев, и мы выполняли все задачи только под его руководством. 20 октября в Москве было объявлено осадное положение, и все задачи, которые ставил штаб, мы выполняли беспрекословно. За последнюю половину октября нас подняли по тревоге 44 раза. В то время я возил комиссаров батальона. По присвоении мне звания младший сержант командовал мотоциклетным отделением. За период обороны Москвы пришлось увидеть много трудностей, город находился под светомаскировкой, трамваи ходили без света, в воздух было поднято много аэростатов. В нашу задачу входило держать связь с частями, находящимися на передовой, и с комиссариатом зоны обороны.

За это время произошло несколько памятных случаев, о которых хотелось бы рассказать.

Эпизод 1. Вся Москва и окружающие её воинские части находились под светомаскировкой. Но всё же враг с воздуха приметил свет в расположении одной из частей и сбросил бомбу на наши Хамовнические казармы, где рядом находилось подразделение морской пехоты, а также их техника («катюши»). Так как бомба попала между двумя домами, то ущерба причинено не было, но было двое погибших (в том числе мой комиссар). После этого командование дало приказ: установки «катюш» вывести от казарм и расположить их на таком расстоянии, чтобы при бомбёжке не было массового уничтожения.

Эпизод 2. В январе 1942-го года экипажи установок «катюш» чистили оборудование, и кто-то по неосторожности привёл в действие

механизм пуска ракет. Офицеры немедленно проверили направление, куда ушёл снаряд. Оказалось, это было прямо в расположение казарм в районе посёлка Сокол. В посёлке никто ничего не видел, но один солдат слышал звук взрыва в районе железной дороги. Прибыв на место взрыва, мы увидели, что он произошёл в нескольких метрах от железнодорожного полотна, ничего не повредив.

Так как часто приходилось ездить по Москве, у нас были специальные пропуска, без которых движение по городу не разрешалось. Население Москвы, а также промышленные производства старались вывезти на восток. Многих рабочих и всех, кто могли, посылали на рытьё оборонительных сооружений вокруг Москвы.

5 декабря 1941 года наши войска пошли в наступление в сторону Серпухова и Тарусы. Нашему подразделению часто приходилось принимать участие в боях, которые продолжались до марта. В апреле наш командир батальона получил новое назначение. Меня, как мотоциклиста, водителя и ординарца, он берёт с собой. Мы должны были попасть в сторону Сталинграда, но так как последний самолёт улетел, командиру дали указание, чтобы он находился до нового назначения в расположении части.

Через два дня он получил назначение на Урал, в город Свердловск, где формировался добровольческий танковый корпус, который был создан по почину уральцев: «Создадим уральский добровольческий танковый корпус сверх плана и обеспечим всем, что положено по штату!» Мне поручили командовать комендантским взводом в первых числах мая. Наш 30-й Уральский добровольческий танковый корпус получил приказ на передислокацию в Москву, в район Кубинки, где он готовился к Курской битве. С начала Курской битвы и до ее завершения мы принимали участие в разгроме немецких войск. После окончания Курской битвы наша часть была направлена на Украину, где сосредоточилась в городе Киеве, на станции Светошня.

За время Курской битвы было много моментов, где пришлось защищать и Родину, и самого себя. Враг, отступая, минировал, сжигал , уничтожал все на своем пути. В районе Курской битвы особенно большие леса (Брянские леса), где враг ставил много мин и растяжек. Мне пришлось не один раз выйти «с того света». Немцы, отступая, оставили землянку, а так как нам нужно было где-то приютиться, мы зашли в нее, но нас остановил сапер — он обнаружил в столе противопехотную мину, которая была на взводе, и обезвредил ее.

Другой случай. В минуты затишья приходилось проводить различные мероприятия. Я в этот момент возил начальника оперативно-

го отдела штаба корпуса по боевой подготовке. Мы выехали к расположению части, к реке Белые берега. Дорога проходила по гати. Когда мы возвращались на второй день, нас остановил командир саперной группы и хорошенько отругал. Оказывается, мы проехали два раза, туда и обратно, где лежала противотанковая мина. Но так как машина (американский «виллис») была легкая , не хватило веса, чтобы устройство было приведено в действие.

Во время боев был убит Барыгин Л.А. ,а командир корпуса генерал-лейтенант Родин С.Н. попал в госпиталь. Впоследствии меня перевели за Киев, где я был водителем заместителя командира корпуса по вооружению Белова П.Д. и служил до конца войны. За время боевых действий освободили города Каменец-Подольский, Львов, Закарпатье и вышли на Сандомирский плацдарм. 10 января 1945 года армия выступила на разгром немецких войск в Польше, Германии, Чехословакии. Мы штурмовали город Берлин и освобождали Прагу. С освобождением Праги война для меня закончилась.

12 мая 1945 года мы были в Москве, куда я вернулся на трофейном фиате.

Демобилизовался я в 46-м году в звании старшина.

В 1955 году я уехал на Чукотку, где 22 года проработал на добыче золота.

За время службы Родине я получил следующие награды:

• медаль «За боевые заслуги» №501944,

• орден Отечественной войны второй степени №215511,

• орден Красной Звезды №1129383,

• орден Отечественной войны второй степени №545913,

• медали «За взятие Берлина» №349882, «За освобождение Праги» №128070,

• орден Отечественной Войны первой степени №045094,

• орден Трудового Красного Знамени за работу на Крайнем севере №439504 от 20 мая 1966 года.

Во время войны у меня погиб брат Шешеро Н.Г.,1924 года рождения, воинское звание старший лейтенант. Погиб в Западной Украине, в городе Рава-Русская при разрыве снаряда на пункте артиллерийской батареи наведения.

Остались живы: сестра — Шешеро Л.Г., 1915 года рождения, участница войны, младший командир, мастер связи; старший брат — Шешеро М.Г., 1910 года рождения, воинское звание старшина, во время войны был ранен.

Меня упоминают в следующих публикациях:

Александр Устинов. «С «Лейкой» и блокнотом». «Искусство», 1985 год. 159стр. (На фото в мотоциклетном батальоне на подготовке к параду 7 ноября 1941 года я в третьем ряду четвертый справа);

— «На севере дальнем». Литературно-художественный альманах. Вып. 1, 1972 год . Гл. редактор Л.Н. Стебакова;

- «13 арктических дней». Публикация П. Подбережного в газете «Золотая Чукотка» (типография поселка Билибино Магаданской области).

Декабрь 2002 г.

В подготовке настоящих воспоминаний оказал помощь ***Макеев А. А.***, студент 3-го курса Московского авиационного института

Шутов Михаил Ильич

РОТА «КОЧУЮЩИХ ПУЛЕМЕТОВ»

Родился 26 сентября 1923 г. в г. Омутнинск Кировской обл. Как и все мальчики, играл в войну, сдавал норму на значки «Ворошиловский стрелок», «БГСО», «Готов к ПВХО». Стал инструктором и проводил занятия с учащимися 6-х классов. После окончания 10-го класса был принят в Ленинградский институт, после окончания, которого должен был стать инженером по электрооборудованию подводных лодок. Но жизнь распорядилась по-своему.

3 октября 1941г. был призван в ряды Красной Армии, в военно-пехотное училище. Окончил его в 1942г. и стал кадровым военным. На фронт попал в составе прославленной 316-й стрелковой дивизии, впоследствии 8-й гвардейской им. Панфилова. После окончания военного училища я был назначен командиром пулеметного взвода в 1077-й, тоже прославленный, полк этой дивизии.

В августе 1942 года дивизия прибыла под Сталинград, точнее северо-западнее Сталинграда, где тогда были жаркие бои. Это был мой первый бой. Мы наступали на Сталинград вдоль железной дороги от станции Котлубань. Противник оказывал сильное сопротивление. В железнодорожной насыпи оборудовал дзоты, которые затрудняли наше продвижение. На помощь пришли танкисты, они буквально в упор били по немецким огневым точкам из своих танков. На четвертый день жарких боев 21 сентября 1942 года во время очеред-

ной атаки я был тяжело ранен осколком мины в позвоночник и отправлен в госпиталь.

Страшно ли мне было в этом бою? Как сказать. Мы не боялись, когда шли в наступление. Все шли, и я шел. Страшно было, когда мы оказались под сильной бомбежкой вражеской авиации. Мы в это время наступали, находились на открытой, очень ровной и голой местности. Я забился в воронку, но, преодолевая страх, все-таки наблюдал за немецкими самолетами. Видел, как от них отрывались и горохом падали бомбы. Мне повезло. Я тогда остался цел и невредим. Но жуткое ощущение сохранилось, пожалуй, до сих пор.

Памятен бой под Батрацкой Дачей в начале июля 1943г., когда немцы начали наступление под Белгородом, на знаменитой Курской дуге. Воины 15-й гвардейской дивизии грудью встали на пути немецкой армады, стремящейся развить наступление вглубь.

Совхоз с названием Батрацкая Дача в течение 10-го июля несколько раз переходил из рук в руки. Много убитых фашистов осталось лежать в садах и на полях этого совхоза. В этом есть доля и наших пулеметчиков, которые отбивали одну за другой яростные атаки противника. На этом участке гвардейцы 15-й дивизии остановили продвижение немцев. Нелегко досталась нам победа. Был жесточайший бой. Один за другим выходили из строя наши гвардейцы. Вот уже из трех пулеметов был слышен только один. Во время артиллерийско-минометной подготовки очередной атаки немцев я был вторично ранен в обе руки и вынужден покинуть поле боя.

Вернулся я из госпиталя, когда дивизия готовилась к штурму Харькова. Я был в резерве и в боях за Харьков не участвовал. После освобождения г. Мерефы и гибели под селом Ракитное командира роты капитана Рогаль, мне доверили командовать пулеметной ротой. В это время, прорвав оборону немцев, наши войска перешли в наступление и успешно продвигались вперед, освобождая села и города Харьковщины. Нас радостно встречали жители Старой Водолаги, Знаменки и других населенных пунктов. Сколько тепла было в их объятьях и слез радости в их глазах! Но еще больше горя и боли было в их рассказах.

В одном из боев за населенный пункт Полтавской области я был третий раз ранен осколком снаряда в ногу и надолго выбыл из строя. Я даже не знаю, как называлась эта деревушка, стоящая на пригорке. Помню только белые аккуратные хатенки, утопающие в зелени садов.

После излечения я был направлен в 184-ю стрелковую дивизию, с которой прошел с боями от берегов Дона почти до границы Полтав-

ской области. Участвовал в освобождении городов Валуйки, Уразово, Харьков в январе-феврале 1943 года.

В районе поселка Шляховая дивизия попала в окружение. Разрозненными группами мы прорвали его в районе г. Змиева Харьковской области. Из вышедших из окружения была сформирована рота, которая после оборонительных боев 19 марта 1943г. под г. Волчанском влилась в состав ставшей для меня родной 15-й гвардейской стрелковой дивизии.

После ликвидации окруженной группировки Паулса под Сталинградом дивизия заняла оборону по реке Северский Донец и остановила на ее берегах контрнаступавшие части немцев. В этот период наша пулеметная рота 1-го стрелкового полка, которой командовал в ту пору старший лейтенант Жогаль, стала известна в дивизии применением тактики «кочующих пулеметов».

Чтобы помешать немцам проводить оборонительные работы по берегам реки, не вскрывать нашу систему огня и показать, что у нас не три пулемета, а значительно больше, мы и применили эту тактику. Буквально проползав на животе нашу полосу обороны, точнее передний край, мы наметили огневые позиции, с которых один наш пулемет, кочуя с одной огневой позиции на другую, вел огонь по немцам преимущественно по ночам, когда мы окапывались.

Эти позиции мы тщательно замаскировали и ранним утром, когда солнце било немцам в глаза, пристреляли пулемет и подготовились для стрельбы ночью. Больше недели мы ночами интенсивно обстреливали врага из своего пулемета.

Впоследствии, когда немцы отрыли траншеи полного профиля, наши кочующие пулеметы стали мало эффективными. Но в первые дни они, видимо, сильно беспокоили фашистов. Сначала они отвечали нам из своих пулеметов, затем подключили минометы и артиллерию. Но когда немцы открывали огонь из артиллерии, мы вели огонь уже с другой огневой позиции, а через несколько минут с третьей, четвертой и так далее. Каждую ночь мы меняли порядок смены огневых позиций и время ведения огня.

Эти кочующие пулеметы сыграли и другую положительную роль. Дело в том, что наш батальон занимал оборону по ширине более 3 километров. Сплошных траншей еще не было, а ряды стрелков были сильно разрежены; были большие разрывы и с нашими соседями. Неслучайно наш опыт получил известность и распространение в дивизии.

Однажды в феврале

В феврале 1944г. наши войска освободили от фашистов Правобережную Украину. 15-я гвардейская стрелковая дивизия, в которой я тогда был командиром пулеметного взвода, наступала вдоль железной дороги Верховцево — Кривой Рог.

В середине февраля наш 47-й гвардейский стрелковый полк получил задачу взять станцию Пичугино. 1-й батальон должен был перерезать дорогу Кривой Рог — Пичугино. После короткой артподготовки пехота пошла в атаку.

Сплошной обороны у немцев там не было, поэтому, захватив один из опорных пунктов противника, мы успешно продвигались вперед. Наступали по глубокому снегу, и от пехоты станковые пулеметы отстали. А тут еще повалил густой снег, и мы совсем потеряли стрелков из виду

Буквально на пузе мы добрались до небольшой деревушки. Пехоты в ней не было. На окраине этой деревушки в яме, в которой месили глину с соломой для строительства нового дома, мы установили свой пулемет.

Вдруг сквозь пелену густого снега мы увидели колонну, которая шла прямо на нас. «Немцы!» — крикнули наблюдатели. «Какие немцы? Ведь там же наша пехота», — подумал я. Но, встав за пулемет, я действительно увидел колонну фашистов, беззаботно шедших по дороге. До них было уже не более 50 метров, и я нажал на спуск. «Максим» не подвел. Стон, крики перекрывали голос пулемета. Я остановился, когда кончилась лента. Стало тихо. Минут через 40 немцы пошли на нас в атаку. Но мы уже были не одни.

Подошел на родной голос второй наш пулемет. Помогли и полковые разведчики, услышав нашу стрельбу. Атака противника была отбита, а на вторую они не решились.

Позже выяснилось, что наша стрелковая рота, которую мы поддерживали, потеряв управление в снежной кромешной круговерти, отошла на исходный рубеж, оставив нас в тылу у немцев.

Около 40 фашистов убитыми насчитали наши разведчики. Поделился враг и трофеями. С пистолетом «Вальтер» я дошел до Германии, авторучкой я долго писал письма домой, пока не кончились в ней чернила.

Вышли из подвалов, погребов и других укрытий жители. Угостили нас жареной картошкой. Разведчики тоже выставили на стол свои, а точнее наши, трофеи.

На следующий день станция Пичугино была взята. За нее был жестокий бой за станцию Долгинцево. 23 февраля 1944 года мы освободили Кривой Рог. За эти бои я был награжден орденом Отечественной войны 1-й степени, а в начале марта я был принят в члены ВКП(б).

Форсирование Днестра

После освобождения города Кривой Рог 23 февраля 1944 года 47-й гвардейский стрелковый полк 15-й гвардейской Харьковской стрелковой дивизии, где я, в то время гвардии лейтенант, командовал пулеметным взводом, с тяжелыми боями двигался на запад, освобождая Украину от немецко-фашистских захватчиков.

В середине апреля 1944 г. дивизия вышла к Днестру, освободив г.Тирасполь. Началась подготовка к форсированию реки в районе села Парканы. В ночь на 17 апреля, установив пулемет «максим» на носу рыбацкой лодки, я занял позицию. Хозяин лодки и сержант Музыка управляли на веслах. Трое пулеметчиков разместились на дне лодки.

По сигналу разведчиков началось форсирование реки. Полк, преодолев реку Днестр под крепостью Бендеры, где немцы меньше всего нас ждали, захватил крошечный плацдарм. Развернулись тяжелые бои за расширение плацдарма, особенно 25и 26 апреля. Прорвав оборону немцев, полк начал продвигаться вперед.

Немцы предприняли контратаку. Из крепости Бендеры вышла группа танков в сопровождении пехоты. Наши пехотинцы не выдержали и начали отходить.

Я с расчетом находился в окопе, который был в виде буквы «Г», что позволяло нам вести огонь в любом направлении.

При подходе танков мы установили пулемет на бруствер и открыли кинжальный огонь по немецкой пехоте. Вода в пулемете закипела, была израсходована последняя лента. Пришлось отстреливаться из личного оружия.

Пули свистели со всех сторон. Вокруг нас рвались снаряды и мины. Мы оказались между двух огней.

В этот критический момент командир полка, следя за обстановкой со своего наблюдательного пункта, услышав голос нашего «максима», направил свой последний резерв — роту автоматчиков к нам на выручку.

Автоматчики вместе в пехотой ринулись в атаку, фашисты не выдержали и отошли. Стрелковые подразделения и автоматчики заняли вражеские окопы. Бой продолжался. От разрывов снарядов и мин расчет погиб, пулемет был разбит, а меня оглушило. Вечером меня доставили в санвзвод.

За форсирование Днестра, захват и удержание плацдарма 10 человек из состава 47-го гвардейского полка были представлены к наградам. Я был удостоен ордена Красного Знамени.

Июль 2003 г.

В подготовке настоящих воспоминаний оказал помощь ***Маркин Тимур Романович***, студент 4-го курса Московского государственного строительного университета

Щеглов Николай Николаевич

САМОВОЛЬНАЯ ОПЕРАЦИЯ

Я родился 29 сентября 1922 года в городе Черемхово Иркутской области...

Обычно так начинаются автобиографии. Впервые я писал автобиографию, когда вступал в комсомол. Она была очень коротенькой, и я все спрашивал, что еще написать.

Моя мама, Щеглова (Гронкевич) Бронислава Осиповна, родилась и жила в Варшаве. Но сложилось все так, что с 1905 по 1917 год она была на каторге в Сибири. Двое ее детей остались в Польше. После каторги мама пыталась вернуться в Польшу, но это ей не удалось.

С моим отцом мама не регистрировала брак, и однажды, узнав о его измене, ушла от него, еще до моего рождения. При рождении мама записала меня русским. Она очень боялась, что, если я буду говорить по-польски, то это помешает мне в жизни, и даже не пыталась учить меня своему родному языку. По вероисповеданию была, вероятно, католичка, но я ни разу не видел, чтобы она молилась или ходила в костел или церковь. Я вырос атеистом и до сих пор не могу считать себя верующим.

В 1933 году мы переехали в Подмосковье. В 1936 году мама поступила на работу в дом отдыха «Дубки» Звенигородского района. Там, в семилетней школе деревни Собакино, я завершил свое неполное среднее образование, неоднократно прерывавшееся из-за многочисленных наших переездов.

В 1938 году я поступил учиться в 65-ю среднюю школу города Москвы, куда каждый день ездил на поезде по два часа в одну сторону. Уроки учил дома по вечерам или в поезде, забравшись на самую верхнюю полку плацкартного вагона. В 1938 году меня приняли в комсомол.

В 1939 году я поступил учиться еще и в аэроклуб, находившийся недалеко от военной академии им. М.В. Фрунзе, в приспособленной для занятий по изучению авиационных двигателей и самолетов бывшей церковной обители. Занятия проходили по вечерам 3-4 раза в неделю.

Как - то осенью 1940 года меня вдруг вызвали с уроков в кабинет директора школы. В кабинете сидел военный средних лет. Когда мы остались одни, он попросил меня подписать обязательство не разглашать то, о чем пойдет разговор, и предложил уйти из школы и аэроклуба и перейти учиться к ним на полное государственное обеспечение (куда — не сказал). Мне дадут высшее образование (какое — не сказал) и еще какую-нибудь специальность (портной, водитель, ювелир). И все это при условии, что мама письменно согласится видеться со мной только во время каникул, где я буду учиться...

Мама не согласилась. Она все еще надеялась вернуться в Польшу и не хотела уезжать одна.

Начался 1941 год. Приближались выпускные экзамены в школе и тренировочные полеты в аэроклубе.

В июне начались экзамены. Последним был немецкий язык — 19 июня, а 21-го, в субботу, назначили выпускной вечер. Отгуляв, натанцевавшись, мы — три бывших десятых класса, уже на рассвете 22 июня вышли из школы, и пошли на Красную площадь. Школа была на 2-й Извозной улице, рядом с Дорогомиловским рынком. Пешком, мимо Киевского вокзала, по Бородинскому мосту, по Арбату, через Манежную площадь, счастливые, пришли мы к мавзолею Ленина, к Василию Блаженному, к Минину и князю Пожарскому, к Спасской башне...

Там я впервые осмелился поцеловать любимую мою одноклассницу. И мы обещали, что будем обязательно вместе, когда я стану лётчиком ...

Домой я возвращался на первом поезде. Ехал и пел, лежа на своей верхней полке!..

Утро 22 июня было безоблачным, жарким.... Разве я знал, что там, далеко на Западе, уже идёт война, гибнут наши люди, когда, свернувшись калачиком, заснул дома, укрывшись лишь одной простынёй...

Мама рано ушла пропалывать какие-то посевы, она работала на огороде подсобного хозяйства...

Когда по радио выступил Молотов, мама прибежала домой и стала меня будить «сынэчка, вставай!» Она так иногда с акцентом называла меня. Я открыл глаза, повернулся к ней. И сразу пропал сон! Я увидел свою маму, сдерживающую рыдания, всю залитую слезами. Крепко прижав мою голову к своей груди, она сказала: «Сынэчка, война...»

Так я от единственного родного в этом мире, самого дорогого мне человека, услышал это страшное слово: «Война!..»

Я вскочил. Что делать?! Куда идти?! И решил, что должен ехать на аэродром. Быстро одевшись, чуть успокоив маму, я побежал на станцию Толстопальцево, чтобы доехать до станции Суково, где был наш аэродром (теперь это станция Солнцево Киевской железной дороги).

На аэродроме уже были некоторые курсанты и инструкторы. По указанию командования мы переоборудовали помещение какой-то артели, находившейся поблизости, в казарму, где и разместились.

С 25 июня уже начались полеты с инструкторами. Чуть светало - мы были около своих «У-2», драили их, готовили к полетам. Тут же зубрили теорию полетов, изучали устройство и работу мотора. Но мысль была только одна: успеть бы сесть самому на боевой самолет, чтобы бить этих немцев. Нам говорили: будем бить врага на его территории, и тройным ударом на его удар. Но шли дни, приходило какое-то отрезвление от сводок Совинформбюро. Почему сдали Минск? Почему немцы не остановлены и так быстро идут по нашей территории? Ответов никто не давал. Да и вопросов таких никто не задавал вслух...

Ровно через месяц после начала войны немцы прилетели бомбить Москву, поэтому командование решило эвакуировать наш аэродром в город Михайлов под Рязанью. Нас разместили в монастыре. Спали на двухэтажных кроватях. Сразу начались полеты, и никакой строевой — только полеты, взлет-посадка, разбор ошибок.

А Совинформбюро все больше и больше вещало плохие новости: наши войска все оставляли города и поселки, железнодорожные узлы и речные переправы. Письма от мамы и любимой не приходили. Да и нам писать было нечего. Настроение было гадкое, хотелось скорее пересесть с У-2 на истребитель — и в бой!

Особенно запомнились вечера перед сном. Вдруг кто-то приятным юношеским голосом запевал какую-то совсем не радостную песню... громадный купол монастыря забирал этот голос, усиливал его и опускал к нам оттуда, будто с небес. Чудилось, что кто-то приглашает нас оттуда, сверху — поддержать этот голос. И без всякого дирижера сотни разных звонких и глухих голосов вступали в этот мужской хор. И монастырь плакал вместе с нами в ответ. Лились «Меж крутых бережков затерялося», «Когда я на почте служил ямщиком» или еще что-то сжимающее сердце, напоминающее о доме, о маме, о любимой. Невольно наворачивались слезы, и плакать не было стыдно. Каждый думал о своем, и не видел вокруг никого, будто был один в этом рыдающем монастыре. Начальство нам не запрещало петь.

Было начало октября. Наступили экзамены. Мы должны были летать одни — правильно взлететь, выполнить фигуры высшего пилотажа, аккуратно посадить самолет, зарулить на стоянку и сдать задания по теории. Нам уже сказали, кто сдаст на «отлично» — будет направлен в истребительное училище, а кто с грешками — в бомбардировочное. «Посредственно» не ставили, надо было пересдавать. Я сдал все на «отлично» и готовился стать истребителем.

Где-то в середине октября нас привезли в Москву. И первым делом с моим другом Колей Овчинниковым пошли в свой аэроклуб. Боже, что мы там увидели.... Все двери были раскрыты, а некоторые сорваны с петель, моторы разобраны, на полу валялись затоптанные, а где и разорванные личные дела наших курсантов. Что-то мы узнавали: фотографии, автобиографии, какие-то справки. Бумаги разносило сквозняком по двору, по улице.

Наступило 19 октября. Москву объявили на осадном положении. Везде ходили патрули. Был приказ: дезертиров и мародеров расстреливать на месте.

Фрунзенский райвоенкомат выдал нам справки, что мы оставлены в г. Москве до особого распоряжения как кандидаты в авиаучилище. А военком на сборе сказал примерно так: «Вы знаете, что у царя были юнкера. Так вот вы — надежда товарища Сталина, вы советские юнкера!» и мы ездили в военкомат получать пайку хлеба, а редко и еще что-то, но не имели права куда-то уезжать. За Москву шли бои насмерть, я ходил в гражданке и просился послать меня на фронт хоть в пехоту. Мне отвечали, что вы летчики, наша элита, наша надежда и ваше время еще впереди.

Так нас держали, пока не стало ясно, что Москве ничего не угрожает, а 24 февраля 1942 года направили как курсантов в Вольское авиаучилище. Целый месяц был карантин. Меня назначили старшиной учебно-летной роты. Только начались занятия, как в начале мая

всё училище вдруг построили и объявили, что фашисты не дают нам возможности дальше учиться и пришло наше время остановить их. Нас, курсантов училища, вооруженных одной винтовкой на трех-четырех человек, вывезли эшелоном куда-то в степь, а потом пешком направили на фронт. Недалеко от фронта нам объявили: обстановка сложилась так, что придется с ходу встретиться с немцами и оружие добыть в бою.... После этого боя нас осталось очень мало...

Знания у нас были — все окончили среднюю школу, а многие и 1-2 курса института, к тому же все закончили аэроклуб, а воинских званий — никаких. И нас тут же разобрали: кого-то писарями, кого-то заведующими складами, кого-то ординарцами, кого-то на другие должности. И только в конце сентября некоторых направили учиться, но не в летные училища, а на курсы младших лейтенантов 1-й гвардейской армии.

Эти занятия часто были просто потерей времени — для нас курсы мало что давали. Они были рассчитаны на младших командиров, в основном на отличившихся в бою, имеющих начальное или семилетнее образование, чтобы быстро подготовить младших лейтенантов.

Занятия, как правило, вели офицеры после госпиталей, как бы временно отдыхающие или отличившиеся в боях. Тогда младших офицеров готовили в училищах из имеющих семилетнее образование. Иногда бывали просто казусы.

Помню, гвардии старший лейтенант, награжденный орденом Красной Звезды и направленный сюда после госпиталя, пытался нам объяснить, как подготовить данные для артиллерийской стрельбы. Еле выговаривая совсем не понятные для него самого слова, он объяснял примерно так: «Вот если вы умножите на синус (он сделал ударение в этом слове на втором слоге), то получите...». Тут Коля Офицеров, бывший чемпион по боксу среди юношей Москвы, спросил: «Товарищ гвардии старший лейтенант, а что такое синус?»

Совсем неглупый, чуть старше нас старший лейтенант не стал хитрить. Помолчав, сказал: «Ребята, вы же грамотнее меня. Я не знаю, а программу надо выполнять. Так вот, Коля, ты веди занятия. Но чтобы все было тихо. Идите вон в те камыши, а я пойду, тут есть хорошая молодая казачка»...

Выпустили нас в конце декабря. Всем бывшим курсантам летного училища сразу присвоили звания гвардии лейтенантов. Тут-то и пришел конец, нам, летчикам. Всех разбросали по разным частям. Меня направили в 60-ю гвардейскую дивизию. Я попал в 185-й гвардейский полк, позже получивший звание Берлинский, сначала офицером связи потом начальником трофейной команды.

Когда формировали 525-й армейский минометный полк 120-мм минометов, меня направили туда. Командир полка майор Павловец выстроил молодых офицеров и с каждым о чем-то беседовал. Я был в летной фуражке. Он меня вывел из строя и, когда всем разрешил разойтись, подошел ко мне. Первый вопрос был: почему я нарушаю Устав? А я упорно не хотел расставаться с мыслью об авиации и, несмотря на выговоры, твердил, что я летчик и не могу снять фуражку. Разговор затянулся. Видимо я ему чем-то приглянулся. Он спросил, знаю ли я, что в полку есть начальник штаба, а у него, командира полка, есть ординарец? И ординарец чистит ему сапоги, готовит кушать, убирается в землянке, и.... А вот я, он сказал, буду начальником его личного штаба. «Понимаешь?» Я сказал, что не понимаю. Тогда он заявил: «Научу!» И моя служба действительно была учебой. Майор Павловец был кадровым офицером, служил унтер-офицером еще при царе-батюшке, отлично знал артиллерию.

Началось с того, что он давал мне документы, которые приходили в полк, заставлял читать их и спрашивал, что я думаю? Я пытался соображать, что требуют документы, но знаний-то не хватало. Он на что-то говорил «хорошо», «правильно», но чаще называл наизусть страницы Устава, где что надо почитать, что-то объяснял сам.

Около месяца шло формирование полка, и майор постоянно учил меня так артиллерийской науке. Я был постоянно при нем, и все время слышал вопрос: «Как ты думаешь?». И тут же учеба. Сначала мне казалось странным, что он так много тратит на меня времени. Но вскоре все стало понятно. На каждый документ я писал проект приказа по полку или проект ответа, и ему оставалось что-то исправить, дополнить. У командира полка высвобождалось много времени на другие дела, которые, кроме него, никто не мог сделать. За это он меня хвалил или злился, напоминая, какой пункт из Устава я забыл. Было у него слово-паразит «обормот». И от того, в каком тоне он его говорил, было оно или похвалой, или укором.... С подчиненными командир был довольно строг, но справедлив, скуп на похвалу. Я должен был обязательно записать: что, кому он приказывал или советовал, и когда должны были ему доложить о выполнении. А вечером просил напомнить ему, что записано, и приказывал, кому и что от его имени передать или проверить мне самому. Все это было для меня изумительной школой войны прямо на войне.

Разбирая какие-то случаи, он всегда спрашивал: что я думаю, как бы я поступил, почему? До сих пор помню его наставления: «Никогда не думай, что немцы дураки! Они лучше нас готовились к войне, у них больший опыт и, если хочешь их победить, оцени обстановку и представь себя на их месте: как бы ты поступил?». Когда, уже в бою, мы были с пехотой, он, управляя огнем, часто спрашивал меня, где бы я на месте немцев нанес удар, где бы сосредоточил резерв, где бы прятал танки? И тут же объяснял, как он думает и почему. Служба у майора Павловца была для меня огромным счастьем. Его житейская мудрость, отличное знание дела, научили меня многому. Только теперь я по-настоящему понимаю, что именно это, наверное, спасло меня в войне, потому что Павловец научил меня думать и поступать, как он...

Где-то под Житомиром ему присвоили звание подполковника и, к сожалению для меня, взяли в армию начальником артиллерии. Обещал меня взять с собой, но что-то помешало. Новый командир полка приехал со своим адъютантом. Мне предложили идти командиром батареи. Но я решил остаться в разведке. Здесь успех зависит от тебя самого: получил приказ, решай, как выполнить. А в батарее отвечать за каждого заряжающего, часто вести бой и не знать его результата.... И меня перевели в 316-ю стрелковую Темрюкскую дважды Краснознаменную дивизию, в 857-й артиллерийский полк начальником разведки дивизиона.

С этой дивизией я прошел путь до конца войны. Здесь в 1944 году меня приняли в партию, наградили двумя боевыми орденами: Отечественной войны 1 степени и орденом Красного знамени.

Детям и внукам я рассказал, за что мне дали награды. Читатель может обратиться к воспоминаниях «Форсирование Дуная» и «Как мы «брали» гору Шашхедь».

Мне очень дороги первые две медали «За отвагу». Офицерам редко давали такие медали. О них, может, еще когда-нибудь расскажу. Есть у меня еще немало медалей и знаков, как у многих ветеранов. Одна из них тоже очень для меня ценная: «За взятие Будапешта».

Дальше мой путь шел по Украине.

В составе 1-й гвардейской армии в январе 1944 наша дивизия освобождала г. Житомир, в январе-феврале г. Любар, в марте— апреле — города Проскуров и Черновцы, в мае-июле — города Чортков и Ягельница.

В составе 38-й армии освобождали г. Львов (в июле — августе), вели бои в Польше в августе-сентябре 1944 года.

После доукомплектования под городом Рава Русская, в октябре 1944 года, по железной дороге дивизию передислоцировали в Венгрию в состав 46-й армии, где в декабре 1944 г. форсировали Дунай, взяли Будапешт (13 февраля 1945 года). Нашему 857-му артполку присвоили звание Будапештский. В марте 1945 вели бои у озера Балатон.

В составе 27-й армии в марте-апреле 1945 года мы принимали участие в Венской наступательной операции, освободили г. Залазгерсег. Дальше преследовали отступавших немцев, вышли на реку Мур и к городу Грац, где встретились на демаркационной линии с английскими войсками 8 -10 мая 1945 г.

В июле 1945-го я вернулся в СССР.

В районе г. Могилев-Подольский наш артполк был преобразован в 502-ю артбригаду, расположившуюся в селе Дзыговка. Я был назначен на должность адъютант старший отдельного учебного артдивизиона бригады.

В авиацию меня по здоровью уже не могли отправить, и я настоял на демобилизации. Приказом Прикарпатского Военного округа № 01084 от 19 августа 1946г. пункт № 258 меня уволили в запас.

Не странно ли, что увольнение в запас из учебного дивизиона как бы предопределило всю мою дальнейшую жизнь на гражданке? Вернувшись домой, я женился и стал работать воспитателем в детском доме «Дубки», там, где мы жили с мамой. Жена, Евгения Леонидовна, работала в пекарне и получала небольшую зарплату.

В сентябре 1947 я поступил учиться в Московский институт пищевой промышленности. Но 24 марта 1948 г. прямо в институте у меня произошло прободение язвы 12- перстной кишки и в институте им. Склифасовского срочно сделали операцию — резекцию желудка. Был молод, выжил. Однако ВТЭК признала меня инвалидом Отечественной войны 2 группы без права работать и даже учиться. Еле-еле со слезами мне удалось убедить комиссию, что я должен хотя бы учиться. Ведь у нас с женой на иждивении были мама-старушка и маленькая дочь Лара (1946г.), а у меня никакой гражданской специальности.

В виде исключения мне разрешили учиться в Московском городском учительском институте, где срок обучения был всего 2 года. Окончив институт в 1950 году, я был назначен директором Зайцевской семилетней школы, где мы жили, и стал я работать учителем физики и математики. В 1958 году заочно окончил Московский областной педагогический институт, где остался на должности заместителя декана. В 1961 году перешел на работу в Московский филиал Киевс-

кого института гражданской авиации, работал в должности старшего преподавателя. С 1967г. — старший инспектор Министерства просвещения СССР. С 1969 г. — директор школы №805 г. Зеленограда, директор школы №923 в Москве, а с 1980 по 1993г. — старший методист Отдела учебных заведений Министерства приборостроения. И сейчас я еще работаю учителем физики в школе № 144. В общем, вечный учитель.... Люблю работать с молодежью, она не дает отставать от жизни, а сама работа не дает болеть, надо вставать, идти на уроки, хотя порой болят ноги, столько прошедшие в боях и после...

У меня трое детей (двое из них имеют уже своих внуков), все с высшим образованием; пять внуков и два правнука. И для всех я был не только отцом и дедушкой, но и учителем физики и математики. И сейчас помогаю, кому нужны мои знания. Уже и правнуку Артему помогаю понять математику 2-го класса.

Никто из родственников в войну не погиб — их просто у меня не было (лишь одна мама).

А вот о ранениях говорить нечего. Не было их. Лишь однажды меня засыпало землей от недалеко разорвавшейся авиабомбы в Польше. Мне было как-то неловко, когда на встречах однополчане говорили, сколько они провалялись в госпитале, как еле выкарабкались, чуть ли не с того света.... И однажды, прочитав стихи Александра Твардовского, я понял, что это про меня.

«Я знаю, никакой моей вины,
В том, что другие не пришли с войны.
В том, что они — кто старше, кто моложе -
Остались там. И не о том же речь,
Что я их мог, но не сумел сберечь —
Речь не о том, но все же, все же...»

Были публикации обо мне в газетах. Впервые в мае 1941 года в газете «Комсомольская правда» № 65, статья «Выпускники». Этот кусок газеты я пронес через всю войну. Сейчас он как реликвия хранится в музее боевой славы 316-й дивизии в школе № 1243 г. Москвы, расположенной по адресу: Среднекисловский переулок, д. 8/12 (директор школы Нина Ивановна Тимонина). Были заметки во фронтовой дивизионной газете «Путь к победе» № 5 за 9 января 1945 г. (Заметка «Привезли «языка» на трофейной машине» капитана М.Олейника) и другие, они тоже в музее.

В октябре 1986 г. в газете «Ленинское знамя» Южной группы войск — статья корреспондента газеты А. Крохмалюка «Вспомним мы пехоту». В тот год мы, ветераны 316-й дивизии, посещали места боев в Венгрии, и я был в гостях у сына — капитана Щеглова Н.Н., который в это время служил в г.Будапеште.

И вот в 2001 году ко Дню Победы как продолжение статьи 1941года был опубликован большой очерк в «Комсомольской правде»-спецвыпуск к 9 мая № 80-П (22545-П) Юлии Кенигсбергер «Он ходил в разведку с «Комсомолкой».

Я пробовал писать и сам: о войне, о нелегкой жизни мамы, о своей жизни, пытался узнать историю жизни родителей моих и моей жены.

Форсирование Дуная

Когда мой сын, подполковник Российской армии Щеглов Николай Николаевич (1959 г.р.), заканчивал Военную академию им. М.В. Фрунзе, у него по учебному плану было знакомство с работой Центрального архива Министерства обороны в г. Подольске под Москвой. Я попросил, если возможно, посмотреть мое личное дело и прочитать материалы на награждения. (У меня два боевых ордена и две медали «За отвагу».) Он даже выписал все.

Содержание этих материалов меня очень удивило — все было так далеко от фактических обстоятельств, в которых происходило то, за что я награжден. Однако, поразмыслив, я согласился, что по-другому, наверно, и не могло быть. Действительно, кто писал наградной материал? где? Конечно, не командир отделения, взвода, роты, батареи или старший командир, которые могли присутствовать при этом или опросить тут же очевидцев. Писали в штабе батальона, дивизиона, полка. Это или политработник, или просто умеющий гладко писать кадровик, писарь. Что они могли написать, с чьих слов?! Ведь каждая медаль, тем более орден, имеют статус: за что именно можно наградить этой медалью, этим орденом. Поэтому иногда, как мне еще на войне говорили, приходилось что-то просто приписывать, придумывать, чтобы именно этот орден дали. Не секрет, что за проведение какой-то успешной операции часто просто сверху «спускали» разнарядку, сколько можно (да и кому по национальности) в полку, в дивизии, например, дать звание Героя Советского Союза, сколько орденов Ленина, Красного Знамени и т.д.

Вот это и подтолкнуло меня написать, как было на самом деле там, за что меня наградили орденом Отечественной войны I степени.

... После форсирования рукава Дуная Чепель-Дунааг и овладения северо-восточной и южной частями острова Чепель в ноябре 1944 г., наша дивизия готовилась форсировать Дунай в зимних условиях. Готовились и немцы укрепляли свой высокий берег. У них была задача любой ценой сохранить Венгрию в союзниках, не допустить нас в Будапешт. А он был перед нами на севере, примерно в 10 км. Но главное, что нас останавливало, был зимний Дунай. Лед на реке не мог выдержать переправу ни техники, ни людей.

Ждали приказа. Артполк готовился форсировать Дунай вместе с батальоном капитана Моженко из 1077-го стрелкового полка. Моженко к тому времени уже был признан бесстрашным, умелым командиром.

... Где-то во второй половине дня 4 декабря 1944 г. меня срочно вызвали в штаб полка и приказали подготовиться к форсированию реки в составе группы из трех человек: радист, разведчик и я. Конечно, предупредили, что об этом никому не говорить. Из радистов я решил взять сержанта Корнеева Сергея, хорошо владеющего рацией. Это был мой земляк, призванный из подмосковной Кубинки, надежный, спокойный. С ним я чувствовал себя уверенно в любой обстановке. И, конечно, мой ординарец-разведчик Козловский Леонид, украинец из-под Винницы молодой, 1926г.р., быстрый, находчивый, а главное уже не раз проверенный, как говорят, в деле.

Стало темнеть, когда меня снова вызвали в штаб. Разговор был такой: форсирование будет поддерживать дивизион артиллерии РГК (резерв главного командования). Я с данными расположения батарей, с условными позывными (все это мне дадут в планшете, упакованном так, что он не промокнет) переправляюсь как дублер начальника разведки дивизиона РГК на плацдарм, который должен занять батальон капитана Моженко. Сам начальник переправляется вместе с Моженко.

Задание: форсировать реку на левом фланге. Там будет лодка. Явиться к Моженко. Представиться ему и начальнику разведки. Передать начальнику разведки планшет. Оставаться при нем и выполнять его приказы. Когда переправится мой дивизион, приступить к своим обязанностям в дивизионе.

Если не будет у Моженко начальника разведки, то вскрыть пакет в планшете, и, связавшись с батареями РГК, при необходимости вести огонь. Планшет должны скоро принести. Все ясно? Я повторил задание и, позвонив Корнееву, приказал ждать меня, не отлучаясь. Козловский был со мной. Мне сказали, что начальник разведки нашего полка капитан Гнусин и начальник разведки 3-го дивизиона ст. лейтенант Кривошапкин будут форсировать реку вместе с Моженко. У них своя задача.

Мы ждали. Было тихо. Надвигалась темнота. Часто в такие минуты тебя охватывает какая-то непонятная дрожь. Причем она где-то внутри, и ты не в силах с ней справиться. Как долго это было?

...Вдруг по штабу стали быстро ходить, что-то говорить почти шепотом... Потом кто-то сказал вслух: «Форсирование началось!» Я подбежал к начальнику штаба. Он без слов просто развел руками... Планшета нет...

...Вскоре до нас стали доходить звуки, прервавшие гнетущую тишину. Сначала это были одинокие выстрелы... В штабе беспрерывно звонили телефоны, радисты кричали кому-то: «Повтори! Плохо слышу! ...Прием!» Постепенно нарастая, отдельные звуки стали превращаться в гул: выстрелы орудий, разрывы снарядов, пулеметные и автоматные очереди...

.. Я ждал планшет... Мне казалось, что время бежит, как стрелки ходиков, у которых сломался анкер, и под тяжестью гири они крутятся по циферблату за какие-то минуты, пробегая часы. За ними бежали и разные мысли: что я совсем опоздаю, все закончится, и уже не нужно будет форсировать, а просто догонять нашу пехоту...

...Все нарастающий гул там, на переправе стал, давил на мозги и, казалось, время остановилось, и я не двигаюсь, оцепенев... Сколько это все длилось?!

Из этого состояния меня вывел радостный в этой обстановке крик начальника штаба: «Щеглов! На переправу!» Я схватил планшет, забежал по дороге за Сергеем, и мы бросились к переправе.

А там творилось что-то невообразимое. Над рекой висели осветительные ракеты на парашютиках. Было светло, будто это какой-то праздник с иллюминацией. На реке были плоты, лодки... и просто барахтающиеся люди в ледяной воде, кричащие о помощи... Рвались шрапнельные снаряды, посылая в реку осколки, которые рождали гирлянды брызг, светящихся как маленькие зеркальца или бриллианты... Снаряды тяжелых орудий летели, казалось по звуку, так медленно, что их можно было увидеть. Почти беззвучно падая в воду, они вдруг поднимали фантастически огромные столбы вместе с плотами, лодками, людьми. А от нашего берега отплывали все новые и новые плоты с орудиями, лодки с солдатами...

.. У той переправы, откуда должны были мы отплыть, долго никого не могли найти. Берег был пуст! Наконец, я увидел майора. Ему было далеко за 40, шел он, немного сгорбившись, был небрит. Я

закричал, что нам надо срочно переправиться! Где наша лодка?! Он остановился, как-то жалостно посмотрел на нас и тихо ответил:

«Не на чем, сынки». Я снова закричал, что мы артиллеристы, что надо нам плыть, что пехота без нас пропадет, что... Наверно, я долго что-то кричал. А он смотрел на нас и будто не слышал ничего... И тут я почувствовал, что мой крик впустую. Его спокойствие подействовало на меня отрезвляюще. Помолчав, я уже тихо попросил его: «Нам надо обязательно быть там. Мы от артиллерии РГК». Майор так же тихо, спокойно, будто не было этого ада на реке, по-отцовски, стал нас уговаривать... Не знаю, как это объяснить, но мы почему-то стояли и слушали его. А он говорил нам: «Где же вы, сынки, раньше были?! Я вашу лодку отдал. Ты посмотри, что творится на реке? На цельнонадувной лодке плыть — это же точная смерть в ледяной воде. Любая дурная пуля, маленький осколочек — и вы на дне. Нет, война еще не кончилась. Вам Берлин еще брать надо. Вон там, в кустах, осталась такая лодка, может она уже и худая, но я вам все равно ее не дам... Это же послать вас на смерть...». Он еще что-то говорил...

Но мы уже бежали к кустам. Обычно лодки были с отдельными отсеками, один прохудился — держат другие. А этой — достаточно единственной дырочки, и она быстро испустит весь воздух, и тогда мы вместе с рацией...

Мы быстро спустились на воду. Я сел на носу, Сергей посередине, бережно прижимая рацию, а Леня взял единственное двойное весло как на байдарке, сел на корме и стал быстро грести. Не знаю, как ребята, а у меня-была одна мысль — скорее к Моженко!

Многое в жизни, особенно на войне, в экстремальных условиях объяснению не поддается: почему так было?! Вокруг творилось неописуемое. То спереди, то сзади, то справа... рвались снаряды, свистели пули. Кто-то истошно кричал, проплывая мимо... А мы плыли и плыли к заветному берегу... Сергей решил сменить Леню. Так они попеременно, изо всех сил, не разгибаясь, гребли и гребли.

До берега оставалось меньше 100 м, уже близко были травяные заросли, затянутые льдом, как вдруг с правого бока откуда-то снизу пошли пузыри. Леня пытался рукой достать и закрыть дырку. Но, чтобы дотянуться, надо было окунуться с головой за борт. Так он и делал: набрав воздуха, он окунался и на какие-то секунды зажимал дырку... Вдох- нырок, вдох- нырок...

Воздух выходил, и лодка худела прямо на глазах... И вот как это объяснить?! Не сговариваясь, мы с Леней выпрыгнули из лодки. К счастью, достали ногами дно. И буквально на руках уже почти испустившую последний воздух лодку мы вынесли на берег вместе с Сергеем и рацией. У нас была цель — рация и планшет на тот берег.

Без труда нашли Моженко. Он, как и раньше бывало, через рупор кричал всяческие нецензурные слова в адрес «фрицев», обещал похоронить всех их здесь, добить оставшихся в Берлине, и еще многое грозился...

Там, около Моженко, был уже тот капитан, которого мне описали. Я доложил о прибытии, отдал планшет. Сергей с рацией остался при нем, а нас послали «просушиться». Кто-то дал нам плащ-палатку, кто-то сухую рубашку, портянки.

А мы очень долго не могли справиться с своими зубами: даже крепко стиснутые, они так стучали, что для нас заглушали треск пулеметных очередей... И вот еще одно необъяснимое чудо войны — мы не заболели!

...Как потом мне рассказал капитан, он переправился с Моженко, а на правом фланге плыл его дублер, командир батареи. Но он так и не появился.

...Несколько дней приходилось отбивать много контратак немцев. Выдержали. Через день я уже был в своем дивизионе.

Так я форсировал Дунай с 4 на 5 декабря 1944 года. Впереди был Будапешт.

Как мы «брали» гору Шашхедь

Говорят, сколько людей, столько и мнений. Я же не раз убеждался в том, что сколько людей были свидетелями одного и того же события, столько и разных воспоминаний о нем.

Нечто подобное было и с моим «взятием» горы Шашхедь в г. Будапеште. Некоторые такое насочиняли, что диву даешься: ведь я сам ходил на эту гору, отлично помню, что и как было, а они утверждают, клянясь чем угодно, что все было совсем не так. И это одна из причин, заставившая меня решиться рассказать о тех далеких днях. Конечно, и Валентин Павлович, неутомимый председатель нашего Совета ветеранов-однополчан «потребовал» самому «виновнику» этого похода на гору оставить воспоминания. Может, кто-то из наших потомков прочитает, как это было.

Итак, первый дивизион 857-го Будапештского артиллерийского полка поддерживал тогда 1073-й полк, который уже несколько раз

предпринимал попытки взять гору, но безуспешно. Они ходили на штурм только ночью. Отлогая у подошвы гора поднималась к вершине градусов под 45! И немцы, навесив осветительных ракет на парашютиках, как только пехота карабкалась на гору, превращали ночь в светлый день и прицельно сверху расстреливали наступающих. Нам, артиллеристам, стрелять было опасно. Ведь немцы сидели в траншеях на самой вершине — в кратере: любой перелет — и снаряды летели по ту сторону горы, а там наши, потому что гора была окружена. В случае недолета — по своим здесь...

Однако, наблюдая днем, наши разведчики, как правило, не видели ни одного фашиста. К тому же, очень хорошо работали наши снайперы. Ночью же были замечены пулеметы, и мы точно определили, где они находятся.

Тогда-то у меня и родилась дерзкая идея: взять гору днем! А почему бы и нет?! Гора длинная, крутая. Значит, никаких быстрых атак мы предпринять не сможем. Это противник понимает. Снайперы неустанно следят за вершиной — высовываться опасно. Поэтому днем лучше сидеть спокойно, ждать какого-либо шума: ведь любое наше движение обязательно будет услышано. И тут же они займут свои траншеи. К тому же наши штурмовики Ил-2 иногда по несколько раз в день прилетали бомбить и расстреливать гору. И если подготовиться и сразу, как только прилетят штурмовики, быстро пойти на гору! Немцы прячутся, не увидят... И еще один, чисто психологический, фактор. Разумные, трезвые немцы думают примерно так: какой дурак полезет на гору днем? Это верная гибель! Значит, они днем просто отдыхают где-то там, в глубине горы (а там показан на карте кратер), и в траншеях может быть всего несколько наблюдателей, которые боятся высовываться — наши снайперы начеку! И они уверены, что днем никто не пойдет! Вот на этом-то и сыграть! Риск? Да. Но... сколько мы теряем людей в ночных безрезультатных штурмах...

Никому не говоря, я приказал всем артиллерийским разведчикам целые сутки беспрерывно наблюдать и записывать в журнал все замеченное. Сектора наблюдения распределил так, чтобы каждый участок смотрели двое. Если один прозевает, другой увидит. Когда я собрал данные наблюдений, то еще больше убедился, что мой план можно выполнить! Я считал, что в течение светлого времени никто из немцев не показывался. А в темноте было засечено два пулемета, которые стреляли кинжальным огнем справа и слева. Еще одни сутки наблюдений полностью меня убедили — можно!

Я пошел к командиру дивизиона майору Барышполю и все рассказал. Грубый, немного пьющий, он обозвал меня идиотом и заявил, что не хочет терять разведчиков! Через некоторое время я снова повел этот разговор. Но, зная его честолюбие, сказал: « Неужели не хочется славы, а может, и ордена? Пехота сколько раз ходила-не взяла гору. А Ваши артиллеристы взяли!!!» Я быстро рассказал о наблюдениях, о штурмовиках, о том, что я уже говорил с командиром батареи, чтобы он взял на прицел пулеметы и в случае чего поддержал нас орудиями своей батареи. Барышполь согласился!

Со мной пошли трое разведчиков: Козловский Леонид и два москвича — Бадамшин Николай, татарин, отлично стреляющий из карабина, не меняющий его на автомат, и недавно прибывший ст. сержант Лукьянов — тоже Николай.

С Барышполем мы условились: как только пойдем на гору, он тут же позвонит командиру пехотного полка, и солдаты быстро пойдут на гору... Будто по заказу где-то около десяти часов утра появились штурмовики и сделали несколько заходов на гору... И мы пошли по направлению между пулеметами. Минут через 10-15 мы увидели небольшой, хорошо замаскированный окопчик. На бруствере лежит автомат и несколько ручных гранат с длинными деревянными ручками. Отодвинув автомат, я заглянул в окопчик. Там, вытянув ноги, сидел немец и играл что-то на губной гармошке. Он удивленно посмотрел на меня. Я сказал по-немецки: «Ауфштейн!» Видимо, не понимая, что происходит, он спросил: «Вас? Вас?» (Что? Что?). Тогда я по-русски сказал: «Вставай!» — немец тут же потянул руки вверх... Поднимаясь, мы так же вытащили из окопчиков еще двух немцев.

Тут-то я понял, почему немцы днем там, наверху, не высовывались. Эти окопчики были боевым охранением! О нашем наступлении они тут же всех предупреждали бы... Как мы, разведчики, могли не обнаружить это боевое охранение?! Наверное, потому, что они менялись только ночью и весь день сидели тихо. Вдруг я подумал, что же мы делаем: трех немцев тащим туда — к своим?! Я спросил ребят: «Кто поведет немцев к нам?» Тут же вызвался Лукьянов и быстро побежал с тремя немцами вниз...

А мы почти бегом бежали на гору. До самого гребня больше никого не встретили. На гребне опять окоп, уже большой, накрытый чем-то. На бруствере винтовка, много ручных гранат, несколько фаустпатронов. Мы увидели сделанные по всем правилам фортификации траншеи в виде коротких, ломаных линий. Глубокие, почти в

полный рост. И тянулись они по всей вершине кратера горы. А там, внизу, в кратере, я увидел какие-то длинные строения наподобие бараков и кое-где спокойно двигавшиеся фигуры в хорошо знакомых по цвету шинелях...

В окопе сидел немец, вытянув ноги, и тоже играл на губной гармошке. Мысли летели стремительно: что делать? Если я подниму этого немца из окопа, вдруг он закричит или бросится бежать туда, к своим? Или кто-то снизу увидит, что дозорный вылез и пошел в нашу сторону. Может, отправить немца к нам с Леней или Колей и остаться здесь вдвоем?! Мысли бежали, надо было принимать решение...

А мы с немцем смотрели друг другу в глаза. О чем он думал, видя перед собой летную русскую фуражку и направленный на него пистолет? Медлить было нельзя. И я впервые в жизни и единственный раз убил человека в упор тремя выстрелами из пистолета.

Мы впрыгнули в траншею. Переведя дух, огляделись, прислушались. Вокруг было так тихо, что стало не по себе. Я помнил, что разведчики засекли пулеметы, один где-то слева от нас, другой справа. Когда наша пехота ходила на штурм, то особенно часто работал правый. Я сказал Бадамшину, чтобы смотрел туда, на правый пулемет.

Немного успокоившись, я вспомнил, что Барышполь приказал дать какой-то знак, что пехота может идти за нами. В окопе, где лежал немец, я увидел яркий коврик. Леня Козловский подцепил его на винтовку немца и свесил в нашу сторону, вроде «флага». Что делать? Я ожидал, что вот сейчас быстро пойдет на гору наша пехота. Но было тихо с нашей стороны, и там, внизу, где бараки, тоже было тихо. Изредка там кто-то проходил по дорожкам, слабо слышались голоса...

Никто не чувствовал беды... Время шло. Мы тихо сидели, наблюдая за траншеями. Фашисты, уверенные, что боевое охранение сразу даст знать, если что-то вдруг будет, оставили в траншеях лишь этого немца, что лежит сейчас там, в окопе и, как вскоре выяснилось, тот правый пулемет... Я видел, что они буквально за несколько минут смогут из бараков занять все траншеи.

Мы смотрели: Леня — влево, Коля — направо, а я все смотрел в нашу сторону. Так хотелось увидеть нашу пехоту.

Вдруг Бадамшин вскрикнул: «Немец!». И стал показывать мне: в той стороне, где мы засекли пулемет, ясно виделась фигура, поднявшаяся в траншее. До немца было метров 250-300. Без приказа Бадамшин вскинул свой карабин и выстрелил. Нам было хорошо видно вдоль траншей, как немец, будто подпрыгнув, упал. Одиночный выстрел, казалось, никем не был услышан. Опять наступила тишина. Там, у бараков, также было тихо.

Время шло, а пехоты нашей не было видно. Что мы могли сделать? Я с пистолетом, Леня Козловский с автоматом, Коля Бадамшин с карабином?!

И снова Бадамшин прервал тишину. Там, у пулемета, видимо, было два человека. Тот, что остался живой, опомнившись от испуга, решил бежать к своим — к баракам, не понимая, кто же убил его товарища?! Пригнувшись, он бежал вниз, петляя по извилистой траншее, Коля выстрелил несколько раз, но было далеко, и немец то поднимался, то, наверное, падал в траншее, бежал вниз...

Когда он прибежал к баракам, начались крики, паника! Все бегали туда-сюда, это напомнило виданный в детстве растревоженный муравейник. Прошло какое-то время, и, видимо, кто-то из командиров принял решение. Паника прекратилась. Разбившись на несколько групп, немцы побежали к вершине горы. Нам хорошо было видно, что у них несколько траншей для подъема наверх и по всем направлениям, пригибаясь, почти бегом, немцы «штурмовали» гору со своей стороны...

Я приказал Лене и Коле отойти подальше от меня, чтобы, стреляя, сделать видимость, что нас много. Мы стреляли и бросали гранаты с деревянными ручками, которые были у окопа, где лежал немец. Конечно, фашисты быстро поняли, что нас мало, и определили где мы. Стали стрелять из автоматов и фаустпатронов, Я видел, как там, справа, где пулемет, змейка из немецких шинелей уже почти достигла горы...

И здесь произошло то, о чем потом рассказали мои разведчики. Фаустпатрон, ударившись в скалу, разорвался где-то рядом, и меня камнем ударило по голове. Я потерял сознание, изо рта потекла кровь. Ребята решили, что начальник разведки убит и надо вытащить командира. Бежать с горы со мной было нельзя. Козловский обхватил меня руками, и мы покатились с горы... Где-то на полпути я пришел в сознание, стал что-то кричать, пытаясь встать... Но мы долго катились, голова кружилась, и я снова потерял сознание. Встал на ноги только внизу.

Наша пехота медленно поднималась в гору. Но немцы уже полностью заняли свои траншеи. Пришлось прекратить так и не начавшийся штурм.

А у нас произошло вот что: командир дивизиона Барышполь позвонил командиру 1073-го стрекового полка майору Ледневу уже

после того, когда мы подняли на горе «флаг». Разговор был примерно такой (конечно, с матом): «Вот смотри, мои разведчики взяли гору! Ты сколько раз ходил и не мог взять! Посылай своих солдат, получай гору от меня!» Конечно, Леднев принял этот разговор за пьяную похвальбу. Еще бы, вдруг днем кто-то занял гору!

Сообщил Барышполь и в дивизию, что его разведчики взяли гору. А она, гора, Шашхедь, была бельмом в глазу у всех. Наши войска были где-то у озера Балатон, а тут, в центре Буды, еще сидели немцы...

Весть о взятии горы дошла до армии. И только когда Ледневу свыше приказали закрепить взятие горы, он срочно решил что-то предпринять... Но в каком-то батальоне устроили банный день. Пехота слишком опоздала...

Гора Шашхедь еще долго оставалась «занозой» во взятом нашими войсками Будапеште.

7 февраля 1945 года в оперативной сводке Совинформбюро сообщалось: «В Будапеште наши войска продолжали бои по ликвидации окруженной группировки противника. Упорная битва произошла за гору Шашхедь, господствующую над всей оставшейся в руках немцев частью города. Противник превратил Шашхедь в мощный узел обороны. Опираясь на укрепления, гитлеровцы оказывали ожесточенное сопротивление.

Сегодня наши войска разгромили крупный немецкий гарнизон и овладели горой Шашхедь. В этих боях отличился 1073-й стрелковый полк».

За эту самовольную операцию меня наградили орденом Красного Знамени.

О судьбе ст. сержанта Лукьянова и рядового Бадамшина я ничего не знаю. Козловский Леонид прошел со мной до окончания войны в Австрии. И только в Дзыговке, когда расформировывали дивизию, его отправили на Дальний Восток, где он продолжил службу. В 1952 году Леонид приехал ко мне и просил помочь ему подготовиться поступить в Малаховский физкультурный техникум. Мы занимались русским языком и математикой в течение каникул (я тогда был уже директором школы). В августе Козловский был принят в техникум. Окончив его, поступил в Московский институт физкультуры. Потом снова пошел в армию, уже с высшим физкультурным образованием в офицерской должности. Сейчас сведений о нем не имею.

Конечно, это крохи из того, что хотелось бы написать. Ведь такая долгая, полная и радостей, и горя, веселого и трагичного жизнь еще не прошла, еще идет.... Соберусь ли, хватит ли сил, а главное умения интересно, доступно написать, чтобы кто-то стал это читать.

Вот, кажется, и на все вопросы я ответил, как мог. Хочется верить, что рассказанное кого-то заинтересует. Может, что-то подскажет, чему-то научит. Ведь все люди учатся друг у друга, берут хорошее и стараются не делать ошибок других...

Июль 2003 г.

В подготовке настоящих воспоминаний оказал помощь ***Щеглов Николай Николаевич*** (внук), выпускник 2003 года Тверского суворовского военного училища